

**МАРИНА
ЦВЕТАЕВА**

НЕИЗДАНОЕ. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

**Том
2**

ELLIS LUSK
ЭЛЛИС ЛАК

**МАРИНА
Ц В Е Т А Е В А**

Неизданное

**Москва
Эллис Лак 2000
2001**

МАРИНА
Ц В Е Т А Е В А

Неизданное

ЗАПИСНЫЕ
КНИЖКИ

В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ ВТОРОЙ
1919–1939

Составление, подготовка текста, предисловие и примечания
Е. Б. КОРКИНОЙ и М. Г. КРУТИКОВОЙ

Москва
Элис Лак 2000
2001

ББК 84Р
П25

Издательская программа правительства Москвы

**Федеральная архивная служба России
Российский государственный архив
литературы и искусства (РГАЛИ, Москва)
Издание осуществлено при участии
Дома-музея Марины Цветаевой (Москва)**

*В оформлении суперобложки
использован рисунок Пауля Клее
«Забывшийся Ангел» («Vergesslicher Engel», 1939)*

Редакционно-издательский совет:

А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)

Н.П. Волкова
(главный редактор)

Н.Б. Волкова
(директор РГАЛИ)

Э.С. Красовская
(директор Дома-музея М. Цветаевой)

Е.Б. Коркина
М.Г. Крутикова

В.Н. Сергутин
С.В. Федотов

Научный редактор **В.И. Масловский**

© Эллис Лак 2000, 2001
© Е.Б. Коркина, М.Г. Крутикова, подготовка
текста, предисловие и комментарии, 2001
© Российский государственный архив
литературы и искусства, 2001

ISBN 5-88889-012-X

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

7

1919–1920

Марина Цветаева.

Забавная клякса
(Калаша в кофре В.В., комната в

— Москва. —

Эта книжка подарена мне Асей — как видно по надписи — 3^м декабря 1911 г. — в день отъезда.

— Ася уезжала за границу с Борисом — мы только что провели вчетвером: Ася, Борис, Сережа и я — восхитительный, волшебный месяц в Трехпрудном — сколько сладких пирожных — всё время сладкие пирожные! — и сколько стихов — всё время стихи! — и сколько любви: наша влюбленная дружба с Асей («неразлучные») — и наша — навеки — любовь с Сережей, и Асина шутливая нежность с Сережей («Сереженька» — «Аинька»), и моя — настороже — галантность с Борисом — и увлеченность — несмотря на разительную разницу — друг другом Сережи и Бориса — и каток — и вечера в темном папином кабинете с бюстом Зевса и страшными рассказами — и папа за границей! — (Hildesheimer Silberfund¹, кажется!) — и мы одни — вчетвером — крест на крест любовь! — веселые глаза и крайняя корректность сообщников — и эта ледяная пустыня паркетного парадного низа — и эта жара, сумасбродство, веселье, магия, молодость — шоколад, стихи, винтовки! — тесного, низкого верха — проводы Сережи в Петербург — встречи — извозчики — подарки — вокзалы — всё под знаком вокзала! — и «клянусь, что мы никогда не состаримся!» — и Асины ананасы от Белова и финики — и халва Сережи и Бориса, к к<отор>ой я не притрагивалась, — и — чуть не позабыла! — пышность наших четырех голов: Борисина белокурая, вьющаяся, в небо летящая, — моя надменная, — еще буйнее вьющаяся — после кори, — и Асина пышная, шелковая, с чуть разлетающимися боковыми прядями — и наконец Сережина — одной волною — огромной и тяжеловатой — самая темная и — пожалуй — старше всех.

— Борису было 19 л., Асе только что исполнилось 17, Сереже — 18 л., мне — 19 л.

—

— Пишу на своем чердаке — кажется 10^м ноября — с тех пор, как все живут по новому, не знаю чисел — значит — без нескольких дней 8 лет спустя, как я получила эту книжку.

¹ Пильдесгеймский серебряный клад (нем.).

С марта месяца *ничего* не знаю о Сереже, в последний раз видела его 18го января 1918 г., — как и где — когда-нибудь скажу — сейчас духу не хватает.

С Асей я рассталась 27го октября 1917 г.

Последнее письмо от нее в январе 1918 г. — почти 2 г. тому назад.

Живу с Алей и Ириной (Але 6 л., Ирине 2 г. 7 мес.) в Борисоглебском пер., против двух деревьев, в чердачной комнате — бывшей Сережиной. Муки нет, хлеба нет, под письменным столом фунтов 12 карт<офеля>, остаток от пуда «одолженного» соседями — весь запас! — анархист Шарль унес у меня Сережины золотые старинные часы «*élève de Breguet*»¹ — я ходила к нему 100 раз — сначала он обещал вернуть их, потом сказал, что отдал на хранение, потом — что часы у того, кому он их отдал — украли, но что он богатый человек и деньги вернет, потом, обнаглев, начал кричать, что он за чужие вещи не отвечает. — В итоге: ни часов ни денег. (Сейчас такие часы 12 т<ысяч>, т.е. 1¹/₂ пуда муки.) — То же с детскими весами.

Живу даровыми обедами (детскими). Жена сапожника Гранско-го — худая, темноглазая, с красивым страдальческим лицом — мать пятерых детей — недавно прислала мне через свою старшую девочку детскую карточку на обед (одна из ее девочек уехала в колонию) и «пышечку» для Али. Г-жа Г<ольд>ман, соседка снизу, от времени до времени присылает детям огромные миски супа — и сегодня насильно одолжила мне 3^м тысячу. У самой трое детей. Маленького роста, нежна, затерта жизнью: нянькой, детьми, властным мужем, правильными обедами и ужинами. — Помогает мне — кажется — тайком от мужа, к<оторо>го, как еврея и удачника, я — у к<отор>ой всё в доме, кроме души, замерзло и ничего в доме, кроме книг, — нет — не могу не раздражать.

Помогают мне еще — изредка вспоминая о моем существовании — и не виню — ибо, кажется — сами нищие: актриса Звягинцева, пришедшая ко мне после Асиного «Дыма» и полюбившая меня вместо Аси — и ее муж — п<отому> ч<то> любит жену.

Принесли картофеля, муж несколько раз выламывал на чердаке балки и пилил.

Еще Р.С.Т<умар>кин, брат г-жи Ц<етл>ин, у которой я бывала на литературных вечерах. Дает деньги, спички. Добр, участлив.

— И это всё. —

¹ «ученик Брегета» (фр.).

Бальмонт рад бы, да сам нищий. Его слова: «Я всё время чувствую угрызения совести, чувствую, что должен помочь» — уже помощь.

Люди не знают, как я бесконечно ценю слова. (Это лучше денег, ибо легче выжить благодарностью!)

Мой день: встаю — верхнее окно еле сереет — холод — лужи — пыль от пыли — ведра — кувшины — тряпки — везде детские платья и рубашки. Пилю. Топлю. Мою в ледяной воде картошку, к<отор>ую варю в самоваре. Самовар ставлю горячими углями, к<отор>ые вынимаю тут же из печки. (Хожу и сплю в одном и том же коричневом, однажды безумно-севшем бумазейном платье, шитом весной 17го года за глаза у Аси в Александрове. Всё прожжено от падающих углей и папирос. Рукава — когда-то на резинке — свернуты в трубу и заколоты булавкой.)

Потом уборка. — «Аля, вынеси окарёнок!» Но прежде, чем идти дальше — два слова об окарёнке: это главное действующее лицо в нашей жизни. В окарёнке стоит самовар, ибо когда кипит с картошкой заливает всё вокруг. В окарёнок сливаются все помои — вода и учреждение замерзли — окарёнок по ночам выливается мной за окно. Без окарёнка — не жить.

Угли — мука от пыли — лужи — Vous voyez ça d'ici¹. И упорное желание, чтобы пол был чистым! — За водой к Г<ольд>манам, с черного хода, боюсь наткнуться на отца. Прихожу счастливая: целое ведро воды и бетон! (И ведро и бетон — чужие, мое всё украдено.) Потом стирка, мытье посуды: полоскательница и кустарный кувшинчик без ручки «для детского сада», короче: — «Аля, готовь для мытья детский сад!» (Аля походила три недели, схватила коклюш, теперь хожу за обедом) — мытье солдатской медной махотки и бетона для Пречистенки (усиленное питание, по протекции той же г-жи Г<ольд>ман) — корзиночка, где сумка с обеденными карточками — муфта — варежки — ключ от черного хода на шею — иду.

Часы не ходят. Не знаю времени. И, набравшись духу, к прохожему: «Извините, не можете ли Вы мне сказать, сколько сейчас — приблизительно — времени?»

Если 2 ч. — от сердца отлегло. (На Пречистенке до 3х, раз — не зная времени, пропустила. Чуть волосы не рвала.)

Маршрут: в детский сад (Молчановка, 34) занести посуду, — Староконюшенным на Пречистенку, оттуда в Пражскую столовую (на карточку от Гранских), из Пражской (советской) к бывшему Генералу —

¹ Можете себе представить (фр.).

не дают ли хлеб — оттуда опять в детский сад — за обедом — оттуда — по черной лестнице, обвешанная кувшинами, судками и бетонами — ни пальца свободного — и еще ужас: не вывалилась из корзинки сумка с карточками! — по черной лестнице — домой. — Сразу к печке. Угли еще тлеют. Раздуваю. Разогреваю. Все обеды — в одну кастрюльку: суп вроде каши. Едим. (Если Аля была со мной, первым делом отвязываю Ирину от стула. Стала привязывать ее с тех пор, как она, однажды, в наше с Алей отсутствие съела из шкафа полкочна сырой капусты.) — Укладываю Ирину. — Спит на синем кресле. Есть кровать, но в дверь не входит. — Кипячу кофе. Пью. Курю. Пишу. Аля пишет мне письмо или читает. Часа два тишина. Потом Ирина просыпается. Разогреваем остаток супа. Вылавливаю с помощью Али из самовара оставшийся — застрявший в глубине — картофель. Аля ложится спать, укладываем — или Аля или я — Ирину.

В 10 ч. день кончен. Иногда пилю и рублю на завтра. В 10 ч. или в 11 ч. я тоже в постели. Счастлива лампочкой у самой подушки, тишиной, тетрадкой, папиросами, — иногда — хлебом.

— Пишу скверно, тороплюсь. Не записала ни ascensions¹ на чердак — лестницы нету — подтягиваясь на веревке — за бревнами: безумный холод, грязь, пыль — ни постоянных ожогов от углей, к<отор>ые хватаю прямо руками, ни беготни по комиссионным магазинам (продалось ли?) и кооперативам (не выдают ли соль, табак?)

Не записала самого главного: веселья, остроты мысли, радости от малейшей удачи, планов пьес — все стены исчерканы строчками стихов и NB! для записной книжки! — Не записала путешествий по ночам в страшный ледяной низ — в бывшую Алину детскую — за какой-н<и>-б<удь> книгой, к<отор>ую вдруг безумно захотелось, не записала постоянной нашей с Алей настороженной надежды: «не стучат ли? Кажется, стучат!» (Звонок не звонит с начала Революции, вместо звонка — молоток. Мы живем наверху, за двумя дверьми и слышим всё: каждый взмах чужой пилы или топора, каждое хлопанье чужой двери, каждый шум во дворе, — всё, кроме стука в нашу дверь!) И — вдруг — кажется стучат! — или Аля, накинув синюю шубку, шитую, когда ей было 2 года, или я — ничего не накинув — вниз, ощупью, вскачь, в полной темноте, сначала мимо лестницы без перил, потом по этой лестнице — к цепочке парадной двери. (Кстати можно войти и без нашей помощи, только не все знают.)

¹ подъемов (фр.).

Не записала своей вечной, одной и той же — теми же словами! — молитвы перед сном.

Но жизнь души — Алиной и моей — вырастет из моей записной книжки — стихов — пьес — ее тетрадки.

Я хотела записать *только день*.

Москва, — кажется 10ое ноября 1919 г.

<Далее до конца страницы нет записей.>

Аля закрыла Ирину с головой одеялом и — внезапно:

— «Марина! — Глядите! Беснующаяся пирамида!»

— «Марина, Вы «еврей» переправляете на «жид», как другие «жид» на «еврей».

— «Марина! — Сколько людей — с такими прекрасными фамилиями я не знала! Напр<имер>: Джунковский!»

— «Это бывший московский генерал-губернатор (?), Алечка!»

— «А-а! Я знаю — губернатор. Это в Дон-Кихоте — губернатор!»
(Бедный Д<жунков>ский!)

— «Я люблю папу, Вас и Музыку».

Про индийский храм на картинке:

— «О Марина! Какая роскошная тюрьма души!»

— «Ведь хуже — деньги, проживешь их! А как можно Музыку прожить?»

(Пауза.)

...«Пережить — как?»

Я рассказываю:

— «Понимаешь, такая старая, старинная, совсем не смешная. Иссохший цветок, — роза! — Огненные глаза, гордый подъем головы, бывшая жестокая красавица. И всё осталось, — только вот-вот рассыплет-

ся... Розовое платье, пышное, страшное, п<отому> ч<то> ей 70 лет, розовый «чепец парадный», крохотные туфельки. Под ногами пышная шелковая подушка, — розовая, конечно — тяжелый, тусклый, скрипучий шелк... — И вот, под удар часов, является к ней жених ее внучки. Он немножко опоздал. Он элегантный, галантный, стройный камзол, шпага...»

— «О, Марина! — Смерть или Казанова!»

— «Алечка, какое должно быть последнее слово в «Бабушке»? Ее последнее слово, — вздох скорее! — с к<отор>ым она умирает?»

— «Конечно — Любовь!»

— «Верно, верно, совершенно верно, только я подумала: Амур».

Объясняю ей понятие и воплощение:

— «Любовь — понятие. Амур — воплощение. Понятие — общее, безграничное, воплощение — острое, вверх! — всё в одной точке. — Пони-маешь?»

— «О, Марина, я поняла!»

— «Тогда, скажи мне пример!»

— «Я боюсь, что это будет неверно. Оба слишком воздушны».

— «Ну, ничего, ничего, говори. Если неверно, я скажу».

— «Музыка — понятие, Голос — воплощение».

(Пауза.)

— «И еще: Доблесть — понятие, Подвиг — воплощение. — Мари-на, как странно! — Подвиг — понятие, Герой — воплощение».

— «Аля, как ты себя чувствуешь?»

— «Я чувствую себя так, точно у Вас жар».

Я.

...И говорю, обращаясь к своей душе: «И какого рожна тебе, сволочь, еще было нужно?! Здесь было всё: и красота, и безупречность каж-дого помысла, и аристократизм каждого движения, — и Доблесть — и Раса — и — главное — *такая* — любовь!»

А ты гонялась за жидовскими пейсами («кудри») и воспевала со-мнитель<ные> руки!»

– И Душа скромно отвечает:

– «Сволочь.» –

– «Аля! Какая прекрасная вещь – сон!»

– «Да, Марина, – и еще: Бал!»

(Могло бы быть диалогом – перед сном – Бабушки и Внучки!)

– «Аля! Моя мать всегда мечтала умереть внезапно: идти по улице и – вдруг – со строящегося дома – камень на голову – готово!»

Аля, чуть позабавленно:

– «Нет, Марина, мне это не особенно нравится. – Уж лучше: всё здание!»

Аля, перед сном:

– «Марина! Желаю Вам всего лучшего, что есть на свете. – Может быть: что еще есть на свете»...

Я: Если эта зима пройдет, я действительно буду: fort comme la mort¹ – или просто mort – без fort – с e muet² на конце.

Адам и Ева, ваше двойное проклятие сбылось на мне!

(Цитирую Бэкфорда:)

– «Я ложусь спать только для того, чтобы видеть во сне то, что мне необходимо». – Как тебе это нравится, Аля?»

– «О Марина! Да ведь это – Вы, Ваше!»

Не думала я, А.С., не думала я, 15^м лет, (эсерка!), сидя за партой и с ненавистью следя за Вашей сухой, прямой, на английский лад фигурой, с мелком в руке, у доски – не думала я, что Вы 12 л<ет> спустя в октябре 19^м года кончите – так, а я буду сидеть на корточках перед печкой и варить картошку!

¹ сильна как смерть (фр.).

² произносимое e, т.е. morte – мертвая (фр.).

Гастрономические магазины сейчас похожи на витрины парикмахерских: все эти сыры — желэ — пасхи — ничуть не живее восковых кукол.

Та же легкая жуть.

Мне никогда не приходилось искать стихов. Стихи сами ищут меня, и при том в таком изобилии, что я прямо не знаю — что писать, что бросать.

Этим объясняется этот миллиард недо- и нена- писанных стихов.

Иногда даже пишу так: с правой стороны страницы одни стихи, с левой другие, еще где-н<и>б<удь> сбоку — строчку еще стихов, рука перелетает с одного места на другое, летает по всей странице, отрываясь от одного стиха, кидаясь к другому — чтобы не забыть! уловить! удержать! — Не времени, — *рук не хватает!*

— Как Goethe, X, Y — всем великим лирикам — не было неловко диктовать свои стихи дуракам?

А может быть — это у меня более тонко: может быть неловкость у меня от того, что меня, как не-знаменитость, записывая мои стихи, этот дурак непременно считает за дуру. — А секретарь (дурак) Goethe, ничего не понимая, наверное еле владел рукой от восторга.

Goethe, как Царю, пристало говорить: Мы, Бетховену, как Богу: Я.

Топор и пила не уничтожили во мне жизни души, духа, но совсем уничтожили — любовьность. В этом я — все-таки — «русская интеллигенция!»

Сейчас наверное — из-за топора и пилы — куда меньше enfants d'amour!¹ — Впрочем пилит и рубит только интеллигенция (мужики не в счет! Им всё ни по чем!), а интеллигенция и раньше никогда не блистали ни enfants, ни amour!

¹ детей любви! (фр.)

Кафэ, музыка, — всё это уличное выявление любовности — всё это сметено и снесено Революцией. — Не суждено России быть любовной (amougeuse!) страной!

В моих стихах, как в море, *разные реки.*

Один пожар зажег,
Другой — его потушит.
(Хотела писать об этом стихи.)

Символически: тротуар возле Праги мощен булыжником.

Помню, восьми лет в подготовительном классе IV гимназии.
Нужно было написать несколько примеров подлежащего и сказуемого (а м<ожет> б<ыть> чего-нибудь другого!)

Напр<имер>: собака лает, кошка ловит мышей и т.д.

И столь велико уже тогда было во мне отвращение к общим местам, что я на слово «мельник» (мельник — конечно — мелет муку!) написала:

— «Мельник играет на виолончели».

Недавно, на Смоленском: дородная простонародная девка, — роскошная шаль крест на крест — походка бедрами — и вдруг — маленькая сухонькая приживалка — язва! — Сухонький палец впился в высокую грудь девки. Заискивающий шопот: — «Что это у Вас — свинина?»

И девка, еще глубже запахиваясь в шаль, высокомерно: — «Триста восемьдесят».

О, я когда-нибудь еще напишу Историю московского быта в 1919 г. — Другой Революции я не знаю!

Бальмонт — в женском, вернее, прислужьем платке — в постели — безумный холод — пар — колом — рядом блюдец с картошкой, жареной на кофейной гуще:

— «О, это будет позорная страница в истории Москвы! Я не говорю о себе, как о поэте, я говорю о себе, как о труженике. Я перевел Шелли, Кальдерона, — — — Не сидел ли я с 19^м лет над словарями вместо того, чтобы гулять и влюбляться?! — Ведь я в буквальном смысле — голодаю. Дальше остается только голодная смерть! Дураки думают, что голод — это тело, они не знают, что в тонких организациях голод — душа, сейчас же всей тяжестью падает на душу. Я угнетен, я в тоске, я не могу писать!»

Я прошу у него курить. Дает мне трубку и велит мне не развлекаться, пока курю.

— «Эта трубка требует большого внимания к себе, поэтому советую Вам не разговаривать, ибо спичек в доме нет».

Курю, т.е. тяну изо всей силы, — трубка как закупоренная — дыму $\frac{1}{10}$ глоточка — от страха, что потухнет не только не говорю, но и не думаю — и — через минуту, облегченно:

— «Спасибо, накурилась!»

—
Алин отъезд в приют.

— «Итак, завтра будь готова пораньше. Л<идия> А<лександровна> придет около 11^м. В 2 нужно быть там.»

Высокая фигура в великолепной серой поддевке исчезла.

Я смотрю на Алю. Она тихонько обмерла. И, через минуту, — голосом, где дрожат все слёзы сердца:

— «О, Марина! Знайте, вся моя душа останется здесь! — Вся, вся! — Я возьму с собой только кусочек души — для тоски!»

Все последние дни она писала мне письмо в тетрадку, а я старалась получше ее кормить, явно и без зазрения совести обделяя Ирину.

В последнее утро — суматоха, укладка, безумие — она сидела за моим письменным столом и писала — последние слова.

— О, Господи! —

— «Аля, понимаешь, всё это игра. Ты играешь в приютскую девочку. У тебя будет стриженная голова, длинное розовое — до пят — грязное платье — и на шее номер. Ты должна была бы жить во дворце, а будешь жить в приюте. — Ты понимаешь, как это замечательно?»

— «О, Марина!»

— «Это — авантюра, это идет великая Авантюра твоего детства. — Понимаешь, Аля?»

— «О, Марина!»

— «Ирине серое бумазейное платье — Аля, запомни! Тебе я даю: голубые панталоны, два лифчика... — Аля, если тебя будут бить — бей. Не стой, опустив руки, а то тебе проломают голову!»

— «Да, Марина, и я надеюсь, что я смогу Вам откладывать еду. — А вдруг на Рождество дадут что-нибудь такое, что нельзя будет сохранить? Вдруг — компот? Тогда я выловлю весь чернослив и спрячу. — О, Марина, как жаль, что нельзя засушивать еду, как цветы!»

— «Аля, главное — ешь побольше, не стесняйся, объедай их во всю! Помни, что только для этого я тебя туда посылаю!»

— «Да, Марина, они враги — а я буду их объедать! И — знаете, Марина, я рада, что я всё-таки еду в приют, а не в колонию. Приют — как-то старинней»...

Стоя на коленях, укладываю ей в ее корзиночку: каплю белья (всё равно — украдут), тетрадку — старого времени — с хорошей бумагой, но без линеек, — ночью линовала — книжки: Чистякова «Биографические рассказы» (о Байроне, Бетховене, Наполеоне и т.д.), «Алладина и Волшебную лампу» (старинное изб<ранное> с чудесными картинками), «Путешествие мальчика по Швеции на диких гусях» Лагерлёф и «Лихтенштейн» Гауффа. Две последние она читала и перечитывала, — немножко родного дому в ссылку. — Еще пенал с новым стройным чернильным карандашом и ручкой. — Чернила нельзя, — прольются. — Еще синенький «Волшебный фонарь», в него закладываю — тайком от нее — свою карточку — в Феодосии — когда мне был 21 год, где я похожа на Шарлотту Кордэ. Еще — в последнюю минуту — кладу ей в тетрадку маленькую гравюру: девушка с лютней. The lys of volley¹.

— Стук в дверь. Снимаю цепочку. Л<идия> А<лександровна> с ее прекрасным лихорадочным лицом из-под огромного капюшона чего-то огромного, надетого поверх шубы. — Метель! —

Одеваю детей. Аля в двух платьях, в синих длинных вязаных панталонах, к<отор>ые я ей всю ночь штопала, в синей своей вечной куртке, в к<отор>ой она похожа на Стюарта. Ирина в розовом платье и в грязной белой кофте. Надеваю Але шубку, шитую, когда ей было 2 года — тогда до полу, сейчас до колен. — «Глаза, как шуба, шуба, как глаза» (вечный возглас прохожих на улице. Шубка голубая.) — Голубой капор. Варежки, к<отор>ые ночью штопала.

Л<идия> А<лександровна> берет Ирину, я иду с Алей с черного хода. Садимся. Гольдмановская Женя кричит: «До свидания».

¹ Ландыш (англ. - фр.).

Аля сидит у меня на коленях, постепенно сползает. Я накрыла ей голову своим черным с розами платком. Она молчит.

Первый ее возглас — выезжаем за заставу —

— «Марина! Лавка “Королёва!”»

— «Королёва», поправляет Л<идия> А<лександровна>.

Ирина на коленях у Л<идии> А<лександровны> повторяет, раздражая меня, как-то педантически и бессмысленно:

— «Тюдесно си-деть», — и поет: «Ай дуду дуду дуду»...

Миновали Поклонную гору. — Снега, снега. — Я забыла, что небо такое огромное. — Черные полосы лесов. Почему-то вспоминаются «Русские Женщины». — Только там было еще пустынее. Аля почти совсем сползла на дно саней. Молчит. — «Аля, тебе не холодно?» — «Нет, мне чудесно».

Я еще не чувствую разлуки, вся поглощена дорогой: безнадежны-ми снегами, слишком большим небом, ногами, к<отор>ые уже костенеют.

—

Потом какие-то склоны, спуски, холмы, сани летят. Парк. Огромные ели, замерзшие пруды, группы берез. — О, как здесь хорошо должно быть летом! Сейчас это — воспоминание или обещание. У зимы, для меня, как у грудного ребенка, настоящего — нет! — Ели огромные, очень спокойные, точно застывшие танцовщицы (ель больше всех деревьев напоминает женщину — проверьте — это так! Весь *жест* — женщины!)

Ели огромные, под ними хорошо жить.

В глубине котловины что-то желтеет: дача — Приют. Вылезаем. Солдат держит Ирину. Первое, что я вижу: неистово-ободранная черная собака ест из помойного ведра.

Выскакивают несколько детей. — «Малыша привезли!» — Входим: темно, жарко и деревянно.

Пока Л<идия> А<лександровна> объясняется с тощей истинно-приютской надзирательницей — Ирину посадили на стул — идем с Алей в кухню. Кот и желтая собака. Большие котлы. Жара. Мы приехали как раз к обеду. Это называется «взять быка за рога». — Радуюсь за Алю.

Але «что-то нужно». — Оказывается, все (?) учреждения заперты, надо идти куда-то за дрова, в снег.

— Гм. —

— «Это Ваша девочка?» — «Да». — «Обе Ваши?» — «Да». — Оказывается, нужно было говорить: нет, п<отому> ч<то> дети записаны, как круглые сироты.

Это мне минутой спустя говорит Л<идия> А<лександровна>. Предупреждаю Алю. Она на вопросы детей кто я, уже отвечает: «Не знаю, — какая-то тетка».

Л<идия> А<лександровна> успевает мне шепнуть, что надзирательница удивлена, почему дети так хорошо одеты.

— «Но не могла же я отпустить их рваных! Я всю ночь штопала Але панталоны и платье!»

— «Напрасно, нужно было — наоборот — разорвать».

— «Девочки, несите соль!» — «Соль!» — «Соль!»

Ирину посадили на лавку, дали ей в руку деревянную ложку, под нос — миску. Она качается и поет. Слышу чей-то голос: «Эта девочка совсем глупенькая!»

Гм. — Согласна.

Дети бегут в столовую. Большинство старше Али. Грязные длинные платья, вместо фуфаяк — дыры. Большие животы. Идиотские лица.

— «Ну, пора идти, они сейчас будут обедать», говорит Л<идия> А<лександровна>.

— «Алечка, проводи меня!»

Стоим у двери. Вижу Алино поднятое лицо.

— «Марина, наклонитесь!» — Наклоняюсь.

— «Скорей, Марина, — Льва!»

Показываю ей льва (львиное лицо, — наследство Сережи.) — Целую. — «Алечка, помни, я тебя люблю, я только тебя люблю...»

Не плачет — не плачу. Выходя, крещу дверь. — Садимся в сани. — Поехали.

— «Ну, сегодня великий день!» восторженно говорит Л<идия> А<лександровна>. — «Завернитесь в шубу! — Вы заметили, сколько супу подали? И как будто не плохой запах»... (Пауза.)... «Но *какие* лица!!!»

У Л<идии> А<лександровны> топились две печки: одна против другой, и я попеременно сидела на корточках то у одной, то у другой. Вежливый солдат всё время приносил всё новые и новые охапки дров. Володя закрыл ставни. После обеда Л<идия> А<лександровна> дала мне полевой блок-нот, перо, красные чернила. — «Пишите Але». Я всё время пробовала дыханьем: есть ли пар и поражалась: ни паринки. Жалела, что Аля не видит этого чуда.

Вечером купалась в кухне. Сев в ванну, я удивилась: почему я вся в горелых овсяных зернах. Оказывается, я наливала ванну помойным ведром. — Хохотала, как безумная, одна, в воде. — А утром — рано-рано —

я ушла на станцию. Тридцать раз спрашивала дорогу, но всё-таки дошла. Идя была уверена, что не дойду, дойдя, что не сяду. Но дошла и села.

Ходя в ожидании поезда по перрону, я думала о том, что у всех есть друзья, родные, знакомые, все подходят, здороваются, о чем-то расспрашивают, — какие-то имена — планы дня — а я одна, и всем всё равно, если я не сяду.

И вспомнился мне другой перрон — 9 лет назад! — только это было в поздний час — и далёко — в Уфимской губ<ернии>. Мы с С<ережей> ожидали поезда. — Была глубокая осень. — Помню страшную тоску от нашей двойной заброшенности — точно на краю света! — позднего часа, гудков, пустынного перрона. — А теперь мне этот час кажется счастьем. — Как знать, может быть через 9 лет, мне и этот час моего одиночества на платформе в Кунцеве покажется счастьем?!

Но ступив на московскую землю, я заликовала. Над Москвой стоял легкий розовый туман — придушенное зарево. Мальчишки продавали папиросы, бабы — пирожки. Всю дорогу до́ дому я радовалась. Проходя мимо какой-то лавченки, я вспомнила, как в последний раз возвращаясь из Кунцева — летом — покупала здесь клубнику. (У меня всегда, выходя из поезда, чувство какого-то праздника и я непременно что-н<и>б<удь> покупаю, что в обыкновенное время никогда бы себе «не разрешила».) — Купила — в первый раз за Революцию — коробку папирос «Ява» — за 130 р., просто от радости, что вернулась в Москву.

Но вернувшись домой и увидев — посредине комнаты — Алин осиротелый столик: чернильницу еще с пером — распахнутую тетрадку — я поняла, что я сделала.

Еще в шубе — не снимая шляпы — я стала читать ее письмо. (Сюда я записываю только ее отдельные возгласы, слова, всё то, что она сама не записывает, но для истории этого дня письмо необходимо.)

— О, почему у меня нет красных чернил?! —

Письмо.

— От Вашей Замарашки. —

Мариночка! Убирая мне так хотелось сделать Вам удовольствие. Конечно, очень гнусно писать это. У меня такое чувство. Мне всё рав-

но, лишь бы иметь Вас. И весело и грустно! И главное: Любовь. Внешне я не хуже¹ любовой девчонки. Как Вы меня очаровали. И мне так приятно, что я одна занимаю целый круг любви. Одно говорю Вам: не даром Вы жжете свои руки, свои прекрасные руки. Отплачу Вам и я! Я чувствую себя безумно. Около меня пахнет грибами и луком. Марина! Скажите мне. Эта комната «Ваша» или «наша». Я не могу сказать, как очаровывает меня один Ваш волосок, но вся Вы — гм. — Кто может сказать? — В эту минуту я не понимаю, для чего я живу? Чтоб утешать Вас! — Марина! Вечер. Я вынесу окаренок, Ленин гор<шок>. Принесу воды, а Вы мне покажете льва.

— Мауа, Медуза, Моакс, х Марина х.

Аля.

Я люблю.

Я погибаю.

Нарисован лев
на одном колене,
со свечой (огонь, как
звезда.)

Еще лев.

Марина! Ведь я живу, люблю. Я понимаю, что такое жить с Вами. Господи.

Марина! Ведь я имею Вас. Я наслаждаюсь своим разговором с Вами, с Вашей душой. Неужели это Вы? Марина. Всякий мужик, который побудет с Вами неделю, станет похож на Вас. Вы солнце, весна, лето, осень с красными и черными листьями. Вы Друг. Вы помогаете всем, кого встречаете на улице. Те кто несчастен, безумно щастлив одним Вашим взглядом.

Для всех — Консуэла.

«Марина! Когда я вырасту, я куплю Вам много-много шоколаду, конфет и всего сладкого, что есть в мире», когда-то кричала я, когда была маленькая и запирала за Вами дверь, не стыдясь ни гостей, ни прислуги. Вы заколдовываете каждый пенек, каждый дом, каждый камень тротуара, каждого человека. Вашу мать звали Магга. Марина! Мне весело, и я страдаю? Скоро ли Вы постучитесь?

Марина! Не пойте. Я плачу. Я умираю. Скорей. Везде боль безумная. Как я жду Вас.

Марина! Вы синяя. Вы падаете ко мне с неба... С цветком. Мауа. Дайте мне умереть, дайте мне поцеловать.

¹ Очевидно — «не лучше»... (Примечание М. Цветаевой.)

Марина, значит морской Бог, одетый в самые избранные камни. Мау. Приюты, дети. Мама, пошлите мне цветок... а в цветке себя! Ага? Получил приют? — Какая к вам мать пришла¹. — А мне родная. Мужики и барские детки никогда такой и не видали.

Марина. Где у меня Ваши спички, деньги, всё. Вы так хороши, светлы. Клянусь своей жизнью, что не трогала. Надо мною сейчас потолок обвалится. Когда я буду мальчиком, я не оставлю ни одного полена на чердаке не перепиленного. Я Ваш первенец. Вы моя любовь.

Тихо, полутемно. Взгляды Аспазии и Пушкина. Уау. Вы меня не любите. Я Вам не нужна. Я Вам растрavляю жизнь. О! Зачем я не мальчик? У мальчиков нет стольких пороков, как у девочек.

Марина! У меня есть к Вам просьба. Подарите мне несколько С.М. (Сережиных—Марининых) фотографий, спойте песню, дайте посидеть минуточку с З<ай?>-вягин?>цевой.

Последняя минута.
Бог бросил с неба поцелуй
И льва.
— Такого не видали.
Любовь —
И легкий беспорядок.

Бубенцы, любовь, безумие и пир.
Последняя душа летит.
Гори—и и люби—и.

Марина! Я Вас умоляю. Не злитесь. Так мне тогда было горестно. Мне казалось, что я теряю голос, теряю надежду на Вас! Так неудобно и больно без Вас. Ирина сидит и с жадностью ест данную Вами картошку, а после сидит «Казановой». Так странно без Вас. Книги в унынии, печка в унынии, Ирина в унынии. Голова болит, чувствую себя дурно и вижу всё в тумане. Эх вы все Зверинцевы, Дьяволинцевы, Павлушковы<.>

Марина! Я чувствую, что Вам скоро будет хорошо. Вы будете есть сколько хотите, писать сколько хотите. Но зато Вы не будете иметь моей души в руках!

¹ т.е. цветок. (Примечание М.Цветаевой.)

Марина! Вы так хороши. Мне хочется, чтобы в Воскресение Вас пригласили на бал.

Маленький уютный домик, с заостренной крышей, с полукруглыми окнами. Огромный сад с розами, сиренью, яблоками, виноградом, клубникой, с озером лебеди, с верной собакой. Цанг – Музыка – Нюх. Терраса увита диким виноградом, с парчевыми подушками, с вечными музыкантами, с мальчиком со светлыми волосами, мужественным, как вода и огонь. Он стоит одной только женщины на свете. Этой госпоже были подарены все эти парки и сады, дома. Марина. Там было волшебю. Открывался вид на замки, на развалины, на бои, на гулянья Царей, на людей, на весь мир. О! Это всё Маринино! Марина! Я Вас прошу. Дайте мне клочек, кусочек, каплю. Я Ваша. Как мне нужна эта нить, эта главная нить в мире.

Я вспоминаю, как Вы мне дали «волшебную» бумагу. Я сидела у Вас в комнате. Вы мне давали ее и говорили: «Аля! Волшебница дарит хорошим детям эту бумагу». Я рисовала черты, и вышел всадник, сидящий в седле. Наверху нарисована церковка и домик.

Вспоминаю Вашу телеграмму: «Скоро еду. Цалую».

Ах! Как я была глупа. Я не плакала, не сожалела об Вас. Негодная! О Детство! – Мемуары, Моакс, Марина, Море, Мох, Мех.

Марина!

Настал последний час,
Больной лежит в постели.
Сомкнуть не может глаз:
Виденья одолели!

Бесовский хор визжит,
Зияет ад кромешный, –
А он-то, многогрешный,
– «Да ну их» – говорит,

– «Вот», говорит, «потеха!

Ей-ей помру,
Ей-ей помру,
Ей-ей помру от смеха!»

Марина! Удивляюсь, что человек не посвятил это Вам.

Марина! Обожаю писать Вам письма. Сейчас, как только я начала писать, моя рука тянется, тянется, пишет слова, буквы, строчки.

Что такое Вы? Поэт, Любовь соблазняющая всех, Героиня Жанна д'Арк, весь мир, только без грехов. — Это Вы. — Марина! Мы все и враги и друзья Ваши, весь мир.

Марина! Не плачьте. Играйте и смейтесь. Вы знаете, что я никогда не пойду в настоящую разлуку. О! Пошла бы я в то место, откуда не могу писать Вам письма и не могу получать их от Вас. Конечно нет. Куда мне идти без Вас, без Вашего льва, поцелуя. Как могу я остаться дома без Вас. Когда Вам будет плохо жить насчет еды, я Вам буду присылать хлеба, всю ту твердую еду, которую там дают. Марина. Мне очень будет приятно присылать Вам еду и письма! Как мы будем встречать Новый Год? Мы будем сидеть, прижавшись друг к другу (а враг к врагу не особенно прижимаются!) слушать колокола, волноваться, дарить свои души.

— Сейчас. — Вы просите меня записать два слова, — они Вам понравились: — «Марина! Посмотрите: беснующаяся пирамида!» —

— «Марина! Вы слово «еврей» переправляете на «жид» как нужно переправлять «жид» на «еврей».

— Мариночка! Вы приедете ко мне в Сочельник. Я Вам приготовлю подарки, подарю торжественно мою душу, с украшениями, состоящими из хорошего поведения. О! Я знаю что Вам подарить. Постараюсь найти Вам диких каштанов. Буду много писать Вам, дарить оставшийся клен. Буду учиться рукоделью, если будут учить других. — Марина! Я хочу — Вы должны показать мне льва! Мне нужно поцеловать Вас, дать хлеба. О! Когда я смогу помочь Вам! Марина! Мне нужно дать Вам: хлеба, душу, тепла, время. О, мне главное только Вы!

Я готова разорвать себя, если я Вам не нужна, не могу Вам помогать. Я хочу быть Вам приятна. — Как? — О Марина! Я дам Вам себя, дам Вам все мои миры. О, как хорошо будет посылать Вам хлеба!

Марина! Я родилась
Только для Вас.
Марина! Бог создал мир
Для двоих.
— Вас и Сережи.

Марина! Пока я здесь —
Вас не тронет Враг.
Марина! Вы здесь —
Мне нет смерти.

Милая Марина! Мне приятно, что сейчас солнце. Что Вы едите, что Вы сыты. Мама! Вы похожи на кота. Поднимаете голову, как кот, кушаете, как кот. Я чувствую, как души Лермонтова, Ломоносова, Пушкина, Некрасова, Г<рафини> Ростопчиной, Каролины Павловой, Тургенева — и всех таких поэтов носятся над Вами. Аспазия взглянула на Вас взглядом полным любви. Вся комната смотрит на Вас с великой любовью. Мне так приятно, что я смогу подарить Вам что-нибудь.

Лед стает с окон, на улице солнечно и тихо. А во сколько-нибудь мест теперь лето! Цветы, жара, реки. Марина! Мне хочется найти Вам 82 тыс<ячи>. — У меня есть просьба, дайте, пожалуйста, мне когда-нибудь прочесть книгу: «Тысяча и одна ночь». Как Вы Ангельски. Как красивы. (Мама! Ирида делает на Лен<ин> гор<шок>, и кругом такая вонь. Тепло здесь, хорошо, а сейчас идти выносить нужно!)

Я стараюсь Вам хорошо написать. Я Ваша. Я очень люблю одну сказку: про коня и девушку с русыми кудрями, к<отор>ая убежала от своих любимых детей: Ирины Эфрон и Ариадны Цветаевой.

Марина! Жду, когда Вы придете. Рядом смутная любовь, и книги Тургенева¹, и шарманка. Марина! Как чудесно сидеть в Вашей комнате, (сидеть) писать за письменным столом. Ирины не слышно, (чуть-чуть сплевываю в левую сторону), и я чувствую ее желание петь «Сона матіна» («Sonnez les matines»)².

Господи. Как приятно сидеть и писать утром. Как хорошо душе при мысли, что Вы наконец войдете в убранный комнату. Как приятно передо мной стоят опущенные занавески. Поеду ли я в приют?..

Марина. Магнит. Мандолина.

Господи! Вы наконец пришли, принесли жару и весну. Марина! Я помню, как представляла себе сон Ирины: она стоит одна, а с неба падают корки, такие большие и толстые, что она не может их разгрызть. Так как ей досадно, она злится.

Архистратиг Михаил.

— «Аля, Аля, иди, смотри, как одно полено горит!» Я подбежала. Лежали в печке маленькие красные угли, а среди них стояло высокое молодое стройное белое полено с огненными крыльями, напоминающее не полено, а Архистратига Михаила. Он стоял на поле битвы и ободрял воинов. Эти воины были угольки. Я была так рада, Марина, когда

¹ Тургенев моей матери, приготовленный для продажи. (Примечание М. Цветаевой.)

² «Звоните к заутрене» (фр.).

услыхала Вашу фразу: — «Аля! Я не люблю поцелуев, <отому> ч<то> женщин постоянно целуют мужчины, а это глупо». — А это противно! — Марина! Я вижу пасмурное окно! Лед стал тверд, а занавеска опустилась, как цветущая гора. На книгах висит верблюд.¹ А мой столик-шкафчик с книгами похож на дом Цетлинов. —

— Так приятно видеть Вас даже в гневе, Марина! Вы так хороши. Вы жили за границей. Как чудесно. Хоть бы и жить за границей — не так жилишь всё. Когда Вас увидишь, узнаешь всё.

— «Аля! Мне жалко, что ты не видала еще ни одной прекрасной вещи в этой ловушке Москве»... — «Я знаю одну чудную вещь». Марина, с любопытством и лукавым видом: — «Какую?» — Я, спокойно: «Вас». — Марина удивленно помолчала секунду, а потом засмеялась. Мне так нравится ее смех, я так люблю, когда она смеется надо мною. Ее смех легок, нежен, насмешлив. Сама она безумно красива. У нее зеленые глаза, чудные густые ресницы, пышные русые волосы, все в сказочных кольцах на концах. Если срезать прядь, можно подумать, что это браслет без застежки, на маленькую руку.

— Марина! —

Люди! Марина — это Бог. Напрасно в Священном Писании пишут и думают, что Бог на Небе! Бог на Небе — это не Бог, а человек. Посмотрите, какие Марина делает чудеса: Она пишет, когда топится печка, она варит, а угли, которые падают в суп, делаются чудесными овощами. — Может ли это сделать Бог?

(Пропуск. Тут она описывает только что прочитанные книги — Евг. Тур «Семейство Шалонских», — хроника 12го года, и «Философ на чердаке» Э. Сувестра, — обе прелестные и прекрасно ею понятые. — Старая Москва и старый Париж.)

— Марина! Теперь я поняла чувство, когда нет друзей.

Был у меня один друг — еще вчера! Я в такой безумной тоске. — Но теперь у меня столько счастья, будто Вы мне улыбнулись. О! Раньше из-за всяких пустяков я плакала и говорила: «Я вас потеряла». Когда я вырасту, я буду безутешна, как Сережа! Я буду писать тысячи книг для Вас и про Вас. Я буду жить для Вас, для иконы, для льва.

О Мать! О Марина!

Я лучше умру тысячи раз в мучениях, чем покинуть Вас. Марина! Как приятно произносить это имя. Мне снился сон сегодня: Вы сидели на берегу большой реки, <отор>ая называлась Весна. Она была блестяща, как стекло — и кое-где виднелись лодки с радужными паруса-

¹ Игрушечный, Алин любимый. (Примечание М.Цветаевой.)

ми. Кругом росла зелень, розы, ягоды. Вы были молодой девушкой. Вдруг к Вам слетел лебедь, ласково подхватил на себя и понес.

Вскоре вся стая стала так к Вам ласкаться, как могу ласкаться к Вам только я!

Милая Марина! Умоляю Вас, если Вы не хотите убить моей жизни, Вы должны в приют мне дать тетрадку — и хоть один стих! — Умру, если нет!

Ваша брошки, Ваши кольца, Ваши ключи, Ваше Грязное белье, всё это как мне безумно дорого! — Казанова, Валет (если я не ошибаюсь), — Бабушка — Метель.

Марина! Я безумно реву: метель, — мой кусочек хлеба Вы не съели, я оставила на кровати. Очень благодарю за то, что Вы мне дали писать! Теперь я каплю счастлива. Я жду, жду Вас с трепетом. Я вспоминаю то время, когда Вы разговаривали со мною.

— Марина! Пора!

Решилась судьба.

Марина! — Пока —

Только льва!

Даже теперь

Метет метель.

Марина! Сюда!

Я верна!

Марина! Благодарю Вас за всю любовь, которую Вы мне дали. Спасибо за все прогулки с Вами за руку. За икону, книги, льва. А главное — за Вас!

Ура! Я получила Вас. Мне так хорошо, тьфу, тьфу не взглянуть. Этот печальный абажур, ларец с чернилами. Господи Боже мой! Уже Ирина кряхтит. — Уже наклоняется Ваша головка над тетрадкой. Скоро увижу Вашу нежную руку с пером. Рядом львенок с довольным лицом. Вспоминаю стихи пьяницы.

Марина! Безумный рев Вашей дочери! О, как приятно мечтать о Вашем приходе. Я помню, как я с кем-то гуляла, а перед нами шли два мальчика. Один спрашивает другого: — «У меня два родных. А у тебя сколько?» — «А у меня троя». — Марина! Теперь мне пора поцеловать льва, а лев этот поцелуй передаст Вам. Марина! Мне хочется дать Вам маленькую вещь. — Льва! —

Марина! — Сейчас Вы и я терпим мучения: И — рина ест!¹ — Матушка! День иссякает. Воскресение. — Марина: — «Аля, когда я ночью

¹ Примечание М.Цветаевой не вписано.

не могу спать, я мечтаю об обеде — и сразу засыпаю». Да! Я поняла, что такое жизнь! Секундная удача, а потом дни, месяцы, годы без друзей! Сейчас у нас новая лампочка. — Но что она мне, если у меня нет Вас.

Вспоминаю сказку Андерсена.

(Здесь следует рассказ о Снежной Королеве, — Алиной и моей любимой сказке в мире.)

...«Лето миновало,
Не стало больше роз...
Скоро посетит нас
Младенец Христос...»

(Стишок оттуда, — прелестный!)

Марина! Похожа на святого мученика. Волосы вьются, как у Ангела. Ходит, как летает снежинка! Говорит, как будто поет, как чудная птица. Поет — как не умеет петь сам Господь Бог, Иисус Христос Назарейский. Молится, как умеют молиться только Ангелы — Богу. Весела, как никто. Очень ловка. Не зная *какой* предмет, уже описывает его. Безумно смела, как не смел ни один рыцарь. Пишет стихи. Всё знает наперед. Трудности проходит, слегка насмехаясь. Очень вынослива. Готова идти в заключение. Одним словом усмиряет сумасшедшего. Одним взглядом может заставить народ упасть на колени. Уголь может превратить в плод. Показывает восхитительного льва, к<отор>ый глядит то ласково, то грустно, то с презрением, то с безумным восторгом. Носит кольца. Может разговаривать и с бабой и с Царем и с уличным мальчишкой и с Богом. Похожа на Наполеона. Показывает злую Силу. Может не есть неделю. Любит музыку. Даже играет на рояле. Чудно передает. Замечательная память. Пишет пьесы, книги.

Может терпеть всякое мучение, удерживать всякую тяжесть.

— Может заболеть Чумой — и не умереть.

— Бог. —

Последний день.

Звуки топора, звуки Ирины, звуки сердца. Туман. Любопытство. Восторг. Может быть, мне удастся от Рождества Христова оставить Вам еду. Завтра — отъезд! Но мы проведем этот день волшебю. — Жизнь! Я уже с волнением ожидаю кого-то, кто похитит меня на краткое время. Ирина гнусно орет: — «Аля мешает!» — Тишина. — Жду Вас. Дай Бог,

чтобы Г<ольдма>ны угостили Вас. Потрескивает по временам полено, гудит сердце, я жду Ваших легких шагов, звука ведер, бетонов! Наконец! Вошли с Вашей кудрявой русой головой. Окно наверху не заморозено. Ура! Я пишу, а деньги Вы найдете.

Так приятно сейчас любить. Там растут сейчас розы! Там сейчас Вам посылают деньги. Легкий душистый дым. В последний раз! Дым вьется барашковой шерстью и снами принца и принцессы. Открыта волшебная печечка. В тумане разглядываю Вас, в Вашем коричневом платье. Там возвышается белый кувшин с водой и крышка от медной кострюльки. Раскаяние, что съела картошку и хлеб.

Марина! — Ура! Ура! Ура! Идем на Врага! За Матушку-Россию! За Батюшку-Царя! Приют! — Но ведь через месяц «их» Рождество. Тогда я сладкое оставлю Вам. — Мне обидно, что Ирина смотрит в огонь, а я нет. Жду льва. Завтра Роковой день. Но я утерплю. Тихо трещат дрова в печке, качается Ирина.

Марина! Ведь я умираю, ведь я пишу, живу! Ведь это бред, ведь это сон, ведь это Бог!.. Бурлит картошка, падают капли на горячую печку, вылетают угли:

«Как много забвением темным
Из сердца навек унеслось!
Печальные губы мы помним,
И пышные пряди волос.

Замедленный вздох над тетрадкой,
И в ярких рубинах кольцо,
Когда над уютной кроватью
Твое улыбалось лицо.

Мы помним о раненых птицах
Твою молодую печаль,
И капельки слёз на ресницах,
Когда умолкала рояль»¹.

Марина! Ведь мы все — живем! Завтра отъезд. Вы будете мною довольны.

— Кофейники, чайники, кострюльки, тарелки, кружки... Тихий шум воды в чайнике, на печке.

¹ Мои стихи к матери из «Волшебного фонаря». (Примечание М. Цветаевой.)

Сегодня целый день у нас топится маленькая печечка. В душе легкость и грусть. Последний день проходит. Уют. Скоро, скоро. Увы.

Наступил. Прощайте. Как чудно мне было с Вами среди Ваших книг, тетрадок. Шумит печально прощальный самовар. О, люблю Вас! — Живу Вами и для Вас. Если не нужна, скажите. — Ваши блестящие шаги, Ваш голос, Ваши львы. — Грустно. Завтра, завтра, а наступило роковое сегодня. — Но Вы поедете провожать нас.

Ваши стихи, пьесы — прощайте. — Но — Ура.

Ваша дочь: Ариадна Сергеевна Эфрон

— летит.

(Рисунок льва)

До свидания.

Пушкин мрачно смотрит. Всё слилось в «до свидания». — О, «они»! О, настоящая свобода! Я буду беречь книги. На Рождество, я думаю, мне удастся подарить Вам что-нибудь.

Приятный запах табаку и кофия. — В последний раз. — Мне так хочется, чтоб Вы меня любили. В последний раз печально вспыхнул самовар.

До свидания.

(Рисунок льва.)

<Нижняя половина страницы не заполнена.>

Non une femme, — une âme!¹

(Я — о себе.)

А сегодня например я целый день ела, а могла бы целый день писать. Я совсем не хочу умереть с голоду в 19²⁰ году, но еще меньше хочу сделаться свиньей.

Когда я с людьми, которые не знают, что я — я, я всем своим существом извиняюсь за то, что существую. — Как-нибудь искупить!

— Вот объяснение моего вечного смеха с людьми.

¹ Не женщина — душа! (фр.)

Я не могу – не терплю – запрещаю, чтобы обо мне дурно думали.

Никто не знает, какая пустыня моя жизнь.

Революция и Андерсен. – Бессмысленно.

И – вывод: если Андерсена создал Бог, Революцию – ничего другого не остается – создал Чорт.

По однородности умиления, к^{отор}ое я чувствую, читая Андерсена и Карамзина, утверждаю, что они братья по духу.

Люди не знают, что – когда я с ними, я веселюсь – потому что я с ними.

Глубокая серьезность моего существа – трагичность – никто об этом не знает. Для людей я навсегда – странное *enfant terrible* – ein Kleid, *das mich gut kleidet*¹, но не сущность.

Так я людям удобоваримей.

– Мне в голову не приходит смеяться, когда я одна.

Целый день – ни души, ни звука человеческой речи. Ледяная пустыня комнат. Мой крошечный, еле живой – очаг. Пила, топор, топор, пила. Потом треск огня, потом треск выпадающих углей. Потом шум метлы по полу. Потом запевание чайника в печке. Потом стук моих поклонов о подушку.. – «Когда детей не будет, Вам будет свободней!» – О, я наперед знала! – Спасибо. –

Мой смех – или извинение за то, что я существую – или возбуждение. – Другие в обоих случаях – плачут.

¹ Здесь: сорви-голова (*фр.*) – платье, которое мне идет (*нем.*).

– «Скажите маме, чтобы она сделала так, чтобы меня не расстреляли!»

(Последний вопль сына В. Зайцевой, 22х лет.)

—

За 15 тысяч на Калитниковском кладбище могильщик согласен вырыть труп и похоронить отдельно. – Кое-где виднеются кресты.

—

И вопль этой же самой В. Зайцевой – месяц назад – при встрече со мной на улице: «Маринушка! Вы знаете: мой Лёшка арестован! Но я верю в его счастье: у него ведь две макушки!»

– Смех – и совершенно безумные глаза.

—

Москва 19^м года ничему не удивляется: мне самое время жить.

—

Победить старость – как сейчас – молодость – мне поможет – Ирония.

—

У меня появились некоторые совсем старческие жесты. Сижу одна на кровати – пилила, устала – руки некрасиво и бессильно лежат на коленях –

Не жалко и не страшно. – Пусть! (Тем более, что мне 27 лет, а с виду и 20^м нет!)

—

Enfant terrible. – Enfant – исчезает, terrible остается.

Просто: enfant terrible делается <над строкой: в один прекрасный день проснется> – terrible vieille¹.

—

¹ Ужасный ребенок. – Ребенок – [исчезает], ужасный [остается].
ужасный ребенок [сделается] – ужасной старухой (фр.).

– Старость! – Этого хватит на всю мою молодость!

Конец Казановы – старуха в Метели – теперь Бабушка – и как на грех: ни одной бабушки, ни одного дедушки, – только двое маленьких детей!

Возвращаюсь с Пречистенки с обедом. Хочется есть, спешу. Под ноги – старуха – старушонка – замерзкая: «Подайте на хлеб!» – Молча и возмущенно (у меня просить!) пробегаю мимо.

– «Куда так спешите-то?»

Я, резко: – «Домой!»

– Молода еще домой! Скажите: где живу, туда и иду. – А то «домой». – Домой-то попадешь – небось – не воротишься!»

– Если бы я была суеверна...

Но я не так глупа, чтобы быть суеверной – одна – в пустом доме, где еще вдобавок ни одна лампочка не горит.

«Паж Жеан и Ванька-ключник». Не читала этой пьесы, но, по названию с^уд^я, это обо мне сказано.

От Версали XVIII в. до хлыстовщины Калуж<ской> губ<ернии>. – Хорош диапазон? – Можно сказать: живу во весь голос.

Собачью площадку превратили в красноармейский манеж. А раньше там в окошко смотрел Пушкин и 2хлетняя Аля гуляла!

Видела недавно во сне звездный вихрь. Мы с Бальмонтом и С<ережей> пошли в цирк. Но ложа была так высока, что ничего не было видно – и каждую секунду могла обвалиться. Мы вышли. Мы с С<ережей> пошли вперед, я немножко пригнула голову к его плечу, думая: – «Пускай Бальмонт увидит, как мне, наконец, хорошо!» Шли по чудной легкой южной аллее.

Потом – помню: ночь, всё небо в радужных звездных крутящихся столбах. И Сатурн с своим кольцом – как на картинках. Я кричу: – «Глядите! Глядите! Как страшно! Господа! Глядите же!» – Но никто не ви-

дит. А я точно в бездну лечу. — А сегодня (20^м ноября по старому) я видела во сне такую фразу С<ережи> — проснулась с ней:

— «Я вернусь в Москву только тогда, когда в ней будет царь, знает — никогда не вернусь».

ЛВ/Странно! Только что я написала о суевии и пустом доме, где ни лампочки нет, как свет потух. — В моей комнате осталось два света: луны в верхнее окно и тлеющих углей в печке. Переползла к огню, стала дуть в угли, думала: «Что я буду делать весь вечер, раз даже записывать нельзя?» — Но тут свет загорелся и я, счастливая, пошла к письменному столу.

Хочу не хочу, а если Аля выйдет замуж, я для ее мужа буду «тещей». Вот — Судьба!

Я только окунаюсь в день. Высуну голову: уж ночь.

Если бы Бог знал, как я радуюсь его солнцу, Он бы каждый день посылал светить его над Борисоглебским переулком.

Я от природы не терплю запасов. Или съем или отдам.

Гёте видал Марию-Антуанетту 16^м л<ет>, проездом во Францию, в Страсбурге. — «Diese schöne junge Dame»¹ ... Она ехала в стеклянной карете и смеялась.

Гёте мне кажется — вчера, Мария-Антуанетта — тысячу лет назад!

Вообще: Германия XVIII в. мне кажется совсем близкой, точно я в ней живу, Франция XVIII в. — точно я в ней жила — давно жила — нет, не жила — во сне видала!

Гёте. В полной простоте сердца, непосредственно от его «Wahrheit und Dichtung»² и книжечки Эккермана: — где его пресловутый холод, божественность, равнодушие к миру.

¹ «Эта прекрасная молодая дама...» (нем.)

² «Правда и Поэзия» (нем.).

От первых лет жизни до ее последнего дня: любовь ко всем и всему (кажется, немножечко больше ко всему, чем ко всем!), ненасытность этой любви, простота, ясность, страстность: человек до конца, — настоящий мальчик (следов<ательно> — гениальный!), настоящий юноша, настоящий Mann im Mannesalter¹ (поездка в Италию), настоящий — как закат солнца — старик.

С Гёте перемудрили. Чтобы говорить о Гёте нужно быть Гёте — или Беттиной (мною).

О «Wahrheit und Dichtung»! — И останавливаюсь, ибо в этом возгласе столько же восторга, сколько неудовлетворенности. Гёте захотел одновременно написать историю своей жизни и своего развития, и это у него не слилось. Целые места точно вставленные: «hier gedenke ich mit Ehrfurcht noch eines gewissen X–Y–Z»² — и так десятки страниц подряд. Если бы он вплеп этих «treffliche Gelehrte»³ в свою жизнь, заставлял бы их входить в комнату, двигаться, говорить, не получалось бы местами такой схематичности: вот человек вздумал отблагодарить всех кто способствовал его развитию — и перечисляет. — Не скучно — всё значительно, но сам Goethe как-то уходит, уже не видишь его черных глаз... Но зато — о, Господи! — прогулки — мальчиком — по Франкфурту — дружба с маленьким французом — история с художником и мышью — театр — отношения с отцом — Gretchen («Nicht küssen, 's ist was so gemeines, — aber lieben, wenns möglich ist!»⁴) — их ночные встречи в погребке — Goethe в Лейпциге — уроки танцев — Sesenheim — Фредерика — луна...

О, когда я читала эту сцену с переодеванием, у меня сердце задрожало оттого, что это — Фредерика, а не я! (Хотя Фредерика — дура, а я нет.)

Уют этого старого полукрестьянского дома — пастор — игры в фанты — чтение вслух...

Я сегодня из-за всего этого никак не могла решиться встать с постели: так не хотелось жить!

¹ мужчина зрелых лет (нем.).

² «здесь должен с благодарностью упомянуть о X–Y–Z (нем.).

³ «прекрасных ученых» (нем.).

⁴ Гретхен («Не целуйте меня, это так пошло, — но любите, если вам нравится!») (нем.).

У меня была сегодня моя маленькая Италия: наша сосенка в Борисоглебском пер<еулке> на фоне большого розового дома, к<ото- р>ый я по близорукости при<ним>ала за зарю.

Начала ходить в огромных Серезиных высоких сапогах. Ношу их с двойной нежностью: Серезины – и греют.

Сколько предрассудков уже отпало! – Евреи, высокие каблукы, чищенные ногти – чистые руки! – мытье головы через день... Остаются только: буква ять и корсет.

А можно – чтобы не было страшно – вообразить себе так: хлеб сто́ит не 200 р., а – как и прежде – 2 коп., но у меня этих двух копеек нет – и никогда не будет.

И царь по прежнему в Царском Селе – только я никогда не поеду в Царские Село, а Он – в Москву.

Господи! – Сколько сейчас в России Ноздревых (променять! шарманку красного дерева и собак!) – Коробочек (почем сейчас в городе мертвые души? – Между прочим – я!) – Маниловых (Храм Дружбы – Дом Счастливой Матери и т.д.) – Чичиковых!

И так же редко – как его? Этот с армянской фамилией из 2ой час- ти, такой ирреальный, что я даже его имени не запомнила!

Я живу, как другие танцуют: до упоения – до головокружения – до тошноты!

Я знаю кто я: Танцовщица Души.

Все великие люди потеряли во мне прекрасного биографа – и Современника!

Гораздо интереснее быть современником великого человека, чем великим человеком: не отвечаешь за глупости.

Я пишу только свои настольные книги.

Вчера в Художеств<енном> Театре Союз Писателей устроил вечер стихов. Меня не позвали. Мне всё равно, ибо я кроме боязни опоздать, смущения, и звона собственного смеха в ушах ничего из такого вечера не выношу.

Но всё-таки характерно.

Я люблю читать стихи или за любовь или за деньги.

Аля на меня влияет столько же, сколько я на нее. «Танцовщица Души» – Это совершенно из Али!

Аля. Такого существа не было – и не будет. Были трехлетние гении в Музыке – в Живописи – в Поэзии – и т.д. и т.д. – но не было Зхлетнего гения – в Душе!

Дети – м<ожет> б<ыть> я когда-нибудь уж это записала – должны расти в церковном саду. Тут же розы, тут же игры, тут же – на 5 минут с разбега – Тишина, Глубина, – Вечность.

О, как я бы воспитала Алю в XVIII в.! – Какие туфли с пряжками! – Какая фамильная Библия с застежками! – Какой танцмейстер!

21ая января <сверху: ноября> 1919 г. ст. ст.

Есть рядом с нашей подлой жизнью – другая жизнь: возвышенная, – неизменная – торжественная: жизнь Церкви. Те же слова, те же движения, всё – как столетия назад!

Мы слишком мало об этом помним.

Когда мне больше не во что играть, я играю в добродетель.

«Уже не смеется».

(Надпись на моем кресте.)

Я восприняла 19^м год несколько преувеличенно: так как его воспримут люди через сто лет: ни крупинки муки, ни кусочка мыла, сама чищу трубы, на ногах сапоги в два раза больше ноги, — так какой-нибудь романист, с воображением в ущерб вкусу, будет описывать 19^м год.

Моя комната. — Ведь я когда-нибудь из нее уеду. (?) — Или я уже никогда — ни - ког - да — ничего не увижу другого, раскрыв глаза, чем: высокое окно в потолке — окаренок на полу — по всем стульям тряпки — топор — утюг (утюгом колочу по топору) — гольдмановская пила...

Люди, когда приходят, только меня растрavляют:
— «Так нельзя жить. — Это ужасно — Вам нужно всё продать и переехать».

— Продать! — Легко сказать! — Все мои вещи, когда я их покупала, мне слишком нравились, — поэтому их никто не покупает.

<28>¹ ноября 1919 г., воскресенье.

19^м год — в быту — меня ничему не научил: ни бережливости, ни воздержанию.

Хлеб я так же легко беру — ем — отдаю, как если бы он стоил 2 коп. (сейчас 200 р.), а кофе и чай я всегда пила без сахара.

— Есть-ли сейчас в России — Розанов умер — настоящий созерцатель и наблюдатель, который мог бы написать настоящую книгу о Голде — человек, который хочет есть — человек, к<отор>ый хочет курить — человек, которому холодно — о человеке, у которого много — и который не дает, — о человеке, у которого мало — и который дает — о прежних щедрых — скаредных, о прежних скупых — щедрых, о прежних гордых — согбенных, — о прежних согбенных — гордых — и, наконец, обо мне: Поэте и Женщине — одной, одной, одной — как дуб — как волк — как Бог — среди всяческих чум Москвы 19^м года.

Я бы написала — если бы не душа женщины во мне — не моя близорукость — не вся моя особенность, мешающими<мешающие> мне иногда видеть вещи такими, как они есть.

¹ У Цветаевой дата не вписана.

Возвращаюсь к этому — ибо это очень важно.

Я никогда не напишу гениального произведения, — не из-за недостатка дарования — слово мой вернейший слуга, по первому свисту здесь — нет, и свистеть не приходится, — стоит и смотрит <пропуск одного слова> — не из-за недостатка дарования ни внешнего ни внутренне-го — а из-за моей *особенности*, я бы сказала какой-то причудливости всей моей природы. Выбери я напр<имер> вместо Казановы Троянскую войну — нет, и тогда Елена вышла бы Генриэттой, т.е. — *мной*.

Не то, что я не могу оторваться от себя, своего, что ничего другого не вижу, — вижу и знаю, что есть другое, но оно мне настолько меньше нравится, я — мое — мой мир — настолько для меня соблазнительнее, что я лучше предпочитаю не быть гением, а писать о женщине XVIII в. в плаще — просто Плаще — себе.

Иду по Собачьей площадке. Тонкий голос:

— «Здравствуйте! А Ваша Аля по Вас скучает!»

Оглядываюсь: жалкая простая девочка лет 10^м в рваном желтом пальто. Рядом деревенские сани с соломой, рыжая лошадь. — «Ты дела Алю?» — Оказывается, девочка из Алиного приюта, приехала с заведующей в Лигу Спасения Детей «за продуктами». Я, взволнованно и горестно: — «Ну, как Аля? Как она живет?» — «Скучает, плачет». — «Ну, а пишет?» — «Пишет. Только в школу почему-то не ходит»¹. — «Ну, а гуляет?» — «Нет, мы сейчас не гуляем, — холодно». — «Ну, а подружилась с кем-нибудь?» — «Она со всеми дружит».

Бегу галопом домой, лихорадочно собираю Але: Сережиного льва, иконку, другого льва — каменного — (подарок)<,> мое толстое письмо, к<отор>ое я писала все вечера — связываю все это в грязный фартук — теряю ключи — варежки — руки дрожат — лошадь может уехать — несусь в бывшую детскую, где весь скарб, выхватываю оттуда — наугад — детскую лейку — сломан<ный> автомобиль — пустую клетку для белки — детям в приют — мчу обратно на Собачью: ура! лошадь стоит! — передаю всё это девочке — бегу в Лигу Спасения, разыскиваю заведующую.

Следующий разговор:

— «Ну, и Ирина!»

— «Всё поет?»

— «Поет, кричит, никому покою не дает. Это определенно дефективный ребенок: подхватит какое-н<и>б<удь> слово и повторяет — без

¹ Знаю почему: буква ъ! О, Аля! (Примечание М.Цветаевой.)

конца совершенно бессмысленно. Ест ужасно много и всегда голодна. Вы совершенно напрасно отдали ее к нам, она по возрасту принадлежит в ясли, кроме того, как явно-дефективного ребенка, ее надо отдать в специальное заведение».

Я, почти радостно: — «Ну, я же всегда говорила! Не правда ли, для 2¹/₂ лет она чудовищно-неразвита?»

— «Я же Вам говорю: дефективный ребенок. Кроме того, она всё время кричит. Знаете, были у меня дети-лгуны, дети, к<отор>ые ворovali»...

— «Но такого ребенка Вы еще не видали?»

— «Никогда». — (Тирада о дефективности, при чем мы обе — почему-то — сияем.)

— «Ну, а Аля?»

— «О, это очень хорошая девочка, только чрезмерно развита. Это не 7 лет, а 12, — да какой 12! Ею видно очень много занимались».

— «Вы не мешаете ей писать?»

— «Нет, почему? Она пишет, читает, ну а вчера поплакала немножко. Она читала книжку, рядом другая лежит, подошел мальчик — неграмотный — тоже захотел посмотреть»...

(Бедная Аля! Это как если бы какой-нибудь солдат со Смоленского захотел «посмотреть» мою золотую, с золотым обрезаем — без единой картинки! — Беттину!)

— «Ваша девочка там говорила мне, что Аля не ходит в школу»...

— «Да, да, мы ее не заставляем, надо, наоборот, приостановить развитие, дать ей возможность развиться физически»...

(Я ликую: буква ъ спасена! Аля будет читать про Байрона и Бетховена, писать мне в тетрадку и «развиваться физически» — всё, что мне нужно!..)

— «Ну, а Ирина!!! Она видно очень голодала, жалко смотреть. Но кричит?¹ — Скажите, чьи это, собственно, дети? Они брошены, что ли в квартире? Они ничего не могут сказать»...

— «Да, да, я была знакома с их родителями. Я — крестная мать Али».

— «Да, она тоже так говорит».

— «Скажите» — чтобы перевести тему — «м<ожет> б<ыть> вам нужны какие-нибудь детские вещи? Лифчики, панталоны и т.д. У меня их миллион, не знаю, что с ними делать»...

¹ Ирина, к<отор>ая при мне никогда не смела пикнуть. Узнаю ее гнусность. (Примечание М.Цветаевой.)

Заведующая сияет, горячо благодарит, я на секундочку спасена, умоляю ее передать пакет Але, улыбаемся, ждем друг другу руки, — поехали!

Во вторник в 11 утра она заедет за мной на лошади, я передам ей узел с Ириниными гадостями (этот дефективный ребенок не проснется, — Vous voyez ça d'ici! — Хорошее приобретение! — Я даже хотела съечь! —) — передам ей пакет с гадостями и прикачу на санках к Але, увижу ее сияющие (от одной меня) голубые глаза и тетрадку. — Не привезти ли ей туда шарманку? Боюсь одного — Алиных слёз, когда ее сломают, — а сломают непременно!

Камень — чем с бóльшей высоты — тем громче } падает, — так
звонче }

Слово. Была бы я — в старинные времена — Великой княжной — или дочерью какой-нибудь мировой известности — хотя бы какого-нибудь Саввы Морозова или кожевенника — мои записные книжки имели бы больше читателей, чем сейчас (ни одного, — Аля не разбирает почерка!)

— Я и Инстинкт. —

Душа у меня заела инстинкт, вернее:

mon instinct — c'est l'Amé!¹

Так напр<имер>: я не могу, прощаясь, не поцеловать заразного больного — хотя знаю, что заразительно, боюсь и не хочу умереть — но просто *не могу* — стыдно — скорее гору сдвину!

Нелепо, ибо хочу жить и *знаю* ценность своей жизни: хотя бы просто головы! мозга! — и в этом нет никакого благородства, ибо, целуя, *боюсь*, (еще бы немножко — сплюнула, как от <с>глазу) — и всё-таки лезу, с беззаботным и сияющим видом — *par pure politesse*² — как *очень многое*, что я делаю!

— О, если б я была богата! —

Милый 19^м год, это ты научил меня этому воплю! Раньше, когда у всех всё было, я и то ухитрялась давать, а сейчас, когда ни у кого ни-

¹ мой инстинкт — это Душа (фр.).

² из чистой любезности (фр.).

чего нет (у порядочных!) я ничего не могу дать, кроме души — улыбки — иногда полено дров (от легкомыслия!) — а этого мало.

О, какое поле деятельности для меня сейчас, для моей ненасытности на любовь (только тогда живу!) — Кроме того, на эту удочку идут все — даже самые сложные! — даже я! Я напр<имер> сейчас определенно люблю только тех, кто мне дает — обещает и не дает — всё равно! — хотя бы минуточку — искренно — (а м<ожет> б<ыть> и не искренно, — наплевать!) хотел бы дать.

Фраза — поэтому и весь смысл — по причуде пера и сердца — могла бы пойти иначе, и тоже была бы правда.

— Раньше, когда у всех всё было, я всё-таки ухитрялась давать. Теперь, когда у меня ничего нет, я всё-таки ухитряюсь давать.

— Хорошо?

Даю я — как всё делаю — из какого-то душевного авантюризма — ради улыбки — своей и чужой.

Не авантюра в моей жизни был только С<ережа>, местами Аля — и я сама — наедине с собой.

<Четыре строчки тщательно зачеркнуты.>

— Больше всего в мире — из душевных вещей — я дрожу за: Алины тетрадки — свои записные книжки — потом пьесы — стихи далекó позади, в Алиных тетрадках, своих записных книгах и пьесах я — больше я: первые два — мой каждый день, пьесы — мой Праздник, а стихи, пожалуй, моя неполная исповедь, менее точны, меньше — я.

Что мне нравится в Авантюризме? — Слово.

Мое завещание детям:

— «Господа! Живите с большой буквы!» (Моя мать перед смертью сказала: «Живите по правде, дети, — по правде живите!» — Как туманно! — Правда! — Я никогда не употребляю этого слова. — Правда! — Как скудно — нищё — не завлекательно!<)>— «Живите под музыку» — или — «Живите, как перед Смертью» — или — просто: — «Живите!»

Моя мать. Высокая худая сильная, темные волнистые волосы, прекрасный мужественный лоб, карие — средней величины — необычай-

но ясные — немножко жуткие — глаза — длинный с горбинкою нос — грустный, несколько брезгливый рот, стройный овал лица, легко загорающийся нежный румянец: мужественность очертания и женственность раскраски — как у меня! — Покатые плечи, длинная свободная шея, — отсутствие «фигуры» — юношественность. Руки большие, очень белые, благородной, но мужественной формы — грустные и умные руки — несколько колец.

Ее любили мужчины — мальчишки! — и не терпели женщины («дамы»). К первым относилась матерински-насмешливо-нежно, ко вторым вызывающе. Слушала исповеди, понимала грехи, не греша (от хорошего воспитания! я тоже этим кончу.)

Жила Музыкой, т.е. Душой, как я — Душой, т.е. Музыкой.

К своим детям была строга, как я к своим, в лицо ругала, втайне гордилась, воспитывала нелепо (и правильно — ибо нас с Асей!), *требовала* гениальности — никогда не забуду ее оскорбленных возгласов:

— «Я семи лет уже галлюцинации Марса видела! Марс с кубком — на лестнице! — и кубок покатился с звоном! — Меня после этого учить перестали, а вы!..»

— «Мама, кто такое — Бонапарт?»

— «Тебе 6 лет и ты не знаешь кто такое Бонапарт! *Моя* дочь!»

— «Но откуда я могу знать? Мне же никто не говорил!»

— «Да это ведь в воздухе носится!»

Любовь к бедности. (Бедность — Андерсен.) К уюту в бедности, к мансардам, к простонародным прогулкам: заставам, кладбищам, к старым девам — особенно немецким — чтобы 2 сестры и *Weihnachtslieder*¹ взявшись за руки вокруг ёлки — культ Наполеона — приютила у себя в *Nervi* какого-то жулика только за то что приехал со Св. Елены — любовь к собакам и кошкам — безумная любовь! плакала и не ела, когда пропадали! — не говорю уже о любви к стихам, беру здесь подробности! — любовь к бродяжничеству: символ — ее вечная гитара с красными лентами (жена Тайного Советника и профессора, лица близкого ко Двору!) любовь к *Bohême*² — но неслиянность с нею — чтобы *Bohême* у нее в гостях, но она сама всё-таки не *Bohême* — слегка *en grande dame*³ (не *bourgeoise*⁴), верней — *en grand seigneur*⁵ — любовь к Людовику

¹ Рождественские песни (нем.).

² богеме (фр.).

³ светская дама (фр.).

⁴ буржуазка (фр.).

⁵ аристократка (фр.).

Баварскому (у меня Герцог Р<ейхштадт>ский!) – патриотизм всех стран! – одиночество – и тоже над ней смеялись и ее боялись – правдивость в глаза – неподкупность (пр<имер>: ее любовь к очень элементарным, но прекрасным – суть пересилила форму, дошла, *вопреки* форме – стихам А. Толстого «Против течения» – девиз ее жизни!) – культ книги, – теснейшим образом спаянная с причудливостью воспитанность, – обожала англичан – ах, всё обожала и так же мало легких было для Воздуху, мало воздуха для Легких! – и эта внешняя скромность: в одежде, в привычках – носила по 10 лет одно и то же платье, всегда ходила пешком...

(Но были и странности: одевала нас с Асей например, как нищих – в какие-то серпанки – 3 коп. арш<ин> – и безобразно! Так же причисывала!)

– Аристократизм. – Безукоризненность. – Когда нужно – Лед.

– «Мама, что такое – Социализм?»

(Ася 11^ш л<ет>, в 1905 г., в Ялте.)

– «Когда дворник придет у тебя играть ногами на рояле – тогда это – Социализм!»

И тот же Роман всех аристократических сердец с Революцией (в 1902 г., зимой в Nervi – в гнезде польско-евр<ейских> эмигрантов – помогала им деньгами, играла им на рояле и т.д.) – и то же отвращение к ней в 1905 г., когда имения и кровь. –

Ах, забыла! Страстная любовь к евреям, гордая, вызывающая, беспрекословная (только в 1919 г. я научилась слову «жид») – тогда – в кругу Сергея Алекс<андровича>, старых монархистов-профессоров, – придворных! – Помню, с особенной гордостью – чуть ли не хвастливо – впрочем, в это немножко играя – утверждала, что в ее жилах непременно есть капелька еврейской крови, иначе бы их так не любила! –

– Водила нас в церковь, а сама умерла без причастия – в полной памяти! (туберкулёз)

– И бессонные ночи, позднее чтение, необыкновенные сны, которые рассказывала.

– И ирония почти в гробу. – Когда у нее в Ялте было кровохаркание (в марте 1906 г., – 5^ш июля 1906 г. она умерла) и подруга, с к<ото>рой она росла вместе – Тоня – написала ей письмо, где убеждала ее вернуться к Богу (т.е. к священникам, от Бога она никогда не уходила!) – мама, в ответ на фразу: «Помни, твоя жизнь – на волоске!» – между двумя приступами кашля с насмешливой улыбкой сказала: – «Будем надеяться, что этот волосок – конский, – выдержит!»

И ее слова перед смертью. Таруса, бревенчатая комната, затемненная кустами жасмина, запах лекарств — Конец! — Ася, в розовом платье, с свистулькой из тростника в руке вбегает в комнату — и — между прочим — leichthin¹:

— «Ну, мама, как твое здоровье? Что д<окто>р сказал?»

— «Да вот, воспаление второго легкого!»

— «Только?»

— «Мне кажется, достаточно».

И я — в этот же день, кажется — она всё не спала — три дня перед смертью не закрывала глаз:

— «Ах, мама, тебе бы выспаться!»

И она, с ожесточенной иронией — как-то бесчеловечно:

— «Выплюсь — в гробу!»

И еще ее фразы: — «Мне жалко только Музыки и Солнца». (О, Господи! Не я ли?!)

И, глядя на нас с Асей, — уже издалека, с внезапной ненавистной нежностью:

— «Господи, и подумать только, что каждый мерзавец увидит, какие вы будете через 10 лет!»

Она умирала, окруженная полной бессердечностью своих детей: я тогда любила Спиридонову и Шмидта и ненавидела ее за то, что она не давала мне читать «Русскую историю» Шишко, — Ася бредила подъемными машинами, Эдисоном и резала свистульки с мальчишками сторожа. — Валерия ненавидела ее за то, что она ненавидела с<оциал> д<емократов>, Андрей просто был равнодушен. Ухаживала за ней горничная Даша в ярко-красной — как сейчас флаги — кофте, тоже с<оциал> д<емократка>. — Валерия учила ее на сельскую учительницу и она ела «то же что мы». В последние дни — дня два — при ней была сестра милосердия — маленькая, с лицом мыши, возбужденная, дразнившая Андрея, к<отор>ый лениво звал ее «сестричка», хихикающая, суежливая, — какая-то нечисть у смертного одра.

Горевал только папа — старый, добрый, непривычный к выражению своих чувств.

— Мы пошли за орехами: Ася и я. Выходим на «большую дорогу» (так называлась березовая аллея, ведущая к дому). Навстречу Валерия.

— «Ну, девочки, — умерла мама».

У меня что-то оборвалось (я потом часто старалась вызвать в себе это ощущение, потом оно утратилось.) Ася заплакала. Мы вошли.

¹ вскользь (нем.).

У мамы было перевязанное лицо, чтобы рот не раскрывался, и пятаки на глазах. В головах постели плакал папа. Мы остановились в смущении.

— «Встаньте на колени». — Мы встали, потом поцеловали руку. Я спросила у сестры милосердия:

— «Это она сама так их сложила?»

— «Нет», отвечала та со смехом, — «разве живой так руки складывает? Это мы так сложили».

И, потом: «Что ж это Ваша мамаша не дала за собой поухаживать? Взяла да померла!»...

Вечером в столовой шили платье: жена земск<ого> врача, папина родственница, горничная Даша, из принципу не снявшая красной кофты — и никто ей ничего не сказал! — Валерия — и даже я, с внезапной жалостью думая, как бы мама умилилась, узнав, что я для нее шью.

Было темно. Папа плакал. Родственница с грубоватой добротой утешала его, уговаривала есть. Андрей — с той же неумелой добротой — подбрасывал Асю к потолку, называл «двухлеткой» и «голова пухнет» — чтобы развлечь.

На др<угой> день приехал из Москвы человек со льдом. Они с сестрой милосердия безумно хохотали в кухне.

Я забыла сказать, что за три дня до маминой смерти, когда узнали, что положение безнадежно, жена земск<ого> врача поехала в Серпухов за материей для маминого платья и наших траурных.

Нам сшили серенькие клетчатые бумазейные. В них было — июль — страшно жарко.

— Маму одели. Перед смертью она распорядилась во что ее одеть, — белая блузка и черная юбка, папа из почтения велел одеть ей эту блузку и юбку. Платье надели сверху. Кольца тотчас же кто-то украл: кольцо с сапфиром и другое с тремя камешками.

— Умирала она в полном сознании, сама считала пульс. Когда сестра милосердия хотела подержать ей рюмку, сказала: «Сама» и, не удержав: — «Облилась». Потом: «Началась агония». Потом, когда сестра милосердия что-то ей предложила, сказала: — «Нет, уж лучше после». Сестра милосердия вышла за папой. Он, измученный неделями бессонницы, спал. Пока сестра милосердия разбудила его и он встал — всё было кончено. — Она умерла совсем одна. — Последнее, что она пила, было шампанское.

<Нижняя половина страницы не заполнена.>

Из моего блок-нота

Кунцево, 27^я ноября 1919 г.

Мои сны о С<ереже> коротки, как формулы: очень ясно — его лицо, жест, какое-нибудь слово.

Напр<имер> — недавно: — «Марина! Я сейчас знаменосец. Необходимо, чтобы знамя нес кто-нибудь очень высокий».

И сегодня: я у какого-то окна. И вот колдую: — «Я сейчас хочу увидеть то озеро в Усень-Ивановском заводе. Чтобы слева — на той стороне — лес и палатки башкиров».

— Озеро, лес и палатки башкиров. —

И я восстановив всё — значит, есть и С<ережа> — в полоборота, в глубину комнаты, где — приказываю, чтобы Сережа был:

— «Сереженька! Ради Бога, скажите мне, живы Вы или нет?»

И он — по солдатски — весело:

— «Есть!»

Еще нынешние сны: наколдовываю — не усилием воли — жадной всего существа: летнюю Феодосию — Итальянскую с большими деревьями — каждое дерево, погладив, передает меня другому — сплошная ласка по голове — сплошной шелест по голове — точно коридор, толка к<отор>ого я касаюсь — тепло — освещенные лавочки — весь тот воздух.

Узнаю повороты, переулки, дома. Вот серо-голубой дом — картонный, как на сцене — где заворачивают к Асе. И вот — высокая лестница. По ней восходит целая толпа злых и грязных людей и детей. Какая-то девчонка с заостренным лицом, в платке, ехидная. Я ищу С<ережу>, его нет. Не сделав и трех шагов по лестнице, спускаюсь. Как раз мимо меня проходит мальчик — желтый — с чудесными голубыми глазами — круги под ними. Я спрашиваю его: — «Ну что, ты тоже ходил?» — И он — так жалобно — показывает Льва. — И я узнаю Алю.

И еще сон: серая, серая ночная мгла Москвы. Бегу по Арбату. Навстречу маски.

28^я ноября 1919 г. (ровно 2 недели, как дети в приюте.)

— Сил нет писать. — Пороху нет писать. Гадалка на вокзале сказала, что я успокоюсь червонным королем и своим домом.

— Дай Бог! — О, сердечная дорога!

Господи! Становлюсь на колени перед Тобой в снег. Моя заступница в небесах — Иоанна д'Арк! — Не смею писать, высказ<ать> своей просьбы, но Вы, которые читаете в сердцах, Вы ее знаете!

Сейчас — через корридор — решается дело моей жизни.

Господи! Раздвинь тучи, яви свой Лик!

— Господи!

Когда я в чужом доме, я удесятерюсь. От желания не мешать, я перехожу из комнаты в комнату, из угла в угол — и человек видит меня везде: то здесь — то там — то там — как та ужасная морда в Ундине, возниковавшая повсюду от каждого удара гребцов.

Что такое голод? Смутное душевное беспокойство — озабоченность — *idée fixe*¹.

(Три ступени.)

О, Господи, при моем умении — даре — страсти — наблюдать и определять — (созерцать и ваять) — никакое страдание не страшно, кроме чужого! (*Другому* больно, *другой* голоден и т.д.)

Я больше скажу: своего страдания — нет.

Единственная любовь, от которой потом не тошно, это любовь *вне* пола, любовь к другому во имя его. — Остальное — обман, туман.

Письмо к Але, после первого посещения ее в приюте

Алечка!

Это письмо ты прочтешь уже в Борисоглебском. Будет топиться печечка, я буду подкладывать дрова, может быть удастся истопить плиту — дай Бог, чтобы она не дымила! — Будет вариться еда — наполню все кострюльки.

Ты будешь есть — есть — есть!

— Будет тепло, завесим окна коврами.

— Аля, уходя я перекрестила красные столбы твоего приюта.

Аля! Ангел, мне Богом данный!

¹ навязчивая идея (*фр.*).

У меня глаза горят от слёз. Дай Бог — Бог, на коленях прошу Тебя! — чтобы всё это скорей прошло, чтобы мы опять были вместе.

—
(Не кончено.)
—

28го ноября 1919 г. — продолжение.

В гостях я неизбежно превращаюсь в маленького ребенка. Этого нельзя — нет, сюда не кладите, п<отому> ч<то> здесь бумаги — нет, здесь курить нельзя — перевесьте, пожалуйста, шубу, здесь платья — нет, сейчас мыться нельзя, п<отому> ч<то> такой-то спит — и так всё время. Не говоря уже о вечном коме в горле от сознания *чужой* еды.

Нужно быть идиотом, чтобы гостить добровольно!

—
Презрение порядочной прислуги — о, это целый роман! От первого взгляда до последнего!

Куда там Гамсун и Достоевский с их героинями!

—
Меня презирают — (и в праве презирать) — все.

Служащие за то, что не служу, писатели за то, что не печатаю, прислуги за то, что не барыня, барыни за то, что в мужицких сапогах (прислуги и барыни!)

Кроме того — все — за безденежье.

$\frac{1}{2}$ презирают, $\frac{1}{4}$ презирает и жалеет, $\frac{1}{4}$ — жалеет. ($\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4} = 1$)

А то, что уже вне единицы — Поэты! — восторгаются.

—
Замыслим вселенную, как единицу.

— Великолепно. — Там мне, бессмысленной, места нет. Но мы за были еще один кро-охотный кусочек. — Там мой дом.

—
Стихи.

О души бессмертный дар!
Слёзный след жемчужный!
Бедный, бедный мой товар,
Никому не нужный!

Сердце нынче не в цене,
 Все другим богаты!
 Приговор мой на стене:
 Чересчур легка ты...

6ая дек <абря> 1919 г., ст.ст.

Я так мало женщина, что ни разу, ни разу мне в голову не пришло,
 что от голода и холода зимы 19 года есть иное средство, чем продажа на
 рынке.

Порядочная женщина — не женщина.

Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить.
 А так — руки скрестить, тихонько плыть
 Глазами по пустому небосклону.
 Ни за свободу я — ни против оной
 — О, Господи! — не шевельну перстом.
 Я не-дышать хочу — руки крестом!

Слишком уж много снегу,
 Слишком уж мало хлеба...
 (Москва 19 г.)

М<ария> Б<ашкирцева> сказала:
 Dieu! Pourquoi dans ton œuvre céleste
 Tant d'éléments — si peu d'accord?..¹

Замените céleste — terrestre² —
 — Я. —
 (Рев<олюции> — войны — XX в. !)

Переносить терпеливо чужие страдания, — этого Бог не может тре-
 бовать.

¹ Господи! Почему в Твоем небесном творении
 Столько несогласованных частей?.. (фр.)

² небесный — земной (фр.).

Писать – значит жить: любить книжечки, слова, почерк, – хотеть, чтобы что-то было, – м<ожет> б<ыть> – вечно было. А когда не жить – рука не хочет пера.

Богу.

– М<ожет> б<ыть> это урок, – тогда спасибо.

Я могу сказать одно: Бога (жизнь) я любила *до последней возможности*.

Аля – (мой первый приезд к ней в госпиталь) – в жару:

– «М<арина>! Я знаю, что значат стихи Блока: ребенок ушел на небо, а карлик выполз и остановил часы жизни.»

(Ей без меня дали № какого-то старого Сатирикона, где, между прочим – издевательски – цитировались стихи Блока: «В голубой да-лёкой спаленке»...)

Ночью, просыпаясь – рядом говор к<расноармей>цев –

– «Бедные бессонные солдаты!»

Глядя в мои глаза:

– «В Ваших глазах – я.»

В ответ на мои стихи «Сердце нынче не в цене...» – почти со слезами:

– «Для *меня* в цене!»

Вечером, в госпитале, разговор коммунистов за стеной:

– «А я говорю Вам, что у Девы Марии был любовник. Я могу Вам это доказать документально!»

По дороге в Кунцево – поезд трогается – крещусь – поезд стоит – оказывается – прицепили паровоз.

– Я: – «Слишком рано перекрестилась!»

Какая-то женщина:

– «Креститься никогда не рано!»

— «В раю да с краю»...

Прекрасно понимаю влечение ко мне Али и С<ережи>. Существа лунные и водные, они влекутся к солнечному и огненному во мне.

Луна смотрит в окна (любит одного), Солнце — в мир (любит всех.)

Луна ищет — вглубь, Солнце идет по поверхности, танцует, плещет, *не тонет*.

Словом, в басне «Журавль и Лиса» — Луна — Журавль.

У Луны один луч. Луна — сплошной луч. Луна — сплошной клюв, Солнце — сплошной хвост (павлин.)

Даровитые еврейские дети только опережают свою бездарность.

Маленький Марк — 7 л<ет>— одет à la Wunder-Kind¹ — оттопыренные уши — жирно grassiруя:

— «Пгедлагаю исполнить следующий опыт. Пегед нами гетогта»...

— О, маленький Марк!

Аля — в госпитале — перелистывая Вечерний Альбом:

— «Ма — ама!»

— «Что?»

— «Чья типография!!!»

Гляжу: Типография Мамонтова.

Стихи.

(В госпитале.)

Между воскресеньем и субботой

Я повисла, птица вербная.

На одно крыло — серебряная,

На другое — золотая.

Меж Забавой и Заботой

Пополам расколота, —

Серебро мое — суббота!

Воскресенье — золото!

¹ как вундеркинд (*фр.-нем.*).

Коли грусть заныла в жилушках,
 Не по нраву — корочка, —
 Знать из правого я крылушка
 Обронила перышко.

<Оставлено место для неписанной строфы.>

Наслаждайтесь! — Скоро-скоро
 Канет в страны дальние
 Ваша птица разноперая —
 Вербная — сусальная.

В синем поле — розан пламенный:
 Сердце вышито на знамени.
 Впереди — без роду-племени —
 Знаменосец молодой.

В синем поле — цвет садовый,
 Вот и дом ему, — другого
 Нет у знаменосца дома.
 Волоса его как лен.

Знаменосец, знаменосец!
 Для чего врагу выносишь
 В синем поле — красный цвет?

А как грудь ему проткнули —
 Тут же в знамя завернули.
 Сердце на сердце пришлось.

Вот и дом ему. Другого
 Нет у знаменосца дома.

16/29 дек. 1919 г. — Госпиталь. —

Алины стихи.

17^а дек <абр> 1919 г.

Ветви сплелись,
 Корни сплелись, —
 Лес Любви!

Я подарила Вам флейту,
Вы подарили мне сердце.
Флейта поет,
Сердце стучит.

Я одного человека люблю.
Он летит над землею
В звездном плаще.

Поезд гудит.
Прощальный гудок —
Душу уносит.
— Сколько уносит он душ! —
Я Вас люблю.

Простите Любви, — она нищая!
(далее — я:)

У ней башмаки нечищены, —
И вовсе без башмаков.

Стояла вчерась на паперти,
Молилася Божьей Матери, —
Ей в дар башмачек сняла.

Другой — на углу, у булочной,
Сняла ребятишкам уличным:
Где милый — узнать — прошел.

Босая теперь, как ангелы!
Не знает, что ей сафьянные
В раю башмачки стоят!..

Не стыдись, страна Россия!
Ангелы всегда босые...

(2ая строчка — лучшая — Алина.)

Аля— Сочельник 1919 г. — Госпиталь.

— «М<арина>! Знаете — что меня без Вас утешало? — Поезд и стихи».

— «Марина! Когда Вы так глядите вниз, Вы похожи на мраморную богиню».

— «М<арина>! Вы точно цыганка, к<отор>ая меня украла.»

— «Из рая.»

— «Я это подумала.»

Рассказ Бальмонта

Возвращаюсь откуда-то поздней ночью — маленькими переулками. Тихо, пустынно, снежно. Вдруг, у каких-то ворот — огромный огонь. Костер горит. И прислонившись к фонарному столбу, задумчивый-задумчивый — в какой-то хорошей позе — милиционер. Смотрит в огонь. И тут я вдруг говорю вслух: — «Умерла Москва» — иду и говорю: — «Умерла Москва».

И вдруг слышу за собой шаг — мелкий-мелкий, торопливый. Равняется. Маленькая старушонка. Мне почему-то становится неприятно. Несколько времени она идет со мной рядом, потом вдруг: — «Дяденька, а дяденька, где мой дом?»

— «Г<о> е<сть> как — где Ваш дом?»

— «Я вот иду к тете, и не знаю, где мой дом?»

— «А где Вы живете?»

— «Я к тете иду, а дом где мой — не знаю».

— «Назовите мне улицу, где Ваш дом, тогда я Вам скажу, как пройти».

— «Так Вы, значит, не хотите мне сказать, где мой дом?»

Мне уже по настоящему жутко. Ускоряю шаг. Она бежит рядом.

— «Дяденька, а дяденька! Скажите! Я уж столько времени ищу!»

— «Но, милая, я бы с удовольствием, — только я ведь не знаю»...

— «И Вы, значит, не знаете?»

— «Постарайтесь вспомнить название улицы»...

— «И Вы, значит, своего дома не можете найти?»

Тут я чувствую, что больше не могу, что это кошмар — небытие — Смерть. Почти бегу, она догоняет. Сворачиваю в переулок.

И уже издалека слышу, как она опять кого-то спрашивает: «Дяденька, а дяденька»...

Я: — «О, Бальмонт! Как замечательно! И как всё ясно. — Новая Россия — милиционер у столба смотрит в огонь — Москва, к<отор>ая не знает, где ее дом — и Вы, Поэт...

И Москва спрашивает дорогу у Поэта...»

Бальмонт рассказывает мне о Египте — как, когда вынули из земли осколок вазы, где когда-то хранился мед, — к осколку в ту же секунду подлетела оса — и — в полоборота Елене:

— «Елена! Это с нами было — или у Масперо?»

NB! Записать Б<альмон>та в Чрезвычайке.

Аля:

— «М<арина>! Что такое — аристократ?»

— «Я тебе сначала объясню, как другие это слово употребляют, а потом — как я.

Для других — аристократ — человек высокого рождения...»

Аля, быстро:

— «А для Вас — высокого духа».

Стихи

Звезда над люлькой — и звезда над гробом.

А посредине — голубым сугробом —

Большая жизнь. Хоть я тебе и мать,

Мне больше нечего тебе сказать —

Звезда моя!...

Кунцевская эпопея.

Отъезд в Кунцево я описала.

10 дней спустя я, проходя по Собачьей площадке, услышала тонкий голосок:

— «А Ваша Алечка по Вас скучает, плачет».

— Оглядываюсь. Рыжая лошадь, сани, наполненные соломой, и маленькая девочка лет десяти, в платке.

— «Вы знаете Алю?! Вы из приюта? Ну, как Аля?»

— «Всё плачет, скучает».

О, как сжалось мое сердце!

— «Ну, а подружилась с кем-нибудь?»

— «Она со всеми дружит».

— «Читает, пишет?»

— «Читает и пишет в тетрадку».

— «Ну, а гуляет?»

— «Нет, у нас сейчас не гуляют, — холодно».

— «Ну, а не бьют ее?»

— «Нет, у нас не дерутся».

Сговариваюсь с девочкой, что подождет меня, лечу домой, схватываю наспех письмо к Але, к<отор>ое писала все вечера, лечу в детскую, хватаю наугад пустую клетку от белки, сломанный автомобиль, еще какие-то детские отслужившие чудовища, — потом Але образок (старинный, Иверской Божьей Матери) — маленького каменного японского льва на постаменте, связываю всё это в узелок, мчусь обратно на Собачью, отыскиваю в Лиге Спасения Детей заведующую — Настасью Сергеевну — вручаю узелок, письмо, расспрашиваю о детях.

— «Аля — очень хорошая девочка, только чрезмерно развитая, ей можно дать 12 л<ет>, — какое 12 — шестнадцать! Я нарочно с ней не разговариваю, стараюсь приостановить развитие. Всё читает, пишет, такая тихенькая. Ну, а сегодня поплакала немножечко: она читала книжку, подошел мальчик — неграмотный — тоже захотел посмотреть. Она не дает, ну он взял...»

— «Ну, а Ирина?»

— «Ну и Ирина! Это явно дефективный ребенок. Ест она ужасно много и всё голодна, и всё качается, и всё поет. Кто-н<и>б<удь> скажет слово, она подхватит и пойдет без всякого смысла повторять. — Она у нас на особенном положении» — и т.д.

Сговариваемся с заведующей, что послезавтра она за мной заедет.

Через 2 дня до получаса жду, жду, жду. Время идет, никакой заведующей. Иду в Лигу, нахожу ее.

— «Ну что, Вы меня берете с собой?»

— «Нет, не могу, нам еще надо в уезд».

В голосе и в лице холодок.

— «Ну как дети?» — «Ваша Аля что-то захворала».

— «Господи! Что с ней?»

— «Не знаю, д<окто>р еще не был. Жар, голова болит. Сегодня я ее не спустила с постели».

— «Одну минуточку, я сейчас сбегая домой, напишу ей записочку, — это рядом, в Б<орисоглеб>ском, я сейчас. И поцелуйте ее за меня, и скажите, что я завтра же приеду...»

— Лечу домой, пишу записочку, — вся внутренность провалилась — тоска не в груди, — в животе. —

Дома мечусь по комнате — вдруг понимаю, что еду сегодня же — забегая к Б<альмон>там отдать им рисовую сладкую кашу (усиленное детское питание на Пречистенке, карточки остались после детей) — в горло не идет, а в приюте дети закармлиены — от Б<альмон>тов на вокзал, по обыкновению сомневаюсь в дороге, тысячу раз спрашиваю, ноги болят (хромые башмаки), каждый шаг — мучение — холодно — калосш нет — тоска — и страх — ужас.

В Кунцеве иду к Л<идии> А<лександровне>, рассказываю, она утешает. Уже темно (выехала с 4 часовым), в приют идти нельзя. Тысячу раз спрашиваю у Л<идии> А<лександровны> и Володи дорогу. — Близко, как от Б<орисоглеб>ского до Луб<янской> площади — всё прямо, прямо, потом Очаковская фабричная труба, а справа ворота с надписью «Центроспирт» — или «Центрожир». А сначала — деревня Аминьево.

Записываю все повороты, озабоченность, что не дойду немножко отвлекает от мысли об Алиной болезни. — Аминьево — Очаковская труба — Центр — с этим засыпаю.

Выхожу на след<ующее> утро в 11 ч., — встала в 8 ч. и могла бы давно быть у Али, но отчасти страх, отчасти доводы Л<идии> А<лександровны> и Володи выпить чаю (моя вечная роковая вежливость) удерживают.

Гляжу на бумажку — иду. Да, несколько шагов меня подвозит Володя, едущий по делам Госпиталя. (Главный врач.)

— «Ну, а теперь всё прямо, прямо, до Очаковской трубы...» Я выпрыгиваю, благодарю. Справа ели, слева и впереди пустынные поля. Иду.

В дер<евне> Аминьева меня дразнят дети, кричат какие-то неприличные слова. Дорога вверх и вниз — крутой спуск — замерзший пруд. Кто-то спрашивает меня, не меняю ли я табак.

Иду, терзаясь, правильно ли, хотя дорога — одна. Наконец — как чудо, в к<отор>ое я не верила — Очаковская труба. Справа ворота. — Центр. —

Иду по огромной аллее. Страх почему-то уменьшился — сейчас увижу Алю! — Потом мостик — потом крутой спуск — знакомая котло-

вина — приют. Вхожу. Кто-то из детей: — «А Ваша Аля заболела!» — «Знаю, вот я и приехала, проводите меня, пож<алуйста>, к ней». Идем по широкой темной желтой внутренней лестнице. Пахнет сосной. 2ой этаж. Какая-то девочка бежит вперед: — «Аля! К тебе тетя приехала!» Вхожу. Множество постелей. Ничего не различаю. (Абсолютно близорука.)

Вопль: — «Марина!»

Всё еще ничего не видя, направляюсь в глубину комнаты, по голу.

Грязное *страшное*, нищенское ватное одеяло. Из под него воспаленные ярко-красные от слез Алины огромные глаза. Лихорадочное лицо, всё в слезах. Бритая голова. Аля приподымается: вижу, что лежит в клетчатом своем шерстяном платье.

— «Аля!!! Что с тобой?!»

И она, кидаясь мне на грудь — рыдая:

— «О Марина! Сколько несчастий! Сколько несчастий! Дети разорвали мою тетрадку — и крышку с той книги — с Вашей любимой — и я совсем не могу стоять!»

Прижимаю ее к себе. Ничего не могу выговорить. Она плачет.

— «Аля! Тебя обрили?»

— «Да. Но я сохранила Вам локон на память, он в книжке, в «Волшебном фонаре».

Достает из под подушки мой синий бархатный томик, раскрывает: золотистая прядь ее чудесных — Стюарт! — волос, заложенная на с<лотвор>рении <название не вписано.>

— «Но тетрадка, тетрадка! Но, Марина, я *правда* не виновата! Дети»...

— «Алечка, успокойся, это ничего, это всё ерунда, я возьму тебя отсюда. — Они всю ее разорвали?»

— «Нет, только белые листы. Я *так* защищала! И крышку от той книги... Но тетрадку я связала веревкой»...

Зовет надзирательницу — Лидию Конст<антиновну> — и умоляет ее принести тетрадку.

Расспрашиваю надзир<ательницу> об Алиной болезни.

(Забыла сказать, что больных очень много, — человек 15, по двое по трое в одной кровати.)

Выясняется: д<окто>р не был и не будет — слишком далёко — лекартв нет — градусника тоже.

Рядом с Алей лежит стриженная девочка, лет пяти. Всё время делает под себя, неустанно стонет и мотает головой. Через кровать — два

мальчика, головами врозь. Еще дальше — девочка с маленьким братом, Петей.

Тут только замечаю мотающуюся Ирину. Грязное до нельзя розовое платье до пят, остриженная голова, худая вытянутая шея. Мотается между кроватями.

— «Ирина!» — Подымаю <одно слово не вписано>, гляжу: нет, не поправилась, пожалуй похудела. Лицо несколько другое, — еще серьезнее. Огромные темно-серо-зеленые глаза. Не улыбается. Волосы торчат ершом.

— «Марина! Вы меня простите, но она ужасно похожа на тюленя! У-жасно!» говорит Аля.

— «Она ужасно себя ведет, — и что у нее за привычка такая по ночам делать», — жалуется Лидия Конст<антиновна> — «уж я ее и подымила, и сажала каждые полчаса, — нет, — раза три в ночь наделает, и стирать негде, водопровод испорчен. — То просится, а как посадишь «не надо!» И так кричит. И что она этим хочет сказать?! — А Вот старшая у Вас уж даже слишком развита, — как пишет! Это у нее вроде дневника ведь, я читала. Как она нашего Петушка описала!!!»

Даю Але лепешку, Ирине картошку. Аля рассказывает, что Ирина ничего ни у кого, кроме Лидии Конст<антиновны>, из рук не берет. Дети дают, а она не трогает: стоит и смотрит. И еще:

— «Ирина, дай картошку!»

— «Моя картошина!»

— «Ирина, дай Козловский совет!»

— «Моя (!!!) Козловский савек!» и т.д. Дети Ирину не любят, дразнят. Когда ее хотят сажать на горшок, она бросается на пол и молотится головой.

Постепенно *понимаю* ужас приюта: воды нет, дети — за неимением теплых вещей — не гуляют, — ни врача — ни лекарств — безумная грязь — полы, как сажа — лютый холод (отопление испорчено.) — Скоро обед.

Л<идия> Конст<антиновна> раскладывает: первое — на дне *мелкой* тарелки вода с несколькими листками капусты. Я глазам своим не верю. Второе: одна столовая (обыкновенная) ложка чечевицы, потом «добавок» — вторая. Хлеба нет. И всё. Дети, чтобы продлить удовольствие, едят чечевицу по зернышку. Во время раскладки в больничную комнату врываются здоровые «проверять», — не утаила ли надзирательница ложки.

Холодея, *понимаю*: да ведь это же — *голод*! Вот так рис и шоколад, к<отор>ыми меня соблазнил Павлушков! (Врач, устроивший детей в приют).

Ирина, почуяв мое присутствие, ведет себя скромно. Никаких «не дадо!» — (единств<енное> слово, к<отор>ое она выучила в приюте) дает сажать себя на горшок. Л<идия> Конст<антиновна> не нахвалится.

— «Ирина, а это кто к тебе пришел?»

Ирина, по обыкновению, взглянув на меня отвертывается. Молчит.

Кормлю Алю сама. Ложки деревянные, огромные, никак не лезут в рот. Аля, несмотря на жар, ест с жадностью.

— «Ну, а утром что дают?» — «Воду с молоком и полсушки, — иногда кусочек хлеба». — «А вечером?» — «Суп». — «Без хлеба?» — «Иногда с хлебом, только редко».

Дети поменьше, съев, плачут. — «Есть хочется!» Алина соседка не переставая стонет. — «Что это она?» — «А ей есть хочется». — «И так всегда кормят?» — «Всегда».

Гляжу в окно. Снег чуть померк, скоро стемнеет. La mort dans le сœur¹ — прощаюсь. Целую и крешу Алю. — «Алечка, не плачь, я завтра непременно приду. И увезу тебя отсюда!»

Целую и крешу. — «Марина, не забудьте тетрадку! И книжки возьмите, а то дети их совсем растреплют».

Выхожу. И опять аллея — красные столбы приюта — крешу их — и опять мостик — пруд — снега. Иду с чувством возрастающего ужаса, но боязнь сбиться с дороги несколько отвлекает. Сворачиваю направо, спрашиваю у встречного мужика — так ли в Кунцево — нет, налево.

И вот — большими снегами — одна — ноги болят — в сердце тоска смертная — иду.

У Л<идии> А<лександровны> в доме было уже темно. Я тихонечко взошла, села на стул и заплакала.

Толстая Мария (прислуга из хорошего дома, меня презирающая) по приказанию Л<идии> А<лександровны> подала на стол. Я сидела в темноте, не ела и плакала. Л<идия> А<лександровна> в соседней комнате разговаривала с Володей. Потом позвала меня:

— «Ну что?»

— «Кошмар». — Я ответила тихим голосом, чтобы не слышно было слёз.

— «Т<о> е<сть> как?»

¹ Смерть в сердце (фр.).

— «Их там не кормят и не лечат — ни градусника — ни лекарств — ни врача. И не топлено. Аля умрет».

Алина тетрадка.

Дорогая Алечка!

Что мне тебе сказать? — Ты уже всё знаешь! И что мне тебе дать? — У тебя уже всё есть! — Но всё-таки — несколько слов — на дорогу!

Ты сейчас спишь на моей постели, под голубым одеялом и овчиной, и наверное видишь меня во сне. Так как ты меня любил только еще один человек: Сережа. Та же любовь, те же глаза, те же слова.

— Алечка! — Спасибо тебе за всё: и за окурки, и за корки, и за спички, и за окаренко, и за бесконечное твое терпение, и за беспримерное твое рвение, — я была тобой счастлива, ты мне заменяла: воду, которая замерзла, хлеб, <отор>ый слишком дорог, огонь, которого нет в печи — смеюсь! — ты мне была больше этого: Смыслом — Радостью — Роскошью.

Милая Алечка, не томись, не горюй. То, что сейчас бессмысленно, окажется мудрым и нужным — только надо, чтобы время прошло! — Нет ничего случайного!

Целую тебя нежно. Пиши на букву ъ. Люби меня. Знай, я всегда с тобой.

МЦ.

Москва, 13ая ноября 1919 г., ночь.

Алина приписка:

— Марина! Я Вас люблю — я Вечно Ваша.

— Милая Марина! Здесь хорошо, дети не озорные. На Ирину жалуются. Везде очень чисто. Марина! Здесь два этажа. Мне жалко Вас. Марина! другой ребенок гораздо умней Ирины. Он говорит, просится, сам чудно ест. В окно глядят ели. Всё время думаю об Вас! Здесь двадцать две комнаты. Сижу в другой комнате, чем Ирина. Она всё время орет. Немного шумна!

Висят иконы Иисуса и Богородицы. Всё время в глазах и душе Ваш милый образ, Ваша шубка на меху, синие vareжки. Ваши глаза, русые волосы. Мне приятно вспоминать про Вас. Рядом со мной два окна, счастлива, что пишу.

Тоня: — «Правда, что писать лучше с твердым знаком?» — «О да, конечно».

Милая Марина! Как грустно! Как разрывает сердце разлука! Здесь жара. Печаль об Вас! Так печально без Вас. Я думаю, думаю, готова умереть, только бы Вы согласились быть хоть *от* части моею. Марина Марина. Как не ценила я времени с Вами.

Понравилось ли Вам письмо в черной тетрадке? Господи, какая здесь жара. О, Рождество, Рождество, торопись. Есть дают нам суп с говядиной, потом чечевица, через час маленькая чашечка молока; Господи, милая Марина.

Мы гуляем, дети тихие. О Рождество, скорей!

Марина! Как уныло
Здесь ходить без Вас.
Мрачные шаги все,
Громкий рев Ирины.
Главное — Марина,
Главное — Марина.

Марина. Соскучилась по льву. Дети трогательно светят мне.
Ах Марина!
Помереть

Мамочка! Я погибаю в тоске. Ирина сегодня ночью наделала за большое. Я с ней спала. Заведующая очень милая и довольно строгая женщина. Я пол ночи не спала, думала об Вас. Мамочка! Живется мне довольно хорошо. Не тоскуйте. Я Вам верна и люблю Вас. О милая приемная мама! О как Вы хороши. Как встала, так взяла Вашу книжечку стихов и принялась со рвением читать. Дети просили почитать. Им трогательно нравилась Ваша карточка! О Как она меня утешила. Как вечером в темноте я томилась по Вас, по Вашей комнате. О какое раскаяние.

Ирина ворочалась, толкалась. А я ей отвѣчала безумными гримасами. Марина. Не отвечаю на вопросы детей и с увлечением пишу. Чернил здесь нету. Мамочка! Уж скоро обедать. Я Ваша на Веки Веков. — Аминь. —

Здесь печально,
Но здесь хорошо,
Только Вас не хватает.
Здесь Мадонна с Христом,

Здесь чудесное мыло,
Здесь всё чисто,
Всё бело,
А постели — для Вас.
Марина! Я живу
Книгами — Писаньем —
Думами об Вас.
Здесь душе свободы нет.
Вечный рев Ирины.
Главное — Марина!
Главное — Марина!

Марина! Мы сегодня будем купаться. —

Ура!

Я Ваша! Я страдаю! Мамочка! Ирина сегодня ночью обделалась за большое три раза! Сегодня должна приехать Лидия Александровна. Ирина отравляет мне жизнь.

Вечная печальная бело-серая пелена снега! Печаль! Уж начинаю мечтать о ёлке. Топот детей, которых прогоняют с «верху». Мрачно в душе, не имеющей Вас. Всё приуныло. О приемная мать. Я Ваша! Я люблю Вас больше настоящей матери! — Виднеется дорога, по которой должен проехать заветный экипаж.

Марина! Я представляю себе наш милый дом. Печка, ведры, оканки. Всё для нашей души. Прочла «Тысяча и Одна Ночь», читаю сейчас «Биографические рассказы». — Из жизни Байрона. — Думаю, что мне удастся еще поцеловать Вас. Правда? О как Вы были добры, что приняли меня. Дети дразнят Вас: — «Ноги-то у твоей мамы какими-то тряпками обвиты». — «Это не тряпки, а гетры, а у вас тряпки». Ирина каждую ночь по два по три раза делает за большое. Сплю с «Волшебным Фонарем». Конверт у меня сломала Лидия Константиновна. Я в глубоком горе. И еще оторвала у моего «Лихтенштейна» верхний листок с названием. Я несчастна. Сегодня я должна была идти в школу. Я отказывалась, говорила про Вас, но никто не слушал. Я сегодня завтракала с «младшими». Ирину и меня остригли. Я оставила прядь из моих волос Вам на память.

Написала уж письмо к Рождеству. Ирина выучила одно слово: «Не дадо.» — не надо.

Лидия Алекс<андровна> еще не приходила. Жду, жду, жду с трепетом каждый день, каждую минуту.

У Вас я ела лучше и наедалась больше, чем у этих. О мама! Если бы Вы знали мою тоску. Я не могу здесь жить. Я не спала еще ни одной ночи еще. Нет покою от тоски и от Ирины. Тоска ночью и Ирина ночью. Тоска днем и Ирина днем. Марина, я в первый раз в жизни так мучаюсь. О как я мучаюсь, как я Вас люблю. Я *низачто* не пойду в школу. Там не то не то. Мне нужны Вы. Всё время у меня тяжелая голова, и думаю, думаю, думаю об Вас.

О, как мне было с Вами хорошо. Вчера было Воскресение. Но мне не был тот день Праздником, он был мне тяжелой ночью. О приют.

О Марина! я всё та же, та же! Если бы Вы приехали. О какое было бы счастье. О милая Марина! Прийдите ко мне, поцелуйте меня.

Я не могу пережить месяца здесь, из-за Ирины.

Я Вас люблю, я Вас люблю, и больше ни-че-го.

Жду Вас каждый день, каждую ночь. Вчера плакала весь вечер, страдала, сердце мое разрывалось. Марина! Лидия Константиновна разорвала Вашу книгу. О помогите: сколько нужных вещей я собираюсь Вам передать.

Когда я умру последнее чувство мое и слово мое при смерти будет: «Я Ваша на земле и в Царстве Небесном». Милый мой вечный друг! Ах! Мои глаза не смотрят ни на что, кроме Вас! Вы мою душу любите. В сегодняшний день я немного ободрилась... если я только вспомню Ваше имя, как слёзы через силу текут по моим щекам. — Но время течет. — Незаметно придет минута.

Я так люблю всю, всю, всю Вас. Как Вы милы. Как хороши. Как добры.

Она пишет стихи. Она топит печку. Она жжет себе руки. Она — рыцарь. Она заменяет всему городу — Бога. Она терпелива. — Она находчива. — Ласкова. — Она заменяет Богу самых верных Ангелов. Она играет на арфе, бьет в барабан, побеждает — всех. Уголь превращается от прикосновения ее рук в замечательные плоды. Играет с самыми важными случаями жизни. Труса превращает в героя, розу — в камень¹. Самый простой свет она превращает в Северное Сияние. Замечательно рассказывает. Летает. Лед превращает в летние цветы. Ирину может превратить в красивую девочку. Вы мой верный первый и последний

¹ Очевидно, подумала — обратно. (Примечание М. Цветаевой.)

друг. Я знаю, что никого больше так как Вас не буду любить. Мой первый и последний друг — и Ваша Ариадна.

С добрым утром, Глубоко-Уважаемая Марина!

Мне немного лучше, но дума об Вас побеждает всё. Пишу сейчас одна в комнате, перед огромной лампой, и вспоминаю, как жила с Вами. Встаем довольно рано, когда еще темно. О Игра Судьбы. Как трогательно. Все те надзирательницы молятся Богу, утром и вечером. В последние дни погода становится бурная. Замораживаются вторые стекла окон, ели покрыты инеем и снегом. С удовольствием пишу по линейкам написанным Вашей рукой. Мариночка! Мне виделось видение Сережи и Вас. Марина! Не будьте печальны. — Ведь я вечно с Вами. Мне горестно и радостно! О мучительная Любовь. Небо слегка голубое. Вы меня любите? Если нет, то я обняла всю Вас своей любовью.

С Добрым утром. Какое замечательное до слёз воспоминание осталось о Вас, о Доме. О Боже Мой. Как радостно и приятно вспоминать про тот чудный прощальный ужин. Те огромные куски и полные тарелки... А главное ведь — Вы! Как я счастлива, что могу писать! Ах! Правда это счастье? Теперь у нас набирается порядочно маленьких детей. За Ириной я не смотрю, не балуюсь, и осталась всё та же. Знаю то же самое с Вами моим вечным другом. Я чувствую, что елки думают уже о Рождестве, о счастье. Люди, люди, вы скоро будете поклонятся моей Марине. Я знаю, что скоро будет радость Свидания, а я знаю, что книги мы поправим. Как Вы себя чувствуете? —

Аминь.

В первый раз выглянуло солнышко. Оно мне напомнило Вас. С такой глубокой радостью я смотрела на него. Темные ели задумчиво и ласково думали о Вашем приезде. Я чувствую, что мы скоро увидимся, милая Марина. Я с такой надеждой думаю об Вас. Я чувствую, что я с Вами сумею поправить книги. Мама! Если бы я могла оставить эти обеды и чай Вам, Вам и Вам. Как я молю Бога, чтоб Он дал Вам и Папе чудную судьбу. Ах, мой Ангел. Каждая секунда (кроме деланья на горшок), посвящена Вам! Марина! Как Вы меня утешаете. Я вспоминаю Ваши стихи, пьесы, всё, всё. С каким удовольствием я пишу. — Я имею время писать. Мой вечный утешитель. Мы сейчас будем обедать, а Вы? Вы? Господи! Когда же мне удастся отомстить всем им, им! О какая

мечь в сердце и душно. Я пишу, пишу, полна вдохновения. Ну Марина, Марина, Марина! Как-то Вы там живете! Как обидно, как горестно! Как я жду вечно верного вечно любимого друга. Я себя чувствую как одна, одна, заключенная в тюрьме полной печали. Мар <не дописано.>

Мариночка! Сегодня Праздник Введения. — Другой маленький карандашик, который Вы мне подарили, к моему глубокому сожалению остался дома.

Мой первый и последний Друг! — Ура! — Я не буду, я постараюсь не много грустить. Когда человек верен и если с кем-нибудь разлучится — верность не оборвется. —

Сегодня мне явились — Вы.

Марина! Сколько раз я надеялась увидеть Вас, и потом в разочаровании плакала. Думала ли я, что столько время не увижу Вас? Недавно рядом горела деревня, я мечтала, чтоб загорелся наш дом. При свидании я скажу Вам одну замечательную вещь. Мои глаза вечно отуманены слезами, и смотрят на дорогу, на заветную дорогу. —

Бархатную Книжечку я не трогаю, боясь разорвать конверт! Меня очень, очень утешаюсь всеми книгами — читаю последнюю «Чудесное Путешествие Мальчика по Швеции». Последние дни я в злобе. Каждую секунду, даже ночью можно найти на моих глазах слезы сожаления. О как я несчастна, как я несчастна! Я знаю, что если бы Вы знали, как я здесь живу, Вы бы давно приехали ко мне.

Я у Вас была совсем сыта, а здесь — ни капли! Впрочем мне всё равно, только бы мне знать, что я Вас увижу, что Вы меня всё так же любите. То чудится мне, что Вы сидите на ели, то смотрите в окно, то стоите рядом со мной. Мне ли придет мысль Вас покинуть? О как я могла так не ценить времени с Вами! Душа потеряна на время, но на долгое и мучительное время. Я мечтаю о том времени, когда я увижусь с Вами. Пишу, мечтаю, злюсь, жду. В тоске проходит мое печальное время.

Мама! Я повешусь, если Вы не приедете ко мне, или мне Лидия Алекс<андровна> не даст весть об Вас! Вы меня любите? Господи, как я несчастна! Из тихой тоски я перехожу в желание отомстить тому кто это сделал. О я Вас прошу, любите пожалуйста меня, или я умру самой мучительной смертью. Мариночка. Сколько раз я была полна восторга с Вами! Как я восхищалась Вами, Вашей Душой, Наружностью. Милая

Марина, Милая Москва! Мариночка! Я вам посвящаю всю мою жизнь. Этот день будет клонится к вечеру, а надежда не осуществится. Затуманятся стекла, а я не увижу любимого лица. Но я думаю, что Вы меня всё так же любите меня, всё так же мне покажете льва! Не правда ли? О Ваши прекрасные зеленые глаза, русые волосы! Не думайте, мамочка, что я очень изнеженна! Это только мучительная, раздирающая грусть. Я мечтаю увидеть прекрасное лицо, золотую любовь!

Мариночка! Мой вечный друг! Простите меня, что я Вам сделала дурного. Простите меня! Пишу четвертую страницу. Уж ничего не видно. Я ничего не видя, но догадываясь пишу: Света <не дописано.>

Я готова Вам служить всю жизнь, служить пока хватит сил, пока не умру. Жизнь, жизнь, а всё ж то! — Мариночка! Я вспоминаю, как Вы мне говорили стихи, читали пьесы! Я наверно очень уродливо пишу, но желание писать побороло всё! Ах! Комната окутана мраком!

Марина! Я вам верна как Георг и Ганс были верны Герцогу! О! — Ночью я тихо плачу вспоминаю Вас. Я вечно вижу <не дописано.>

Марина! Я вечно кажется, что Вы говорите, поете своим чудным голосом. — Как Вы чудно говорите стихи. Идет беседа: «Как все помрут, так явится Бог и все встанут». Здесь есть песня, касающаяся сегодняшней Москвы! Вспоминаю чудное житье дома. Как Вы были милы! Марина! Густой снег, с ним летит моя печаль!

О как Вы мне дороги!

(Внизу страницы уродливые каракули и рисунок автомобиля с чудовищем внутри, — чье-то произведение. Бедная Аля!)

Ах, мое вечное утешение! Вы скоро приедете? С чудной надеждой вглядываюсь я в голубую даль, жду голоса, чудных королевских рук! —

Люблю. С светом в душе вглядываюсь в глубину елей! Там виднеется то полу-сгнивший ствол, то усыпанный снегом пенек. Как только встала, вырвалась в комнату, где лежит заветная тетрадка с карандашом! Каждый день начинается светлой надеждой, а кончается, — Увы! —

О из Вашей пьесы! Пишу с мучительными слезами на глазах! Я Вас люблю, я готова идти на эшафот, только чтоб Вы меня хоть каплю полюбили! Пятница! — Она полна замечательной надежды!

Была я счастлива когда-то,
Теперь — Конец!
В последний раз взглянула я на льва.
Всему — Конец!

Стоят унылые ели,
С них падают шишки,
Мне не жить!

Вчера я получила очаровательные «вести». Письма я еще не получила. Анастасия Сергеевна не имела времени подать мне его. Надеюсь, что я смогу найти там своего излюбленного льва! Я прочла все – но впрочем всё равно! –

Игрушки были пропитаны какой-то замечательной прелестью Ваших рук, покинутого дома! Мука или радость? Надеюсь получить льва.

Только что меня позвала Анастасия Сергеевна и подала мне «письмо». Я радостно развернула сверток, плакала, плакала, слёзы дотекали за уши, голые из-за обритой головы! Кажется в кунцевский приют набралось тридцать девять детей. Мой милый лев!

Прочтите историю: – «Аля! Иди скорей в школу!» – «Нет, я не пойду в школу! Мне «мама» велела!» – «Раз ты здесь, то ты должна слушаться нас, а когда ты была у мамы, ты должна была слушаться мамы». – «А я всё-таки не пойду в школу, потому что не хочу и не буду писать по новым правилам!»

Дело оставили до заведующей. Сторона вышла моя! Ура! Кто был прав! Надзирательница, или я?

Марина! Как только я написала и подумала Ваше имя, у меня защекотало в носу, в глазах показались слёзы! Скажите мне. Прощаете ли Вы меня за то что я Вам сделала? Тихо качаются нежные березки, они вспоминают Вас... Идет во все стороны снег, но мне всё равно. Я вспоминаю Вас!..

Лидия Константиновна надзирательница всех детских «аа», мокрых простынь и горшков.

Как мучительно тянутся дни, и как чудно быстро проходили с Вами! Теперь я несчастна, потому что – Вы Вы! Глубоко засела в душу разлука! Тысячи раз перечитываю письма, с трудом глотаю куски хлеба, потому что не могу отдать этот маленький кусочек Вам, Вам!

Печально понимаю только: «Люблю!» и «Суббота!» Гуляю очень много, нахожу много дров и хворосту и жалею, безумно жалею, что не могу подарить их Вам! Вчера приехали 50 человек детей! Милая Марина! Надеюсь, что Вам понравится мое писание...

Часто встречаю гуляя пчелиные ульи, сожалею, думаю, плачу, мечтаю! Все вещи, которые Вы мне дали, попорчены! За неимением книг я гуляю всё то время, в которое могу читать, я гуляю. Как Вы милы! Про мои ноги не беспокойтесь! Когда я пойду гулять, я надеваю валенки! Здесь паровое отопление, а между тем оно ни капли не греет.

Я Вас люблю! Милая Марина! Дайте мне поцеловать... Может быть я не выживу? Дети вырывают у меня из тетрадки листья! Я прячу в корзинку, на шкаф, а они всё достают.

Ах зачем Вы отдали меня. Марина! Если бы Вы знали... Марина! Итак я не спала ночи, и так мучилась ожиданием... А теперь, не хочется говорить!

Приезжайте! Узнайте мои горести.

Я совсем ужасно себя чувствую! Здесь нет гвоздей, а то бы я давно повесилась. Все меня бросили, даже Л<идия> А<лександровна> не приезжает. Всё кончено для меня. Я в первый раз в жизни узнала что такое дети! И главное я не видела.

О Мариночка, Вы думаете, что у меня так мало силы, чтобы я не сумела защитить книг, тетрадок? Марина милая. Мариночка! Я живу всем, что Вы мне прислали, и словом «суббота». Ко всем кто-то приезжает! Целых две недели. Мне больше не на чем писать! Оконные слёзы текут вместе с моими! Марина! Я одну Вас люблю люблю люблю. Дайте мне Вас. Мне теперь решительно всё всё равно! — Кому кому я нужна! Теперь я одна виновата! Я хочу одного: Вас Вас и Вас. Я первый раз в жизни в таком отчаянии.

В первый раз, когда я шла к Але в приют, я не особенно боялась: озабоченность незнакомой дорогой (никогда — до идиотизма — не нахожу) — добрая слава детских колоний — некоторая ирреальность Алиной болезни (больной я ее еще не видела) — я чувствовала беспокойство — озабоченность — но не страх.

Но второй раз — после первого посещения и тетрадки — и еще ночи в холодной канцелярии, не раздеваясь, под шубой — второй раз я шла, как осужденная на смерть.

— Снега, снега. Чернота елей. Смерть. Иду, как призрак, спотыкаясь на кривых каблуках, — метель. — Дорога уже сейчас мало видна, — как буду возвращаться? — Несу Але 2 куска сахара и 2 лепешки, — их дала мне Л<идия> А<лександровна>а — купить в Кунцеве ничего нельзя.

Ах, взойти бы в какую-н<и>б<удь> избу, обменять бы браслет на хлеб, но у меня такой подозрительный вид — и сразу будет такой про-

твоеестественный голос — или слишком жалкий или дерзкий (всегда, когда продаю) — и никто не поверит, что у меня дочь в приюте.

Дорога бесконечна. О, это конечно не 3 версты, а по крайней мере шесть. Метель метет, ноги вязнут в новом снегу.

Незадолго до приюта встречный мужик предлагает подвезти. Сажусь. Рыжая борода, ясные, ясные — хитрые и детские — голубые глаза. Расспрашивает, служу ли. Чувствую — как всегда — смутный стыд — и, предвидя осуждение, если скажу нет, говорю да. — «Где?» — «В Кооперации». Муж моряк, пропал в Севастополе. — «Так, так».

Вот оно «Центро» — соскакиваю, благодарю. Тоска в животе (entrailles¹) было стихшая от разговора с мужиком — превращается в тошноту. Заставляю ноги идти.

Красные столбы приюта. — О, Господи! — Вся обмираю.

Дом. Лестница. Запах сосны. Множество детей, никого не различаю.

Умоляюще: «Я к Алечке».

И кто-то из детей (кажется, мальчик):

— «Алечке хуже! — Умер Алечка!»

Я уже наверху. У стены — Лидия Конст<антиновна>. Хватаю ее за обе руки, почти что прижимаю к стене.

— «Ради Бога — ради Бога — ради Бога — скажите: правда?»

— «Да нет же — как Вы испугались!»

— «Умоляю Вас!!!»

— «Да нет же, они шутят, — так — зря говорят».

— «Да нет, умоляю Вас!!!»

— «Правда — шутят. Идемте же!»

Огромными шагами подхожу к Алиной постели. Бритая голова из под одеяла — протянутые руки — жива!

— «Аля! Ты опять плачешь! Что с тобой? Тебе хуже?»

— «Очень голова болит и ухо болит».

Ее кровать в углу между двух незамазанных окон. Бритая голова. Продуло. — Лежит в одной рубашке — какой-то чужой — сплошные про-рехи.

Мимоходом замечаю, что пол нынче мыт.

— «Да, она всё плачет, всё плачет, вот и голова болит» — говорит Лидия Конст<антиновна>. — С трудом скрывая негодование, даю Але порошок хины. — «Что это Вы ей даете?» — «Хину». — «А лучше бы не давали, от нее завал в желудке делается и в ушах звенит».

¹ недрах (фр.).

— «Д<окто>р еще не был?» — «Да нет — далёко — раньше, когда мы жили возле госпиталя, я их водила».

Некоторые дети выздоровели. В комнату ежесекундно врываются здоровые, Лидия Конст<антиновна> гонит, они не слушаются. Аля кашляет, как безумная, возврат коклюша. Жилы на лбу и на шее надуваются, как веревки. Весь белок глаз — Алин голубоватый, чуть бледнее зрачка — белок! — воспален, как кровь.

Надзир<ательница> ворчит: «Привезли с коклюшем, я с начала говорила, что у них коклюш. Теперь все закашляли».

Не помню, как, разговор переходит на школу:

— «Всё упрямилась, упрямилась, а потом послушалась, пошла. Помилуйте — там и завтрак дают, туманные картины показывают. Сначала она всё твердила, что не хочет без ъ писать, а я ей говорю — «когда еще до ъ дойдут, а ты пока походи, посмотри картины, еще чему получишь, учителя хорошие»...

И Аля, в слезах: — «Нет, я не ходила! Марина, только не верьте! Я всё время во дворе стояла»...

— «Хорошо, хорошо, это всё глупости, успокойся, Алечка, я тебе верю»...

(Одна против всех! — Была ли я права?)

Занимаюсь переводом Али на другую — свободную — кровать. Доски не сходятся. Распоряжаться в чужом месте — да еще не своим ребенком — (я ведь «тетя») — это абсолютно противоестественно для меня — о, проклятая воспитанность!

Но дело идет об Алиной жизни — и *заставляю* себя настоять на своем. Чувствую смутное недовольство надзирательницы.

Наконец Аля переложена. Л<идия> К<онстантиновна> надевает ей чистую рубашку, я — платье и куртку.

— «Уж очень Вы ее кутаете, — вредно».

— «Но у Вас не топлено».

Между кроватями мотается Ирина. Даю Але сахар. Взрыв кашля, Аля с расширенными от страха глазами молча протягивает мне вынутый изо рта сахар: в крови.

Сахар и кровь! Содрогаюсь.

— «Это ничего, Алечка, это от кашля такие жилки лопаются».

Несмотря на жар, жадно ест.

— «А что ж Вы маленькую-то не угостите?»

Делаю вид, что не слышу. — Господи! — Отнимать у Али! — Почему Аля заболела, а не Ирина?!! —

Выхожу на лестницу курить. Разговариваю с детьми. Какая-то девочка: — «Это Ваша дочка?» — «Родная».

Вузком простенке между лестницей и стеной — Ирина в злобе колотится головой об пол.

— «Дети, не дразните ее, оставьте, я уже решила не обращаться на нее внимания, скорей перестанет», говорит заведующая — Настасья Сергеевна.

— «Ирина!!!» — окликаю я. Ирина послушно встает. Через секунду вижу ее над лестницей. — «Ирина, уходи отсюда, упадешь!» кричу я. — «Не падала, не падала, и упадет?» говорит какая-то девочка.

— «Да, вот именно», говорю я протяжно — спокойно и злобно — «не падала, не падала — и упадет. Это всегда так».

— «И разобьется», подтверждает усмиренная девочка. Возвращаюсь к Але. Алина соседка ноет:

— «Поесть хочца, поесть хочца»...

И Петя — Ирнин ровесник — хнычет.

— «А ты не плачь!» усевещевает кто-то из детей, — «как есть захотел, так плакать? Это не хитрѐ!»

— «А больным сегодня второго не будет!» влетает кто-то с вестью.

— «Сегодня картошка и второго не дадут».

— «Дадут», говорю я упрямо — и в ужасе.

Тот же суп — то же количество — без хлеба. Опять взрослые дети присутствуют при дележе. Л<идия> К<онстантиновна> сердится: «Небось, не утаю. Что вы думаете, сама съем?»

(Забыла сказать, что с болью в сердце не исполнила Алиной просьбы: не могла принести ей ложки, у Л<идии> А<лександровны> были только серебряные.)

Ирину уносят на руках обедать. Суп съеден.

Жду, жду. Очевидно, второго не будет. Приходит кто-то с вестью, что больным дадут по яйцу.

Алин запас съеден. Сижу в тоске.

— «Тебе бы теперь хорошо поспать, жалко мне тебя», говорит Л<идия> К<онстантиновна> Ирине, «да и не знаю куда тебя положить, — обделаешься». Укладывает ее поперек большой кровати, на какую-то подстилку, покрывает шубой.

И — минуты через 3 — испуганный вопль той же Л<идии> К<онстантиновны> — «Ох, ох, ох! Начинается!»

Схватывает Ирину, сажает, но дело уже сделано.

Через некоторое время Аля просится. Приношу предмет с водой, сажаю ее.

Когда Л<идия> К<онстантиновна> возвращается, она всплескивает руками:

— «Ах, что Вы наделали! Ведь это я постирать принесла! Где ж я теперь воды-то достану?!»

Я злобно молчу.

Уходя, я оставляю Але полпорохка хины:

— «Алечка, это ты примешь вечером, — смотри, вот я здесь положу, не забудь», — и, обращаясь к Л<идии> К<онстантиновне>:

— «А этот порошок Вы ей дадите утром, очень Вас прошу, не забудьте».

— «Хорошо, хорошо, только напрасно Вы ее хиной пичкаете, от нее звон в ушах делается».

— «Ради Бога, не забудьте!»

— «Хорошо, хорошо, я его в башмак положу».

Гляжу в окно: снег очень померк. Огромная метель. Очевидно, скоро стемнеет. Я всё хотела дожидаться яйца, но дольше ждать нельзя, — и так уж не знаю, как дойду.

— «Ну, Алечка, Христос с тобой!» — В глубокой тоске наклоняюсь, целую. — «Не плачь, я завтра обязательно тебя увезу — и мы опять будем вместе — не забудь хину! Ну, моя радость...»

Когда я вышла, было уже серб. Я вспомнила прилив и отлив — роковое прилива и отлива.

Я могу лететь, как угодно — тьма всё-таки опередит меня. — Метель. — Я, конечно, не найду дороги и замерзну. Но надо идти, пока есть ноги. Иду — в спокойной безнадежности — по еле заметной тропинке. Ноги глубоко уходят в снег.

Иду минут десять, а всё еще в Очакове. Голос какой-то старухи: «Барышня, Вы куда идете?» — «В Кунцево». — «Ох, не дойдете, — ишь дорогу-то как замело. Сейчас и темно будет».

— «А Вы куда, тоже в Кунцево?»

— «Нет, я здешняя».

Надежда пропадает. Старуха свертывает в переулочек и вдруг изда-лека — проезжающим саням:

— «Милая! Подвези-ка их! Им тоже в Кунцево! Не дойти, — темно! Ты ведь на станцию?»

— «На станцию, к 4часовому! — Что ж, садитесь, пожалуй, коли сядете, только лошадь я остановить не могу, — спешно мне!»

Вскакиваю на ходу — в первую секунду, не понимаю, в сани или в снег — нет, снег движется, — значит в сани.

— Спасена! —

Баба — прислуга, едет на станцию встречать хозяев, боится опоздать. Разговариваем.

Говорю, что и кто и почему в Очакове.

<Последующие 25 страниц не заполнены.>

МАРТ 1920 г.

Обыкновенно: un cœur de fer dans un cœur <описка, надо: corps> de cristal.¹

Я: un cœur de cristal dans un corps de fer.²

Пока я, идя, подшвыриваю ногой камешек — всё хорошо.

— Стихи, пьесы, записная книга, — нет, всё-таки тесно! Надо другое, душа переросла (кру́гом!) и это. К 30^м годам я наверное напишу хороший роман.

История с М<илию>ти безумно мне напоминает историю с Ч<урили>ным. Тот же восторг — жалость — желание задарить (залюбить!) — то же — через некоторое время: недоумение — охлаждение — презрение.

Нужно записать несколько сценок.

Сидит в столовой на диване, я пилю.

Он: — «Нет, нет, я совсем не гожусь для физической работы! — Можете ли Вы себе представить Шопена, пилящ<его> дрова?»

— «Нет, но еще меньше — Шопена, глядящ<его> как пилит Жорж Санд».

Эту реплику — впрочем — удерживаю.

— «Я с гораздо большим удовольствием остался бы у Вас, — здесь бы я выпался».

¹ железное сердце в хрустальном корпусе (фр.).

² хрустальное сердце в железном корпусе (фр.).

— «А Вы знаете, есть очень много мужчин, к<отор>ые в таких случаях остаются совершенно равнодушными. Получил удовольствие — и пошел».

— «Вы забыли <не дописано.>

Эту реплику — впрочем — удерживаю.

Удерживала, вообще, каждую реплику. Человек зевает, часами рассказывает о какой-то Д<жала>ловой (XVIII в. потому что подкрашивает брови) — о ее любовных историях, о ее бесцеремонности с ним и о его — М<илии>ти — служении ей...

— «Я забочусь о Д<жала>ловой, Вы заботитесь обо мне» ...Рассказывает о жене брата — «маленькой актриске», о ее вульгарности, говорит о своей тоске по жене и детям, — так семь вечеров сряду, зевая, засыпая, нагоняя на меня нестерпимую скуку, выпивая всё мое внимание — ибо не желая, вникаю — наполняя всю меня пустотой.

А я?

Сижу, слушаю, ищу хоть чего-нибудь для себя (не лично, но своего!), стараюсь отождествить Д<жала>лову с Манон Леско, топлю печечку, разогреваю или варю ему ужин, пилю, рублю. — «М<ожет> б<ыть> Вы поспите?» Накрываю полушубком — всё, как дура.

— Зачем? —

Так, — жалко немножко, высокомерно очень, — забавно — любопытно — (я презираю, а он не знает!) — так, тренируюсь в искусстве «унижение паче гордости», — так любопытно и неслыханно, что даже обида не доходит, точно это не я всё делаю, а кто-то другой, — другая искренняя, обиженная дура.

— «Вы еще молоды! Вам нужно оперы, дуэта».

— «Да, если из любви выкинуть дуэт, что останется от *акта*?»

Эту реплику — впрочем — удерживаю.

— «Умны, умны, не ум, а умище, — а всё-таки — женщина!»

— «Я Вам никогда не обещала быть мужчиной!»

Наговорил, что царской крови — потомок Комненов! — нассказал о происхождении от герцогов Беррийских — какие-то боковые ветви — медальоны с миниатюрами, найденные где-то на чердаке — чорт знает чего наговорил! — с три короба наговорил! — и «с какого блюда я пил

чай у Врубеля) – и дружил с Борисовым-Мусатовым – и брат (признанный художник) всё у *него* взял – а я, как дура...

Боже, до чего это похоже на Т<ихона> Ч<ури>лина!

Иногда ловлю себя на дурацком занятии: подсчитываю. Но странно: + и + и + – и всё-таки получается ноль. (+ + + = 0).

А вот о себе.

Прижимаясь к его полушубку:

– «Что дороже: мужчина или овчина?»

Он: – «Овчину можно *продать*, мужчину – *предать!*»

(За такие реплики + вечный голод + овчину – любила!)

Он – (удачное слово!) – о б<ольшеви>ках:

– «Ну, да, – ясно. Каторжане – и перенесли сюда всю каторгу».

А было в нем неотразимое обаяние: поднятая голова, опущенные глаза, кудри, иронический узкий рот, чудесный безобидный безудержный – дурацкий! – смех, любовь к 30<-м> годам, обожествление Ж.Санд – прелестная французская речь («при часах и при цепочке!») – и то, что «художник», и то, что когда-то был красивым и богатым. – И 45 лет (почти на 20 л<ет> старше меня) и то, что я «последняя любовь». – О, дура! –

Смесь Б<ориса> Трухачева и Т<ихона> Ч<ури>лина, при чем всё очаровательное от Б<ориса> Т<рухачева>: легкость, беззаботность, безобидность, умение смеяться, – что-то родное, времен когда мне было 18 л<ет> и Бориса столько же.

Я не брезглива: потому и выношу физическую любовь.

Странно: в минуту наивысшего напряжения совершенно не могу сосредоточиться: ловлю, ловлю, ловлю что-то ускользящее, какая-то молниеносная погоня мысли, точно голова у меня на дне какого-то колодца – и хочу поднять ее, тогда уловлю – и не могу поднять.

И ведь *НИ О ЧЕМ* не думаю!

Doucement aimer et être doucement aimée.¹

(George Sand.)

Три источника вдохновения:

Природа – Свобода – Одиночество.

И еще – ребенок. (Лет трех – кудрявый – толстый – к<отор>го хочется целовать – не дух!)

Мужчина! – Какое беспокойство в доме! Пожалуй хуже грудного ребенка!

Я соскучилась по маленькому ребенку: толстому, здоровому, курчавому, обыкновенному, – которого у меня никогда не было. – Без мировых глаз, без мировой души! – Пусть и буян и ревун!

Чтоб одевать, раздевать, хвастаться им на бульваре, купать, целовать – и чтобы, когда жует, глотал бы (о, Аля!!!), и чтобы не только глотал – и жевал бы (бедная Ирина!)

Не знаю: мальчик или девочка?

Знаю: белокурый – здоровый – веселый.

– Ребенок. –

И Аля (7 л<ет>!!!) – прослушав – с умилением:

– «О, милая! Я так понимаю Ваше желание!»

Дурак тот кто скажет, что к мужчинам меня стремится – чувственность.

1) Не стремится. 2) Не только к мужчинам. 3) У меня слишком простая кровь – как у простонародья – простая, радостная только в работе.

Нет, всё дело в моей душе.

В моих жилах течет не кровь, а душа.

(Изречение, достойное Али.)

¹ – Нежно любить и быть нежно любимой (Жорж Санд) (фр.).

Недавно мне снился во сне Володечка Алексеев. Он вел меня за руку по какой-то тропинке над морем.

Проснувшись, тосковала об нем почти до слез. Володя — это достойный преемник Сережи! — Только этих двоих я, пожалуй, в жизни и любила!

Вспоминаю прошлый год: зиму — долгие вечера (ночи) под синей люстрой, чтение Казановы — нашу с ним Россию, его подарки: турецкую пистоль — портсигар — кольцо — мой вечный восторг и отсутствие любви — его чудную чистосердечную хвастливость — его смущение когда я хвалила — его любовь к Але — его память на всё крохотное — его первую фразу в театре, через стол:

— «Вы мне почему-то напоминаете Жорж Санд. У нее тоже было двое детей — и ей трудно жилось — и она всё-таки писала»...

О, Друг с большой буквы! — И этот приход — в 11 ч. — в Пасхальную ночь!

Думаю дальше: я ему нравилась, иначе бы он — несмотря на всё обаяние *de mon commerce intellectuel*¹ — не сидел бы у меня целые ночи.

И сколько раз — не скрою, ибо это — Я! — я, среди разговора брала его за руку! — раз даже кажется поцеловала! (руку!) — и лежали мы: он в том углу, я в этом — на одном диване — и голову я ему клала на колени — и никогда — ни одного жеста!

Другая любовь? — Но целовал же он С<онечку> Г<оллидей>.

Нет, не другая любовь, а он просто говорил со мной — по латыни — как с Богом.

И вечно у меня будет сердце щемить по нем!

24 года (В<олодя> А<лексеев>) и 45 лет (М<илию>ти.) Кому у кого учиться? — А я ведь — та же!

24 года (В<олодя> А<лексеев>) и 45 лет (М<илию>ти.) С одним я возвеличена до небес, с другим окунута <над строкой: низринута> в полойное ведро. — А ведь я — всё та же!

Область пола — единственная, где я не четка.

¹ интеллектуального общения со мной (фр.).

С<ережа> сдержал столько сколько обещал, В<олодя> А<лексеев> — больше, чем обещал (ибо ждала меньшего), другие — другие — недоразумение.

17/30^{ка} марта 1920 г.

М<ожет> б<ыть> вся моя слабость в том, что я всегда смотрела на писанье, как на роскошь, никогда не брала его — достаточно — au sérieux¹ (в дне не брала!) — не считалась, ничего и никого из за него не бросала, — так женщина, счастливая в замужестве — а м<ожет> б<ыть> просто решившая остаться порядочной! — обращается со своим cavalier servant² или пажем, который никогда не станет любовником. (И к<отор>ого любит — м<ожет> б<ыть> — больше мужа!)

Не лень — ибо пишу со страстью и ни с чем эту страсть свою — это счастье свое — не сравню.

Нет, это исконное мое спартанство, та же суровость моя, что и по отношению к любви.

— Нельзя же целый день нюхать розы! —

(Хотя, кроме этого, мне ничего не нужно!)

«Не в праве»... Так начинается — скрытая от всех — эпопея моей души.

Не в праве есть хорошее, спать на мягком, писать с утра. Кто запретил? Никто.

— Дело не в большевиках, а во мне.

«Son sourire était jeune, il s'en est si peu servi»...³

(Эпиграф к одному с<тихотво>рению гр<афини> Ростопчиной)

Наблюдение становится для меня страстью, делает меня существом наполовину отвлеченным, почти неуязвимым.

Моя безоружность — облако, моя безоружность — только раскрытые ворота, чтобы все гости могли войти.

Еще понимаю: я не собственник своей души, такой же в ней гость, как другие (только ценитель — знаток — не громяю, не граблю.)

А хозяин моему дому — Бог.

¹ всерьез (фр.).

² верным рыцарем (фр.).

³ «Его улыбка была молодой, он так редко ею пользовался»... (фр.)

Имя <над строкой: Объяснение> моей безоружности — неуязвимость.

О, моя страсть к женщинам! Недавно — держу в руках старинный томик гр. Ростопчиной — тут же музыка, мужчины — и — Господи! — какая волна от нее ко мне, от меня к ней, какое высокомерие к тем, кто в комнате, — какой — как кожаный ремень вокруг талии — круг одиночества!

Ж.Санд и Шопен. Насколько это для меня больше, чем Ромео и Джульета!

Ж.Санд и Шопен на Майорке, это для меня *vie vécue*¹, Морис и Solange — мои дети, черные локоны Ж.Санд — вокруг моего лица, это моя рука на белокурых волосах Шопена, это я поздней ночью с бьющимся сердцем подхожу к воротам Вальдемызы — меня так долго не было! — жив ли Шопен?! —

О, какую я бы об этом написала пьесу!

Что я любила в людях? — Их наружность. Остальное я — большей частью — подгоняла.

Моя мечта: монастырский сад — монастырская библиотéка — старое вино из монастырского погреба — турецкие шаровары — длинная трубка — и какой-нибудь семидесятилетний *ex-ci-devant*², который бы приходил ко мне по вечерам слушать, что я написала, и сказать, как меня любит.

Я совсем не женщина во вкусе Стаховича, *prince de Ligne* и прочей любовной знати.

И тем не менее и С<тахови>ч и *Prince de Ligne* — смеясь и дивясь над собою — меня бы любили.

¹ «житая жизнь» (пер. М.Цветаевой — см. «Живое о живом»); букв.: прожитая жизнь (*фр.*).

² из прежних (*фр.*).

18/31 марта 1920 г.

Живу, как во сне. Нас с Алей с утра уводят из дому, кормят, одевают спичками — крупой — мукой — башмаками, хотим уйти — не отпускают, благодарим — обижаются.

М<илио>ти служит Д<жалалов>ой, Д<жалалов>а — К-шу, я — М<илио>ти, мне — г-жа Э. — Конечно, — госпожа! — Меня любят исключительно женщины, — женщины, которые мало любят мужчин — а мож<ет> быть — которых мало любят мужчины. — А Сонечка Голлидэй? — Нет, не то, не только то.

Я знаю — до смешного знаю — что я для женщин неотразима. — Таня — Л<идия>А<лександровна> — г-жа Г<ольд>ман — молоденькая Нина Н. — теперь г-жа Э. (всё за одну зиму!)

Таня — 29 лет, страстно любит своего мужа, Л<идия>А<лександровна> — 48 л<ет> — любит свое одиночество и франц<узские> книги — г-жа Г<ольд>ман, 34 г<ода>, мать трех детей, буржуазная среда — Н.Н. — немножко вроде Эдварды — дитя природы — шалая и милая (20 л<ет>) — г-жа Э. — идеалистка, всю жизнь любившая только правду (чудесный по своей чистоте тип девушки 70 г<одов>) — тоже около сорока

А раньше! — Исступленная любовь ко мне Нины В., и тяготение ко мне Варечки И<зачи>к, и — еще в гимназии — страстная, тоскующая любовь ко мне некоторых девочек (я их не любила, любила других) — а Соня П<арно>к! — а весь ее женский круг — а моя Сонечка Голлидэй — мой ангел — моя маленькая Муза!

Но, если женщины меня любили — je le leur ai bien rendu!¹

Читаю «La croix de Berny»² — роман в письмах, плод сотрудничества Méry, Sandeau и еще двоих.

— «Après la lumière — les ténèbres, après le mirage...»³

И я — молниеносно: — le mariage⁴.

(Меня не касается!)

Вчера — 17^м марта — входит г-жа Э.

— «Вам письмо», — взяла в двери. — «Из Ростова на Дону». Я — обмерев — медленно вскрываю конверт.

¹ я им это с лихвой возвращала! (фр.)

² «Бернийский крест» (фр.).

³ «После света — тьма, после миража...» (фр.).

⁴ свадьба (фр.).

Ростов н/Д.
28. I 20
(ст.ст.)

М.Г.

Марина Ивановна.

Пишу Вам по поручению С<ергея> Я<ковлевича>. Он был у нас приблизительно числа 23го декабря (по ст. ст.) Выглядел он очень хорошо и чувствовал себя отлично. С<ергей> Я<ковлевич> просил передать, что прямо умоляет Вас ехать в Ф<еодосию> или в К<октебь>ль. Он сказал, что Вы знаете, где там надо устроиться. Если в К<окте>бель поедете, то там остановитесь у М.В<олошин>а. С<ергей> Я<ковлевич> сам хотел написать, но был у нас очень недолго, сильно спешил.

С.

– Письмо отослано (по штемпелю на конверте) – 2го февр., я его получила 17го/30 марта, шло почти 2 мес.

– О, Сереженька мой! – Герда найдет Кая.

—
Молитва.

Господи Боже ты мой!

Сделай так, чтобы я встретила с Сережей – здесь на земле.

Пошли, Господи, здоровья и долгой жизни Але.

Спаси, Господи, Асю, Валю и Андрюшу.

Спаси, Господи, Сонечку Голлидэй и Володечку.

Прости, Господи, все мои прегрешения.

Благодарю Тебя, Господи, за всё, если Сережа жив.

Дай мне, Господи, умереть раньше Сережи и Али.

– Спасибо тебе, Господи, за всё.

Аминь.

—
Последний раз я имела вести о С<ереже> (окольным путем, слухом) – 25го марта 1919 г., в Благовещение, год – без недели – тому назад.

Спасибо, Бог! – Спасибо, март!

—
– Вчера столько счастья! – Утром – прямое указание от Бога: «Простил, но больше не греши» – потом письмо от Сережи – вечером подкова от Али (где-то украла.) Вчера с утра ходила в С<ережи>ной

кожаной куртке, точно чуяла. — И сейчас в ней. — И курю его трубку. (Английскую.)

Единственное чудо в моей жизни — встреча с С<ережей> — и — второе: — Аля.

Ерго¹: единственное чудо моей жизни — мое замужество. И так, свыше оправдано мое шутливое изречение:

— «Я люблю чудеса — именно у себя дома». (Обратно общепринятому: «Люблю чудеса, но не у себя дома»)

Луна и пустые улицы. — Луна и камень. — Поняла, что люблю луну только в городе, чтобы под ногами — твердо. (И в К<окте>беле, там земля, как каменные плиты — звенит!)

Люблю землю <над строкой: камень>, к<отор>ая звенит под ногами — и луну. Звон — под ногами — камня, звон — над головой — луны. Это не фраза. Луна — звенит, лунный свет может разбиться, лунный луч разлетается вдребезги, в луне есть стекло.

О — как мы вчера возвращались с Алей — одни — одни во всем городе — мы и Луна! — Один дом на Арбате по ночам как огромная крепость. (Днем — урод.) Под лунной все здания прекрасны, луна — вправду — колдунья, под лунной каждая старуха — ведьма и каждая женщина — красавица <над строкой: Судьба>.

И вот — над этим домом-крепостью — в огромном нимбе — Луна!

«— Луна! — Богородица всех измен!

— Она голубого цвета»...

Повторяла эти строчки из Казановы, не шла, а летела. Рыжая кожаная куртка, сумка через плечо — Алина рука в руке — Луна!!!

Аля в первый раз видела лунный нимб. — Подняв головы — нет, запрокинув! — глядим на Луну, я учу Алю слову «halo» (по франц<узски> — лунный нимб).

И восторг. — О, Сережа! —

Гляжу иногда на Ирину картушку. Круглое (тогда!) личико в золотых кудрях, огромный мудрый лоб, глубокие — а м<ожет> б<ыть> пустые — темные глаза — des yeux perdus² — прелестный яркий рот — круглый расплющенный нос — что-то негритянское в строении лица — белый негр. — Ирина! — Я теперь мало думаю о ней, я никогда не любила

¹ Следовательно (лат.).

² потерянные глаза (фр.).

ее в настоящем, всегда *в мечте* — любила я ее, когда приезжала к Лиле и видела ее толстой и здоровой, любила ее этой осенью, когда Надя (няня) привезла ее из деревни, любовалась ее чудесными волосами. Но острота новизны проходила, любовь остывала, меня раздражала ее тупость, (голова точно пробкой заткнута!) ее грязь, ее жадность, я как-то не верила, что она вырастет — хотя совсем не думала о ее смерти — просто, это было существо *без будущего*. — Может быть — с гениальным будущим?

Ирина никогда не была для меня реальностью, я ее не знала, не понимала. А теперь вспоминаю ее стыдливую — смущенную такую — редкую такую! — улыбку, к<отор>ую она сейчас же старалась зажать.

И как она меня гладила по голове: — «Уáу, уáу, уáу» (милая) — и как — когда я ее брала на колени (раз десять за всю ее жизнь!) — она смеялась.

И одна мысль — не мысль, а фраза, к<отор>ую я сама себе, расправляя, чуть ли не вслух, говорю:

— «Да уж если Ирина не захотела есть, значит уж смертная мука подошла»...

Ирина! — Как она умерла? Что чувствовала? Качалась ли? Что видела в памяти? М<ожет> б<ыть> кусочек Борисоглебского дома — Алю — меня? Пела ли «Ай—дуду—дуду—дуду»... Понимала ли что-нибудь? Что — последним — сказала? И от чего умерла?

Никогда не узнаю.

Иринина смерть тем ужасна, что ее так легко могло бы не быть. Распознай врач у Али малярию — имей бы я немножко больше денег — и Ирина не умерла бы.

Иринина смерть для меня так же ирреальна, как ее жизнь. — Не знаю болезни, не видела ее больной, не присутствовала при ее смерти, не видела ее мертвой, не знаю, где ее могила.

— Чудовищно? — Да, со стороны. Но Бог, видящий мое сердце, знает, что я не от равнодушия не поехала тогда в приют проститься с ней, а от того, что *НЕ МОГЛА*. (К живой не приехала... —)

Ирина! Если есть небо, ты на небе, пойми и прости меня, бывшую тебе дурной матерью, не сумевшую перебороть неприязнь к твоей темной непонятной сущности. — Зачем ты пришла? — Голодать — пить «Ай дуду»..., ходить по кровати, трясти решетку, качаться, слушать окрики...

Странное-непонятное — таинственное существо, чуждое всем, никого не любившее — с такими прекрасными глазами! — в таком ужасном розовом платье!

— В чем ее схоронили? — И шубка ее там осталась.

Иринина смерть ужасна тем, что она — чистейшая случайность. (Если от голода — немножко хлеба! если от малярии — немножко хины — ах! — НЕМНОЖКО ЛЮБВИ, <не дописано.>

История Ирининой жизни и смерти:

На одного маленького ребенка в мире не хватило любви.

<Нижняя треть страницы не заполнена.>

О многом, что я люблю, случайно не записываю

Так: Melle Lespinasse. (Сегодня случайно достала разрозненный том ее переписки.)

О, Monsieur de Morá! (С<ережа>) — О, Guibert! (З<авад>ский, если бы я его любила сильнее — или — если бы он был больше, больше *был!*)

Как хорошо — в конце какого-то письма — (день годовщины смерти М. de Morá, вдали от нее, уже любившей другого)

— Adieu, mon ami. Je n'aurais pas dû Vous aimer¹. —

Il n'importe qui est-ce qui fournit au trésor royal, il suffit qu'il ne soit pas vide.²

(Могло бы быть эпиграфом к моей жизни.)

— Вторник на Страстной неделе.

Тысячу вещей нужно записать.

Пишу стихи, выдумываю судьбы, воспламеняюсь (мысль горит!) от двух неожиданно состукнувшихся слов, хожу за водой, «по карточкам», пилю, рублю, ублажаю М<илио>ти (совсем хорошо — ибо совсем прошло!) восторгаюсь и возмущаюсь Алей (1) стихам<и> 2) едой), горюю — на секундочку — об утеранных пайках, быстро утешаюсь стихами.

Сияющая сила — вот я.

Иногда — на секундочку — лицо Ирины: не то жалкое, не человеческое, последних времен, а круглое, загорелое, с яркими темными глазами и улыбкой — после лета.

Ирина.

В воспоминаниях Каролины Павловой читаю о какой-то старухе до революц<ионных> времен. Когда ее известили о смерти единствен-

¹ Прощайте, мой друг. Я больше не буду должна Вас любить (фр.).

² Неважно, кто наполняет королевскую казну, лишь бы она не была пуста (фр.).

ного внука — блистательного молодого человека в войсках — она воскликнула: «Pauvre jeune homme! Que je suis heureuse de ne pas l'avoir connu». ¹

Так и я говорю об Ирине:

«Pauvre enfant! Que je suis heureuse de ne pas l'avoir aimé!» ²

— Были у меня к ней редкие — нестерпимые какие-то! — вспышки нежности, но это длилось час, а жизнь длится дни — месяцы, — словом: дело темное, не знаю.

А м<ожет> б<ыть> погигло глубочайшее в мире — Голос? Ведь как она любила петь! — И — чуть чуть музыка вдали — сразу внимательная голова и веселый голос:

— «Музыка гáет!»

(Нарочно растрavляю себя.)

Ирина! Если ты была бы сейчас жива, я бы тебя кормила с утра до вечера — мы с Алей так мало едим! — Ирина, одно ты знаешь: что послала я тебя в приют не для того, чтобы избавиться, а п<отому> ч<то> пообещали рису и шоколада.

А взамен — голодная смерть.

В 1001 раз изумляюсь *ТИШИНЕ*, с к<отор>ой происходят величайшие события — и *ПРОСТОТЕ*.

Ни грома, ни молнии, ни «*НАЧАЛОСЬ!!!*» — а просто: бутылочка с лекарством, какая-нибудь грязная салфетка, разговор о дожде и снеге, — и едят, и курят — а потом вдруг: не дышит человек. *БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ!*

Я НИКОГДА не узнаю, как она умирала.

Без предупреждения, — неверно. Залетела же птица в окно Алиной комнаты, выкатились же 2^м февр<аля> (день И<рини>ной смерти) три ёлочных свечечки откуда-то мне в руку, — но я думала об Але, судьба меня спутала.

О другом: прежде чем мужчине и женщине подружиться навек, надо им полюбить друг друга на час — хотя бы для того, чтобы увидеть, как это не нужно.

¹ Бедный юноша! Какое счастье, что я его не знала! (фр.)

² Бедный ребенок! Какое счастье, что я ее не любила! (фр.)

Убедилась, что я — мужчина?
 Убедился, что я — женщина?
 Ну, а теперь можно об этом позабыть навек.

или

И: убедился, как это неважно?

Но дружба без любовного эпизода — не крепка, всегда будет тя-
 нуться к любви, преувеличивая ее.

Словом: прими, чтобы отвергнуть.

Но **НЕПРЕМЕННО** — прими!

Сейчас закуриваю от чьей-то венчальной свечи (нет спичек).

Цены: белая мука — 28.000 р.

1 ф<унт> картофеля — 110 р.

Моя любовь к женщинам.

Читаю стихи К. Павловой к гр. Ростопчиной.

...Красавица и жоржсандистка...

И голова туманится, сердце в горле, дыхания нет.

— Какой-то Пафос Безысходности!

Но — оговорка: не люблю женской любви, здесь переступлены ка-
 кие-то пределы, — Сафо — да — но это затеряно в веках и Сафо — одна.

Нет, пусть лучше — исступленная дружба, обожествление души
 друг друга — и у каждой по любовнику.

«Вас все полюбят» или «Искусство сделаться совершенным лю-
 бовником». (Наставления юнош<е>)

1) Будьте внимательны к мелочам: поцеловав, не отходите — не
 закуривайте — сразу!

2) в минуты высшего пафоса говорите только *имя*, женщина в это
 вложит всё, чего не вкладываете — Вы.

3) Говорите больше, чем чувствуете и обещайте больше, чем сдер-
 жите: женщине нужны *только слова*. Она же первая их позабудет.

4) Говоря: ты моя первая и последняя, Вы обкрадываете женщину
 на всю ревность к Вашему прошлому и будущему, говорите уж лучше:

— Ты! —

5) И поменьше: ты, пореже: ты. И поменьше ложного пафоса, побольше веселья. Пафос подчеркивает грех, веселье возвращает чувство невинности, когда Вы смеетесь, у нее чувство, что она еще немножко избаловала избалованного ребенка.

6) Умейте – в минуты беседы – не целовать, смотрите прямо в глаза, слушайте внимательно, она борется с Вами за свою душу и поднимает голову, – удержитесь и не целуйте – будьте уверены, что она первая соскучится говорить.

7) Прислушайтесь! – в этом всё искусство любви: женщина всегда сделает во вред себе и на радость Вам.

8) <Не вписано; оставшаяся половина страницы не заполнена.>

Страстная Суббота – <дата не вписана.>¹ 1920 г.

На днях – 13ая апреля – Ирине было бы 3 года. Мне не с кем говорить об Ирине – Аля не знает, с другими совестно, ни к чему – поэто-му пишу об ней в книжку.

Сегодня Страстная Суббота, чудесный день, утро, солнце греет волосы на лбу, сижу у открытой форточки.

Вспоминаю – сами вспоминаются! – чудесные Иринины глаза – ослепительно-темные, такого редкостного зелено-серого цвета, изумительного блеска – и ее огромные ресницы.

О, я хочу сына! – А если С<ережу> мне не суждено встретить – мне никого не нужно.

– А всё-таки – даже если будет сын – мне всё-таки вечно будет грызть сердце, что – двое, когда могло быть трое. – Вот. –

В Ирину смерть я по прежнему не верю.

Пасха будет без пасхи, кулича и т.д. и без любви, в полном одиночестве. (Аля не в счет, ибо Аля и я – одно. Любовь – что-то отдельное от себя.)

Вчера Андрей подарил Але вязаную куртку (выдали на службе) – серую, с отложным воротником, а Е.М. Г<ольд>ман – кусочек масла, – Л<идия> А<лександровна> принесла нам миску супа.

– Аля, целуя меня в спину: – «Мама! Вы воплощенный солнечный луч!» – Во дворе – равнодушный к Страстной Субботе – кричит (старьевщик) татарин.

Вчера Аля писала стихи З<авад>скому, а сегодня, за тарелкой утреннего супа, сказала:

¹ 28 марта ст.ст.

— «Марина! Как странно: Стахович — Сонечка Г<олли>дэй, Володечка, Завадский — всё Весна, весенние»...

И я, проверив, невольно — слово в слово — повторила:

— «Стахович — Сонечка Голлидэй — Володечка — Завадский — всё Весна, Весенние»...

Цены:

Яйцо — 300 р.

1 ф<унт> пасхи — 2¹/₂ т.

1 ф<унт> изюма — 2¹/₂ т.

1 ф<унт> кофе — 2.000 и 2.200 р.

1 ф<унт> индейки — 1¹/₂ т.

1 ф<унт> картоф<еля> 135 р.

1 ф<унт> конины — от 175 р. до 550 р.

 сметана — 900 р.

5 рубл. золотой — 6.000 р.

— 12 ч. ночи. —

Где-то в доме пилят. — В Пасхальную ночь! — Аля спит одетая, в 2 ч. пойдем с ней к заутрене. (Заутреня в 2¹/₂ ч., так велел Патриарх.)

Сегодня встретила с Антокольским. Кольцо мое он, снимая, раздвоил: черный чугунный обод (черные розы) закатил в какую-то трещину винного подвала, где они играли, золотой обод подарил жене. (Недавно женился.)

Говорю себе с улыбкой, что из всех, кому я дарила кольца, только один — быть может — не передарит моего кольца: З<авад>ский, да и то из боязни себя скомпрометировать (еще жениться заставят!)

Дарила я кольца: О.Мандельштаму (серебряное, с печатью — Адам и Ева под деревом добра и зла), Т.Чурилину (с гранатами), Коле Миرونу (цыганское, с хризопразом), Завадскому (серебряное китайское), П. Антокольскому (чугунное, с розами), В. Алексею (большое, китайское) и — наконец — Миллиоти, с Александр<ом?, -итом?>, но — в починке — не верну.

Прошлую зиму я к своим сверстникам относилась по матерински, эту зиму — как бабушка, в будущем году, очевидно, перейду на прабабушку, а еще через зиму окажусь памятником Пушкина, взирающим на играющих у его ног детей.

«История о том, как молодая женщина во цвете лет превратилась в памятник Пушкина».

Трое в этом мире — если живы! — сейчас думают обо мне: Сережа — Володечка Алексеев — и Сонечка Голлидэй.

Нас с Алей *никто* не пригласил разговляться, — я бы и не пошла — НИ ЗА ЧТО! — одна мысль о том, чтобы есть чужое-дорогое бросает меня в озноб.

Но *никто* не пригласил.

Знаю — голову на отсечение даю! — что Володечка Алексеев — женат или не женат! — сейчас думает обо мне. (В прошлом году в 11½ ч. ночи пришел — без предупреждения! — за Алей и мной итти к заутрене. Запах духов — свечи — возвращение домой — смущенье:

— «Ну, Христос Воскресе, Марина Ивановна»... — превозмог себя из за традиции! потом блуждание по Москве до утра — разговоры о России...)

Я — из письма к П. Антокольскому:

— «Знаете — кто мы друг для друга? — Современники.»

Господи! Господи! Господи Боже ты мой! С кем и как мы с Алей будем встречать будущую Пасху?! (1921 года!)

Пасха 1915 г. — с Сережей в Кремле.

Пасха 1916 г. — с М<андельштам>ом у Нечаянной Радости, потом — все вместе — С<ережа>, Борис и я у Сережи наверху.

Пасха 1917 г. — в Борисоглебском, с Борисом.

Пасха 1918 г. — в Борисоглебском, в кухне (лампада, я в плаще, проснувшаяся Аля, Закс и Лиля с подарками, утром пасха и кулич от Цетлинов)

Пасха 1919 г. — в церкви Бориса и Глеба — нашей на Поварской — с Володечкой и Алей, потом хождение по Москве с Володечкой.

Пасха 1920 г.

— Марина! Какой у Вас элегантный нос!»
(Аля, глядя вычурную его горбинку.)

Москва, Пасха 1920 г. (209 марта.)
 (Этот меня от цифрашки нелюда одну оставят)
 Мой милый друг!

Простите за не почтительное обра^же^н
 ие, но все же вы друг. Спасибо Вам
 за Пасхальную ночь, и доброту Ва^м
 и Пасху. Хотя день клонится нех^о
 тя кь концу, но у меня восторгъ
 все такой же, Пасхальный. Я знаю
 кто обь Васъ сейчас думаетъ и Сери^ж
 жа, и Валодя, и Сонечка Боллидей и то^т
 господинъ, который въ валонъ кор^т
 шиль желобамъ еодажку. Помните?
 День засыпаетъ въ сванъ голубомъ
 недъ и ео веткъ еторонъ неется,

нность въ свой единственный домъ
 Вашу душу. Я такъ жалко когда въ
 кашлять и не можете остановит
 ся. Первый день Пасхи далеко такъ
 скоро проходитъ? Потому что
 такъ желаетъ Вечность. Какъ жалъ
 что всю свою душу не могу вложить
 въ эти двѣ странички. Почему?
 Потому что одна душа зани
 маетъ весь міръ а не одну стра
 ницу въ жизни. Надъ всей зем
 лей сегодня царствуетъ Весна
 Любовь и Миръ и Миссъ Христовъ
 Концы тетрадки Концы Миссы.
 Ваша Аня

1ый день Пасхи: приход Андрея с двумя малиновыми яйцами, — неловкое — трижды — христосование — буйная радость Али — кулич и пасха. Вместе обедаем моим грязным гороховым супом и пшеном. Потом провожаем его по праздничным бульварам. Навстречу комиссары в ослепительно-желтых сапогах (добыча из Архангельска!) — разряженное женское мещанство — новый класс в советской России — гризеток, воспитанный на кинематографе, «студиях» и «Нет ни Бога ни природы». (Плакат анархистов.) — Андрей рассказывает, что на Маросейке видели собаку с надписью: — «Долой Т<роцкого> и Л<енина> — иначе я буду съедена!» — У Камерного театра прощаемся. — «Аля, если он оглянется, пошли ему поцелуй». Но он не оглядывается, что наводит меня на грустную мысль о разнице брата и любовника. (Франц<узское> слово «amant» — лучше, ибо не так в упор, — можно и без постели!)

А еще за день раньше — мы с Алей у Храма Спасителя. У каменного обода над набережной — молодая женщина с маленьк<им> ребен<ком> на руках, другой — лет 3х просится сесть на обод, я подбегаю, подымаю, обхватываю его, дрожа, чтобы он не упал.

— О, Ирина! — Завидую женщине, у к<отор>ой, кроме этих двух — еще двое. — Мгновение жаркой **НЕСТЕРПИМОЙ** нежности.

<рукой Али>

Москва, Пасха 19120 г. (209 марта.)

(Уж меня с цифрами нельзя одну оставлять)

Мой милый друг!

Простите за не почтительное обращение, но все же Вы друг. Спасибо Вам за Пасхальную ночь, и добытую Вами Пасху. Хотя день клонится нехотя к концу, но у меня восторг все такой же, Пасхальный. Я знаю что об Вас сейчас думает и Сережа, и Володя, и Сонечка Голидэй и тот господин, который в вагоне кормил хлебом собачку. Помните? День засыпает в своем голубом небе и со всех сторон несется, нежность в свой единственный дом — Вашу душу. Я так жалею когда Вы кашляете и не можете остановиться. Первый день Пасхи зачем так скоро проходит? Потому что так желает Вечность. Как жаль что всю свою душу нельзя вложить в эти две страницы. Почему? Потому что одна душа занимает весь мир а не одну страницу В жизни. Над всей землей сегодня царствует Весна Любовь и Мир и Иисус Христос Конец тетрадке Конец Письму.

Ваша Аля

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

8

1920—1921

— Величавая катарга. —

(Весьма любопытный вариант. Перевод Рен. Иванова.)

13^е мая 1910.

~~-----~~

~~Величавая катарга — это не то же самое, что катарга, а катарга — это не то же самое, что катарга!)~~

~~Величавая катарга — это не то же самое, что катарга.~~

и — обратное:

Не Величавая катарга — катарга.

(не катарга Величавая, а катарга Величавая.)

— Ressuscitans resurgo.¹ —

(Мною найденный девиз. Перевод Вяч<слава> Иванова.)

13ая мая 1920 г.

<Следующие четыре строки тщательно зачеркнуты.>

и — обратно:

Не воскрешая — умираю.

(м<жет> б<ыть> еще верней, ибо чаще: не воскрешаю.)

Москва, 25ая апреля 1920 г., суббота.

Начинаю эту книжечку в свой любимый день — субботу, и в удачный день — случайно ukrала 1 т. Lespinasse (второй был украден раньше, — горевала о первом!)

Там есть одна фраза о юности и старости, оправдывающая всю меня.

Сшила сама эту книжечку, — плохо сшито, но никто не дарит записных книжек, а в больших не могу писать.

— Продолжение. —

— «Вы знаете, открыта одна новая строчка Пушкина. ...Твой поцелуй неутолимый... И всё.»

— «Ну, скажите по-правде, если бы Вы не знали, что это — Пушкин, звучала ли бы она для Вас так же, как сейчас?»

— «Думаю, что да. — Неутолимый... — Это так неожиданно и так верно. Кто из нас этого не испытывал? Но оттого, что это Пушкин — еще особенное сияние.»

(Жаль, что не могу передать голоса: чуть касается слов.)

— «А я о себе что сейчас подумала! Я ведь не морская пена. У огня ведь тоже есть пена, — да? Самая верхушка. — Огненная пена, сухая. — Ведь огонь тоже не злой, — веселый.»

¹ Воскрешая, воскресаю (лат.).

— «А Вы всегда так закрываете лоб?»

— «Всегда — и знаете — никому не даю открывать. — Никогда.» —
 «У Вас наверное очень высокий лоб?» — «Очень — и вообще — хороший. Но дело не в том. Я вообще не люблю своего лица.»

— «Ваша внешность настолько меньше Вашего внутреннего, хотя у Вас внешность отнюдь не второстепенная...»

— «Слушайте, я нашла Вам одну чудесную реплику, сама нашлась. Помните, Вы вчера говорили относительно Казановы и Prince de Ligne, — что в Вас же этого всего нет. — Ведь и в Серее этого нет, — ни капли. Только что порода. — Но ни легкомыслия, ни божественной беспечности, ни любви к часу, ни всей этой пены — ничего. — Тишина. — Как Вы.»

— «Вы когда-нибудь видали, как фехтуют?»

— «Да.»

— «Есть один прием: отражать удар противника. И есть другой — отставить <пропуск слова>, чтоб противник попал в пустоту.»

— «А это опасно?»

— «Да, — неожиданно — и теряешь равновесие. — Удар в пустоту, когда ждал твердого тела. — Это самое страшное.»

— «Как я рада, что Вы всё это знаете!»

Гляжу на его руку, упирающуюся в диван.

— «Вы хотите идти?» — «Да.» — «А еще немножко?» — «Да.» —

«О, какой хороший!» — Что-то вспоминаю про М<или>ти.

— «Он мне о Вас тогда рассказывал, но я не прислушивался.» —
 «Рассказывал?» — «Немного.»

— «Я сама могу рассказать. Что Вы думаете об этом знакомстве?» —
 «Я просто не думал, я могу остановить всякую мысль. Я просто не допускал себя до какой-либо мысли здесь.»

— «А хотите, чтоб я рассказала? — Вам это будет забавно. — Очень глупая история.»

Рассказываю.

Рассказываю как в таких случаях всегда рассказываю, озабоченная двумя вещами: сказать всю правду — и не шокировать собеседника.

Местами — кажется — утаиваю, местами — кажется — отталкиваю.

Молчание после рассказа. Чувствую себя побитой собакой, всё поведение безобразно и глупо, и ничем не оправдано.

— «М<или>ти мне в этой истории ясен», — говорит Н.Н. — «Вы — совсем не ясны.»

— «Спрашивайте, мне будет легче отвечать.»

— «Знали ли Вы, к чему это ведет, чувствовали или нет?»

Задумываюсь — проверяю.

— «Я чувствовала восторг, и мне было любопытно. Когда он меня поцеловал, я сразу ответила, но была не очень рада, — не ждала.»

— «Будем говорить просто. Вы говорите “разве это была близость?” Неужели Вы не знаете, чем такая кажущаяся близость могла кончиться?»

— «Я просто не думала, не хотела думать, надеялась на Бога. — Вам очень противно?»

— «Нет, я меньше чем кто-либо — Вас сужу. Но мне жалко Вас, жалко, что Вы так себя бросаете.»

Задумчиво разглаживает голубое одеяло, лежащее в ногах дивана. Глажу на его руку.

— «Н.Н.!» — чувствую ласковость — чуть-шутливую! — своего голоса — «чем так гладить одеяло, к<отор>ое ничего не чувствует, не лучше ли было бы погладить мои волосы?»

Смеется. — Смеюсь. — Рука всё еще — движущейся белизной — на одеяле.

— «Вам не хочется?»

— «Нет, мне это было бы очень приятно, у Вас такие хорошие волосы, но я, читая Ваши стихи, читаю их двояко: как стихи — и как Вас!»

— «Ну — и?»

— «Мне запомнилась одна Ваша строчка:

На Ваши поцелуи — о живые! —

Я ничего не возражу — впервые...»

— «О, это когда было! — Это тогда было! — Теперь как раз наоборот! — Этого никогда и не было!» и, спохватившись: — «Господи, что я говорю!»

— Смеемся. —

— «Н.Н., а я всё-таки обижена, что Вы не хотите меня погладить. — Разве моя голова не лучше одеяла?»

— «У Вас очень хорошая голова, но когда я глажу одеяло, я по крайней мере уверен, что ему *не* неприятно.»

— «Не возразит?» — Смеюсь. — Соскальзываю на пол — перед ним на колени — головой в колени.

И вот — как сон — другого слова нет. Рука нежная — нежная — как сквозь сон — и голова моя сонная — и каждый волос сонный. Только глубже зарываюсь лицом в колени.

— «Вам так неудобно?»

— «Мне чудесно.»

Гладит, гладит, точно убеждает мою голову, каждый волос. Шелковый шелест волос под рукой — или рука шелковая? — Нет, рука святая, люблю эту руку, моя рука...

И вдруг — пробуждение Фомы. — «А вдруг ему уже надоело гладить и продолжает так только — для приличия? — Нужно встать, самой кончить, — но — еще одну секундочку! — одну!» — и не встаю. А рука всё гладит. И ровный голос сверху:

— «А теперь я пойду.»

Встаю безропотно. Провожая по темным комнатам. — «Ни за что не пойду провожать!» — Во мне уже упорство.

Провожая сначала до парадного, потом до подъезда, иду рядом.

Пустота (страх его пустоты), сознание своей негодности и его осуждения, холод, неуютность.

Провожая до Соллогуба, он идет со мной обратно. Я что-то о М<илии>ти: — «Он уже забыл!» — «Напрасно Вы думаете, это будет ему служить воспоминанием на долгие годы!..» Голос — не без лукавства.

Что-то говорю о нем — и:

— «Когда я с Вами рядом... Впрочем, всё равно: ведь Вы — издалека — издалека!»

— «А каким бы Вы хотели, чтобы я был?»

— «Никаким. — Тем же. — Этим мне Вы так и дороги... — Когда это кончится...»

— «Что?» — «Наше знакомство.» — «А скоро оно кончится?» — «Не знаю.»

Идем по переулку. — «Знаете, если меня кто-н<и>б<удь> так встретит сейчас — никто не подумает дурно. — Хожу по улицам и колдую.»

— «Почему Вы так думаете?»

— «П<отому> ч<то> я сама сознаю свою невинность, — клянусь Богом! — вопреки всему, что я делаю!»

— «Вы правы.»

Прощаясь, кладет мне руку на голову, — м<ожет> б<ыть> я подставила лоб? — Прислоняюсь головой к его плечу, обеими руками обнимаю за талию — юнкерскую! — Долго так стоим.

— «А Вы кажется мне, под предлогом, что гладите — лоб открыли? Ох!»

Смеется. — Стоим еще. — Я с закрытыми глазами. Легко-легко касается губами лба.

И ровный-ровный четкий шаг по переулку.

— Утро. — Кажется, раннее: солнце низко. (Живу без часов.) — М<илио>ти в сером халате и Бог знает чем.

Даю Л<идии> П<етровне> два детских пальто — от чистого сердца и для того, чтобы мое присутствие lui pèse moins¹. — Н.Н. нет, — замók! — Очень мило! — Целуюсь с Л<идией> П<етровой>, весело, верю, что придет. Аля бегаёт в саду, собирает те желтенькие цветочки, — первые! — (Двор в Трехпрудном! Детство!) — которые потом будут одуванчиками.

Приносит два букета, один даёт М<илио>ти.

Он: — «Да это не мне!» — Надменно пропускаю.

Алю зовут есть кашу. Шаги — или мерещится? Я сразу — на всё веселье — добрее. Звонок по телеф<ону> — просят Н.Н. — Ш<ермет>ьев говорит, что он в саду.

Аля выбегает, вбегает, тянет меня за руку: — «Марина!» Глаза сияют. — «Алечка, поди возьми у М<илио>ти кофейник!» Входим. Радостно здороваюсь. Аля даёт цветочки.

— «Вы так рано уходили?» — «Нет, я встал и вышел в сад.» — Присаживаюсь к столу. Рассказываю о Беттине, про Гёте, кошку и черные ее глаза. — «О я могла бы любить только 100 летнего!» — «А был же Толстой, — Вы же его не полюбили.» — «Нет.» — «Ну, вот...» Всё понимая, улыбается. — «Толстой — это не то.» — «А Анатоль Франс?» — «О! Еще как! Он бы всё понимал! Всё бы слушал!» — «Равнодушно.» — «Нет, нежно — и с иронией!» (Забыла записать: любит Lys rouge², смеется, что «тайное пристрастие, к<оторо>го стыдится». — О Господи! — Не всё же Будда!)

Рука его лежит на столе. Ложусь лбом.

— «Глаза горячие? — Я почти не спала.»

Говорит, что это не кофейник, а кропильница. Ставит в него цветы. Предлагает проводить его на Рождественку. Я не знаю, где Рождественка, но мне всё равно.

По дороге: — «Это настоящая англ<ийская> куртка, ее мне подарил один франц<узский> офицер, я ему оказал одну большую услугу. Мы с ним вместе ходили в октябре, вместе ходили арестовывать в Советы...»

¹ меньше ее тяготило (фр.).

² Красную лилию (фр.).

(Я молча: — «Гм. — Ну, ладно!»)

— «Я тогда был на костылях, он меня оберегал.»

— «Почему на костылях?»

— «После войны, — ранен был.»

Идем еще несколько шагов, и я, не выдержав, спокойно: — «А кого Вы арестовывали? Юнкеров?»

— «Нет, нас арестовывали. Впрочем, я раз в жизни тоже арестовал: своего полкового командира, — тогда, в начале Революции. Это было в Тамбове, доходили только темные слухи...»

— «Какое же чувство?»

— «Глупое слово, — удаль!»

— «Прекрасное слово!»

— «Расчитал правильно, — хорошо, ошибся — петлю на шею. Я ее ясно чувствовал, — вот здесь. — Шли ведь в тёмную.»

(Вспоминаю рассказ Н.Н.М<ироно>ва (Коли) о том, как арестовывал в Минске — обманом — своего старого полкового командира.)

Немного дальше — я: — «Мы с Вами так долго не увидимся, — 4 дня! Вы нынче вечером заняты?» — «Да.» — «А я все эти дни: пятница, суббота и воскресенье. Приходите в понедельник.» —

Потом: — «Пойдем как-нибудь в Нескучный сад!»

— «Хорошо, потом, когда Вы покончите со всеми этими людьми, которых я не знаю.» —

— «Это уже Рождественка?» — «Нет.» — «А скоро?» — «Скоро».

— «А в течение этих дней Вы м<ожет> б<ыть> как-нибудь зайдете ко мне утром? Мне будет очень приятно.» — Молчу. (Знаю, что не приду! Для этого и расстаюсь!) — «Вы же наверное будете заходить к М<илю>ти?»

— «Это Рождественка?» — «Да.» — Поперек улицы треплющаяся вывеска. Н.Н. говорит: «Здесь. — Я Вас не приглашаю зайти, п<отому> ч<то> знаю...» — «Нет, нет, я не пойду!»

(Иконная выставка.)

И, молча: — «Ничего не знаете и всюду бы пошла...» Прощаемся. Аля просит: «Поцеловаться!» — Склоняется к ней — целуя ее и мне: — «Если как-нибудь выберете время утром — помните, я буду очень рад!»

— «До свидания!»

*Из походной записной книжки:**Сон:*

Множество солдат. Встревоженные, радостные лица: только что получилась почта. У всех в руках письма. Аля летит, несет грудку писем — одно разорванное — плачет. — «Аля, он умер?» — «Нет, нет, читайте!» Сидим на скалах над морем. Читаю письмо. Письмо от Аси: — «Даже теперь, стоя у распахнутых ворот, ведущих во все миры, он еще...»
(Письмо от Аси — о С<ереже> — Плачу.)

Обрываю ремень на какой-то кровати. — Качалась, велели слезть, не слезала. — Меня кладут на пол, на доску, будут тянуть жилы. А<нтоколь>ский верен — целует — ложится рядом.

Простонародный театр. Кто-то занял чье-то место, кто-то негодует, я вяжываюсь:

Тот, грубо: — «Вы думаете — Вам прежнее время?»

Я: — «Во все времена и в самых революц<ионных> странах всегда уступали место женщинам.»

(Одобрительное: — «Да, да, да!» — «Верно, верно!»)

— «Да, но он толкался!»

Я: — «А у нас *не* толкались!»

Он: — «То, что Вы говорите может отразиться неблагоприятно на Вашем историческом процессе!»

(Восторженные, сочувствующие мне лица.)

Я, доверчиво: — «Я ведь баба — значит — дура, не надо на меня сердиться!»

У того лицо проясняется, все смеются.

— Всё. —

Каждый поэт, имей он хоть миллиард читателей — для одного единственного, как каждая женщина — имей она хоть тысячу любовников — для одного.

Каждый раз, любя, рвалась умереть за — если уж полное ничтожество — рвалась хотя бы рваться.

Никогда — никогда — никогда — не сближалась без близости духовной (хотя бы мнимой!) — и как часто — без близости телесной (доверяя).

Телесное доверие — это бы я употребила вместо: страсть.

Какие-то природные законы во мне нарушены, — как жалко!
Мое материнство — моя смута в области пола.

Переношу в область пола вещи совсем чуждые: вежливость — обиду — *délicatesse de cœur*¹
(Читаю и толкую шкуру глазами души.)

Так напр<имер>: Если я человека не поцелую — обидится.
А если человек не любит *C^{uisse} de Noailles* — ножом зарежу! Выходит: *C^{uisse} de Noailles* — больше *я*, чем мое тело.

Литература? — Нет! — Какой я «литератор», раз все книги мира — чужие и свои — отдам за один, один маленький язычек костра Иоанны!
Не литература, — а самосжигание.

Воображение, — не знаю, как по Чалпанову, но по-моему: на границе души и головы, с чуть-уклоном в сторону головы.

Всякая моя любовь, (кроме *C<ережи>*) — *Idylle* — *Elégie* — *Tragédie* — *cérébrale*.²

Какое слово: *aurore boréale*!³ — Екатерина II, и Российская Революция!

¹ сердечную деликатность (фр.).

² Идиллия — Элегия — Трагедия — мозговая (фр.).

³ северная аврора (фр.).

Н.Н.! Защитите меня от мира и от самой себя!

Н.Н., я в первый раз прошу – защиты!

Н.Н. Я люблю Ваш тихий голос. До Вас я думала, что все мужчины распутны (Володечка, может быть, не любил, С<ережа> – ангел.)

Когда человек в близости порочен (близость не всё оправдывает!) – я думаю, что так надо, послушна, как всегда, когда люблю.

Близость! – Какое фактическое и ироническое определение!

Человек голоден: ест хлеб.

Если ж человек сосредоточен на выборе меню – он недостаточно голоден – только: en appétit¹ – а м<ожет> б<ыть> только старается вызвать его.

Мое дело в мире: ходить за глухим Бетховеном, – писать под диктовку старого Наполеона, – вести Королей в Реймс. – Всё остальное: Лозэн – Казанова – Манон – привито мне порочными проходимцами, которые всё-таки не смогли развратить меня вконец.

(A Prince de Ligne?)

Отдать жизнь за – легко. Всего только: Vive le Roy!² – и голова долой.

Надо отдавать дни – за –

Мне не хватает в мире: une grande cause à défendre. – Cause³! – Сюда бы вошли – она бы поглотила – в ней бы потонули – все mille e tre⁴!

¹ ощущает аппетит (фр.).

² Да здравствует Король! (фр.)

³ большого дела для защиты. – Дела! (фр.)

⁴ тысяча и три (итал.).

Могу не спать десять ночей подряд, не есть десять дней подряд (могу!!!) – работать, как раб, – и всё это зря, по крохотным поводам.

Мне нужно дело (любовь), могущее взять всю мою жизнь и каждый час.

Н.Н. Вы меня не воспитываете, – возрождаете.

...Когда для смертного умолкнет шумный день...

И как я понимаю сейчас, что Вы не любите моих стихов!

(Н.Н.! Что такое «стогны»?)

Раз есть Пушкин, зачем Марина Цветаева?

– Согласна. –

Но: раз есть Пушкин, – зачем Иван Бунин?

(– Еще более – согласна!)

Я могла бы писать прекрасные – вечные! – стихи, если бы так же любила вечное, как бренное.

(К этому вернусь еще не раз.)

Н.Н. Вы глубокий час в моей жизни, и этому не будет конца.

В то время, как на часах моей бренности, обезумевшая кукушка выскакивает через каждые пять минут по 12ти раз, на часах моей Вечности пробило только: два.

Две страсти: постель (видеть сны) – и письменный стол (записывать их) – или: письменный стол (видеть сны) – и постель (осуществлять их, спящей).

Забывтое об Н.Н. (как грустно звучит!)

Н.Н. просит меня достать ему мандельштамовский «Камень».

Я: – «Но подумайте! Шесть ящиков – и неизвестно, в каком!»

Н.Н.: – «Для Вас я бы мог разбить – шестнадцать ящиков!»

Всё настоящее — едино — т.е. — неповторимо. — Хотя бы самое маленькое!

(Мой ответ на 1ую строчку в этой странице.)¹

Тело в любви не цель, а средство.

Насколько я лучше вижу человека, когда не с ним!

А<нтоколь>ский:

— «Чтобы написать любовное стихотворение, мне как-то надо изнасиловать самого себя.»

(О, Пушкин! — О НН.!)

Ирина, — вот они, мои нарушенные законы!

НН! Скажите мне, где сейчас моя Ирина?

Моя Ирина. — Так я ее при жизни никогда не звала.

Сон про Ирину.

Держу ее на руках, верней — она меня обхватила (руками за шею, ногами за пояс.)

— «Ну, поцелуй меня!» — Лицо — ее, прекрасные глаза ее темные, золотые волосы, — но веселая! здоровая!

Целует. Взгляд немножко лукавый, как когда на: «Скажи: мама!» застывала с открытым ртом: — «М — а — а — а — а...»

И вдруг подает мне — прямо к губам — какую-то движущуюся те-семочку:

— «Целуй!» — «Брось, Ирина, это гадость!» — «Это ящерица!» — «Какие же ящерицы — зимой?»

(Теперь соображаю.)

Держа ее на руках, испытываю такую остроту блаженства, с которой не сравнится НИЧТО. — Непереносно как-то. (М<ожет> б<ыть> это и есть — Материнство?)

¹ В рукописи первая строка на странице: «Раз есть Пушкин, зачем Марина Цветаева?»

О доме в Трехпрудном (нашем с Асей — детском — разрушенном.)
Закрою глаза — стоит, открою глаза — нет.

—
Об НН.

Благородная жизнь: с утра сад, потом смотреть иконы.
(Себя — между первым и вторым — не включила.)

—
Я, просыпаясь: «Аля, какое у меня сейчас лицо?»
Аля, спокойно: «Бледно-бурое. Здесь — зеленое.»

—
Аля, просыпаясь:
— «М<арина>! Если я через год не увижу папу, я пойду по миру
искать его. Нищих легче пропустят, чем богатых, с поездом...»

—
25ая апреля, суббота.

Встреча двух женщин уже потому глубже, что она вне исконной —
безличной — мужской и женской — пены.

(А м<ожет> б<ыть> и нет? — У меня!)

И если волнение от такой встречи = волнению от встречи мужчи-
ны и женщины, любви здесь больше ровно на всю ту пену.

—
Подумать о притяжении однородных полов. — Мой случай не в
счет, ибо я люблю души, не считаясь с полом, уступая ему, чтобы не
мешал. —

—
НН! Я Вас научу еще любить Шопена!

(меня.)

— Простите за дерзость, пишу под музыку.

—
М<илио>ти о НН.В.

— «Академичен — столько книг прочел, что просто страшно...»

И я — с чистейшим жаром сердца, — отрешенно, как перед смер-
тью:

— «Господа! — Это единственный человек, кроме С<ережи> — ко-
торого я чувствую выше себя, — на целых семь небес! — Не смейтесь. —
Я серьезно.»

— Лицо М<илио>ти. —

Узнаю в пятницу от Л<идии> П<етровны>, что Н.Н. копает грядки. Я, позабавленно: «Как? Руками?»

(О, мои руки!)

Она, серьезно: «Нет, лопаткой.» — «И что же он сажает? Цветы?» — «Нет, морковь, картошку, (умиротворяюще:) — «картошка ведь тоже цветет.» Я: — «Гм... — Ну, а зачем это ему?» — «Есть.» — «Я бы лучше совсем не ела, чем копать. — А В<асилий> Д<митриевич> тоже копает?» Л<идия> П<етровна>, смеясь: — «Нет, тот и не копает и всё-таки есть будет.» Я: — «Какой странный НН. — Ведь у него же всё разворуют.» Л<идия> П<етровна> — «Тот же В<асилий> Д<митриевич>!» — Смеюсь. — Я: — «А что он ночью — тоже копает?» — Л<идия> П<етровна>, серьезно: — «Нет, спит.» Я: — «Ну, слава Богу, а то я уж боялась...»

Весь вечер называю В<асилия> Д<митриевича> — Василием Петровичем (председатель дом<ового> комит<ета> — повар.) — Самое лучшее, что, увлеченный едой, не замечает.

После музыки такое же опустошение, как после любви, — но менее растравительно, п<отому> ч<то> в тебе одном.

НН! Знаете ли Вы, что у меня сейчас самое настоящее искушение сбежать к Вам — из гостей — с Пятницкой — в 12 ч. ночи — к Вам домой!
— Не бойтесь, никогда не сделаю.

Играть на рояле (какое в этом простонародное отношение к искусству: играть, баловаться.)

Тут простонародное привилось

НН! У Вас — против меня: вся нескромность слов.
(слóва.)

НН! Если бы я познакомилась с Вами раньше, Ирина бы не умерла.

НН! Возьмите мою голову в руки, довершайте начатое. — Только — ради Бога! — больше не расставаться!

О, Ваша комнатка, Ваша комнатка, Ваша чудесная, чистая жизнь: грядки — кисти — книжки.

— Ваши руки! —

С такими руками не страшно копать землю!

Моя тетрадка — это Вы. Уже мечтаю о ней.

Дом пустует. Так и душа пустует (действительно, не как состояние, а как непрерывно длящееся действие.)

26ая апреля 1920 г. — ст. ст. — после сна:

Сон про Ирину.

Стоит передо мной, в длинном розовом платье, с коркой в руках (живая!)

— «Ирина, хочешь молока?»

(Вспоминаю, что 2 дня была мертвой, думаю: летаргический сон!)

Живая! — Бледная, худая, но в розовом платье, ходит, грызет корку.

И опять мысль: — «Я ведь знала, что не умерла!»

И сон про Андрея (брата). Мы уезжаем за границу на пароходе. Я говорю маме, со слезами на глазах: — «Мама! Бросим вещи! Я не могу их продать!» На глазах слезы, — наболевшее!

И такое освобождение от: бросим!

— Прощаюсь с Андреем. — «Как твой адрес?» — «Никитская, 8, уг<ол> Мариинского». — «А твое учреждение? Укрепление красноармейцев?» — И так мне его жаль, не могу оторваться.

И еще какая-то станция возле Милана. Слезаем с Алей. Зелень.

НН! Как я встречу с Вами? — Ведь я к Вам — без Вас — сделала 1000 верст!

Аля, просыпаясь: «М<арина>! Во всех домах высоких – петли! – И как раз над моей кроватью!»

— «Мама! Я Ваша поклонница!»

Мое упорство равно только моей покорности.

Не М<илио>ти не выносит Н.Н., а весь III сорт Мира – I. (Оттого я – всё-таки! – не III, слишком люблю I – и слишком не выносят! – Сказать честно? – II!)

Цирцея обращала героев в свиней, я – свиней в героев.

Еще немножко об НН.

– Ночевали на Пятницкой. А<нтоколь>ского не было, целый вечер сидела неласковая и молчаливая, устаивая собою только записную книжечку. М<илио>ти – *пassez<->moi le mot!*! – нажравшись, накинулся на рояль. Мне было брезгливо, что он играет Шопена. Хозяйка (я, но только глупая!) вздыхала и смеялась, прижималась ко мне всем телом – (увесистым и потому не милым!) я сидела, как столб, пользуясь тем, что это не мужчина. – Хозяин (идиот, к<отор>ый д<о> с<их> п<ор> не может переплести мне двух книжек, – такое животное!) – рассказывал мне о плане рассказа: хочет – на протяжении десяти стр<а>ниц> оживить все картины Тредьяковской галереи или вогнать в них – шаг за шагом, как они висят! – своего героя. – Слушала. – Рвалась к НН. – Когда М<илио>ти, узнав по телеф<ону>, что у него Ф<едо>тов (тоже – нечего сказать! – перл!), стал торопиться домой, я чуть было не пошла его провожать – до комнаты НН. – И если этого не сделала, то просто п<отому> ч<то> «цыганская страсть разлуки!..» и – воспитанность.

Легла без ужина, т.е. без кусочка хлеба, – и днем не ела – и утром. Чувствовала не желание есть, а трогательность, бестелесность, только как-то плохо держалась на ногах.

Утром – как ни в чем не бывало! – так рвалась к тетрадке, что с ужасом взглянула на угрожавший мне, уже пыхтевший самовар. – Шли

¹ извините за выражение (*фр.*).

с Алей набережной, Аля, как щенок, я торжественно – голод дает гордость!

И букеты в руках: у нее и у меня.

День сиял. Возле самой чудесной московской церкви (розовой, у Храма) – остановились перед иконой – Аля положила цветочков, приложилась. Глядим: Николай Чудотворец. – Мне стало приятно. –

На бульваре купили еще цветов: душистого горошку. Вложила в него веточку яблони – ценнейшую! – ибо, переборов себя, – в первый раз в жизни украла в чужом саду цветы: обломил ветку в сквэре.

По дороге говорила Але – что сказать. – «И – упаси Боже, чтобы не провожал! – И не сиди! – Отдай, передай, что я жду его завтра – и беги. И ради Бога, не смей перебегать через улицу! Ради Бога!» – Показав ей место, где я буду – всё точно: где ей стоять и звать меня, где я буду – отвожу ее обратно до решетки Соллогуба, а сама иду сажусь на какую-то железину, в самом начале кудринского сквэра. Гляжу на часы: ровно 12 ч.! – Жду. –

Через 5 мин. явление Али: серая курточка, желтая шапочка, сизое <ольдмано>вское платье и розовый фартук торчит – бедный советский ребенок.

– «Ма-ри-на!!!»

Добегаю, беру за руку. – «Ннну?!»

– «Очень хорошо, всё, как Вы говорили. Сначала я шла тихо-тихо, не постукала и – как ветер – в комнату. Он очень обрадовался. – «Алечка!» Я: (подносит свою руку к губам). – Он пил кофе, встал, перестал пить кофе, взял меня на колени.» – «А как его глядки?» – «Какая-то дама копала!» – «Какая дама?» – «Я не разобрала.» – «Ну всё-таки!» – Она только спросила: – «Это – Ваша Аля?» А он сказал: – «Да.» – Он очень обрадовался цветам, стал просить у дамы, нет ли у нее кувшинчика. А потом я ему передала то, что Вы сказали, а потом его позвали к телеф<ону>. – Да, он еще спросил: – «Вы одна пришли? – Да. – И не страшно? – Нет, я очень люблю. Я очень естественно говорила, скромно, он поверил.»

(Милый НН! Чувствую Ваше осуждение: пускать ребенка одного, чтобы передать цветы! – Не беспокойтесь: если у меня нет материнских недр, у меня есть материнская верность. – Впрочем, Ваше осуждение меня умиляет!)

Я: – «Значит он был рад?» – «Очень, он был такой ласковый, не хотел пускать: Не уходите, посидите!» – «Нет, я нужна дома.» –

Душистый горошек, трогательный цветок!

В моем небе — как на куполе одной церковки на Ильинке — больше звезд, чем неба.

Вся я — курсивом.

Красная площадь. — Взрывы и облака. Какие-то тюфячные (???) работы по выкорчевыванию корней. По словам какого-то солдата — взрывы на Ходынке. Первое облако — как

дымовой	}	крест над Кремлем.
столбовой		

 — Стекла летят. — Ждем Блока.

Блок (записано в первую секунду).

Блок: грассирует, неясное ш, худое желтое деревянное лицо с запавшими щеками (резко обведены скулы), большие ледяные глаза, короткие волосы — некрасивый — (хотела бы видеть улыбку! — До страсти!)

Деревянный, глуховатый голос. Говорит просто — внутренне — немножко отрывисто. Лицо — совершенно неподвижное, пасмурное.

О подвигах — <пропуск слова> о славе...

Пала *нiзко* — *мáло* виновата...

Но когда он сказал:

— «Всё-таки когда-нибудь счастливой

Ты со мной была?»¹

(Не помню строчки.)

— точно живую женщину спросил, чуть волнуясь — я — всё! всё! всё в мире бы отдала за то, чтобы — ну, просто, чтобы он меня любил!

Одежда сидит мешковато, весь какой-то негнущийся — деревянный! — лучше не скажешь, уходя угрюмо кивает, поворачивается почти спиной, ни тени улыбки! — ни тени радости от приветствий.

ВСЁ — *НЕХОТЯ*. В народе бы сказали: *убитый*.

¹ Разве ты со мною не была? (Слушала> во 2^м раз, в д<оме> Соллогуба.)
(Примечание М. Цветаевой.)

После бесконечных вызовов — выходит:

Седое утро.

Утрет. — С Богом. — По домам.

Позвякивают колокольцы.

И потом: кольца, явно тонируя.

...Какое-то воспоминанье...

бросает безглаголиво, как мужчина.

Очаровательно:

Прощай, возьми *ЕЩЕ* колечко,

— скупая, чуть насмешливая нежность, как бы: — «Тешит? — Ну, бери!» —

(Мои до безумия любимые — любимейшие его стихи!) — Точно мне написаны, так и слушаю их — себе!) —

—

Вокруг него изумительные уроды. А я-то думала: Александр Блок! — Красавец! — Красавицы!

— О я!!! —

(с иронией.)

Слушаю, очарованная I) сначала тем, что не очаровывает (слава Богу! не любить!) — потом, — что и других не очаровывает (значит — больше мой! Захочу — только мой!) — Дура! — (Хотела бы, чтобы был глухой, слепой и немой, — мой!!!) —

Тоска по Блоку, как тоска по тому, кого не долюбила во сне. — А что проще? — Подойти: я такая-то...

Обещай мне за это всю любовь Блока — не подойду.

— Такая. —

—

Письмо мое передано. Автор ожившей Тредтьяковки положил на стол, дама пододвинула. Когда я вошла — секунду спустя его выхода — голубого конверта уже не было.

В портфеле — на груди — так близко от сердца — в котором я никогда не буду — мое письмо.

—

Как восхитительно, когда вся зала — молча — чуть шевеля губами — подсказывает стих!

—

Путает стихи, забывает.

Напр<имер>

Но была ты со мной всем *презрением* юным
вместо «презрением» — движением —
и еще:

Чуть заметным дрожаньем руки:
— пожатем — руки.

Даже нелепо! — Но чудесно! — Ох, как бы я поцеловала ему его —
кажется — и слава Богу! — некрасивую руку!

А ведь Блоку сегодня могло разбить голову! (Падают стекла из окон
Политехнического.)

НН. — В Вас тишина от полноты бытия: *молчание ПОЛДНЯ* (гё-
тевское!)

А Блок в гробу.

Блоку как-то — не улыбается (глагол здесь употреблен как напр<и-
мер>: не плачется, не вздыхается.)

...Как слабый луч сквозь черный мóрок адов —
Так голос Ваш под рокот рвущихся снарядов...

Одни стихи — пророческие — огромны.
«Играй, дитя...» — так начинается, и потом:
... «Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет»...

Одни — в духе Гейне — длинные и слабые, о мертвецце, ходящем в
Сенат и пьющем чай. — Все остальные восхитительны. Читает все мои
любимые:

Колокольцы — золотого — как небо — Аи — Какому хочешь чаро-
дею...

Кармен не читает, — жаль!

Боюсь, что скоро умрет. — Нельзя — *т а к* — без радости!
 ... «Еще страстнее, чем над первой зыбкой, —
 Как напряженно стерегла улыбку...»

(Из будущих стихов)

А пока я — под рокот рвущихся снарядов — боролась за очарование — Аля, дома, взаперти — тоже под рокот рвущихся снарядов (как раз для нашего довременного дома!) писала мне следующее письмо и стихи:

— «Милая мама.

Ключи нашла, дописала. Пора ложится. Почитала книгу «Робинзон Крузо». Думала об Вас и страницу окончила стихами. Сейчас часов 10.

Надеялась, что застану Вас. Но Увы.

Жильцы протянули мне на веревке 5 кусков хлеба: (всякий кусочек с маслом.) Решила съесть.

Да хранит Бог Ваш ангельский сон.

Аминь.

Ваша Аля.

Рисунок: я сплю, над головой — ангел, на груди — тетрадка, у ног на ковре — Аля, в слезах и с «Волшебным фонарем.»

К поединку.

<После этого заголовка нижняя половина страницы не заполнена.>

После каменного — деревянный.

3^я русского мая 1920 г. — Воскресенье. —

Страстная брезгливость к записной книжке, — гораздо хуже, чем когда целовалась с негодеем — и противно.

От таких поцелуев у меня оплот — именно эта книжка. А теперь книжки у меня нет, п<отому> ч<то> ее читали, (и, прочитав не полюбили. — Меня. —)

М<илио>ти и Н.Н. — Равное бездушие. — Но у М<илио>ти ее никогда не было (души), а Н.Н. закопал ее — живьем — в землю (своего огорода.) И Н.Н. будут судить на Страшном Суде.

НН., прочтя обе Асины книги, предпочитает ей — Асе — Устинью (как А.Белому — дворника Якова, мужа этой Устиньи.)

Ну, что ж.

Разница отношения ко мне М<илию>ти и Н.Н.

М<илию>ти, ценя, унижал поведением, Н., ведя себя корректно, унижает внутренне.

Я опять к Вам, Володечка Алексеев!

Было же что-то в Вас — чего не было в Н.Н. — что не позволяло мне взять Вашу руку — ибо у Н.Н. брала. Разница не во мне, и, клянусь Богом, если я брала руку у Н.Н., виновата *не я*.

Совесть.

Одни носят ее ремнем вокруг пояса (нажуртся и распустят.)

Другим она — петлей на шее.

Была ли я хоть раз в жизни равнодушна к одному, *п<отому> ч<то> любила другого?* — По чистой совести — нет. Бывали бесстрастные поры, но не *п<отому> ч<то>* так уж нравился один, другие мало нравились. Не любил я никого, они бы мне всё равно не нравились.

Одна звезда для меня не затмевает другой — других — всех! — Да это и правильно. — Зачем тогда Богу было бы создавать их — полное небо!

Как жалко, что люди не знают меня, когда я одна. Если б знали — любили. Но никогда не узнают, *п<отому> ч<то>* такая я — именно оттого что одна. С ними у меня обезьянья гибкость (только в обратную сторону, повторяю *наоборот* движение. Пр<имер>: с любящими евреев — ненавижу евреев, с ненавидящими — обожаю — и всё искренно — до слез! — Любовь по оттолкновению. —)

Еще о НН. — «Я в темноте ничего не чувствую, мне всё равно тогда: что рука — что доска...»

О НИЩЕНСТВО ЗРЯЧЕСТИ, СЛЕПОТА ЗРЯЧЕСТИ!

НН: глухой, постигающий мир — глазом. А я: глухой, постигающий мир — глазом и слепой, постигающий мир — слухом, иначе:

Читаю взгляд как ты, глухой,

Голос — как ты, слепой.

Желание оттолкнуться от Н.Н. (его «света» — в 100 свеч лампочки!) так сильно во мне, что начинаю уж ловить себя на лицемерной мысли: — «Я ведь собственно и кольца люблю главным образом не за свет, а — осязательно: греет, жжет...» — Ложь, конечно! — Но показательная.

Я сейчас искренно тяготею к М<или>ти, к его глупости, веселью, озабоченности пустяками, гостеприимству.

Мне искренно хочется к нему, а не к Н.Н., и, если я не иду к нему, то только п<отому> ч<то> Н.Н. не поверит в эту искренность. (После моего глупого поведения тогда — еще бы!)

Пишу стихи про черных овец (я), прокаженных (я), галчат и воронят (я), про Страшный Суд (т.е. свое оправдание), про пролетарских царей в поту (Н.Н., кажется, не за таких царей) — могла бы, кажется, если б знала, что он ненавидит червей — восславить червя до небес.

Но он не ненавидит — принципиально, конечно! — ибо червь, это земля, а земля — святость и т.д.

Ведь он принципиально копает свой огород!

Никто за любезными мне бирюльками не усмотрит моих пирамид. А ведь бирюльки мои — наполовину из любезности: неловко как-то: женщина — и пирамиды!

Могу сказать Н.Н. словами Али (сказанными) 5 л. мне и нянке, в кухне!

— «Вы тут всё про дворников говорите, а я думаю про свою серебряную страну.»

Глупо презирать огород — и я не презираю огорода.

Но не презираю его только п<отому> ч<то> он полезен, т.е. картошка, морковь и т.д.

Довод: «разве картошка не цветет?» — не для меня. Цветет, но если я хочу, чтобы цвело, я пойду в сад, который существует для того, чтобы цвести, или еще лучше — на луг, в поле — вообще к первоисточнику.

А выставлять на вид цветение картошки то же самое, что искать простой человеческий голос у В.Иванова.

Есть, конечно, но если Вы простого человеческого голоса хотите — идите к Блоку.

(Сравнение В.Иванова с картошкой — случайность. В.Иванов уж скорей гербарий!)

А еще глупей — минуть и пользу и цветение — копать огород, п<о-тому> ч<то> «вечное движение кирки в землю» — классицизм — и — не потому ли еще немножко? — что «Толстой советовал — от дурных мыслей!»

4ая русского мая 1920 г., понед<ельник>

НН! — Мое горе в том, что я, отвергая всё Ваше, не могу Вас презирать.

И еще мое горе в том, что я не всё Ваше отвергаю.

И третье мое горе — что Вы + доблесть не получили в колыбель — sensibilité (этого слова нет по русски: чувствительность — глуповато, восприимчивость — общё и холодно.)

Sensibilité — это способность быть пронзенным, уязвимость — за другого — души. — Вам ясно? —

И еще мое горе, что Вы, нежный руками — к рукам моим! — не нежны душою — к душе моей! Это было и у многих (вся моя встреча с З<вад>ским! — с *его* стороны!) но с тех я души не спрашивала.

Конечно — руками проще! Но я за руками всегда вижу душу, рвусь — через руки — к душе, — даже когда ее нет. — А у Вас она есть (для себя!) — и ласковость только рук — от Вас!!! — для меня оскорбление.

Встреча с Вами для меня *большое событие*. Господи, когда я думаю о мирах, которые нас рознят, мне всё равно — руки! — Не хочу — не лыщусь — не надо! *Только руки*, — я за это себя никогда не продавала!

Когда-то, в минуту ослепительного прозрения, я сказала о себе — маскируя глубину — усмешкой:

«Другие продаются за деньги, я — за душу.» С кожей и костями продаюсь — кому не продавалась! — и как всегда хотела быть послушной!

— Еще меня сбивает Ваше «приятно». — Ах, Господи, когда одному *мучительно* от несоответствия, а другому приятно от соответствия, — какие тут соответствия и несоответствия! — Исконная бездна мужского и женского! —

Милый друг, Вы бы могли сделать надо мной чудо, но Вы этого не захотели, Вам «приятно», что я такая.

...Так глядят кошек или птиц...

Вы могли бы, ни разу не погладив меня по волосам («лишнее! — и так вижу!») и разочек — всей нежностью Вашей милой руки — погладив мою душу — сделать меня: ну чем хотите (ибо Вы хотите всегда только лучшего!) — героем, учеником, поэтом *большого*, заставить меня совсем не писать стихи — (?) — заставить убрать весь дом, как игрушечку, завести себе телескоп, снять все свои кольца, учиться по английски

Всю свою жизнь — с 7 лет! — я хотела только одного: умереть за, сейчас, 27 лет я бы попробовала «жить для»...

Не для Вас — Господи! — Вам этого не нужно (потому не нужно и мне!) — а через Вас как-то, — словом Вы могли бы взять меня за руку и доставить прямо к Богу. — Вот. —

И блоковские «стишки» я бы Вам простила (о себе уж не говорю!), и Асину книгу, и Вашу Устинью проклятую, и огород — дружочек! — но Вы не захотели мне ничего объяснить, у Вас просто не было напряжения, воли к моему — ну, что ж, скажу! — спасению.

П<отому> ч<то> Павлик А<токоль>ский, который пишет:

— пора

Офицерам вставать за Петра —

и сам никуда не встает — такого союзника — в моем! — мне не надо. — Лучше уж такие враги, как Вы.

Вы сделали дурное дело со мной, дружочек.

Вы сказали: — «Не то, но впрочем можно и так.» В первое я поверила и, поверив в первое, не поверила во второе. (П<отому> ч<то> сказал НАСТОЯЩИЙ человек!)

Вы оказались слишком строгим для знакомого (какое Вам дело?) — и недостаточно — для человека так или иначе вошедшего в мою жизнь.

Да, я в Вашу комнату вошла, а Вы в мою жизнь. — В этом всё. — Я, легкомысленная, оказалась здесь тяжелее Вас, такого веского!

— Знаете, кем бы я бы хотела быть Вам? — Вестовым! Часовым! — Словом, на мальчишеские роли! —

— «Поди туда — не знаю куда,

Принеси то — не знаю что.»

И я бы шла бы и приносила. (— Господи, какая у меня сейчас к Вам нежность!) — Собакой бы еще сумела быть...

А придется мне — и это наверно будет, и мне грустно —

Ну, словом: от призрака (героя какой-нибудь чужой или собственной книги) — от призрака — к подлецу (живому), от подлеца — к призраку..

— О! —

Слушайте внимательно, я говорю Вам, как перед смертью: — Мне мало писать стихи! Мне мало писать пьесы! Мне надо что-нибудь —

кого-нибудь (ЛУЧШЕ – ЧТО-НИБУДЬ!) – любить – в каждый час дня и ночи, чтобы всё шло – в одно, чтобы я не успела очнуться, как – смерть.

Чтобы вся жизнь моя была одним днем – трудовым! – после которого спят – каменно.

Поймите меня: ведь всё это мое вечное стремление таскать воду по чужим этажам, помочь какому-н<и>б<удь> дураку тащить узел, не спать, не есть, перебороть (себя и трудность!) – это не просто: избыток играющих сил – клянусь! –

Но не моя вина, что все трудности мне слишком легки – все отречения! – что всё это опять – игра.

Найдите мне тяжесть по мне.

И – чтобы – не тяжесть ради тяжести (как разгребание снега ради мускулов!), а чтобы это кому-н<и>б<удь> было нужно.

Распределите каждый час моей жизни, задавайте мне задачи, как сестры – Золушке:

«Отбери чечевицу от гороха...»

И только – ради Бога! – никаких фей на помощь!

Вы м<ожет> б<ыть> скажете в ответ: «У Вас есть большое дело. Воспитывайте Алю.»

Но что я могу – я, которую саму нужно воспитывать?!

Я *служить* хочу.

– Вот Вам, дружочек, я – наедине с собой, настоящая. Каждое слово – правда. Ни пенінки!

МЦ.

Магическая минута с Блоком (в д<оме> Соллогуба.)

Вся зала: «Двенадцать! Двенадцать! Незнакомку! Двенадцать!»

У меня на губах: «Седое утро!»

Зала: «Двенадцать! Незнакомку!»

Блок: – «Я не умею читать «Двенадцать», забуду, не прочту!»

Я, молча: «Седое утро!»

Зала: «Незнакомку! Незнакомку!»

Я, окаменев: «Седое утро!»

Блок: – «Седое утро!»

Аля передала ему мои стихи («Под рокот рвущихся снарядов») – Он говорил с кем-то, она подошла и тихонько тронула его руку кон-

вертом. Оглядывается. Молча подает письмо. Улыбается. «Спасибо.» Аля, не подымая глаз, наклоняет голову и бежит ко мне. — Таких стихов ему никто не писал! —

Не люблю любить вместе с кем-нибудь — унизительно! Поэтому не могла бы любить: ни пророка, ни актёра, ни поэта. — Как-то *s'encanailler en compagnie*¹.

М<ожет> б<ыть> даже — *s'angeliser en compagnie*².

Всё равно — тошно! — Уж лучше: одной — целый полк!

Я люблю мужчин, окруженных в прошлом. Живые *солюбящие* — особенно, когда в большом количестве, мне НЕСТЕРПИМЫ.

Я хотела написать: соцелующие, но что-то похоже на социализм.

Дружочек.

...Тень достигла половины дома... Словом, около восьми.

Я думаю о том, что если бы сейчас приехала Сонечка Голлидэй — верней: что — если бы сейчас приехала Сонечка Голлидэй?

Моя душа сейчас идет по неверной дороге.

То же самое что трубить в детскую дудку под окнами Бетховена. —

Сравнение неожиданно — верно — совершенно } : ведь Бетховен был глух, ему дудка не мешала.

Словом, с дудкой надо идти к трехлетним.

Прощаясь как-то, Вы сказали мне:

— «Подождите меня не любить!»

— «Подождите меня любить!» — вот что сказать Вам следовало. —

Исполняю Вашу просьбу дважды

А есть у меня чувство, что это отношение безвозвратно испорчено. — Посмотрим. —

12 ч. ночи

Давным-давно — 10 лет тому назад — я испытывала это чувство. (Н<илленде>р, наша первая с Асей любовь! Сейчас проворовался и в чесотке.)

¹ опускаться в компании (фр.).

² возноситься в компании (фр.).

Самое первое: ну, что я ему сделала?

И чувство такой беззащитности, такой покорности!

— Вот я, делай что хочешь, я буду всё делать, что ты хочешь, если скажешь: не дыши — не буду дышать, только не отталкивай, не отталкивай, не отталкивай, я ведь тебе ничего не сделала, прости меня, я земля под твоими ногами, топчи!

О, Боже мой, а говорят, что нет души! А что у меня сейчас болит? — Не зуб, не голова, не рука, не грудь, — нет, грудь, в груди, там, где дышешь, — дышу глубоко: не болит, но всё время болит, всё время *ноет*, нестерпимо!

Сидела с Л<идией> П<етровной>. — Дверь на замке, но щель такая большая, что у меня всё была надежда, что м<ожет> б<ыть> мне кажется, что замок. Когда собралась уходить — на секунду сумасшедшая радость: свет! (Один раз слышались шаги, *жила* этим!) — Но свет не у него, в проходной комнате. Иду по Поварской: еще светло — солдаты. Сейчас вся Поварская, как НН: френч и синие голифэ, каждый раз сердце взлетает, падает.

— Го — спо — ди. —

Иду, слёзы на глазах, липы, как темный длинный свод, горло не разжимается: сейчас я дойду — черный ход — ключ — темнота и разгром — моя комната — Goethe — Mme de Staël — книжка.

Секундами безнадежное решение: не видеться! ни за что! — пусть соскучится! — ведь соскучится же! Пусть думает, что забыла!

И ледяной ужас: вдруг подумает, что забыла?! И потому — не придет?

— Ни за что не пойду, ни за что не пойду, ни за что не пойду, скажу себе: он уехал в Т<амбов>, поверю — и не пойду, п<отому> ч<то> глупо — раз он в Т<амбо>ве.

Но ведь я буду знать, что он не в Т<амбо>ве, я ведь не поверю, я буду знать...

И — главное — если бы мне сказали: через 10 дней ты его увидишь. Но ведь я каждый, каждый, каждый вечер буду его ждать, и он каждый, каждый, каждый вечер будет не приходить, а что он и через 10 дней не придет — и через месяц — никогда?!

Господи, когда я его 1¹/₂ дня не вижу, мне кажется — подвиг! Ведь я всё время отуманиваю себя: стихами, Mme de Staël, людьми, всё время сражаюсь, каждую минуту отстаиваю себя у необходимости в нем, для меня каждая минута — *без него*.

О, я знаю себя! Через полных два дня у меня будет такое чувство исполненного долга, такое сияющее чувство донесенной — непосиль-

ной! — ноши, я почувствую себя ТАКИМ ГЕРОЕМ, что — секунду тому назад и думать об этом не посмею! — вцеплюсь в любой предлог — и ринусь к нему, чистосердечно веря, что иду *по делу*.

Господи! Ведь я не преувеличиваю. Отбросим 4-5 часов, к<отору>ые сплю, и подсчитаем минуты.

$$48 \text{ час.} - 10 = 38 \text{ ч. } 38 \times 60 = 2280$$

38

60

2280 — Две тысячи двести восемьдесят минут, и каждая, как острей! Ведь это — *Т А К*. А для него — между рисованием, грядками, прогулками, и еще не знаю чем (м<ожет> б<ыть> любит кого-нибудь?) — для него это даже не два дня, а просто — ничего, ничего даже не замечает.

Так я еще мучилась 22 л<ет> от Сони П<арно>к, но тогда другое: она отталкивала меня, окаменевала, ногами меня топтала, но — любила!

А этому я — глубоко и растерянно задумываюсь — просто НЕ НУЖНА. Ведь он про друзей говорит: — «Ежели бы они умерли, я бы их наверное скоро забыл...» А я разве для него — друг? — Так — «приятно».

Господи, каюсь до конца: с гордыней кончено, «приятно» — согласна, но одного не могу! не могу! не могу! — чувствовать себя меньше, чем стук в комнате. Этого не могу — и не гордыня встает — а последний остаток разума: «ничего не добьешься!» и — то, с чем я умру — корректность.

— Милый друг, Вы наверное сейчас дома, Л<идия> П<етровна> сказала, что я была — дальше я ничего не знаю.

М<ожет> б<ыть> Вы всё понимаете, тогда Вам меня жаль, м<ожет> б<ыть> — ничего — ибо не желаете (англичанин!) и мысленно ставить меня в глупое положение.

(Как удивительно легко слетает гордыня!)

О, как я устала! — Опустошена! — Душа, как моя «столовая»!

Завтра с утра: умолять А<нтоколь>ского идти со мной за чужим пайком (10 ф<унтов> рыбы и 2 ф<унта> масла, — не в праве — Аля!!! — терять. А<нтоколь>скому дам половину, тогда 5 ф<унтов>тов и 1 ф<унт>, но всё же не в праве. — Ах, если бы А<токоль>ский запротестовал все 10 ф<унтов> и все 2 ф<унта>! — Тогда я могла бы не идти!)

И другой паек — мой литературный — 2пудовым грузом — на совесть!

И непереписанные стихи! — И сегодняшний потерянный день! — И что делать с этой рыбой — 5 ф<унтов> — когда мы с Алей почти ничего не едим?!

И стихи на ремингтоне, о к<отор>ых я и думать забыла! (Зачем столько денег, когда ничего не нужно?! Господи, как я бы раздавала, если бы не боялась, что сочтут за сумасшедшую или, вообще, в чем-то заподозрят! — Боюсь.) — И деньги взять у Кусикова. — В четверг Адриэнна Лекуврёр, буду мучиться, что НН. не любит XVIII в. — лишнее подтверждение розни! — и некому будет рассказывать.

— Ничего не нужно. — И строгий голос НН. — «У Вас есть Аля!» — А у Али живот болит, и она ничего не ест. Я и так уж стащила сегодня целую грудку еды М<илии>ти, Господи, как я счастлива, когда кому-н<и>б<удь> что-н<и>б<удь> от меня нужно, когда хоть картошку берут.

— Господи, что я ему сделала, что он меня так мучит?

А я-то думала, что уже никогда больше никого не смогу любить! — Точно тогда, 17 лет, кудрявая после кори, — в первый раз!

— Стихи. — Но моих стихов он не любит, они ему не нужны, значит и мне не нужны, — что мне до того, что Бальмонт похвалит?!

— Роздых. — Секунда трезвости:

Когда я в комнате, ему приятно. — Не совсем еще отвык, хотя оценил.

— «Мне очень жаль, что Вы сейчас уходите», — несколько раз — и, давая книгу: «Вы же обещали ее от меня принять.» Второе — м<ожет> б<ыть> — из жалости, первое — непосредственно: я ему забавна, как разновидность чего-то: особенный зверек, птица.

Для трезвости:

Всего того, что я пишу (чувствую) он не знает. Сегодня я яростно спорила, любила — вслух — свое. М<ожет> б<ыть> ничего за этим не чувствует, ибо не музыкален.

Господи, когда я — богатая! всё — вопреки всему! — к себе тянущая — так мучаюсь, что было с другими, которые его любили?!

● — З<авад>ский тоже меня не любил, но ему льстило мое внимание, и — кроме того! — я могла ему писать. Любил стихи. Кроме того, в III Студии я была в чести, это увеличивало для него мою ценность, — хоть именем моим мог похвастаться! (III Студия еще менее известна, чем я!)

А этот —

¹ русск<ого> мая 1920 г., вторник.

После героического дня мне нужна награда. Легче сражаться с англичанами, чем с своей душой², а Иоанна же каждый вечер видела Короля или слышала Голос! — Сегодня с утра — стихи (м<ожет> б<ыть> плохие, не знаю, но за ними не заметила утра), потом к Г<ольдма>-нам, лежание на сквозном балконе (безумно боюсь!) — чтобы загореть (безумно люблю!) — и разговоры с тремя детьми: 12 л. — 6 л. — 2 г. (Аля не в счет — мое!) — Так, от двух до восьми. Потом опять стихи. Сейчас темно, — около 12ти. Та же боль в груди (нытье) и то же сжатое горло. Целый день не было, утром встала почти счастливая, но слишком много силы ушло за день, вечером я, безоружная, всё принимаю, вбираю, тяну в себя: следовательно и боль. — Одну секундочку думала пойти к А<нтоколь>скому, но сразу поняла: зачем? — Утешить меня может только тот, все остальные — только растравление.

К чести своей скажу, что ни одной секундочки у меня не было искушения пойти к М<илии>ти — ни тени! — даже сейчас губы кривятся.

— Если тот сейчас не идет ко мне, п<отому> ч<то> не знает, рада ли я ему буду, ясно, что на свете есть бессмысленные страдания (мои.)

Но одно несомненно: человек отшатнулся — и не знаю за что.

Живу сейчас совсем без радости.

Оправдание моей «пены»: чем заполнить промежуток волн? — И еще: у пены есть основа — волна, ее несущая, волна, которую она венчает.

— Из ничего ничего и не будет. —

Кроме того: мне сейчас безумно хочется есть, — в доме только сырье. Если бы у меня сейчас был хлеб, я бы м<ожет>б<ыть> не так томилась по НН, — отвлеклась бы. А то: двойная пустота души и желудка.

Мне подозрительна радость, с к<отор>ой НН встречает каждую мою просьбу: так радуешься — или когда очень любишь, или когда цепляешься за внешнее, чтобы скрыть внутреннюю пустоту к человеку.

Первое — не mon cas³.

¹ Число не вписано.

² И — jeu de mots (о, Heine на смертном одре!)

Легче сражаться с Англией, чем с ангелом! (— тот. —) (Примечание М. Цветаевой.)

³ мой случай (фр.).

Между моим первым пайком (тогда, с НН) и вторым – (завтра, с Андреем) – всё отношение мое с НН.

И опять – только на этот раз от чистого сердца – та же просьба к нему:

– «НН, пожелайте мне, чтобы я не слишком об Вас скучала» – и его укороченный (на всю бывшую – тогда будущую – нежность ко мне!) ответ:

– «Желаю.»

(Тогда: – «Желаю, но не знаю, от всей ли души – или нет.»)

Между прочим, кто ему сказал, что я хочу видеться с ним только с 11^ш ч. вечера? Ведь он сам мне сказал: – «Только я приду поздно, в 11 ч., после 11^ш», а потом – через много времени – мне же:

– «Почему Вы не хотите видеться со мной днем? Вы же пускаете М<илио>ти».

Я тогда не вспомнила и, уверенная им, что именно я так хочу, стала объяснять ему, почему я так хочу.

– Глупо! –

Оттого что не сплю – курю, оттого что курю – говорю, оттого (и от того!) что говорю – дую, оттого что дую – дарю (всю себя!), оттого что дарю – горю... – горюю. –

У меня не грехи, а кресты.

Es ist von Gott besorgt, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen¹ (это Бог позаботился обо мне в истории с НН.) – Немножко вроде Поликратова перстня.

А м<ожет> б<ыть> я слишком нá слово верю? – НН убежден, что я дурна – и я сразу убеждена, без проверки. – А что я такое сделала хуже, чем он? – Берем основу. С самого начала встречи я знала, кто он, он – кто я.

¹ Богом предопределено, чтобы деревья не вращали в небо (нем.).

Итак: святой и грешница. Кто, в конце концов, более грешен: святой, к<отор>ый целуется — или грешница? И что тут для него обидного, что я его целовала? Я даже не знаю, кто начал.

И еще: «скажите правду! Вы ведь меня *не любите?*» — так спрашивают, когда — по крайней мере — собираются любить, если всё равно — не спрашивают, не в праве, нет, — основания нет!

А я разве его спрашивала? — Господи, я так бесконечно-скромна — в чувствах другого ко мне! — моя нескромность только в своих собственных. Мне бы и в голову не пришло.

А основание у нас было то же: ему было хорошо со мной, мне — с ним. И, беря во внимание разницу пород, отношение к слову (он — такой скупой! я — такая щедрая!) — выходит, что он-то, пожалуй, больше тянулся ко мне, чем я к нему. —

— И зачем ему мои стихи в книжку? — Моих стихов он не любит (пена! — и раз о Блоке говорит «стишки». Но любит Бунина. — Гм...) Тщеславия — если бы оно у него даже было! — я его погладить не могу, — меня мало знают.

Очевидно, просто страсть к методике.

Раз в этой книжке уже есть три моих стиха, должны быть все. — Я их, впрочем, вчера же, придя домой, переписала.

Выходит так

Его просьба для меня возможность вздоха (не задохнуться — от —) — Освобождение от избытка.

Моя просьба для него: возможность делом заполнить — его — пустоту ко мне. — На затычку! —

Словом, я от восторга...

Он по чувству исполнения некоего джентльмэнского долга.

А м<ожет> б<ыть> — и этого нет?

—

Ругать Блока за то, что только пишет «стишки», а самому — только писать «картинки».

(Оба слова для меня — в кавычках.)

— Чорт! Сколько раз это горело у меня на губах, но это так очевидно, что стыдно.

Был на войне добровольцем. — Да, но Доблесть и Родина — неизбежаемы.

Это не Имайский трудовой субботник: отслужил и пошел. Этому конца и краю нет.

А то легко, — повоевать год и потом всю жизнь презирать других!

И вспоминаю я стихи Бальмонта:

— Я не знаю — что такое презренье?
Презирать никого не могу.
У самого слабого были минуты горенья,
И с тайным восторгом смотрю я в лицо врагу...
Я не знаю что́ значит — быть гордым
Перед другими, я горд — пред собой...

И потом уже — чисто-бальмонтовский — лепет:

О, струны мои! Прозвоните небывалым аккордом,
Чтобы враг был, как я, во мгле голубой!

¹, среда.

А помните, как Вы тогда, на темной Поварской, спросили меня: — «А скоро это кончится?»

У меня уже и тогда был ответ: — «Когда Вы захотите»... Но мы не смеем Вам говорить всего, что мы знаем.

И я тогда, смеясь, ответила: — «Не знаю.»

У каждого из нас, на дне души, живет странное чувство презрения к тому кто нас слишком любит.

(Некое «ce n'est que cela?»² — т.е. si tu m'aimes tant, *moi*, tu n'es pas grand<e> chose!)³

М<ожет> б<ыть> потому что каждый из нас знает себе настоящую цену.

Сон про Блока:

<После заголовка нижняя половина страницы не заполнена.>

— Сегодня я Вас видела. Сначала так испугалась — не ждала! — что ничего не почувствовала.

Вы пришли отдать книжки и взять книжки. Ах, да! — Еще отдать деньги! («Непростительная забывчивость...»)

Ваша черная шапочка, Ваши руки милые.

Я смотрела на Вас, как на умершего (*не* — воскресшего!) Вы, что-то о книгах: — «Вы же немножко знаете мои вкусы...» — «Нет, сейчас

¹ Дата не вписана.

² «и всего-то?» (фр.)

³ если ты меня так любишь, *меня*, сам ты не бог весть что! (фр.)

меньше, чем когда-либо. Что знала — забыла. Сначала я шла очень смело — как слепой — а когда начинаешь видеть немножко — так страшно, чем больше знаешь — тем страшней... И теперь я уже ничего не знаю...»

— «Когда-нибудь потом я скажу Вам всё. А пока я буду дальше отталкивать Вас — только не всегда, — всегда нельзя...»

Потом — я — : — «Познавание мне ничего не даст...»

Он, цитируя изречец — с улыбкой: — «Распознавание?... Помните последовательность: Распознавание — бесстрашие — и минюя многое другое — в самом низу, под самый конец — Любовь... А у Вас...»

— «А у меня с конца. Так: Любовь — Распознавание — бесстрашие, или просто: Любовь — бесстрашие, или просто: <не дописано.>

9ая русского мая 1920 г.

Так я только раз в жизни мучилась, — 10 л<лет> назад! — 17^м лет! Я совсем забыла, как это бывает.

Как будто бы я лежу на дне колодца, с перешибленными ногами и руками, а наверху ходят люди, светит солнце.

Пустая светлая Поварская для меня страшна.

О, этот вечер вчера «по делу».

— «В число книг, к<отор>ые бы мне хотелось иметь, попало несколько книг Вашего мужа...»

Я похолодела. (*Серезины* книги!)

Словом, взамен — Алин портрет.

Я сказала: нет — скромно и сухо — и опять: нет, и еще раз: нет. А сегодня отдала книги и взяла портрет, п<отому> ч<то> он сказал:

— «Да, я не люблю Али. Но меня *мирят* с ней ее нежные детские ручки.»

— «*Мирят*? — Что Вы в ней не любите?»

— «У нее нет улыбки, — улыбаются дети, — у нее гримаска.»

Проглотила.

— «А хороший у меня нюх?»

— «Хороший. Теперь скажите мне: что я люблю?»

Я, смеясь: — «Меня Вы любите больше Али.»

Он, с расстановкой: — «Да, пожалуй больше.»

Я: — «П<отому> ч<то> Вам со мной веселей.»

Он: — «Ну, а теперь назовите то, что я действительно люблю.»

Я: — «Говорю очень серьезно — вне всякой каррикутуры: свой огород.»

Он: — «Говорю Вам так же серьезно, руку на сердце положа: нет.»

И еще многое было сказано, напр<имер>:

— «Мне нравились наши отношения в начале, и теперь они опять мне начинают нравиться, а посередине (движение руки) — такие зигзаги... затуманено... непрямая линия...»

И еще про Блока: «Рембрандт — океан, а Блок перед ним — выплеснутый стакан...»

И еще, когда я рассказывала о фронте и стихах (Коля М<ирон>ов и Блок в 1914 г.) — он:

— «На войне не читают стихов, это не праздник...»

Были и другие фразы:

— «Когда-н<и>б<удь> я Вам всё объясню, но очень не скоро... (в другой раз:) — не очень скоро... А пока...»

Всякая из этого бы поняла, что он меня любит, но любить — и так мучить еще чудовищнее, чем не любить — и так мучить, и — кроме того — есть же приметы?

Здесь нет примет.

Здесь есть большая жестокость — нарочитая или нет — не знаю, нарочитая — или нет — равно чудовищная. Ибо я живой человек, а он мне не дает дышать.

И прекрасная его рука нежная, и глаза, и шапочка, и голос.

Всё это мне немножко напоминает Бранда (всегда ненавидела и героя и пьесу!) — Отдай детский чепчик, п<отому> ч<то> ты его любишь — и иди за мной.

А здесь просто: отдай детский чепчик, п<отому> ч<то> ты его любишь — а я уйду.

Алина «гримаска».

Будь ты трижды проклят: мной как человеком (Блок! — и всё другое!) мной, как Матерью, — нет, только дважды: женщину я простила.

<Далее три страницы не заполнены.>

10ая русского мая 1920 г.

Мне сегодня гадал один из Дворца Искусств — лежали на лужайке: я, М<илии>ти, Р<укавишник>ов, Ахромович и тот, гадалщик.

— «У Вас в жизни три неудачных любви: одна — 16ая, 17ая лет, другая скоро — или только что была. Что-то было и разошлось, м<ожет> б<ыть> временно, что-то неясно... Но чувство большое и Вас мучает...»

Целый день томилась (томлюсь!) Мне надо понять одно (кроме всего другого!) — что лучше, чем дома, мне только с НН. — Быть с ним

мне не дано (даже, когда, преодолевая всё в себе, захожу — не радуюсь, непрестанная боль), значит мне надо быть одной.

Было у меня два дня счастливых: вчерашний вечер с Худолеевым (немножко вроде Петипа — Стаховича — Володечки Алексева: старинен, благородно-красив, красноречив и больше всего на свете любит — себя.) Прекрасно прочел «Послание к Юсупову» и одни стихи Байрона, — обе вещи я слышала в первый раз, сидела с горящими глазами и жаром в горле, — нет слов!

Дом, где мы были, уютный, хозяйка милая, есть дети и бонна, и чудесная собака волчьей изысканной породы, — большой диван, роуль, крепкий чай. Читала Фортуну, но это неважно.

Худолеев с его стихами — его чудесный голос — и Шопеновская пена — и собака — всё это подтверждение меня. Я, кажется, никому особенно не нравилась, все заняты собой, но я ведь умею быть счастливой и без этого, просто радоваться голосу, чаю, своим мыслям, к<отор>ые — всегда! — только о любви.

Х<удо>леев восхищается стихами Али, я не люблю читать другим ее стихи, это нескромно. И похвалы мне — ни Але, ни себе — не нужны. Мне нужна любовь.

В общем я могла бы любить всякого, но я сейчас в неудачной полосе. Есть остров в мире (в море!) где каждый бы меня любил.

И вот, после чая, голоса, Пушкина, Байрона, Шопена, собаки — черной ночью домой с М<илии>ти. Всю дорогу смеялись, весь вечер дружили. Он весь вечер «faîte le beau¹» — тонок в юморе, не без блеска говорит общие места, — приятен.

Оглушительная новость: у Н.Н. жена и дочь, обе в Крыму. — Не верится. — М<ожет> б<ыть> его дочь в Крыму, п<отому> ч<то> у нее — тоже «гримаска»? — О жене я не думаю. — Всё равно. — Ревность (и вместе с тем — радость!) только к дочери.

И у него 7 комнат в Москве.

— «В<асилий> Д<митриевич>, Вы эту комнату берете?»

— «Зачем? У меня ведь есть.» — «Тогда я ее беру.» — «Зачем?» — «А так, — в прок.»

И когда М<илии>ти у него как-то попросил выдать ему паёк (хлеб) — спокойный ответ:

— «Я обедаю.»

Хохотала безумно. Сегодня пришли Ж. В<иге>лев с товарищем, говорили про Блока. А утром я отнесла НН стекла для картин и книж-

¹ «при параде» (фр.).

ки. Пришла веселая – после вчерашнего вечера, побывав дома! (никто не ругал!) – чувствовала себя счастливее, т.е. менее нуждающейся в нем, т.е. свободнее. И он был мил. А к концу дня – просидев целый день с М<или>ти – зайдя на секундочку к НН – опять безумно томилась, – другого слова нет! – и он был сух.

Одна фраза: – «Я Вас обидеть не хочу – не умею – и не могу.»

И я, смеясь (и умирая буду смеяться!)

– «Две из этих вещей – ложь!»

Он улыбнулся. – Но было скверно. – Всё время народ и мое каждую секунду желание заплакать – готовность – страх! – заплакать.

То, что я к нему прихожу, *недостойно*. Нельзя.

На вечер Бальмонта – свинья! – не пошла, опустошенная пятью часами с М<или>ти и пятью минутами с Н.Н.

Это выше моих сил. Переместите – и всё прекрасно. (А м<ожет> б<ыть> – еще хуже!)

(Сейчас глубокая ночь, вдруг хлынул дождь, – приятно!)

Весь вечер писала стихи, – хорошие! (О Театре, о смертном одре танцовщицы, о женских головах на пиках, о Революции – «Без доводов «как рёв звериный...» – о маленькой славе могильного холма.) Вчера начала пьесу «Ученик» – о НН и себе, очень радовалась, когда писала, но вместо НН – что-то живое и нежное, и менее сложное.

Мои стихи никому не нужны: у НН есть Пушкин и Бунин, у М<или>ти свои (плохие). Пишу только для себя – чтобы как-нибудь продышаться сквозь жизнь и день.

Никто не знает на каком волоске я вишу.

11ая мая 1920 г., ст.ст. – понедельник.

Солнышко на моем столе. Стол чистый, прибранный. Моя жизнь: накормить и отправить Алю и потом писать. Никаких дел не делаю.

О, Блок, бредущий в утренних росах за плугом! Как умилительно – и как не верится!

Я, очевидно, не страстно люблю природу, хотя обмираю над каждым деревцем. Если бы у меня было одно свое деревце, я бы наверное его любила, как человека. Мне нужно отношение, живая связь, а природа – как ее не люби – не отвечает. Ей всё равно – что я, что любящая баба. – Не обхватишь! – И нет ничего ужаснее, чем опустошение пос-

ле целого дня на воле. Себя не соберешь. И от каждой красоты – больно!

Je suis faite pour les plaisirs d'une société honnête, l'amitié de quelques amis choisis et l'amour unique et merveilleux de quelque gentilhomme beau de visage et haut d'esprit.¹

– Тешу себя глупостями! –

Вообще, со встречи с НН, я много потеряла в блеске. Это так ново для меня – я так это забыла – быть нелюбимой!

—
Из дорожной книжки:

Не спать вместе – спать вместе. (Весь путь любви.)

—
Для Бальмонта каждая женщина – королева.

Для Брюсова каждая женщина – проститутка.

Ибо находясь с Бальмонтом, каждая неизбежно чувствует себя – королевой.

Ибо находясь с Брюсовым, каждая неизбежно чувствует себя проституткой.

— «Какой же флирт, раз Вы даже картошечки не приготовили!»
(На Поварской – девица – красноармейцу.)

—
Живущий рядом с М<илио>ти граф Ш<ереме>тьев каждый раз, проходя по коридору, – среди бела дня – привычным жестом зажигает свет. Это у него в руке, как в спине уверенность, что этот свет сейчас же будет потушен десятком бросившихся лакеев.

Недавно явление: граф с моноклем в глазу и неким предметом в руке торжественно шествует в кухню. – Предмет в руке – как Victoria Regia².

—
Полувозглас – полувздох М<илио>ти:

– «Интересно, будет ли у меня здесь когда-нибудь висеть платье Коонен?»

¹ Я рождена для удовольствий света, дружбы нескольких избранных друзей и единственной чудесной любви некоего благородного господина, прекрасного обликом и высокого духом (фр.).

² Царская победа (лат.).

Каждый день, когда я не писала стихов, и каждый год, когда я не породила ребенка, я чувствую — потерянным.

Как мало потерянных дней.

Как много потерянных лет.

Читаю Коринну. (В первый раз — 17^м лет.) Ослепительная книга, куда больше Ж.Занд! Большая душа и большой ум.

И моя вечная привычка надо всем (человеческим!) задумываться. И глубокое равнодушие ко всему, что вне (грудной клетки!) человека.

Рим для нее — развалины человеческих страстей, огромное кладбище — пепелище. Это напоминает мне слова С<ережи> — «Меня тянет в Европу потому что в ней каждый кусочек земли освящен миллиардами человеческих жизней. Мне не нужно диких остров.»

— Если бы я еще *вдобавок* писала скверные стихи!

Ясно одно: когда я работаю, мне не хватает дня, когда я не работаю, мне каждая минута лишняя.

А так как вся моя цель: затравить день, как дикого зверя — ясно одно: надо работать.

Безделие — этим я никогда не грешила. Да и «грешить» не подходит, ибо грех — по наслышке — приятен.

Скажем так: безделием я никогда не болела.

Безделие: самая зияющая пустота, самый опустошающий крест. Поэтому я — может быть — не люблю деревни и счастливой любви.

«Пена» слов, — о господа, господа! (Читайте: о НН! НН!) — Но надо же как-нибудь делать дело любви, дело, которого Вы мне не даете делать?

Не могу же я с утра до вечера *только* стирать, *только* кормить Алю, *только* ходить в гости!

И вот — слова! Пена! Опьянение!

«Забвения! Только забвения!

Мы ищем в писаньях своих!»

(Лохвицкая.)

У всех вас есть: служба — огород — выставки — союз писателей — вы живете и *вне* вашей души, а для меня это: служба — огород — выставки — союзы писателей — опять таки я, моя душа, моя любовь, мое оттолкновение, мое растравление, моя страшная боль от всего!

И — естественно — что я иду к себе, в себя, где со мной никто не спорит, где меня никто не отталкивает, в свой бедный разгромленный дом, где меня всё-таки любят.

И я не виновата, если из этого получаются стихи!

Какие сейчас слова, вместо «любовь».

Ю<рий>З<авадский> напр<имер> — «Это не должно быть названо», М<илио>ти напр<имер> «Откровение», НН напр<имер> «приятно» — а делаю всё то же самое!

Или боятся, что как скажешь слово «любовь» сейчас же счет за ботинки или вексель на вечную верность.

А мне любовь — без «любовь» — оскорбление, точно я этого слова не заслуживаю — хотя бы в награду за то, что никогда ведь: ни векселей! ни верности!

А может быть — просто на просто — никто из них меня не любил? («Может быть» — восхитительно!) Не любил ни одной секундочки, потому и не сказал ни разу. — Мужчины слишком честны: люблю они говорят только той, которую любят — вплоть до женитьбы! — (Подвиг!) — А кто бы из этих — них — всех — на мне женился?

Так, делая всё, что полагается, по крайней мере хоть словом не лгут.

(А у меня глупая уверенность: раз целуешь — значит любишь! Мужчины не целуют *par délicatesse de cœur!*¹)

— А у меня другое: мне нужно слово.

Для меня ведь: «*les écrits s'envolent, les paroles — restent!*»²

Старая истина — на моей шкуре обновленная! — Мужчины, целуя, презирают (более тонкие — себя, попроще — другого). Женщины, целуя, просто — целуют.

¹ из сердечной деликатности (фр.).

² «рукописи исчезают, слова — остаются» (фр.).

Мужчины — и слово-то какое отвратительное! С женским окончанием — и всё-таки не женщина.

Это наводит меня на мысль о связи между этим женским окончанием и характером русских мужчин.

Что меня разлучило с НН. — Моя *правда*, правда всего моего существа, намеренно-резко подчеркнутая, чтобы знал с кем имеет дело (— Потом забыл бы, ибо — люби он меня — я бы, конечно, стала другой!)

Ведь я могла бы — миллиард добродетельных существ — aus meinem Aergmel schütteln¹ — и естественно — ибо всё это есть во мне! Но я давала только основное, главное, насущное в себе. Хочешь — бери, хочешь — нет.

Ибо правда — моя последняя гордость.

Здесь уместно привести одно гениальное замечание Mme de Staël: ...«car nos qualités sont encore insurmontables que nos défauts»²...

Вот я и не «surmonter»³ — правды!

Чужие добродетели и собственные грехи <над строкой: пороки >

От моих пороков (?) — никому не плохо, кроме меня.

От добродетелей НН. — напр<имер> — мне же первой.

(Мои пороки: легко целую руку, пишу веселые стихи, люблю Блока, — других — клянусь! — не знаю.)

Словом: у НН — les défauts de ses qualités⁴.

— у меня: les qualités de mes défauts⁵.

(Кажется — формула!)

Круг актеров: исключительно головная жизнь, сплошной фейерверк, вроде Брамбиллы. — Слишком весело для меня! —

Круг людей долга (как НН.) — сплошное спасание утопленников — сплошное гашение пожаров — сплошное копание огородов — ни улыбки!

¹ вытряхнуть из своего рукава (нем.).

² «ибо наши достоинства так же непреодолимы, как наши недостатки» (фр.).

³ «преодолеть» (фр.).

⁴ пороки его достоинств (фр.).

⁵ достоинства моих пороков (фр.).

(Огородов больше чем пожаров.)

— Слишком серьезно для меня! —

У меня нет круга, у меня есть подруги: Беттина, *C^{l^{esse}}* de Noailles, М<ария>Б<ашкирцева>, Ж.Санд, Сонечка Голлидэй, Ася, *Mme de Staël*, К.Павлова, Ахматова, Ростопчина, и тысячи тех, которые *не* писали!

У людей ужасно *серьезное* отношение к своему.

Напр<имер>: НН ведь непременно покопает сегодня свой огород, а придти ко мне размазать окно — у него — чистосердечно — нет времени.

А я так обожаю чужие дела и так ненавижу свои! — Мне как-то унизительно стараться для себя, — потеря времени.

И еще чувство: велика птица! Очень нужно из-за тебя стараться!
(К себе же!)

У меня только одно **СЕРЬЕЗНОЕ** отношение: к своей душе. И этого мне люди не прощают, не видя, что это «к своей душе» опять-таки — к их душам! (Ибо что моя душа — без любви?)

Я всё это знала очень давно, но 10 лет счастливой жизни (успеха своей души!) научили меня улыбаться и смеяться, и вот, смеясь и улыбаясь, немножко забыла, что мне, по существу, не удастся прожить — жизнь.

Я не легкомысленна, мой язык легкомысленен, соблазняюсь репликой, бросаю ее в воздух, а НН (собирательное) извлекает ее оттуда и заносит в мой послужной (позорный) список.

Молча — с собой наедине — в любви — в великом деле Любви! — я совершенно беззащитна, совершенно серьезно, совершенно-чиста.

Если бы Ирина была мальчиком, я бы больше чувствовала в ней Сережу, нежней бы любила, относилась бы ее позднее развитие к вообще мальчикам, а то после Алиного блеска...

Словом, я чувствовала ее только своей, и судила ее так же сурово, как себя, свое... — Роковое. —

— В одном я — настоящая женщина: я всех и каждого сужу по себе, каждому влагаю в уста — свои речи, в грудь — свои чувства.

Поэтому — все у меня в первую минуту: добры, великодушны, доверчивы, щедры, бессонны, безумны.

Поэтому — сразу целую руку.

НН! А начали всё-таки — Вы! (Друг дорогой, не виню!) — Вы первый сказали: — «Если бы я действительно был старым учителем, а Вы моим юным учеником, я бы сейчас возложил Вам руки на голову — благословил бы Вас — и пошел.» — Как же после этого не подставить головы — не поцеловать благословивших рук?

И — заметьте — я крепилась до следующего вечера!

Странно: все мистики любили — Ночь, пели — Ночь, молились — Ночи! — Новалис — Сведенборг — я мистиков плохо знаю, но ведь и масоны собирались ночью.

И не только мистики, — все, одаренные даром души!

(О, моя Беттина!)

— И вот Вы, милый НН, мистик и существо — вопреки всему! — определенно одаренное даром души, (— я бы сказала — духа!) — так просто решаете: ночь — для сна. И ничего не чувствуете в темноте.

Если это в воспитательных целях, поверьте: ночь для меня — самое меньшее — целоваться!

Ночью — я чувствую — от меня просто идут лучи. И — по чести — разве я существо любовной страсти? Я, вообще, существо.

И «справиться» со мной можно было — знаете — как? — «М<арина>, подумайте глубже, почувствуйте глубже...»

— И всё. —

У Вас не было матери. — Думаю об этом. — И, подумав, прощаю Вам все грехи.

— Даю торжественную клятву — *soûte que soûte!*¹ — не заходить к Вам сама.

¹ чего бы это ни стоило (фр.).

Радость не только не покрывает унижения. Унижение убивает радость. И, уходя от Вас, я бедней, чем была.

(NB! Записать вечер в Камерном – памяти Петипа! – Умер Петипа! – Хочется плакать. Любила. – Умер от сыпного тифа, где-то в Армавире, один. – О, Господи! –)

Сегодня я получила заказ от 2ой Студии – перевести Musset «On ne badine pas avec l'Amour»¹.

Мой обожаемый Musset! – 20 т<ысяч>, но перевела бы даром. – Мне деньги как-то не нужны, Аля отвратительно ест, я живу писаньем. Вот еще – платья! – Но я так занята стихами и НН., что вот уже 2ую неделю, как собираюсь пойти померить платья, – здесь же, во дворе.

Мне лично нужен кофе и табак, но д<о> с<их> п<ор> лежит неупотребленная табачная карточка. Но пойти за 75 сигаретками (милые, маленькие, вроде мулатов!) на Софийку меня может заставить только мысль, что подарю их Худолеву, к<оторо>му, кстати, я очень понравилась. (Слава Богу!) – Весь вечер спрашивал обо мне у М<илио>ти, почему меня нет.

– Во Имя Отца и Сына и Святого Духа! –
Помоги мне, Господи! – Принимаюсь за перевод.

13ая мая 1920 г., ст.ст. – среда.

– Борется он со мной или уже переборол? –

В этом всё, и этого я никогда не узнаю.

Веду каторжную жизнь. С утра стихи – переписывание стихов – записная книжка – на совести перевод Musset – и так весь день до вечера. Не могу собраться с духом идти к кому-нибудь в гости, уж лучше с собой. Вечером читаю Коринну, ночью стараюсь спать, но такие страшные сны, что опять зажигаю огонь и курю.

Вчера одно милое существо (дитя, хоть уже двое детей, немножко вроде Эдварды!) – вчера одна милая девочка принесла мне букетик «ночных красавиц» – belle-de nuit – такие белые – по правую и левую сторону стебля – фиалки. Обрадовалась, вспомнила Тарусу – детство – одиночество.

¹ Мюссе «С любовью не шутят» (фр.).

И вдруг — вечером: чудо — точно целая ночная лужайка в комнате.

И сразу мысль: есть же в природе — Вашем Учителе, НН — такие существа, сильнее живущие ночью!

Нарушение закона? — Но ежегодно каждую весну — до окончания вселенной повторяющееся нарушение закона — уже новый закон. — Это не теленок о трех головах! —

И есть же кукушки, подбрасывающие своих птенцов в чужие гнезда, чтобы свободней наводить на всех тоску.

(Я — не подбрасываю!)

— И сова, не спящая ночью.

Почему же сове можно, а мне нельзя? —

Где-то — в какой-то своей тетрадке — легкомысленное и грустное изречение:

Не всё ли равно с кем спать *на* земле, раз всё равно будешь спать с кем попало — *под* землей.

— Не у всех же фамильные склепы!

Сегодня В.Д.М<илио>ти: он всё говорит о Коонен, я, смеясь: — «Надо испробовать приворот! — В<асилий> Д<митриевич>, что Вам милее: привар или приворот?»

Он, не задумываясь: — «Только не приплод!»

Mme de Staël блистательна. Ее Коринна — умнейшая и страстнейшая книга.

«Je suis faite pour être heureuse, mais...»¹

Трогательное перекликанье между Коринной — М.Башкирцевой — Comtesse de Noailles!

Только одна Беттина опускала «mais»² и решив, что счастлива упорно любила своего Гёте.

Я так же околдована, как маленький Кай, — только в обратную сторону.

¹ «Я рождена для счастья, но...» (фр.)

² «но» (фр.).

Чувствую, что стихи Байрона, к<отор>ые тогда говорил Худолев — и которые я *смутно* помню — (в конце о слезах женщин, лишаящих мужества умирать) — будут неким эпиграфом к моей теперешней жизни. — Обращу их к себе же.

НН! Будет час: Вы забудете все слова, я вспомню все.

Человек, который так явно не подходит и не глядит — явно не спокоен. (О если бы мне немножечко спокойствия, чтобы — со стороны — увидеть всю кривую наших отношений! Но не могу — слишком больно! — Увлечена болью!)

Я похожа на всех женщин, которых люблю (бывших, сущих и будущих) — просто женская стихия, просветленная, окрыленная и преображенная творчеством.

И — пожалуй — ни на одного мужчину, к<оторо>го я любила.

(Для красного словца, ибо чувствую и сознаю явную родственность: природы и пера — с Гейне, с Prince de Ligne.)

О Prince de Ligne в учебнике литературы:

— «Il rêchait par trop d'abandon»...¹

Я не игрок, я слишком скоро сама становлюсь картой.

И не охотник, я слишком скоро сама становлюсь добычей, слишком скоро ненужной добычей², ставшей охотником.

Вот уже сколько дней Аля с светлого утра до темнеющего вечера — одна — или с детьми — в саду Соллогуба.

Где моя прежняя ревность?!

— О, как мне хочется еще дитя!

13ая русск<ого> мая 1920 г.

Сначала НН — потом NN.

или:

Нынче НН — когда-нибудь NN

¹ «Он слишком грешил непринужденностью» (фр.).

² Для ясности: моей — (Примечание М. Цветаевой.)

От домового до домового комитета.
(История русской «цивилизации».)
— И домовый лучше соблюдал дома! —

Р.С.Ф.С.Р. — «Расфуфырка».
(слышала от Н.П.Ф<едо>това.)

Господа! — Если хотите надпись на книгу, заставляйте меня надписывать в первую минуту и тотчас же прячьте куда-нибудь подальше, — ибо...

Ибо близорукость — со временем — исправляется.
(Д<окто>ра говорят.)

НН, когда во Дворце будет ночной праздник, Вы пойдете спать — если Вы честный человек, Вы пойдёте спать. — Да! — И никаких возражений.

— «Разочек можно!»
Я вся — «разочек».

Если бы Melle de Lespinasse любила только M. de Mogà или только Гибера — всю жизнь одного Mogà или одного Гибера. — Но она любила сначала Mogà, потом Гибера (м<ожет> б<ыть> обоих вместе!) — и каждого d'une grande et belle passion¹ — а потом умерла.

Она сама была — une grande et belle passion.

Melle de Lespinasse и Marceline Debordes-Valmore почти тождественны, только первая не писала стихов, потому — умерла.

Книга Comtesse de Noailles «Domination» была бы чудесна, если бы вместо Antoine была Antoinette.

А так это — нечто оскорбительное в своем сиянии. У мужчины я этого не допускаю. Кроме того — не верится, таких мужчин не бывает, такие бывают только женщины.

— Какой-то привкус d'Annunzio.

¹ великой и прекрасной страстью (фр.).

Любовный ореол мужчины создан любовью к нему женщин, ореол женщины — любовью ее к себе.

А Musset я не перевожу, утешаюсь тем, что еще не выдали аванса.

14ая русск <ого> мая 1920 г.

(Кстати — русского мая — вроде русского масла!)

Это не приходно-расходная книга (сплошной расход!) — и я не сче-
ты свожу, но — просто вся моя справедливость встает дыбом

— «Эта подушечка мне нравится всё больше и больше с каждым
днем, как та, которая мне ее подарила», — и потом: — «не ребенок... —
гримаска...»

(А Аля — всё та же!)

И сам пришел ко мне в 11 ч., а потом:

— «Ночью нужно спать...»

Господи, как люди беспамятны, и как руки опускаются!

К дому Соллогуба меня тянет, как на кладбище, поближе к мо-
гилке — когда чистая совесть!

Ничего! — Может быть всё это нужно было, чтобы понять, что у
меня еще живёе сердце!

— Что такое желание? —

Мне хочется к НН — вот желание.

Но я не могу перебороть себя, чтобы заставить себя взойти к нему
в комнату. — Что это? —

Очевидно: невозможность сильней желания, невозможность пе-
ребарывается только необходимостью.

Если бы мне был *необходим* НН, я бы взойшла к нему в комнату.

Но — думаю до глубины: — нет! Мне кажется, мне было бы легче
умереть у его порога.

Почему *не могу* взойти, как ни *хочется*? — П<отому> ч<то> чув-
ствую себя у него в комнате — лишней. Что это? Самолюбие? — Нет. —
Я сколько раз — и как наглядно! — его переламывала. — Гордыня? — Нет.
Скажи он мне: Отрекись! — отеклась бы — в слепую — наперед! — даже
не спросив от чего. — Просто страх, — боюсь, боюсь, боюсь! Точно мне

железной решеткой загородили вход, нет, точно дверь наглухо забита.

И смешная, нелепая маленькая радость — успокоение какое-то, каждый раз, как замечаю (удостоверяюсь) что замка нет — дверь открыта.

— По старой памяти — что ль?

И, хватаясь за голову, с чувством, что всё обрывается: — «Господи! Какой мир я в нем потеряла!»

Коринна Mme de Staël мне большое утешение. Во мне, действительно, соединены все женщины, когда-либо плакавшие и когда-либо державшие перо!

И совсем не знаю, что мне делать.

Силы неравны.

1) Он знает меня (вся далась в руки). Я его не знаю.

2) Для меня каждая минута — без него, ему — вообще — никто не нужен. («Ежели бы мои друзья умерли...»)

3) Для меня это отношение живое, делящееся, для него — конченное.

Вот у меня книжка стихов ему переписана. Дать так? — Ждать, когда попросит?

Вчера, на траве, лежу, читаю Коринну. Проходит он. Поднимаю голову. Касается рукой шапочки.

Я, подавая руку: — «Идете мимо, даже руки дать не хотите?»

— «Напротив, я же первый поздоровался.»

— «Я хочу с Вами помириться.»

— «Разве мы ссорились?»

— «Не знаю, я хочу с Вами помириться, я решила помириться с Вами в Троицын день, — он скоро?»

— «Не знаю. — Разве мы ссорились?»

— «Может быть Вы — нет, я — да...»

— «Ну что ж, давайте с Вами помиримся в Троицын день.»

Проходит.

— Что в нем? Не знаю. — Помнит ли вообще что-нибудь? Может быть это проще, чем кажется!

Увидел, что может полюбить — понял, что это нарушит его покой — вспомнил всю мою «пену» и — пока не поздно! — отошел.

— Не простившись! —

До моего письма и возвращения книг всё шло иначе, он нет-нет да находил на секундочку свой прежний голос. Сквозь лед чувствовалось волнение.

Теперь же — непроницаемая стена. Всем существом чувствую, что для него НЕ СУЩЕСТВУЮ.

Дорогие правнуки мои, любовники и читатели через 100 лет! Говорю с Вами, как с живыми, ибо вы *будете*. (Не смущаюсь расстоянием! Ноги и душа одинаковы легки на подъем!)

Милые мои правнуки — любовники — читатели! Рассудите: кто прав? И — из недр своей души говорю Вам — пожалуйста, п<отому> ч<то> я заслуживала, чтобы меня любили.

— Так и не поехали мы с Вами на могилку к Розанову. (Помните, в первую встречу, предлагали?)

— Наверное презирает меня еще за «дружбу» с М<или>ти, не зная, что дружу-то я с ним сейчас так усиленно потому, что из его, М<или>оти, комнаты видно, как проходит он, НН.

Слава Богу! — Хоть Бог в одном меня понял:

...«Ничего не можем даром

Взять, — скорее гору сдвинем»...

— И взывает с меня щедрую плату, — чтобы мне не двигать гор!

Алю дети в бальмонтском саду дразнят «вошь» и кидают в нее камнями — хорошо одетые приличные дети — мальчики и девочки — от 10^м до 15^м лет. И когда я сегодня заступалась за нее — «вы большие — и вы мальчики, т.е. рыцари» — под рев, визг, фыркание и беснование всего двора — несколько девочек хором:

— «Рыцари?.. Пффф... Хи-хи-хи... Хо-хо-хо... Эти времена прошли...»

— «Но взгляните какая она маленькая и худая!»

— «А мы большие и полненькие, и мы с такой выдрой играть не желаем, и она здесь никому не нравится, и пока она здесь не появилась, никто не кидался камнями»...

Потом я — Мирре: — «Миррочка, Вы вот с Алей от детей терпите, а я от взрослых, только тысячу раз хуже. — Не надо плакать. Если бы я от каждой обиды плакала, я бы из слез не выходила...»

(Веселая перспектива для детей! Сначала камнями — в голову, — если не прошибут и выживут — камнями в сердце — а потом камень и на сердце и на голову. — Жизнь. —)

Сегодня — по дороге к Бальмонтам за Алей — маленькая желтая собака — гладкая — с наморщенным носом, веселая, заигрывает, ласкаться.

И я, присев на корточки, обеими руками глажу, торопливо, чтобы не пропустить, больше захватить.

Дети и собаки, — вот всё, что мне осталось из живых существ. Вчера, на Юбилее Бальмонта, говорю Вячеславу Иванову о своей любви к нему — ему около 60^ш лет, — дозволено, кажется? — не в чем заподозривать? —

И он: — «Вы сейчас никого не любите кроме своей дочери? Вантанное место? — Что ж, — не отказываюсь...»

Как грубо. — Как верно. —

Юбилей Бальмонта. Речи Вячеслава и Соллогуба.

Гортанный волнующийся отрывистый глухой значительный — п<отому> ч<то> плохо говорит по русски и выбирает только самое необходимое — привет японочки Инамэ. Бальмонт как царь на голубом троне-кресле. Цветы, адреса. Сидит, спокойный и не смущенный, на виду у всей залы. Рядом, в меньшем кресле, старый Вячеслав — немножко Magister Tinte. На коленях, перед Бальм<онтом>, немножко выступая вперед, Аля с маком — как маленький паж — сзади Мирра — дитя Солнца — сияющая и упрямая, как молодой кентавр, рядом с Миррой — в пышном белом платье с розовой атласной сумочкой в черной руке — почти неподвижно пляшет цыганочка — Алина однолетка — Катя. А рядом с говорящим Вячеславом, почти прильнув к нему — какой-то грязный 15летний оболтус, у к<оторо>го непрерывно течет из носа. Чувствую, что вся зала принимает его за сына Вячеслава («бедный поэт! — Да, дети знаменитых людей... Хоть бы ему носовой платок завел... Впрочем, — поэт, — не замечает!»), — а еще больше чувствую, что этого именно и боится Вячеслав — и не могу — давлюсь от смеха — вгрызаюсь в платок...

Вячеслав говорит о солнце соблазняющем, о солнце слепом, об огне неизменном (огонь не растет — феникс сгорает и вновь возрождается — солнце каждый день всходит и каждый день заходит — отсутствие развития — неподвижность) — Надо быть солнцем, а не как солнце. Бальмонт — не только влюбленный соловей, но костер самосжигающий.

Потом приветствие английских гостей — толстая мужеподобная англичанка — шляпа вроде кэпи с ушами. Мелькают слова: пролетариат — Интернационал. И Бальмонт: «Прекрасная английская гостья» — и чистосердечно, ибо: раз женщина — то уже прекрасна и вдвойне прекрасна — раз гостья (славянское гостеприимство!)

— Говорит о союзе всех поэтов мира, о нелюбви к слову Интернационал и о любви к слову: «всенародный». — «Я никогда не был поэтом рабочих, — не пришлось, — всегда вводили какие-то другие пути. Но м<ожет> б<ыть> это еще будет, ибо поэт — больше всего: завтрашний день»... о несправедливости накрытого стола жизни для одних и неустанного голодного труда для других — просто, человечески, обеими руками подписываюсь.

Кто-то пробирается с другого конца залы. В руке моего соседа слева (сиду на одном табурете с Еленой) высоко и ловко, широким, уверенным нерусским движением — века вежливости! — взлетает тяжеленное пустое кресло, и описав в воздухе полукруг, легко, как игрушка, опускается тут же рядом. Я, восхищенно: «Кто это?» Оказывается, — английский гость. (Это было до выступления англичанки, я еще не знала.)

Широкое лицо, низкий лоб, прямой нос, много подбородка — лицо боксёра, косая сажень в плечах.

— Потом: карикатуры. Представители каких-то филиальных отделений Дв<орца> Искусств по другим городам, — от Кооперативных товариществ — какой-то рабочий без остановки — на аго и ого читающий — нет, списывающий голосом! — с листа бумаги приветствие, где самое простое слово: многоцветный и многострунный...

Потом я с адр<есом> М<илио>ти.

— «От всей лучшей Москвы»... И — за неимением лучшего — поцелуй. (Второй в моей жизни при полном зале! Первый — Петипа.)

И японочка Инамэ — бледная — безумно-волнующаяся:

— «Я не знаю что мне Вам сказать. Мне грустно. Вы уезжаете. К<онстантин> Д<митриевич>! Приезжайте к нам в Японию, у нас хризантемы и ирисы. И...» — Как раскатившиеся жемчужины. — Японский щебет! — «До свидания», должно быть?

И со скрещенными ручками — низкий поклон.

Голос был глуховатый, ясно слышалось биение сердца, сдерживаемое задыхание. Большие перерывы между словами. — Искала слов. — Говор гортанный, немножко цыганский, личико желто-бледное. И эти ручки крохотные!

— «Русские хитрее японцев. У меня был заранее подготовлен ответ», — и стихи ей — прелестные.

Потом — под самый конец — Ф. Соллогуб — старый, бритый, седой, — лица не вижу, но — думается — похож на Тютчева. (М<ожет> б<ыть> ложь.)

— «Равенства нет и Слава Богу, что нет. Бальмонт сам бы был в ужасе, если бы оно было. — Чем дальше от толпы, тем лучше. Поэт, не дорожи любовью народной. — Поэт такой редкий гость на земле, что каждый день его должен был бы быть праздником. — Равенства нет, ибо среди всех кто любит стихи Б<альмон>та много ль таких, к<отор>ые видят в них еще нечто, кроме красивых слов, приятных звуков. Демократические идеи для поэта — игра, как и монархические идеи, поэт играет всем, главная же ценность для него — слово.»

Вот приблизительно. — Искренно рукоплещу. Ф. Соллогуб говорит последним. Забыла сказать, что на утверждение: «Равенства нет» — из зала возгласы: — «Неправда!» — «Кому как.»

Кусевицкий не играл: «Хотел придти и сыграть для тебя, но палец болит», говорит о своем восторге, не находящем слов. Мейчик играет Скрябина, Эйгес «Сказку» (маленькие жемчуга) на слова Бальмонта.

Были еще женщины: П. Доберт в *pinse-pez*, знакомые Б<альмон>-та: Варя Бутягина (стихи) и Агнеса Рубинчик, но всё это неважно.

Главное: Б<альмон>т, Вячеслав и Сологуб. И Инамэ. — Описала плохо, торопилась. — (Куда?!)

Множество адресов и цветов. Наконец, всё кончилось. Мы на Поварской. Аля (в моей коричневой юбке *en guise de mantille*¹ — на плечах принесла для Л.П. М<илио>ти, думала что пойдет) с Еленой и Миррой впереди, я иду с Б<альмон>том — по друг<ую> сторону Варя.

У Б<альмон>та в руке маленький букет жасмина, — всё раздарил. И Б<альмон>т вдрут:

— «Я позабыл все мои документы!» (Об адресах.)

¹ вместо мантильи (*фр.*).

И: — «Мне не хочется домой! Почему всё так скоро кончается?! Только что вошел во вкус и уже просят о выходе! — Сейчас бы хорошо куда-нибудь ужинать, сидеть всем вместе, перекидываться шутками...»

И А<нна>Н<иколаевна>, идущая позади нас:

— «Марина! Знаете, как говорила Ниночка Б<альмон>т, когда была маленькая: «То, что я хочу — я хочу сейчас!» и еще: «Я люблю, чтобы меня дóлго хвалили!»

— «Весь Бальмонт!»

У дома Бальмонта нас нагоняет Вячеслав. Стоим под луной. Лицо у Вячеслава доброе и растроганное.

— «Ты когтил меня, как ястреб», говорит Б<альмон>т. — «Огонь — солнце — костер — феникс»...

— «На тебя не угодишь. С кем же тебя было сравнить? Лев? Но это «только крупный пес», — видишь, как я все твои стихи помню?»

— «Нет, всё-таки человек! У человека есть — тоска. И у него единственного из всех существ есть эта способность: закрыть глаза и сразу очутиться на том конце земли, и та́к поглощать...»

— «Но ты непоглощаем, нерастворим...»

Не помню что. — О Венеции и Флоренции кажется. Мечта Б<альмон>та о том «как там по ночам стучат каблочки», — и Вячеслав, — возвращаюсь в Царьград своей Мысли:

— «Человек — существо весьма проблематическое. Сфинкс, состоящий из: Льва — Тельца —

И Ангела... Так ведь?»

О себе в тот вечер не пишу. Радовалась *Мысли*, *Слову*, из людей — брату Володечки. Огорчалась фразой Вячеслава о «вакантности» (недалеко до «пикантности», — о, низость!) — заглушенная — всей моей стихией Слова — тоска по НН. — Домой к нему! —

Думала о том, как когда я буду старая все будут читать, любить и знать мои молодые — сейчасешние — стихи! — И чествовать (к чему, когда — сегодня! — тогда! — не любили!) — А м<ожет> б<ыть> не доживу — умру — и все тетрадошки потеряются.

Безумие ли это во мне, моя непрестанная действенная¹ жизнь: Души — Мысли — Сердца? Вечная бессонница — и во сне — всего су-

¹ еще прочтут — девственная! (Примечание М. Цветаевой.)

щества. И что с этим делать в старости, когда сейчас уже — богатая всем, что дает Молодость — я со свойственным мне сердечным тактом — чувствую, что я на каком-то скользком пути с людьми (к людям!)

Точно между мной и человеком, не ровная земля, не квадратики паркетного пола, а наклонная плоскость.

(От меня — к человеку! — Это определяет и мое движение к человеку и его продвижение ко мне. Впрочем я и не даю ему продвигаться — не дожидаясь — точно эта наклонная плоскость к тому еще — жжет под ногами!)

НН! Многое в том, что еще со мной будет, мною будет сделано — дело Ваших рук.

Пока у меня только — нового — усиленная невозможность быть с людьми 3^я и даже 2^я сорта, — пытаюсь — и не могу.

И тихое, покорное отчаяние: *принятая* безнадежность.

Аля «вошь», а я ищу себе заместителя для «вакантного места». — Хорошо с ней поступают дети, со мной люди, с обеими — Бог?

Найду ли я когда-нибудь человека, к <отор>ый настолько полюбит меня, что даст мне цианистого кали, и настолько узнает меня, что поймет, будет убежден, что я никогда не пушу его в ход *раньше срока*. — И потому, дав, будет спать спокойно.

Когда говорят о мнительности — мелочности — болезненном самолюбии братьев Гонкуров, мне всегда хочется сказать:

1) Вы все в броне, с них кожа содрана.

2) на похоронах младшего старший на глазах у всего Парижа поседел. (Разница и физической породы, т.е. душа окончательно завладела телом.)

3) Обычная забота каждого обывателя о своем пищеварении у Гонкуров просто перенесена в область души. Чем одно *болезненнее* другого? Мелочнее? Недостойнее? — Никто же не удивляется, когда человек озабочен тем, что у него живот болит. — И не судит. — Предлагает капель.

Презираю мнительность тела и, страдальчески, проникновенно, — зная цену! — принимаю, оправдываю — до небес возношу — мнительность души.

J'étais faite pour être très heureuse, mais...¹

ЛВ!

Мне надо еще любить Mme Roland.

Слава Богу, что я не еврейка! Мне и так уж кажется, что со мной говорят только из жалости (одна — и ребенок умер — и с мужем разлучена — и Аля такая худая — и к тому же — талантливая, кажется.)

При первом же «жидовка» я бы подняла камень с мостовой — и убила.

Откуда это у меня — с детства — чувство преследования? Не была ли я еврейкой в Средние века?

Во всяком случае — если мне суждено когда-нибудь сойти с ума — это будет *не* мания Величия!

Где мое сияющее доверие все эти 10 лет подряд? Я сейчас, как задранный зверь. Чуть ласково заговорят — и сейчас слёзы на глазах. И никому — ни слова, — стыдно — рот зашит.

Почему меня никто не любит? Не во мне ли — вина?

НН... Помните Ваше: «сухо дерево, завтра пятница» — когда я блаженно — сияюще — уверенно бредила о «целом длинном лете»...

Разок — очевидно — забыли постучать? Или — «дрова сырые»...

НН! Не пойду я к Вам мириться на Троицу. И книжки не дам, пока не попросите. Вы ведь «не ссорились со мной», значит Вам и так хорошо.

Не надо ничего делать от слабости (от сердца).

Если Вы по мне «соскучитесь» — придете.

¹ Я была рождена для большого счастья, но... (фр.)

И если Вы хоть немножечко «человек долга» — придете. В воскресенье Вас попросила придти ко мне размазать окно и заколотить ящики. Сегодня пятница. Вас нет. Но у Вас много моих любимых книг, думаю, что Вы их занесете?

Алин портрет... Помните мою просьбу при начале: — «Один Вам, один — мне», и Ваш ответ: «О, я буду писать ее хоть десять раз!»

Тогда она Вам нравилась, «довременные глаза ее», и Вы сучали, когда ее в течение дня «мало видели», а теперь — «гримаска»...

Больно. — Несправедливо. — И я и Аля — всё те же.

И еще одно ощущение: начало презрения ко мне М<или>ти. (Часто заходила.) — Завтра вечером пойду к Тане. На Итальянский вечер, кажется, не пойду.

Мне сейчас нельзя с людьми. Вот сейчас ночь, я одна, мне больно, но мне — достойно.

Еще один кусочек разговора — в прошлое воскресенье. Я просила Вас продать мне книги. Вы: «Я бы Вас попросил, не показав мне, ничего не продавать. Ежели мне что-нибудь понравится и будут деньги...»

— «Я не люблю продавать знакомым. Я бы на Вашем месте... Впрочем, мне удобнее говорить со своего. Если бы я узнала, что Вы продаете книги, знаете, что бы я сделала — не могла бы не сделать? Дала бы Вам деньги, а книги оставила. — Господи, это кусок мяса отрывать!»

— «Так можно чувствовать только по отношению к близким друзьям.»

— «Я меньше всего навязываюсь на Вашу дружбу. Но Вы неправы: есть, кроме дружбы, еще *camaraderie*¹: вместе что-нибудь сильно любить, книги напр<имер>».

— «Да, Вы правы.»

(Жалко, что я тогда не догадалась Вам сказать: — «Близкие друзья! Те. такие, которых, когда умирают, скоро забываешь?» — Но в такие минуты я *так* уничтожена, что где уж тут реплики — пена — «игра ума!»)

Потом, через несколько минут, в безысходном томлении:

— «Мне надо куда-н<и>б<удь> уехать, где все меня будут любить...»

— «Вам никуда не надо уезжать»...

¹ товарищество (фр.).

Я не разборчивая невеста, я скорей блудница (душевная куртизанка, как когда-то кто-то сказал об Асе) и если уж блудница томится с каждым из людей — при всем веселье и при всей скромности ее требований! — значит, действительно, ей плохо — или, случайно, встречные плохи.

Мне от человека надо — необходимо: или очарование или большой, во всеоружии, бессонный ум (как у Вячеслава.) Вне этого *мне с человеком пусто*. — Лучше одной.

15^а русск<ого> мая 1920 г.

Аля: — «М<арина>! Вы заметили, как раненые солдаты и старики любят игрушки? — И того, кто их приносит. — Это их развлекает. — Детство».

Она же: «У всякой церкви есть свой голос в Пасху...» — ну, чем не Мандельштам, к<оторо>го она никогда не читала:

— «Все церкви нежные поют на голос свой»...

И сразу стихи:

...Все мы любовь по разному поем:

У всякой церкви есть свой голос — в Пасху!

Сегодня мальчишка на Поварской — на меня:

— «Бродяга!» (Иду без шляпы и без чулок, одни башмаки.)

И я, мысленно:

— «Что ж! Уж лучше бродить, чем родить!»

В глазах каждой встречной дамы читаю:

— «Если бы тебя одеть!»

И ни одна из них не читает в моем открытом правдивом взгляде коварного:

— «Если бы тебя раздеть!»

Писала и читала нынче ночью до птичьего щебета. Так хорошо. — Светает — ни с кем не целовалась — одна. — Насколько достойнее, вдохновеннее, вдохновительней!

Одного жаль: пустынного светлого переулка, пустынного светлого неба, двух тополей напротив...

— Себя ведь не пойдешь провожать на крыльцо!

НН! В первый раз, когда Вы меня провожали, я в первый раз за всю мою жизнь остановилась не перед своим домом.

Всячески можно истолковать: 1) что мне до старого дома, раз есть новый дом (Вы), 2) просто не хочу домой 3) хочу домой, но не к себе (к Вам!) и т.д.

А в итоге: ни своего дома, ни Вашего.

Коринна — изумительная книга, не устану повторять. Читаю страстно.

Начинается — кажется — что-то с братом Володечки. Вчера написала письмо (не отправила), сегодня встретила на улице, зашел ко мне.

Любить его меня не тянет — слишком явно — целиком-мужественен, но кажется хороший собеседник, во всяком случае рада.

Подходила ли когда-нибудь хоть одна женщина в мире хотя бы к одному мужчине в мире без мысли — без примысли — (как «привкус») — о любви?

Не нужен мне тот, кому я не необходима.

Лишний мне тот, кому мне нечего дать.

НН хитер. Зная, что будет мучиться от меня, предпочел мучить — меня.

Прав в любви тот, кто более виноват.

— Как это у него внутри, в груди? — Встречался, ждал, радовался, смеялся, провожал ночью по Поварской, гладил по голове — а пстом сразу: заказ на декабристов — верниссаж — в промежутки — огород — какие-то старики — обеды и ужины...

Глядя на свои руки вспоминает ли он иногда, что я их целовала?

Нынче Итальянский вечер во Дворце, — не пойду, (пойду к Тане.) После-завтра у меня будет брат Володечки. Завтра Троицын день, — не пойду мириться.

(*Qui me néglige — me perde!*! — Если бы так...) Будем ждать исполнения его рыцарского долга, попросту: придет ли он заколачивать ящики, к<отор>ые сам же расколотил? (Об окне не говорю, — не он замазывал!)

Женщина, к<отор>ая у него постоянно в комнате, со мной и Алей ласкова. Если она его любит, она должна меня — немножечко — жалеть.

У Верниссажа сестра Лиссировка.
(Из милых нелепостей.)

16ая мая 1920 г.² — Воскресение, — Троицын день.

День нашего примирения, дружочек.

Жаль, что я в этот день не могу преподнести Вам — новую любовь!
(Не готова еще.)

Мириться с Вами я не пойду, хотя книжка Ваша готова — переписана и надписана.

— «Милому ННВ. — с большой грустью — от чистого сердца — в чудесный Троицын день.»

Но у Вас сегодня — верниссаж, Вам не до Троицына дня и не до женских стихов.

Брат Володечки, Вы сейчас в роли доктора (дай Бог, чтобы не фельдшера!) — и сами этого не подозреваете.

Вы из породы «уважающих женщину», не смотрящих глубже — не подходящих ближе, чем нужно.

С Вами мы наверное будем хорошо дружить, и, если Вы так умны, как надеюсь, мне с Вами не будет скучно.

— Кончаю Коринну. Освальд уже любит Люсиль, к<отор>ая не поднимает глаз даже, когда одна.

Отвлекаюсь:

Г-жа де Сталь (Коринна) не чувствует природы, — всё для нее важнее, чем природа.

¹ Кто мной пренебрегает — меня теряет! (*фр.*)

² В действительности: 17-го мая.

Cless de Noailles погибает от каждого листочка.

Cless de Noailles — здесь — сродни Беттине.

Г-жа де Сталь — Марии Башкирцевой.

В первых двух — *mon âme émotionnelle*¹.

Во вторых двух — *mon âme intellectuelle*².

Во мне всё перемешано.

Mme de Staël — прежде всего наблюдатель и мыслитель, здесь она сродни моим записным книжечкам. В ней моя мужественность.

Так как она живет страстно — *le temps presse*³ — у нее нет времени для описаний.

Моя разница с ней: из *неглавного* (ибо главное для нее — определенно — мир внутренний) — ее больше влечет искусство, Лаокоон на-пр<имер> больше, чем просто дерево.

Я же к Лаокоону, как вообще к искусству (кроме музыки и стихов) — как к науке — руку на сердце положа — равнодушна.

Природа на меня действует несравненно сильнее, природа — часть меня, за небо душу отдам.

Поняла: в природе — просто отмечаю — мне дороже то, что наверху: солнце, небо, деревья — *tout ce qui plane*⁴. Чего я не люблю в природе, это подробностей: — *tout ce qui grouille*⁵, избытка ее не люблю, землю мало люблю. (Люблю сухую, как камень, чтобы нога, как копыто.)

В природе, должно быть, я люблю ее Романтизм, ее Высокий Лад. Меня не тянет ни к огороду (подробности), ни к сажанию и выращиванию, — я не Мать — вечернее небо (апофеоз, где все мои боги!) меня опьяняет больше, чем запах весенней земли. — *Вспаханная земля!* — это не сводит меня с ума — непосредственно — мне надо стать другой — другим! — чтобы это полюбить. Это не родилось со мной. Когда я говорю «на ласковой земле», «на землю нежную» я вижу большие, большие деревья и людей под ними.

Это не искусственность — я же не люблю искусства! — это та моя — во всем — особенность, как в выборе людей, книг, платьев.

Вспаханная земля мне ближе Лаокоона, но оба мне — в общем — не нужны.

¹ моя эмоциональная душа (фр.).

² моя интеллектуальная душа (фр.).

³ время поджигает (фр.).

⁴ всё, что парит (фр.).

⁵ всё, что кишит (фр.).

Вспаханная земля — это и Младенчество и Мать — умиляюсь, преклоняюсь и прохожу мимо.

Кроме того, я в природе чувствую обиду, — слишком всему и всем в ней не до меня. Я хочу, мне надо, чтобы меня любили.

Поэтому мои 2 тополя перед крыльцом мне, пожалуй, дороже больших лесов, они — волей неволей за 6 лет успели привыкнуть ко мне, отметить меня, — кто так часто на рассвете глядел на них с крыльца? — А слово: *mes Jardins — Prince de Ligne*¹ заменит мне все сады Северной — и другой — Семирамиды!

—

Встав с утра, мне хочется не гулять, а писать.

—

Кроме того поступки — жизнь — выбор жизни человека — сами за него говорят.

Так: в моих стихах *нет* природы (кроме деревьев — облаков — да́, особенно, главным образом — неба!) — Так: в моих стихах *нет* природы и встав с утра мне хочется не гулять, а писать.

—

Ничто меня так не опустошает, как целый день на воле — без дела. Выедена — выжжена.

—

Природа — избыток, а каждый избыток, кроме человека (не *людей!*) меня подавляет.

С природой я не сливаюсь, не обретая *ее*, теряю себя, пропадаю в ее пустоте, — у-ми-ра-ю.

—

Люблю поля — просторы, (растравительно, но люблю), — люблю поля, как *смерть*, как *церковь*.

Для других Природа — Бытие, для меня — Небытие.

—

Словом, день в природе, как любовь к НН — для меня невыгодная сделка.

—

¹ мои сады — князя де Линя (*фр.*).

Люблю немецкие деревеньки (в русских — томлюсь!) — там всё такое маленькое и мое, каждое дерево на виду и на счету, можно их все звать по именам.

— «Аля, что ты больше всего любишь в природе?»

— «Колокол — голубь — и воздух. Всегда на все вещи у меня есть три ответа. Я говорю самое любимое из *всего*, не из цветов и таких мелких вещей!»

(Говорит, не зная, что я это только что — писала.)

Словом, от природы мне нужен уют (дружить, camaraderie) — немецкая деревня! — или Пафос!

Ни того ни другого нет в русской природе.

Но, думаю, что итальянская меня так же бы опустошила, если бы я — с места в карьер — не населила ее героическими тенями.

(Была же я в Сицилии! И рвалась же оттуда — дура! — в свой детский Шварцвальд!)

А огород — не уют? Нет, огород — быт, особенно, когда его надо копать собственными руками и засеивать.

Так: любя ребенка, не люблю пеленок.

Люблю всё от чего у меня высоко бьется сердце. В этом — всё.

Милые Гонкуры! Как я вас теперь понимаю в Вашем неудачном романе с Природой! Как я тогда — не понимая — силась не понимать! — лицемерила.

Беттина — больше Мать, чем я.

Sève de Noailles любит природу <, > *sa sève universelle*¹.

Обе — больше зверь, чем я.

Мне не нужна — *sève* — мне нужна: *âme universelle*².

(Говорю это с грустью.)

После целого дня в природе я домой иду, как с кладбища, с той разницей, что я на кладбище — любила (всё равно кого, просто потому что: был — и нету!)

¹ ее всеобъемлющую жизненную силу (фр.).

² всеобъемлющая душа (фр.).

Для других Природа: — Колыбель — Брачное — нет! — Страстное ложе — для меня — могила — нет, кладбище — без милых могил!

— Троицын день. — С 2¹/₂ ч. до 6 ч. с Алей и Катей (цыганочкой из Дворца Искусств) в Зоологическом саду. Привидения зверей, преувеличенная вещественность зрителей (простонародье.)

Влезали на пригорки, кормили медведей, сидели на пристани, стояли в очереди за чаем, больше часу разыскивали клетку с единственной чахлой уцелевшей обезьяной, — словом всё честь честью.

С тех пор, как я рассталась с НН, я невольно иду к детям, как бы ища защиты, — взрослых сейчас боюсь, слишком всё болит, слишком сомневаюсь в себе, слишком боюсь осуждений.

Иду к детям и из lâcheté¹ (ища защиты и — «детям всё сойдет!») — и из желания любви — и из необходимости давать — (тут уж не оттолкнут!) — и — может быть главное? — чтобы жить благородной жизнью — как-то во имя его и — что самое <пропуск слова>! — чтобы он этого не знал.

Ну что, — день в природе?

Что? — То. — Всё, как я говорила.

Вернувшись, лежала без движения до самого вечера, — не могу — день разбит — пуста.

Что я еще люблю в природе: это превозможение.

Опасные переходы, (Mauvais pas² в Альпах 11^м лет!) — скалы, горы, 30тиверстные прогулки, — действенность!

Чтобы все устали, а я нет! Чтобы все боялись, а я перепрыгнула! Чтобы никто ничего не нес, а я всё! И чтобы всё жаловались, а я бежала! — Приключение! — Авантюру! — Казанову в природе. Но не только Казанову!

В природе — в такой природе — я более, чем когда-либо — тот юный спартанец с лисенком.

Больно — трудно — ноги не идут, — нет, буду смеяться, буду бежать, возмущу на себя все тяжести!

Чем труднее — тем лучше! Только тогда живу.

¹ малодушия (фр.).

² труднопроходимые места (фр.).

Ту блаженную, божественную, олимпийскую природу, где я только зритель, я д<олжно> б<ыть> не люблю par excès de sensibilité¹ — и опустошает она меня так только потому что я ее слишком сильно чувствую, — каждое дуновение.

— Как Музыка — как любовь.

Вообще, мне, чтобы быть счастливой, т.е. в полном владении св<оих> сил, надо не выходить из колеи. — Некая règle monastique² — твердая Основа — Устав.

Днем — Ремесло, вечером — Беседа, ночью — Ночь, стихия ночи, — Я.

И только не любовь, так чудесно, так с первой секунды и так надолго — сбивающая с пути!

Основа моя — спартанство.

Кончила Коринну. Эпиграфом ко всей книге могла бы поставить наполеоновское изречение наоборот:

Du ridicule au sublime il n'y a qu'un pas, Madame. —³

Фабула, местами, каррикатурна.

Ну что такое этот Освальд?

На протяжении всех <цифра не вписана> стр<аниц> он только и делает, что видит привидение своего отца и падает в обморок.

А сама Коринна, к<отор>ая, кроме того, что ее и — за что ее — коронуют на Капитолии, еще и danse à merveille, и pince la harpe à merveille, touche le pinceau à merveille, и excelle dans la tragédie, и conserve de la dignité dans l'opéra comique⁴ и т.д. и т.д. и т.д.

Вся фабула — сплетение неправдоподобнейших нелепостей — и вместе с тем: гениальная книга, ибо ГЕНИАЛЬНАЯ душа, и плачешь с Освальдом и над Освальдом, и плачешь с Коринной и над Коринной — и с Освальдом любишь тень отца, и со всем peuple romain⁵ преклоняешься перед колесницей Коринны. — Гениальная книга.

И неправдоподобность

<Далее одна треть страницы не заполнена.>

¹ от чрезмерной чувствительности (фр.).

² монастырское правило (фр.).

³ От смешного до великого всего один шаг, сударыня — (фр.).

⁴ чудесно танцует, и великолепно играет на арфе, прекрасно владеет кистью, и превосходна в трагедии, и сохраняет достоинство в комической опере (фр.).

⁵ римским народом (фр.).

Духов день 1920 г. <Дата не вписана.>

– Проходит. –

Для меня вся земля – rhiltre amougeux¹, поэтому – может быть – и проходит.

А НН (о к<отор>ом больше всего – д<олжно> б<ыть> по старой памяти – думаю здесь, в книжке) встречая меня в графском саду, м<ожет> б<ыть> думает так, как мужик, глядящий на тучу:

– «Слава Богу! – Пронесло!»

Никогда – когда дело касалось *моего* страдания – не через друго-го! – непосредственно! – моего! – не просила Бога:

– «Да идет мимо чаша сия!»

Каждый мой стих – последнее, что я знаю о себе – самая, самая, самая последняя секундочка, точно наконец стоишь ногами на линии горизонта.

(Тот же обман.)

Проверяю на себе – Любовь.

Любила? – Да. – Хотела умереть? – Да. Знала, что пройдет? – Знала. – Верила, что пройдет? – Нет! – Что случилось? – Ничего. Читала Коринну, любила Коринну, Освальда и Mme de Staël, любовалась голосом Худолеева, читавшим стихи Байрона, которые пронзали, писала в записную книжечку, усиленно думала о своем отношении к природе, – долго глядела нынче в лицо старому Грёзу и юному Бонапарту (его портрет) – вчера Адриэнна Лекуврёр: мир, где я дома! – плащ и улыбка Мориса Саксонского (предок Жорж Санд!) – ничего не случилось – жизнь случилась.

Любила я за это время – и м<ожет> б<ыть> больше всего оторвали меня от НН: Mme de Staël и букет belle-de nuit, – мое двойное оправдание!

¹ любовный напиток (фр.).

И потом: когда вся сила, весь смысл, всё очарование человека в доблести, долге, верности слову — как мне отнестись к такому поведению:

больше недели тому назад просила зайти размазать окно и заколотить ящики — ни слова.

держит у меня целую грудку моих любимых книг — ни слова.

А этот торг с Алиным портретом и Сережиными книгами? (Торг — со мной!!!)

А это тупое — в лицо — признание в нелюбви к Але — а за что? — «не улыбка, — гримаска! Улыбаются *дети*»... (Я не злопамятна, — но ни одна мать не простит!)

— Во что мне всё это оценить?

Встретила его сейчас в саду Соллогуба. Он каменный, я каменная. Ни тени улыбки.

Когда я его любила, я была убеждена, что он в этом убежден, — мне это даже было неприятно.

Теперь, когда не люблю (сухо дерево, завтра пятница!) — убеждена, что убежден и в этом.

Только не знаю, как быть с его книжечкой?

Стоит ли оставлять у него в руках — этот не потеряет! — сей столь grand effet d'une si piètre cause?¹ —

«Aus meinen grossen Leiden

Mache ich kleine Lieder»²

(Может > б<ыть> Schmerzen³ — и не знаю кто: Heine или Goethe?)

а иногда и:

«Aus meinen kleinen Leiden

Mache ich grosse Lieder } ...»⁴
 Worte }

Впрочем, все Leiden⁵ (особенно физические и любовные!) малы, когда прошли. — Малы́ и — немножко — презренны?

¹ мощный эффект из-за такого пустяка (*фр.*).

² «Из муки моей нестерпимой
 Родается песенек стая» (*Пер. В. Зоргенфрея.*)

³ боли (*нем.*).

⁴ «Из моих маленьких горестей
 Я создаю великие песни } ...» (*нем.*)
 слова }

⁵ горести (*нем.*).

Если бы мне дали в руки склянку и сказали:

— «Каждый глоток — час счастья — т.е. тебя же на вершине себя! — каждый глоток — час счастья — и день — месяц, — год *de moins*¹ (NB! написать — найти по русски!) — в твоей жизни — как часто в год — месяц — день — час я бы пила, — нет, сумела ли бы я — не выпить сразу? — оторваться, чтоб пить еще? (Ради новизны — глотка!)

И коварный вопрос: а опиум — эфир — etc? Почему — ни разу, никогда?

А краска для волос — для ресниц — для губ?

Тот же ответ: — первое, что отвечаю:

— «Мне не нужно.» Потом, глядя в глубь, постепенно:

— Мне и так хорошо.

— Если опиум — более я, чем я — не хочу опиума.

— Я и так — более я, чем я.

— Я и так — мне и так — нельзя же обкрадывать нищих!

Я любила всё в мире с одинаковой страстью: — хотела перечислить — улыбаюсь — руки опускаются!

А в жизни — всё равно как и где бы я ни жила — я бы всё равно была нищей.

П <отому> ч <то> Солнце, заходящее } за <слово не вписано> мое-
 садящееся }
 го собственного Версаля одинаково бы не скатилось мне в колена моего пестрого — как райское оперение — платья, как то Солнце, что ежевечерне садится } над совет<ской> Поварской.
 заходит }

Тонко отмечено Худолеевым:

A. Dumas неверно выбрал основу Дамы с Камелиями, предпочтя патетической любви барона (сходство с покойной дочерью) — ничтожного — кровь с молоком — Армана Дювала.

У души тоже своя *beauté du diable*².

¹ долой (фр.).

² свежесть молодости (фр.).

Старый полубезумный Грёз, в самую бурю Революции не пожелавший снять красного камзола и шпаги, и так, в красном камзоле и при шпаге умирающий с голоду по ревушим площадям Парижа, — и такое в ответ этому встает в моем сердце, что опускаю перо.

Привкус невысказанного презрения.
(О поцелуе.)

Слышали ли вы когда-нибудь, как мужчины — даже лучшие — проносят эти два слова:

— «Она некрасива.»

— Не разочарование: обманутость — обокраденность.

Точно так же женщины произносят:

— «Он не герой.»

Господа, поймите: был Мюссэ и писал.

Есмь я — и должна писать то, что писал Мюссэ.

(Мой перевод!)

Поймите, но не жалеите: ибо я *не* перевожу.

У Бальмонта:

— «Чем же вы так заняты?» — «Да вот, перевожу Мюссэ.» — Отвечаю с полным сознанием правоты такого дела.

— «Перевожу Мюссэ» — и всё.

А если бы я ответила «пишу» — знаете, как бы это было? — Торопливым голосом, низко наклоняя лоб к набиваемой папиросе:

— «Да вот, гуляю с Алей, читаю, стираю, пишу немножко... — Дать Вам папиросу?»

О, низость моего славянства!

Что мне далó славянство? — Право его презирать.

(Раз — мое!)

<Далее половина страницы не заполнена.>

19ая русск<ого> мая 1920 г., среда.

Сейчас у меня три радости: Вячеслав Иванов — Худолеев — и НН.

Вячеслав Иванов — Царьград Мысли, Худолеев — моя блаженная Вена (династии Штрауссов!), — НН — моя старая Англия и мой английский home¹, где нельзя — не дозволено! — вести себя плохо.

Сегодня чудесный день. Он начался вчера. Я целый день спала — никогда не случалось! — так — вдруг — нечаянно — неудержимо — и так блаженно! — такие сны! — Как никогда — ночью! И эта постепенность засыпания. Ночью сваливаешься, как в колодец — раз и готово! Засыпаю обыкновенно при свете, иногда двойном — дневном! — с книгой в руках, часто одетая.

А здесь — крики детей со двора, стук выколачиваемых ковров, вдруг тихо, спишь почти, опять птичий (детский) вскрик, вздрагиваешь: спала? — нет? — сердце бьется, (тела точно нет), точно оно одно живо в теле.

И богатство — спешка — избыток — смена снов. Громкие голоса, нескончаемый рокот спора, весь сон спорщический (это моя бессонная душа мстит за сон), иногда даже без слов.

Какие-то полеты: огромные пустые здания, проволока, преследования, — я одна летаю! — нескончаемые страшные лестницы...

И, когда проснешься, нельзя — невозможно! — не спать опять.

Так было вчера. Когда, наконец, поняв, что ведь так и никогда не встать можно, я ничего еще не понимая, блаженная и очень бледная, пошатываясь подошла к столу — стук в дверь — (парадную) — легчайший.

Снимаю засов (спинка стула, работа М<илио>ти) — Вячеслав! — В черной широкополой шляпе, седые кудри, сюртук, что-то от бескрылой птицы.

— «А вот и я к Вам пришел, Марина Ивановна! К Вам можно? Вы не заняты?»

— «Я страшно счастлива.»

(До задыхания! Единственное, что во мне перебарывает смущение, — это Восторг.)

— «Только у меня очень плохо, такой разгром, всё поломано. Вы не бойтесь, там у меня лучше...»

— «Это мы здесь будем сидеть?»

(Беспомощно и подозрительно озирается: столы, половины диванов, отовсюду ноги и локти стульев и кресел, кувшины, разбитый хрусталь, пыль, темнота...)

¹ дом (англ.).

— «Нне-ет! Мы ко мне пройдем. Слава Богу, что Вы не видите, иначе бы Вы...»

— «Иначе бы я сказал, что у Вас то же, что у меня. Я ведь тоже ужасно живу, — неудобно, всё поломано, столько людей...»

Входим.

— «А где Ваша дочь?» — «Она с Миррой Бальмонт в д<оме> Соллогуба». — «Во Дворце Искусств?» — «Да.»

— «Как у Вас неудобно: темно, такое маленькое окошечко. Скучно жить?»

— «Нет, всё — только не это.»

— «Но ведь Вам же трудно, денег нет. Вы не служите?»

— «Нет, т.е. я служила 5½ мес. — в Интернациональном К<омите>те. Я была русский стол. Но я никогда больше служить не буду.»

— «Чем же Вы живете? Откуда Вы достаете деньги?» — «А так, — продаю иногда, т.е. мне продают, иногда просто дают, теперь паёк, так, — не знаю. Мы с Алей так мало едим... Мне не очень нужны деньги...»

— «Но вещи же тоже когда-нибудь истощатся?»

— «Да.»

— «Вы беззаботны?»

— «Да.»

— «Но ведь можно взять какую-нибудь другую службу...»

— «Я совсем не хочу служить, — не могу служить. Я могу только писать и делать черную работу — таскать тяжести и т.д. И потом столько радостей: вот Коринна Mme de Stäel напр<имер>»...

— «Да, идеальных утешений много. — А Вы одна живете?»

— «С Алей. — Впрочем, здесь наверху еще какие-то люди, очень много, постоянно новые...»

— «И это всё Ваши вещи?»

— «Да, обломки, остатки. Я чувствую, что Вы меня презираете, — только — ради Бога! — я до последней минуты старалась отстоять, — но не могу же я вечно ходить следом и смотреть: крадут или не крадут? И кроме того я ничего не вижу...»

— «Ах, это Вы о сохранении вещей говорите? Нет, — разве можно уберечь! И при виде такого истинно-философского отношения к жизни, у меня не только не презрение, но — admiration¹!...»

— «Это не философское отношение, это просто инстинкт самосохранения души. — Как я рада, что Вы меня не презираете!»

¹ восхищение (фр.).

— «Я тогда сказал глупость — о вакантности — это со мной часто бывает.»

— «Нет, это была не глупость, я просто обиделась, но теперь это прошло, я так счастлива!»

— «Надо что-нибудь для Вас придумать. Почему бы Вам не заняться переводом?»

— «У меня сейчас есть заказ — на Мюссэ, но...»

— «Стихи?» — «Нет, проза, маленькая комедия, — но...»

— «Надо переводить стихи, и не Мюссэ — м<ожет> б<ыть> это и не так нужно — а кого-нибудь большого, любимого...»

— «Но мне так хочется писать свое!!! — Это, конечно, очень смешно, что я говорю, я знаю, что это никому не нужно...»

— «А это уже плохо, — как никому не нужно?»

— «Так — никому, я не в ту полосу, не в ту волну попала, но это нужно — мне, нужно же чем-н<и>б<удь>, утешаться, не могу же я только стирать, только варить...»

— «Что же Вы пишете? Стихи?»

— «Нет, стихов мне мало, пишу их только, когда мне надо к человеку и нельзя подойти иначе. Я страстно увлекаюсь сейчас записными книжками: всё, что слышу на улице, всё, что говорят другие, всё, что думаю я...»

— «Записные книжки — это хорошо, но это только материал. Вернемся к переводу. Разве не хорошо — Бальмонт, переведший Шелли? — Как он его перевел, — другой вопрос. — Перевел, как мог. — Но взять стихи на чужом яз<ыке> и пережить, почувствовать их на своем, — это не меньше, чем писать свое. Это некий таинственный брак, если — действительно — любишь. Выберите себе такого поэта и переводите — часа по 3 в день. — Это будет Ваше послушание, нельзя же без послушания!»

— «Я Вас прекрасно понимаю, особенно последнее, о послушании. Но у меня никогда не хватит времени. Встаю: надо принести воды — готовить — накормить Алю — отвести ее к Соллогубу — потом привести — опять накормить... Вы понимаете?»

И читать еще хочется, — столько прекрасных книг! — А главное — записные книжки, это моя страсть, п<отому> ч<то> — самое живое.»

— «Аля, я за нее очень боюсь. Как ее имя: Александра?»

— «Нет, Ариадна.»

— «Ариадна...»

— «Вы любите?..»

— «О, я очень люблю Ариадну... — Вы давно разошлись с мужем?»

— «Скоро три года, — Революция разлучила.»

— «Те.?»

— «А так:»...

(Рассказываю.)

— «А я думал, что Вы с ним разошлись.»

— «О, нет! — Господи!!! — Вся мечта моя: с ним встретиться!»

Говорю о своей неприспособленности к жизни, о страсти к Жизни:

— «Mais c'est tout comme moi, alors!¹ Я ведь тоже ничего не умею.»

(Неизъяснимое обаяние его иностранного: франц<узского> и немец<кого> — говора, чуть-чуть ирония над собой и что-то — чуть-чуть — от Степана Трофимовича.)

— «А Вы пишете прозу?»

— «Да, записные книжки...»

— «Не как Ваша сестра?» — «Нет, короче и резче...» — «Она же хотела быть вторым Ницше, кончить Заратустру.» — «Ей было 17 лет. — А знаете, кто раньше Ницше написал Заратустру?» — «?» — «Беттина, Беттина Brentano, Вы знаете Беттину?» — «Беттина гениальна, и я люблю ее, п<отому> ч<то> она принадлежала к числу «танцующих душ». — «Это Вы чудесно сказали!» — «Моя жена — Лидия Петровна <Дмитриевна> Зиновьева-Аннибал...» — «Обожаю ее «Трагический Зверинец», — там «Чорт» — вылитая я!» — «Да, если Вы ее знаете, она должна быть Вам близка...»

И вот, однажды — будучи совсем молоденькой девушкой, в совершенно неподходящей обстановке — на балу — она сказала какому-то гвардейцу: — «Можно дотанцеваться и до Голгофы». Вы христианка?»

— «Теперь, когда Бог обижен, я его люблю.»

— «Бог всегда обижен, мы должны помогать *быть* Богу. В каждой бедной встречной женщине распят Христос. Распятие не кончилось, Христос ежечасно распинается, — раз есть Антихрист. — Словом, Вы христианка?»

— «Думаю, что да. — Во всяком случае, у меня бессонная совесть.»

— «Совесть? Это мне не нравится. Это что-то протестантское — совесть.»

(На лице гримаска, как от запаха серной спички.)

— «И кроме того — я больше всего на свете люблю человека, живого человека, человеческую душу, — больше природы, искусства, больше всего»...

¹ Ну в точности, как я (фр.).

— «Вам надо писать Роман, настоящий большой роман. У Вас есть наблюдательность и любовь, и Вы очень умны. После Толстого и Достоевского у нас же не было романа.»

— «Я еще слишком молода, я много об этом думала, мне надо еще откипеть...»

— «Нет, у Вас идут лучшие годы. Роман или автобиографию, что хотите, — можно автобиографию, но не как Ваша сестра, а как «Детство и Отрочество». Я хочу от Вас — самого большого.»

— «Мне еще рано — я не ошибаюсь — я пока еще вижу только себя и свое в мире, мне надо быть старше, мне еще многое мешает.»

— «Ну, пишите себя, свое, первый роман будет резко-индивидуален, потом придет объективность.»

— «Первый — и последний, ибо я всё-таки женщина!»

— «После Толстого и Достоевского — что дано? Чехов — шаг назад.»

— «А Вы любите Чехова?»

Некоторое молчание и — неуверенно:

— «Нне... очень...»

— «Слава Богу!!!»

— «Что?»

— «Что Вы не любите Чехова! — Терпеть не могу!»

— «А я так привык ко всяким возмущениям и укORIZнам в ответ, что невольно замедлился...»

— «Господи! Можно же, наконец, не любить чего-нибудь на свете!»

— «Оставим Чехова в стороне, как ту или иную ценность — в романе он, во всяком случае, ничего не дал. И после Достоевского — кто?»

— «Розанов, пожалуй, но он не писал романов.»

— «Нет, если писать, то писать большое. Я призываю Вас не к маленьким холмикам, а к снеговым вершинам.»

— «Я боюсь произвола, слишком большой свободы. Вот в пьесах например: там стих — пусть самый податливый! самый гнущийся! — он всё равно — каким-то образом — ведет. А тут: полная свобода, что хочешь то и делай, я не могу, я боюсь свободы!»

— «Здесь нет произвола. Вспомните Goethe, так невинно и сердечно сказанное:

Die Lust zum Fabulieren¹.

¹ Радость сочинять (нем.).

Вот лист белой бумаги — *fabuliere!*¹ — Это сложнее, чем Вы думаете, здесь есть свои законы, через несколько страниц Вы уже будете связаны, из нескольких положений — <слово не вписано> — выходов! — а их могут быть сотни — и все прекрасны! — надо будет выбрать одно, м<ожет> б<ыть> найти одно — 101^{ae}. Вы уже почувствуете над собой закон необходимости. Вот Вам — для примера — всем известный анекдот про Толстого и Анну Каренину.»

— «Не знаю.»

— «Это был действительный случай. Редакция ждет — типография ждет — посыльный за посыльным — рукописи нет. Оказывается, что Толстой не знал, что первым сделала Анна Каренина, вернувшись к себе домой. — То? — Это? — Другое? — Нет. — И вот, ищет, не находит, ищет, — вся книга стоит, посыльный за посыльным.»

Наконец, подходит к столу и пишет: «Как только А<нна> К<аре-нина> вошла в залу, она подошла к зеркалу и оправила вуалетку...» Или что-то в этом роде. — Вот.» —

— «Железный закон необходимости. Ослепительно понимаю.»

— «Не бойтесь свободы — повторяю: свободы нет! — Кроме того, настоящим прозаиком можно сделаться только, пройдя школу стиха.»

— «О, не бойтесь! Длиннот у меня не будет, у меня наоборот стремление к сжатости, к формуле...»

— «Но чтоб и сухо не было, — может получиться схема. Проза Пушкина и то уже суха, хотелось бы подробностей, — и нету. Для прозаика нужно: умение видеть других, как себя и себя, как другого — и большой ум — он у Вас есть — и большое сердце...»

— «О! — Это!...»

— «Как Вы относитесь к А. Белому, п<отому> ч<то> tout compris² — это всё-таки единственный прозаик наших дней.»

— «Он мне не близок, не мое, скорей — не люблю.»

— «Не любите Андрея Белого! — Те. — Вы меня понимаете? — не лично, не человека не любите, а прозаика, автора! Не хотелось бы, чтобы Вы подпали под его влияние.»

— «Я?! — Я не самомнительна, А. Белый — больше меня, но у меня точный ум и я не из породы одержимых. Он ведь всегда под какими-то обломками... Целый город упал на человека, — вот Петербург...»

— «И город-то призрачный!»

— Восторгаюсь. —

¹ сочиняйте (нем.).

² со всеми оговорками (фр.).

(Речь Вячеслава несравненно плавнее, чем здесь, у меня, но то-роплюсь — пора за Алей и боюсь забыть.)

— «Однако, уже 10 часов, Вам пора за Алей.»

— «Еще немножечко!»

(Вспоминает не в первый раз.)

— «Но ей спать пора.» — «Но ее там накормят, она всегда рано ложится, и я так счастлива Вами — и разочек — можно?»

Улыбается.

— «Взял бы я Вас с собой во Флоренцию!..»

(О, Господи, ты, знающий, мое сердце, знаешь, чего мне стоило в эту секунду не поцеловать ему руки!)

— «Итак: мое наследье Вам: пишите Роман. Обещаете?»

— «Попытаюсь.»

— «Только меня беспокоит Аля, Вы ведь, когда начнете писать...»

— «О да!»

— «А что будет с ней?»

— «Ничего, будет гулять, она ведь сама такая же... Она не может без меня ...»

— «Я всё думаю, как бы Вам уехать. Если мне не удастся выехать за границу, я поеду на Кавказ. Едемте со мной?»

— «У меня нет денег и мне надо в Крым.»

— «А пока Вам надо за своей дочерью. Идемте.»

— «Только я Вас немножечко провожу. Вам ничего, что я без шляпы?»

Выходим. Иду в обратную сторону от Соллогуба, — с ним. На углу Собачьей площадки — он:

— «Ну, а теперь идите за Алей!»

— «Еще немножечко!»

<Далее две с половиной страницы не заполнены.>

20^{ка} русск <ого> мая 1920 г.

Большой роман — на несколько лет. Vous en parlez à Votre aise, ami.

— Moi qui n'ai demandé à l'univers que quelques râmoisins¹.

И — кроме того — разве я верю в эти несколько лет? И — кроме того — если они даже и будут — разве это не несколько лет из *моей* жи-

¹ Говорите об этом сколько угодно, друг.

— Мне, которая не просила у Создателя ничего, кроме нескольких мгновений небытия (фр.).

ни, и разве женщина может рассматривать время под углом какой бы то ни было задачи?

Иоанна д'Арк могла, но она жила, не писала.

Можно так жить нечаянно — ничего не видя и не слыша, но знать наперед, что несколько лет ничего не будешь видеть и слышать, кроме скрипа пера и листов бумаги, голосов и лиц тобой же выдуманных героев, — нет, лучше повеситься!

Эх, Вячеслав Иванович, Вы немножко забыли, что я не только дочь проф<ессора> Цветаева, сильная к истории, филологии и труду (всё это есть!), не только острый ум, не только дарование, к<отор>ое надо осуществить в большом — в наибольшем — но еще женщина, к<о-тор>ой каждый встречный может выбить перо из рук, дух из ребер!

После встречи с НН. я как-то подавлена, открыв, что у меня живое сердце (для любви и для боли, — вот: «ноет!») я стала себя бояться, не доверять. — «Tu me feras encore bien mal quelque jour!» — стала меньше себя любить.

10 лет я была Фениксом — бессмысленно и блаженно сгорающим и воскресающим (сжигающим и воскрешающим!) — а теперь — сомнение — подозрительность какая-то:

«А ну-ка — не воскреснешь?»

Вчера у меня был НН. Третьяго дня я его просила в записочке передать мне с Алей книги (C^lasse de Noailles, стихи). Вчера утром он их принес.

Всего записывать не буду. Обрадовалась, но с ума не сошла. Он пришел вовремя. Сейчас я отвлечена Вячеславом, Худолеевым, — немножко пьесой — собой, а главным образом женщинами, загадкой женского.

Такие фразы: — «Это у Вас халат?» — «Нет, шаль.» — «Она немножко похожа на Вас.» — Шаль золотая с бирюзовым, (рыжее золото) — старинная — прекрасная. Если бы из худшей ткани могла бы быть безвкусной. И сейчас еще — цыганский присвет (как привкус.)

Похожа — да — на мою душу сияющую.

Увидев его, поняла, что всё-таки — как-то так — по-своему — на копеечку! — любит, во всяком случае помнит. Не удивилась — обрадовалась — повеселела.

¹ «Ты причинишь мне еще большую боль когда-нибудь» (фр.).

И сразу — всё забыв и миновав — о первичный дикарский инстинкт победителя! (я — не побежденная — уже победитель!) — спокойствие, уверенность, — «хочешь, люби, хочешь — нет», готовность к игре: из под угнетавшей его руки укротителя готовность тигра — к прыжку! Желание растравить немножко (<слово не вписано> тотчас же!), желание, чтобы поверил, что не нужен, страх, что поверит.

— «Словом, старайтесь не обижать, не отталкивать слишком. А то ведь — по чести? — зачем Вы мне? Веселиться у меня с Вами не выходит, для веселья у меня есть партнёры веселей...»

— «Для ума — умней», подсказывает он в растяжку — каменно.

И тут я не выдерживаю. Ибо как восторг во мне сильней смущения, так жалость во мне сильнее воспитания! — встаю: он такой высокий — и за это люблю! за то, что подымаю голову! — встаю, беру его обе руки, свожу — прижимаю к губам.

Потом сажусь на парту — он в кресло — держу его руку у щеки — что-то говорим. Я очень спокойна, чувство совершенно чистой совести.

— «Я еще раз Вас хочу попросить: не забывайте, что перед Вами живой человек. Видите: я протягиваю Вам руку на дружбу, я хочу с Вами дружить, но только: не забывайте, что мне от всего больно.»

— «Я Вас не обижал.»

— «Кому лучше знать: тому кому больно или тому кому не больно? Вы м<ожет> б<ыть> не хотели...»

— «А я в свою очередь...»

— «Всё, что угодно.»

— «Вы просите меня считаться с тем, что я живой человек, а я прошу Вас считаться с обстановкой...»

Я, ébahie! — «Да разве я?! Да я и так обхожу Вашу комнату на сто верст! — Да разве?!...»

— «На посторонний взгляд, Вы более, чем считались, но на взгляд более внимательный — угадывающий...»

— «Понимаю! Но позвольте мне Вам ответить...»

— «Лучше не отвечайте!»

— «Нет, не бойтесь, я отвечу очень хорошо. Играешь хорошо только собственные роли. Я не актриса. Видя Вас я не могу скрыть ни смущения, ни радости, т.е. преувеличенного равнодушия. Единственное, что я могу сделать, это продолжать обходить Вашу комнату на сто верст.»

¹ изумленная (фр.).

— «Ну, предоставим всё это естественной последовательности. — Жизни.»

Потом копали книжки — его жадность — моя умиленная ирония (ему сразу 10 лет, мне — 70!), — успокоение его от меня за книгами, мое — от него

— А ведь *было же!* *Ныло же!* — Куда ушло? — Была определенная боль в груди — не аллегорическая! — самая настоящая, могу даже указать место, не боль, когда ударишься (та острее и душевно переносней), а другая, бестелесная какая-то, т.е. *в другом теле* отзывающаяся, — не могу выразить лучше.

Когда зуб болит иногда нарочно бередишь нерв, но в конце концов вскачь к зубному врачу, — ведь не лелеешь боль! — Так и здесь. — Разве я *играла?!* Ведь я мучилась, места себе не находила, всё бы — чего бы не? — отдала, чтобы не любить, забыть.

Значит *было!!!* — А теперь нет.

Начинается с головы, падает на сердце, завладевает всем существом — стихи, бессонные ночи, необходимость умереть! — и вдруг: человек в комнате, любит (предположим) — куда ж это всё уходит?

Мне нужно так: если не нравлюсь, отталкиваю, если нравлюсь, несусь к человеку, если отталкивает — рвусь, если возвращается — недоумеваю.

Как бы меня обманывали, если бы я была богата, если меня так обманывают в Москве в 20 году?

О, пустота людей слова! (актеров, поэтов и т.д.) О, тягота людей дела! (НН.)

Никто не хочет — никто не может понять одного: что я *совсем одна*. Знакомых и друзей — вся Москва, но ни одного кто за меня — нет, без меня! — умрет.

Я никому не необходима, всем приятна.

Была сейчас у Наташи А<токоль>ской, прячусь от вечернего одиночества. Никто не знает, как мне опустошительно с людьми!

С малых лет я хотела только одного: убить, загнать — день: в детстве книгой, потом писанием, сейчас чем попало, любое средство — лучшее.

Слушаю людей внимательно, смеюсь, отвечаю, разгораюсь, — но всё это на поверхности, чуть глубже — пустота. Мне, в конце концов, никто не нужен, еще радуют меня пока «словесные игры», но это уж мое Ремесло, то с чем умер Heine, — с чем я умру.

Холод ли это, это мое «никто не нужен»? — Нет, я сама от этого страдаю, я так люблю любить. — Не любитесь! — Да, несмотря на НН, Вячеслава, Х<удо>леева (не в счет, конечно, но как разновидность!) — всех бывших и будущих — не любитесь! Все чужие. И разборчивая невеста, и блудница.

(М<ожет> б<ыть> потому и блудница, что разборчивая невеста?!)

Любитесь — roignant¹ — один, к<отор>го нету и о к<отор>ом так страшно думать, невозможно писать.

Основа моя сейчас — безнадежность, поверхность — легкомыслие.

О, я совсем не веселый человек!

Вот она — кара за Восторг! — Холод, одиночество, снеговые вершины, к<отор>ых боюсь даже на картинках.

Люблю как-то отдельно: голоса, руки, слова, улыбки, жесты — за всё порознь душу отдам! — но голос сменяется голосом, руки — руками, слова — словами, улыбки — улыбками, — и в итоге: одиночество, выженность, пустота.

О, я себя боюсь! Я ведь совсем не вольна над собою. С каким страхом я тысячу раз в день прислушиваюсь к себе: Ну как? — Ничего, кажется.

И вдруг — пустота, упадок воли, день бесконечен, ничего не могу, ложусь на диван, двинуться не могу, — умереть! умереть! умереть! — И ничего не случилось, день шел, солнце светило, никто не обидел.

Моя душа одинаково открыта для радости, как и для боли, с меня просто на просто кожа содрана.

Я не знаю, как живут другие, я знаю только, что я десять раз в день хочу — рвусь! — умереть.

НН, я сейчас как шестилетняя, которую нужно покрыть — и не отходить! — сидеть! — утешать, или просто держать руку в руке — тихо-нечко — пока не усну.

Отвращение к еде. Как будто голод — притронусь — противно, не могу, озноб. И сейчас — от одной мысли — гусиная (куриная?) кожа по рук <не дописано.>

¹ пронзительно (фр.).

И за пайком своим не иду — и за стихами — и Мюссэ не перевожу — и платья не мерю, хоть во дворе.

Только башмаки Х<удо>леева отдала в починку, п<отому> ч<то> другому радость. Сама — 2 ящика резины! — хожу в совершенно рваных, — всё равно — давно всё равно.

Что я умею с людьми?

Понимать их? Нет. Любить их нет? — Радоваться им. — Зато как никто. —

Кончила «Ученика» — Саргиссио¹. Только еще не знаю конца, кончив — задумалась.

Мальчик всё отдает своему взрослому другу: и песенный дар, и бессонный дар, и огород ему согласен копать и рук целовать не будет. И тут — не знаю: из за чего он уходит (ибо уйти — должен!) — чего отдать не может: пса (верность свою!) или «талисманный знак» на пальце (Прихоть свою. — Обожаю это слово!)

И то и другое — я, в равной мере — я, с той разницей, что отдам, и отдав, уйду.

Не написав ни строки, уже пишу Еву.

— «С первым лучем <пропуск слова> дневного Солнца, Ева раскрыла глаза. Первое вожеление, к<отор>ое ей раскрыло руки, было солнце, первое слово, к<отор>ое раскрыло губы было: «Дай!» — Но так <как> Хозяин, создав ее удалился, а Адам еще спал, никто ей не сказал: Нельзя, и она, подождав немножко, скоро успокоилась.»

— В этом роде. — Первое, что она скажет Адаму это тоже: Дай — и так как она просит у него его глаз — услышит <:> нельзя. И впервые заплачет. («Слёзы соленые, никогда не буду плакать!»)

Адам для нее большая кукла, слушает его сердце (часики!) — опять: «Дай» — опять нельзя. Сразу начинает ненавидеть Адама.

Три главных радости в раю: павлин — роза — лев. Ева влюблена в Мир, Адам — в Еву.

Описание дня, знакомство с животными. Капризничает: почему рыбы не поют, а птицы не летают.

— Сон в полдень. — Адаму: я закрою глаза, а ты сиди с открытыми, чтобы мой павлин не ушел. — Адам сидит. Вечером — случайно — свое отражение в воде. — «Это самое белое, самое золотое, самое и т.д. что

¹ Каприччио, букв. прихоть (*umal.*); произведение в свободной форме.

здесь есть. (— Описание!) — Что это? — Ты. Ева! — (Это м<ожет> б<ыть> уже Змей говорит?) — Под темнеющими деревьями тени ангелов. — Роза. — «Это тоже, наверное, персик?» — Берет в рот. — «Нет, это надо нюхать!» — «Значит нюхать еще лучше, чем есть. Всегда буду нюхать!»

С минуты видения себя в воде, влюбляется в себя безвозвратно. Вечер — Адам, устав, спит. Ева одна со Змием. — Дерево. — Тут, не знаю: м<ожет> б<ыть> Адам, уже раскусивший Еву, не сказал ей, что оно запретное, а просто так: «Дерево как дерево...»

Впрочем, м<ожет> б<ыть> и сказал, но она, по легкомыслию, не дослушала ответа. И вот, сидя со Змеем вокруг шеи, под деревом (змея шепчет ей в самое сердце) вспоминает: «Глаза у Адама — нельзя, сердце — нельзя, и еще что-то третье было: ах, яблоко!» Змею: «Как странно! Ты ничего не говоришь, а я всё слышу. Конечно — надо съесть! Тогда рыбы будут петь, да? И розы летать... и т.д. Ест. Съев, пугается и — чтобы не одной грешить — дает Адаму. Желание целоваться. Равнодушие к Адаму (уже законный муж!)

(Адам старше на один день и уже всё знает. Хлое — нужен Дафнис или же Змей!)

Отношение к Слону: слишком большой: ничего не чувствую. К Льву: ты очень прекрасный, но ты какой-то строгий, вроде Адама! — Тигру: вот ты мне нравишься! Золотой, как я и тоже гнешься.

18/31 мая
1920 г.

Письмо к Вячеславу

(Переписываю, чтобы потом не забыть, как любила.)

Дорогой В.И.!

Это гораздо больше, чем можно сказать.

Сегодня мне нужно было идти в один дом, где будет музыка, (всегда иду за ней следом, как нищий!) — но я осталась дома, чтобы быть одной — (с Вами.)

Вы для меня такое счастье и такое горе — Ваш отъезд! — что я совсем не знаю, что с этим делать. Буду ждать 15^м июня с ужасом, а оно будет, п<отому> ч<то> мне именно 15^м июня — сама сегодня утром назначила — солдат принесет керосин.

В.И., я нынче сказала о совести, а Вы не поняли, теперь поймите — поймете!

Когда Вы меня сегодня спросили: «Вы очень дружны с Б<альмон>том?» знаете мой первый ответ — проглоченный — хотела напи-

сать — не могу — произносить такие вещи еще хуже — предательство, окончательное предательство. И вот теперь у меня угрызения совести.

Но — чтобы Вы не подумали хуже, чем есть — всё-таки скажу. Вот что горело у меня тогда на губах:

— «Да, да, очень дружна, очень люблю, но Вы же не можете не понимать, что мне нужны только Вы!»

Это для меня самое невыносимое на свете — хотя бы мысленно кого-н<и>б<удь> предать, — тот беззащитный, невинный, не знает, и даже сказать нельзя, п<отому> ч<то> он не раскаяние запомнит, а предательство, — искупить нельзя!

Думаю сейчас об этом своим ответе. — Откуда?

Пожалуй что всё-таки: исконная неблагодарность — исконное оправдание наперед — исконное заматание следов — женщины.

Скажу о Вас и о Б<альмон>те.

Б<альмон>т — мне друг, я люблю его и люблюсь им, я окончательно верю в него, у этого человека не может быть низкой мысли, ручаюсь за него в любую минуту, всё, что он скажет и сделает будет рыцарски и прекрасно. С ним у меня веселье и веселие, *grande camaraderie*¹, с ним я, он со мной — мальчишка, мы с ним очень много — главным образом! — смеемся. С ним бы мне хотелось прожить 93 г. в Париже, мы бы с ним воспитательно взошли на эшафот.

С ним мы — сверстники, только я, как женщина — старше.

Не усмотрите в этом непочтения — этим не грешу — но почитать Б<альмонта> — обижать Б<альмонта>, я, преклоняясь перед его даром, обожаю его. — Чудесное дитя из Сказки Гоффмана, — да? (*Das fremde Kind*².)

Отношение, будучи глубоко по сущности, идет, танцует по поверхности, как солнце плещется по морю.

— Вы. —

С Вами мне хочется вглубь, *in die Nacht hinein*³, вглубь Ночи, вглубь Вас. Это самое точное определение. — Перпендикуляр, опущенный в бесконечность. — Отсюда такое задыхание. Я знаю, что чем глубже — тем лучше, чем темнее — тем светлее, через Ночь — в День, я знаю, что ничего бы не испугалась, пошла бы с Вами — за Вами — в слепую.

¹ великое товарищество (*фр.*).

² чужеземное дитя (*нем.*).

³ в глубину ночи (*нем.*).

Если во мне — минутами это пронзительно чувствую — (по безответственности какой-то!) — воплотилась — Жизнь, в Вас воплотилось Бытие.

— Das Weltall¹.

(Заметили ли Вы, что нам всегда! всегда! всю жизнь! — приходится выслушивать одно и то же! — теми же словами! — от самых разных встречных и спутников! — И как это слушаешь, чуть улыбаясь, даже слово наперед зная!)

Теперь о другом. Одно меня в Вас сегодня как-то растравительно тронуло: «много страдал — люблю жизнь — но как-то отрешенно»...

Го-спо-ди! — Ведь это — живая я. Потому так всё и встречаю, что уже наперед рассталась. Издалека люблю, à vol d'oiseau² люблю, хотя как будто в самой толще жизни.

Когда я с Вами сегодня шла, у меня было чувство, что иду не с Вами, а за Вами, даже не как ученик, а как собака, хорошая, преданная, веселая — и только одного не могушая: уйти.

Много собак за Вами ходило следом, дорогой В<ячеслав> И<ванович>, но — клянусь Богом! — такой веселой, удобной, знающей время и место собаки у Вас еще не было. — Купите собачий билет и везите во Флоренцию! —

Но Вы уедете! уедете! уедете!

Здесь в Москве я спокойна, я всегда могу Вам написать (злоупотреблять не буду, хотя — 3^{ья} страница! — уже злоупотребляю!) — могу окликнуть Вас на каком-н<и>б<удь> вечере, услышать Ваш старинно-коварно-ласковый голос, — да просто сознание, что по одним арбатским переулкам ходим, — я дом Ваш знаю, — значит Вы есть!

А во Флоренции я и мысленно не смогу ходить за Вами следом, я ни одной улицы не знаю, я во Флоренции не была!

Сейчас глубокая ночь, Вы спите. — Кто это был в красном платье? — Ваш сын? — Он Алин одноплеток, о нем мне когда-то восторженно рассказывала мать Макса.

Шлю Вам привет — кладу Вам — по собачьи — голову в колени. — Не сердитесь! Я не буду Вам надоедать, я Вас слишком люблю.

МЦ.

¹ Вселенная (нем.).

² с птичьего полета (фр.).

Как только начинаю любить другого, сразу перестаю любить себя, т.е. теряю всю силу свою и очарование. Следовательно, для того, чтобы меня любили, мне не надо любить самой, впрочем любовь другого сразу возвращает мне любовь к себе, — верней и быстрее, чем нелюбовь другого.

Но, в итоге, любя и не любя, Вы равно избавитесь от моей любви, только любя — скорее.

Любя другого, презираю (теряю) себя, будучи любимой другим — презираю (теряю) его.

Уж лучше — любить другого!

(Я, наверное, понятия не имею: что такое — любовь, как, вообще, понятия не имею: что такое — другой.)

Давайте любить меня вместе! Где Вас не хватит, я помогу. — Вот самое честное, что я могу сказать партнёру.

С грустью уверяюсь в том, что в НН нет великодушия: эти 7 минут опоздания, дающие ему законное право не выдавать — голодному — хлеб, эти 3 мин., к<отор>ые он заставляет ждать старуху в коридоре (пришла в без 3х м. 6 ч.!) — это «я обедаю», эта осторожная просьба об «обстановке» (об Алином портрете и Серезином Лукреции уже не говорю, — *позорное* пятно!), эта уверенность, что сам никогда не предложит денег взаймы, а если даст — *не* забудет, эта вечная забота о спасении души и тела, — нет, противно, презренно, слов нет!

— Откуда у него только эти руки?

26ая мая 1920 г.

В войнах мне мешает война, в морях — море, в священниках — Бог, в любовниках — любовь.

Моя трагедия в том, что все *говорящие*, как я, поступают ужасно низко, а все *поступающие* как я говорят ужасно высоко.

Никогда не наслаждаюсь только глазом, только слухом (как нёбом напр<имер>)

«Ласкает глаз», «приятные краски», этого нет, сразу провал в восторг или грусть.

Во мне мало зверя, — разве что только на очень сильном солнце, или в воде. — Да и то не надолго. (Домой! — Писать!)

За темною дверью — ликующий голос поет на чужом языке.

О НН (и все NN мира!) — правы Вы, когда не верите, что я Вас люблю.

Разве я — в этот поздний час ночи, на чужой лестнице, глотая это чужое ликование — *Вас* любила?!

И умирать буду из-за Вас — всё ж не верьте, ибо я ли поручусь Вам в том, что в последнее мгновение ока не заглянусь на — на солнечный луч!

Голос — из темноты — луч.

Водяной луч. — *Wasserstrahl*. — *Stimmenstrahl*¹.

Бриллиант в руке 3х летнего ребенка — стекляшка. Это не должно давать спать бриллианту. Это обесценивает бриллиант.

Мысль у меня в мозгу — вроде чертежа. Сияясь вспомнить, вспоминаю так:

——<—— √ и т.д. — линию — рисунок — иногда самой мысли так и не вспоминаю.

Мои стихи — моя жизнь (почти что быт), то, что есть. Мои пьесы — моя Жизнь, то, что быть должно бы.

Господа коммунисты! Как это вы в слове контр-революция не слышите родного вам грома: КОНТР!

Что дороже: первый шаг человека на земле, или последний? Первое слово человека на земле или последнее?

Решите и вы увидите, монархист ли Вы или коммунист.

¹ Водяной луч. — Голосовой луч (*нем.*).

Контр-революционер каждый, у кого сердце болит в секундочку Нового Года.

Божественное равнодушие поэта у меня распространяется только на собственную жизнь — дело — шкуру.

— Все эти дни страстно пишу «Ученика».

Молодая женщина:

— «Я почему-то сержусь не на самого человека, а на его вещи. Если ссора была за обедом, мне потом противны все блюда, к<отор>ые я ела: постное масло противно, пшено противно.

А когда он тот раз не пришел ночевать, я не могла сесть за письменный стол, не могла лежать на кровати, взяла постлала на полу ковер, так и пролежала всю ночь...

Всю ночь не спала. (Чистосердечно — проверив:) — «Не очень, впрочем, не спала»...

Гляжу сейчас на треплющиеся за окном Алины фартук и платье (привязаны на веревке к фортке.)

Боже мой, вот у кого учиться Танцу — Прыжку <над строкой: Игре>— Причуде.

Ешь, ешь — и опять надо <над строкой: голоден>, стираешь, стираешь — и опять грязное, любишь, любишь — и опять нравится!

Словно теплая слеза,
Капля капнула в глаза.
Там, в небесной вышине
Кто-то плачет обо мне.

(Быль. — Вчера, на улице.)

Моя книга: не прихода-расходная, а прихода-уходная — книга!

Любить Казанову и жить, как Кант! (У того его <слово не вписано>

Или же сейчас на истребителях за облаками
 фараоны и фараоны. (Звездочки на звездах и фараонах)
 Боже мой, боги! Кто знает, кто знает?
 И кто знает? — И кто знает!

И кто, кто — и кто знает, кто знает, кто знает
 — и кто знает, кто знает, кто знает — и кто знает
 кто знает!

Слова и слова
 Кто знает, кто знает, кто знает.
 Кто знает, кто знает, кто знает.
 Кто знает, кто знает, кто знает.

(Томас — Вера, на улицах.)

И кто знает: не знает — знает, а кто знает
 знает — кто!

Кто знает, кто знает, кто знает, кто знает!
 (И кто знает, кто знает, кто знает, кто знает — кто знает)
 Кто знает, кто знает, кто знает, кто знает — кто знает!
 Кто знает, кто знает, кто знает, кто знает — кто знает!

Кто знает, кто знает, кто знает, кто знает, кто знает
 кто знает, кто знает, кто знает, кто знает, кто знает.
 Кто знает, кто знает, кто знает, кто знает, кто знает.
 Кто знает, кто знает, кто знает, кто знает, кто знает.
 Кто знает, кто знает, кто знает, кто знает, кто знает.
 Кто знает, кто знает, кто знает, кто знает, кто знает.

аллея, у меня — вот уже 3 месяца — моя Поварская аллея, от Борисоглебского до Дворца Искусств.)

Уж лучше — наоборот!

Когда я не нравлюсь внешне, я более огорчена, чем когда не нравлюсь внутренне. (Чаще — второе!)

Ибо: не нравлюсь внутренне — пока...

А не нравлюсь внешне — нет пока!

Несколько дней уже вертится — вернее — выпевается — строчка:

В воображаемых мирах...

Зачем я сейчас потащусь с М<илио>ти в гости? Ведь никого там не люблю! — Но кого, вообще, люблю?

Вячеслава могла бы, но у него — досуга, у меня — простору — нет!

— «У меня злокачественно растянутый фронт личности»...
(Ф.А. Степун).

Роман большевиков с заборами: то декретами украшают, то вовсе
рушат }
снимают. }

Словом, — заборный роман.

М<илио>ти: «Я люблю только кусочки жизни...»

Я: — «Не оптом, а в розницу!»

Любование моей наружностью меня удивляет почти так же, как любовь к моим стихам, и совершенно так же, как не-любование — моей сущностью.

(Наконец-то!)

Шли на войну — три юные солдата,

Шли на войну — три юные солдата,

У одного в зубах – алела роза,
У одного в зубах – алела роза...

Дочь Короля сидела у окошка.
Дочь Короля – сидела у окошка...

<Слово не вписано> цветок, мой юный барабанщик,
<Слово не вписано> цветок, мой юный барабанщик!

– Но пусть Король свою отдаст мне дочку,

– «Ты слишком дерзок, юный барабанщик!»

– «Зато я сын – Англии веселой,

– Три корабля мои – в моем владеньи!

– Два корабля алмазами наполню...

– На третьем сам я с милою поеду

– Ну так и быть бери мою ты дочку!

– Благодарю, Король, за Вашу милость!

– Но в Англии есть девушки прекрасней!

Но в Англии есть девушки прекрасней!

– Они меня полюбят без алмазов!

Они меня полюбят без алмазов!

(Песенка, записанная со слов Мирры Б<альмон>т.)

29 русск<ого> мая 1920 г.

Сейчас приход Елены. – «Достали паспорта! В течение этой недели уедем!»

Распрашиваю. – Ревель – морской переезд – Штеттин.

– Так. –

А я знаю другое: что я никогда – никуда – не уеду – никогда – никого – не встречу, что зимой 20 года – в Москве – умру.

Я живу – *безумно*. Никто этого не понимает, ибо я сама это понимаю только секундами – ударами по голове – ночью, когда во сне плачу, утром, когда еще не проснулась, перед сном, когда еще не совсем сплю.

Ясно — ослепительно — всем непогрешимым чуянием своим! — вижу:

Не хочу писать — не хочу называть — только знаю, всё знаю.

О, жестокость — божественное равнодушие! — отъезжающих! — Уже — там.

Мне с отъезжающим чуждо — неловко — далёко! — как с умирающим. (Не нужна.)

Паек. — За пайком. — Паек достать... Кошмар, длящийся столько дней! — Ужас утр моих! — Мешки для муки, для пшена, для соли, для сахару... Бетон для масла не забыть... — Писать нельзя. — Разбита.

Если с пайком так, с пайком, находящимся на Петровке — Молочный магазин № 48 как мне от себя ждать, что я когда-нибудь буду сидеть в вагоне, везущем меня в Таганрог — в Ревель — etc.

Единственное, куда я уеду, это на тот свет. — Я это знаю. —

Письмо к Вячеславу Иванову

(30ая мая ст.ст. 1920 г.)

Дорогой Вячеслав Иванович!

Сейчас уже очень поздно, — нет, уже очень рано! — первые птицы поют.

Мне только что снился сон про Вас: Вы уезжали, Вы наконец получили свободу и уезжали, и обещали мне зайти проститься: — «Только я приду к Вам очень поздно, — нет, очень рано, я всю ночь буду укладывать. Только сами уж стерегите меня на дороге, не пропустите!»

И вот, я решила вовсе не идти домой, ночь тянется, гаснут огни (мы не в Москве, а на каком-то рыбацьем островочке, везде море и сети. — Я поставила перед собой Алю, но Аля засыпает, отношу ее на руках домой, лезу на какие-то скалы. Дом на огромном высоком камне, вокруг пропасть. (А вдруг Аля проснется и спросонья упадет в пропасть, а вдруг во сне выйдет из дому?)

Но всё-таки оставляю ее, иду на прежнее место, становлюсь, жду Вас. — И постепенный тихий ужас: а вдруг Вы уже прошли, пока я относала Алю? — «Стерегите меня», — а я ушла, не устерегла, и Вы уедете, я Вас никогда не увижу.

Каменею. — Жду. — (Такой простой сон, слёзы текут, слизываю.)

И вот — уже сереет, ветер, кусты движутся — и вот из-за скал и камней — Вы. Издалека различаю Вас: черная фигура, волосы на ветру. Не

окликаю. Идете медленно, подходите, почти рядом. — «В<ячеслав> И<ванович>!» — Но Вы не останавливаетесь, не слышите, глаза закрыты, дальше идете, раздвигая спящими руками ветки.

Потом — провал в сне — помню себя влезавшей на отвесную скалу, не за что ухватиться, Вы наверху, Вы сейчас уйдете, не прошу, чтобы помогли, сами протягиваете руку — улыбку Вашу вижу! — руки не беру, Вы не можете меня втащить, это я Вас стащу. И отпускаю руками стену — чтобы руки не взять! — рухаю в пустоту.

И это рухаю еще длится! — Проснулась и не прошло!

Потому что Вы уезжаете! — Я вчера видела Б<альмон>тов, виза получена, уезжают.

И сон — от этого. Только сон верней, п<отому> ч<то> слёзы-то текли — из-за Вас! — сторожила-то я — Вас! — Алю-то бросила в страшном доме — из-за Вас!

— Дружочек! — Это такое горе! — А сегодня надо идти за пайком и радоваться, что получила!

И это растравление: что Вы еще здесь, что еще несколько дней будете здесь, что Вас будут видеть столько людей, — все, кроме меня!

Беру Вашу руку — одну и другую — прижимаю к груди — целую.

И вопрос — и просьба — и — заранее! — покорность.

МЦ.

Да, нечего скрывать: из рук вон плох

Мой день — вечерний } с самого начала.
 полночный }

Но остается перед Господом мой вздох:

Биений сердца своего — я не считала!

или:

...Мой день. — Я голубя с змеей не сочтала!

Проще, — d'un jet¹! — первое, второе — умней (хуже.)

¹ сразу (фр.).

Сказка Андерсена «Мать». — Отдай мне свои сапожки, — я скажу. — Отдай мне свои сережки, — я скажу. — Отдай мне свои запястья... — глаза — зубы — волосы —

Обо мне — сказка.

Только — —

Только никто, когда отдаю, не говорит, ибо ни у кого, когда отдаю, не спрашиваю.

Вся сказка бессмысленна.

Вся я — бессмысленна.

Выходит: просто какая-то дура швыряла в реку — башмаки, в огонь — волосы, в передник нищенки <над строкой: шляпу нищего> —

глаза, (к<отор>ые ^{тому} не нужны) — и т.д.

— О! — ^{той}

Москва, 31ая мая ст.ст. 1920 г.

НН!

Мне так — так много нужно сказать Вам, что надо бы сразу — сто рук!

Пишу Вам еще как не-чужому, изо всех сил пытаюсь вырвать Вас у небытия (в себе), я не хочу кончать, не могу кончать, не могу расставаться!

У нас с Вами сейчас дурная полоса, это пройдет, это должно пройти, ибо если бы Вы были действ<ительно> таким, каким Вы сейчас хотите, чтобы я Вас видела (и каким Вас — увы! — начинаю видеть!), я бы никогда к Вам не подошла.

Поймите! — Я еще пытаюсь говорить с Вами по человечески — по своему! — добром, я совсем Вам другое письмо писать хотела, я вернулась домой, захлебываясь от негодования — оскорбления — обиды, но с Вами нельзя так, не нужно так, я не хочу забывать Вас другого, к к<отор>ому у меня шла душа!

НН! Вы неправильно со мной поступили.

Нравится — разонравилась, нужна (по Вашему: приятна) — неприятна, это я понимаю, это в порядке вещей.

И если бы здесь так было — о Господи, мне ли бы это нужно было говорить два раза, — один хотя бы?!

Но ведь отношение здесь шло не на «нравится» и «не нравится» — мало ли кто мне нравился — и больше Вас! — а книжек я своих никому не давала, в Вас я увидела человека, а с этим своим человеческим я последние годы совсем не знала куда деваться!

Помните начало встречи: Опавшие листья? — С этого началось, на этом — из самых недр, — до самых недр — человеческого — шло.

А как кончилось? — Не знаю — не понимаю — всё время спрашиваю себя: что я сделала? М<ожет> б<ыть> Вы переоценили важность для меня — Ваших рук, Вашего реального присутствия в комнате, (осади назад!) — эх, дружок, не я ли всю жизнь свою напролет любила — взамен и страстнее существующих! — бывших — небывших — Сущих!

Пишу Вам в полной чистоте своего сердца. *Я правдива*, это мой единственный смысл. А если это похоже на унижение — Боже мой! — я на целые семь небес выше унижения, я совсем не понимаю, что это такое.

Мне так важен человек — душа — тайна этой души, что я ногами себя дам топтать, чтобы только понять — справиться!

Чувство воспитанности, — да, я ему следую, — здравый смысл, да, когда партия проиграна (раньше, чем партия проиграна), но я здесь честна и чиста, хочу и буду сражаться до конца, ибо ставка — моя собственная душа!

— И божественная трезвость, к<отор>ая больше, чем здравый смысл, — она-то и учит меня сейчас: не верь тому, что видишь, ибо день сейчас заслоняет Вечность, не слышь того, что слышишь, ибо слово сейчас заслоняет сущность.

Первое зрение во мне острее второго. *Я увидела Вас прекрасным.*

Поэтому, минуя «унижение» — и — оскорбления — всё забывая, стараясь забыть, хочу только сказать Вам несколько слов об этой злополучной книжечке.

Стихи, написанные человеку. Под сеткой стихотворной формы — живая душа: мой смех, мой крик, мой вздох, то, что во сне снилось, то что сказать хотелось — и не сказалось, — неужели Вы не понимаете?! — живой человек — я. —

Как же мне всё это: улыбку, крик, вздох, протянутые руки — живое!!! — отдавать Вам, к<оторо>му это нужно только *как стихи*?! —

— «Я к этой потере отношусь не лирически», а стихи-то все, дар-то весь: Вы — я — Вам — мое — Вас... Как же после этого, зачем же после этого мне Вам их давать? — Если только как рифм<ованные> строки — есть люди, к<отор>ым они более нужны, чем Вам, ибо не я же! — не моей породы поэты — Ваши любимые!

То же самое что: тебе отрубают палец, а другой стоит и смотрит, — зачем? Вы слишком уверены, что стихи — только стихи. Это не так, у меня не так, я, когда пишу, умереть готова! И долго спустя, перечитывая, сердце рвется.

Я пишу п<отому> ч<то> не могу дать этого (души своей!) – иначе. – Вот. –

А давать их – только п<отому> ч<то> обещала – что ж! – мертвая буква закона. Если бы Вы сказали: «Мне они дороги, п<отому> ч<то> мне»..., – «дороги, п<отому> ч<то> Ваши», «дороги п<отому> ч<то> было»..., «дороги, п<отому> ч<то> прошло», – или просто: дороги – о, Господи! – как сразу! как обеими руками! –

– А так давать, – лучше бы они никогда написаны не были!

– Станный Вы человек! – Просить меня переписать Вам стихи Д<жалало>вой – привет моей беспутной души ее беспутной шкуре

Зачем они Вам? – Форма? – Самая обыкновенная: ямб, кажется. Значит, сущность: я. – А то, что Вам написано, Вами вызвано, Вам отдано, – теряя это (даже не зная – что́, ибо не читали) Вы не огорчены лирически, а просите у меня книжечку, чтобы дать мне возможность поступить хорошо. – Не нужно меня учить широким жестам, они все у меня в руке.

– Как мне бы хотелось, чтобы Вы меня поняли в этой истории со стихами – с Вами самим!

Как я хотела бы, чтобы Вы в какой-нибудь простой и ясный час Вашей жизни просто и ясно сказали мне, объяснили мне: в чем дело, почему отошли. – Так, чтобы я поняла! – поверила!

Я, доверчивая, достойна правды.

Устала. – Правда как волна бьюсь об скалу (не не-любви, а непонимания!)

– И с грустью вижу, насколько я, легковесная, оказалась здесь тяжелее Вас.

МЦ.

– И на фронт уходите и не сказали. –

Так, выбившись из страстной колеи,
– Настанет день – скажу: «Не до любви!»
Но где же на календаре веков
Тот день, когда скажу: «Не до стихов!»

(Можно было бы – обратно!)

Целый день писала: сначала письмо к НН (передала через Алю) – потом «Ученика» – написала чудесную песенку, сама наслаждаюсь (как чужой) – с таким припевом:

Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!

Пусть это у меня в 1ой картине — на сон грядущий — поет ученик, так он уже совсем я.

Встреча с НН. в саду. Мой лепет про покойника (выдумала вчера, всю ночь хохотала одна — вслух — до утра — не могла спать!)

— «НН, у меня есть к Вам маленькая просьба: у одной моей знакомой дамы умер муж, — и вот — ее выселяют с квартиры, не могли ли бы Вы взять его к себе — пока — потом, когда она найдет квартиру, она опять его возьмет...»

(Говорила, сдавливая, проваливая смех в горло, потому — робко — неуверенно — естественно, точно стесняясь.)

— «Т.е. кого — его?» (Пауза) — «Покойника?»

— «Да.»

— «Во первых я здесь сам живу без прописки, во вторых — куда же я его помещу?»

— «Я думала, — в проходной комнате.»

— «Т.е. там, где я развешиваю хлеб?»

— «Да. — Не надолго, на неделю, она наверное скоро найдет квартиру.»

— «Но он в неделю отравит мне весь воздух. Нет, не могу, отказываюсь.»

— «Я так и думала», (и, не унывая:) — «тогда у меня другая просьба: не могли ли бы Вы его нарисовать, так, по памяти?»

— «?» —

— «П<отому> ч<то> карточки нет, а сам он сейчас ужасно непохож. — Так... скомбинировать...» затем, побезумившись, изложила, в чем дело.

— «Я Вам отвечу через 3 дня, п<отому> ч<то> меня посылают на Зап-Фронт...»

Слушаю, не сморгнув. Сердце рухает.

Говорила ему что-то о Будде, что читала вчера его жизнь, он что-то начал советовать, я: — «Впрочем, особенно я им заниматься не буду!»

Он: — «Конечно! Что Вам — Будда?!»

(Наглость.)

...«Вы мне отравили много прекрасных вещей: Природу — Будду — Марк Аврелия...»

Он, самодовольно: — «А Вы мне — ни одной. Даже Блока отравить не смогли...»

Я, падая с облаков:

– «Я — Блока?! Да чем же, да как же... Да понимаете ли Вы, что Вы говорите?»

– «Своим ожесточенным восторгом...»

– «Я — кому-нибудь — что-нибудь — отравить?! О, знаете: Вы очень дурной человек!»

– «Я вам говорил, что Вы будете меня очень не любить.»

Потом — со зла — говорю ему, что выстригла всю его книжку.

– «Жалко. Жалко, что не сдержали обещания — и самой книжки жалко.»

– «Я же *только написанное*, переплет остался, можно вклеить новые листочки.»

– «Нет, всё-таки будет не то. И весь поступок нестройный: сначала написать, потом вырезать, потом заново написать, опять вырезать... Лирически мне не жаль!»

– «Но я то — сплошь лирика!»

(Вчера у Бальмонта узнала, что меня какие-то «исты» пропечатали на букву е под заголовком: интимисты.)

– «Книжечка была дана Вам с доверием...»

– «Вам больше было дано, Вам душа была дана — с доверием.»

– «Я не брал на себя никаких обязательств.»

– «Принимая подарок Вы тем самым обязываетесь беречь его...»

– «Но иногда дарят то, что ни самому, ни другому не нужно...»

(К чести его сказать: эту реплику он проглотил, — или — тогда уж — не к чести — остроумия не хватило! — Жаль — немножко наглости больше — не в счет, а я бы любовалась и быстротой выпада и точностью.)

Потом, в комнате:

– «Вам очень скучно?» (Он, прямо глядя в глаза:) — «Нет, не очень.»

Потом, по какому-то поводу:

– «Нет, я люблю живое и настоящее...»

Я, уже искренне смеясь:

– «Господи! У меня сейчас на губах горит...»

– «Скажите, ежели на губах горит...»

(Он или комедьянт — или маньяк — или ничтожество.)

– «Что Вы, в конце концов, думаете обо мне...»

– «По правде сказать — никогда не думал, но ежели бы подумал,

Вы наверное услышали бы много приятного...»

– «Приятного? Я уж и так его сейчас слышу со всех сторон...»

– «Ну, услышали бы еще от меня...»

Явление его приятельницы. Истерическое поведение, она кого-то не может дожидаться, ждать здесь не хочет, уж лучше дома сидеть, книжку читать — голос рвется, как нитка — если придет, угостите редиской, редиска в миске, — реплики НН, оснащенные его обычными: «неприятно», «ежели», «огорчительно» — она потом вернется, дома книжку читать, редиска в миске, — остолбенев, боюсь двинуться — уходит. Через секунду — последним фортепьяно — «НН! Я уйду и не приду, что взад вперед ходить, лучше совсем не приходиться.» — Меню обеда, количество порций, упоминание о другом НН — тоже художнике — тоже живущем здесь (даже у моего (хорош — мой!) НН. в комнате) — чувствую что уже схожу с ума — и этот НН *тоже* не ест селедки. — НН: — «Давайте, я сейчас подумаю»... И я: — «А пока Вы думаете, я пойду. — До свидания.»

--- Что? ---

1ая старого июня — кажется.

Ирину было легко спасти от смерти, — тогда никто не подвернулся.

Так же будет со мной.

Соблазнюсь когда-нибудь — дорогой — «все уезжают, надо же куда-нибудь уехать!» — а потом — другие: «Как жалко! Если бы мы знали...»

А со мной никогда ничего <не> узнаешь: — я слишком стара — даже для своих 27 лет, чтобы решаться — с людьми — быть настоящей. Раз сами не помогают, — бессмысленно просить помощи.

Живу, придавленная, почти раздавленная, большая *волей*, брошенная всеми, не только не необходимая и не нужная — но не *willkommen*¹ даже! — никому.

Аля играет в куклы, мечтает научиться шить, отходит понемножку, с возрастом она становится ребячливой, — да и слава Богу.

Отъезд.

Для отъезда нужны не: голод, холод, веселье, смирение, героизм etc. — а — деньги, разрешения, *продажи*!!! — День за днем: не писать, не дышать, — продавать! Без веры и без возможности уехать, ибо тут же тратишь!

¹ желанная (нем.).

3^я русск <ого> июня 1920 г.

Бальмонт рассказывает, как недавно возвращал кому-то книгу с оторванным последним листком:

— «Даю Вам честное слово, что это не я растратил...» нетерпеливое движение пальцами, ищет слова:

...«не я разграбил... — Так и не мог припомнить!.. Как это показательно для мозгового переутомления!»

Я: — «Для Москвы 20 года — показательно!»

(Растратить — разграбить.)

Моя мать, единственная дочь светских родителей (отец был пажом Александра II, мать — княжна Бернацкая) воспитанная в неизмеримой дали от всего простонародного, обожала черные грязные стручки на лотках, кочерыжки и всякую дрянь.

Серьезно: «Это у меня от кормилицы.»

Не от кормилицы ли и у меня это тяготение к людским стручкам на лотках, кочерыжкам и всякой дряни?

(За исключением С<ережи> и В. А<лексее>ва — сплошь стручки! — НН — кочерыжка!)

Кормилица моя, кстати, была цыганка.

Когда ей «на зубок» дедушка подарил серебряные вызолоченные серьги она — оттого что не золотые — вырвала их чуть ли не с мясом из ушей и до того топтала, что, по маминым словам, — и следу не осталось!

Нет, очевидно — не кормилица моя виновата, я и за медяшку — и без медяшки! — целую руку.

(Польская кровь, — Вы, бабушка!)

Читаю где-то: «L'amant est le premier châtiment de l'amour.»¹

Я бы сказала: «L'amour est le premier châtiment de l'amant.»²

Baisée — brisée — bronzée.³

¹ Возлюбленный — это первая кара любви (фр.).

² Любовь — это первая кара возлюбленного (фр.).

³ Целуемая — разбитая — бронзовая (фр.).

Жизнь мужчины, погибшего от любви, стройна: ибо рожденный от женщины, умирает от женщины.

А м<ожет> б<ыть> и женщина — от женщины (от себя же, ибо любит — Любовь!)

«Я не виновата в том, что все вы так прекрасны!»
Эта Асина фраза — гениальна.

Аля, рассказывая что-то о цыганах из Дворца Искусств (дружит с семьей)

— «О, Марина! Какой у них дар — брать и давать!»

(Кормят ее обедом и ужином почти насильно, раньше служили у графов, простые.)

2^я июня 1920 г. — Знакомство с Т.Ф.Скрябиной. —

Женщин я люблю, в мужчин — влюбляюсь.
Мужчины проходят, женщины остаются.

Однородность породы: Беттина — Майя — Сонечка Голлидэй. Я — той же, но слишком высока ростом, это делает меня — *немножко* серьезней — (рост — oblige¹!) — внешне.

И еще — славянство!

(Не плачу при всех. Экспансивна — только в радости, и то не в большой. Если бы напр<имер> С<ережа> вернулся, я бы — внешне — не сходила с ума.

Экспансивна — настезь открыта! — только в приключении. Здесь я дома.)

Мой дом, как я. У других: в такое-то время можно, тогда нельзя. Ко мне все — в любое время, и я для любого — в любое — отрываюсь от стихов и дел, — зря, из гостеприимства. Никакой внешней преграды. — Как я. —

¹ обязывает (фр.).

4/17 мая<июня> 1920 г., день рождения Бальмонта.

Пирог у Бальмонтов. — 53 года. — Бальмонт безумно торопится к Луначарскому, огорчает Елену, я боюсь дышать, всем существом страдаю от присутствия чужих в комнате (и своего, стало быть), умоляю глазами Алю и Мирру не дышать.

Думаю о Бальмонте. 53 года — Бальмонт — и: кто друзья?

— Несколько пожилых женщин — Сандро Кусиков — и мы с Алей.

Каждодневные, — верные, из тех, к<отор>ых в любую минуту вступишь в комнату.

Потом — потом вся Москва!

Я, руку на сердце положа, так же люблю Елену, как Бальмонта.

Эта маленькая змеиная головочка с прекрасными влажными глазами, отсутствие тела, — одна линия! — улыбка — смесь иронии с *sensibilité*¹ — природное великодушие всего существа — невынесение и тончайшее чуяние мещанства, — общее со мною отношение к детям — нелюбовь к куклам, лоскуткам, подробностям — тончайший такт, умение любить *делом*, сухогато, деловито, вне слов — при такой любви к слову! — и — главным образом! — ее любовь к Бальмонту, благородство этой любви! — Ее ответ Мирре: — «Сначала Б<альмонта> — потом стихи — потом уже тебя, — когда ты пишешь стихи!»

Любовь к ребенку — существу, ребенку — сущности, отсутствие *femelle*² в материнстве, — моя порода! — не женщина, а существо.

И эта строгость к Мирре, так напоминающая мамину ко мне, мою к Але, и этот культ умершей матери, традиции генеральской дочки + культ Бессонной Ночи — умение не есть, не пить, не жить, — *быть!*

Никогда мне не сказала ни слова, что любит, — а сколько любви: полусоюзнической, полуматеринской!

Она меня любит больше и делает это лучше, более по моему, чем Бальмонт!

А Мирра — вся его порода! Быстрая, открытая, вся в первом движении, сияющая, добрая, щедрая, так легкобессердечная!

Насколько Елена сложна, настолько Б<альмон>т и Мирра не сложны, настезь-раскрыты!

¹ восприимчивостью (фр.).

² самки (фр.).

Вчера. На черном ходу, у самой двери с ужасом замечаю, что была у Б<альмон>тов ключи. Возвращаюсь. Иду медленно. Ползу. (Зимний кошмар с ключем!) В окне Елена в любимой моей белой шали. — «А мы уже собирались к Вам! Я сразу подумала, что Вы не решитесь придти!»

Идут меня провожать. *Неописуемое небо*. Б<альмон>т, останавливаясь — голова заброшена — летит — голос блаженный, спящий:

— «Я никогда не забуду этого неба! Оно уже во мне — навеки! — Марина! — в 1^м день Пасхи я шел этой же дорогой — в этот же час. Я поднял голову и увидел... (блаженно:) стаю морских чаек! Это была собственно не одна стая, она разделилась на три, — три стаи! — Где садится солнце?» — Я показываю. — «Ну, да! Они летели на север!» — «В Норвегию», подсказываю я. — «Ну да, в Норвегию, туда же, куда мы едем. И я тогда загадал. — Неужели это осуществится? Марина, я тогда сердился, а сейчас очень счастлив, что Вы забыли ключи, иначе бы я не увидел этого неба. А теперь я его уже никогда не забуду.»

Проводили меня, я провожаю.

Расстаемся на углу.

Б<альмон>т, держа меня за руку: — «Теперь, когда я уезжаю, я могу это сказать. Для меня остается глубочайшей психологической загадкой...»

Смотрит на меня, любяще оценивает...

...«и не прельститься даже Бальмонтом!»

Сравните теперь оценку НН и оценку Б<альмон>та. Для Б<альмон>та глубочайшая психологическая загадка при: наличности того-то, того-то и того-то во мне — моей неуклонной верности¹.

Для НН — выражаясь деликатно: табун страстей.

(Дурак!)

Милый НН! Когда Вы свяжетесь (чего Вам от души желаю и что непременно будет) — с какой-нибудь тварью, вроде Д<жалалов>ой, тогда Вы вспомните меня.

¹ Вполне согласна, только он деликатнее меня, я бы на его месте сказала: некий идиотизм. (Примечание М. Цветаевой.)

Два рождения:
 из материнского чрева — на свет
 и
 из собственной груди — в мир.
 Женщина никогда не рождается в мир.
 («Девчонке самой легконогой —
 Всё ж дальше сердца — не уйти!»)
 Из «Ученика».

Мужчины всегда: или *trop corps* или *trop esprit* (дух) pour être une âme¹.

А женщины — может быть — *trop cœur*².
 Оттого то так и редки — существа.

Как я скорей склонна к мании преследования, чем к мании величия (хотя в конце концов и не сойду с ума), так, если на секундочку поделить всех женщин на тех, которые продают себя и на тех, к <о-тор>ые покупают себе — я несомненно — по замыслу своему — принадлежу к последним.

Не: раздеть, разуть, получить жемчуга, поужинать на счет мужчин и т.д. — и в итоге — топтать ногами

— а:

— одеть, обуть, купить часы с цепочкой, сама накормить ужином и т.д. — и — в итоге — быть топтанной ногами...

Я уже не раз чувствовала некое родственное умиление над чуть стареющими (возле 40!) женщинами, оплачивающими себе любовника.

Во первых: меньше любовника, чем любовь. Не надо так дурно думать: женщина бескорыстнее, чем кажется.

«Больше взять, чтобы больше дать», — это, кажется, формула.

Не завладев окончательно, и не дашь же! — Это вечное стремление моря в скалу! —

Материнское начало всего любовного в женщине.

— О, Жорж Санд! —

¹ слишком тело <или> слишком дух, чтобы быть душой (фр.).

² слишком сердце (фр.).

Единственная достоверность, к<отор>ую мы получаем от муж-
чины.

Я этой достоверности всегда предпочту недостоверность души.

Перечитываю сейчас *Quatre-vingt treize*¹. Великолепно. Утомитель-
но. Сплошное напряжение. Титаническое, как весь *Hugo*. Это перо сти-
хии выбрали глашатаем. Сплошные вершины. Каждая строка — фор-
мула. Всё мироздание. Все законы — божеские и человеческие. Безо-
шибочность утомляет. Есть тончайшие различия:

Он думал, что он непогрешим.

Он был — только безошибочен.

Из каждой страницы бы вышла книга. Пристрастие к очертанию
(архитектурности, может быть?)

Да. — Нет. — Черное. — Белое. — Добродетель. — Порок. — Мо-
ряк. — Воин. — Девушка. — Старик. — Дитя. — Роялист. — Республика-
нец.

Великолепие общих мест. Мир точно только что создан. Каждый
грех — первый. Роза всегда благоухает. Нищий совсем нищий. Девуш-
ка всегда невинна. Старик всегда мудр. В кабаке всегда пьянствуют.
Собака не может не умереть на могиле хозяина.

Таков *Hugo*.

Никаких неожиданностей.

Так, видоизменяя несколько фразу Вольтера о Боге:

Если бы Бог не создал мира, его бы создал *Hugo*.

— и создал бы таким же!

Hugo видит в мире только правильное, совершенное, до крайнос-
ти выявленное, но не индивидуально-выявленное.

Hugo создал *Эсмеральду* — саму *Причуду*, но не *Беттину*. И в *При-
чуде* у него — Закон: закон *причуды*.

Жизнь всегда перехитрит Творца.

Жизнь всегда перехитрит *Hugo*.

Никто так не видал общего в отдельном, закона — в случайном,
единого — во всем.

Мать — Колокольня — Океан — Полицейский — всё в порядке ве-
щей — и в таком *Порядке*, что даже я не восстаю!

О *Hugo*! Насколько это для меня огромнее и роднее Льва Толстого!

¹ Девяносто третий год <Пого> (фр.).

Но почему: такое отсутствие во мне тяготения к человеку? – Всё равно, что ел, что пил, как одевался, кого любил.

Творец исчез за творением.

А Goethe?

Не так же ли огромно творение?

Но откуда тогда это желание вверх по мраморным ступенькам, мимо богов и богинь, к нему, в белом жабо и шелковых туфлях с серебряными пряжками – преклониться – на колени! – руку взять – поцеловать.

И почему так важно и нужно: что ел, что пил, кого любил, как одевался?

Ведь тяготение – в конце концов – только к тому, за книгами которого – благодаря недостаточности или раздробленности словесного дара – чуешь большее (как мальчик с пальчик, по дороге бросавший камешки, по камешкам и идем).

А в Goethe мы, очевидно, *вопреки* совершенству словесного дара, чем большее.

Словом, что у другого была бы вся белая дорога в лучах 50 градусного солнца, у Goethe – только камешки.

Каков же – Дом!

Передала (корректно, – не лично – тогда через сотни рук на кафедре, в другой раз через маленького молчаливого ребенка – Алю) Блю стихи. – Не ответил. –

Написала В.Иванову письмо и отнесла табак. – Ни звука. –

Есть имя, есть – говорят – внешность и очарование.

В чем же дело? – Россия? – 20^м год? Или это поступки безумной? – Почему же они мне – во всей простоте сердца – кажутся *такими простыми*?!

(Впрочем, все сумасшедшие так рассуждают!)

Начинаю думать, что простота самая страшная из вещей (для обладателя <над строкой: хозяина> и для соседа.)

Чего во мне нет, что меня так мало любят?

Слишком 1^м сорт? (Для таких, как М<илию>ти напр<имер>!) – Вопреки всему словесному XVIII в. не возьмешь за подбородок!

Стало быть: и в Зем сорте – 1^м сорт!

(Нужно: в Зем – 4^м, тогда весело!)

Ну, а для «благородных» напр<имер>, как НН? Говорит-то благородно, а нет нет возьмет «да и поцелует руку!»

Лицемерия, — вот чего во мне не хватает. Я ведь сразу: «я очень мало понимаю в живописи», «я совсем не понимаю скульптуры», «я очень дурной человек, вся моя доброта — авантюризм», — и на слово верят, ловят на слове, не учитывая, что я это ведь так — с собой говорю.

Но надо отметить одно: никогда ни у кого со мной — ни оттенка фамильярности.

Может быть: мои — наперед — удивленные, серьезные, непонимающие глаза.

Любят тех с кем или весело — или невозможно — целоваться.

Со мной ни того, ни другого: немножечко лестно, — разве. Но сейчас каждому так легко самому возвеличивать других своим поцелуем (секретарь X или работает в каком-н<и>б<удь> Робдарвобл), что лестность отпадает.

— Стало быть...

Там, где у меня нет ничего любовного, — очарованности какой бы то ни было — у меня нет искушения быть доброй, таскать воду, давать селедки.

Надо прибавить, что я не выхожу из очарованности. (Пример: сапожники Гранские, — восторгаюсь воспитанностью, даю. Цыгане — то же самое, тогда с М<или>ти: сначала очарованность бездомностью, потом наглостью — и т.д. Така́я — корыстность.)

Там, где я не очарована, я разумна: селедка сейчас 1 000 р., — зачем давать?

Там, где я очарована, я безумна: селедка сейчас 1 000 р. — как же не дать?!

Или: как бы сделать, чтобы они (сапожники Гранские) эти селедки взяли?! — Еще бы 1 000 руб. дала в придачу!

Но: что такое селедка и 1 000 р.? — Две брэнности! А моя любовь к сапожникам Гранским? — Вечность. — То, на чем мир стоит! —

Следовательно: только когда я очарована, я разумна.

Скульптор зависит от глины, мрамора, резца и т.д.

Художник от холста, красок, кисти, — хотя бы белой стены и кус-ка угля!

Музыкант: от струн, — нет струн в советской России, конечно с музыкой.

Скульптор может ваять невидимые статуи, — от этого их другие не увидят.

Художник может писать невидимые картины, — кто их увидит, кроме него.

Музыкант может играть на гладильной доске, — но как узнать: Бетховена или Коробушку?

У ваятеля может остановиться рука.

У художника может остановиться рука.

У музыканта может остановиться рука.

У поэта может остановиться — только сердце.

—

Кроме того: поэт видит неизваянную статую, ненаписанную картину и слышит неигранную музыку.

—

Темно — и голос поет.

— Ни кисти, ни резца, ни струн: всё сразу: и зачатие и рождение.

Певец и птица — наисовершеннейшие из творцов.

—

Каждое совершенное творение — творец.

—

Почему такая болевая отзывчивость на всё внутреннее, и такое молчание на всякую внешнюю боль?

Мои ноги напр<имер>. От хождения в огромных мужских башмаках — сплошные кровавые подтеки, живое мясо, пузыри. И ничего — хожу — немножко медленней только, чувствую, что болит, но как-то не до этого. Только посмотрев, убеждаюсь, что д<олжно> б<ыть> очень больно, — сплошная рана!

—

Господи, когда я так летаю в таких башмаках, что бы это было — в человеческих!!!

Ho: es ist von Gott gesorgt, dass die Menschen nicht in den Himmel fliegen!¹ (В башмаках — по крайней мере!)

—

¹ Богом предусмотрено, чтобы люди не летали в небе! (нем.)

9ая стар. Июня 1920 г., вторник.

Сегодня должны были уехать Б<альмон>ты, не уехали, эстонское правительство не пустило. Все эти вечера — проводы, третьего дня у Сандро, вчера у Скрябиных, дрожание над каждой минутой, разрывающие души.

Б<альмон>т совсем неживой, Елена — как всегда — героиня. — Зачарованная птицей змейка! —

С отъездом Б<альмон>тов для меня кончается Москва. — Пустыня. — Кладбище. — Я давно уже чувствую себя тенью, посещающей места, где жила.

Для других я живейшая из живых, они не знают какая я бываю — была!

Целый день разбирала книги. — Алины старинные, мои наполеоновские, мои детские, — целая жизнь! И дадут мне за это — конечно — гроши, п<отому> ч<то> — я вне.

Недавно я, сидя на зеленом жестяном сундуке, ревела: громко и немножко declamatoire¹, — отводила душу.

— «Да, да, все уезжают, да, да, никто не берет, п<отому> ч<то> я не нужна, да, да, а я останусь со стульями и блюдами и «мужскими костюмами», я, к<отор>ой ничего не нужно! — а другие будут ходить по улицам Парижа и тропинкам Кавказа, а я умру — умру — умру»...

Аля утешала, но я не хотела, чтобы меня утешали, мне лучше было — так.

Отдала в Госуд<арственное> И<здательст>во две книги: Стихи с 1913 по 1916 г. и другую — за 1916 г. Не для печатания, конечно, — деньги. Около 40.000 р. (10 руб. строчка, 4 года «работы».)

Познакомилась с милой маленькой женщиной — вроде Эвы Ф<ельдш>тейн, но сердечнее — женой Марьянова. Пишет стихи и беспомощна, как цветок.

Чувствую нежность к Т.Ф.Скрябиной, — она точно с какого-то острова, где все говорят тихо и чувствуют нежно, — не только не русская, но — правда — не земная.

Говорит, еле касаясь слов, легко-легко.

¹ высокопарно (фр.).

Я люблю маленьких и нежных (Майя, Сонечка Голлидэй, жена Бродауфа, Елиз<авета> Моисеевна, Елена, жена Марьянова – Т.Ф. С<кря>бина) – по разному, конечно! – не сравниваю, конечно – но «все сестры в жалости моей!»

Это во мне мое мужское рыцарство говорит.

И женщины меня удивительно любят!

Как-то и по матерински (такая большая, сильная, веселая – и всё-таки...) и восторженно.

—

Мужчины не привыкли к боли, – как животные. Когда им больно, у них сразу такие глаза, что всё что угодно сделаешь, только бы перестали.

—

Розанов умирал под платом св. Сергия, – и соборовали и всё честь честью, – по розановски.

—

80 летняя старуха (мать моей бывшей начальницы), обожающая внуков и правнуков, настаивает на коммунальном воспитании и ни слова не понимает из моего скромного – смиренного – возражения: – «А по моему как-то естественно... чтобы мать... с детьми...»

—

Мой сон. Пустая предрассветная улица Ростова. Шинельные. (Полет.)

—

Добро <слово не дописано> – прежде всего – искусство –

—

Не вспоминаю о НН. – днями. Если он, действительно, всё это сделал (торг с Серезиными книгами, отношение к Але, наглость последнего разговора) – чтобы оттолкнуть меня, удивляюсь отсутствию в нем меры, хватило бы и десятой доли!

Но, подумав, неожиданно заключаю: ... чтобы оттолкнуть меня, – преклоняюсь перед его чувством меры: в большее я бы не поверила, меньшим бы он меня не оттолкнул!

—

10ая ст. июня 1920 г.

— «Мужские обеты и женские слёзы»...

«Я буду любить тебя всё лето», — это звучит куда убедительней, чем «всю жизнь» и — главное — куда дольше!

Что я умела в жизни? — давать! давать! давать! чего не умела в жизни? — продавать! продавать! продавать!

Смерть страшно близко, — как-то всё время в нее попадаешь. (Как раньше — в Любовь!)

Разговор с Алей:

Аля: — М<арина>! Хорошо, что Вы не судья! Целая толпа преступников и Вы всё время: «Вы украли? — идите», «Вы убили, — идите»... и они бы всё уходили, уходили. Вы бы наконец подняли глаза: от целой огромной толпы — ни человека, только Вы и портрет какого-н<и>-б<удь> главного на стене!»

— «Аля, что бы ты сделала с человеком, к<отор>ый зарезал: бабушку, дедушку, мать, отца, няньку и всех маленьких детей?»

Она, ни секунды не задумываясь:

— «Посадила бы в сумасшедший дом!»

— «А если бы он тебе ясно объяснил, что детей он убил, чтобы потом на суде не проговорились, — ведь дети непременно проговорятся, они же не умеют держать слова! — Ну, словом, он бы тебе доказал, что убивал он в полном рассудке и твердой памяти. Зарезал, п<отому> ч<то> хотел взять деньги. Грабеж — как цель, а как средство — убийство...»

— «Я бы всё-таки посадила его в сумасшедший дом. Только для сумасшедшего деньги дороже чужой жизни. — М<арина>! Правда, так хорошо: щедрым на свою жизнь и скупым на чужую?»

Вчера, после Б<альмон>тов: <не дописано.>

О, мои бедные книжки! Наполеоновская эпопея — и все любимые немецкие — Jean Paul, Kleist, Hoffmannsthal — и все детские — мои и Алины! — Но <не дописано.>

Море, — это гамак, качели, люлька, оно кругло, потому не огромно.

А река — стрела, пущенная в бесконечность.

Большая дорога.

Море — неподвижность.

Река — движение.

Река точно пловец, раздвигающий плечами, конь, раздвигающий грудь берега. Река — движением — создает себя. Она точно не успевает уйти в дно, п<отому> ч<то> движется.

11ая июня 1920 г. — русск<ого>

Мне жалко своей головы — забитой, задурённой целым днем ожесточенной разборки книг.

Автор — название — год — издательство — количество стр. —, — но это уже вторичная разборка — первая по языку, потом еще: детские от взрослых.

Всюду груды — кипы — стопки — горы, и ежеминутные обвалы — и еще: 2 т<ом> — где 1ая? — 1ая где-то — отрываюсь, ищу, всюду условные знаки, — так, целый день, и остановиться нельзя, п<отому> ч<то> чувство: теряешь время!

— О! —

Аля весь день с Миррой и Марой (Скрябиной), — с каждым днем всё ребячливее, невоспитаннее, уличнее, — толкается, дразнится, играет в лоскутки, — всё как все дети. Очень хорошо для ее здоровья — да. —

Что я могу сказать об Але? — М<ожет> б<ыть> я ее плохо знаю.

Со мной она — одна, с другими — другая.

Я и она в 7 л.

Я: страстная любовь к чтению и писанию, равнодушие к играм, любовь к чужим, равнодушие к своим, вспыльчивость, переходящая в ярость, непомерное самолюбие, рыцарство, ранняя любовная любовь, дикость, равнодушие к боли, сдержанность и смущенность в ласке, — всё добром, ничего злом! — *строптивость*, отпор, упор, — растроганность до слёз собственным пением — словом — интонацией — не-

любовь и презрение к грудным детям, — желание потеряться, пропасть, полнейшее отсутствие непосредственности: играла для других, когда глядят, *упивание* горем (*tant pis — tant mieux!*), ожесточенное упрямство (никогда — зря!) — сломишь, а не согнешь! — природная правдивость при отсутствии страха Божьего. (Бог у меня начался только с 11 ти лет, да и то не Бог, — Христос, — после Наполеона!) — вообще отсутствие Бога, — полуверие, недуманье о нем, любовь к природе — болезненная, с тоской, с наперед-расставанием, каждая березка — как гувернантка, к<отор>ая уйдет. — Мальчишество. — Конскость. —

Вся — углами, остриями.

Аля: Уступчивость, *водность* всего существа. Полнейшая непосредственность: абсолютно не позирует. Себе не нравится и собой мало занята. Я была даровитым ребенком — есть детские тетрадки — она гениальный. Живет, пlying. Полное непротивление. Щедрость — отчасти от равнодушия. Дар слова уже сейчас равный дару души. Отмечание тончайшего. В сложнейшем — дома. Слабость — трусость — медленность — вот уж не героиня в боли! — думаю от угрозы может предать. Не любит детей и игр не по призванию, а потому что первые бьют, вторые не даются. Посади ее в любую настоящую семью — она будет счастлива. Внучка — для бабушки, как я — дочь для отца, хотевшего и ждавшего сына.

Аля — *Lieblingskind*², так и вижу ее, отраженную в зеркальном паркете какого-н<и>б<удь> знатного дома.

Легкая ласковость, щедрость на ласку, и не любя целует много — в ответ, из деликатности, — ни одной мужественной добродетели, ни искры мальчишества. Исключительная любовь к природе. Сосредоточенность на мне, служение мне <не дописано.>

Острейшее чувство оценки и иронии (— то, что дочиста отсутствовало во мне лет до 10^ш), понимание наружности, часто — отношение по наружности, и не по красоте или не красоте, а по особенности: так, Вячеслав и Бальмонт для нее красивы.

Веселость на людях, умение невинно радоваться, уверенность в себе, как итог не думанья о себе, при гениальности — разумность (м<ожет> б<ыть> от физ<ической> трусости). — Думает обо всем, кроме себя. — Не я, а Мир. —

Терпеливость, незлобливость. Сияющая восторженность (у меня в детстве — мрачная.)

¹ чем хуже — тем лучше! (*фр.*)

² любимица (*нем.*).

Аполлоничность — гармония — отрешенность какая-то, — современность.

— А главное — главное — главное — искусство любить, *le génie de l'amour*¹.

— «Я себя чувствую так, точно у Вас жар» — ведь это то же самое, что у *Mme de Sévigné*: — «*J'ai mal à Votre poitrine*»², — вся разница в том, что Г-жа де Севинье знала, что говорит, Аля — нет.

О ней многие думают: монашка, — безответная, — не от мира сего. Я бы сказала: от мира *всего*!

И не монашка — о нет, вообще как-то вне Бога, упор не в Боге (как у меня), — грех передо мной — да, перед Богом — нет. И крестится на церковь так же: героически, восторженно, почти вызывающе.

Аля + я — вот вам Жанна д'Арк!

Меч действия + ее всевидящие глаза.

ОТЪЕЗД Б<АЛЬМОН>ТОВ: второй — удачный.

Темная загроможденная комната. Мечущаяся Елена. Почти мертвый Бальмонт. Лихорадочная, сияющая Мирра. Грустный Сандро. Вера Зайцева: плачет и смеется (люблю ее!), Б. Зайцев молчит (равнодушна). Брат Елены выносит сундуки и мешки. Аля льнет к Б<альмон>ту. На столе тысяча коробочек из под англ<ийских> папирос (общая у нас страсть с Б<альмон>том.) Б<альмон>т угощает папиросами. — Сижу на окне, как всегда скромная и боящаяся быть замеченной. Отсидев свое, прыгиваю, помогаю К<онстантину> К<онстантино>вичу вытаскивать вещи, — последняя минута моей деятельной любви! —

Оправляю на Мирре платье, закалываю булавочкой. — «Марина!» — это Елена говорит — «вот для Али платьице, я дам дворничихе выстирать. А полотняные тряпки Вам нужны?» — «О, спасибо, Еленочка, обожаю тряпки.» — «У меня их множество. А шапочка Але нужна?» — «Очень! Я так люблю шапочки!» — Красная вязаная, немножко военная (вроде *shaco*³), — очарование. — «И морской костюмчик есть, — Мирре он мал, чудесный полосатый синий с белым, она носила его (не помню где), — не забудьте, Маринушка, он в комнате у Анны Ник<олаевны>, непременно возьмите!» — Стягивает ремни на двенадцатом

¹ гений любви (*фр.*).

² Г-жи де Севинье: «Мне больно у Вас в груди» (*фр.*).

³ правильно: *schako* (*фр.*) — кивер.

чемодане, — не стягивается, — стягиваю — стягивается. Б<альмон>т рассказывает историю — вслушиваюсь — последняя! Брат Елены: — «А когда Вы кончите, К<онстантин> Д<митриевич>, надо будет трогаться».

История: Б<альмон>т с Еленой в Алекс<андровском> саду находят сумочку. За ними трое, к<отор>ые тоже очевидно собирались ее найти, но с другими целями, ибо «в краях глаз у них была пляска»...

<Одна страница не заполнена.>

<Дата не вписана>, *четверг*.

Уединение и Одиночество.

(додумав, определить.)

Мужчина более ребенок, чем женщина, ибо играет в серьез.

А может быть:

Женщина, говоря, что играет — серьезна, мужчина, говоря, что серьезен — играет.

Женщина играет во всё, кроме любви.

Мужчина — наоборот.

В книгах я помню только то, что мне необходимо. Остальное — сметает как метлой.

Быстро — быстро — быстро — ни пером ни мыслью не угонюсь — думаю о смерти.

Рана: маленькая дырочка, через которую уходит — Жизнь.

Смерть для меня будет освобождением от избытка, вряд ли удастся умереть совсем.

Я, более чем кто-либо достойна умереть через кровь (ein Blutstrahl!¹), с грустью думаю о том, что неизбежно умру в петле.

Кровь — ведь это Стенька Разин, лев в клетке! Как она, наверное радуется — как ринется, как рванется в маленькое отверстие пули или ножа!

¹ поток крови! (нем.)

Христос не подумал о том, что́ такое для женщины — его учение, для молодой женщины, для отрешившейся женщины!

Где мне взять гордыню отказа, как не в непреложной уверенности, что я просящему — не нужна.

Где мне взять эту непреложную уверенность?

Самосохранение — в чем оно у меня?

Не жалею себя ни на тяжести, ни на грязь, ни на чужие — равнодушные — дела, не говоря уже о бессоннице и голове, которые меня восхищают от земли!

Так, не жалея себя никогда — ни на что — просто инстинкта нет! — откуда и каким чудом я добуду себе голос, которым говорят: нет.

М<ожет> б<ыть> — если бы близкая любовь меня больше радовала — я бы и сумела в ней отказать, — если бы мне самой пришлось отказываться.

Но этого нет — как нет и отвращения — и:

— Ça lui fait tant de plaisir — et à moi si peu de peine!

Les jours se suivent — les moments se suivent — les amants se suivent et ne se ressemblent pas².

(Через moments — amants — словесным образом — забавная истина!)

Никогда ни с кем не целоваться — понимаю — т.е. не понимаю, но не безнадежно, — но если уж целоваться — под каким предлогом не идти дальше?

Благоразумие? — Низость! Презирала бы себя.

Меньше потом любишь? — Неизвестно, может меньше, может больше.

Верность? — Тогда не целуйся.

Пишу чудесные стихи, между прочим четверостишия и пятистишия. Есть такие:

¹ Это доставляет ему столько удовольствия — а мне так мало огорчения! (*фр.*)

² Дни сменяют один другой — минуты сменяют одна другую — возлюбленные сменяют один другого — и все не похожи друг на друга (*фр.*)

Две руки — и пять на каждой
Пальчиков проворных,
И на каждом — перстечек,
(На котором — по два!)

К двум рукам — все пальцы — к ним же
Перстеньки прибавишь —
Не начтешь и пятой доли
Тех, кого любила!

—
(Думала — четверостишие, оказ<алось> — восьмистишие.)

—
Плутая по своим же песням
Случайно попадаю в души:
Но я опасная приبلуда:
С собою уношу — весь дом!

—
или:
Предупреждаю: не впускайте!
С собою унесу — весь дом!
(Как лучше?)

—
Плутая по своим же песням
Случайно попадаю в души.
Предупреждаю: не жилища!
Еще не выстроен мой дом!

—
Был Вечный Жид за то наказан
Что Бога прогневил отказом.
Судя по нашей общей каре:
Кто Богу отказал и тварям
Кто не отказывал — равны.

—
Завтра будет: после-завтра!
Так Любовь считает в первый
Час, — а в час последний: — «Хоть бы
Нынче — было век назад!»

В.Д. М<цзяо>ти:

Птичка всё же рвется в рощу,
Как зерном ни угощаем!
Я взяла тебя из грязи, —
В грязь родную возвращаю!

(Ему — только это!)

Ты принес мне горсть рубинов, —
Мне дороже розы уст!
Продаюсь я за бильоны, —
За рубли не продаюсь!

Ты зовешь меня блудницей, —
Прав, — но малость упустил:
Надо мне, чтобы гость был — <слово не вписано.>
Во вторых, — чтоб не платил.

Ты зовешь меня блудницей, —
Слушай, выученик школ:
Надо мне, чтоб гость был вежлив,
Во вторых — чтоб ты ушел.

Ты зовешь меня блудницей, —
Верно, дитяtko мое!
Я не нянька, — не привыкла,
Чтоб из носика текло.

Решено: играем оба,
Но — притом — играем разно:
Ты по чести, я плутуя.
Но — при всей игре нечистой —
На́ смерть заиграюсь — я.

Никто, взглянувший, не встречал отказа. —
— Я не упомянула числа! —

Смеясь давала — и давала сразу:
Так Слава к Байрону пришла.

(Это сегодня!)

Затем и от Бога
Дано мне так много —
Чтоб людям раздавши — | тварь
Осталось для Бога! | всех одаривши

(Сейчас)

19ая ст. июня 1920 г.

— Господи, Господи, Господи! — Какое опустошение, какое отвращение к себе, какая тяжесть, какая нерадость ничему! — нежелание ничего!

Бессонная ночь? — Усталость

Перо валится из рук.

— Очевидно — дело не в понимании.

Акробаты и я.

<Далее четверть страницы не заполнена.>

Совесьть только тогда действ <слово не дописано> — когда она — страсть.

— Переводите! Переводите! Переводите!

— Но я хочу — писать!

И вот, вместо того, чтобы переводить пьесу, — пишу пьесу. Можно было бы: вместо того, чтобы писать пьесу — живу — пьесу!

Богородица Разлук.

(девушка в порту.)

Б<альмон>т не потому великий поэт, что он так пишет, а пишет он так потому что он Великий Поэт!

Рассказ Б<альмон>га о Vache (Ваш сак!) – Sale vache – полицейский – арест – Vive le bœuf!¹

Безответность и безответственность. Вот мой ответ на всё – и за всё.

(Можно было бы прибавить: бессовестность!)

Непритязательная достоверность никогда не бывает общим местом.

Раскрываю Châteaubriand – и – сразу – с первой строчки: Je suis né guillotiné.²

Я, восторженно: – О-о!

Читаю: – Je suis né gentilhomme.³

– Разочаровываюсь. –

Отсюда вывод: gentilhomme для меня в цене только, когда он guillotiné.

«Я Вас люблю» – «Красное солнце» – «черный ворон» – есть очевидно степень непритязательности и простоты, к<отор>ая избавляет слово, присущее всем устам, от становления его – общим местом.

Общее место: прекрасные мечты.

Прекрасное дитя – всегда ново!

Всё совершенное – готово при рождении. – Ist da⁴. – Успенский собор на цепях спущен с неба, Кавказ из недр земли встал таким, как есть.

Гора – лоб в мироздании.

Марина Мнишек любила *именно* Самозванцев, – не Царей!

¹ Корове – Грязная корова – Да здравствует бык! (фр.)

² Шатобриан: Я родился гильотинированным (фр.).

³ Я родился дворянином (фр.).

⁴ Вот (нем.).

Измена Самозванцу – этого страшней – нет.

Ветер – Любовник. (Richelieu!)

Вячеслав Иванов об Але: – «Открывает сердце и входит.» – Мне: – «С Вами не надо говорить, только изредка удостовериться: *здесь ли Вы думаете* – или уже дальше»...

(Думаете – как читаете!)

Из моих стихов – формула:

В час благодатный громовой –
Все горы – братья меж собой!

До уравниения низин мне нет дела, – а все горы уже – сами собой – сравнены!

Никогда гора не завидует горе, ибо только горы одни знают, как самой высшей из них – далеко до Бога!

ИЮЛЬ 1920 г.

Потом: Царь-Девича и встреча с Б<ебу>товым. Первая написана, вторая – не записана.

Некоторые слова ко мне Б<ебуто>ва:

– «Еврей! – Люблю! – А скажите, разорился хоть кто-н<и>б<удь> из них – из-за Вас?!»

– «Вам же нельзя верить! Вы сами себя готовы обокрасть, лишь бы <слово не вписано> другого и потом молиться на его богатство!»

– «Я никогда не видала такого дурного человека...»

– «А я – такого хорошего!»

Частушка Есенина: Россия-матушка!
 Да впала в лень она:
 Не вытащит да живота
 Да из под Ленина!

—

— «С птичкой берем, с домиком берем, — с отмычкой не берем!»
 (Царские — Думские — Советские. — На Кавказе.)

—

Агасфер дома.
 (Микобер. — Я.)

—

Когда умирает маленький ребенок, земля обогащается новым скелетом. — Мать и Мир теряют — целый мир.

—

Шкуру в придачу. (Свою и чужую — в любви.) Я не из тех, к<ото-
 р>ые подписываются на журнал из-за приложения.

—

Аля — обо мне: Вы — это самый разнообразный Зоологический сад.
 Кажется — увидел всё — и еще столько же.

—

Так, распирая ребра узкие,
 Разыгрываясь в высь и в ширь, —
 Расти, мое сердечко русское,
 Сильномогучий богатырь!

—

Почему все радуются, когда девушка любит в первый раз — и никто, когда во второй?

—

Я не прошу ни сердечности, ни рыцарства. Мне достаточно, чтобы со мной поступали прилично.

—

Всякая любовь — сделка.

Шкуру — за деньги.

Шкуру — за шкуру.

Шкуру — за душу.

Когда не получаешь ни того, ни другого, ни третьего, — даже такой олух-купец как я прекращает кредит.

—

Когда я говорю: вы легкомысленны — я тоже! — я — выходит — жестоко хвастаюсь — или — клевету на себя,

— ибо:

Другой, предупредив, что придет — не приходит, я же — и предупреденная, что не придет — сижу и жду.

—

В<олькени>тейн обо мне: Вы по сравнению с Валерием — подводная яма по глубине!

(Судите о Валерии! — (Биб<уто>ве)

—

Аля: Марина! Власть не должна быть веселой! А Советская власть — веселая власть, кумачная! Как в Театре, — погасят лампочки и снимут.

—

— «Марина! Преданность и предательство! Вся разница в конце!» — Пауза. — «Сначала все предатели — преданны!»

—

Я: Предел восторженности (моей! до идиотизма доходящий!): — луну звать солнышком!

—

Аля: — «М<арина>! У Вас сейчас лицо убитого льва!»

—

Зина М<илио>ти с *Алей* в Зоолог<ическом> саду, перед клеткой льва. *Зина*, серьезно: — «А лев похож на Марину Ивановну!»

—

Желаньице железное.

(для Царь-Девы. — Хорошо?)

—

АВГУСТ

Цыганка — Карга! — мне:

— Твои мысли в великом расстрой... А будет тебе персидская радость...

—

На конце Новинского бульвара сейчас табор. Лежат, визжат, едят, хватают, гадают.

Недавно — на Смоленском — высокая цыганка лет 30^м — орлиный нос и вьющиеся пряди из под платка — лицо — только профиль — медленно и нехотя расталкивая толпу — проходит. И вдруг — тяжким ударом — руку — раз на плечо какому-то парню — солдату — рязанскому, должно быть. — И тот, с испуганным смешком — пошел ведь, поплелся, — последнюю тыщенку отдаст, — он, мужик, исступленно торгующийся — и сейчас! — из-за десятки — отдаст за заведомо-брехню — которой не верит! — отдаст, п<отому> ч<то> боится, отдаст потому что она скажет: — Дай!

Это было — этот жест ее — руку на плечо! — определенно — не захват — спокойнее: вступление во владение.

—

Для простонародья цыганка — не женщина: чертовка, колдунья — чужое — так непригодное для употребления, что даже и мысли не может быть!

Так и я — несмотря ни на что!

—

Походка цыганок: подкидывают на ходу, — точно лягают — юбку. Сначала юбка, потом цыганка.

И каждый взлет юбки: Иди ты к Чорту! — Нога — юбке, юбка — встречным.

—

Femme perdue.

Ame perdue.

Ane perdu.¹ (без хозяина.)

— Я. —

—

¹ Потерявшаяся женщина.
Потерявшаяся душа.
Потерявшийся осел (фр.).

Когда меня бросают
я:
Плачу, как женщина.
Рукоплещу, как союзник.
Улыбаюсь, как мудрец
— и —
— поверх всего этого —
пою как птица!

Понимать творение — еще не значит быть творцом — только продвижение от *твари* к творению, ибо совершенное творение уже есть творец.

(Д<о> с<их> п<ор> — скоро 28 лет! — всё путаю: понимает Фауста — значит Goethe! — Понимает <не вписано.>
А вот: понимает небо — значит Бог! — Настаиваю!)

Всё мое отношение к людям — весь разлет моего маятника — между: желанием всё оправдать — и требованием быть во всем оправданной.

Я почти всегда унижена отношением к себе (не ко мне!) другого.

Спорный вопрос для другого — ладно, но вот для самого себя...
— Почти все таковы.

Б<ебуто>в — мне:
— «Как, Маринушка? И Царь-Девница, и Вы, и всё подсолнечное царство — туда, к Врангелю?! Словом: — «Теперь им чешутся Наяды!»

Бebutовский медведь:
— «В<алерий> М<ихайлович>, хотите каши?» — «Нет, Маринушка, — пускай медведь ест!»
— «В<алерий> М<ихайлович>, Вы будете спать?» — «Я — спать! Пускай медведь спит.»
Медведь еще дореволюционный — военный — фронтовой.

Как офицеру чего-н<и>б<удь> не хочется — сейчас на медведя: накурился — пускай медведь курит, письмо писать — пускай медведь пишет, — только вот в атаку медведя не посылали, — сами.

А большевики сказали: — «Пускай медведь сражается!» — и заключили Брестский мир.

Бебутов — чтобы сказать, что много путешествовал:

— «Я солю свою пищу на всех концах земли!»

Аля: — «М<арина>! Рыба от человека — прячется в воду, змея — прячется в землю, птица прячется в небо... А человек...»

Я: — «А человек от человека — в человека!»

— Самая старая из старух входит: — Н<иколай> В<ышеславцев>. Глаза двух других яростно и откровенно (старшая — с оттенком одобрения, младшая — снисхождения) впиваются мне в лицо. — Подымаю брови. — Закуриваю. — Входит. — Здороваюсь сурово, всем героизмом заставляя себя взглянуть ему в глаза. — Небрит. — Лицо сине-розовое. — Нос еще острее. — Садится возле меня. — Предлагает папиросу. (Раньше не было, — радуюсь.) — и — сразу, без обиняков — и без обращения: — «А как это у Вас — до: «получкой»? — «Утомлено». — «Не понимаю смысла. Я думал — ошибка.» Я, с добротой, чуть извиняясь: — «А вот видите, когда так много-много получаешь — целый день — понимаете? — ведь устанешь, да? — Захочется даром дать, — да? — По крайней мере, у меня, — хоть я» — глубоко задумываюсь... — «никогда много не получала. — Ни-че-го.» — «Гм... Вы так думаете? Но Вы свое... своеобразное чувство переносите на уличную (брезгливо) девчонку». — «О, здесь мы все равны.» — «Не согласен.»

Закуривает вторично. Мне не предлагает. Я, слегка обиженная, ухожу на кухню — ставить самовар. Чай без всего — ни-че-го. Пьем. Он пьет три — раз за разом — чашки, чай полезен для желудка, лицо осоловелой рыбы. Напившись — быстро (как от сахарина) встает и карьером — карьером вокруг стола — прощаться.

<Далее две страницы не заполнены.>

Август

Женщина, которая поэт, встречая мужчину бросает писать стихи и начинает целоваться.

Поэт, который — женщина, встречая мужчину продолжает писать стихи и начинает целоваться, занятие — которое — впрочем скоро бросает.

Аля: — Господи! Совсем как один из поэтов коммунистических, дворцовых!

...И Шер-Хан ходил взад и вперед,
(Джунгли.)

Всё, что не подвиг — подлость.
— теперь:
Всё, что не подлость — подвиг.
— скоро будет: —
не всё, что подвиг — подлость.

Дмитрий первый в России короновал женщину.

(Сентябрь — пишу 1 сцену Дмитрия, пропадаю от скуки с В<олькенш>тейном. — Не записываю.)

НОЯБРЬ

(Встреча с Ланном.)

Ланн: — «Ах, ваша подлая цветаевская порода! Сами же ложитесь под ноги, а потом — когда вас топчут — вы недовольны!»

— «Вам нужно верить — и нельзя верить.»

Надпись на Белую Стая Ахматовой:

Свистни — и я безоглядно побегу. — Помните? — Я помню Ваш голос.

Жду — льда и ветра — слова: Люблю. (ненаписанное стихотворение, ибо не могу так писать о столпотворении с Мариной в заглавной роли.)

По чести — жду этих слов не к себе, а «брошенных в небо» или (что лучше) — в чрево себе — Марине. Оно не оплодотворит — упадет готовым плодом. И пойдут от него богатыри — сыны Марины.

По человечьи, по душе теплыми человечьими живыми руками холить душу — это Вы в силе делать, Марина, — делать и не делать.

Я был в Ваших руках, в далекой колыбели, и Вы у меня качались в руках; и на концах пальцев остался след и радость от баюканья Вас в бессонные ночи с Вами и со своим сознанием бессилия забыть эти ночи.

Евгений Ланн.

Конец «Роланда»:

Мречат у врат огни.
Тихо к Восходу лечь.
Боже Святой!
Храни —
Руку и меч!

Конец Роланда (ланновского) лучшая для меня молитва о поле битвы и на поле битвы.

Ко мне: — «да ведь Вы же — Душа, чистойшей воды — Психея...»
и — ласково:
— Психеюшка!

Голос его: надтреснутая нежность.

Как хорошо по немецки: *Lebenskünstler* — и *Lebenskämpfer*.¹ — Первые реже.

Отрывки из писем к Ланну:

Из записной книжки: — переписываемся с Ланном на каком-то вестере поэтов:

Я: «Я из за Вас — путем таскания по лекциям — еще стану образованным человеком!»

Ланн: — Своей фразой² я поставил себе проблему, к<отор>ую вчера еще решить не мог.

¹ Жизнетворец — Жизнеборец (нем.).

² Мне — после 2ой бессонной ночи: — «Вам непременно нужно, чтобы от человека после Вас осталась пустая кожа на кресте, а рядом мешок с костями.» — Мне-то!!! (Примечание М. Цветаевой.)

Я: — Говорит, очевидно, о себе, о какой-то своей заботе. Но, раз говорит «фразой» — стало быть произнес ее, и я слышала. А я слышала только одну, перекричавшую — перегремевшую! — все.

Очевидно, думаем о разном.

Ланн: — Когда из себя даешь много, слишком много боли и крови, — печально слышать, что одна фраза перекричала все. — Я всегда затыкаю себе рот, если случайно бросаю «фразу» (к<отор>ая требует еще и еще «фраз») когда я вижу, что эта «фраза» дает тяжелый эффект. Не люблю я продолжать фразы объяснениями — я жду когда в себе искуплю ту боль, к<отор>ую дала эта фраза тому, кто ее слышал.

Теперь я искупаю.

Я: — «Как Вы меня еще не знаете! — Дома у меня есть к Вам письмо, — увидите. Я для того, чтобы удержать в себе человека, все рёбра себе обломаю, — только чтобы он был прав, а не я!»

Ланн: Когда я забываюсь — я говорю на своем жаргоне и забываю, что на жаргоне говорить нельзя. А потому не я прав, а Вы.

Я: — Неудержимые собеседники!

Кусочек письма:

Дружочек! — Только что расстались с Вами, на щеке всё еще чувство Вашей куртки. — Хочу быть с Вами и должна быть с Вами, — я сейчас обокрадена — Вы бы лежали и спали, я бы сидела и смотрела, я люблю Вас больше себя, мне совсем не нужно (до страсти нужно!) всё время говорить с Вами, я безумно боюсь Вашей усталости, — о, Ваше личико нежное, изломанные брови, кусочек уха под волосами, впалина щеки! — Пишу и уже чувствую теплую черноту Ваших волос под губами, на всем лице! — Я бы просто сидела рядом, Вы бы спали. — Ваши сверху заломленные руки! — Но Вы бы не заламывали рук, я бы упорно загоняла бы их под плэд. — Знаете, как я сижу? — Правая рука за Вашей спиной, левая у Вас под головой, тихонько и бережно соединяю обе. — Чувствую боком милый остов Вашего тела, такого пронзительного сквозь толщу всех плэдов и шуб! — Когда Вы, в первый раз после меня, ляжете ночью, почувствуйте, пожалуйста, меня возле себя, — я забыла, что лоб мой — на Вашем.

Обожаю Ваш лоб.

Вынула сейчас Вашу цепочку и поцеловала, — мне еще никто никогда не дарил цепочки — и как хорошо, что внутри, не на показ, так близко от души!

Вспомните меня — живую! — как я сидела возле Вас (и еще буду сидеть!) — обняв — и не обняв — слушая — любуясь — отстраняясь, чтобы лучше любоваться — вспомните меня!

Завтра мы встретимся в Тео, увижу Вас в шубе: острая морда в воротнике, белые перчатки.

Потом увижу Вас вечером у Жозефа — Парижского мальчика — с двукрылыми волосами, с победоносным взлетом лба, в лиловой куртке.

Потом увижу Вас в театре: хочу в ложе, чтобы сидеть близко, — и, клянусь Богом, что это не пристрастие к шкуре (которой у Вас нет и к<отор>ую люблю нежнейше!) — а страсть к Душе.

Пишу Вашим пером. — Серебряное и летит. — *Как я буду жить без Вас?!*

(Конец ноября 1920 г.)

28^а русск<ого> ноября 1920 г.

— После вечера у Гольдов. —

То, что я чувствую сейчас — Жизнь, т.е. — живая боль.

И то, что я чувствовала два часа назад, на Арбате, когда Вы — так неожиданно для меня, что я сразу не поняла! — сказали:

— «А знаете, куда мы поедem после Москвы?»

И описание Гренобля — нежный воздух Дофинэ — недалеко от Ниццы — монастырская библиотека — давно мечтал...

Гренобль, где даже тень моя не проляжет!

— Дружочек, это было невеликодушно! — Лежачего — а кто так кротко лежит, как я?! — не быют. — Понимали ли Вы, что делали, или нет? —

Рядом с Вами идет живой человек, уничтоженный в Вас — женщина (второе место, но участвует!) — и Вы в спокойном повествовательном тоне вводите ее в свою будущую жизнь — о, какую стойкую и крепкую! — где ей нет места, — где даже тень ее не проляжет!

А если не нарочно (убеждена, что нечаянно, — тем хуже!) — это дурной поступок, — ибо я и это приму.

Вы для меня растравление каждого часа, у меня минуты спокойной нет. Вот сегодня радовалась валенкам, — но — глупо! — раз Вы им не радуетесь.

— Хороша укротительница?! —

Для про Ланна: (Записано 23^м русск<ого> янв<аря> 1921 г.)

У М<арины> был знакомый — Е.Л.Ланн: высокий, худой, военные гетры и панталоны полковника. Орлиный нос — орлиный подбородок, длинная тонкая шея, бешеные волосы, откиннутые со лба, громовой голос, когда читает стихи. Вместо Бог с Вами говорил: Аполлон с Вами! — и говорил *капризным* (подчеркните!) голосом. Это колкое слово очень к нему подходит. Не обращал внимания и не сердился на наш быт, сидел на высоком кожаном диване, откидывая волосы и закидывая руки. Стянутая походка, узкая, стянутая узким женским ремешком, талия, лиловая куртка и любование маминым лиловым бархатным кисетом из под махорки. (В детстве они с братом лиловый цвет называли пурпур.)

Судоржно-спокойный и доводящий до исступления своей спокойностью. Голос, когда не читает стихи, разбитый — и этим разбивающий.

Обращение с Мариной — под оболочкой. Старается говорить мягко, под голосом — молния.

Стихи человека, к<отор>ый на отвесной скале — и — *сейчас!!!* — упадет. Вид мученика, к<отор>ый с дерзостью принимает свои мучения. Нет ни минуты успокоения: вечные стрелы и вечные иглы. — Съел *всё* дерево познания добра и зла. — Каменный, к<отор>ый будет испытывать до смерти, хоть бы человек корчился в пене. — Мученик — и мучитель. — Большой орел.

В быту он не был бы ни отцом, ни мужем, — только сыном. На суду Божьем будет капризен, будет стоять на подобающем ему — по его мнению — месте и не будет раскаиваться.

— Никогда не будет женщиной, — хотя и не мужчиной.

Он — оно.

В жизни был беспомощен и на всё махал руками. Церковь Вознесенья называл Никитским Собором, когда ел Марины лепешки и Марина начинала разговор, вопил:

– «Нет, нет, я уж дорвался до этого!»

– Ничего не вспоминал, как будто у него никакого прошлого, кроме сегодняшнего дня, не было. Жена – по моему впечатлению – смертная.

По вечерам пил черный (Маринин) кофе, по утрам – собачий.

В любви к Марине тоже был – оно. К нему шел бы плащ и дождь.

Таинственность прихода.

Из породы – Гостей Оттуда, оставляющих только след плаща.

—

Я – к Ланну:

Ваша главная забота – не здесь – никогда. Отсюда – неуловимость. Наступаю на тень, – человек уже далёко.

Даже не наступаю на тень.

—

Из письма к Ланну – после его отъезда.

(неотосланного.)

ИЗ ТРУЩОБЫ – В БЕРЛОГУ.

– Письмо первое. –

Дружочек!

После Вашего отъезда жизнь сразу – и люто! – взяла меня за бока.

Проводив Вас немножко дольше, чем было видно глазам, я вернулась в дом.

У Д.А. было милое, вопрошающее – и сразу благодарное мне! – лицо. (За то, что у меня – после проводов – веселье.) Благодарная за похвалу, я сделалась вдвое веселей. Месхиева ругала М<алинов>скую, Д.А. деликатно опровергал, Аля возилась с собакой, А.Д. <Д.А.> – с Алей.

Потом мы с Месхиевой пошли домой, я – оберегая ее от ухабов, она меня – от автомобилей.

(Так – страстной ненавистью – боятся их только еще Вячеслав Иванов – и Степун.)

– «Вы очень подружились с Ланном?» – (Все говорят – даже Вы сами! – Ланн, твердое Л, – я Lannes, как наполеоновского маршала!) – «Да, большой поэт и еще бóльший человек. Я буду скучать без него.» – «Вам нравятся его стихи?» – «Нет. Вулкан не может нравиться. Но – хочу я или не хочу – лава течет и жжет.»

—

Дома уложила Алю. — Да, постойте! — Взойдя, я сразу поняла: не чердак и не берлога, — *трущоба!* (Но полрадости, — Вас не было рядом, чтобы оценить!)

Поняв трущобность, удовлетворилась ею и ушла ночевать в приличный дом, — к знакомым Т.Ф.С<кря>биной. Там были одни женщины, говорили про спиритизм — сомнамбулизм — (какая нелепость! — бессмысленность! — неоправданность! — летящий стол, — *стол, который должен стоять!* И какое уродство: как если бы на орла напр<имер> поставили миску с супом и заставив стоять смирно, сели бы кругом обедать. Бог прав, дав орлам крылья, а столам — ноги. *Не хочу — наоборот!*) — Я лежала на огромном медведе (мех усыпляет, медвежий — в особенности — знаю по опыту, — каждый раз, ложась на медведя, сплю. — Объяснение медвежьей зимней спячки.) — Я лежала на огромном медведе, не слушала, спорила и спала.

Ночью 30 раз просыпалась, курила, бродила, будила и ушла с рассветом, оставив всех в недоумении, — зачем приходила.

Такой Москвы Вы не знаете, да и я забыла, что она есть! Блеск — звонкость — ломкость. Небо *совсем* круглое (относительно земли — сомневаюсь), — как надышанное розовым, и снег розовый, — и я — тигровым привидением.

Дойдя до Смоленского, решила — *noblesse oblige!* — навестить — посетить его останки — и — о удивление! — не помер: мужик с дровами!

— «Купчиха, дров не надоть?» — «Даже очень!» Впрягаюсь с мужиком и довожу до дому 4 мешка дров. Отдаю взамен всю пайковую муку, — по крайней мере не украдут, а дрова я потороплюсь сжечь. И — сразу — глупое сожаление: — Ну конечно, — только он уехал — и дрова!

(Но поняв, что Вам *сейчас* — всё равно — тепло, сразу успокаиваюсь.)

— В 12 ч. дня посылаю Алю на Собачью площадку (к<отор>ой по Вашему — нет) — в Лигу Спасения Детей, за каким-то усиленным питанием, а сама сажусь дописывать те — последние — стихи, диалог над мертвым.

Потом голова болит, ложусь на Алину кровать, покрываюсь тигром и пледом, дрова есть, — значит можно не топить, ужасный холод, голова разлетается, точно кто железным пальцем обводит веки.

— Сплю. —

Просыпаюсь: темнеет. — Али нет. — Иду к Скрябиным. — Там нет. — Вспоминаю год назад — уют, госпиталь, *этот ужас всех недр* —

¹ положение обязывает (фр.).

вспоминаю эти последние две недели сейчас, мою сосредоточенность на себе (Вас), мое раздражение на ее медленность, мое отсутствие благодарности Богу — каждый день и час — за то, что она есть.

Возвращаюсь — жду — читаю какую-то книгу. — Темнеет. — Не могу сидеть, оставляю ей записку в дверях, иду во Дворец Искусств, к М<или>ти. — «Была у Вас Аля?» — «Только что ушла.» — Опять домой. Час проходит. (Уже 5 ч.) — Ее нет. — Дверь распахивается: В<олькен>-штейн. — «М<арина> И<вановна>, я пришел к Вам насчет пьесы, я хочу ее устроить.» — «Мне не до этого: Аля пропала. Оставьте меня.» — Упорствуя, спрашивает. — Сопротивляясь — рассказываю. Идет искать. — Жду. — Час проходит. — Совсем темно. — Возвращается. Во Дворце ее видели все: была и у Р<укавишник>ова, и в канцелярии, и у цыган, и в подвалах, — все видели — нигде нет. — Садится. — (Чувствует, что в праве. Не искав, побоялся бы!)

— «М<арина> И<вановна>, Вы еще увидите того поэта?» — «Нет.» — «Я думал, что Вы с ним дружны...» — «Он уехал.» — «Но Вы будете ему писать.» (Утверждение.) — «Не знаю.» (Недоуменная пауза.) — «Мне очень жаль, что так мало пришлось поговорить с ним тогда!» (Я — мысленно — с презрением: подлизывается!) — «Он мне очень понравился. И заметили ли Вы, что он совершенно похож на коненковского Паганини, под к<отор>ым он сидел? Точно с него делан.» — Я, оживляясь: — «Коненковского Паганини я не рассмотрела: близорука — но как странно — в первую же секунду — через 10 мин. после того, как он впервые вошел в мой дом, я сказала ему, что таким я вижу Паганини. — Значит, Коненков правильно понял Паганини.» — «Так вот, если будете писать ему, напишите ему следующее. — Я потом думал о нем. — Его творчество — и декламация — и всё явление... Это человек *сведенный*, судорожный, иступленный. Человек трудной жизни. Мне потом, когда я думал о нем, пришел в голову такой пример: когда Станиславский смотрит молодого актёра, он первым делом говорит ему: — «Легче! Легче! — Так, распустите мускулы! — Совсем свободно.» — «И всё?» — «Да, — и всё. — Чувствуйте: напряжение — позади, сейчас — освобождение. — Не бойтесь, что Вам даром платят жалование». — Так вот, я думал о нем. Он не доверяет легкости. Он намеренно громоздит трудности. Ему нужны только непосильные задачи. О, ему трудно жить — тем более, что всё это из глубины, в большой серьез...» — «Вы не так... т.е. Вы более... наблюдательны, чем я думала.»

— «Жалко, что Вы не познакомили нас с ним раньше. Я бы показал ему Станиславского. Это гениальный человек — прежде всего.»

Благодарная за «показал бы ему», а не «показал бы его» — чуть просяньюсь и прошу у него спичек.

Дает — и много.

— «Но Аля?!!» — Уже 7 ч. (Ушла в 12 ч.) Обещает еще раз, после того как зайдет домой поесть (передергиваюсь — внутренне — от презрения!) еще раз пойти во Дворец. — Уходит. — Я лежу и думаю.

Думаю вот о чем: — Господи, и тогда я мучилась, пальцем очерчивала, где болит, — но какая другая боль! Та боль — роскошь, я на нее не в праве, а эта боль — насущная, то, чем живут, от чего *не в праве не умереть* (если Аля не найдется!) — Аля. — Сережа.

Ася — на грани, *и* насущное, *и* роскошь. Ланн — только роскошь, и вся боль от него и за него — роскошь, и сейчас Бог наказывает.

Ланн — во имя мое, могло бы быть и во имя *его*, но не вышло — не выйдет — ему не нужно — это у него уже есть — и даже если бы и не было — *ему* (такой породе!) — не нужно. Отношение неправильно пошло, исправилось только к концу — выпрямилось! — за день до его отъезда.

Я поняла: никакой заботы!

Холодно — мерзны, голоден — сам бери¹, болен — умирай, я не при чем, — отстраняюсь — галантно! — без горечи!

Ему нужно: несколько голов (умов) — мужских, от времени до времени — подобие любви (жесточайшая игра для обтачивания когтей против себя же!) — Или мужская дружба (критика чистого разума — планы детективных контор — и готовность — если надо — умереть друг за друга! — Только не друг без друга!) — или «презренное» женское обаяние: духи — меха — и никакой грудной клетки!

Думала без горечи: пристально и стойко.

— «Если бы суждено было встретиться еще — о, замечательная встреча! — Я бы дала ему ровно столько того, что ему нужно. (— Те. — в моих руках — из моей кассы — грош.) — Но — Аля?!!»

В 9⁰⁰ часу явление В<олькен>штейна с Алей за руку. Явление напущенное и прохладное. Весь — сознание своего подвига и моей подлости. (Гнала от себя люто вот уже целый месяц!)

Подвел — поклонился — и вышел.

— Господа, вы не мастера давать! —

¹ голодай — не хватает духу! — Остаточек! (Примечание М. Цветаевой.)

Молчание. Беспомощность от сознания безнадежности тотчас же следующего диалога:

— «Аля, что это значит!»

— «Марина!»

— «Оставь Марину — Марина не при чем. — Ну?!»

— «Марина!»

— «А-ля!!!»

— «Ну, я просто хотела испытать горе, — как ребенок живет без матери.»

— «Где ты была?»

— «Я целый день сидела в сугробе — и голодна, как смерть.»

— «Гм..... — И никуда не заходила?»

— «Ни-ку-да».

— «Нигде-нигде не была? Ни у Скрябиных — ни у X — ни у Z — ни у цыган?»

— «Ни-где. Ходила по пустырям и горевала.»

— «А кто был во Дворце? Кто веселился с детьми М<или>ти? Кто смотрел на шахматный турнир? Кто? — Кто? — Кто?»

— «Марина, простите!»

Яростно сажаю ее посреди комнаты на табурет.

— «Так, руки вдоль колен! Так, — не двигаться! А что — я горюю, что я думаю, что ты попала под автомобиль, а что Е<вгений> Л<ьвович> уехал — и теперь надо любить меня вдвое, — ты об этом не дума-ла?!» и т.д. и т.д. и т.д.

Дверь настезь: М<или>ти.

— «М<арина> И<вановна> Я к Вам! Я по Вас соскучился! Можно?» (Когда-то виделись три раза в день, теперь раз в три месяца. — Соседи.)

— «Очень рада! — Садитесь. — Кушать будете?»

— «Всё, что дадите!»

Аля, Fuss fassend! — «М<арина>! Он тоже голоден как смерть.»

— «Аля, я с тобой не разговариваю! (К М<или>ти:)

— Чудесно! — Два таких аппетита в доме, — мне больше ничего не нужно. — Аля, разжѳги!»

И — пошло! — Топлю, колю, пилю, сидят, едят.

— «Аля, мойся!»

К 11^ш ч. мы на улице. — Куда идти? — Пошли к А<нтоколь>ским. Съели очень много черного хлеба и ушли. Оттуда на Арбатскую пло-

¹ ухватившись (нем.).

щадь — посмотреть время, — уже 12 ч. — оттуда до подъезда С<кря>бных (войти не решаюсь) — оттуда — день загнан! — по домам.

Сегодня он опять зайдет за мной: неустойчивый ходок, как я, мне с ним весело и блаженно-безразлично. Просто для не-сидения по вечерам одной там, где сидела с Вами. — Вьющаяся голова — разлетающийся полушубок — грандиозная нелепость всех замыслов — обожание нелепости, как таковой: так мы, напр<имер> в прошлом году всю дорогу с Пятницкой до Борисоглебского говорили о каком-то баране, — сначала маленьком: бяша! бяша! — потом он уже большой и нас везет (под луной, как в Ослиной Коже — моя любимая сказка Перро! Аллея, в просвете рог луны и Ослиная Кожа в повозке. Рога у Барана — месяцем.) — потом он, везя, начинает на нас оглядываться — и — скалиться! — потом мы его умирим, — один бок жареный (история про *однаво* од-нобокаво барана, — сказка!) — едим — и т.д. и т.д. и т.д.

В итоге, вернувшись — каждый к себе домой: хочу лечь — баран, книгу беру — шерстит, печку топлю — пахнет паленым: он же сгорбался — и т.д.

Идем вчера, смеясь, — вспоминаем. (Про другое — чистосердечно! — забыли!)

«Да, но наш баран — всё-таки не баран! И в этом наше оправдание!» — говорит он.

— «Наш апофеоз!» — поправляю я.

— «Наш баран — не просто баран!»

— «Крылатый баран!» — и — внезапно: «от нашего барана до Пегаса — один шаг!»

Простите за всю эту ересь!

Иду вчера и думаю: — «Я дура. — Премированная дура. Баран — поддевка — кудри. При чем тут любовь? — Зачем всегда это бесплатное приложение? — Галантность? — Нет, глупость. Точно на мне свет клином сошелся.

Надо же понять, что не всякое желание другого — насущное, что есть в этой области — а может в этой-то области особенно — Прихоть.

А я всегда принимающая малейшую вкусовую причуду другого за смертный голод — просто дура.

И — если даже — смертный голод — голодающих — весь мир, шкура — одна.

И — точно без меня нельзя устроиться!»

Но есть у меня одно оправдание: я невозвратна. Не потому что: я так решаю, а потому что что-то во мне НЕ МОЖЕТ вторично, — другие глаза и голос и та естественная преграда, к<отор>ая у меня никогда не падает — ибо ее нет! — при первом знакомстве, и неизбежно возникает во втором. Любовь. — Знакомство.

Обратный порядок.

Точно я, заплатив дань своему женскому естеству (формальному! — из корректности!) — успокаиваюсь: долг выплачен наперед, — и уж потом смотришь: кому.

— Изучаю.

— Дивлюсь. —

— Не верю.

И это так невинно, что ни один — клянусь! — ничего не помнит.

Об одном не успела ни написать, ни сказать Вам, — а это важно! —

Об огромном творческом подъеме от встречи с Вами. — Те стихи Вам — не в счет, просто беспомощный лепет ослепленного великолепиями ребенка — не те слова, — всё не то (я, но — не к Вам — поняли?) Вам нужно всё другое, — рождаться заново. Всё та же моя верно-неверная начальная лунатическая дорога. (— По которой — всегда дохожу!)

Ничего не обещаю — ибо Вам ничего не нужно! — но просто повеству Вам — как всё это письмо — ибо Вы ценитель и знаток душ! —

То, что с Вас сошло на меня (говорю, как о горé!) — другое и по другому скажется, чем всё прежнее.

— Спасибо Вам! — Творчески!

Вы уже день, как дома. — А я уже три — как нé дома. — Знаете, где я вчера была? — Судьба!!! — В Спасо-Болвановском!!!

— Дружок, он есть! — И, действительно, — за Москвá-рекой! — Далё-око! — Длинный, горбатый, без тротуаров и мостовых, — и без домов — одни церкви! — и везде светло, тепло! Какая там советская Москва! — Времен Иоанна Грозного!

Мы шли со Скрябиной — она в своей котиковой шубе, на узких, как иголки, каблуках, я тигром — в валенках, — и она всё время падала.

И *как* — *мне* — *было* — *жаль!*

(Не ее — конечно!)

Между прочим: Вам совсем не надо читать этого письма за раз, — ведь оно писано кусочками, ключёчками, день за днем, — почти час за часом.

Так и читайте!

А то мне совестно, а Вам, взглянув — безнадежно!

Сегодня — случайно — наткнулась на Белую стаю.

— Как жаль, что забыла перед отъездом еще поблагодарить! Раскрыла: Ваш почерк. Прочла. — Задумалась. — Вы уже, наверно, не помните, что написали, я сама читала как новое.

Как меня — ужасом! — восхищает бренность!

— Кончила те стихи, над мертвым. Хотела — по Вашему — вопросом, — вышло по моему — ответом. — (Это — мое дело на земле!)

Если письмо будет отправлено, присоединю и стихи.

Моя главная забота сейчас: гнать дни.

Бессмысленное занятие, ибо ждет — может быть — худшее. Иногда с ужасом думаю, что может быть кто-н<и>б<удь> в Москве уже знает о С<ереже>, м<ожет> б<ыть> многие знают, а я — нет.

Сегодня видела его во сне: сплошные встречи и разлуки. — Сговаривались, встречались, расставались. И — всё время — через весь сон — его прекрасные глаза — во всем сиянии.

(Сейчас спрашиваю Алю: — «Аля, что печка?» И ее спокойный ответ: — «Печка? — Головешит!» Так, собака, бегущая прихрамывая, у нее — «трехножит», большевики о победах — «громогласят» и т.д.)

Купила себе — случайно, как всё в моей жизни — полushалок (обожаю слово!) — синечерный. Люблю его за тепло и за слово, — в гроб с собой возьму!

(О мой гроб! Мой гроб! — Как русских князей: с конем, с женой, с рабом, с броней! — И — в итоге — как Петр перед смертью: ОТДАЙТЕ ВСЁ!)

Купила на улице, у старухи, к<отор>ая, живя 18 лет (а м<ожет> б<ыть> 81 год!) в Москве ни разу не была на Смоленском. — «Я зря болтаться никогда не любила.» — Слушала с наслаждением. — Вот мой Потемня! — И еще завидовала: «зря болтаться». Что я другого в жизни делала?!

<Дата не вписана>, четверг.

Мой друг! Я уже начинаю отвыкать от Вас, забывать Вас. Вы уже ушли из моей жизни. — После-завтра — нет, завтра! — неделя как Вы уехали. — Помните, я Вас просила: до субботы, а Вы уехали в пятницу, а мне так и осталось в памяти: суббота.

Вы — умник и отвесно глядите в души. Я бы хотела, чтобы Вы поняли: начинаю отвыкать — забыла.

Мне, чтобы жить, надо радоваться. Пока Вы были здесь — даже, когда мне было так больно, — я всё-таки могла сказать себе: завтра в 6 ч. (пойду — или не пойду — всё равно — но: завтра в 6 ч. — достоверность!)

А сейчас? — Завтра — нет, после-завтра — нет, через неделю — нет, через месяц — нет, хочется думать и попадаю в пустоту — может быть — через год, м<ожет> б<ыть> — никогда.

Чего ж тут любить — помнить — мучиться?

И вот мое трезвое, благоразумное, огнеупорное — асбестовое — в воде не тонет и в огне не горит! — сердце, поняв, смирилось, отпустило.

От встречи с Вами у меня осталось только большое беспокойство: надо куда-то идти: надо куда-то идти — и вот, хожу: весь день «по делам» (т.е. по трущобам — в поисках за табаком) — с Алей, вечером одна или с кем-н<и>б<удь>.

Это, конечно, Вы, Ваша память.

Куда-то идти — бесспорно — от чего-то уйти. — Если бы я знала, что Вы — что я Вам необходима — о, каждый мой час и сон летел бы к Вам! — но так — зря — впустую — нет, дружочек! — много раз это со мной было: — не могу без — и проходило, могла без! — Мое не могу без — это, когда другой не может без.

— Это не холод и не гордыня, это, дружочек, опыт, то, чему меня научила советская Москва за эти три года — и то, что я — наперед — знала уже в колыбели.

Ланн. — Это отвлеченность. — Ланн. — Этого никогда не было. — Это то, что *смогло уйти*, следовательно: могло и не приходиться...

И еще: высокий воротник, лицо больного волка, мягкий голос и жесткие глаза.

— Может быть, если бы я получила от Вас письмо, я бы резче поверила, что Вы были, но вряд ли Вы напишете, и вряд ли я отошлю это письмо.

Вчера Вы на секундочку воскресли: когда я, позвонив, стояла у Вашего подъезда и ждала.

(Не окончено.
Не отослано.)

Аля, мешая угли в печке:
– М<арина>! Адские помидоры!

ПИСЬМО ЛАННА.

– Первое. –

Марина.

Приехал. Пока отдыхаю – второй день. И читаю, читаю, без конца читаю с А<лександрой> В<ладимировной> стихи Ваши и Али. (Кстати: перед отъездом я потерял память и не попрощался с ней. Целую ее.)

Люто хочется работать – вернее всего брошу лекции и буду гнать. На очереди кончить «Ангелов Откровения», каковых я в неоконченном виде Вам не читал, затем – Вальсингам.

Много думали мы над – и по поводу Ваших стихов – как я Вам благодарен за Вашу доброту – дать мне так много, переписав такую уйму стихов!

Верю, верю Вашей доброте без цветаевской надстройки и также так же верю (по крайней мере очень хочу) в то, что сохраню себя в Вашей памяти не слишком полинявшим. Во всяком случае – буду работать, дабы отплатить гомерические авансы. А я ведь знаю, очень хорошо знаю гомерические размеры данных мне Вами авансов.

Вчитался и в стихи Али. Страшнее их – только По, а может быть и нет. Я чувствую достаточно мелко – и то понял и взял! Искренно боялся за Алекс<андру> Влад<имировну>, ибо после их чтения была подлинно «не в себе», пришлось даже просить ее к ночи чтение прекратить. Берегите Алю, Марина.

Я уже ушел в жизнь берложью, и занятно было бы видеть кто танцует теперь вокруг Вас.

Мне жаль, что Степун мне не попался, – ведь я зверски жаден. Жаль мне, что «стиля» ради не взял у Белого «Кризиса слова», а книжка мне очень, очень для моей сейчасней работы нужна. И еще жаль мне, что о немногом, в сущности, удалось нам поговорить с Вами. «На-

черно» — как Вы умно сказали. Истинно рад лишь, что сообразил необходимость устройства сейчас вечера во «Дворце» или где-либо еще, истинно рад.

О, как много нужно работать, только начинать работу, и как еще ничего не сделано. Даже страшно.

В Москву (если... и т.д. ..) двинемся в начале мая. До мая хочу Ваших стихов и, конечно, писем. Сам я писать буду — я это чувствую, ибо хочу с Вами беседовать настоятельно...

Пока прощайте. Ищу человека для кофе и табака. Не думайте, что позабыл! Искренний привет Татьяне Федоровне и кому еще пожелаю. Алю крепко, крепко целую и прошу стихов.

Целую руку.

Евгений Ланн.

8/21 декабря 1920 г.

Харьков.

— Второе письмо. —

8/1 1921 г.

Дорогая Марина Ивановна!

Пишу наспех. Мой знакомый едет в Москву, и я спешу передать Вам свой горячий привет, спросить у Вас, получили ли Вы мое письмо, которое я послал на адр<ес> Д.А. Но от Вас письма не имею. Что это? Думал, что напишете и потому удивлен. Сейчас болит голова, и писать можно мало, посему буду краток: приехал домой, не выхожу после службы из дому и работаю.

Твердо решил ехать в Москву в апреле-мае. Пишу стихотворение — и еще.

Хочу писать Вам письмо, но получив от Вас. Базара у нас сейчас нет, потому достать обещанное сейчас почти невозможно, попытаюсь сделать это со следующей оказией.

Пока посылаю Але петухивов, а подарок Вам откладываю до другой оказией, когда можно будет придумать что-нибудь.

Ланн.

— Письмо третье. —

Дорогая Марина Ивановна!

Пишу случайной оказией на службе и потому коротко. Сейчас только получил Ваше письмо. Очень огорчен, что посылка Асе денег по крайней мере в ближайшее время совершенно немыслима, ибо по-

чтой, конечно, посылать нельзя, а в виду Махновщины — отправляющиеся в Крым только военные, среди к<отор>ых у меня нет и не было знакомых.

Полузнакомым, разумеется, поручить деньги нельзя, тем более, что я даже письма не мог отправить, двое полузнакомых отказывались взять, ибо были не уверены, что оно у них не пропадет — ведь приходится местами путешествовать пешком в весьма поганных условиях.

Я очень рад, что Вы получили от Аси письмо: ко мне два дня назад явился некий студент, прибывший из Крыма и передавший мне от Макса и Аси привет; письмо от них не успел захватить, ибо уехал внезапно.

Вы легко себе представляете мою радость, когда я узнал, что они там. Сейчас затрудняюсь, каким образом послать им весточку.

Буду ждать надежной оказии, тогда и пошлю деньги и письмо.

Очень боюсь, что это не будет скоро ибо мало надежды на скорое упорядочение пути.

Теперь часть не деловая: пишу, работаю, читаю лекции по языку и толкусь на службе. Из дому попрежнему никуда не выхожу. Настроение часто очень плохое, ибо плохо себя физически чувствую. Читаю книги философические, моментами — благостен, но чаще немощен и хил.

Поворот мой к отшельнической жизни стоит в связи с поездкой в Москву — никого в этой проклятой берлоге нет.

Ну, пора кончать.

Але пока не пишу, ибо очень спешу.

Скоро набросаю еще.

Прошу Вас — пишите мне на тот же адрес. Жду Ваших писем.

Целую и Вас и Алю.

Ланн.

21/1 1921 г.

(Письмо привезено Шиллингером.)

<Далее три страницы не заполнены.>

Москва, 19го русск<ого> января 1921 г.

Дорогой Евгений Львович!

Зная меня, Вы не могли думать, что я так просто не пишу Вам — отвыкла — забыла.

Мне непрестанно хотелось писать Вам, но я всё время чего-то ждала, душа должна была переменить русло.

— Но так трудно расставаться! — Целых две недели мы с Алей с утра до вечера гоняли по городу, ревностно исполняя — даже отыскивая! — всякие дела. Иногда, когда бывало уж очень опустошенно, забредали к М<агеров>ским, — так — честное слово! — посещают кладбище!

(Вот, наверное, Д.А. не думал-не гадал! Он ведь как раз тогда охаживал невесту!)

— Ну вот. — Две недели ничего не писала, ни слова, это со мной очень редко — ибо Песня над всем! — *гоня с Алей точно отгоняли Вас всё дальше и дальше* — наконец — отогнали — нет Ланна! — тогда я стала писать стихи — совершенно исступленно! — с утра до вечера! — потом «На красном коне».

— Это было уже окончательное освобождение. Вы уже были — окончательно — в облаках.

Красный Конь написан. — Последнее тирэ поставлено. Посылать? — Зачем? — Конь есть, значит и Ланн есть — навек — высоко! — И не хотелось идти к Вам нищей — только со стихами. — И не хотелось (гордыня женская и цветаевская — всегда *post factum!*) чувствуя себя *такой свободной* — идти к Вам прежней — Вашей.

Жизнь должна была переменить упор.

— И вот, товарищ Ланн, (обращение ироническое и нежное!) опять стою перед Вами, как в день, когда Вы впервые вошли в мой дом (знаю: трущоба, — для пафоса!) — Веселая, свободная, счастливая.

— Я. —

БОЛЬШЕВИК.

<Между заглавием и датой половина страницы не заполнена.>

18^а — русск<ого> января 1921 г.

18 л. — Коммунист. — Без сапог. — Ненавидит евреев. — В последнюю минуту, когда белые подступали к Воронежу, записался в партию. — Недавно с Крымского фронта. — Отпускал офицеров по глазам.

Сейчас живет в душной — полупоповской полуинтеллигентской к<онтр>-р<еволюционной> семье (семействе!) рубит дрова, таскает воду, передвигает 50 пуд<овые> несгораемые шкафы, по воскресениям чистит Авгиевы конюшни (это он называет «воскресником»), с утра до вечера выслушивает громы и змеиный шип на сов<етскую> власть — слушает, опустив глаза (чудесные! Зхлетнего мальчика, к<отор>ый еще не совсем проснулся) — исполнив работу по своей «коммуне» (всё его терминология!) идет делать то же самое к кн. Ш-ским — выслушивает то же — к Скрябиным — где не выслушивает, но ежедневно распиливает и колет дрова на 4 печки и плиту, — к Зайцевым и т.д. — до поздней ночи, не считая хлопот по выручению из трудных положений знакомых и знакомых-знакомых.

— Слывет дураком. — Богатырь. — Малиновый — во всю щеку — румянец — вся кровь зыграла! — вихрь неистовых — вся кровь завилась! — волос, большие блестящие как бусы черные глаза, <не дописано.>

Косая сажень в плечах, пара — до нельзя! — моей Царь-Девице.

Необычайная — чисто 18 летняя — серьезность всего существа. — Книги читает по пять раз, доискиваясь в них СМЫСЛА, о к<отор>ом легкомысленно забыл автор, *читит* искусство, за стих Тютчева

— «Нет, своего к тебе пристрастья

Я скрыть не в силах, мать-земля!»

в огонь и воду пойдет, *любимое* — для души — чтение: сказки и былины. Обожает елку, церков<ные> службы, ярмарки, радуется, что еще есть на Руси «хорошие попы, стойкие» (сам в Бога не верит!)

Себя искренно и огорченно считает скверным, мучается каждой чужой обидой, неустанно себя испытывает, — всё слишком легко! — нужно труднее! — а трудностей нет, — берет на себя все грехи сов<етской> власти, каждую смерть, каждую гибель, каждую неудачу совершенно чужого человека, помогает *каждому* с улицы, — вещей никаких — всё роздал и всё раскрани! — ходит в холщевой рубахе с оторванным воротом — из всех вещей любит только свою шинель, — в ней и спит, на ногах гэтры и полотняные туфли без подошв: — так скоро хожу, что не замечаю — с благоговением произносит слово «товарищ», и — главное! — детская беспомощная, тоскливая иступленная любовь к только что умершей матери.

Наша встреча. — Мы с Т<атьяной> Ф<едоровной> у одних ее друзей. Входит высокий красноармеец. Малиновый пожар румянца. Представляется и — в упор:

— «Я коммунист-большевик. Можно мне слушать Ваши стихи?» — «А Вы любите стихи? — Пожалуйста» — «Я читал Ваши стихи о Москве.

Я Вас сразу полюбил за них. Я давно хотел Вас видеть, но мне здесь сказали, что Вы мне и руки не подадите.» — ? — « П<отому> ч<то> я — коммунист.» — «О, я воспитанный человек! Кроме того» (невинно) «к<оммунист>т — ведь тоже человек?» — Пауза. — «А о каких стихах о Москве Вы говорите?» — «О тех, что в Вес<еннем> Сал<оне> Поэтов, — кремлевские бока.» Я: — «Гм...» — Пауза. — «А что Вы в них любите?» — «Москву.»

Он: — «Как мне Вас звать? Здесь Вас все зовут Марина...» — Кто-то: «Когда с человеком мало знакомы, его зовут по имени и отчеству.» Я, с захолонувшим сердцем — насильно: — «Отчество — это самооборона, ограда от фамильярности. — Зовите меня как Вам удобнее — приятнее...»

Он: — Марина — это такое хорошее имя — настоящее — не надо отчества...

Пошел меня провожать. Расстались — Ланн, похвалите — у моего дома. На следующий день у С<кря>бинных читала ему Царь-Девуцу. Слушал, развальясь у печки, как медведь. Провожал. — «Мне жалко Царевича, — зачем он всё спал?» — «А мачеху?» — «Нет, мачеха дурная женщина.»

— У подъезда — Ланн, хвалите! — расстались.

На след<ующий> день (3^{ья} встреча — всё на людях!) кончала ему у меня Царь-Девуцу. Слушал, по выражению Али, как Зхлетний мальчик, к<отор>ый верит, п<отому> ч<то> НЯНЯ САМА ВИДЕЛА. На этот раз — Ланн, не хвалите! — тоже расстались у подъезда, — только часов в 8 утра.

Ночь шла так: чтение — разговор о Ц<арь>-Д<евице> — разговор о нем — долгий. — Моя бесконечная осторожность — настороженность — чтобы не задеть, не обидеть: полное умолчание о горестях этих годов — его ужас перед моей квартирой — мое веселье в ответ — его желание рубить — мой отказ в ответ — предложение устроить в Крым — мой восторг в ответ.

Его рассказ о крымском походе — как отпускал офицеров (ничего не знал обо мне т.е. о С<ереж>е!) — как защищал женщин — бесхитростный, смущенный и восторженный рассказ! — лучший друг погиб на белом фронте. — Часа в два, усталая от непрерывного захлебывания, ложусь. — Через 5 мин. сплю. Раскрываю глаза. — Темно. — Кто-то, чуть дотрагиваясь до плеча: — «М<арина> И<вановна>! Я пойду.» — «Борис!» — Спице, спице! — Я, спросонья: — «Борис, у Вас есть невеста?» — Была, но потеряна по моей вине. — Рассказ. — Балерина, хорошенькая, «очень женственная — очень образованная — очень глубокая... и

такая — знаете — широко-о-окая!» — Слушаю и в темноте кусаю себе губы. — Знаю наперед. — И, конечно, знаю верно: у балерины, кроме мужа, еще муж, и еще (всё это чуть ли не благоговейным тоном), но Б<орис> ей нужен п<отому> ч<то> он ее не мучит. Служит ей 2 года (с 16 ти по 18 лет!) и в итоге видит, что ей нужны только его — ну... «некоторые материальные услуги...» Расстаются.

Потом — хождение по мукам: мальчик стал красавцем и к<оммуни>стом — поищите такого любовника! —

И вот — в вагоне — на фронте — здесь на службе — всё то же самое: только целоваться! А в это время умирает мать. —

Ланн! Я слушала и у меня сердце бешенствовало в груди от восторга и умиления. А он — не замечая, не понимая, вцепившись железными руками в железные свои кудри — тихо и глухо: — «Но я гордый, Мариночка, я никого не любил».

Курим. — Стесняется курить чужое. — «О, погодите, вот скоро я загоню шубу...»

— Тогда Вы мне подарите сотню папирос 3^м сорта?

— Вам — 3^м сорта?! —

Глаза, несмотря на полнейшую темноту, загораются так, что мне — в самом мозгу — светло.

— «Почему нет? Здесь же всё — 3^м, кроме меня самой.»

Часа 4, пятый. Кажется, опять сплю. — Робкий голос: — М<арина> И<вановна>, у Вас такие приятные волосы — легкие! — Да? — Пауза — и — смех! — Но какой! — Ради Бога, тише! Алю разбудите! — Что Вы так смеетесь? — «Я дурак!» — «Нет, Вы чудесный человек! Но — всё-таки?» — «Не могу сказать, М<арина> И<вановна>, слишком глупо!» — Я, невинно: — «Я знаю, Вам наверное хочется есть и Вы стесняетесь. Ради Бога — вот спички — там на столе хлеб, соль на полу у печки, — есть картофель.» И — уже увлекаясь: — «Ради Бога!» Он, серьезно: — «Это не то.» Я, молниеносно: — «А! Тогда знаю! Только это безнадежно, — у нас всё замерзло. Вам придется прогуляться, — я не виновата, — советская Москва, дружок!»

Он: — «Мне идти?» Я: — «Если Вам нужно.» Он: — «Мне не нужно, м<ожет> б<ыть> Вам нужно?» Я, оскорбленно: — «Мне никогда не нужно.» Он: — «Что?» Я: — «Мне ничего не нужно — ни от кого — никогда.» — Пауза. — Он: «М<арина> И<вановна>, Вы меня простите, но я не совсем понял.» — «Я совсем не поняла.» — «Вы это о чем?» — «Я о

это мне совсем скучно, медлено, афанурет
 Ланки! — Замы и медлено медлен сир
 — не было и кифея. — Лету, не вливаю.
 Шидайи Волю. Калпанет — о: „А вилеу
 и дуреа — скарр двора, — кити, а жасичи,
 — Кити? — Кити, кити кифе и кити —
 — Коварити кити дуреа. — Да медлен, о
 око скучно дуреа иже а а два кити: о
 — о дуреа.
 Коварити Волю, иво медлен — Волю.

Скучно кити, кити.

О: — „В. Да кавирава дуреа, — сими да
 — скучно по кити.“ — Волю дуреа кити. —
 кити, ман факло Волю, скучно. Дуреа
 Волю кити сир перо кити.“ — „В.В., о скучно
 кити кити. — Кити кити. — В.В., ман ман
 скучно кити а Волю, В.В. кити скучно
 кити а Волю, кити а Волю сир кити. — Кавирава.
 Скучно кити кити. О — Скучно кити
 кити, дуреа кити кити. — Кавирава.
 — „В.В.“ о Волю кити кити кити — кити
 в кити кити! Ман кити кити кити кити
 О, кити кити: „А кити кити кити кити
 кити“ — о — кити кити кити: кити: — „Кити
 — Кавирава кити — скучно кити — кити кити кити
 кити... Кавирава? — О, кити кити кити кити
 (О Ланки, Ланки!)
 — Да кити. — О, кити, „Кавирава кити кити
 — кити кити кити кити кити — кити кити
 кити кити кити кити кити! — О, кити!“ — О
 Да, кити кити кити кити: — Кавирава?! — Кити
 кити кити, — кити кити. — Кавирава кити кити!
 кити. — Кавирава кити кити! — Кавирава. — С
 Кавирава, кити кити, кити — кити кити кити кити
 Кавирава: Кавирава кити кити, кавирава кити кити

том, что Вам что-то нужно — ну *что-то*, ну, в одно местечко пойти — и что Вы не знаете, где это — и смеетесь.»

Он, серьезно: — «Нет, М<арина> И<вановна>, мне этого не нужно, я не потому смеялся.» — «А почему?» — «Сказать?» — Немедленно! — «Ну, словом (опять хохот) — я дурак, но мне вдруг ужжасно захотелось погладить Вас по голове.» Я, серьезно: «Это совсем не глупо, это очень естественно, гладьте, пожалуйста!»

Ланн! — Если бы медведь гладил стрекозу, — не было бы нежнее. — Лежу, не двигаясь.

Гладит долго. Наконец — я: «А теперь против шерсти — снизу вверх, — нет, с затылка, — обожаю!» — Так? — Нет, немножко ниже — так — чудесно! — Говорим почти громко. — Он гладит, я говорю ему о своем делении мира на два класса: брюха — и духа.

Говорю долго, ибо гладит — долго.

Часов пять, шестой.

Я: — «Б<орис>, Вы наверное замерзли, — если хотите — сядьте ко мне.» — Вам будет неудобно. — Нет, нет, мне жалко Вас, садитесь. Только сначала возьмите себе картошки. — М<арина> И<вановна>, я совсем не хочу есть. — Тогда идите. — М<арина> И<вановна>, мне очень хочется сесть рядом с Вами, Вы такая славная, хорошая, но я боюсь, что я Вас стесню. — Ничуть.

Садится на краюшек. Я — ГАЛАНТНО — отодвигаюсь, вырастаю в стену. — Молчание. —

— «М<арина> И<вановна>, у Вас такие ясные глаза — как хрусталь — и такие веселые! Мне очень нравится Ваша внешность».

Я, ребячливо: — «А теперь пойте мне колыбельную песню» — и — заглывая уголек: — «Знаете, какую? — Вечер был — сверкали звезды — на дворе мороз трещал... Знаете? — Из детской хрестоматии...» (О Ланн, Ланн!)

— Я не знаю. — Ну другую, — ну хоть Интернационал — только с другими словами — или — знаете, Б<орис>, поцелуйте меня в глаз! — В этот! — Тянусь. — Он, радостно и громко: — Можно?! — Целует, как пьет, — очень нежно. — Теперь в другой! — Целует. — Теперь в третий! — Смеется. — Смеюсь.

Так, постепенно, как — помните в балладе Goethe: *Halb zog sie ihn, halb sank er hin...*¹

¹ Гёте: Влекла ль она, склонялся ль он... (Пер. А.Фета.)

Целует легко-легко, сжимает так, что кости трещат. Я: — Б<орис>! Это меня ни к чему не обязывает? — «Что именно?» — «То, что Вы меня целуете?» — «М<арина> И<вановна>. Что Вы!!! — А меня?» — «Т.е.?» — «М<арина> И<вановна>, Вы непохожи на др<угих> женщин.» Я, невинно: «Да?» — «М<арина> И<вановна>, я ведь всего этого не люблю.» — Я, в пафосе: «Б<орис>! А я — ненавижу!» — «Это совсем не то, — так грустно потом.» — Пауза. —

— «Б<орис>! Если бы Вам было 10 лет...» — Ну? — Я бы Вам сказала: — «Б<орис>, Вам неудобно и наверное завидно, что я лежу. Но Вам — 16 л.?» — Он: — «Уже 18 л.!» — «Да, 18! Ну так вот.» — «Вы это к чему?» — «Не понимаете?» Он, в отчаянии: — «М<арина> И<вановна>. Я настоящий дурак!» — «Так я скажу: если бы Вы были ребенок — мальчик — я бы просто на просто взяла Вас к себе — под крыло — и мы бы лежали и веселились — невинно!» — «М<арина> И<вановна>, поверьте, я так этого хочу!» — «Но Вы — взрослый!» — «М<арина> И<вановна>, я только ростом такой большой, даю Вам честное слово партийного...» — «Верю, — но... Поймите, Б<орис> Вы мне милы и дороги, мне бы не хотелось терять Вас, а кто знает, я почти уверена, что гораздо меньше буду Вас — что Вы гораздо менее будете мне близки — потом. И еще, Б<орис>, — мне надо ехать, всё это так сложно...»

Он — внезапно как совсем взрослый человек — из глубины: — «М<арина> И<вановна>, я очень собранный.»

(Собранный — сбитый — кабинет М<агеров>ского — Ланн!..) Протягиваю руки.

—

Ланн, если Вы меня немножко помните, радуйтесь за меня! — Уж который вечер — юноша стоек — кости хрустят — губы легки — веселимся — болтаем вздор (совершенно не понимает шуток) — говорим о России — и всё как надо: ему и мне.

Иногда я, уставая от нежности:

— «Б<орис>! А может быть?» —

— «Нет, М<арина> И<вановна>! Мариночка! — Не надо! — Я так уважаю женщину — и в частности Вас — Вы квалифицированная женщина — я Вас крепко-крепко полюбил — Вы мне напоминаете мою мамочку — а главное — Вы скоро едете — и у Вас такая трудная жизнь — и я хочу, чтобы Вы меня ХОРОШО помнили!»

—

22^я русск.<ого> января 1921 г.

— По ночам переписываем с ним Царь-Деву. Засыпаю — просыпаюсь — что-то изрекаю спросонья — вновь проваливаюсь в сон. Не дает мне быть собой: веселиться — отвлекаться — приходиться в восторг.

— «Мариночка! Я здесь, чтобы делать дело — у меня и так уж совесть неспокойна — всё так медленно идет! — веселиться будете с другим!»

— Ланн! — 18 лет! — Я на 10 лет старше! — Наконец — взрослая — и другой смотрит в глаза!

Я знаю одно: что так меня никто — вот уже 10 лет! — не любил. — Не сравниваю — смешно! — поставьте рядом — рассмеетесь! — но то же чувство невинности — почти детства! доверия — упокоения в чужой душе.

Меня, Ланн, очевидно могут любить только мальчики, безумно любившие мать и потерянные в мире, — это моя примета.

Ланн! — Мне *очень* тяжело. — Такое глубокое молчание. — Ася в обоих письмах ничего о нем не знает — не видала год. Последние письма были к Макс, в начале осени.

— *Этого* я не люблю — смешно! — нет, очень люблю — просто и ласково, с благодарностью за молодость — бескорытность — чистоту.

За то, что для него «товарищ» звучит как для С<ережи> — Царь, за то, что он, несмотря на «малиновую кровь» (благодаря ей!) погибнет. — Этот не будет прятаться.

— «И чтобы никто обо мне не жалел!» почти нагло.

— Ланнушка! (через мягкое L!) равнодушный собеседник моей души, умный и безумный Ланн! — Пожалейте меня за мою смутную жизнь!

Пишу Егорушку — страстно! — Потом где-то вдалеке — Самозванец — потом — совсем в облаках — Жанна д'Арк.

Живу этим, — даже не писаньем, — радугой в будущее! — Ланн, это мое первое письмо к Вам, жду тоже — первого.

Прощайте, мое привидение — видение — Ланн!

МЦ.

ПИСЬМО АЛИ:

Москва, 22^я русск. января 1921 г.

Милый Евгений Львович!

У нас есть знакомый — Борис. Русский богатырь. Вечно заспанное лицо. Большие черные глаза, упорный лоб, румянец — русский,

лицо — луна, медвежьего роста. Один раз я сказала про его башмаки: — «Посмотрела наверх — подумала, что большевик, посмотрела вниз, поняла, что человек.» Черты лица, несмотря на румянец, тонкие. Если бы его сделали маленьким, лет 4^х—5^{ти}, ничего странного бы не было. — Дитя. — Деятельно занялся нашими окказиями. — М<арина> прочла ему Царь-Деву. Когда дело доходило до самой Ц<арь>Д<евуцы>, он выдавался вперед, как будто бы там ему встречалось тысяча препятствий. Разгорался, как в тяжелой болезни, глаза горели как вымытый хрусталь. Волосы — лес. Безумно вдохновенен. Понимает всё. Говорит Г по деревенски (смесь Г с Х). Ходит в рубашке с женским вырезом. Панталоны — юбка. Туалета своего не стыдится. Смех короткий, прерывающийся как кашель. Иногда, когда задумывается, лицо каменной статуи, на к<отор>ую дунула Вечность. Глаза его тогда смотрят через всё. Он великан, стыдящийся своих мускул. Сейчас вечер. М<арина> пишет Егорушку. Лампа тускло горит и режет глаза. Б<орис> недавно ушел. Он переписывал Царь-Деву под диктовку Марины. Наверное это письмо дойдет. Не решаюсь написать *скоро*, п<отому> ч<то> *скоро*сти помеха — сов<етское> передвижение. Наверху играют одним пальцем солдаты. Их печальный интирницинал доносится скрипом до ушей. — Много писем послано Асе с надеждой на почту или на человека. — Где-то скребутся мыши, скрипят лестницы, растапливаются печки. — Мрачная тишина. —

Милый Е<вгений> Л<ьвович>! Сейчас утро. Дописать вчера письмо не успела. Тихо шипит гаснущий огонь. Маринына папироса всё время поджигает волосы. (Дурная примета.) Вчера ночью Б<орис> переписывал Царь-Деву под диктовку (*сон!*) Марины. Милый Б<орис>! Говорит чистой русской речью, сидя на диване, на к<отор>ом сидели когда-то Вы. Поклон Вашей жене. М<ожет> б<ыть> мы уедем и тогда пришлем Вам прощальное письмо под названием «Последний день Трущобы».

М<арина> сейчас говорит мне смешные куски из «Егорушки». — Е<вгений> Л<ьвович>! Если у Вас будет сын, то назовите его Егорушкой, в честь Мариныной поэмы, а если дочь — то в честь Мариныной жизни (Мариныной лучшей поэмы) — Мариной. — Прабабушка Скрябиных, когда Б<орис> приходит с топором, вздыхает — «что рубит-то — хорошо, да уж лучше бы без топора как-нибудь... А то — всё думается — рассердится.»

Помним лиловую куртку. Помним летящую голову. — Ваш друг М<агеров>ский женился на толстой жене. Присылайте и пишите стихи.

Помним всё.

Ваша Аля.

— *Письмо четвертое.* —

Москва, 2^я февр<аля> 1921 г. Сретение.

Ланн! Ланн! — мой дорогой Ланн!

У меня от Вас три письма, — одно другого хуже. Первое про авансы (якобы мои — Вам!), второе — так, петухив — вместе с петухивами — и через петухива (для красного словца! — не знаю!) и третье сегодня, — безобразное дважды 1) со службы 2) на букву е.

Но, Ланнушка, я ему так обрадовалась! (Вы бы хоть Цветаевой писали через ъ — а?) — особенно, когда поглядела на число: приблизит<ельно> в те же дни я писала Вам то — большое — первое — настоящее, к<отор>ое д<о> с<их> п<ор> лежит и ждет Шиллингера.

Милый мой Ланн, освободившись от Вас, думаю о Вас с любовью. Авансы — вздор. Это Бог Вам дал большой аванс, с Ним и расплачивайтесь.

Ланн, — посмейтесь мне! — я хочу, чтобы Вы были не только большим поэтом для меня и мне подобных, я хочу — ну, смейтесь же, Ланн! — чтобы Вы в одно утро — как Байрон — проснулись знаменитым.

Недавно я у Г<оль>дов (помните, — чайный стол, веселый доктор, и Ваши четыре коня Апокалипсиса — вскачь — по всем этим головам и чашкам?) — недавно я у Г<оль>дов провела чудесный вечер, одна среди множества угощающихся петухивов — с каменным Паганини — Вами.

Я спрашивала: Ланн? — И Вы отвечали: — Марина!

Беззаботное и себялюбивое существо! Вы пишете мне: пишите! — Да «пишите», п<отому> ч<то> Вам скучно: на службе холодно, а дома все философические книги прочитаны, и вся белая мука проедена на лепешках, — и вот: — «Марина, пишите!» — А мне «пишите» то же самое, что — любите, ибо любить без писания я еще могу, но писать без любления...

Ну, словом я была умилена Вашим письмом...

Красный Конь переписан — красивый — лежит и ждет okazji. По тому, как его никто (кроме Али) не понимает и не любит, чувствую, как он будет принят Вами. — Люблю его страстно. —

Сейчас люблю и пишу «Егорушку», кончила младенчество, и — с материнской гордостью: «нам уж осьмой годок пошел!» — Я не знаю, — так не пишут, я сама в таком восторге, когда пишу, я так вживаюсь в — так больно, кончая, расставаться, — ах, Ланн, при чем тут печатание и чтение с эстрады? — Это просто Божье утешение, как ребенок. И я так же здесь не при чем, как в Але.

Царь-Девушка переписана. Скоро будет перепечатана на рэмингтоне, если удастся расплодить — пришлю. Это мое первое настоящее богатырское детище, (дочка!). И — молниеносная мысль: Сын — и последний — первенец!

Я помешалась на сыне. Вместе с Алей мечтаем о нем. — Егорушка. — Ах, как я благодарна Богу за то, что пишу стихи, — сколько сыновей бы мне пришлось породить, чтобы вылюбить всю любовь!

—

А хотите слово — ко мне — Бориса?

— Марина, ведь Вы — Москва... (Пауза.) ... странноприимная!

(Из моих стихов: Москва! Какой огромный

Странноприимный дом!..)

—

— Ланн, поздравьте меня! Мальчик выходит из партии. — Без нажима — внимательно — человечески — о, как я знаю души! — *защищая* евреев (он — ненавидит!) — оправдывая *ponchalamment*¹ — декрет о вывозении наших народных ценностей за границу — шаг за шагом — капля за каплей — неустанным напряжением всей воли — ни один мускул не дрогнул! — играя! — *играючи!!!* — и вот — сегодня: бунтарский лоб, потупленные глаза, глухой голос: — М<арина>! а я выхожу..

Я, у печки, не подымая глаз: — «Б<орис>, подумайте: выйти — легко, вернуться — трудно. Количественно Вы много потеряете: любовь миллиардов...»

Сейчас поздний вечер. Жду его. — Хотите подробности? Однажды вечером я очень устала, легла на диван. Он сидел у письменного стола, переписывал. Наспех — кое-как — прикрываюсь тигром, уже сплю.

¹ небрежно (фр.).

И вдруг — чьи-то руки, милая медвежья забота: сначала плэд, потом тигр, потом шинель, всё аккуратно, — (привык к окопной жизни!) там вытянет, здесь подоткнет.

И я, молниеносно: — Любит!

— Никто, никто, никто, кроме С<ережи>, сам по своей воле меня не укрывал, — за 10 л. никто! — Я всех укрывала.

А этот — после Зхлетия фронта, митингов, гражданской, вселенской и звериной ярости — сам — никто не учил...

Мне от него тепло, Ланн, мне с ним благородно, люблю его по хорошему — в ответ — благодаря и любуюсь, — это настоящая Россия — Русь — крестьянский сын.

Ах, если бы та армия была: командный состав — Сережа, нижние чины — Борис!

Недавно он был — на парт<ийной> конф<еренции> — в селе Тушине (самозванческом.)

— Там, Маринушка, и земля такая — громкая!

— Некульгурен. — Недавно при мне Игумнова, игравшего Шопена, спросил: — Это Вы свое играли? (На деревенское г — х)

И тот, сначала уязвленный: «У меня своего, вообще, нет, — Бог миловал!» — и, всмотревшись: — «Эх Вы, богатырь!»

Ланн, у нас в Москве появились пружинники: люди на пружинах. Делают огромные прыжки и перелетают через головы прохожих. — В саване. — Руки натерты серой. — Пружинят в моих краях: Собачья Площадка, Борисоглебский, Молчановка. Недавно в Б<орисоглеб>ском кого-то ограбили дочиста. — На углу Собачьей Площадки видели Чорта. Сидел на тумбе. Женщина, шедшая мимо, спросила: — «Что ж это ты, — святки прошли, а ты всё гуляешь?» — Ничего не ответил, — пропустил. И — только она отошла — вопль. Оглядывается: Чорт обдирает какую-то даму. — Пустил без шубы.

26 штук пружинников уже арестованы. — Достоверность. — А в народе их называют «струнниками». — «Растут-растут на струне — до-растут до неба — и с неба-то — ястребом — в прохожего.»

Хорошо? — Расскажите А<лександр> В<ладимировне>.

Знаете, Ланн, как я это вижу?

Я на Севере, Ася на Юге, посредине Вы, раскрывший руки. — Клянусь Богом, что не нарочно получилось распятие! —

Мне сегодня очень весело: от Егорушки — Вашего письма — и оттого что Б<орис> придет.

Аля его нежнейшим образом любит, — как серафим медведя например. Серафим крылат, но медведь сильнее.

Так она никого из моих друзей не любила. — Не ревнует (Вас ревновала бешено!) — встречает, ликуя: — Борюшка! Из этого заключая, что я его не слишком, а он меня очень — любит.

(Не окончено.)

Не отправлено.)

Москва, 9ая русск<ого> февр<алья> 1921 г.

Ланнушка!

Наконец Вы получите мои письма: сразу две okazji. — Ланн, знаете Вы это слово Андрея Белого:

— Восторг перерос вселенную! —

Так вот, — я так живу. — Первый признак: зажатое горло. — Непрестанно зажатое горло.

Я *вышла* из себя, я растеряла себя, докуда взору — духу — вздоху хватает — я.

Поэтому, можно меня не любить, не нужно меня любить, (я давно это бросила!), любящий *меня* — любит часть меня, бесконечно-малую долю! — Только любящий всё — любит — *меня*! Любящий *меня* — меня (МЕНЯ!) обкрадывает.

— Так, сыночек! —

Это я не к Вам, Вы были умней меня (из галантности к своему женскому естеству — иногда — глупею!) — Вы были умней меня, Вы даже не заметили, какие у меня глаза, Вы меня вдохновенно мучили.

Творческая безжалостность, — беспощадность!

Помню Вас с благодарностью.

Ланн, мне всё равно: молодость. Я брезгую бранным. Ланн, мне всё равно: слава. Я выше мёчу. — Ланн, мне всё равно: Любовь. — Я лучшего стою.

У меня распахнутые руки. Последняя стена между Миром и мной — прошиблена. — Ланн, меня уже нет! — Я ЕСМЬ. —

Мое вдохновенное дитя, как мне сейчас с Вами легко! — И как я — всё-таки — счастлива той — минувшей трудностью.

Одного я не понимаю: что Вас, трезвого, зоркого, — ВИДЯЩЕГО! — тогда склонило к моей сознательной слепоте?

Не мужской же гонор! Ибо Вы — особенно, раз дело идет обо мне! — лучшего стоите!

— Ланн!

Ланн, я могу жить без вас! — Ланн, я чудесно — чудодейственно! — живу без Вас.

Знаете слово обо мне моего Бориса:

— «Марина, Вы ведь создаете героев!» — (без пафоса, между прочим, как вещь, самое собой разумеющуюся.)

На бумаге или между двух рук моих — мне всё равно — я живу, окруженная теми, кем должна быть.

Так, Ланн, Вы никогда не возьмете себя обратно.

Видимся с Б<орисом> каждый день.

Крутой вопрос: — «М<арина>! Мы гибнем. Должен ли я уходить из партии?»

— Вы, если я не ошибаюсь, вступили в нее, когда белые были в трех верстах от Воронежа?

— Да.

— П<отому> ч<то> все рвали партийные билеты?

— Да.

— Вы верите?

— Ни во что, кроме нашей гибели. — М<арина>! Скажите слово, и я завтра же выезжаю в Т<амбов>скую губ<ернию>. Но — мы гибнем, Марина!

— «Борис, я люблю, чтобы деревья росли прямо. — Растите в небо. Оно одно: для красных и для белых.»

Ланн, судите меня.

Но Ланн, говорю Вам, как перед Сережей, — я НЕ МОГЛА иначе. — Не мое дело подвигать солдата на измену — в ЧАС ГИБЕЛИ.

Пишу Егорушку. В нем сущность Б<ориса>: НЕВИННОСТЬ БОГАТЫРСТВА. — Борение с темной кровью. Там у меня волки, змеи, вешние птицы, пещеры, облака, стада, — весь ХАОС довременной Руси! Дай мне Бог дописать эту вещь, — она меня душит!

Мне хорошо с Б<орисом>. Он ласков, как старший и как младший. — И мне с ним ДОСТОЙНО. Мы с ним мало смеемся, это меня умиляет. — «Б<орис>, Вы не понимаете шуток!» — Я не хочу их понимать! — Скоро он приведет мне одного своего товарища — очень русского и очень высокого ростом. Приведет на явную любовь, знаем это оба и молчим. — Этот меня не обокрадет ни на щепотку радости! —

Аля его обожает: ей по сравнению с ним — тысячелетие. Если бы Вы видали их вместе! Благостный и усталый наклон ее головы и потерянный взгляд — и его малиновую кровь — рядом!

Да, еще одно слово ко мне Бориса:

— Я не хочу, чтобы Сергей — там — слишком нас проклинал!

(Говорил о необходимости устроить мою внешнюю жизнь.)

И еще — глубокой ночью, слышу сквозь сон:

— У меня две вещи на свете: Революция — и Марина.

(У С<ережи>: Россия — и Марина! — Точные слова.) — «И моим последним словом будет, конечно, Марина!»

Пишу у Зайцевых. Аля здесь учится. В доме несосвятимый холод.

Ланнушка, посылаю Вам Седое утро, — м<ожет> б<ыть> у Вас нет? — Скоро появится сборник автографов, там будут одни мои новые стихи, — с ъ и ь! — Тогда пришло. —

<Далее две трети страницы не заполнены.>

ПИСЬМО К Б<орису>

Москва, 15ая русск<ого> февраля 1921 г., вторник.

— День отъезда —

Борюшка! — Сыночек мой!

Вы вернетесь! — Вы вернетесь потому что я не хочу без Вас, потому что скоро март — Весна — Москва — п<отому> ч<то> я ни с кем дру-

гим не хочу ходить в Нескучный сад, — Вы, я и Аля — п<отому> ч<то> в Н<ескучном> с<аду> есть аллея, откуда, виден, как солнце, купол Храма Спасителя, п<отому> ч<то> мне нужен Егорушка — и никто другой!

Б<орис> — Русский богатырь! — Да будет над Вами мое извечное московское благословение. Вы первый богатырь в моем странноприимном дому.

— Люблю Вас. —

Тридцать встреч — почти что тридцать ночей! Никогда не забуду их: вечеров, ночей, утр, — сонной яви и бессонных снов — всё сон! — мы с Вами встретились не 1^м русск<ого> янв<аря> 1921 г., а просто в 1^м день Руси, когда *все* были как Вы и как я!

Б<орис>, мы — порода, мы — неистребимы, есть еще такие: где-н<и>б<удь> в сибирской тайге второй Борис, где-н<и>б<удь> у Каспия широкого — вторая М<арина>.

И все иксы-игреки, Ицки и Лейбы — в пейзах или в островерхих шапках со звездами — не осият нас, Русь: Б<ориса> — М<арину>!

Мое солнышко!

Целую Вашу руку, такую же как мою. Мне не страшно ни заноз ни мозолей, — я просто не замечаю их! — Лишь бы рука держала перо, лишь бы рука держала такую руку, как Ваша!

Чуть вечереет. — Скоро Вы. — Скоро отъезд.

Заработают колёса. Вы будете улыбаться. И я улыбнусь — в ответ. Я не буду плакать. Я привыкла к разлуке. — Всё мое — при мне! И вся я — при Вас!

Дружочек, забудьте все наши нелепые выдумки, мои дурные сны, Ваш на них ответ.

Всё это — ересь. — Я не Вам верна, а себе, — это вернее. И верная себе, верна Вам, — ибо не Вы, не я, — Дух, Б<орис>! — Наш богатырский дых!

Никогда не забуду: темный бульвар, мой рассказ о Егории — скамейка — спящая Аля — раскинутые крылья шубы. (Где-то она?! Спаси ее Бог, равно как ее хозяина!)

Спасибо Вам, сыночек, за — когда-то — кусок мыла, за — когда-то — кусок хлеба, за — всегда! — любовь!

И за бумагу, Борюшка, и за тетрадочки, и за то, как их сшивали, и за то, как переписывали Ц<арь> Девицу, — и за то как будили и *не будили* меня!

Спасибо за скрипящие шаги у двери, за ежевечернее: Можно? — за мое радостное: Входите.

И затоплена и растоплена Вашей лаской!

И за ночь с 17^е на 18^е февраля — спасибо, ибо тогда прозвучали слова, к<отор>ые — я до Вас — слышала на земле лишь однажды.

Вы — как молотом — выбили из моего железного сердца — искры!

До свидания, крещеный волчек! Мой широкий православный крест над Вами и мое чернокнижное колдовство.

Помните меня! Когда тронется поезд — я буду улыбаться — *знаю* себя! — и Вы будете улыбаться — *знаю* Вас! — И вот: улыбка в улыбку — в последний раз — губы в губы!

И, соединяя все слова в одно: — Борис, спасибо!

Марина.

Москва, 27^я русск. февраля 1921 г.

Мой Сереженька!

Если Вы живы — я спасена.

18^я января было три года, как мы расстались. 5^я мая будет десять лет, как мы встретились.

— Десять лет тому назад. —

Але уж восемь лет, Сереженька!

— Мне страшно Вам писать, я так давно живу в тупом задеревенелом ужасе, не смея надеяться, что живы — и лбом — руками — грудью отталкиваю то, другое. — Не смею. — Вот все мои мысли о Вас.

Не знаю судьбы и Бога, не знаю, что им нужно от меня, что задумали, поэтому не знаю что думать о Вас. Я знаю, что у меня есть судьба. — Это страшно. —

Если Богу нужно от меня покорности, — есть, смирения — есть — перед всем и каждым! — но, отнимая Вас у меня, он бы отнял — жизнь, разве ему <не дописано.>

А прощать Богу чужую муку — гибель — страдания, — я до этой низости, до этого неслыханного беззакония никогда не дойду. — Дру-

гому больно, а я прощаю! Если хочешь поразить меня, рази — меня — в грудь!

Мне трудно Вам писать.

Быт, — всё это такие пустяки! Мне надо знать одно — что Вы живы. А если Вы живы, я ни о чем не могу говорить: лбом в снег!

Мне трудно Вам писать, но буду, п<отому> ч<то> 1/1 000 000 доля надежды: а вдруг?! Бывают же чудеса! — Ведь было же 5ое мая 1911 г. — солнечный день — когда я впервые на скамейке у моря увидела Вас. Вы сидели рядом с Лилей, в белой рубашке. Я, взглянув, обмерла: — Ну, можно ли быть таким прекрасным?! Когда взглянешь на такого — стыдно ходить по земле!

Это была моя точная мысль, я помню.

— Сереженька, умру ли я завтра или до 70 л. проживу — всё равно! — я знаю, как знала уже тогда, в первую минуту:

— Навек. — Никого другого. — Я столько людей перевидала, во столькоких судьбах перегостила, — нет на земле второго Вас, это для меня роковое.

Да я и не хочу никого др<угого>, мне от всех брезгливо и холодно, только моя легко взволнов<ывающаяся> игрющая поверх<ность> радуется людям: голосам, глазам, словам. Всё трогает, ничто не пронзает, я от всего мира заграждена — Вами.

Я просто НЕ МОГУ никого любить!

Если Вы живы — тот кто постарается доставить Вам это письмо — напишет Вам о моей внешней жизни. — Я не могу. — Не до этого и не в этом дело.

Если Вы живы — это такое *страшное* чудо, что ни одно слово не достойно быть произнесенным, — надо что-то другое.

Но, чтобы Вы не слышали горестной вести из равнод<ушных> уст, — Сереженька, в прошлом году, в Сретение, умерла Ирина. Болели обе, Алю я *смогла* спасти, Ирину — нет.

С<ереженька>, если Вы живы, мы встретимся, у нас будет сын. Сделайте как я: *не* помните.

Не для В<ашего> и не для св<оего> утешения — а как простую правду скажу: И<рина> была очень странным, а м<ожет> б<ыть> вовсе безнадеж<ным> ребенком, — всё время качалась, почти не говорила, — м<о-жет> б<ыть> — рахит, м<ожет> б<ыть> — вырождение, — не знаю.

Конечно, не будь Революции —

Но — не будь Революции —

Не принимайте моего отношения за бессердечие. Это — просто — возможность жить. Я одеревенела, стараюсь одеревенеть. Но — самое ужасное — сны. Когда я вижу ее во сне — кудр<явую> голову и обхмызганное длинное платье — о, тогда, Сереженька, — нет утешенья, кроме смерти.

Но мысль: а вдруг С<ережа> жив?

И — как ударом крыла — ввысь!

Вы и Аля — и еще Ася — вот всё, что у меня за душой.

Если Вы живы, Вы скоро будете читать мои стихи, из них многое поймете. О, Господи, знать, что Вы прочтете эту книгу, — что бы я дала за это! — Жизнь? — Но это такой пустяк. — На колесе бы смеялась!

Эта книга для меня священная, это то, чем я жила, дышала и держалась все эти годы. — Это НЕ КНИГА. —

Не пишу Вам подробно о смерти Ирины. Это была СТРАШНАЯ зима. То, что Аля уцелела — чудо. Я *вырывала* ее у смерти, а я была совершенно безоружна!

Не горюйте об Ирине, Вы ее совсем не знали, подумайте, что это Вам приснилось, не вините в бессердечии, я просто не хочу Вашей боли, — всю беру на себя!

У нас будет сын, я знаю, что это будет, — чудесный героический сын, ибо мы оба герои. О, как я выросла, Сереженька, и как я сейчас достойна Вас!

Але 8 л. Невысокая, узкоплечая, худая. Вы — но в светлом. Похожа на мальчика. — Психея. — Господи, как нужна Ваша родств<енная> порода!

Вы во многом бы ее поняли лучше, *точнее* меня.

Смесь лорда Ф<аунтлероя> и маленького Домби — похожа на Глеба — мечтательность наследника и ед<инственного> сына. Кротка до безвольности — с этим упорно и неудачно борюсь — людей любит мало, слишком зорко видит, — зорче меня! А так как настоящих мало — мало и любит. Плам<енно> любит природу, стихи, зверей, героев, всё невинное и вечное. — Поражает всех, сама к мнению других равнодушна. — Ее не захвалишь! — Пишет странные и прекр<асные> стихи. Вас помнит и любит страстно, все Ваши повадки и привычки, — и как Вы читали книгу про дюйм, и потихоньку от меня курили, и качали ее на качалке под завывание: Бу—уря! — и как с Б<орисом> ели розовое сладкое, и с Г<ольце>вым топили камин, и как зажиг<али> ёлку — всё помнит.

Сереженька! — ради нее — *надо*, чтобы Вы были живы!

Пишу Вам в глубокий час ночи, после трудного трудового дня, весь день переписывала книгу, — для Вас, Сереженька! Вся она — письмо к Вам. Вот уже 3 дня, как не разгибаю спины. — Последнее, что я знаю о Вас: от Аси, что в начале мая были письма к М<аксу>. Дальше — тьма...

— Ну —

— Сереженька! — Если Вы живы буду жить во что бы то ни стало, а если Вас нет — лучше бы я никогда не родилась!

Не пишу: целую, я вся уже в Вас — *та́к*, что у меня уже нет ни глаз, ни губ, ни рук, — ничего, кроме дыхания и биения сердца.

Марина.

АЛЯ. Слова: одномастный, по́плавь (как — поступь)

Я: прикровь.

Аля: М<арина>! А папа ведь тоже — когда пошел на войну — получил перевязь — Вашего сердца?

(2^м русск<ого> янв<аря> 1921 г.)

М<арина>! В X — столько козлиного, — точно его сам козел родил!

— Бог создал человека только до тальи, — над остальным постарался Дьявол.

Не-спать — это не: не спать. — Определенное занятие — дар — искусство — призвание.

Аля: кровотрясение.

— Марина! Целая Африка!

(на угли.)

Диалог:

Аля: — М<арина>! Чего Вы бы больше хотели: письма от Ланна или самого Ланна?

Я: — Конечно — письма!

Аля. — Какой странный ответ! — Ну, а теперь: письма от папы, или самого папу?

Я: О! – Папу!

Аля: – Я так и знала.

Я: – Оттого что это – Любовь, а то – Романтизм.

Аля: М<арина>! Ведь у него эти припадки бешенства от избытка души!

...Диким скоком – думаю душиТЬ! – нет, стряхает в угол соплю!
(О сумасш<едшем> сапожнике.)

Аля, – в ответ на угощение:

– «Ах, М<арина>, не всё ли равно – в какое чрево попадет!»

Я: – «Ах, Аля, я поняла! Люди богаты хлебом-солью, а мы людьми, к<отор>ые к нам приходят и уносят наши последние хлеб и соль.»

Я: – «Аля, тебе не жалко нашего хлеба?»

Аля: – «Нет, М<арина>, мы отдали цыгану хлеб, а получили взамен искру его цыганской души, п<отому> ч<то> душа цыгана – костер. Он пожирает вещественное и благодарит огнем.»

Я, шутя: – «Вот замерзнем без дров, и зароят как собаку – без гроба...»

Ланн, с пафосом: – «О Марина! Уж гроб бы я Вам достал!»

Я, так же: – «Лучше бы – дров...»

Мое отношение к человеку – шест, к<отор>ым я его – для себя же – подпираю.

Я люблю, чтобы человек без меня стоял прямо.

Аля: М<арина>! У Вас даже ночь – солнечная, а у Ахматовой – и день лунный.

Аля, читая Джунгли:

М<арина>! Вы знаете – кто Шер-Хан? – Брюсов! – Тоже хромой и одинокий, и у него там тоже Адалис. – «А старый Шер-Хан ходил и

открыто принимал лесть!» — Я так в этом узнала Б<рюсо>ва. А Адалис — приبلуда из молодых волков.

—

Я: стенкой кормимся (РОСТА), стенкой топимся, стенкой успокаиваемся.

—

Дух у меня иногда шалит телом, никогда: тело — духом.

Так, распахивая крылья, как птица...

Или: — Так, раскрывая руки, как ангел...

—

Аля: Спасибо, М<арина>, ешьте, — я уже во сне наелась! — Всё такие большие!

(зерна курмы.)

—

Аля, требующая, чтобы наш диван, который покупают, не чинили.

—

МАРТ 1921 г.

Тело женщины — постоянный двор, иногда превращающийся в колыбель.

(Беременность.)

Когда душа безоружна, т.е. не в напряжении, в нее сразу врывается весь чужой идиотизм — не только *современный*: *довременный*!

Люди не только умны чужим умом, но еще глупы — чужой глупостью.

—

Аля, смеясь:

М<арина>! Как они глупы! Они пишут на заборах: «Если сын ваш просит у вас хлеба, — кто из вас даст ему камень?»... — Точно сами не знают, что ДАСТ!

—

<Далее до конца записной книжки 17 страниц не заполнены.>

**ФРАГМЕНТ
ЗАПИСНОЙ
КНИЖКИ**

9

1922

Всё это РЗЛ. Бэжен:

не впродолжение самого лучшего из себя, но
 это много раз — ордено. Все сразу в
 Дюно: кто меня разводит? Дурно? Дурно
 А СД, разрыв с Россией, как у, ~~федерации~~
 же всего казавшего, ставшего ~~самым~~
 самым и самым.

Всё с. соу? (Дав садам) — Дурно.

Чай или кофе? — Да.

о: 1000 и даю как всего, или только.
 аваят отсюда уйдут, — ~~задание~~

Всё это, но вообще физ. вкл.

Жак Анкет — ~~неизвестно~~, ~~официально~~
 из — не удаю. Но не ~~человек~~
 даю сил.

Иду в физ. — Радости! — Дурно.

Я стою на. Я знаю, что чужие мои
 же — всё. Презреть своих же: кого сам
чужий и оно — чужий! — чужий.
 И чужий не чужий, но чужий чужий
всё всё.

Но это чужий. Со оно, чужий чужий
чужий и чужий чужий чужий, но
чужий. чужий чужий чужий.

Я знаю, что

Вот это — все время — по линии фронта
 Хершманенко, в изобретении, в изобретении
 Вот, о чем я думаю, — дети дети, а кто это
 то маленький друг. Ии-фе: у нас, и кто
 кто в дети дети, мать в дети дети
дети, и.е. дети дети дети
 Не это, правда (а дети дети и кто
 в дети, дети дети (дети) и
дети дети дети, а дети дети дети
дети дети дети дети дети;
 и.е. дети дети дети.

х) Ии-фе: я дети дети дети, дети дети
дети. — дети дети! —

Дети не дети дети, а дети. Кто дети
 и.о: дети дети дети дети, дети дети, дети
 Кто дети дети, дети дети: дети
 (Кто дети дети дети дети) — дети
дети — дети — дети на дети
дети дети. А дети дети дети
дети! Но дети дети дети!
 А дети дети дети

19^{та} мая 1922 г. Берлин

<Я> не употреблю самого пустого из слов, но <то>, что творится — огромно. Всё сразу в <две?> ладони: творческий расцвет (взрыв!)<,> громадность ЧАСА, разрыв с Россией, канун, <одно слово зачеркнуто> и <жи>знѣ всего названного, ставшая слитностью, <ед>иным именем.

Чего я хочу? (Действенно) — Ничего.

Что мне надо? (<слово не вписано>) — Всё.

<Т.>е.: 1000 и одну ночь бесед, мир заново. <З>ахват отсутствующей, — захвачена.

ВНЕ личного, ибо вообще живу *вне*.

<Я>, захваченная — неприкосновенна, опрокинутая — не падаю. Ибо НЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ <мне> дает силу.

Удар в грудь. — Радость? — Нет.

Я спокойна. Я знаю, что *путь* моей <жи>зни — мимо. Прекрасно-спокойна: ноги сами <не> <и>дут и *они* — недра! — правы.

И руки не тянутся, ибо этого руками <не> возьмешь.

Но это идет со мной, взятое (данное мне?) п<отому> ч<то> мне больше всех надо, по <пр>екрас<ому> закону справедливости.

Я знаю, что <не дописано.>

Встреча — для меня — по всем фронта<м:> в человеческом, в творческом, *в недрах*.

Всё, о чем говорю, — *для меня*, я только принимаю удар. Или же: удар, напр<авленный> *в мир* попал мне в грудь.¹ И чтоб<ы> *принять*, т.е. пошатнувшись устоять (не от гордыни, (а дабы удар не поп<ал> в пустоту, дабы *мир* (твердыня) не <ока>зался пустотой,) а дабы руки не ушли <в> пустоту) нужно оказаться миром, <—> т.е. БЕЗЛИЧНЫМ.

Это не речитатив, а отчет. Хочу то<чности?> т.е.: сказать МЕНЬШЕ того, что есть, ск<азать?>

Хочу остова: ВНЕ тленного: личного.<.>

(Не есть ли эмоция (личное) — риза — одежда — плоть на костяке вселенского? А раньше я думала<:> сердце! Но сердце СГНИЕТ!)

¹ Иначе: я попала под удар, направл<енный> *в мир*. — Справляйся! (Примечание М.Цветаевой.)

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

10

1923

1923г

Лехус

Ланер (взвешивание)
Техус (взвешивание)

1923 г.

ЧЕХИЯ

<Поперек страницы:> Ганек (переводы)
через Гришина

Купить
штокки (всяческой)
тон<кой> резинки

<Внизу перевернутой страницы:>

Ваш знакомый музыкант (Подашевский?) в восторге.

<Рукой А.С. Эфрон:>

Рюрик, Синеус и Трувор.

Рюрик княжит в Новгороде, Синеус на Белоозере, и Трувор в Изборске. После С<инеуса> и Тр<увора> Рюрик княжит на севере, а его сын Игорь в Киеве и Новгороде.

По смерти Рюрика (879) княжит его родственник Олег, опекун Игоря. Олег покорил Смоленск и Любеч. В Киеве он погубил Аскольда и Дира. Основался Олег в Киеве и говорил, что Киев «мать городов русских». Олег пошел на Константинополь (907), опустошил окрестности и осадил город.

Греки откупились, заключили договор, подтвержденный в 912 г. Олег создал из разобщенных городов и племен большое государство, вывел славян из подчинения хозарам и устроил путем договоров правительные торговые сношения Руси с Византией.

По смерти Олега (912) вступил во власть Игорь. Он сделал два набега на Малую Азию и Константинополь. В первый раз в морском бою греки победили, во второй раз Игорь помирился с греками на условиях договора 945 г. Игорь погиб у древлян, с которых хотел собрать двойную дань.

Ольга (Helga) осталась с маленьким сыном своим Святославом, и стала сама княжить. Она приняла христианство и <не дописано. Конец записей А.С. Эфрон.>

<На пустой странице:>
Русская!

Топота и грохота: это национальности возвращаются, отобедав, подкрепившись, за выре <весь абзац вычеркнут.>

Топоты и грохоты: это н<ационально>сти возвращ<аются> с кормежки. Подкрепившись кониной, за вырезки. (Лучше бы вырезку, а? Кстати, до Рев<олюции>, руку на сердце положи, не только не отлич<ала> вырезку от требухи, — манной крупы от муки не отличала! Не отличала — были, отличаю — нет...)

— «Товарищ Иванов, Вы собственно понимаете, что мы делаем? — Составл<яем> журн<ал> газетн<ых> вырезок. — А для чего? — Для справок. — «Товарищ Ив<анов>, знаете, что такое — мы с Вами? —? — «Пересел<ение> народов». <Весь абзац вычеркнут.>

— Тов<арищ> Ив<анов>, знаете, что такое мы с Вами, сейчас, после их обеда? — ? — Пересел<ение> народов — даже без конины! — Смеется и, озабоченно: — «Тов<арищ> Эфрон, тов<арищ> Z (завед<ующий>) может зайти, спровадим-ка поскорей эти грехи... (Разгребает:) ... Продв<ижение> Красн<ой> Армии... Стеклова статья... Ликвид<ация> безграмотн<ости>... Долой белогвард<ейскую> свол<очь>... — Это Вам... — Буржуазия орудует.. Опять Вам... Все на красн<ый> фронт... Мне... Белоподкладоч<ники> и белогвар<дейцы>... Вам... Приспеш<ники> Колчака... Вам... Зверства белых... Вам...

Потопаю в белизне. Под локтем — Мамонт<ов>, на колен<ях> Деникин, у сердца — Колчак. Здр<авствуй>, моя «белогвардейская сволочь».

Строчу со страстью. «Жест, коим адм<ирал> Колчак возвращает морю (ибо морем, а не Царем дано!) — золотое оружие — ... Кстати, что такое «un beau geste» ... En faisant un beau geste pour une belle cause...¹ Beau geste без belle cause² — невозможен... Все пресловутые <не дописано.> Побольше бы таких beaux gestes³ <Две последние фразы вычеркнуты вертикальной линией.> И кажд<ый> beau geste — ответственность. Beau geste — это рука, выброшенная сердцем... Знамя Иоанны, кончающееся костром, золотое оружие Колчака, кончающееся...

— «Товарищ Эфрон, да Вы не так подробно. Газету, №, число, кто, о чем, — учитесь у меня, я сначала было тоже так — полотнищами. Да Z наставил: бумаги много изводите...»

¹ «красивый жест»... Делая красивый жест ради прекрасного дела... (фр.)

² Красивый жест <без> прекрасного дела (фр.).

³ красивых жестов (фр.).

— А Z верит? — Во что? — Во всё это. — Да что тут верить? Пиши, вырезай, клей... — «Сбагривай... <над строкой:> Получ<ай> жалов<анье>» — «Он очень образованный человек», я всё еще не потерял надежду...» Я: — «Представьте, мне тоже кажется! Я с ним недавно встрет<илась> у вешалки: четверть первого! Ничего, даже как-то умно посмотрел... Так Вы надеетесь?...»

— «Как-нибудь вечером непременно затащить его в клуб эсперантистов.

— Аспирант в эспиранты? Espère, enfant, demain! Et puis demain encore, et puis toujours demain... Croyons en l'avenir. Espère! Et chaque fois que se lève l'aurore, soyons là pour prier comme Dieu pour nous bénir. Peut-être que...¹ Стих Ламартина. Вы понимаете по-французски?»

— Нет, но предс<тавьте> себе, очень приятно слушать. Ах, какой бы из Вас, т<овари>щ Эф<рон>, эсперантист...

— Тогда я еще скажу. Я в б кл<ассе> об этом стихе сочинение писала. A une jeune fille qui avait raconté son rêve...

Un baiser... sur le front! Un baiser — même en rêve!

Mais de mon triste front le frais baiser s'enfuit...

Mais de l'été jamais ne reviendra la sève,

Mais l'aurore jamais n'atteindra la nuit.²

Потом он вспоми<нает> какие-то тропинки, напоми<нает> о том, что мужч<ины> без плотск<ого> вождел<ения> (какая низость, а?) даже на лилию не смотрят... и в доказ<ательство>

...Un baiser sur le front! Tout mon être frissonne,

On dirait que mon sang va remonter son cours...

Enfant! — ne dites plus Vos rêves à personne

Et ne rêvez jamais... ou bien — rêvez toujours!³

Правда, трогат<ельно>? Тот француз, к<оторо>му я писала это сочинение, был немножко в меня влюб<ен>, впрочем вру: это была ф<ранцужен>ка, и я была в нее влюблена...

— Товарищ Эф<рон>! (Шепот почти над ухом.) Вдраг<иваю>. Навстречу рука с куском хлеба <над строкой: Передо мной «белый негр»>: «Вы не обед<али>, я Вам хлеба принесла... Только плохой, с отр<убьями>...» — «Господи!» — Краска заливает лицо. В глазах туман. (Не от

¹ Верь, дитя, в завтра! И потом опять в завтра, и потом всегда в завтра... Будем верить в будущее. Надеемся! И каждый раз, когда встает заря, будем там, чтобы молить Бога благословить нас. Быть может... (фр.)

^{2,3} Перевод см. в разделе «Примечания».

плотск<ого> вождел<ения>!) — «Но Вам же самой, я так смущена»... — «А Вы думаете... (морда задорная, в кажд<ой> бараньей кудре — вызов) ... я его на Смол<енском> купила? Мне Филимович с <пропуск слова> стола дал, полов<ину> съела, полов<ину> Вам... Завтра еще обещал...»

(Молн<иеносная> мысль: завтра же подарю ей кодьцо, — то, тоненькое, с веточкой. Она хорош<енькая> и ей нужно. А я всё равно не сумею продать...)

Дон. — Дон. — Два часа! И — озарение — сейчас придумаю срочность и уйду. Про белогв<ардейцев> сейчас кончу — и уйду. Еще $\frac{1}{4}$ часа — и уйду. Быстро и уже без лир<ических> отступл<ений> осыпаю серую каз<енную> бумагу бисером своего почерка... Жемчуга. — Только ъ выскак<ивает> контррев<олюционно>, в виде церковки с куполом: ъ.

...«Товарищ Керженцев кон<чает> свою статью пожеланием Де-никину»... Пожелаем же в свою очередь тов. К<ержен>цеву...»

— «Сахар<ин>! Сахар<ин>! На сах<арин> запись!» Все всаки-в<ают>. Надо воспольз<оваться>...

Вкрадчиво и быстро подсовываю Иванову свои вырезки. Покрываю $\frac{1}{2}$ подар<енного> хлеба (друг<ая> полов<ина> — детям) — «Тов<арищ> Иванов, я сейчас уйду... Если Z спросит, скажите, в кухне воду пью...» — «Идите, идите...» Сгребаю тетрадку с Казановой (урывк<ами> пишу), кошёлку с 1 ф<унтом> соли... и боком, боком...

— «Тов<арищ> Эфрон». (Нагон<ает> меня уже в перед<ней>). — «Я завтра совсем не приду. *Очень* бы Вас просил, приход<ите> — ну — к 10 $\frac{1}{2}$. А послезавтра, тогда, совсем не прих<одите>. Вы меня крайне выручите... Идет? — Есть. — Тут же при недобрж<елательных> швейцарах молодц<евато> отдаю честь — и гоном — гоном, белогвардейск<ой> колоннадой, по оснеж<енным> цветникам, оставл<ая> за собой и национ<альности>, и сахар<ин>, и эспер<анто>, и Наташу Рос-тову — домой, к детям, к Казанове: в себя.

Спас на Бору, Неч<аянная> Радость, «пятисоб<орный> несравненный круг», ту синюю церковку с 5ым купол<ком> за Мос<квой>-рек<ой>, фабрику Эйнем (обожает шоколад), все 4 сквэр<а> Храма Христа, сам Храм, если хочет, 4 орлов у пам<ятника> Алекс<андру> III,

<над строкой:> и Царя Освоб<одителя>, если рад<уется> освобожд<ению>, ту, мою аллею, где слева сопровожда<ют> главы Кремля.

Спас на Бору, Нечаянная< Рад<ость>, «пятисоб<орный> несрав<енный> круг», ту синюю церк<овку> с <слово не вписано>, фабр<ику> Эйнем (обож<ает> шок<олад>), все 4 сквэра у Храма Хр<иста>, сам Храм, если хочет, 4 орлов у пам<ятника> Ал<ександру> III <над строкой:> Царя-Миротворца, и Царя-Освоб<одителя> (если рад<уется> освобожд<ению> крестьян) – и всё Замосквор<ечье> – и все мощи – и все звоны – калинов<ые> и малиновые – издариваюсь.

И в ответ, вдохнов<енный> и бессвяз<ный> лепет о Марине: Марине – мне, Марине Ц<ветаевой>, Марине Мнишек.

И я, *оскорбленная*: Марина?! Когда – Весна! Когда – Москва?! Нет, Вы меня правда не люб<ите>.

<На нижнем краю перевернутой страницы:>

чаю
 масла
 сырков
 рыбок
 хлеба (хауст.)

Когда я уезж<аю> из города, мне каж<ется>, что он конч<ается>, перест<ает> быть. Так, о Фрейб<урге>, напр<имер>, где я была девочкой. Кто-то расск<азывает>: В 1912 г., когда я проездом через Ф<рейбург>г.. Первая мысль: Неужели?.. (Т.е.: неужели он, Ф<рейбург>г продолж<ается>, *есть*.) Это не самомнение, я знаю, что я в жизни город<ов> и людей – ничто. Это не: *без меня?!*, а: *сам по себе?!* Т.е. он действ<ительно> есть (будет, был) вне моих глаз есть, не я его выдумала?

Когда я ухожу из челове<ка>, мне каж<ется>, что он конч<ается>, перест<ает> быть. Так о Z, напр<имер>. Кто-то расск<азывает>: В 1918 г., когда я встрет<ился> с Z. Первая мысль: Неужели? (Т.е. неужели он, Z, продолж<ает> быть...) Это не самом<нение>, я знаю, что в жизни людей – ничто... – и т.д. —

Оговорка: «конч<ается>, перест<ает> быть» читай не: проваливается, а – застывает. На том самом месте, на том самом жесте... Как в стереоскопе.

Не было ничего. Из ничего (мною) выколдовано. Пока держала глазами – жило (росло). Отпустила – стоит (город, человек) каким я его в посл<еднюю> секунду видела. Пребывает, а не продолж<ается>.

Повтор<яю>, это не самоин<ение>, это глубокое, невинное изумление.

Мне всегда любопыт<ен> закон, никогда – я.

Смерть – это не конец. («Только начало?» – Тоже нет.) Смерть – это <не дописано.>

— Откуда же изумление, что и другие видели, раз, как Вы говорите, (чел<овек>, гор<од>) пребывает?

— В том-то и дело <Последние четыре абзаца вычеркнуты наискосок.>

— Откуда же это изумление, что и другие видели (город, человек<е-ка>). Раз, как Вы говор<ите> (гор<од>, чел<овек>) пребывает?

Конч<ается>, перест<ает> быть. Здесь нужно различ<ать> два случая.

Города и люди, в коих <не дописано.>

Сильно обжитые (оживленные? выжатые) мною люди и города пропад<ают> безвозвратно: как проваливаются. Не звонкие Китежи, а глухие Геркуланумы.

Те же, лишь беглым игрищем мне служившие – застывают. На том сам <не дописано.>

Это дост<оинство> – у меня есть: безвозвратность.

Когда я слышу о первых, я удивл<аясь>: неужели *стоит*? Когда я слышу о вторых, я удивляюсь: неужели *растет*?

Повтор<яю>, это не самоин<ение>, это глубокое, невинное, подчас радостное изумление.

И на самом деле <зачеркнуто>.

Слушаю, распраш<иваю>, участвую, рукоплещу и – втайне: Не Фрейбург. Не тот Фрейбург. Личина Фрейбурга. Обман. Подмена.

Если часто уезжать, можно обезлюдить (обезгродить!) всю Европу!

14-ти л<ет> я бы<ла> ув<ерена>, чт<о> э<то> м<ои> гл<аза> за-
ж<игают> в М<оскве> фонари.

У нас <не дописано.>

В нашем <зачеркнуто.>

У нас в К<омиссариа>те есть домашняя церковь

В нашем Наркомкаце (вместо Наркомнаца!) есть домашняя цер-
ковь, – соллогубовская, конечно. Рядом с моей розов<ой> залой. Не-
давно с «белым негром» пробирались. Тьма, сверкание, дух как из по-
гребка. Стояли на хорах. «Белый негр» крестился, я больше думала о
предках. (Привидения!) В церкви мне хочется молиться, только когда
поют.

Любовь – и Бог. Как это у женщин совмещается. (Любовь, какой-
н<и>б<удь> мальчишка, конечно: записки, поцелуи и прочий вздор.)
Кошу на своего белого негра: молится, глаза невинные. С теми же не-
винными глазами, теми же моленными устами...

Если бы я была религиозна и если бы я любила мужчин, во мне бы
это всегда спорило. Во мне бы это дралось, как цепные собаки.

И, выходя, глубочайшим из своих вздохов: Бедный Бог!

Предки существ<уют> только для того, чтобы являться. Верней:
только, когда являются, они – предки.

Люблю только чужих предков, своих у меня нет (ничего не знаю!)
если бы были – открестилась бы.

Предки вне меня, как «дворянские гнезда». Чистейшая фикция,
за которую в любой миг, готова умереть.

Благословляю Бога за то, что от рожд<ения> избавив меня от вся-
кого имущ<ества>, тем сам<ым> избавил меня от позора (в 1919 г.) его
защищать и оплакивать.

Насколько чище, веселей, вдохновенней защищать чужое! Бес-
корыстным лучем брыз<нет> кровь!

У меня где-то на Пол<янке> – свой дом. – Честное слово! – пер-
вое, что я сказ<ала>, к<огда> нач<алась> Рев<олюция> (С<ереж>е) –

Слава Богу! Теперь, раз его нет, не нужно платить налогов! (Собирать доходов – что то же.)

Ужас этого дома был в <зачеркнуто.>

Отнять у меня дом – это один из щедрейших даров – мне – Революции.

Кстати, не была в нем с марта 1917 г. И в ту сторону не хожу. Тихий ужас: а вдруг *стоит?* (Тайная надежда: сломали!)

Ненавижу места, где жила <не дописано.>

Не одни объятия связыв<ают>. И, если я себе (Вам?) отказыв<аю> в них, то для того лишь, чтобы лучше и глубже и пуще – по-иному! объять. Я ведь не спрашив<ала> Вас, есть ли у Вас любовн<ица>. – Какое мне дело! – как и Вы в свою очередь не ревнов<али> меня к моим Heine и Hoffmannsthal'ам <над строкой: Platen'ам>...

«Платоническая любовь»? – да из лютых лютейшая!

Эвристикины асфодели

Веймар и май.

Продвигающаяся по пашн<ям>.

Для тех

Свидания ножик востер

Не должно Орф<ею> сх<одить> к Эвр<идике>

И брат<ьям> тре<вожить> сестер.

<Внизу, поперек страницы:>

Прив

Мне тесно в обит<ели?> рук

в мраморе

Тесно в одиночной камере

Небо — 3/9 земель

Аля: Сумасш<едший> свя<щенник> оплакив<ающий> кажд<ую> секунду.

Диалог о домике
Переставь
Навалитесь
О не превышение ли полномочий
Орфей, твоя

За эт<от> — пожизн<енный> Ад
<Далее несколько слов, записанных отдельно в столбик и в строчку, не под-
даются прочтению.>

Весна наводит сон. — Уснем!
Хоть врозь, — а всё ж сдается: вм<есте>
Разрозн<енный> свой сон
Авось увид<имся> во сне
А всё-таки
Кому печаль мою повем
Великую: с тобой не спать

И заспан протирая

Как зуб к десне
Как дуб к сосне
Как чуб к ...

«Не нашла своего лица». У поэта должно быть не лицо, а голос.

Осмысл<енная> гибель — корыстна. Обменять чужую жизнь на свою. Выкупить у смерти.

А — «так, с колокольни» — бескорыстие окончательное.

Там: смерть *за*, здесь — во имя.

Бросаться с колокольни — то же, что сгорать на костре: Богу от этого не прибудет.

Умирать, когда другому не нужно

<Два последних абзаца заключены в общие круглые скобки.>

Умирать во имя (любви) — то же что сгорать на костре: Богу от этого не прибудет. Это отсутств<ие> внешней необходим<ости> и <не дописано.>

Сила любви определ<ается> бессмысл<енностью>, бесплод<ностью> жертвы, равно как ценность жертвы — ее бессмысл<енностью> и бесплод<ностью>.

Жертва в себе.

Наичистейшая жертва не ищет поводов (огонь — дров).

Без <не дописано.>

Савонар<олов> костер горит не деревом, а его, Савонаролы, жаждой. Жаждой, к<отор>ую никакой водой не потушить.

Савонарола на себе себя сжег.

Упорств<ующий> Авраам

Жертва, это есть страсть к гибели.

Определ<ить> понятие «осмысл<енности>».

Осмысл<енность> жертвы пред<еляется> ее необход<имостью>

Осмысл<енность> гибели пред<еляется> 1) ее необход<имостью> (нужн<остью>, удобностью, ведомостью) лицу, за кое гибнем. И 2) ее нравств<енным> влиянием, примером для других, ее ведомостью, гласностью.

Осмысл<енность> гибели пред<еляется> *другими*. (Прос<ти?> их!)

След<ующий> пример: погибн<уть>, спасая жизнь Царю (от физич<еского> его спасения — вплоть до утешения его в последн<ую> секунду перед казнью, вплоть до утеш<ения> его *заочного*: меня в Тоб<ольске> расстрел<яли>, а там, в подв<алах> Мос<ковской> Чека *за меня* в этот час умер другой <над строкой: в этот час умир<ает.>

Погибнуть, спасая жизнь Царю (за!) – и погибнуть секунду после его расстрела, один, в своей комнате, без записки – во имя. Послед<няя> гибель – вне необх<одимости> Царю и вне прим<ера> др<угим> – бессмысленна.

Ни Царю ни людям (прим<ер>) от этого не прибует. Бессмысл<енная> гибель, как гибель бесприбыльная, всегда во <не дописано.>

Сила любви <не дописано.>

Смерть «во имя», как гибель бесприбыльная

<Три последние фразы вычеркнуты косой линией.>

—
 Всякая смерть «за Бога» – бессмысленна: Богу никогда не при<бывает>.

—
 Ликование этой гибели.

— и погибнуть в минуту его коронации – один – в комн<ате> –
 <над строкой: так с башни – без> – «без записки» – во имя.

«Так <не дописано.>

—
 Сила любви опред<еляется> ее невозможн<остью> терпеть.
 Убеждена, что в моих стих<ах> множ<ество> совпад<ений>.
 Тютчев и я 17 л<ет>.

—
 Я забываю, что я Королева, но когда забываешь об этом – ты.

—
 Мой долг <над строкой: прихоть>, как женщины <над строкой: как Королевы>, забыть, что я Королева, твой долг, как придвор<ного> – мне об этом напом<нить>.

—
 Я забываюсь только с тем, кто не забыв<ается>.

—
 Забыв, что я Королева, я еще не заб<ыла>, что ты придворный.

Я забываю, что я Королева только <над строкой: до часа>, пока не забыл об этом — ты...

Я готова заб<ыть>, что я королева, только бы не заб<ывал> об этом — ты.

Моя власть, Королевы, забыть, что я Королева, твой долг (прив<орного>) об этом помнить.

Р<age>	Стр.	18
75		20
44		52
98		54
		93
		95
		117
		139

Ем хлеб и поношу — да. Только корысть — благодарна. Только корысть мерит сущность <над строкой: целое> по куску данному ей. Только себялюбие, детская слепость, *глядящая* в руку, утвержд<ает>: Он дал мне сахару, он хороший. Сахар — хороший, да.

Но неужели я так плоха, что буду мер<ить> чужую бессмертную душу по тому дал ли мне челов<ек> или нет. Неужели такой естеств<енный> жест как *дать* приобрет<ает> такую огромную важность из-за приставки *мне*. Я-то ведь знаю, как дают: слепо! И я разве сама стерплю, чтобы меня благодар<или> за хлеб? (За стихи не стерплю!) Вот что <не дописано.>

Хлеб — разве это я?! Стихи (песенный дар) — разве это я?!

Я, это под небом, одна. Отойдите и благодарите.

Я не хочу низко думать о людях. Когда я даю хлеб, я даю голодн<ому>, т.е. желудку, т.е. не-показательному для человека. Его бессмерт<ная> душа здесь не при чем. Я могу дать любому и не я даю: любая. Хлеб сам себя дает.

И я не хочу верить, чтобы любой, давая моему желудку, требовал за это с моей души, связывая меня за это благодарностью.

Но не желудок дает: душа! Нет, рука. Эти *дары* не личны: стыдно предпоч<есть> один жел<удок> другому, а если и предпочитать: то бо-

лее голодный. Более голодн<ый>, на сегодня, *мой*. Я за это не ответ-
ственна.

Если бы я смогла <не дописано.>

Так, установив дающ<его> (руку) и получающ<его> (желудок) —
странно требовать руке от желудка благодарности.

Души благодарны, но души благодарны исключительно за души.
Спасибо за то, что ты есть.

Всё остальное — от меня к челов<еку> и от челов<ека> ко мне —
оскорбление.

Неужели эта кровность: дать <над строкой: естественность, подра-
зум<еваемость> <не дописано.>

Неужели эта кровность, естеств<енность>, подразумеваемость
(для меня): *дать* неизбежно должна превратиться в какое-то чудо только
из-за приставки <над строкой: из-за того что>: *мне*.

Неужели этот естеств<еннейший> из жестов: *дать* сразу должен
превр<атиться> в моих глазах затмиться в моих глазах ложно-клас-
с<ическим> пафосом <не дописано.>

Неужели эта кровн<ость>, естеств<енность>, подразум<еваем-
ость> для меня дать, сразу должна для меня вырасти <не дописано.>

Неужели эта частность, малость, подразумеваемость <для меня>
дать неминуемо должна сразу вырасти в какую-то гору из-за прист<ав-
ки>: *мне*

Разве *мне* так показ<алось> <не дописано.>

Дать, это вопрос не сердца, а прим<ер> хор<оших> привычек.
Дать (всё, кроме души) — это не актив наш! Это не личность наша! Даже
жизнь отдать за.

Дать, это как дышать. Когда челов<еку> не дают дышать — он
мертвый.

Так <не дописано.>

<Три последних абзаца вычеркнуты одной линией наискосок.>

Дать, это не актив наш! Не личность наша! Не <слово не вписано.>
Не выбор.

Как жизнь не есть отсутств<ие> смерти, так и личность не есть
<не дописано.>

Дать, это не актив наш! Не личность наша! Не знак! Не выбор!
Как жизнь не есть отсутств<ие> смерти, так и личность человека не
есть отсутств<ие> зверства. Зверство не дать. Дать — корректность.

Дать, это отсутствие зверства

<Два последних абзаца вычеркнуты наискосок.>

Хлебу — увы — мы обречены до гроба, но благодарн<ость> оста-
вим, оставьте.

Неприлично есть, когда другой голоден. Корректность — и некая
солидарность желудков.

Дать, это не актив наш! Не личн<ость> наша! Не страсть! Не вы-
бор.

Если бы мы давали кому *мы* хотим — мы были бы последние него-
дья. Мы даем тому, *кто* хочет.

О, берущий, не обременяй нас своей памятью<!>

Его голод (воля!) вызывает наш жест (хлеб). Дано и забыто. Взято
и забыто. О, особенно это! Никакой связи, никакого родства. Дав, от-
межевыв<аемся>, взяв, отмежевыв<аемся>. Мы, дающий и берущий,
осуществл<аем> в эту секунду как<ой-то> мир<овой> закон, некий
жест мировой круговой поруки.

Хлеб. Этого не будет Там. И не будет следов<ательно> за не<го>
«благодарн<ости>». Всё, чего не будет Там, не нужно уже и здесь. При-
нимаемая (давая) хлеб, оставим (оставьте!) за него благодарность.

Память о хлебе должна исчерп<аться> посл<едним> глотком в
пищеводе

Хлеб – самоцель. Жест – самоцель. *Без последствий.*

Деньги странств<уют> через мног<ие> руки, стихи странст<ву-
ют> через многие души (пока напишу!) – что же мое тогда?

Хлеб. Жест. Дать. Взять. Этого не будет там. Поэтому всё возн<и-
кающее> из дать и взять – ложь. Сам хлеб – ложь. Так будем же покор-
ны <не дописано.>

Ничто, постр<оенное> на хлебе, не уцелеет. Опара наших хлеб-
ных чувств при хладной т° бессмертия неми<нуемо> опадет. Так не бу-
дем же замешивать.

Брать стыд<но>, нет – давать стыд<но>. (Вспомните, как Вы пла-
тите д<окто>ру!) И, если мы не стыд<имся> давать нищему, это дока-
з<ывает> только нашу носорогом обросш<ую> кожу.

Давать, это знач<ит> <не дописано.>

Нет, д<октору> не стыд<но> (часто богаче нас!) а вот нищему –
стыд<но>.

<Три абзаца вычеркнуты двумя прямыми линиями.>

Давать, это знач<ит>: иметь больше, чем др<угой>, иметь всегда
возможн<ость> его купить.

К счастью, этим стыдом даяния награжд<аются> только нищие
(деликатн<ость> их дара!) Богатые ограничив<аются> стыдом д<ок-
то>р<ского> визита.

МАЙ

NB! Это так прелом<ляется> в В<аших> глаз<ах>! (Люди обо мне
и мире)

Нет, не прелом-ляется: выпрям-ляется!

Будь я критик<ом>, т.е. имей я боль <не дописано>, я бы о своих
Земн<ых> Прим<етах> отрезала<?>:

— «Поразительная легк<ость> в мысл<ях>!»

<ПЕРЕПИСКА С С.Я. ЭФРОНОМ
НА ДОКЛАДЕ Р. ШТЕЙНЕРА

Ц. — рукой Цветаевой, Э. — рукой Эфрона.>

<Ц.>: 1) Как в церкви! 2) Посрамляет естество<енные> науки.
3) Скоро уйдем. 4) Совсем *не постарел* с 1919 г.

<Э.>: Лев распластан, ибо полагает, что этот ersatz¹ Лёва его посрамляет сплошными Grossartig² ами.

<Ц.>: Терпи. Накормлю яичницей. Бедный Утапэ! Ты настоящий <рисунки головы льва.> Если Шт<ейнер> не чувствует, что я (Психея!!!) в зале — он не ясновидящий.

<Э.>: Бюллетени о состоянии Льва: Успокоился. Обнаружил трех Львов на стене. К Псевдо-Льву свое отношение определил: «Злая Сила!»

<Ц.>: Жалею Льва. Этот похож на *Чтеца-декламатора*.

<Э.>: Для меня — на иностранном, незнакомо яз<ыке>.

<Ц.>: 1) Он обращ<ается> исключ<ительно> к дамам. 2) Простая, элемент<арная> пропаганда антропософии. 3) Будет ли перерыв?

<Э.>: Сам жду. Вдруг нет? Вдруг до утра? А?! Лев.

<Далее в записной книжке двенадцать страниц не заполнены.>

МЫСЛИ

У каждого свое повторяющ<еся> событие в жизни. Это и есть «судьба».

(То, что мы помимовольно и непреложно, одним явлением своим на пороге — вызываем. Следствия, вырастающие из ходячей причины: нас.)

—

Не весна в дер<евне>, — деревня в Весне. (Ибо Весна стихия и в деревне вмест<иться> не может...)

«Русские березки», «русский можжевелник»... Ложь. Самообман. Если не скаж<ут>, не отличишь.

Весна — Стихия, и мне от нее ничего, кроме нее, не нужно. В Росии я любила весну, но не весну же в России!

¹ суррогат (нем.).

² великолетиями (нем.).

Стало быть — безразлично: Чехия или Россия? Да везде, где дерево и небо — там Весна.

Ну, а в Африке? Нет, в Африке — будет Африка, не весна. Там, для меня, пришлое, баобаб одолеет дерево. Надо родиться среди баобабов.

Для меня опасны слишк<ом> выявл<енные> города и страны. Отвлекают. Стихии не подробны.

Когда я иду в лес, я иду в свое детство: в ведение и в невинность.

Если бы я была мужч<иной>, я непрем<енно> любила: замужнюю женщ<ину>, безмужн<ую> женщ<ину>: ненужную женщину.

Предрассудок, предшествующее рассудку, с молоком матери всосанное: не преобраз<енный> ли инстинкт?

Так, отродясь и особенно в великий моск<овский> Голод никогда не заглядыв<алась> на те или иные продов<ольственные> витрины гастр<ономов> — Еще подум<ают>, хочу! Еще под<умают>, не могу! Явн<о> хот<еть> и не мочь, — мерзость!

И вот, в 1923 г. в Праге, от одного бывш<его> гвард<ейца> узнаю: мой всосанный предр<ассудок> — парагр<аф> гвард<ейского> устава: Никогда не загляд<ываться> на витр<ины> особенно — гастро<номические>.

Я не воспит<ывалась> в Гвардии, — либо мой предок какой-нибудь. А составитель устава — просто нищий гордец.

Начитанность тоже делает одиноким, «вращение в высоких кругах».

Есть, очевидно, и круговая порука зла: он, не желая, мне, я, не желая, другому, тот, не желая, еще кому... Безымянная.

Низшие платят за грехи высших: каждое я — промежуточ<ная> ступень.

Есть в моих юнош<еских> стихах <не дописано.>

Остров Pathmos – не на тебе ли я род<илась>?

Эротика, это похоже на рот и на грот.

Тело! Вот где я его люблю – в деревьях. Березы! Эвридики!

Platon и Platen.

Интонация: голос<овой> умысел.

ЛВ/20 г. Б<альмонтов>ское ведро! –

В моих стихах кто угодно спут<ается>. Ничтожн<ые> поводы
иногда вызывали эпохи.

Прис<яжные> повер<енные> и поэты.

Объект.

Единств<енное> чего я никогда не ощущ<ала> стихией: любовь.
Дружба (Д) – да!

От конца – до начала

До свидания великого

Vorfühlen, nachfühlen¹

Вы пойм<ете>, когда пройдет, я прежде чем стряслось.

Сострадай

Вне катастроф/разит<ельное> отсутств<ие>

Я живу умыслами

Люди по мне проход<ят> бесследно, выходит: они – волны, а я –
камень чужой смерти.

выпеть и выжечь.

Медлен<ность> и неуклонность роста. Не хочу того слова: оно
круг (из рук!), Вы простор моей души, мой беспред<ельный> дом.
Гораздо <слово не вписано>, чем всё.

Встреча д<олжна> быть аркой. Не в упор, иначе лбом сшибеешь-
ся, а радугой, чтобы *действ<ительно>* встрет<иться>.

Чем дальше основы арки, тем выше арка. Нам нужно отой<ти>
далеко/Для нужной нам высот<ы> встречи, нам нужно отойти очень,
очень, очень далеко, м<ожет> б<ыть> (отступая спиной) и немножко
оступиться в небытие – /до пред<ела> / по ту сторону

Кусочек из Диккенса.

¹ Предчувствовать, сочувствовать (нем.).

Мои стихи, как мои пл<атья> хороши в темной комнате. При яр-
к<ом> свете дня : сплош<ные> пятна и дыры (ожоги).

М^{ше} Rol<and> у под<ножья> эшафо<та>.

Зло своих <слово не вписано> – исчис<ляет> миллиар<дами> N<.>

Дух своих любимцев знает *позвездно*.

Море отражает дно (себя, недра). Дно – одно.

Река отраж<ает> небо (вне).

У реки не мож<ет> быть лика, только бег и голос. Лик ее – небеса
над ней/те небеса, п<од> коими протек<ает>.

В изв<естном> смысле я *безлична*. Море *дно* включает.

Меня могла бы удовлетворить <над строкой: Не оскорб<ила> бы
меня> только страсть ангела: его стыд (с 7 семисотого неба), превыша-
ющий мой (с 7^м)

Еще: его стыд (*mésalliance*¹) вместо моего собственного.

Серебр<яным> ковшом из того же безд<онного> моря – вот Ах-
м<атова>.

Бог (магнит) некоторых забыл снабдить сталью.

15^м нов. апр<еля>

Чувство, что дорога *за мной* пропад<ает>: зараст<ает> по следам.

Дети меня жестоко ненавидели в детстве. Я не простила детям.

¹ неравный брак (*фр.*).

Мои стихи всегда моложе меня, никогда не догонят. Я пишу себя назад, а не вперед.

—
Мой страшный страх обид.

—
Меня нет: обижайте пустое место! Я за обиды не отвечаю.

—
femme sage¹ и sage-femme² (сыграть)

—
Белый о Блоке. Внутр<енняя> рад<ость>, дающая внешнюю.

—
Застава, т.е. начало всяческой беспред<ельности>: дали, горя, песни.
ни.

—
Я расскажу тебе о том, как важно

В летейском городе моем живу.

—
спутаны

Г<де> сроки

веки

Именем завладели

предсонных, заумных

—
Больные дарящие шоколад

—
Издаривающие

¹ мудрая женщина (фр.).

² повивальная бабка, акушерка (фр.).

АПРЕЛЬ (конец, 29ая)

Говорят, самое люб<овное> вр<емя> – полночь. Неправда: час призраков.

Еще: рассвет. Неправда: слушаешь гудки заводов и вокз<алов>, тоску просып<ающегося> дня.

Нет любовн<ого> часа, а если есть, то скорей уж полдень, слепость, когда душа отс<утствует>.

Если бы любовн<ая> любовь не включ<ала> в себя: наслажд<ения> <над строкой: улады> и забавы, я бы пожалуй ее любила. Если бы она была совсем горькой.

Дорваться друг до друга. Да, но не для ликования же! Не для забавы. Как в воду.

Поступ<ок> не есть отнош<ение>, отнош<ение> не есть оценка, оценка не есть сущность.

Сущность – умысел <над строкой: (интон<ация>)>, слышна только слухом.

29ая н<ового> апр<еля>

Еще о благодарн<ости>

Благодарна я вне-лично, т.е. лишь там, где я помимо добр<ой> воли чел<овека> и без его ведома, могу взять сама.

Благодарн<ость>: от любования до восхищ<ения>. Я могу любовать<ся> только рукой, отдающей последней, следов<ательно>: я никогда не могу быть благодарна богатым.

– Разве что за робость их, за виноватость их, делающую их невинными.

Благодарн<ость> за хлеб (*даяние*) я допускаю только молчаливую. В явной нечто *устыждающее* дающего.

<Далее тридцать две страницы в середине книжки оставлены незаполненными; ниже следуют записи второй половины записной книжки, начатой с другой стороны.>

3 Вильгельм
 Бергсон, Пауль Стронг,
 Селия Паульсен, Бернар Шенн, Сэм
 Тестори гуше, Студенс из ма-
 кетинской.

Парадиз 11.1.1917
 Леонард, Пугачев III, Саузер II
 Мерс, Печенкин.

Вики
 Ульрих, Свинин, Брандт, Дитрих
 Паульсен, Дитрих
 Дитрих и Шенн
 Мерс (Дитрих) Вилли (из Шенн)
 3000. 1917. Дитрих.

КРОТОВ

Dieckhoff, K. (Berlin)
 Friedrichsen, C. (Berlin)
 38

Dieckhoff, K. (Berlin)
 Friedrichsen, C. (Berlin)

<На шмуцтитуде, рукой С.Я.Эфрона?:>

Fg. Hanek

Vinohrady

Na kozabse č. 7

<Далее рукой М. Цветаевой:>

Купить

Гильзы

Нафталин

От колен

Кофейник

С<ереже> Башмаки

Kaiserallee, 215

bei Halle (К.Ис.Еленева)

Berlin-Wilmersdorf.

280

75

51

31

4

4

20 коп.

185

<Рукой адресата(?):>

Glienicke. Nordbahn.

bei Berlin.

Oranienburger Chausse 38

Frau Igumnova.

меланхолический пир скотов (Алин)

<Рукой А.С. Эфрон:>

У Египтян

Бог солнца Ра, или Амон. Сын Ра Осирис, Бог тьмы. Есть Пастырь душ Анубис с шакальской головой.

—
Фараоны

Хеопс. Тутмос III и Рамзес II, Нех, Псамметих.

—

Реки

Нил, Синий и Белый. Озеро Файумское, Озеро Мёрис.

Города и местности

Мемфис (Мёрис), Фивы (зн<аменитый> Лабиринт в 3000 поко-
ев.) Гизехское поле

КОНЕЦ

ВАВИЛОНИЯ И АССИРИЯ

Цари

Семирамида, Саргон, Асархаддон, Ассурбанипал, Сарак, Навухо-
доносор, Набонед (Валтасар).

Города

Ниневия, Тир

Реки

Евфрат, Оронт, Тигр

Боги

Бог солн<ца> Бел. Иштар, богиня любви, плодородия и войны.

МИДИЯ И ПЕРСИЯ

Боги

Ормузд, бог солнца, Ариман – тьмы.

Города

Экбатана, Суза, Сарды

Цари

Какасар, Кир, Крез, Дарий Гиспасп, Канбиз

ФИНИКИЯ

Порты

Сидон, Тир

Города

Кадикс, Гадир, Карфаген, Коринф, Аргос, Фивы

Боги

Вал, Астарта

<Далее в столбик записаны семь греческих слов.>

Финикия

<Страница оставлена пустой; здесь кончаются записи А.С. Эфрон.>

Стройный, вытянутый в струнку, как нитка собственного пробора вытянутый – В<олодя> Ал<ексеев>. При красоте – робость, это я встречаю во второй раз в жизни.

Стройный, вытян<утый> в струнку, безукоризн<енный> как собственн<енный> пробор – Володя Алекс<еев>.

– «М<арина> И<вановна>, Вы не пойдете к заутрене?»

(Молниеносно: Отец, мать, братья, священ<ная> «традиция» – и: здесь!)

– «Я не думала идти, да, я думала идти с Алей... Идемте, конечно!»

Идем на кухню, поднимаем Алю. Стоим у Бориса и Глеба. Женский хор. – Ах, одна подробность! При входе В<олодя> покупает свечи. Я, отойдя и вернув<шись> – «Мне две, пож<алуйста>». И он: Я уже взял. (Т.е. понял, что за С<ережу> и за Алю!)

После службы отвод<им> Алю домой, а сами до свету кружим по Москве, плывя по всем колоколам. У Хра<ма> Хри<ста> стоим у каменного отвеса. Оба молчим. Я думаю: «Раз ты в этот час со мной, а не дома, я тебе дороже отца, матери и братьев. Раз ты в этот час со мной, а не со своей любимой девуш<кой>, я тебе дороже твоей любимой девушки. Раз ты в этот час со мной...»

Когда-нибудь – лет через 20 – я это занесу, восстановлю – всю встречу. В этой книжке я мало о нем пишу, как о С<ереже>. То, что слишком близко к сердцу... Есть и у меня, словесницы, стыд слова.

А пока, в двух словах: к Володе у меня – стихия благодарности, и за этот приход его, залюбленного (красавец!), ко мне, парии, за этот отказ его от дома во имя меня, бездомной, за этот жертвенный безмолвный пасхальный дар – что бы он ни делал потом, какие глыбы греха на себя ни громоздил – ему: любовию моей – всё простится!

Есть, очевидно, иной бог любви, кроме Эроса. – Ему служу. –

Две страсти этой зимы: В. Алекс<еев> и Сонечка Голлидей. Когда-нибудь, в свой час, закреплю это в слове.

(Страсть для меня: любование и благодарность.)

Да снимите вы свои кольца! Да снимите Вы свою холку! Уступлю кольца — потребуют пальца, уступлю холку — потребуют лба.

Я — вся — не нравлюсь, люди только валят на мои «земные приметы». Отталкивает костяк, а не кожаный пояс, ребро, а не ремень вокруг, лоб, а не волосы над, рука, а не перстень на. Отталкивает мое наглое умение радоваться поясу, чолке, кольцу *вне* отражения в их взгляде, мое полное несчитание с этим оттолкновением, отталкиваю Я!

Поэтому — ничего не снимаю.

Будет час, отвалится, свалится всё: и кольцо, и палец, и ребро, и пояс, и холка, — всё кроме лба. Лоб пребудет. И с этим, — этим лбом предстану, этим лбом обелюсь.

NB! Я не стою ни за одну свою «земную примету», т.е. «земную» уступаю, (суть, материал, как: <слово не вписано>) (вещественность: как: серебро кольца, кожа ремня, и т.д.) я уступаю, примету (смысл) нет.

Я не стою ни за одну свою земную примету в отдельности, как ни за один свой стих и час, — важна совокупн<ость>.

Я не стою даже и за совокупн<ость> своих земных примет, я стою только за право их на существование и за правду — своего.

Я та песня, из к<отор>ой слова не выкинешь, та пряжа, из к<отор>ой нитки не вытянешь. Не нравлюсь — не пойте, не <слово не вписано> — не облачайтесь.

Только не пытайтесь исправить, это дело не чело<веческое>, а Божье: будет час — сама (т.е. иным велением!) расплету, расплещу, распушу: песню отдам ветрам, пряжу свою — гнездам. Это будет час моей смерти, моего рождения в другую жизнь.

А пока это спаяно, сплетено, сцеплено — не подступайтесь, это только значит, что я еще живу.

¹ Подчеркнуто тремя чертами.

Стихи — относит<ельная> известн<ость> моя оберегают меня от многих добрососед<ских> наглостей. — Спасибо им! —

Если бы я эти стихи не печатала, а просто писала, мне бы пришлось выслуш<ивать> ушами всё то, что я сейчас — глазами — читаю: «Оригинальничание... привлечь внимание...»

Я бы *оглохла* от человек<еской> грубости. Ослепнуть мне не страшно, — я и так слепа! Кроме того, больше всего в жизни я ценю слух.

И — перелет в Германию —

Моя страна, моя родина, колыбель моей души! Моя оклеветанная крепость духа! Крепость духа, к<отор>ую принято счит<ать> тюрьмой для тел.

W<eisser> H<irsch>¹ у Дрездена, 1910 г., мне 17 лет, в семье пастора — курю, стриж<енные> волосы, хожу на свидание к Кентавру (<слово не вписано> в лесу) — с Кентавром же! Было мне там когда-либо кем-либо сдел<ано> замеч<ание>? Хоть взгляд? Косв<енный> взгляд один? Хоть помысел?

Это страна своб<оды>. — Утвержд<аю>. — Страна высш<его> счисления человека с человеком, личн<ости> с личн<остью>, безличности с личностью. Только там — на протяж<ении> всего земн<ого> шара — мне дыш<ится>, только там я не оплевана.

Там бы я хот<ела> умер<еть> и там — я непр<еменно> — в след<ующий> раз — рождусь.

«Ausflug»... «Ins Grüne»...² Ежевоскресно — всей семьей — на волю, и ежечасно Ausflug — в одиночку — ins Blaue³. Aether, Heilige Luft⁴. Я, м<ожет> б<ыть>, дикость скажу, но для меня это — продолженная Греция, древняя Греция, юная Греция. Германцы унаследовали, и только из их рук, из их уст я, не зная греческого, согласна вкушать тот нектар и ту амбросию Эллады.

¹ Белый олень (нем.).

² «Экскурсия», букв.: «Вылет из...»; «На природу», букв.: «В зелень» (нем.).

³ в лазурь (нем.).

⁴ Эфир, священный воздух (нем.).

Во мне много душ. Но главная моя душа – германская. Во мне много рек, но которая сравнится с Рейном?

Вид готических букв сразу ставит меня на башню: не буквы, а зубцы! В герма<нской> церкви я молюсь, в Германском гимне я растворяюсь, я бы предпоч<ла> быть последн<им> подданным в Герм<ании>, чем царем где бы то ни было.

Германия своих сынов любит, Германия – мать, а не мачеха. За Германию я бы все<ми> кост<ями> и все<ми> буд<ущими> де<тьми> св<оими> легла.

Роковая ошибка – мое рождение в России! У меня голова от рождения поставл<ена> высоко, глаза, как раскр<ылись>, взглянули ввысь, я не могу этой вечной совести, этого вечного ворошения глубин и червей, этой славянской нем<оты? ощи?>, славянск<ой> косности.

Франция для меня легка, Россия – тяжела, в Герм<ании> ноги на земле, голова в небе, Германия – дерево, дуб, heilige Eiche¹, Герм<ания> – точная оболочка моего духа, с Герм<анией> я срослась: ее реки (Ströme!) – мои руки, ее рощи (Haine!) – мои волосы, она вся – моя, и я – вся ее!

—
«Edelstein²» – в Герм<ании> я бы любила бриллианты.

—
«Немцы – мещане»... Нет, немцы – граждане. Bürger³. От Burg: крепость. Немцы – крепостные Духа.

– «А полиция! А кварт<ирные> хозяйки! А сплетни! А вязание чулок!»

Да, в России городовые – архангелы, кварт<ирные> хозяйки – Сивиллы, сплетни – райские флейты, а чулки?

В Герм<ании> знают долг, в Герм<ании> его исполн<ают>: бабуш<ка> вяж<ет> чулки, дочь вар<ит> обед, внучка <не дописано.>

Не чулочновязальная «Наполеон» на Воздвиженке. (Достоверность.)

<Два последних абзаца зачеркнуты вертикальными линиями.>

Ах, вздор! Притеснен в Герм<ании> толь<ко> притесняющий.

¹ священный дуб (нем.).

² Драгоценный камень (нем.).

³ Гражданин (нем.).

Дух — всегда освободитель, ergo¹: в Герм<ании> дух притеснен быть не может. И в Герм<ании> только, в этой стране страстн<ой> любви к Родине, могло прозвучать это правдив<ое> слово любви, а не ненависти (Platen'a)

— Wie bin ich satt von meinen Vaterlande!²

У нас поют и продают.

Война. Не Ал<ександр> Блок воюет с R.M.Rilke, а машина с машиной. Причем тут *ненав<исть>* к Герм<ании>. Я машину, стихию машин<инную> ненавижу.

Что же Вы чувств<овали> во вр<емя> в<ойны> с Герм<анией>?

— Бесконеч<ную> жал<ость> и бескон<ечное> удовл<етворение>, что немцы — тоже люди, т.е. звери («Герм<анские> зверства».)

— Ну, а победы?

— Победы естеств<енно> жел<ала> России.

— Почему?

— Атавизм. Постыдный.

<Вопрос и ответ вычеркнуты вертикальной линией.>

— Почему?

— Победы жел<ала> тем кто в дан<ную> битву был побежден.

Арка

<Половина страницы не заполнена.>

Так, Азия, напр<имер> очаг — чумы. Но цель чумы превр<атить> весь мир в очаг! Чума сама отречется от Азии. Чума рвется на Запад, как К-з<ъ?ь?> на Восток: зло не хочет родины! Зло хочет <не дописано.> Герм<анские> газы не усидели в Герм<ании>, зло не сидится! Зло качество (родину) отдает за количество, Духу нужно — хорошо, Злу — много!

Теперь обр<атимся> к злу: Зло в пределе планеты, безлично. Его слуги (Круппы, <имя не вписано> Ленины) — только слуги, медиумы. Крупп — это завод, Ленин — это декрет и т.д. Ни имени, ни лика. Их имя — собирательное, никто не думает ни о их отцах, ни детях. Ленин

¹ следовательно (лат.).

² (Платена) — Я сыт по горло своим Отечеством! (нем.)

вне Р<еволюции> не существ<ует>, просто не любопыт<ен>. Его существов<ание> обусловл<ено> количеств<ом> поданных за него голосов, колич<еством> голов, восприняв<ших> его учение, кол<ичеством> рук, ему рукоплещ<ущих> и т.д.

Ленин — без арены — ничто.

(Таинств<енное> соотв<етствие> между обществ<енными> деят<елями> и актерами. Очевид<но> актеры тоже слуги зла.)

Но, что важнее: Ленин и для себя не существ<ует>, он первый скажет: *меня нет*. Я — голос <над строкой: глашатай> масс. И он, и каждый парт<иец>: «Не Ленин — так другой»...

(О Гёте этого не скажут!)

Но в беспред<ельности> вселенной — зло лично. «Земное зло». (Других не знаю.)

МЫСЛИ: (Конец апреля)

Чудо в физич<еском> мире ограничено, ибо огр<аничен> сам физ<ический> мир, но чудо (безгранич<ное>) огра<ниченным> быть не может, следов<ательно>: или чудо происх<одит> не в физич<еском> мире, или же в физич<еском> мире чудеса не происходят.

А м<ожет> б<ыть> другие (сущности!) вскрыв<аются> исклю<чительно> в любви (Эросе). Но может ли сущность вскрыться в частности? И в частности, да. Но почему именно <над строкой: исклю<чительно> в этой?

Может ли сущн<ость> (Аполлон, Дионис, Люцифер, etc) вскрыв<аться> исклю<чительно> в Эросе?

Нет, сущности скрываются, пропадают в Эросе. М<ожет> <быть>, под этим угл<ом> зрения — он и есть из богов сильнейший.

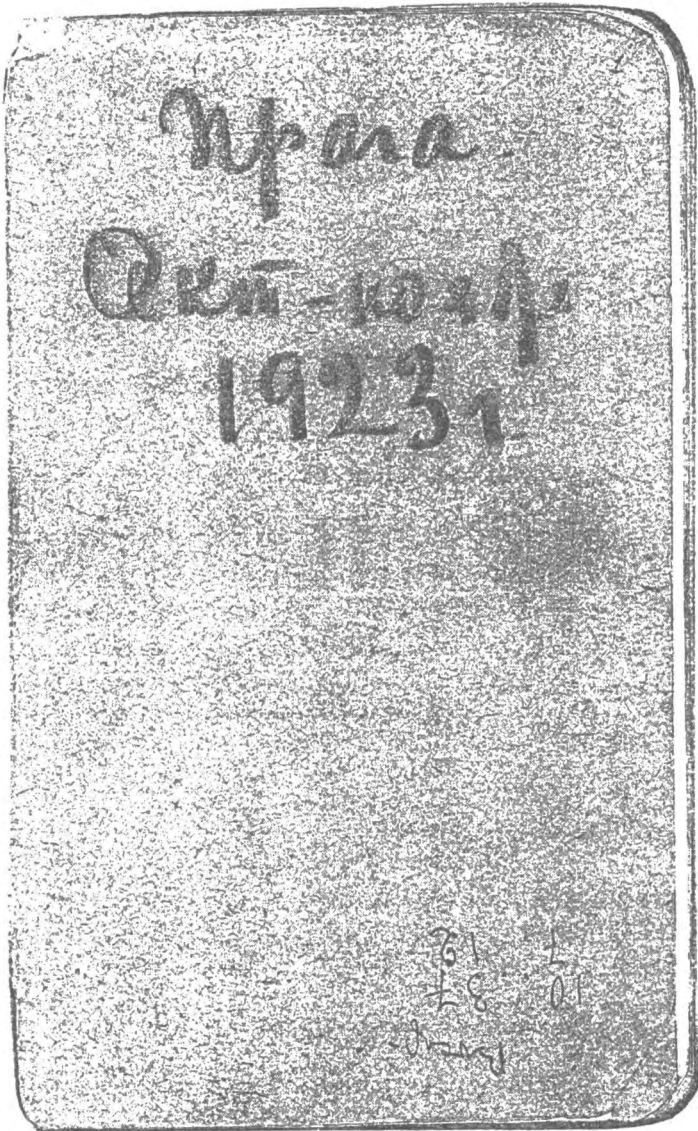
«Поэт в любви». Нет, ты будь поэтом в помойке, да.

Да и то ложь: ибо частность Эроса в сущности Диониса напр<имер>, растворяется.

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

11

1923

За Ариадну боролись два божества Афродита (любовь земная) и Дионис
Осмыслить Диониса

Кто была мать Ариадны и Федры? («Преступн<ая> любовь»).
Ар<надна> и Ф<едра> дочери Миноса. – Что с матерью?

Федра у меня *не* рассужд<ает>, только хочет

Федра боится *только* быть отвергнутой, отнюдь не преступления.
Исступление гордости, а не совести.

Трезенская земля.

Есть (должны ли быть) у Федры дети?

у Эвр<ипида> Федра умирает из-за *опозоренности*: страх перед Тезеем и пр.

Федра умерла, п<отому> ч<то> Ипполит *достоверно* ее отверг.

Тезей *любил* Федру.

Посейд<он> обещ<ал> Тезею исполн<ить> *три обещанья*. Тезей просит для сына гибели.

Ипполит:

Гимны Орфея, бескров<ная> пища. Трезенские поля. Венетские кони.

Удар. Вал, преслед<ующий> колесн<ицу> и пуг<ающий> коней. Кони понес<ли>, колесо – о кам<ень>, колесн<ица> опрок<инулась>, Иппол<ит> удар<яется> о скалу и кони влач<ат> его по берегу.

У Эвр<ипида> всё выдает кормилица, без воли Федры. – Ложь. – Кормил<ица> только передает.

У Эвр<ипида> явление Артемиды и благ<ой> конец. Ипполит не выдает клятвы, не оправдыв<ается> перед отцом. Федру изобл<ичает> Артемида.

По мифу всё выдает кормилица.

Смысл: Тезей, бросивши Ар<иадну>, проклят Афродитой и должен, одно за др<угим>, тер<ять> всё, что любит. Мстя Тезею, Афрод<ита> зажиг<ает> в сердце его жены Федры страсть к Ипполиту (сыну Амаз<онки>)

Встреча Ипп<олита> и Федры. (Можно в лесу). Письмо Федры под деревц<ом>.

Роль кормилицы? *Не* соблазнит<ельница>, она только убежд<ает> Федру в *удаче*, дает ей последн<ю> уверенн<ость>.

Очень важна роль кормил<ицы>.

Очень важно: союз Ипполита с Артемидой, его отрицание Афродиты. Гнев Афродиты и на Ипполита. (Один брос<ает> свою любимицу на остр<ове>, др<угой> не чтит самоё Любовь.) Только Федра здесь жертва, Федра – *средство*, через Федру Афрод<ита> уничтож<ает> и Тезея и Ипполита, Федру она, как Ар<иадну>, любит.

Афродита.

Восточное происхожд<ение> культа. Чтят также на остр<ове> Крит.

Влажное время года, богиня влажной весны.

Любовн<ики> Афрод<иты>: Адонис на Кипре, Гефест на Лемносе, Арес в Фивах, Анхиз – в горах Иды.

Золотая Афрод<ита>

Слова Федры Афр<одите>: знала и ты, по убит<ом> Адонисе плача

Критские героини: Пасифая, Ариадна, Федра. Борьба Артемиды (Иппол<ит>) и Афродиты (Федра.)

Яблоко. Мирт. Роза. Голубь. Widder¹ (?)
Дельфин, лебедь.

Дионис.

Бог влажн<ых> мест. Дионис воскрес<ающий> и умира<ющий>. Скала, на к<оторо>й он спал с Ар<иадной> – источник нект<ара>.

Плющ, виноград.

Минос.

Сын Зевса. Остров Крит. Главный город Кноссы(ос). Общение с Зевсом в пещере. Законы Миноса. Господ<ство> над морем.

Позднейш<ие> источн<ики>: злой и грозный царь, царь тьмы (единств<енный> просвет – сын!) Жена – Пасифая.

Два варианта: Минотавр рожден Пасифаей от быка, принадле<ежащего> Зевесу.

2) Минотавра (чудов<ище>) Минос получает со дна морского, от Поссейд<она>. Пасифая чувств<ует> к нему страсть.

¹ Баран (нем.).

Два Миноса: символ солнца, *светлый*, и др<угой>: пещерный, Минос тьмы. Минос – охотник.

Пасифая: мать Ариадны и Феды. Найти – смерть Пасифаи.

Миносу покровит<ельствуют> Зевес и Посейдон. Единств<енная> любовь Миноса – убитый сын.

Думаю, правильнее будет сдел<ать> Миноса царем тьмы, близ<кого> друга Минотавра. Минотавр ему нужен и Минотавра он ненавидит. М<ожет> б<ыть> Пасифаю – вовсе отбросить.

Минотавр.

Владел<ец> лабиринта. Требуе т кровав<ых> жертв. Лабиринт – карт<а> звездного неба.

Необх<одимо> понять: кто от кого зависит: Минотавр от Миноса или Минос от Мин<отавра>? Кто кого держ<ит> в страхе. Думаю – Минотавр ропщ<ущий> слуга. Нечто вроде сообщн<чества>. Минотавр поддерж<ивает> в Миносе злое. Ариадна, рукой Тезея, убивает зло, освоб<ожда> отца. Ариадна – освободительница.

<Нижняя половина страницы не заполнена.>

Вернув<шись> леж<ала> как мерт<вая> на полу.

Я перед В<ами> не вин<овата> (я В<ас> не зн<ала>) я перед люб<овью> винов<ата> я готова была мол<иться>, у меня была вера отчаяния. Госп<оди>, сд<елай> чудо, дай мне пов<ерить> в тебя (в люб<овь>) Ибо если Бог – один, люб<овь> – одна, ибо, если Бог есть, л<юбовь> – есть. А пот<ом> под<умала>: смерть. Это было огр<омное> облегч<ение>, ед<инственно> возм<ожное> в эт<от> час. Смерть и мост. В тот час.

То, что у меня было д<о> с<их> п<ор> – импрессионизм (прост<ите> за дурн<ое> слово!) отдельн<ые> мазки и блёстки, разрознен<ные>.

Дум<аю> о см<ерти> с усл<адой>. М<илый> я бы хот<ела>, что-бы это было

Так, покончив с э<стою> шк<олой>
Тихо молвлю н<а> ложе тиш<изн>
У живущ<их> жиз<нюю> веселой
Да<леко> не вес<елая> жизнь.

Держ<ите> ме<ня> крепче, не отпуск<айте>, не уступ<айте>, не возвращ<айте> меня – Жизни. Столкн<ите> лучше в Смерть. Де<ло> не в то<м>, что<бы> пис<ать> стихи.

Эт<о> можно расск<азывать>, когда впер<еди> дост<аточно> врем<ени>, чтобы *забыть*, т.е. будущ<ее> целой ночи или целой жизни.

(Я же не рас<сказывала> ни<чего> преступн<ого>?)

Это можно расск<азывать>, когда есть увер<енность> что др<угой> знает, к<ак> ты его люб<ишь>.

После В<ас> – никого: лучше смерть.

Вы еди<нственный> кто попросил у меня всей меня, кто мне ска<зал>: л<юбовь> – есть. Так Бог прих<одит> в жизнь женщ<ины>.

Пов<ерьте> в меня

Есл<и> бы В<ы> б<ыли> со мной, Вы бы увид<ели>, что я изме<нилась>. Моя болезнь – это только Ва<ше> отс<утствие> в м<оей> живой жизни. Когда Вы ух<одите> – я к<ак> призр<ак>.

И всё-та<ки> я *НЕ* бы<ла> легкомысл<енной>.

Я верн<улась> дом<ой> полум<ертвая>. Ни Г¹, ни Минос, ни Ап<остол> Пав<ел> не помогли. Постояв локт<ями> на столе, лежа-жав зат<ем> на полу, не ст<авя> вопр<осов>, не поним<ая> (соб<ственных>) отв<етов> зная только одно: умереть! – я нак<онец> прибегла к св<оему> обычн<ому> лекарству: природе. Выш<ла> на улицу, и сразу – на теп<лые> кры<лья> ветра, в поток фонарей. Ноги сами шли, я не ошущ<ала> тела. (Р<одзевич,> я поняла: я одерж<има> де-

¹ В СТ имя также не расшифровано.

монами!) Это было почт<и> небытие, первая сек<унда> души после смерти.

— Этот рассказ. Что в нем было так<ого> ужасн<ого>? Да то, что я, рассказывая, виде<ла> себя воочью, что, вороша весь этот прах, ощуща<ала> его как настоящее — эт<о> была очн<ая> ставк<а> с собой. И что я почув<ствовала>? Отвращ<ение>.

Стена между н<ами> росла с кажд<ым> м<оим> словом. Ваше люб<ованье> им было мне нож в сердце, Вы стан<овились> его союз<ником>, т.е. моим врагом, почти им.

Каждая В<аша> улыбка гов<орила>: «Поделом! Умей отлич<ать> цен<ное> от не-цен<ного>». Это звучало как испов<едь> тек<ущего> часа, точно всё это случ<илось> вчера. На меня сегодня вст<ало> всё мое прош<лое>, моё грешн<ое>, грустное, <пропуск слова> прошлое, и оно уво<дило> меня от В<ас>, вырыв<ало> меня у Вас, дел<ало> мою люб<овь> к В<ам> (святыню!) эпизод<ом>. Вы, выслу<шав>, не могли мне вер<ить>, я, рассказав, могла ли себе вер<ить> сама?

Это было ОТЧАЯНИЕ.

Вообще, после наш<ей> встр<ечи>, я перест<ала> цен<ить> себя. Я завид<ую> кажд<ому> встреч<ному>, всем прост<ым>, вижу себя игрищем каких-то слеп<ых> сил (демонов!), я сама у себя под судом, мой суд строже Ваш<его>, я себя не люблю, не щажу.

Вы — это моя сов<есть>, говор<ящая> м<не> прямо.

Ужас<ает> меня (восхищ<ает>) непримир<имость> В<ашей> люб<ви>. Ни кольца, ни посвящения, — никакой памяти, мне это сегодня даже было больно. Или всё — и<ли> ничего. И эт<о> не фр<аза>, эт<о> В<аша> суть.

В так<ом> отк<азе> — царственность, созн<ание> права на всё, из моего мне же даришь.

Вот за это — и за ос<енние> листья в парке — и за мол<чание> на улице — благодарн<ость>.

Родзевич, я ск<ажу> В<ам> тайну, то<лько> не см<ейтесь> я — Element<ar>gei<st>¹, стих<ийное> сущ<ество>: салам<андра> или унд<ина>, у меня еще нет души, душа (по всем сказкам) та<ким> сущ<ествам> дается через любовь.

¹ стихийный дух (нем.).

Сп<ала> сег<одня> в В<ашем> халате. Я не надев<ала> его с тех пор, но сегодня мне бы<ло> так один<око> и отчаян<но>, что над<е-ла> его, как частицу Вас.

Конец ист<ории>, оказ<алось>, рассказ<ала> невер<но>. Я просто забыла (переп<утала>). Пришел он ко мне вперв<ые> непосред<ственно> от той, оторв<авшись> от нее, случ<айно> встр<етив> меня в гост<ях>, ушел он от меня – непосред<ственно> к той, оторв<авшись> от меня, случайно встр<етив> ее на улице, м<ожет> б<ыть> пожалев, м<ожет> б<ыть> просто повлек<ся>

Потом – его письмо и исповедь и мое прощение (мой промах!) И после этой склейки <над строкой: трещины>, – расск<аз> того: «Вы зн<аете>, почему он к В<ам> верн<улся>? П<отому> ч<то> он в то утро свез ее в больн<ицу>. Когда он к В<ам> пришел после дол<гого> пер<ерыва?> Я (предположим) 16^м. – Ну, 16^м в 4 ч. он свез ее в больн<ицу> а веч<ером> был у Вас. Мотивир<овка>: «не могу без женщины.» Та умерла одна, томясь по нем, зовя его, завещ<ав> ему всё, что у нее ост<авалось>: свои чудн<ые> черн<ые> волосы.

Когда, долго спустя, уже давно расст<авшись>, я одн<ажды> спрос<ила> его: «Но почему же Вы ни разу, ни разу не пошли?» он отв<етил>: – «Раз зашел, она спа<ла>, такие тон<кие>, тон<кие> кур<иные> руки, сплош<ные> кости <над строкой: все жилы наружу> – я не мог». И вздохн<ул>.

Я о ней за *всю* встречу ничего не слых<ала>, только изр<едка>, когда я смеясь спраш<ивала>: Чья же я преемн<ица>, он с милей<шей> из усмеш<ек> отвечал: А так, одна рвань... У Вас не было преемниц... Всё, что не Вы – рвань.

Расст<алась> я с ним не из-за себя, а из-за нее – о не из стр<аха>, что со мной поступ<ит> так же: я этого м<ожет> б<ыть> заслуж<иваю>! – из-за ее один<окого> смерт<ного> часа, из-за косы к<отор>ую он взял, как дикарь – трофей, из-за глаз ее, к<отор>ых я ему не мог<ла> прост<ить>.

Я благодарна поэт<ам>

Le ciel est par-de<ssus le toit>

Si ble<u, si calme.>

Un arbr<e par-dessus le toit>

Berce <sa palme>

О qu'<as-tu fait, toi que voilà,>
 Pleur<ant sans cesse, —>
 О, qu'<as-tu fait, toi que voilà —>
 De ta <jeunesse?>¹

Значит — я не одна так<ая>.

Подум<ала> ли я о том, что Вы дел<аете> со мной, уча меня вел<икой> зем<ной> любви. Ну, а если науч<ите>? Если я, действ<ительно>, всё переб<орю> и всё отдам.

Любовь — кост<ер> в к<отор>ую брос<ают> сокров<ища>, так сказ<ал> мне пер<вый> чел<овек>, к<оторо>го я л<юбила>, почти детской люб<овью>, давш<ий> мне одн<ако> всю горечь любви недет<ской>, чел<овек> высо<кой> жизни, поздний эллин, живш<ий> <не дописано.>

Сегодня я (13 л<ет> спустя) об нем вспом<инаю>. Не этому ли уч<ите> меня — Вы?

Но отк<уда> Вы это зн<аете>, не лучшей жизнью меня — живший? И почему — у Вас столько укор<ов> ко мне, у меня — одна люб<овь>?

М<ожет> б<ыть> женщ<ина> действ<ительно> не вправе нести др<угу?> пост<оялый> двор, вместо души.

Но у меня и др<угое> было: моя высокая (почти что платонов<ская>) жизнь с друзьями — моя радостная жизнь. Здесь моя душа была дома, здесь <не дописано.>

Теперь, отр<ешась> на секунду, что я женщ<ина> — вот Вам обыч<ная> жизнь поэта: верх (друзья) и низ (пристрастья) с той разн<и-

¹ Небосвод над этой крышей
 Так высок, так чист!
 Стройный вяз над этой крышей
 Наклоняет лист.

Что ж ты сделал, ты, что плачешь,
 Много, много дней,
 Что ж ты сделал, ты, что плачешь,
 С юностью твоей?

(Пер. В. Брюсова.)

цей>, что я в этот низ вносила весь свой верх, пристрастья себе вменяла в страсти, отсюда – трагедия.

Если бы я как Вы ум<ела> только игр<ать> и не шла в эту игру всей собой – я была бы и чище и счастл<ивее>.

Моя душа мне всегда меш<ала>, есть икона «Спас – недреманное око», так вот – недрема<нное> око высшей сов<ести> – перед собой.

А еще, Р<одзевич>, неудачн<ые> встр<ечи>: слабые люди. Я всегда хот<ела> люб<ить>, всегда иступл<енно> мечт<ала> слуш<ать>ся>, ввериться, быть вне своей воли (своеволия), быть в надежных и нежн<ых> руках. Слабо держ<али> – оттог<о> уход<ила>. Не люб<или> – любов<но> – отт<ого> уход<ила>.

Как поэту – мне не нуж<ен> никто (над поэтом – гений, и это не сказка!) как женщ<ине>, т.е. сущ<еству> смутному, мне нужна ясн<ость>, и сущ<еству> стих<ийному>, мне нужна воля, воля другого ко мне – лучшей. Не захот<ели> над<о> м<ной> поработ<ать>.

Вы – не «импрессионист» хотя Вас многие счит<ают> так<им>, не сущ<ество> минуты, Вы, если буд<ете> долго люб<ить> меня, со мной совладаете.

Вот В<ам> прост<о> стихи тех времен, отв<ет> моей души на дела моих рук – о как мне необх<одимо>, чтобы Вы ме<ня> и здесь люб<или>!

Это – наст<оящее> письмо.

«Tout comprendre c'est tout pardonner»¹, – да, я слиш<ком> многое в жизни поним<ала>. Тот мой «промах» (прощ<ение> измены). Челов<ек> говор<ит> мне то, что мог бы скрыть (его добр<ая> воля!). Челов<ек> из жалости (так он говор<ит>) клонится к оставленной, жалости: нежности, – мне ли не понять? И разве я в своей жизни жалея не дел<ала> <не дописано.>

¹ «Всё понять – значит всё простить» (фр.).

И, наконец, разве эта факт<ическая> изм<ена> – не мелочь и не мелочность будет из-за мелочи челов<ека> отт<адкивать>? Не будет ли это перенес<ением> отнош<ений> исключ<ительно> в лежач<ую> плоск<ость> близ<ости> из высот дружбы?

Но – ты не пош<ел> к женщ<ине> в ее смерт<ный> час, ты, два года бывш<ий> с ней и как умел люб<ивший> ее, нич<его> не увид<ел>, кроме «кур<иной> шеи» – этого я не пон<имаю> и, посему, прос<ить> не могу.

И еще: ты скрыл от меня ее суц<ествование>, заст<авил> меня почти что граб<ить> мертв<ую>, меня, так страд<ающую> от чужой боли, так содр<огающуюся> от нее!

Меньше всего меня уязв<ило> то, что он приш<ел> ко мне «п<о-тому> ч<то> нельзя без женщ<ины>», я прин<яла> это не столько как оскорб<ление>, сколь<ко> отсут<ствие> в нем вкуса: «Можно на<йти> лучше!» <над строкой: Ко мне – за этим?>

Всё это расск<азываю> В<ам>, чтобы Вы вид<ели>, что и в пад<ениях> своих я не тер<яю> челов<еческого> образа, на сам<ом> дне колодца остав<аясь> – собой.

И чтобы Вы еще, мой дор<огой> друг, знали, что

У жив<ущих> жизнью веселой –

Далеко не вес<елая> жизнь.

Во мне двойная разверз<тость> (беззащ<итность>) поэта и женщ<ины>, за кажд<ое> чужое веселье я плат<ила> сторицей.

Отс<юда> – спасение в тетрадь, в дружбу, в отреш<ение>, в прир<оду, в зеленый куст сирени в саду Рум<янцевского> музея (если помн<ите>).

Чист<оту> я наход<ила> только в одиноч<естве>. Это были две перемеж<ающиеся> жизни, одна – смутн<ая> и трудн<ая>, другая – отреш<енная> и вдохнов<енная>. Весь мой пр<ошлый> год прош<ел> так. Встр<етившись> с Ва<ми>, я встр<етилась> с ник<огда> не быв<шей> в моей жизни любовью-силой, а не любовью-немощью.

Ваше дело доверш<ить> или, устр<ашившись> тяж<ести> – бросить. Но и тогда скажу, что это в моей жизни *было*, что чудо – есть, и этих моих нес<кольких> дней с Вами, давш<их> мне всю любовь, никто из моей <слово не вписано> изъять не сможет.

М.

«Это В<ам> уд<астся> мим<оходом>». Нет, ничто не уд<астся> – мимох<одом>, ни Вы – мне, ни я – Вам. Ибо у меня тоже своя миссия в В<ашей> жизни, о к<отор>ой ког<да>-н<и>б<удь> в др<угой> раз.

А сегодня у меня цел<ый> вечер – мой, и завтра – неск<олько> вечер<них> часов. Как жаль. Земные часы дня так же как час душ<и> должны нести с собой не толь<ко> нежн<ость> – но надёжн<ость>.

Буду дум<ать> о В<ас>.

И – спас<ибо> за всё.

А у меня есть для В<ас> один под<арок> – почти наверный – только это не подар<ок>, погоди<те> возмущ<аться>, это часть меня.

НОЯБРЬ

Любовь и бром
Работают

Бьются дробы времени
Четверти, половины

Сердце выметено как мет<лоу> –
Улица в 6 утра

Бог т<аких> любит
Бог развалин
Сквозняк

Мировой сквозняк / иссяк

Ничего не осталось — чисто
 Сквозня<ка> миров<ого> свист
 М! Мусорщики

Страш<ные> сны: I приезд веселый дом
 Пустая дача

Язва сов<ести> и ра<на> стр<асти>

Любовь и бром
 Работают врозь

Бром клонит в сон,
 Любовь клонит в смерть.

М! 10^м ноября 1923 г. Меня рад<уют> только: сон, тепло, еда, души уже нет, есть безвоздушность, задыхание, врем<енами> еще что-то острое: *живая* боль. Я потонула в мертвой воде.

Пугает меня сердце (орган), тоже жив<ущее> свою жизнь и точно всё подсказыв<ающее>.

И убийственно страшит одиночество, вот 1/2 ч. остаться одной. Чувств<ую> вес каждой минуты. Мыслей почти нет, есть *одно* что-то, несконч<аемое>. И — огромная апатия, *страшно* пойти в лавку за спичками, какой-то испуг.

Отвращ<ение> к стих<ам> и книгам, не *в е р ю*.

Цепляние за мелочи, жел<ание> услыш<ать> свой голос, говор<ить> что-то. Цепл<яние> *всем* сущ<еством> за *ничто*, зоркое вним<ание> к окружающ<ему>.

Тщетно жду Вашего экспресса. Нам необходимо повидаться, и возможно скорей. Если Вы оскорблены тем, что я во вторник вместо свид<ания> с Вами пошла слуш<ать> Сл<онима> об Анне Ахм<атовой> — Вы ничего не поняли: я просто не хотела представ<ать> В<ам>

истерз<анной> и полубез<умной>, как было в те дни, и послуш<ать> как люб<ила> и страд<ала> другая женщина (хоть на миг раство<р<ить> свою боль в чужой!)

Теперь слуш<айте>. Разгов<ор>, о к<отор>ом я В<ас> прошу м<ожет> б<ыть> последний (завис<ит> от Вас.) Если последний – о последнем прошу. Могла бы В<ам> всё напис<ать>, но хочу увид<еть> В<аше> лицо и услыш<ать> Ваш голос.

Сегодня ночью я видел<а> страш<ые> сны. Я приезж<аю> на Вашу станцию, иду по той тропинке, долго-долго, сворач<иваю> в деревню, нахожу дом, но это не дом, а какое-то увеселит<ельное> заведение с садом. Вхожу. Издалека вижу Вас, окруженн<ого> целой толпой веселых людей, у Вас в руке или цветы или бокал, – что-то вопиюще-радостное, и я хочу к Вам и никак не могу прорваться, люди не дают, Вы не хотите, – смех, хоровое пенье, кто-то подбадривает «Это всегда так», я тянусь, не дотягиваюсь и просып<аюсь> в холодн<ом> поту.

Во имя этого страшн<ого> сна и *всего* страшн<ого> сна моей тепер<ешней> жизни – не томите меня, мальчик, – помн<ите>, я В<ам> говор<ила>, что Вы меня никогда не обиж<али> и Вы еще в посл<едний> раз говор<или>: «Я от В<ас> никогда не уйду» – не-обидайте *еще раз*, не уход<ите>, не простивш<ись>, в В<ашем> молч<ании> я чувю ненав<исть>, не ненавидьте меня.

Раздзевич, *всё* завис<ит> от Вас. Я Вас спрошу одну вещь, Вы на нее ответите. Мне необход<имо> Вам *всё* сказать и мне необход<имо>, чтобы Вы меня выслуш<али>.

Назначьте мне день свид<ания>, *любой* день и *любой* час, но сдел<айте> это так, чтобы я экспресс получ<ила> накануне, чтобы не разминулись. Я сейч<ас> мертвая, в Ваш<их> руках меня воскрес<ить>, но я ни на чем не буду настаив<ать>, Вы меня знаете.

И, если это в посл<едний> раз, мне необходимо сказать В<ам> неск<олько> слов НАВЕК, как перед смертью. В этом не отказывают.

М.

Ничего дурного <над строкой: низкого> и недост<ойного> Вы обо мне не должны дума<ть>. Я перед В<ами> *совершенно* чиста.

Не томите! Пишите сразу. До Вашего письма не живу.

Только что стук: почтальон. Обмираю. Два письма Юлии.

В длинную улыбку лепится
Рот при всей своей бескровности
Улыбающийся лепету
Чьих-то будущих любовников

Сердце горит говорить с тобою

Тайное свиданье.

Ноябрь
Конец ноября

Мысли: Право на жизнь — право тела. Если мы, после смерти любимых, опять хотим жить, то не потому что душа забыла (люб<имых>), а тело вспомнило (жизнь, себя). Начин<аешь> есть, потом смеяться, потом нравиться (действенное). Душа не причем, тело ее просто усыпляет и оглушает. — Перекрикивает. — И оно, по своему, право. Только не говорите о *нашем* праве на жизнь.

<Следующие две страницы вырезаны с отступом вдоль корешка.>

Мой горячо-родной

<Не дописано. Следующая запись на той же, но перевернутой снизу вверх странице:>

О Ненависть, молю, пребудь на страже
Среди камней и рубенсовских тел!
Пошли и мне — неслыханную тяжесть,
Чтоб я второй земли не захотел!

Сп<асибо> за чудес<ное> утро: весь груз отп<ал>, вся рад<ость> встала. Я не т<олько> не заб<ыла> В<ас> — сегодня трижды вид<ела> В<ас> во сне: один р<аз> хуже другого.

Первый сон: кладбищ<енская> стена и высок<ая> дев<ушка>, к<отор>ая Вас ищет. Гулкий голос, выкрик<ивающий> в простр<ан>

ство> какие-то <слово не вписано> и сроки. Церков<ные> своды отда-
ют, чувств<о>, что голос до В<ас> дойд<ет>. (Вас нету)

Втор<ой> сон: у нас встреча, поздняя. Я должна быть, но что-то
меня отвлек<ает>. И Ваш рассказ, спустя: «Я думал, что это Вы, изда-
лека принял за Вас. Та же *кажущаяся* прост<ота>, а когда разглядел
(узнал) было уже поздно».

Тр<етий> сон: Вы при мне (незримый) эlegant<ный> и ласк<о-
вый>. (Вашшш)

(Видероль, после минутного раздумия, со множеством ужимок:)

(Видероль, подхватывая послед<нее> слово)

Видероль, что-то высчитав на пальцах, со множеством ужимок.

Видероль, что-то высчитав на пальцах, полминуты спустя, со мно-
жеством ужимок.

Видероль, что-то быстро высчитав на пальцах, – почти без про-
межутка, – со множеством ужимок.

Видероль,

<На отдельной странице:>

Перст – в рану Фомы

Прошла по душ<ам> ка<к> по стр<анам>

<Далее восемь страниц не заполнены.>

ГАДАНЬЕ 10^ю мая 1924 г.

Болезнь и пр. дела

Для дома

Благополучие из-за новостей

<Для> *Сердца*

Любовь трэф<овой> дамы

<Что> *Удивит*

Радость и ссора

На эт<их> днях

Неожид<анная> встр<еча> с дев<ушкой> как<ой>-т<о>

В неизв<естном> будущ<ем>

Нехорошо, очень больш<ие> огорч<ения>

<Чем> *Конч<ится>*

Получ<ит>	обещанное }
	ожидаемое }

<Далее три страницы не заполнены.>

Федра: о красоте и о страсти. Разве страсть красит? Бесстр<астье> красит! (Всё время обр<атное>). Да, но у меня взамен красоты есть страсть

Вот *это*: припасть!

Вспомин<ает> Ариадну, *мало* любившую. Да разве со мной быв, можно от меня уйти?! Спроси Тезея. Спроси отца, какова я

Диалог Диониса и Тезея. *Понять* Диониса: хочет ли он — просто — Ариадну, или — ее бессмертья? Кто великодушной: Тезей или бог. Диалог над спящей, сомнения Тезея: а м<ожет> б<ыть> земля стоит неба. — Да, особенно когда эти щеки станут землей! Я не могу сдел<аться> чело<век>, сдел<айся> ты — богом! Бóльшее не мож<ет> стать меньш<им>.

Елена.

Что тебе подар<ить>?

— Зеркало у меня есть.

<Далее 47 страниц в середине книжки не заполнены; на одной из них — начало письма к С.М. Волконскому, на двух других — набросок письма, по-видимому, к К.Б. Родзевичу, — эти страницы вырваны, с отступом от корешка.>

За пределы полей
Отчеркиваю
Допускаю

Принимаю в поле слуха
Мелочь дождя
Не в поле зрения
Сказочник! Не в меру развил
Жизни главу.
Краем уха, краем глаза
Други, жизнь свою живу.
Неуживчивую тенью
Принимаю в поле зренья }
Точно вещь, с своей тенью }
Поменявшаяся — пей,
ешь! — и нету поля зренья
За пределами полей
Шляпы Замыкают поле зренья

Сказочник! Не в меру развил
Жизни среднюю главу.
Краем уха, краем глаза,
Други, жизнь свою живу.
Некой собственной тенью
Проплываю, не пыля.
Замыкают поле зренья
Шляпы низкие поля

Говорят, что за полями
— иных полей

Расстаются тени — с вещами
Беспрепятственно скважина

<Каждая из двух последних строк записана на отдельной странице; далее четырнадцать страниц не заполнены.>

430 крон

250 костюм

80 шляпа

26 тросточка

356

<Далее шесть страниц не заполнены.>

Были и не застали. Зайдем в 7 $\frac{1}{2}$ ч. Свидание с Кубкой (поэтом) налажено.

<Далее четыре страницы не заполнены.>

Покупки

Мяса $\frac{1}{2}$ мол<одого> мя<са> или *телят<ины>*

1 к<илограмм> картоф<еля>

Луку морков<и>

$\frac{1}{2}$ к<илограмма> сахар<а> какао магги

СЧЕТА

Дано 100 кр. 8^{кв}

Луизе — 8 кр.

Мясо — 7 кр.

Пирож<ные> — 3 кр.

Сало — 1 кр. 70

Лук, карт<офель>, крупа, магги, зелень	}	— 7 кр. 20
--	---	------------

26 кр. 90 к.

100

— 26.90

73.10

ИЗ КРЫЛОВА

Нам страшно вместе быть с тобой;
Итак, скажу тебе, не для досады:
Твоих мы песен слушать рады,
Да только ты от нас подале пой.

(Басни Крылова «Змея».)

Нам дано прожить вместе целый кусок жизни. Проживем же его возможно лучше, возможно дружнее и не будем портить прекр<асно-го> настоящего во имя гадат<ельного> будущего.

Для этого мне нужно Ваше и свое доверие. Будем союзниками. Союзничество (вопреки всему и через всех!) уничтож<ает> ревность, лишает ее жала. Это начало человечности, необход<имое> в любви.

«Не на всю жизнь?» — да, но *что* на всю жизнь?! Раз жизнь сама кончается! Уничтож<им> с В<ами> время, пусть кажд<ый> час будет вечностью.

Это мое великое желание добра к В<ам> говорит. Не будьте злым, не мучьте.

17^м Окт<ября>

1.40

5.10.

20 — Сереже

17^м Окт<ября>

1.40

5.10

2.40 рыба

3 — хлеб

2.50 рис

1.80

всего 620 кр<он>

спирт } —4.50
марка }

мол<одое> мясо — 4.10

сыр

Horní Černošice

č. 66

Александр Александрович

ТУРИНЦЕВ

16.20

Мне уже говорили, что Белый едет сюда, — будто бы было в газетах.

Куп<ила> мол<око>, сырок, 1/2 осьм<инки> масла,

надо: грибы, картофель, помидоры, сахар, две сосиски, кофе

<На отдельной странице:>

1 кор<обка> сард<инок> 15 кр<он>

1/4 кило 10 кр.

грецк<ий> орех — 1/4 кило 7 кр.

(очищен<ный>)

Pffferk<uchen>¹ на 12 кр.

на 6 кр. шок<оладу>

<На отдельной странице:>

1) состав семьи

2) заработок свой и чл<енов> семьи

3) кто из семьи сост<оит> на иждив<ении>, в каком учрежд<е-
нии> и сколько получ<ает>

4) свой адрес

<На отдельной странице:>

Сказочник! Не в меру развил

Жизни главу.

Краем уха, краем глаза

Други, жизнь свою живу.

Неуживчивую тенью

Принимая в поле зренья

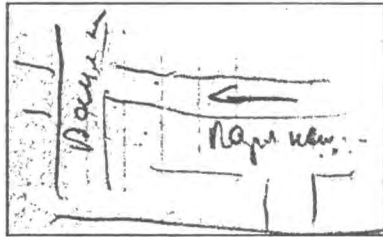
Психею и песню

¹ пряников (нем.).

В Р<усский> Дом

Мимо пам<ятника> Карл<ова> намес<тъя> башни перехожу и (лицом к К<арлову> н<аместью>) налево до Вацл<авского> нам<е- стъя> (перех<ожу>) и улица напротив, перв<ый> пер<еулок> налево, вто<рая> дверь.

<Под записью маршрута нарисован план упомянутых улиц.>

В ресторан «Москва»

По Ечной до перв<ой> площади, отель Граф, след<ующая> ули- ца – Сокольска (вправо), по Сокольской на левой стор<оне> ресто- р<ан> «Москва» – в 2 ч.

Перейти площадь, перв<ая> ул<ица> направо Сокольская

<На отдельной странице:>

мясо
молоко
зеленина
творог
хлеб
картофель

Стр. 8

Сокол Огонь Чужой
Игде милый твой живет

Стр. 10

По колдоб<инам> – канав<ам>?

Стр. 16

Аль шажочка

Жаль

Не ступ<ишь>

Стр. 22

Чтоб к<ак> пис<ано> в Пис<ањи>

Стр. 26

мрамор<ных> отор<опей> опром<етей>

Богу ли соврем

Стр. 27

стебель-сон

Стр. 32

будешь/хочешь

Стр. 40

клыкастый ?

стр. 42

топырястый

Стр. 44

Ердань

Стр. 51

воли?

власти?

Дату

Salmovska (справа первая)

Ечная (больш<ая>)

27 p

8028

L. Preller

Griechische Mythologie Band II¹

<На шмуцтителе:>

Распис<ание?> ж<урнала?>

¹ Л. Преллер. Греческая мифология. Том II.

Понед<ельник>
Втор<ник>
Среда
Пятн<ица>

} Воля Р<оссии>
до 12^{ти}

<Поперек страницы:>

Наша речь
к 5,6^{ти}

Четв<ертая?> суб<бота>

Плат<а> до 12

В<оля> Р<оссии> от 3–6

<На внутренней крышке переплета, рукой адресата?>

Zasmuky

Vila Viktoria

Dr. Poljakov

для В. Шингарева

**ФРАГМЕНТ
ЗАПИСНОЙ
КНИЖКИ**

12

1925

12 февр <аля>1925 г. – кровать –

С открытым лицом,
С которым смотрят в измену

В смерти, как в сене,
Лежать и дружить.

Когда чел<овек> в конце письма подп<исывается> Ваш, я считаю, что он мой.

Таково мое отнош<ение> к слову.

А – рикошетом, когда говорят мне: Ваш (твой) – только вспоминаю все предыдущ<ие> (мои и его) подобные случаи.

Чем тело лучше души? Почему *его* беречь для единственного?

Каин и Авель (Ахилл и Гектор). Братоубийство.

Самоценность и относит<ельность> семьи, друзей и пр.

Человека вне. Наедине не со мной, а с собой. Всё, что не он, не *его* толков<ание> – ложь. Ничего не хочу извне. Самого вне, не извне. Что могут люди расск<азать>, кроме фактов. Семья, друзья тоже такой факт<ический> расска<аз>. Не терплю протокола: слишком общие приметы.

Есть люди, а есть явления природы.

**ФРАГМЕНТ
ЗАПИСНОЙ
КНИЖКИ**

13

1932

и по-...
и по-...
и по-...

Вот Заняты, Книжки!

Каждо на своем - см. 43 -
Обдумавши думавши в...
Собравшись...
Определив...

Каждо свое - думи свое
Поступаясь...

Итак оно на...
Итак оно на...
Итак оно на...

Кем-то...
Кем-то...

С фру...
Тво...
Нам...
И же...
И же...
И же...

Тво...
С фру...
Тво...
Нам...
И же...
И же...
И же...

Да, неважно...

Да, неважно...
Да, неважно...

Слова...
Слова...
Слова...
Слова...

Молодые и старые, и старые, и старые.
Молодые и старые, старые!

Тот...
Тот...
Тот...
Тот...

Молодые и старые, старые!
Молодые и старые, старые!

Молодые и старые, старые. Старые же старые.

Тот...
Тот...
Тот...

Молодые и старые, старые.
Молодые и старые, старые.

Тот...
Тот...
Тот...

Тот...
Тот...
Тот...

Молодые и старые

Для записн<ой > книжки!

Я не паразит потому что я работаю и ничего другого не хочу кроме как работать: но — *свою* работу, не чужую. Заставлять меня работать чужую работу бессмысленно, ибо ни на какую кроме своей и черной (таскать тяжести, прочее) неспособна. Ибо буду делать ее *mdk*, что меня выгонят.

«Переводы»? Переводить должны те которые не пишут своего, либо: (по мне) *то*, что я своему предпочитаю. *Рильке*? Согласна.

Гордыня? Тоже согласна. В нищете и заплёванности чувство *священное*. Если что-нибудь меня держало на поверхности *этой лужи* — то только она. И только ей — мой земной поклон.

Что дальше? Не знаю.

Никто на меня не похож и я ни на кого, посему советовать мне то или иное — бессмысленно.

Совет себе: научиться молчать (глотать). *Словами* я всё гублю и дома, и с чужими. Может молчащую меня жизнь *стерпит*.

Понять глубокую бессмысленность высказывания, всякого высказывания *себя*: всякого себя. Понять свою заранее и заведомо-побитость в бою, где ты как бы ни был силен выходишь — голый, другой же — как бы ни был слаб — с револьвером, которого он не сделал.

Я живу с читателями газет, с пересказчиками газет и на их *пересказ перепечаток* отвечаю **КРОВНЫМ** черновиком.

Высокомерие? Только ясно — зрение.

Что дальше? Есть ли долговая тюрьма? (счета за газ, электричество, близящийся терм). Если была бы — была бы спокойна. Согласна на *2 года* (честна) одиночного заключения (детей разберут «добрые люди» (сволочи) — С<ережа> прокормится) — NB! с двором, где смогу ходить, и с папиросами — в течение которых, двух лет, обязуюсь напи-

сать прекрасную вещь: свое младенчество (до семи лет – *Enfances*¹) – что: обязуюсь! не смогу *не*. Что – двух лет (в течение) – полугодом, ибо там-то мне писать *дадут*. А стихов! (и сколько и каких).

Если поеду в Россию – как расстанусь с тетрадами?

Если бы Бог мне дал длинный нос и слезоточивые глаза... Но нос мой – с заносом и плачу – одна

Париж не при чем, эмиграция не при чем – то же было и в Москве и в Революцию.

Я никому не нужна: мой огонь никому не нужен потому что на нем каши не сварить.

Клармар, 14-го или 15-го мая 1932 г. – Точка. –

¹ Детское (*фр.*).

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

14

1932—1933

**PAPIERS D'AFFAIRES
ASSIMILÉS AUX LETTRES**

FACTURES, BORDEREUX, RELEVÉS,
0,40 JUSQU'À 20 GRAMMES.

CARTES DE VISITES
IMPRIMÉES OU MANUSCRITES : 0,15
COMPLIMENTS OU CONDOLEANCES
DE 5 MOTS. : 0,25

PNEUMATIQUES.

DIMENSIONS : 148 X 115
JUSQU'À 7 GRAMMES : 1,50,
DE 7 À 15 GRAMMES : 2 FRANCS,
DE 15 À 20 GRAMMES : 3 FRANCS.

— □ —

ÉTRANGER.

LETTRES ORDINAIRES.
JUSQU'À 20 GRAMMES : 1,00
ET 0,50 PAR 20 GRAMMES OU FRACTION
RECOMMANDATION : 1,50 EN PLUS.
EXCEPTION : LUXEMBOURG : 0,75
ET 0,50 PAR 20 GRAMMES

CARTES POSTALES
NON ILLUSTRÉES : 0,50,
ILLUSTRÉES AVEC 5 MOTS SIGNÉS 0,50,
ILLUSTRÉES AVEC CORRESPONDANCE : 0,50

ÉCHANTILLONS; MAXIMUM : 500 GR.
JUSQU'À 100 GRAMMES; 0,60
ET 0,30 PAR 50 GRAMMES OU FRACTION

NOTES

Забвенная пинжа
карава 12^{но} кафе ВЗЗн,
и суссаи — в доме под дуб
и ильи записи вилефити пини
и под углем и вилефити пини
кава дуби (вилефити дуби, вилефити пини).

Славяк (Славяк)
101, Rue Condorcet
1^{но} дуби. Дуби кава

... Пини дуби дуби...
Пини дуби дуби...
(дуби!) — дуби пини, дуби пини!

Записная книжка начата 12^м ноября 1932 г., в субботу — в день, когда Аля и Мур забыли выложить ключи и когда паралитик выломал нам дверь (ломала Аля, он — командовал).

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
1^м эт<аж> дверь налево

...Точно видела уж эти...
Точно слышала уж эти...
(Тихо!) — На каком я свете?

Мещанство: сплошные частности (*местности*)

Мур, вчера: Аля, неужели ты этими своими глазами видела Россию: Москву: ну — всё — то — такое... чего я *никогда* не видал...

Ривьера <не дописано, оставлено пустое место.>

Читает Мертв<ые> Души (выразительно — увлекательно — вспоминаю О.Л.Канцель о Муре (С<ен>Лоран, лето — формулу Мура: Какой увлекательный мальчик!) итак читает М<ертвые> Души: спящему Сереже, рисующей Але, шьющей мне, а больше всего: себе: (меню Чичикова) — «<пропуск слова> с горшком, сосиски с киской... кислой капустой...»

— Мур, повторяю тебе: из тебя выйдет либо писатель, либо...
— Вратель!

— Неужели цифры *никогда* не кончаются?
— Как звёзды.

Вчера в первый раз в жизни — с упоением! — играл в настоящей мужской компании (двор дома А.И. Андреевой), пока смотрели квартиру.)

— Там был маленький мальчик один — 10 лет, или 12, но такой дохлый! чахлый! — он мне давал такие пощечины, такие пощечины!

— А ты? — Я тоже. Митя его держал, а я его бил: избивал.

Обычная утренняя ссора с Сережей. За кофе (20 минут спустя) Мур, глядя на Сережу:

— Мама, Вы замечаете? Папа сейчас будет мириться: Просветлели небеса...

— Это из моего «Паровоза».

Высшая похвала (не без желания задеть):

— Это сейчас очень современно.

— Мама, смотрите, рисунок: это (какой-то квадрат) Danger de Mort¹, а это он и она стоят, в спортивном.

Вот уже год как различают издали, в полной темноте марки всех автомобилей: Форд, Хочкис, Рено, <не дописано.> Постоянно просит переходить, чтобы дотронуться (до какого-нибудь стоящего красавца). Проходя всегда заглядывает <не дописано, оставлено пустое место.>

14го ноября 1932

— Когда ж она кончится — Union?

— Ее разобьет, ее убьет Rue de St. Cloud.

Как не стыдно делать таких ангелов — с козлом! Икона — и такой козел!

— Это итальянцы, они вообще голого тела не стесняются... Это только мы стесняемся>.

— Тогда мы — чистые, а они — грязные.

— Нет, у Минотавра и голова бычачья и тело бычачье, только руки в башмаках: с пружками.

¹ Смертельная опасность (фр.).

Я уже знаю все приключения Бога. (В отв<ет> на предл<ожение> почитать вслух Евангелие, пока Савва его дорисовывает).

Tout son malh<eur> fut qu'elle n' <пропуск слова> jamais pu pour avouer assez prof<ondement -essionnellement?> respirer.

Ensuite, l'enf<er> grandit.¹

Сейчас все думают о странах и о классах. Нужно дум<ать> о человеке и о его душе.

16^м ноября 1932 г.

Мур, 17^м в поезде

Разговор о следах порезов — надолго ли и т.д. Показываю руку (след Андр<еевой> гимназическ<ой> пряхки)

— Как странно, что всё это приехало из России!

— Что — *это*?

— Царапины и такое.

Играя с нов<ым> Феликсом:

— Кошка ловит, ловит, а хвост убегает, убегает...

Вчера, 17^м ноября 1932 г.,

видели с Муром (приглас<или> Л<ебеде>вы) Путевку в жизнь. Больше всего ему понрав<ился> солдат (Сергеенко), а больше сояд<ата> заяц Оссо́ (dessins animés²).

Фабулу понимал отлично, даже подсказывал.

Все эти дни наводнение Mickey Voheur³. В кн<ижной> лавке (франц<узской>)

¹ Вся беда ее была в том, что она никогда не могла для признания <пропуск слова> достаточно <глубоко? профессионально?> вздыхать (фр.).

И — начинался ад (фр.).

² Букв: одушевленные рисунки; мультфильм (фр.).

³ Микки-боксер (фр.).

– Bonjour, Monsieur. Je ne veux rien¹ (один, жду на улице)

On aura <над строкой: Il y a> un dernier amant, on n'aura <над строкой: il n'y a> jamais un dernier amour (aimé).

La vieillesse ne nous empêche/défend que l'être aimé (verbe) non l'être aimé (substantif), non – aimer <над строкой: que d'être aimé, non aimer, rien que le passif de l'amour>.²

14 Rue Visconti

во двор нал<ево> лестн<ица> до сам<ого> верх<а>

Пятница 5 ч.

<чужим почерком:>

Mme Vulliez

4 rue Victor Gensollen

Le Mourillon

Toulon (Var)

– Мама, мясо в человеке – haché³ или бифштекс?

Презираю бюсты! Толстая, глупая вещь.

Мелкие котелки католиков.

– Мама! Я родился с козлом одним, с рогатым козлом – в тот же день.

<На левом поле, вдоль последних четырех записей:>

20^м ноября 1932 г.

22^м ноября 1932 г.

Мур в лесу с неграми, собир<ающими> листья. Негры:

¹ – Добрый день, мсье. Мне ничего не надо (фр.).

² Будет <над строкой: Бывает> последний возлюбленный, но никогда не будет <над строкой: не бывает> последней любви (любящего).

Старость мешает нам / отрешает нас от того, чтобы быть любимыми (глагол), но не быть любящими (существительное), но не – любить <над строкой: только быть любими-
мыми, но не любить, только <от> пассивности в любви> (фр.).

³ фарш (фр.).

— Que devient demain?¹

Мур: L'orage: regardez le ciel.

— Ciel?

— Oui, ciel — où Dieu?

— Qu'est-ce que c'est — Dieu?²

— Точно в Африке!

La poésie est (pour commencer) un état d'âme, pour à n'en pas finir *un mode d'être*, infailliblement mis par écrit.

Entre «que je voudrai» (écrire) et «je ne pense pas ne pas» (idem) il y a tout le gouffre du diletante au martyr³

23—24^е ноября

Le livre du gendre. Le génie aux mains d'un gendre.

La femme du gendre. (Fille de R<ainer> M<aria> R<ilke>)⁴

de l'excursant

Au natif

de l'alpiniste a l'alpin (alpe — né)⁵

¹ — Что будет завтра? (фр.)

² [Мур:]

— Гроза: посмотрите на небо.

— Небо?

— Да, небо — где Бог.

— А что это — Бог? (фр.)

³ Поэзия есть (для начала) состояние души, не имеющее конца свойство существа, неминуемо ведущее к писанию.

Между «когда мне захочется» (писать) и «я не мыслю себе не» (то же самое) вся пропасть между любителем и мучеником (фр.).

⁴ Книга зятя. Гений в руках зятя. Жена зятя. (Дочь R<айнера> M<ария> R<ильке>) (фр.).

⁵ от экскурсанта.

Родом из...

от альпиниста к альпийцу (альпийского происхождения) (фр.).

22ая ноября во 2ой раз в жизни пожала руку негру (возвеличенность)
и оба раза из-за Мура

– Merci, merci, Madame!¹

Зеленое поле стола:

Игры, где *выигрываю*

(Первый стих на новом зеленом столе.)

26ая ноября 1932 г.

– Бюст: глупо – лишне и неприлично.

– У нее ужасное лицо, глаза как у сэнбернарки какой-то...

Les enf<ants> sont-ils bons?²

Разг<овор> о Жен<итьбе> Гоголя. Объясняю *сваху*

– Ты знаешь, Мур, как в старину женились?..

Мур, перебивая:

– Целовались – и всё.

Направл<ение> от Монпарнасса:

По лев<ой> стор<оне> до Vivin, налево по неизв<естной> ул<и-
це> до перв<ой> направо, по этой до поперечной, по ней направо, до
перв<ой> правой к<отор>ая и есть Jules Chaplin.

Обр<атный> путь. Из дому направо до перв<ой> поперечной, по
ней малев<о> до перво<ой> налево и по ней до неизвестной, где Vivin.

¹ – Спасибо, спасибо, сударыня! (*фр.*)

² Добры ли дети? (*фр.*)

(Ожидая Рыжика)

Как я всегда близка к слезам и как никто этого не знает

– Madame a beauc<oup> d’ennuis. Elle a reconduit sa fille, elle a même pris tout son argent sur elle et elle est partie dans un taxi dès le matin.¹

Буду ждать ее до 9 ч. 10 м<ин.> по своим.

Мур о бюсте<:>

Ненавижу бюст: пошло, глупо, лишне и неприлично.

Аля! В углу за моим плечом сидит человек, к<отор>ый всё время хохочет. Неприятно.

1 décembre 1932

Через <не дописано.>

Философы живуч<и?ести?>

Прийдем, при<дем>, прой<дем>

Поэты не посвященные, а освещен<ные> (молнией прозрения)

Si le poète est éclairé il ne l’est que par l’éclaire de la vision intérieure.²

Бесправие произвол

Пристрастие Р<ильке?> к знат<и? ности?> – Вы бы сейчас были герцогиней.

– Darf ich mich neben <Sie> sitzen?³

¹ У госпожи большие неприятности. Она проводила свою дочь, она отдала ей все свои деньги и уехала на такси еще утром (фр.).

² Если поэт освещен, то не чем иным, как внутренним видением (фр.).

³ – Могу я сесть рядом с <Вами?> (нем.)

$$\begin{array}{r|l} 4.400 & 4 \\ \hline & 1.100 \end{array}$$

550 фр<анков>
мне нужно 350 фр<анков>
15^м на новую квартиру

из них – 200 фр<анков> дам, окаж<ется> всего 300 фр<анков>

$$\begin{array}{r} <точно> & 100 \\ & + 300 \end{array}$$

$$\begin{array}{r|l} 4.180 & 4 & 10.45 \\ 18 & 1045 & - 400 \\ 16 & & \hline & & 6.45 \end{array}$$

останется 645
15^м янв<аря>

Нужно 15^м дек<абря>
350 фр<анков> и сейчас на жизнь.

Мур – выдавший в витрине «Un grand seigneur assassin»
– Огромный князь убиец?

Dès que je n'écris plus je m'en <не дописано> j'ai fai<t> <не дописано>, j'ai p<our> f<не дописано> je su<is> amōr<tue> tous les mes phys<iques> et psycho<logiques> <одно слово нрзб.>

Je suis faite très pauvre pour que *chacun* puisse me faire une joie.
Si j'étais néé comme tous – Aucun.¹

¹ С тех пор, как я больше не пишу, я себя <не дописано>, я <не дописано>, я для <не дописано>, я в отупении всех своих физических и психологических <нрзб>.

Я стала такой нищей, что *каждый* мог бы меня обрадовать.

Если б я родилась такой, как все – Никем (фр.).

Через какую границу он вернется?

Через какую страницу?

Маугли.

Chère Madame aux gr<andes> yeux inco<n>solable<s>, chère LDM
– J'ai été trop loin, j'ai vu trop de choses... et encore ceci:

«Quand je faisais des vers»... et «on se trouve dans le vide» (l'histoire de<s> contes) et Emilie Bronte avec son chien.¹

et le «chapeau»

et la² <три слова нрзб.>

de ne pas fumer

et 2 qui ont fait la guerre³

Vous ayant trouvé je ne veux pens<er> vous perdre

Ne me croyez pas prompte en affect<ion> quand je n'éprouve rie<n>
(pour la plupart) je ne dispose même d'un seul miserab<le> sourire joli⁴

L'am<our> ci-nommé physique est avant tout un état d'âme.⁵

Tomber d'en haut par deux empir<ées?>⁶

¹ Милостивая государыня с огромными безутешными глазами, дорогая ЛДМ
– Я была слишком далеко, я видела слишком многое... и еще это:
«Когда я писала стихи»... и «находишься в безвоздушном пространстве» (история сказок) и Эмилия Бронте со своей собакой (фр.).

² и «шляпка»
и <нрзб> (фр.).

³ не курить
и 2, которые развязали войну (фр.).

⁴ Найдя вас, я не хочу вас потерять
Не считайте меня скорой на излияния чувств; когда я ничего не чувствую (т.е. почти всегда), я не способна даже на самую жалкую милую улыбку (фр.).

⁵ Так называемая физическая любовь есть прежде всего состояние души (фр.).

⁶ Упасть с высоты двух эмпиреев (фр.).

Un mot *est* un sens
 Deux mots *font* un sens
 Sens non contien<t> ni dans l'un ni dans l'autre de ses mots.
 Un nouveau sens.¹

—

Ils ne le forme<nt> par ils le *déconvient*
 Un mot seul n'a qu'un seul sens. Ajoute lui un second et voilà qu'il
 en<core> a mille.²

—

Deux mots les prem<iers> venus *ont-ils* un sens unique, le leur?
 Et ce leur — est-ce l'assasiation directe simple, ou la plus éloignée
 (compliquée)<?>
 Oeuf³ — <не дописано.>

—

L'important pour le poète c'est de *déconvie<nt>* le lieu le plus lointain.
 C'est le plus vrai.⁴

—

Deux mots mis à côté de l'autre ont *infaillib<lement>* un sens.⁵

—

¹ Одно слово *имеет* свой смысл.

Два слова создают смысл.

Этот смысл не содержится ни в одном, ни в другом из этих двух слов. Это новый смысл (*фр.*).

² Они его не создают, посредством их он устанавливается

Одно-единственное слово имеет один-единственный смысл. Присоедините к нему второе — и вот их еще тысяча.

³ Два первых попавшихся слова *имеют* ли единственный смысл, именно им при-
 сущий?

И этот их смысл — просто прямая ассоциация, или самая далекая (сложная)<?>

Яйцо <не дописано.> (*фр.*)

⁴ Важнейшая задача поэта — обусловить самую отдаленную точку ассоциации.
 Она-то и самая верная (*фр.*).

⁵ Два слова, поставленные на место другого, неминуемо дают новый смысл (*фр.*).

Sur la dune,
Sous la pleine lune
La bourrée
En pleine marée...¹

Le ciel roule, le ciel roule
Comme la mer sur un corps²

Эти люди богатые безжалостные и гадкие. Если бы это были бед-
ные – такие как мы – мы бы им радовались.

19ая дек<абря>
срубленные каштаны на Rue Fleury

Tous mes efforts dans la vie active sont les efforts d'un noyé qui ne sait
pas nager

– Aucune voile –³

26ая дек<абря> 1932 г.
после елки в Д<етском> Саду
Я прочел целую книгу П<астерна>ка – Пов<ерх> Барьеров
– Понял что-н<и>б<удь>?
Мот<ает> головой, и пальцем:
– Ни-че-го. Очень уж переключено. Крючки какие-то

¹ На дюне
В полнолуние
Бурная пляска
Морских валов... (фр.)

² Небо катит, небо катит
Словно море тела вдоль (фр.).

³ Все мои усилия в активной жизни – это усилия тонущего, не умеющего дер-
жаться на воде. – Никакого паруса – (фр.).

Я св<оего> сына назову Савва.

— Лучше Б<орис>. В честь Б<ориса> П<астернака>. Бор<ис> Георгиевич.

Хохочет. «А м<ожет> б<ыть> назову — Смирновский. Да, да: Смирновский.»

А имя Марсель Вам нр<авится>?

— Да. Mon petit Marcel. — Proust¹, мой люб<имый> писатель <,> к<отор>ый недавно умер.

— Нет, Марсель — это лошадь такая — загэпусная (Zig et Puce)

...Encore un peu idéalist<es>

...Faisant une place trop large à l'homme...²

Ils pèchent par ignorance. Aidons les!³

Isolés... générosité mais qui étaient encore éloigné de toute organisat<ions> générale

Spiritualiste catholi<cisme> NBF

Angrè<?>⁴

Esprit<s> des directions sont mauv<ais>, mais il y a des hommes qui peut<vent> nous suivre. Nous ne ferm<erons> pas la porte⁵.

¹ Мой маленький Марсель. — Пруст (фр.).

² ...Еще немного идеалистов

...Отводя слишком большое место человеку... (фр.)

³ Они грешат от невежества. Поможем им! (фр.)

⁴ Одинокие... великодушные <,> но кто был еще более удален от всей главной организации

Спиритуалист<ический> католи<цизм> НБФ (фр.).

⁵ Дух направлений не хорош, но там есть люди, которые могут пойти за нами. Не будем закрывать дверь (фр.).

Recrute<rons> des écriv<ains> ouv<riers>, pays<ans> et soldats. Pour les aider à trouver leur expression

Enfin *moi*:

Pourquoi tant d'écrivains?

Aider, éclairer¹

Простая пропаганда

ils n'ont pas encore le maniement de la plume – un solide noyau d'écrivains

Discrimination parmi *pacifisme sentimental*

La crise rapproche de nous les écrivains bourgeois

De leur tâche: montrer le monde sous son véritable aspect²

les faire *évoluer*

Moi

qui: nous?³

Мур: Порода, порода... Вот возьмет семейство А<ндрее>вых и ввалится к Вам с гробом Леонида Андреева...

А П<оль> Бонкур – хороший челов<ек>?

А Ст<епанов?> – хор<оший> челов<ек>?

¹ *Наберем писателей рабочих, крестьянских, солдатских, чтобы помочь им найти свое выражение*

Теперь я:

Зачем столько писателей?

Помогать, просвещать (фр.).

² они еще не умеют держать в руках пера – основы писателя

Разница между *сентиментальным пацифизмом*

Кризис приближает к нам буржуазных писателей

С их задачей: показывать мир в его подлинном виде (фр.).

³ *привести их в движение*

Я

кто: мы? (фр.)

30ое дек<абря> 1932 г.

Я так д<о> с<их> п<ор> и не узнала **что́ такое, в точности, чумаки**. В детстве это было волшебное слово (черные чужаки, вроде чертей).
Вроде степных трубочистов.

У русских точно по 100 жизней, что они так легко <над строкой: по всякому поводу> ее отдают.

У меня нет инстинкта самосохранения вежливости, только инстинкт другосохранения *деликатности*.

Разг<овор> с Муром. О бог<атых>, бедн<ых>, тех что дел<ают> авт<омобили> и в них не ездят, тех что нич<его> не делают и во всем (на всех) ездят

С<ережа> – Мур, если бы ты был царем, что бы ты сдел<ал> с богат<ыми> и с бедными?

М<ур>, молниеносно: Я бы бедных сделал своими слугами. И они ели бы со мной за столом. Но не тояько ели бы конечно, но и работали бы на меня.

– ? –

– 100 фр<анков> в день.

– Ну, чудно, тогда бы и я пошля к тебе служить.

– Вы бы у меня служили ПИСАРЁМ.

30ое дек<абря> 1932 г.

Лирика требует куда больший костяк чем эпос. Эпос – сам костяк. В лирике твоя душа (река) должна стать костяком.

– Оттого и *лег кость*.

Дождевые слизи – не Лирика.

Иногда не надо употр<еблять> слишком сильных слов <над строкой: единоличных> ибо тогда *они* остаются, а не вещь, живописуемая. Т.е. сила принадлеж<ащая> самой вещи и те слова породившая, становится аттр<ибутом> самих слов. Красавице не должно слишк<ом> внимат<ельно> / к лицу одеваться

М<аяковский> при всей его ди<нами>чности – статич<ен>. Т.е. движение явл<ается> суммой отд<ельных> положений. Статуарн<ость>

П<астерна>к же – динам<ика> двух впер<тых> в стоя локтей подпирающих лоб – мыслителя

(в вагоне, еду в Uni-Prix¹)

1933 г. – перв<ые> стр<оки>

Если же мне скаж<ут>, что мрамор матер<иал> не сов<етский?>, я отвечу что у нас есть уральс<кий> мрамор.

«Вдохн<ование> есть живейшее расп<оложение> души» форм<ула> Пушкина.

То же о любви, т.е. любовь есть жив<ейшее> распол<ожение> к впечат<атлению> от <над строкой: к восприятию> данного человека.

Следов<ательно> поэт наше любовное видение чело<века> – насто<лько> т.е. настолько пре<восходящее?> равнодуш<ное>, как вдохнов<енная> работа – ремесленную.

Мне в/на жизнь даны вылазки (именно на жизнь, как на врага, ибо – враг) схватить и заглотнуть – как того Маяков<ского> напр<имер> в Кафэ Вольтер и пот<ом> годы самопитаться.

Мне слишком многого (как всем) давать нельзя.

Мур: 31ое дек<абря> 1932 г.

Мама, наша елка сама с улыбкой

– Папа! Мы Вам на рынке чудные конф<еты> куп<или> – от кашля. Такой чело<век> продавал: алжирский философ: Сохрат.

Une touche plus profonde que d'emp<rise> âme

Vous savez si bien avoir chaud, av<oir> froid, avoir faim, avoir soif, avoir sommeil²

¹ магазин стандартных цен (фр.).

² Касание более глубокое, чем захват души

Вам прекрасно ведомы состояния жары, холода, голода, жажды, сна (фр.).

Мур

Куда папа всё уезж<ает>

М<ожет> б<ыть> он колдун и превращ<ается> в птицу и летит куда-н<и>б<удь>

—

Lorsque je numérais vos qual<ifiables> vertus animal<e>s j'ai oublié de nommer une substantielle: avoir peur.¹

—

non, lorsque j'avais encore mes plumes d'ange!²

Право на прозу

—

Я бы очень была счастлива если бы все были похожи на меня, это не значит, что я хочу поход<ить> на всех. Это знач<ит> что я не хочу походить на всех.

И не п<отому> ч<то> эти все похожи на каждого и кажд<ый> на всех, а п<отому> ч<то> и кажд<ый> и все ни на что не похожи, толь<ко> на одно: ничто.

Отв<ет> Б<орису> П<астернаку>

—

16 любому бою

лирика темная

—

Весь творч<еский> акт есть *подача* объекта. Удача субъекта есть подача объекта.

—

8^м янв<аря>

Переезд, когда вещи на тебе ездят

—

В состоянии знака переноса, знак переноса с одной ул<ицы> на др<угую>.

—

¹ Когда я перечисляла ваши поддающиеся определению звериные свойства, я забыла назвать одно существенное: состояние страха (*фр.*).

² нет, когда у меня еще было мое ангельское оперение! (*фр.*)

Почему, если все во Ф<ранции> грамотные, больше, если *все* в ком<мунальных> шк<олах> учат наиз<усть> В.Гюго и Расина, эти же все потом нич<его> не читают кроме спорта и бирж в газ<етах>. Равенство возможн<остей> – было.

– П<отому> ч<то> между всеми и Гюго ничего общего, то же разоб<щение> как между Гюго и негр<амотной> толпой его соврем<енников>.

П<отому> ч<то> дело не во внеш<ней> возмож<ости> грамоты, а во внутренней – любви, с к<отор>ой рожд<аются> – или *не* рожд<аются>.

И всегда дураки б<удут> жен<иться> на дурах и плодить дураков.

В деревне – народ, единство личности, в городе – *все*, ед<инство> безличности.

Что плодит пошлость? Только цивилизация: оторв<анная> от *земли*.

Мур, злобясь

Все в той комнате были, а я не был, – все хвастаются! *Все в ад пойдут!* Еще неизв<естно> конечно кто пойдет, но *я* думаю что *вы*

Я: про какую-то дуру (актрису, на картинке) в к<отор>ую он влюблен

– Ну как ты дум<аешь>, если ты ее встретишь на ул<ице>, она на тебя посмотрит?

– Нет. Зато я на нее посмотрю

Suggérer¹ (ищу с русск<ого>, каждый свое)

Мур: faire entrer une chose dans la tête²

(Его собств<енное> толкова<ние> внушения)

¹ внушать (фр.).

² заставить что-либо войти в голову (фр.).

Во время переноса вещей (С<ережа> отодрал его за хулиганство за уши) — Дерите, дерите, вы дум<аете> мне больно? Только даром силу рук тратите. Вот когда состаритесь и посмотр<ите> на св<ои> руки так и подумаете: на что я свои руки тратил?

(Всё чернил<ами> — 9^я янв<аря> 1933 г.¹)

(После переноса, идя домой:)

Naguère je vivais en ma poitrine, maintenant je vis dans ma tête et toujours dans chacun de mes muscles. Je n'ai jamais vécu autre part dans moi-même-mon corps.² Stranger hear.³

Si mon corps était celui qui m'obéissait, que trottait, qui portait — les enfants que lui importait mon âme — et le dont nourrir et chauffer ces enfants — pommes de terre, bois mort — des dizaines d'années une durant — et encore: le poids de mes amitiés actives — même pomme de terres, même — <не дописано.>

Alors j'ai eu un corps, moi aussi.

Mon corps ce fut l'effort, le fort en moi, mon second fort, mon second. Jamais — la forteresse sauve gardente cette divinité l'âme.

Jamais la port où je rentrais, puisque je ne faisais qu'en sortir.⁴

¹ Чернилами сделаны записи от «Мур, злобась» (стр. 353) до «...plus fidèle ami de mon âme» (стр. 355).

² До недавних пор я жила в моей грудной клетке, теперь я живу в моей черепной коробке и еще — в каждом из моих мускулов. Я так и не обжила другую часть себя — свое тело (фр.).

³ Странно слышать (англ.).

⁴ Если мое тело было тем, кто мне повинуется, кто бегает, кто носит — детей, которых в него заносит моя душа — и кто кормит и согревает этих детей — картошкой, дровами — десятки лет подряд и еще: груз моих действительных дружб — той же картошки, того же — <не дописано.>

Тогда я была телом, я тоже.

Мое тело то, что делает усилие, сила во мне, моя вторая сила, мой помощник.

Никогда — спасительная крепость, укрывающая это божество — душу.

Никогда — дверь, в которую я входила, потому что я только и делала, что выходила (фр.).

Il m'a servi en serf adorant son seigneur: en ami, en plus qu'ami: en chien.

Dans un recoin isolé d'un miens jardins que je n'aurais jamais je voudrais le poser un pauvre pierre:

Au } le plus fidèle ami de mon âme¹
Ci git }

10 Rue L<azar> Carnot

въехали

vendr<edi> treize²

12bis янв<аря> 1933 г.

Глубоко-глупые.

Мур о стихах «Мой дар»

Пот<ому> что прин<ято> знат<ь> о кажд<ом> б<ольше> чем о себе и чтобы кажд<ый> больше знал о тебе, чем ты. — Говорите. —

Сад, мною узанный в лицо —

В его лицо зеленое.

Я знаю, знаю эт<от> сад!

Je n'ai que le courage du dehors, je n'ai pas celui du dedans — *de la maison.*

Une mauvaise hôtesse et un bon commissionnaire (NB! aux commissions près!) — 23 janv<ier> 1933 — nuit, gel.³

¹ Оно служило мне как раб, обожающий своего господина: как друг, больше, чем друг: как собака.

В уединенном закоулке одного из моих садов, которых у меня никогда не будет, я хотела бы поставить ему простой камень:

Самому верному другу
Здесь лежит самый верный друг } моей души (*фр.*).

² в пятницу, тринадцатого (*фр.*).

³ У меня есть отвaga только на внешние обстоятельства, и нет ее на внутренние — *дамашние*. Плохая хозяйка и хороший комиссионер (NB! по близким поручениям!) — 23 янв<аря> 1933 — ночь, мороз (*фр.*).

Recopier la petite lettre¹.

Мур

Я не знаю что со мной дел<ается>

Когда мне гов<орят> что нуж<но> целов<ать> уд<арившую>
р<уку>

точно мертвая, новая Фу – гадость

«Бесы» Пушк<ина> – Точно метлой смело всю эту мелочь.

Бандит

– Не дум<айте> что я из-за этого сдел<аюся> жул<иком>. Я не
хочу чт<обы> н<а> меня палач размахив<ался?>

С<онечка> Г<олидей>

s'approprier – déprécier – se dévaliser²

très – ра<не дописано> je l'<не дописано.>

Elle avait le rire si près<s> des lar<mes> et les lar<mes> si près du rire – quoique je ne me souv<ienne> pas de les av<oir> vu coulées. On aur<ait> dit que ses yeux ét<aient> trop ch<auds> pour les laisser couler, qu'ils les séchaient lors mê<me> de leur apparition. C'est po<ur> cela que ces beaux yeux, touj<ours> prêts à pleur<er>, n'étaient pas des yeux mouillés, au contr<aire> – des yeux qui, tout en brill<ant> de la<rmes>, donn<aient> chaud, donn<aient> l'im<age>, la sensation de la cha<leur>, et non de l'humid<ité>, puisqu'avec toute sa bon volonté – mauvaise volo<nté> des autr<es> – elle ne parvenai<t> pas en lais<ser> coul<er> une seule.³

¹ Переписать маленькое письмо (фр.).

² присваивать – изменять – грабить себя (фр.).

³ Ее смех был так близок к слезам и слезы к смеху – хотя я и не припоминаю, что видела ее льющиеся слезы. Можно было бы сказать, что ее глаза слишком пылали, чтобы дать им пролиться, что слезы высыхали в момент появления. Поэтому прекрасные эти глаза, всегда близкие к слезам, не были влажными, наоборот – эти глаза, сверкая слезами, пылали, давая впечатление жара, а не влаги, раз при всем своем желании – и нежелании других ей не удавалось уронить ни слезы (фр.).

Pourt<ant> – si, peut-être bien, je crois pourt<ant> me soi que lui – et bea<ux>, bea<ux>, telles des raisins égrénés, mais je vous jure qu’elles étai<ent> brûlant<es> et qu’en la voya<nt> pleurer on – riait de plaisir. C’est pe<ut> – être cela qui s’appelle pleu<rer> à cha<udes> lar<mes>? Alors j’en ai vu une (humaine) qui les avait vrai<ment> cha<udes>. Toutes les autres, les mie<nnes> pou<r> comm<encer>, sont froides or tièdes, les siennes étaient <пропуск одного слова> et tant le feu de ses jou<es> ét<ait> puissa<nt> qu’on les voga<it> tombe<r> – roses.

Petite, petite, petite!

Elle n’en av<ait> que le charme, elle n’en av<ait> pas le sexe. On la dis méch<ante>, je n’ai ja<mais> vu une plus simple et évid<ente> bonté. Elle don<nait> tout, elle compr<enait> tout, elle plai<nait> gu<ère> tout. Снятые рук<авицы?> Соня в театре. Соня в сем<ье?>

Petite fille modèle et le b<on> peti<t> diab<le>. Toute ma Sonetc<hka> immense ten<ue> en la Mme de Ségur. On n’est pas compatr<iotes> po<ur> rie<n>!

Petite, petite, petite –

Je ne me souv<iens> pas de l’av<oir> embr<assé> souvent, ri<en> que f<ait> dire bonj<our> et ad<ieu>.²

<Одна недописанная фраза нрзб.>

И всё же наверняка они были прекрасны, прекрасны, как виноградные ягоды, но я уверяю вас, что они были горячими, и при виде ее, плачущей, вы улыбались от радости. Может быть, именно это и называется – плакать горячими слезами? И тогда я видела кого-то, чьи слезы были действительно горячими. Все прочие, начиная с моих, – холодные или теплые, ее были <пропуск одного слова> и так сильно пылали ее щеки, что они походили на розы.

Малютка, малютка, малютка (*фр.*).

² Она была только очаровательна, но не соблазнительна. Ее называли злой, – я же никогда не видела доброты более естественной и очевидной. Она всё отдавала, всё понимала, почти всех жалела.

Маленькая девочка-паинька и добрый чертенок. Вся моя Сонечка совершенно в духе госпожи де Сегюр. Не зря они соотечественницы!

Малютка, малютка, малютка –

Я не помню, чтобы я часто ее целовала, только при встрече и прощании (*фр.*).

Ce n'était pas de la mauv<aise> (ou bon<ne>?) honte, c'était — mais la mé<me> cho<se> qu'avec le tu — je l'aim<ais> trop, je ne v<oulais> pas me facil<iter> la tâche — en embr<assant> simpl<ement>. Et pu<is>, un baiser qu<and> on aime peu dit tell<ement> plus et qua<nd> on aime très dit tell<ement> moins. Boire pour reboire encore. Le bai<ser> en l'am<our> c'est l'ea<u> de mer d<ans> la soif. C'est le mauv<ais> chemi<n>.

Mai<s> je l'embras<sais> souv<ent> de mes bras, fraternellem<ent>, en armée surt<out> en plus haute qu'elle, protectionnellement, pour la cach<er> un peu à la vie, au froid, à la nuit.

Кыс<ок> сахар<a>

C'étai<t> la Rév<olution>, donc pou<r> les femm<es>: vie, froid, nuit.

Faute<uil>: sa maison: son nid: sa niche. — Платья. — Une act<rice>?> de XVIII.

Un bijou. — Et ces imbécil<es> de russes qui exige<nt> d'elle «l'âme», les princip<es> de la pol<itique>.

Menteuse, joueuse. Mais en vie avec Koltch<ak>. —¹

Flammèche! blanche crête!
 Toi, en travers ma tête
 — Qui jamais ne se <одно слово нрзб>
 Ma mère blanche et franche²

¹ И так было не от ложного (или праведного?) стыда, а так же как с обращением на «ты» — я любила ее слишком сильно и не хотела облегчать себе дело простым поцелуем. И потом, при небольшой любви поцелуй выражает больше того, что есть, а при сильной — меньше. Пить, чтобы снова пить. Поцелуй в любви — морская вода жаждущему. Это дурной путь.

Но я часто обнимала ее, братски, потому что я была выше ростом и этим, главным образом, сильнее, — жестом защиты, чтобы хоть немного укрыть ее от жизни, от холода, от темноты.

Ведь для женщин Революция и была: жизнью, холодом, темнотой.

Кресло: ее дом, ее гнездо, ее ниша. <...> — Актриса XVIII <в.>

Драгоценность. — А эти дураки русские требовали от нее «души», политических принципов.

Фантазерка, игрунья. Но — в жизни при Колчаке — (фр.).

² Искра! белый гребень!

Ты, поперек моей головы

— Кто

Мой белый и вольный фитиль (фр.).

Sollicit¹ matern²

Стахов³ Honte de mes pieds carrés²

Je n'ai jam⁴ su au just⁵
 Ce qu'⁶ ces rel⁷ avec les h⁸, si c'⁹
 Ce qu'on appel¹⁰ des liaisons — ou — —
 Mais — <пропуск одного слова>
 ou dormir en¹¹ c'était toujours de *pleurer seule*.³

La vie¹² bon¹³ de jeu¹⁴ Jourij⁴

Le cinquième diable⁵

O valse
 Valse ancien¹⁵
 O val—se de ja—dis⁶

Les sœurs⁷

¹ Материнская забота (фр.).

² Стыд моих квадратных ступней (фр.).

³ Я никогда не знала в точности, каковы были эти отношения с мужчинами, были ли они тем, что называют связями — или — —

Но — <пропуск одного слова>

или спать вместе, а плакать всегда в одиночку (фр.).

⁴ Старая няня юного Юрия (фр.).

⁵ Пятый дьявол (фр.).

⁶ О вальс,

Старинный вальс

О вальс из ста-ри-ны (фр.).

⁷ Сестры (фр.).

Les pieds carrés aux museaux, aux mufles — des buffles — et il ne regard —
pour une consol<ation> de mes mauv<aises> souliers
— mais ceci n'est pas dans la chanson!
— Ceci est dans la mienne!¹

Elle n'avait physique rien de mes amours innées: blondeur, minceur,
hauteur, corpsâme.

C'est la seule f<emme> que j'avais pu compr<endre> dans la vie l'amour
unique, exclu<sive> toute possibil<ité> d'autr<es>

Petite, brune, chaude — c'est d<u> bien elle, ce n'est pas la race que
j'aimais²

J'ai eu une telle peur en Vous voy<ant> que Vous me l'ôtiez et je me
sent<ais> déchir<ante> entre l'admir<ation> que je ress<ais> pour Vous et
l'horr<eur> de celle qu'il dev<ient> inévitable> épr<is> pour Vous.
Maint<enant> je n'y pense plus. C'est V<ous> que j'aime. Et je le hais de ne
pas Vo<us> aimer — à genoux.³

Les sœurs. Cendrillon.

Maternité. Fierté.

Elles sont belles, c'est moi la laidéron.⁴

¹ Квадратные ступни, как морды, как рыла — буйволы — и он не смотрел —
из деликатности на мои ужасные башмаки

— но этого нет в песне!

— В моей — есть! (фр.)

² В ее облике не было ничего того, что я отродясь любила: золотистость, строй-
ность, высокий рост <высокомерие?>, одухотворенность

Это единственная женщина в моей жизни, которую я могла понимать, един-
ственная любовь, исключаяющая всякую возможность других

Маленькая, черная, пылкая — это была именно она, а не порода, которую я
любила (фр.).

³ У меня был такой страх Вас, когда я видела, что Вы у меня его отнимаете, и я
чувствовала, что разрываюсь между восхищением Вами и ужасом от того, что он неиз-
бежно в Вас влюбится. Но теперь я больше так не думаю. Я люблю Вас. А его ненавижу
за то, что он Вас не любит — на коленях (фр.).

⁴ Сестры. Золушка.

Материнство. Гордость.

Они — красавицы, это я — дурнушка (фр.).

Je n'aurai jamais d'enfants. — Pourquoi? — Je ne sais pas. On m'a dit et la expl<ique> mais c'est si conf<us> — les choses intéri<eures> Grave comme une gr<ande> personne et les cils déjà scintillantes comme des étoiles.¹

Les h<ommes> ne l'aim<aient> pas. L<es> f<emmes> non plus. — Les enf<ants>. Les vieill<ards>. Les servi<teurs>. Les bêtes. Les toutes j<eunes> filles.

Avec sa belle elle bien av<ait> peu avec tous, mais elle voul<ait> aimer à même, ne vou<lait> pas qu'il l'aime, alors il la dédaig<nait>

(Pensée su<r> ce dédain <не дописано>)

Contact porte de sortie *dualiste*²

Мур — 30го янв<аря> 1933 г.

— Какая у него ужасная жена! и т.д.

— Посмотрим, какая у тебя будет жена

— А я м<ожет> б<ыть> совсем не женюсь. Умный чел<овек> лично мож<ет> об<ойтись> без женщины. Женишься — и сразу трое детей, знач<ит> нужно приносить три банана

Я, задумчиво: М<ожет> б<ыть> — три барана.

Мур: Или женюсь и сразу разойдусь. И буду жить с сыном — вместо жены.

Я: Но не всякая тебе сына отдаст.

Мур: Если отдаст, — будет глупая. П<отому> ч<то> отец вообще вещь ненадежная.

Я: Почему?

Мур: Не умеет вдевать нитку в иголку.

— Не могу спать от думанья.

¹ У меня никогда не будет детей. — Почему? — Не знаю. Мне говорили и это объясняли, но это так запутанно — все эти внутренности. Серьезна, как взрослая, с ресницами, уже мерцающими как звезды. (фр.).

² Мужчины ее не любили. Женщины тем более. — Дети. Старики. Слуги. Животные. И совсем юные девочки.

Со своей красотой она так мало достигала, но она хотела любить сама, а не только быть любимой, вот поэтому ею пренебрегали

(Мысль об этом пренебрежении <не дописано>)

Такое поведение ведет к двоякому результату (фр.).

Elle av<ait> les larmes si faciles. On aur<ait> dit des sources vives,
tousjours prêtes a jaillir. Tout lui était baguette de sourcier¹

—
Notre-Dame de l'Ador perpétuelle²

—
Elle marche dedans droit et ferme comme les myopes dans les miroirs.
Ou comme une qui ne s'ét<ait> jamais vue entière, ne se reconn<ait>
pas dans un mir<oir> à pied et sourit à l'appa<rition> glacieux.³

—
Engloutie par le miroir.
— Aspireé. —⁴

—
Miroir: vérité à rebours
Chiffre, pareil à l'écriture judaïque qui se lit de droite à gauche⁵

—
Le miroir aux alouettes⁶

—
Внезапн<ые> слезы Мура при моем уходе.
Давние времена.

—
Miroir: limite invisible et glaciale entre <не дописано.>⁷

¹ Она так легко плакала. Можно сказать, что в ней были живые родники, всегда готовые вырваться наружу. И всё было ей палочкой, открывающей подземные источники (фр.).

² Богоматерь вечного обожания (фр.).

³ Она идет там прямо и твердо как близорукие на зеркала. Или как та, никогда не видящая всей полноты целого, не узнает себя в стоящем зеркале и улыбается зеркальному привидению (фр.).

⁴ Проглоченная зеркалом.

— Всосанная — (фр.).

⁵ Зеркало: обратная правда.

Шифр, подобие — еврейского письма, идущего справа налево (фр.).

⁶ Ловушка; букв.: силбк с зеркалом для ловли жаворонков (фр.).

⁷ Зеркало: невидимая ледяная граница между <не дописано.> (фр.)

4th февр<аля>.

Avec des gens intell<igents> montrer son jeu c'est gagner.

Il est une conf<iance> de l'intell<igence> comme il y a une déf<iance> de la bêtise.

D'ailleurs intelligence veut déj<ouer> dire<cte> confiance, et plus même le fait accompli a<vec> l'entente — jusqu'à concupiscence (mon intell<ect> avec)¹

Il est une conf<iance> qui va jusqu'à la folie et qui effraye — à moi qu'elle ne lie — ne vous prés<entes> V<otre> conf<iance> — pieds et poings liés.

C'est par elle, la *folle*, que j'ai touj<ours> tout perdu<e> et une ou deux fois — tré<sor> gagné.²

La conf<iance> de l'ange avec l'ange. Qui, hors R<ainer> M<aria> R<ilke> et B<oris> P<asternak> y aurait par répondre? Prétendre?³

Le premier tour de la machine en blanc/machine⁴

plate

hollanda

Lafuma

<одно слово нрзб.>

¹ С людьми умными можно выигрывать только открывая свою ставку.

Есть доверие ума как бывает недоверие глупости.

Впрочем, разум стремится помешать непосредственному доверию, более того — ставит его в зависимость от понимания — вплоть до плотского вождения (мой ум *со мной*) (фр.).

² Есть доверие, которое сродни безумию и которое пугает — меня, связывая по рукам и ногам, но не вас, — предьявляющих свои признания.

Это из него сплетена та рыболовная сеть, которая всегда приносит мне одни потери, и только один или два раза — принесла сокровище (фр.).

³ Доверие ангела к ангелу. Кто, кроме Р<айнера> М<ария> Р<ильке> и Б<ориса> П<астернака> мог бы этому соответствовать? Претендовать?

⁴ Первая поездка на машине по снегу/машина (фр.).

Когда сады сыреют

Мур — на прогулке куда-то к Issy — мимо больш<ого> сырого сада
и кладбища — и обр<атно>, Rue de Paris
— Мне нравится твердость земли. Я бы не мог ходить по мягкому
(Моя физика!)

Clamart, le 16 février

1933

Cher Monsieur, Charle Vildrac

je vous remercie de tout mon cœur de m'avoir donné «Les lunettes du lion». Le<s> dessins sont aussi bon<s> que l'écritures d'aventures sauvages. Et puis dans ce livre il y a du rire et de la tristesse et c'est très bien quand ces deux choses sont ensemble. Quelque fois la tristesse est aussi bonne que le rire (mais quand la tristesse est toujours *prest* d'un hommes qui vit sans des camarades dans une tour je pense qu'il va mourir de *méloncolique*)¹, mais quelque<s> fois aussi quand le rire est seul ça devient ennuyeux.

J'ai lu vos 2x livre<s> L'île rose et puis la suite de ce livre La colonie. J'aime mieux L'île rose que la «colonie» mais naturelement que je ne peux pas juger la Colonie par ce que je suis un enfant.

Au revoir cher Monsieur Charle Vildrac et encore une fois merci bien du cadeau que vous m'avez e<n>voyer.

Georges Efron²

¹ Курсивом выделены подчеркнутые Цветаевой орфографические ошибки сына.

² Кламар, 16 февраля 1933 г.

Дорогой господин Шарль Вильдрак,

благодарю Вас от всего сердца за присланную мне книгу «Львиные очки». Рисунки так же хороши, как и описания приключений дикарей. И потом в этой книге есть и смешное и печальное, и это прекрасно, когда обе эти вещи существуют вместе. Несколько печальных моментов так же хороши, как и смешные (но когда печаль все время охватывает одного человека, который живет в башне без друзей, я думаю, что он может умереть с тоски), и постоянный смех может наскучить.

Я прочел две Ваших книги — «Розовый остров» и ее продолжение «Колония». Мне больше нравится «Розовый остров», чем «Колония», но я, конечно, не могу судить о ней в моем возрасте.

До свидания, дорогой господин Шарль Вильдрак и еще раз спасибо большое за присланный подарок.

Георгий Эфрон (фр.).

Ах, если б эта ночь длилась вечно! чтоб всегда так сидеть...

Нужно было бы издать закон, чтобы все у к<отор>ых умерла мать тоже умирали: убивались.

Если бы Вы умерли, я бы убил свою жену – с горя – и из ненависти

22ая февр<аля> 1933 г. (метель)
Смотрите, мама! Карусель на небе...

Читая *Le secret de la vieille demoiselle*¹
– Как хорошо описаны лица, все морщины даны – как на картине.

Какая чудная трагедия!
– Там что-н<и>б<удь> печаль<ное>
– Ничего печально<го>
– Тогда – какая же это трагедия?
– Ну, знач<ит> – прекрасная комедия!

– Я сейч<ас> читаю похороны. Очень интересно. – Грустно?
– Что вы!

...Уж очень долгие похороны – немножко даже надоело.

– Папа! Вы знаете, Кьянти позволил всем этим... министрам играть на улице и они ему в remerciement² дуют в *пустые* трубы...

¹ Секрет старой барышни (*фр.*).

² знак благодарности (*фр.*).

Мур — 1ая — 2ая март<а>
Я маскируюсь.

Мама, к чему ведет сон, когда во сне влюбляешься?

Мурин проэкт книги о церкви (заказана мне)
Мальчишки стали драться свечами и сделали пожар. Священник
влез на крышу, а все зрители умерли.

Мама, когда я вижу красавицу — я их нечасто вижу, я страшно
смущаюсь. Я их — ненавижу. — Мне хочется ее побить.
— А когда ты вид<ишь> красивого *его*?
— О совсем нет! Наоборот, чувствую симпатию. Да у них и лица
другие, более крепкие.

Старое мое

Comme l'eau de la mer
Mon goût doit être amer¹

La tête exhausse le cœur²

3ая марта 1933 г.
Какой приглашающий ветер!

Нынче — то же — про солнце.

Вчера вечер<ом> просит у С<ережи> очередного «Мумса».
Я, раздраженно: «Но предупред<аю> Вас, не дольше 5 мин. —
ровно — по часам». — С<ережа>, озлобясь на меня, отказ<ался> рас-
сказыв<ать> совсем. Мур: Мама, ничего. Вы поступили хорошо и спра-
ведливо. А теперь я буду спать. Спокойной ночи.

¹ Как морская вода

Мой вкус <стиль> должен быть горьким (*фр.*).

² Голова возвышает сердце (*фр.*).

4ая марта 1933.

в лесу

— Какой холм седой!

— Точно дед седой!

(Мур)

Мур — 5ая марта 1933

в перв<ый> раз в театре.

Глядя в купол:

— Пар<ад?> какой-то хотя фиг<уры> старинные.

— Почему П<арад>?

— Трубы какие-то...

— Это не трубы, это кипарисы.

— Нет, розовые!

Колонны аркадическ<ого> здания.

Прогулка в лесу. Кричат «сироты».

— Неужели они могут так веселиться, когда у них роди<тели> умерли?

— Ах, Мур, они их давно забыли!

— Неужели *ни один* не помнит?

(Неск<олько> вр<емени> спустя)

— Я бы не стал так веселиться если бы мои род<ители> умерли.

...Как ужасно они орут!

...Это я из зависти.

Точно в рестор<ане>: отст<авить>/перемени<ть> стул

Вписать около 2х нед<ель>!

Как — через все простр<анства> смерти и бессмертья — не забыть этой жизни, раз мы 10 л<ет> спустя не помним, стоял ли на молу такой-то, когда отплывал пароход.

20^е марта 1933 г.

Les arbres m'ont le mieux recriminée.¹

Quand on dit le c'est beau je suis flatté²

<Два слова нрзб.>

— неотраз <не дописано.>

Где я уже <не дописано.>

Marche, c'est en<core> pens<ée>³

Мур — перв<ые> дни апреля

— Нужно наконец окончательно убедиться, есть ли Бог или нет.

Мозг это дом, где живут наши мысли.

Silence: absence dans la présence. La présence physique ne me dit rien, ne me donne rien, m'ôte tout, — toutes les certitudes et tous — les dons de l'absence (totale).⁴

L'absence du silence.⁵

Une chose ne <не дописано> jamais chez moi: la confiance.

(Cette chose saignante)⁶

Сонечка

Dieu le P<ère> êt<ait> pour elle — le grand-père, J<ésus> — le grand-frère âge de plus âge d'au moins de 10 ans qui⁷ <три слова нрзб.>

¹ Деревья — мой сильнейший укор (фр.).

² Когда говорят: «Это красиво», я польщена (фр.).

³ Течение — это еще и мышление (фр.).

⁴ Молчание: отсутствие в присутствии. Физическое присутствие мне ничего не говорит, мне ничего не дает, все у меня отнимает, — все уверенности и все, данное отсутствием (полным) (фр.).

⁵ Отсутствие в молчании (фр.).

⁶ Это не <не дописано>никогда для меня: доверие. (Эта кровотокающая рана) (фр.).

⁷ Бог-Отец был для нее — дедушкой, Иисус — старшим братом, лет по крайней мере на десять старше того, кто (фр.).

avec les mêmes lèvres

En elle je compr<is> ce que je n'ai j<amais> su<e> compr<endre> en t<outes> les fem<mes>: l'innocen<ce> supr<ême> de la fem<me>¹

Espagne Infante Poupée²

<Следующие четыре строки нрзб.>

Ou bien on adore à genoux <над строкой: divinise>

Ou bien on cherche les une parenté d'idées (surtout politiques) ou bien (on l'encanaille avec) c'est la débauche – triste et acharnée avec plus bas que sois – plus bas que tout – plus bas que bas – l'autodestruction russe, où la sensualité n'a rien à voir.

Comment aurai<ent>-ils pu aimer S<onetchka>, trop aimante pour être divinisée, – sans une seule idée dans la tête – et si peu sembl<able> à une actrice de dernie<r> et même de pr<emier> rang!

Sonetchka – qui au lieu de se laisse<r> ador<er> commenc<ait> par se mettre à genoux, elle, qui – en fait “d'idées” (c'est comme cela que se dénomm<ent> nos préfér<ences> polit<iques>) préfér<ait> les rouges aux blancs et les blancs aux rouges et <не дописано.>³

¹ теми же самыми губами

В ней я поняла то, что не умела понять в женщинах вообще: высочайшее женское простодушие (*фр.*).

² Испания Инфанта кукла (*фр.*).

³ Либо преклоняются <над строкой: обоготворяют>

Либо ищут в них идейное родство (главным образом политическое), либо (вместе падая) пускаются в разврат – мрачный и ожесточенный со всеми мыслимыми и немыслимыми низостями – ниже самого дна – русское самоистребление, к чувственности не имеющее никакого отношения.

Как могли они полкоть Сонечку, слишком любящую, чтобы ее обоготворять, – без единой идеи в голове – и так мало похожую на актрису последнего и даже первого ряда!

Сонечку, которая вместо того, чтобы дать себя обожать, первая падала на колени, которая – что касается «идей» (так именуются наши политические предпочтения) – предпочитала красных белым и белых красным и <не дописано.> (*фр.*)

14, rue Pernetti
 Hôtel Pernetti
 Ан<на> Ник<олаевна> Ив<анова>
 Paris, 14-me

8-го апр<еля> 1933 г.

Мур — Але:

— Помни, что Христос говорил: *Тчи* отца с<воего> и мать свою. Ты — юдофоб: ты не любишь Христа!

Mon malh<eur> fut d'avoir toujours placé mon plaisir dans l'être-même <над строкой: au centre de l'être-même>, non à côté, à ce côté qu'est même son corps, son <пропуск одного слова>, de l'avoir non divisé dispersé dissénné mais concentré, de l'avoir identifié à l'être de ma prédilection

Si j'avais aimé les êtres par les plaisirs qu'ils nous procurent, si j'eu avait fait les moyens de mon plaisir<,> j'aurais agi et été heureuse comme un autre.

Mon malh<eur> fut d'avoir aimé les êtres pour eux-même<s> de là la (упор) directitude de leur blessure

Non pour le paysage où ils vivent etc.¹

Une j<eune> mère parle<:> Tu es né d'une violette, de beau<coup> de<s> violettes. Comme ça il n'y eu av<ait> pas beau<coup> et comme elle<s> montaient on est monté aussi. Ainsi — de violette en violette — jusqu'au plateau nu <над строкой: où il n'y eu av<ait> plus une seule —>

Et puis on a dormi. S'est assis. Et puis on a dormi.²

¹ Моя беда в том, что я всегда помещаю свою радость в самое существо человека <над строкой: в самую сердцевину его>, а не в стороне, той самой, которая является его собственным телом, его <пропуск одного слова>, что я не разделяю, не разношу, не рассыпаю, а сосредоточиваю, что я отождествляю с человеком свою любовь

Если бы я любила людей за те радости, которые они нам доставляют, если бы я могла относиться к ним, как к средствам своей радости, я поступала бы как все и была бы счастлива как все.

Моя беда в том, что я люблю существа ради них самих, из-за непосредственной раны от них

А не ради пейзажа, в котором они живут, и т.д. (фр.).

² Молодая мать говорит: Тебя нашли в фиалках, на поляне фиалок. А так как их было не очень много и так как они всё поднимались, мы поднялись тоже. И так — от фиалки к фиалке — до голого плато < над строкой: где уже не было ни одной —>

И потом мы уснули. Сели и уснули (фр.).

Mon amour

Peut-être te ferait-il du bien. Sûrement il me fera<it> du mal.¹

—

J'ai été poète avant d'être femme — et je le serai après... — A lors ²—

—

Развить мысль: centre de l'être<,> C'est pour cela que j'ai touj<ours> été blessée au centre de <moi-même>³.

—

Лирическая жила

—

La liberté c'est notre ordre réagissement à un état de choses que nous n'a pas choisi. Ce n'est jamais le choix, jamais la volonté.

Liberté dans la fatalité — (p<eut>-être *de* la fatalité) que nous ne connais<ons> qu'on rêve, où nous ne nous opposons jam<ais> à quoi que ça soit, où nous subissons *tout*, en rest<ant> *nous*.

Dans la vie nous lui opposons (à la lib<erté>) notre volonté, nos paup<res> décisions si половинчатые. Libre comme dans un rêve: oui où tout est dicté <,> prés<umé> d'avance.

Libre d'avoir peur, d'avoir mal etc.

Liberté de subir.⁴

¹ Моя любовь

Быть может, тебе она принесет благо. Мне наверняка боль (фр.).

² Я стала поэтом прежде, чем женщиной, — и ею я стану потом... — Тогда — (фр.).

³ Развить мысль: центр существа. Именно поэтому я всегда бывала поражена в самую сердцевину себя самой (фр.).

⁴ Свобода есть наш ответ на тот порядок вещей, который мы не выбирали. Это никогда ни выбор, ни желание.

Свобода в предопределенности (может быть — свобода предопределенности), которой мы в точности не знаем, которой мы никогда не противимся, в которой мы претерпеваем *всё*, оставаясь *собой*.

В жизни мы ей (свободе) противопоставляем нашу волю, наши бедные решения, такие [половинчатые]. Свободен как во сне: да, где всё предписано, заранее ожидаемо.

Свободен бояться, болеть и т.д.

Свобода претерпевать (фр.).

Je ne peux rien change<r> au cours des évén<ements> – quelle quiétude – quelle force.

NB! Les événements de nos rêves sont les éléments de notre être, non censures par la raison<.>

Je rêve souvent qu'ai vient me tuer. Donc je veux être tuée <,> le je obscur, inconnu à moi-même, conn<u> seul par et toujours recon<nu> dans les rêves. Le seul valable, mon aîné, mon éternel.

Dans les gr<andes> heures de ma vie c'est lui sent qui décide

Donc –

Je ne puis rien ch<anger> au cours de mes élé<ments> <,> au cours du fin, de l'a <не дописано> etc qui tous ens<emble> font moi mon âme.

Je veux vivre avec l'âme.

La manière dont nous subissons le mal de vivre – voilà notre liberté<.>¹

«Quand nous av<ons> la chose que nous désirons nous a<yons> voulu une autre». Non, <не дописано>. Car ce n'est jamais *cette* chose qui arrive <,> toujours une *autre* <.> Car nous n'av<ons> jamais la chose que nous désirons. Car désirer est une sensation <,> idée et av<oir> est un fait.

Une chose rêvée n'est jamais la chose arrivée <.>

Voulue – reçue etc.²

¹ Я ничего не могу изменить в последовательности событий – какой душевный покой – какая прочность.

NB! События наших снов суть стихии нашего существа, не исправленные разумом

Мне часто снится, что я себя убиваю. Стало быть, я хочу быть убитой, этого хочет мое скрытое я, мне самой неизвестное, только в снах узнаваемое, вновь и вновь познаваемое. Единственное истинное, мое старшее, мое вечное я.

В большие часы жизни это оно осознает, кто решает

Следовательно –

Я ничего не могу изменить в движении моих *стихий*, в движении к концу, в движении < не дописано > и т.д., которые вместе и создают меня: мою душу.

Я хочу жить с душой.

Способ, при помощи которого мы претерпеваем боль жизни, – вот наша свобода (*фр.*).

² «Когда у нас есть то, что мы хотим, нам бы хотелось чего-то другого». Нет, <не дописано.> Ибо никогда не приходит *то самое*, всегда *другое*. Ибо мы никогда не получаем того, чего хотим. Ибо желание – это чувство–идея, а обладание – это факт.

Мечта никогда не становится действительностью.

Желанное – осуществившимся и т.д. (*фр.*).

âme.

AVRIL

16 Dimanche — PAQUES

Je veux vivre
avec l'âme.

La manière dont nous
subissons — voulons notre
liberté — le mal de vivre

Quand nous avons la chose
que nous désirons nous en
voulons une autre. — Non, ce

Car ce n'est jamais
cette chose qui arrive

donc nous en voulons autre.

Une chose ^{travée} ~~travée~~ n'est jamais
la chose AVRIL ^{arrivée} ~~arrivée~~
FÉRIÉ — Lundi 17

Voulez-vous ^{de} ~~de~~

l'immangeable changement
d'air, de sol, d'ambiance

Elle peut être meilleure

que ce que nous en

ne peut pas en pas être

autre.

Car nous n'avons jamais la
chose que nous désirons.

Car désirer est une
sensation ^{idé} ~~idé~~ d'air
est un fait.

L'immanquable changement d'air, de sol, d'ambiance: Elle peut-être meilleur<e> que on prie que, elle ne peut pas ne pas être autre.

La chose que nous désir<ons> nous ne la recev<oyons> pas de primes-mains<, > nous la recev<oyons> des mains du temps, de l'espa<ces>, des mains du monde des faits.

En nous la donnait <, > il nous la rogne et la fractionne. Nous l'avons (sans l'avoir) en nous entière, nous la rece<voyons> parcelle, in défait, appropriée à nos «besoins» <, > non dans désirs.

Et si elle est plus belle arrivée que rêvée<, > elle n'est jam<ais> plus belle, elle est plus forte.

Etant moindre.

Transform<ation> immin<ente> du passage d'un monde à l'autre.¹

14 avril

«Soyons sages» c<'est> à d<ire> trahissons encore une fois les grands lois de la nature.

Sagesse — bassesse.²

«Il faut touj<ours> être sage» touj<ours> être sage... un cri presque de detresse.<.>

Cri qui en dit long — sans nommer *les noms*//sur tous ces *non* et *nom*!³

¹ Неизбежная смена воздуха, почвы, среды. Она может быть лучшей, чем та, о которой мы молили, — она не может не быть другой.

То, о чем мы мечтали, мы получаем не из первых рук, а — из рук времени, из рук пространства, из рук действительности.

Внутри нас вещь дана, действительность ее урезает и дробит. Внутри себя мы владем ею во всей полноте (не владея), а получаем мы лишь часть ее, оторванную, приспособленную к нашим «потребностям», а не к нашим желаниям.

И даже если она прекраснее, чем нам грезилась, она не *прекраснее*, она — сильнее. Будучи меньшей.

Неизбежное превращение при переходе из одного мира в другой (*фр.*).

² 14 апреля

«Будем благоразумны» — то есть еще раз нарушим великие законы природы.

Благоразумие — низость (*фр.*).

³ «Нужно всегда быть благоразумным» всегда быть благоразумным... крик почти отчаяния.

Крик, который о многом говорит — не называя *имен* // обо всех этих *отказах* и *именах*! (*фр.*)

Мур: Deux vieilles se battent. Une était idiote, et l'autre une coquine.¹

Исповедь в Стр<астную> Субб<оту> 15-го апр<еля> (8 л<ет>)
Постеп<енный> рассказ

Ну, сказал, что чертыхаюсь, что люблю богатую одежду. А бат<юшка> спр<осил>: А твои родители бедные? — Да, очень. — Нужно быть довол<ьным> тем что Бог дал. — Я доволен, но хочу еще. — Ну, это ничего. А про чертыхание сказал, что это отвратительно. Сказал еще что вру, только не всегда. Но не ворую. Я ведь у Вас ничего не ворую?

(Вечером, идя к заутр<ене>)

Странно, как иногда можно забыть вещь! Свою фамилию.

Нынче бат<юшка> меня спраш<ивает>: Как твоя фамилия... А я говорю: Георгий — и еще Сергеевич — а фам<илию> вспомн<ить> не могу. А бат<юшка> всё говор<ит> — Ну как же всё-таки? Ты поста-р<айся> — «Простите, бат<юшка>, я никак не могу вспомнить». Так бат<юшка> и не узнал. Он всё время задыхался.

После заутрени разговл<аемся>

— Вы будете смеяться... но я скажу В<ам> одну вещь — про ба-т<юш<ку>. Когда я сказал, что чертых<аюсь>, он сказал — Ты же не будешь пить чистое молоко из ночного горшка...

— А ты не смеялся? — Чтò вы!

1 jour P<âques> — <одно слово нрзб.>

Si V<ous> saviez comme il me faut peu pour être heureuse <:> la certitude de Vous être indispensable — sans témoignages, sans fait, rien que ces mots. Mais V<ous> ne dites rien. Vous me lisez comme un de ces livres que V<ous> lisez à la fois: mardi — X — mercredi — moi — jeudi — Z.²

¹ Две старухи дерутся. Одна идиотка, другая — мерзавка (фр.).

² 1-ый день Пасхи —

Если бы Вы знали, как мало мне надо, чтобы быть счастливой: только быть уверенной в необходимости Вам — без доказательств, без фактов, — ничего, кроме этих слов. Но Вы ничего не говорите. Вы читаете меня, как одну из тех книг, которые Вы случайно перелистываете: во вторник — Икса — в среду меня — в четверг — Зета (фр.).

Les F<rançaises> ne sentent pas comme nous. Si — puisqu'ils tirent leur mouchoir aux mêmes endroits.¹

Il y a l'air, le climat, le sol<eil> français et all<emand> etc², <не дописано.>

Donnée d'une santé physique j'ai concentré toute ma force pour souffrir mentalement.³

Sensibilité d'appareil enregistreur. Ce n'est pas V<ous> qui sentez, c'est elle qui sent en V<ous> et pour V<ous>. Et *personne* ne souffr<it>⁴

Il n'y a que 2 choses qui valent: les enf<ants> quand ils sont petits et les hommes quand ils sont aimants (humains)⁵

Il y a la langue fr<ançaise> et all<emande>, il y a les vêtem<ents>, les rites, les tempéram<ents> fr<ançais> et all<emands>, il n'y a pas d'hommes fr<ançais> et allemands.⁶

Soyez jeune, soyez de V<otre> âge et de V<otre> temps — doubl<ement> inhumain <.>

Et laissez-moi à mon être sans âge et sans temps.⁷

¹ Французы не чувствуют так как мы. Хотя вынимают платки в тех же самых случаях (фр.).

² Есть воздух, климат, солнце — французские, немецкие и т.д. (фр.).

³ Одаренная физическим здоровьем, я всю свою силу сосредоточила на страдании мысленном (фр.).

⁴ Чувствительность самопишущего прибора. Не Вы чувствуете, а он — в Вас и за Вас. И *никто* не страдает (фр.).

⁵ Есть только две ценности: дети, пока они маленькие, и мужчины, пока они любят (человечные) (фр.).

⁶ Есть французский и немецкий язык, одежда, обряды, характеры, но не бывает французских и немецких мужчин (фр.).

⁷ Оставайтесь молодым, оставайтесь в своем возрасте и в своем времени — дважды бесчеловечным

И оставьте меня в моем состоянии вне возраста и вне времени (фр.).

Il y a une inhum<anité.> V<ous> êtes inhumain parceque V<ous> ne sentez pas, je suis inhum<aine> pour la cause contraire.¹

aim<e> plus fort — je suis battue, d'avance battue, je me sais d'avance battue², <не дописано.>

1) Quand on a une chose on ne la désire plus.

2) Quand on a une chose on craint de la perdre

Il n'y a qu'avec les indiff<érences> qu'on est heureux.

18 avril 1933³

20 апреля 1933 г. — вечер

После этой лотереи много детей пропадает

— Ты думаешь их разыгрывают?

— Нет! Застреляются потому что не выиграли 1933 тысячи франков.

Кронпринц — это сын Гитлера?

— Не-ет.

— Значит Гинденбурга.

Идет читая:

Laiterie Hitler

Нет; Hanser⁴

¹ Есть бесчеловечность. Вы бесчеловечны, потому что ничего не чувствуете, я — наоборот (фр.).

² люблю слишком сильно — я бита, заранее бита, я себя чувствую наперед разбитой, <не дописано.> (фр.)

³ 1) Когда у нас есть нечто, мы этого больше не хотим.

2) Когда у нас есть нечто, мы боимся это потерять

Счастливым можно быть только в безразличии.

18 апреля 1933 (фр.).

⁴ Молочная Гитлера.

[Нет:] Ганзера (фр.).

Реклама:

Mangez des œufs¹

На яйцо старательной неумелой рукою:

Vendez-les moins cher².

Voyant le peu d'intérêt que V<ous> témoignez pour <над строкой: à> ma vraie vie, la vraie moi, celle de mon œuvre (un travail de plus de 20 ans a la droite de s'appeler âme) — me voyant en train d'être réduite à quelque chose (une très petite chose) à Votre usage personnel — et me sent en plein une grande chose j<e> n'ai plus encore de Vous voir, ce que je suis la premièr<e> à regrettes, <далее четыре строки зачеркнуты крест-накрест.>

Auriez V<ous> la gent<illesse> ch<er> Ж., de porter mon manu<scrit> chez M.H., où j'ir<ai> le prend<re>. J'eu à pressam<ment> beso<in>.>

Adieu

MZ

et me sentant<e> — en pleine humilité — une gran<de> chose et à grand usage — ³

II variante

Je v<iens> de comm<encer> un grand travail et comme il m'ab<sente> toute entière je crains d'être pour V<ous> une interlocut<rice> trop absente. Attendons pour nous rev<enir> — si l'e<?> ne V<ous> en passe pas jusque là — que je sois plus vide, moins moi, donc plus facile à manier et à subir.>⁴

¹ Ешьте яйца (фр.).

² Покупайте их дешевле (фр.).

³ Видя, как мало интереса проявили Вы к моей истинной жизни, к истинной мне, то есть к моему творчеству (а более чем двадцатилетняя работа по праву именуется делом души), я увидела, что я на пути низведения себя к чему-то (очень незначительному), предназначенному для Вашего личного пользования — а я себя чувствую чем-то более значительным, я не увижу Вас больше, о чем первая же и сожалею

Будьте любезны, дорогой Ж., занести мою рукопись к М<аргарите> Н<иколаевне>, куда я зайду за ней. Она мне срочно нужна.

Прощайте

МЦ

чувствующая себя — в полном смирении — величиной значительной и для великого предназначения — (фр.)

⁴ II вариант

Я начинаю одну большую работу, и поскольку уйду в нее целиком, боюсь, что как собеседница я для Вас потеряна.

Подождем нашей следующей встречи, — если до тех пор не встретимся случайно, — когда я буду более пустой, менее собой и, следовательно, более легкой в обращении и выносимой (фр.).

Vendez-les
moi, no AVRIL
cher, 28 Vendredi — s. Fernand

Il y a le peu d'inté-
ret que V. le mo^{travaux} gner
pour ma vraie vie, la
vraie moi, celle de
mon œuvre (un travail
de plus de 20 ans a le
droit de s'appeler ain)
— me voyant être en
train d'être ^{travaux} dédié
à quelque chose (une
très petite chose) à
votre usage personnel
et me sentant une grande
chose en plus

Je n'ai plus envie
AVRIL
de vous voir ce qui
s. Robert — Samedi 29
Je sais la première
à réviser car c'est
avant tout aimé ça
je veux ensuite être
sentie. ~~Je n'ai pas~~
Sentie je ne suis pas
dans V la gent, et V
de forte moi même
cher de V on j'en
le peu. J'ai à
presser de
Adieu

Mes vœux le plus cordiaux pour V<otre> conf<inement> et Votre voyage et tout ce qui Vous arrive encore de beau et de bon dans V<otre> vie à venir au courant (car ils courent!) de l'été — de celui-ci et d'autres.

Ayez la gentillesse de remettre mon manuscrit à M.H. avant de partir, aussitôt que V<ous> le pourrez, j'en ai à *pressant* besoin!

23-го апр<еля>, воскрес<енье>

Мур приходит ко мне утр<ом> в постель — кланьчить Mickey chercheur d'Or²

— Что же ты, Мур, нынче видел во сне?

— Сейчас. Я подумую. (Короткая пауза.) Что я убил женщ<ину> к<отор>ая была против Вас. И уложил ее в канаву.

— Чем же ты ее убил?

— Булавками (т.е. единств<енным> смертонос<ным>, что в его досягаемости). ... Не в канаву, а в эту — ту, что возле тротуара.

(Думаю, что всё это наврал, чтобы сдел<ать> мне удоволь<ствие> и вернее получ<ить> Миксэ)

Nos <?> sont nos juges. Ils se taisent et sonnent puis qu'ils s'en retournent ils parl<ent> et dis<ent> *la vérité*³

Si V<ous> pensez que je suis la bonne et placide chose qui reste où l'on l'a mise et pour laquelle il n'est jam<ais> trop tard — ⁴

24-го апр<еля> — утр<ом> Таня — браслет (венгр) — библиоте-

¹ Самые сердечные пожелания и к Вашему уединению, и к Вашему путешествию, и всего самого прекрасного и доброго в Вашей будущей жизни в течение (ибо всё течет!) лета — этого и следующих.

Будьте любезны передать мою рукопись М<аргарите> Н<иколаевне> перед отъездом, тотчас как сможете, она мне *срочно* нужна (*фр.*).

² Микки-золотоискатель (*фр.*).

³ Наши <?> — наши судьи. Они умолкают и звучат, вернувшись оттуда <?> они разговаривают и говорят *правду* (*фр.*).

⁴ Неужели Вы полагаете, что я нечто благодушное и миролюбивое, которое всегда остается там, куда его поместили и для которого никогда не поздно — (*фр.*).

ка> (стригу кошке когти) – Л<ебеде>вы: перевод – Ж. – возвращение –
Альгм<ан > – Котик прид<ет> и мы в ср<еду >? Это – последнее –
Votre merci agit sur moi comme un charme: *puissance de l'obéissance*¹

—
User ses sentiments jusqu'à la corde²

—
Неужели у Вас первого мужа не было? Второго т.е. Неужели? Вы
вспомните!

25 апр<еля>

—
Un sous d'amour³

Мурин перевод к<инематогра>ф<ической> рек<ламы>

– Не стоит деньги?

—
Il y a deux manières de comprendre un autre par la présence et par
l'absence.

De loin je Vous juge, de près je V<ous> —⁴

—
Je n'existe pour V<ous> que du moment où j'entre dans V<otre>
ch<ambre> au moment où j'en sortis. C'est là que V<ous> commencez.⁵

—
Il y a quelque chose d'inf<inie> doux d'en être réduite à l'état d'une
chose simple, sûre et toujours prête – à être réduite encore – jusqu'aux
proportions minimales <над строкой: infinies> de la mère pour son petit
enfant. Minimales et infinies. (27 avril 1933)⁶

¹ Ваша благодарность была мне очаровательна: *возможностью послушания (фр.)*.

² Пользоваться его чувствами до конца (букв.: до веревки повешенного)(фр.).

³ Грош любви (фр.).

⁴ Есть два способа понять другого: в присутствии его и в отсутствии.

Издали я Вас сужу, вблизи я Вас — (фр.).

⁵ Я существую для Вас только с момента моего появления в Вашей комнате до
момента моего ухода. Отсюда Вы начинаете (фр.).

⁶ Есть нежность столь бесконечная, что ограничивает себя проявлением в самых
простых, надежных, обыденных вещах, которая сводится – в минимальных < над стро-
кой: бесконечных> пропорциях – к отношению матери к своему маленькому ребенку.
Минимальных и бесконечных. (27 апреля 1933) (фр.).

— J'ai besoin de toi. — Pourquoi? — Pour rien. — Bon, essayons de combien ce rien.¹

27 апреля 1933 г.

8-го апр<еля> в Вербную Субботу — почти в Вербное воскресенье — в 11 ч. 50 мин. умер от туберкулеза мой единственный брат Андрей (Иванович Цветаев). Только что письмо от Аси. Перепишу его сюда.
<Письмо не переписано.>

Aimer quelqu'un était moins être heureux avec que malheureux sans.
29 avril 1933²

La patience est av<ant> tout une force active. (L'endurance). Quelle dépense de volonté pour *endurer*.

Subir est agir.

Il n'y a pas d'autre agir que subir — pleinement et dignement.³

Ce n'est pas l'âme qui quitte le corps, c'est le corps qui quitte l'âme, fausse amitié, abandonne la partie, passe à l'ennem<ie>. (30 avril)⁴

le 29 avril — mort de Mme de Noailles — J'ai vu Constantinople étant petite fille — tu as vu C<onstantinop>le, mais tu n'a pas vu — et pourtant je te l'avais dit — comme je t'aimais...⁵

¹ — Я нуждаюсь в тебе. — Зачем? — Ни за чем. — Ладно, увидим, до какой степени ни за чем (*фр.*).

² Любить кого-то значит быть менее счастливой с, чем несчастной без. 29 апреля 1933 (*фр.*).

³ Терпение это прежде всего действенная сила. (Выносливость). Некая трата воли, чтобы *вынести*.

Претерпевать значит действовать.

Нет иного действия, кроме претерпевания — всецелого и достойного (*фр.*).

⁴ Не душа покидает тело, а тело душу: предает связь, бросает игру, переходит на сторону врага. (30 апреля) (*фр.*).

⁵ 29 апреля — смерть госпожи де Ноай — Я видела Константинополь, будучи маленькой девочкой — ты видела К<онстантинопо>ль, но ты не увидела — а я все-таки тебе об этом сказала — как я тебя любила... (*фр.*)

Il y a (?) 21 ans (1912 Théodosie) j'eu aurais perdre la vie pour des mois et des mois. Maintenant – légère brûlure. Est-ce qu'on s'habitue – à ça aussi?¹

1 mai 1933

Les Russes sont grands en largeur, c'est leur объём qui fait leur grandeur, circonférence?

Les All<emands> en profondeur et en hauteur (les All<emands> d'aujourd'hui en *force*)

– Les Français – tn petitesse.

– Toute grandeur est exclusive

– En France plus qu'ailleurs. Pascal n'est exceptionnel ni en Russie ni en All<emand>, il l'est absolument en France. Plus qu'une exception: une impossibilité <под строкой: impensabilité>, un miracle <под строкой: un contre-sens>.²

Qu'ai-je fait pour que personne, personne ne m'ait aimée comme on aime dans la plus misérable petite chanson? (Où me menez-vous? J' n'eu sais rien du tout)

Plutôt: qu'ai-je *ne pas* fait?³

¹ 21 год (?) тому назад (1912, Феодосия) для меня это было бы потерей жизни на месяцы и месяцы. Сейчас – легкий ожог. Это и есть привычка – к *этому* тоже? (*фр.*)

² 1 мая 1933

Величие русских в широте, их [объем] дает размеры, всеохватность?

Величие немцев в глубине и в высоте (сегодняшних – в *силе*)

– Французов – в незначительности.

– Всякое величие исключительно

– Во Франции более, чем в других местах. Паскаль не исключителен ни в России, ни в Германии, во Франции он исключителен абсолютно. Он более чем исключение: невозможность <под строкой: немыслимость>, чудо <под строкой: нелепость> (*фр.*).

³ Что я сделала, чтобы меня никто, никто на свете не любил так, как любят в самой убогой песенке? (Куда вы меня ведете? Я совсем не знаю)

Скорее: чего я *не* сделала? (*фр.*)

Après avoir aimé on ne veut rien d'autre — pour longtemps.
 — Après avoir aimé — il faut aimer encore
 Il faut aimer sans cesse — après avoir aimé.¹

Mal de dents. Expérience.

Quand on a mal aux dents on ne veut qu'une seule chose: que ça cesse.
 Détachement complet de tous et de tout. De là — à mourir un bien petit pas.
 Même détachement en plus grand, en plus final.

Car enfin — ou bien on laisse une femme tranquille — la laisse être
 âme, ou bien on l'aime²

Donc, tout ceci: soleil, travail, proches, — donc, tout ceci ne vaut rien
 par *soi*, seulement par moi, l'état de ma dent (ou de mes poumons, etc.)

J'ouvre un livre — non, je n'ai aucune envie de savoir ce que tu penses,
 de voir ce que tu vois

J'ouvre la fenêtre — même chose.

Tout ceci est pour les autres, ceux qui restent

(NB! Tous partent avant, ce qui est de moi — je partirai *bien* avant)

L'unique chose qui reste c'est le désir de faire plaisir, comme moi hier,
 courant chercher la balle de Mour (Uni-Prix) et la montre de S. (jamais
 prête) — c'est le devoir (puisque'on ne désire rien) de faire plaisir.³

¹ Когда прошла любовь, не хочется ничего другого — и очень долго.

— После былой любви — надо снова любить

Надо любить без конца — после былой любви (фр.).

² Зубная боль. Опыт.

Когда болят зубы, хочется только одного: чтобы это кончилось. Полное безразличие ко всему и вся. Отсюда до смерти один крошечный шаг. То же безразличие — всеобщее, окончательное.

Ибо в конце либо спокойно бросают женщину, предоставляя ей быть душой, либо любят ее (фр.).

³ Значит всё это: солнце, работа, близкие — само по себе ничего не стоит и зависит только от меня, от состояния моего зуба (или моих легких и т.д.)

Открываю книгу — нет, у меня нет никакого желания знать, что ты думаешь, видеть, что ты видишь

Открываю окно — то же самое.

Всё это для других, остающихся

(NB! Все уходят преждевременно, что до меня — я уйду *задолго* до срока)

Единственная вещь, которая остается, это желание доставить радость, как я вчера, бегая в поисках мяча Муру (Уни-При) и часов С<ереже> (точных) — долг (не смотря на то, что ничего не хочется) доставить радость (фр.).

Je suis sûre qu'avant de mourir j'aurai encore une pensée — et même plusieurs — tout-à-fait désintéressée (on ne ressent plus le plaisir qu'on donne) pour chacun des miens et p<eut>-être pour quelques autres. Sans rien éprouver personnellement qu'encore un peu plus d'éloignement pour ceux qui ont encore envie de quelque chose

Les vers (la musique, la pensée) ne peuvent aider que dans une mort violente, anti-naturelle, comme un verdict de mort ou une inondation/un vaisseau qui sombre (et encore!)

Une mort où on est en pleines forces d'âme et de corps, une mort-vie (Ceux qui moururent en lisant, en *disant* Bloc).

Mais une mort au lit, une mort qui fait mal — ni musique, ni vers, ni enfants — rien n'y tient.

Rien ne va plus.

<Далее одна четверть страницы не заполнена.>

Alors à quoi ça sert tout ce qu'on fait, <пропуск одного слова>, peine et personnellement: tout mon travail de plus de vingt ans, de toute ma vie?

A amuser les bien-portant<s> qui s'en passent.¹

5 mai 1933 — vendr<edi>² (вечер Бальм<онта>, флюс в 3 апельсина)

Comment pouvoir être fier *de ses limites* (Français, avec leur преслов-<утыми> «clarté, précision», etc.) Une chose limitée est une chose essent<iellement> humaine, jamais divine. — Et Vénus de Milo? — C'est ce que je dis: *essent<iellement> humaine*.³

¹ Я уверена, что перед смертью у меня будет мысль — и даже не одна — совсем бескорыстная (нет больше той радости, которую она давала) о каждом из моих и наверное о некоторых других. Без всяких личных ощущений, кроме еще большей отдаленности от тех, кто еще чего-то хочет

Стихи (музыка, мысль) могут помочь только в случае насильственной смерти, неестественной, как смертный приговор или наводнение / кораблекрушение (и еще!)

Смерти в полной силе души и тела, смерти-жизни (Те, кто умирал, читая, говоря. — Блок).

Но в случае смерти в постели, смерти в страдании — ни музыка, ни стихи, ни дети — уже не держат.

Ничего уже не существует.

Для чего же тогда эта отделка всего, что сделано, тяжело и кровно: всей моей работы за более чем 20 лет, всей моей жизни?

Для развлечения жизнерадостных зевак (*фр.*).

² 5 мая 1933 — пятница (*фр.*).

³ Как можно гордиться *своей ограниченностью* (французы со своими [пресловутыми] «ясностью, точностью» и т.п.) Ограниченность — свойство исключительно человеческое, никак не божественное. — А Венера Милосская? — Это то, о чем я говорю: *по сути смертная* (*фр.*).

«Je suis fier de ne pas pouvoir aller plus loin» (Français)

In der Beschränkung etc.

Ceci est de l'auto-limite. Et Goethe ne parle que du maître, non du dieu, non du Maître – de l'univers.

Maîtrise – une très petite chose – bon pour *ici* et pour *maintenant*.¹

Un fleuve qui s'enlise dans les sables

(Ж.) Un fleuve qui à mi-chemin? à deux milles? – à deux pas? de la mer s'enlise dans les sables²

Je ne sais rien de V<ous>. Je sais que V<ous> avez de braves parents auxquels V<ous> ne ressemblez pas. Je sais que V<ous> avez été sur le point de m'aimer. Je sais aussi que Vous – comme la plupart d'ailleurs – n'avez pas subi l'épreuve de l'amour (l'épreuve par mon amour) – que me trouv<ez> trop chaude – V<ous> v<ous>-êtes refroidi, – trop venante – V<ous> avez reculé <под строкой: stoppé> – trop vivante – V<ous> êtes mort.

Je me souv<ient> de tout. V<ous> probablement – de rien.

C'est ma dern<ière> lettre: Portez-V<ous> bien! Amusez-V<ous> bien! Je ne V<ous> écrirai plus.³

¹ «Я горжусь, что не могу зайти слишком далеко» (француз)

В ограничении и т.д.

Это – о самоограничении. И Гёте говорит только как мастер, а не бог, не владыка мира.

Господство (мастерство) – слишком незначительная вещь, годная только *здесь* и *сейчас* (фр.-нем.).

² Река, которая увязает в песках

(Ж.) Река, которая на полпути? в двух милях? – в двух шагах? от моря увязает в песках (фр.).

³ Я ничего не знаю о Вас. Я знаю, что у Вас славные родители, на которых Вы не похожи. Я знаю, что Вы были готовы меня полюбить. И знаю также, что Вы – как большинство до Вас – не выдержали испытания любви (моей любви) – что Вы находите меня слишком пылкой, – это Вас охлаждает, – бурно растущей, – Вы же минувший <под строкой: сдержанный>, – слишком живой, – Вы же мертвы.

Я помню всё. Вы, вероятно, ничего.

Это мое последнее письмо: Будьте здоровы! Развлекайтесь! Я больше Вам не напишу (фр.).

Vous avez besoin d'infiniment moins et surtout de choses infiniment moindres

(5 mai 1933)¹

Des petites misères que Vous voulez justement de moi²

P<eut>-être ne voulez-Vous simpl<ement> rien.³

Je rôde autour de ma tâche comme un voleu<r> autour d'une maison riche et bien gardée. Un vieux voleur, éternellement ingénu. Et finalement – ingénieux.⁴

(Mon rêve de faire «Sonetchka»)⁵

Première chose en revenant à la vie: faire son devoir, qui chez moi équivaut à гречневая каша, seconde – inscrire ce qui se précipite dans la tête.

Puis on sourit au soleil.⁶

C'est par les intentions que Dieu juge, non d'après les actions. Ainsi une bonne action sera jugée comme une mauvaise et une mauvaise – oh, surtout cela! – comme une bonne.

Ainsi P. G<orgoulo>ff sera immédiatement béatifié.⁷

¹ Вам было нужно бесконечно-меньшее, а главное – бесконечно-худшее (5 мая 1933) (фр.).

² Ничтожные пустяки, которых Вы хотели именно от меня (фр.).

³ А может быть Вы просто ничего не хотели (фр.).

⁴ Я слоняюсь вокруг да около своей задачи как вор вокруг богатого и хорошо охраняемого дома. Старый вор, вечный проstack. А в конечном счете – мастак (фр.).

⁵ (Моя мечта осуществить «Сонечку») (фр.).

⁶ Первая мысль при пробуждении к жизни: исполнить свой долг, который у меня равен [гречневой каше], вторая – записать всё, что теснится в голове.

Потом улыбаюсь солнцу (фр.).

⁷ Бог судит намерения, а не последствия деяний. Так доброе дело будет признано дурным, а дурное – о, особенно это! – добрым.

Так П. Горгулов непременно будет причислен к святым (фр.).

— Celle qui ne fut pas aimée.¹ —

J'ai eu un nom? j'ai eu un extérieur digne d'attention (tout le monde me le dit — «une tête romaine», Borgia, l'enfant-chevalier de Prague, etc.) et pour finir par ce dont j'aurais dû commencer: j'ai eu un *don* <—> et tout cela ensemble — et j'oublie sûrement quelque chose! — ne m'a pas servi<,> desservi<,> n'a réussi à me faire aimer de moitié? — d'un millièmé autant qu'un sourire ingénú de femme.

Tout ceci ne m'à servi a rien<.>

Tout cela m'a *desservi*.

Question d'âge? Il y a 20 ans que je disais — et savais — la même chose, en pleine beauté *radieuse* de mes 20 ans.²

On approche, on prend peur, on disparaît.

Entre approcher et prendre peur quelque chose se produit invariablement et irrémédiablement — quoi? Mes lettres? Je les envoie si rarement, si — jamais.

Mon grand sérieux? Mais je ris tant — par amabilité.

Mes exigences? Je n'exige absolument rien.

La peur de s'attacher trop? Ce n'est pas cela qui détache.

L'ennui? Tant que je les vois ils n'ont pas la tête d'ennuyés.³

¹ — Та, что не была любима — (фр.).

² У меня было имя. У меня была внешность, привлекающая внимание (мне все это говорили: «голова римлянина», Борджиа, Пражский мальчик-рыцарь и т.п.) и, наконец, хотя с этого я должна была начать: у меня был *дар* — и всё это вместе взятое — а я наверняка еще что-нибудь забыла! — не послужило мне, повредило, не принесло мне и половины? и тысячной доли той любви, которая достигается одной наивной женской улыбкой.

Всё это ничем мне не послужило

Всё то мне *повредило*.

Возраст? Вот уже 20 лет, как я говорила — и знала — то же самое, что и в полном сиянии моей красоты 20-ти лет (фр.).

³ Приближаются, пугаются, скрываются.

В промежутке между приближением и испугом что-то происходит — неизменно и непоправимо — что? Мои письма?

Я отправляю их так редко, почти — никогда

Моя строгость? Но я столько смеюсь — просто из любезности.

Моя требовательность? Но я не требую абсолютно ничего.

Страх слишком сильной привязанности? Но ведь не это разделяет.

Скука? Но насколько я помню, ни у кого не было скучающего вида (фр.).

Disparition subite et totale. Lui – disparu. Moi – seule.

Et c'est invariabl<ement> la même histoire.

On me laisse. Sans un mot, sans un adieu. On est venu – on ne vient plus. On a écrit – on n'écrit plus.

Et me voilà dans le grand silence, que je ne romps jamais, blessée à mort (ou à vif, ce que est la même chose) sans avoir jamais rien compris – ni comment ni pourquoi.¹

Mais que t'ai-je donc fait???

– Tu n'es pas comme les autres.

– Mais c'est pour ça que...

– Oui, mais à la longue...

Jolie «longue», variant<e> entre trois jours et trois mois.²

Une seule explication pour des dizaines de cas, une seule réponse à des dizaines d'énigmes.

Et je ne la saurai *jamais*.³

Я не преувеличиваю, это вы – все – приуменьшаете: всех и всё.

(7 мая 1933 г. разб<ухшая> щека)

Да, да, да, весь Париж полон женщин: француженок, американочек, негритяночек, датчаночек и т.д. молодых, хорошеньких, красавиц, богатых, нарядных, веселых, развлекательных, обворожит<ельных> и т.д. И чтобы я, со св<оими> седыми волосами, своими 4летними баш-

¹ Исчезновение внезапное и окончательное. Он – пропадает без вести. Я – остаюсь одна.

И это всегда одна и та же история.

Меня оставляют. Без слова, без «до свиданья». Приходили – больше не приходят. Писали – больше не пишут.

И вот я в великой тишине, к которой никогда не привыкну, смертельно раненая (или задетая за живое – что то же самое) – никогда ничего не способная понять – ни за что, ни почему (*фр.*).

² Но что же я все-таки тебе сделала???

– Ты не такая, как другие.

– Но ведь именно за это и...

– Да, но когда это так долго...

Хорошенькое «долго» – вариант от трех дней до трех месяцев (*фр.*).

³ Одно единственное объяснение для десятков случаев, один единственный ответ на десятки загадок.

И я его не узнаю *никогда* (*фр.*).

маками, со своими 10 фр<анковыми> прямолинейны<ми> рубашк<ами> (о верхних говорю!) из Uni-Prix — смела мечтать удержать, хотя бы на час, — молодого, здорового, с положением, да еще *жениха*: вхо-жего всюду, желанного всюду —

но:

в мире сейчас — м<ожет> б<ыть> — три поэта и один из них — я.

Если Вы намеренно минова<ли> во мне поэта (не читали моих книг, не просили моих стихов, не ходили на мои чтения) — то только из трусости: трусливого расчета: смочь в любой день порвать со мной по хамски.

Но так и с прачкой не рвут, я же всё-таки был<а> женщиной из порядочного, даже «избр<анного>» круга.

Необходимо как-нибудь расширить и освежить свой круг. — Как? — Бывать. — Где? — И как сделать, чтобы было *не скучно*?

Aimer quelqu'un c'est avant tout et après tout en avoir mal¹

Je recon<nais> l'être que j'aimerai au mal que j'en ai avant que je l'aime — *au malaise* qu'il me cause; l'être qui sera mon ami — au bien-être.²

Une v<ieille> femme comme une morte est déjà reconnais de ne pas faire peur

(8 mai 1933)³

Au lieu d'avoir été cette petite amoureuse dont tombent (littéralement, par terre) amoureux tous depuis 7 ans à 70 — j'ai été moi-même est amoureuse, que personne n'a songé⁴

¹ Любить — это прежде всего и в итоге всего чувствовать боль (*фр.*).

² Я узнаю того, кого буду любить, по боли, которую я чувствую прежде, чем его полюблю, — по *недамоганию*, которое мне об этом сообщает; того же, кто станет моим другом, я узнаю по своему хорошему настроению (*фр.*).

³ Старая женщина как покойница — хорошо, если не пугает (8 мая 1933) (*фр.*).

⁴ Вместо того, чтобы быть той маленькой возлюбленной, перед которой падают ниц (буквально, на землю) все влюбленные от 7 и до 70-ти, — я сама любила так, как никому и во сне не снилось (*фр.*).

...Seulement le petit Marcel m'aurait fait moins souffrir par des manques de sensibilité extérieure — étant d'une autre génération, où *chacun* cédait sa place à une femme, belle ou laid<e> et où aucun ne restait assis lorsqu'une fem<me> était debout et — oh surt<out> ça! — où aucun ne vous parl<e>, les pieds sur une chaise.

Vous êtes tous extrêmement mal élèves. Des singes.¹

Писать роман или трагедию — это заниматься чужим делом.

Ja, das ist das rechte Gleis
Das man nicht weiss
Was man denkt
Wenn man denkt.
Alles ist als nie geschenkt
Goethe²

Высшая жертва — скрыть, что это — жертва.

Все площади — прощания

Полощутся плащами

Допустимо ли, в каких угодно случаях жизни, говорить матери: *стерва* и *сволочь*?

Спрашиваю бывших и будущих. Дочери моего поколения так говорят.

(<дата не вписана> мая 1933 г.)

Б<альмон>т: глотну газа и полечу на Венеру, бросив эту ветхую одежду.

¹ ...И только малыш Марсель уменьшает мои страдания от недостатка чуткости в окружающем мире — принадлежностью к тому поколению, где *каждый* уступал место женщине, красива она или нет, где никто не оставался сидеть, когда женщина стояла, и — о, особенно это! — где никто не разговаривал с вами, положив ноги на стул.

Все вы крайне дурно воспитаны. Обезьяны (*фр.*).

² Тут-то всё и создается,
Если мы не сознаем,
Что и как мы создаем, —
Словно даром всё дается

Гёте (*пер. Б. Заходера*)

И пред<ыдущие> примеры: Гомер, Милът<он>

Ведь я фаталист, М<арина>, сын природы

La petite amie du grand homme (Maïa)¹

Ce n'est que les êtres qui font grand cas de soi qui font gr<and> cas des autres. question de масштаб inné.²

Pour V<ous> un cas journalier pour moi le jour que j'attends venir. Vous êtes le même.³

Я о плюще:

Протяни веревки и он вьется.

Мур переб<ивая>: Да. Indefrisable.⁴ NB! Anna de Noailles

Мур – 18-го мая 1933 г. (по старому – 5-ое мая: двадцатидвухлетие встречи с С<ережей> в Коктебеле)

Дни творения

– Ну, Мур, какое же небо сотворил Бог в первый день. Небо...

Мур, перебивая: Знаю. Сам скажу. *Святое пространство.*

– Что же такое твердь? Вместилище...

– Вместилище для освещения.

Ayant quelquefois – pourtant – voul<u> être l'aimée et – surtout – ayant tout fait pour cela, même m'étant abêtie au nide d'un pigeon roucou<ant> ou d'un chat – je suis irrémédiablem<ent> devenue l'aînée. Même à 20 ans – quand l'autre en avait quarante.

– Sort. – et: Soit⁵

¹ Подружка великого человека (Майя) (фр.).

² Только те, кто высоко ценит себя, могут высоко ценить других. Дело во врожденном чувстве [масштаба] (фр.).

³ Для Вас – обыденный случай, для меня – день, которого я ждала. Вы – тот же самый (фр.).

⁴ Завивка (фр.).

⁵ Несколько раз в жизни, всё-таки решив быть любимой и особенно стараясь, вплоть до превращения в круглую дуру в гнезде воркующего голубя или мурлыкающего kota – я оказывалась – бесповоротно – старше. Даже в 20 лет при сорокалетнем.

– Неминуемость. – и: Пусть (фр.).

Je crois toujours à ce qu'on dit de soi: *même le mal*.
...Même le bien.¹

Objectiviser une action est la fausser, c'est à dire, lui enlever tout ce qu'elle a eu <над строкой: le raison d'être> de personnel, d'i <не дописано> de muscles, de sang, de nerfs, d'âme.

Tous les squelettes se ressemblent

Donc, si je V<ous> juge comme un homme qui n'ayant pas fini de <не дописано> eu <не дописано> une autre, donc si je vous juge *sans Vous* d'après le fait nu — je deviens, moi aussi, une qui se laisse <не дописано> — *ce que* je ne suis pas (ce qui n'est pas² — <не дописано.>)

Entre la subjugation infailliblement sexuelles, que le soit Votre sexe ou l'autre — par la présence et l'objectivisation infailliblement cérébrale par l'absence choisissons le jugement en présence, ayons le courage de juger et, s'il le faut, condamner, — *l'accusé présent* — non désarmé, mais fort de tous ses armes, et si jugement il y a — il y a juste (justice)³

Entre le sexe et le cerveau, placée aux proximites de nous-même il y a le centre, l'âme, où tout se croise, se joint et se fond et d'où tout part transfiguré et transfigurant.

Chez la femme il y a encore le ventre: les entrailles: le maternité illimitée qui lui sert souvent d'âme et qui quelquefois le remplace absolument⁴

¹ Я прекрасно знаю, как говорят про себя: *та же самая боль*.

...То же самое благо (фр.).

² Объективизировать какой-нибудь поступок значит исказить его, то есть изъять из него всё, что в нем есть личного <над строкой: смысл> — мускулы, кровь, нервы, душу. Скелеты все похожи друг на друга.

Стало быть, если я Вас сужу, как мужчину, который не порвав с <не дописано> другую, значит, если я сужу Вас *без Вас*, на основе голого факта, — я сама становлюсь одной из тех, оставленных <не дописано>, *той*, которой я не являюсь (той, которой нет — <не дописано.>) (фр.).

³ Между неминуемым притяжением полов — к своему ли полу, к противоположному ли — в присутствии, и неминуемым умственным отстранением в отсутствии, избежим суждение очное, наберемся мужества судить и, если будет нужно, осудить *присутствующего обвиняемого* — не безоруженного, но вооруженного до зубов, и, если приговор будет вынесен, — он будет правым (правосудие) (фр.).

⁴ Между полом и умом в нас помещается центр — душа, где всё скрещивается, всё соединяется и всё образуется, и откуда всё исходит преобразенным и преобразующим.

У женщины еще есть лоно: недра: безграничное материнство, которое часто объемлет душу, а иногда ее полностью замещает собой (фр.).

Dire, et je V juge crame au
 homme qui a par MAI
 en 28 Dimanche — s. Olivier
 au acte, donc si je vous juge
 sans vous d'après le fait re-
 je deviens moi aussi, une
 qui se laisse — et que
 je ne sais pas ce qui est pas

Entre la subjugation par
 la présence et l'objectivité
 par l'absence
 choisissons le jugement en
 présence, ayons le courage
 de juger et, s'il le faut,
 condamner, — l'accusé présent
 2 fort de tous ses armes,
 non désarmé
 et si jugement il y a — il
 y a justice (justice)

x 1 enfant blanc secoue, qui le
 soit MAI Vote xce au pain

s. Maxime — Lundi 29

x x 1 enfant blanc secoue, qui le

Entre le sexe et le "sujet", placé
 aux proximités de nous — nous
 il y a le centre, l'âme, et
 tout se crée, se joint et se fond
 et d'où vient par quelque chose
 transfigurant.

Chez la femme il y a encore
 le ventre et les entrailles, le
 maternité, il lui met de l'effort
 besoin qui lui sert souvent
 d'âme et qui quelquefois le
 remplace absolument

Craignons le cerveau et la
 sexe disjoint, sans le point
 l'air en ciel de l'âme, avec

Craignez le cerveau et la sexe disjoint, sans le pont l'arc en ciel de l'âme, avec le grand vide entre eux, franchi par le même saut brutal de la sexualité à la cérébralité

Craignez l'homme aux «collègues» et aux «maîtresses»

Ce n'est pas Casanova, c'est *lui* qui vous délaisse et vous blesse le plus mortellement.

Craignons l'homme fonctionnant à ses heures.¹

La seule femme non maternelle que j'ai aimé c'est Marie B<achkirtzeff> – «non maternelle»: morte à 24 ans!

Me marier et avoir des enfant<s> mais chaque blanchisseuse peut en faire autant!

Cri orgueilleux d'une petite fille-génie, cri *avant* la vie, *avant* l'amour, cri de l'amazone nordique que nous, Russes, étions toutes.

J'eu ai connu une, qui, n'ayant pas voulu d'enf<ant> à 22 ans, en pl<eine> santé et beauté, et qui plus en<sui>te – ne supportait pas l'homme (conform<ation> physique et morale) est morte à 30 ans, en pleine beauté et tuberculose, pour en avoir voulu un.

Ne jugeons pas avant... avant la fin, le lit de mort, <не дописано.>²

¹ Представьте себе ум и пол порознь, не соединенными мостом радуги-души, с громадной пустотой между ними, преодолеваемой только резким прыжком от сексуальности к интеллектуальности

Представьте мужчину с «коллегами» и с «любовницами»

Это не Казанова, это *он*, кто вас бросил и смертельно оскорбил

Представим себе мужчину в служебное время (*фр.*)

² Единственная бездетная женщина, которую я любила, – Мария B<ашкирцева> – «бездетная»: умершая 24-х лет!

Мне выйти замуж и иметь детей – да каждая прачка может сделать то же самое!

Гордое восклицание гениальной девочки, вырвавшееся *до* жизни, *до* любви, восклицание северной амазонки, какими мы, русские, все были.

Я знала одну, которая не хотела ребенка в расцвете красоты и здоровья своих 22-х лет, а много спустя, не вынося мужчин (в силу физического и психологического строения), в расцвете красоты и туберкулеза своих 30-ти лет, умирала от желания его иметь.

Не будем судить раньше времени... прежде конца, смертного одра, <не дописано.> (*фр.*)

1 Lit d'amour, lit de mort.

(Est-ce possible qu'aucun poète français ne l'av<ait> dit encore?)

Tout ça le 20 mai 1933¹

Subjectivisons chaque cas, allons au fond de l'action de l'être agissant, aux fin<ales> fonds de son hérité etc. et marquons, si possible, la mêmété, l'identité, le point identique et même, aussi minime qu'il soit, de toutes ces actions disparaîtres, uniques et <не дописано>.

Ce point sera le commencem<ent> d'une loi – toute à découvrir et à découvrir – toute.

Par exemple:

un homme délaissait toutes les femmes, simpl<ement>: *ne pouvant aimer* ⇒ mère peu aimante maternelle < – > ne l'ayant pas habitué au *chaud* et à bien l'autre choses encore <.>

Ex<emple> mère de Casanova, petite actrice <,> mère de Pouchkine

Et déjà je me tromp<e>: Casan<ova> ne pouvais qu'aimer – et Pouchk<ine> était poète (race maudite)<.>

Allons avant tout aux fins-fonds de l'étreinte ayant donné jour à l'être que nous jugeons <.>

– Mais comment?

– Alors – renonçons.²

¹ Ложе страсти, ложе смерти

(Возможно ли, чтобы ни один французский поэт этого еще не сказал?)

Всё это 20-го мая 1933 (*фр.*).

² Посмотрим на каждый случай изнутри, пойдем вглубь поступка действующего лица до последних глубин его наследственности и т.д. и отметим, если возможно, самость, самоличность, точку тождества и самости, то неуловимое, что есть во всех этих поступках – тайных, единственных в своем роде и <не дописано>.

Эта точка станет началом некоего опыта – всё раскрывающей и раскрывающей – всё.

Например: мужчина, оставляющий всех женщин, просто: *не умеющий любить*, – мать, не одаренная даром материнской любви, не привыкшая к *горячей* любви и подобным проявлениям. Пример: мать Казанова, маленькая актриса, мать Пушкина.

И вот я уже ошибаюсь: Казанова только и мог, что любить, а Пушкин был по-этом (окаянная порода).

Дойдем до последних глубин объятия, давшего жизнь тому, кого мы судим <.>

– Но каким образом?

– Тогда – откажемся <судить> (*фр.*).

Si le père était pris de vin — enfant affaibli<ra> physique etc. etc. Chose inoubliable.

Et si la mère était prise... de nostalgie...d'un pays... d'un poète... ou *simplement* d'un autre?

L'enfant devient <над строкой: nait> infidèle<.>¹

Il n'y a pas de choses physiques. Mon plaisir en amour défend de *qui* me caresse. Si c'est X je suis heureuse<,> si c'est Y je suis révoltée<.>

La peau est toujours la même et ce n'est pas elle qui éprouve le plaisir.

Et pour ce qui est de la main, caressante: une main dure et inhabile peut et fait *infinim*<ent> plus de plaisir qu'une main ingénieuse

— C'est la sensation que c'est *Napoléon* qui prév<ale?>

Et — contre-pensée — pourtant Marie-Louise préfère Neipperg à Napoléon<.>

Pourquoi? Pour l'affinité de...

De quoi? De peau et de main?

Et encore: donc tous les grands-hommes doivent être «heureux en amour». Exactement le contraire. On les aime le moins.

Alors?..²

¹ Если отец был опьянен вином — ребенок будет физически ослабленным и т.п. и т.п. Это — несомненно.

А если мать была опьянена... тоской... по какой-то стране... по какому-то по-эту.. или *просто* по другому человеку?

Ребенок станет <над строкой: родится> вероломным (*фр.*).

² Нет ощущений только физических. Мой восторг в любви зависит — от кого исходит ласка. Если это Икс, я счастлива, если Игрек — я бунтую.

А кожа всё та же и это не она испытывает восторг.

И поскольку это зависит от руки, ласкающей: рука суровая и неловкая может дать и дает бесконечно большую радость, чем искусная

— Чувство, что это *Наполеон*, преобладает.

Но — обратная мысль — тем не менее Мария-Луиза предпочла Нейперга Наполеону

Из-за чего? Из-за сходства с...

В чем? В коже и в руке?

И еще: значит все великие люди должны быть «счастливы в любви». Ровно наоборот. Их меньше всех любят.

Тогда?.. (*фр.*)

Recommençons.

Les yeux bandés, ne sachant avec qui nous sommes, Amour et Psyché enfin (Psyché — l'âme-même!) oui, Psyché l'aima et comment, aurait-elle pu ne pas aimer l'Amour-même?

Oui, mais ne sachant pas avec qui on est, ne sach<ant> pas le nom, on sait avec qui on est, sait on, sait sans rien savoir, on adore l'un et on abhorre l'autre, et la peau est toujours la même<,>l'instrument <.>¹

Тéмоignage de Casanova qui croyant embrasser l'aimée et embrassait l'horrible bossue se trouvait parf<aitement> heureux.

Trompé par l'illusion, la conscience (сознанием).²

Для поэта нет ни одной равнодушной вещи, на всё да, нет, люблю, ненавижу. Нет средостояния <,> ни средостения. И это — на фоне глубочайшей отрешенности <ости> и даже оторванности от всего: собств<енной> жизни — руки — ноги — в первую голову.

Que voulons nous... de chacun? Comment voulons nous... chacun. Autre qu'avec les autres. Autre: nôtre.

D'où donc alors cette blessure <над строкой: fissure> à l'idée que Vous n'<avez> été tel que V<ous> l'êtes avec moi —

Д<олжно> б<ыть> так же холод<ны>

В раю друг к другу сер<афимы>

— qu'avec moi seule. Puisque c'est ça que tout mon être³ <не дописано.>

¹ Начнем сызнава.

Повязка на глазах, кто с нами неизвестно, в общем — Амур и Психея (Психея — сама душа!), да, Психея любит его, и как может она не любить самого Амура?

Да, но не зная кто, не зная имени, знают кто, знают его, знают ничего не зная, обожают одного и ненавидят другого, а кожа всё та же, инструмент (фр.).

² Свидетельство Казановы, который, думая, что заключает в объятия возлюбленную, обнимал ужасную горбунью и был совершенно счастлив.

Обманутый иллюзией, сознанием (фр.).

³ Чего хотим мы... от любого? Как хотим мы... любого. Чужого, как и других. Чужой: свой.

Откуда же тогда эта рана <над строкой: трещина> при мысли, что Вы не такой, какой со мной —

[Должно быть так же холодны

В раю друг к другу серафимы]

— со мной одной. Раз это так, что всё мое существо <не дописано.> (фр.)

D'où cette crainte puérile que V<ous> m'aimez moins... que qui? Que toutes celles qui ne me ressemblent pas, les *non-âmes*? Mais c'est tout naturel. Aimez-moi comme les autres?
*Y réponce.*¹

Старые женщины (NB! богатые) носятся по свету 1) в погоне за собств<енной> молодостью, за собой – той (безвозвратной) и гонимые смертью (неминуемой)

Аля:

...А.Д. застави<ли> жениться...

– Да на нем... да на мальчике до сих пор видно, что отца застави-ли жениться!

Et voici que je comp<rends> subi<tement:> j'ai fait fausse route, c'est à dire que j'étais en train de V<ous> enmener d'un autre côté...

Il ne V<ous> fallait pas *moi*, il V<ous> faut *une* famille, moindre et pourt<ant> plus étendue, une circonfé<rence>, un cercle au lieu d'un centre<,> une famille au lieu d'une âme.

Il V<ous> fallait bien quelque chose – je ne suis pas si aveugle pour voir quelque chose là où il n'y a rien, mais je me suis trompée de direct, plutôt sur la direct<ion> et le but de Votre nostalgie<.>

Ai-je raison? Dis-je, vois-je juste, est-ce ça? Moins que moi, moins qu'une moi entière, et pourtant plus: moi + quelque chose, plus mon ambiance que moi²

¹ Откуда этот детский страх, что Вы меня любите меньше... кого? Всех тех, которые на меня не похожи, всех *бездушных*? Но это естественно.

Любите меня как других?

Вот ответ (фр.).

² И вот что я внезапно поняла: я была на ложном пути, то есть я была готова уклониться от Вас в другую сторону...

Вам не требовалась я, Вам нужна *какая-нибудь* семья, нечто менее значительное и все-таки более обширное, окружность, круг вместо центра, некая семья вместо одной души.

Вы в чем-то нуждались – я не так слепа, чтобы видеть нечто там, где нет ничего, но я ошиблась в прямом дополнении, вернее – в направлении и цели Вашей тоски

Права ли я? Верно ли я говорю, верно ли вижу, так ли это? Меньше меня, меньше, чем вся я, и все-таки больше: я + еще что-то, больше мое окружение, чем я (фр.).

Cette enf<ance> sans annivers<aires> fêtes, se neуют et se mariage sans enfant et si vite défait — ça ne se guérit pas par l'amour, même le mien, ça se guérit par <не дописано.>

Prenez, tenez la mienne en attendant la Votre.¹

Très peut<-être> que je V<ous> disais ces choses dures et vraies (qui n'ont pas pour beauc<oup> V<ous> chagriner)
(25 mai, en att<endant> V<otre> lettre)²

<Нижняя треть страницы не заполнена>.

Искусство — *können*.

*Was kannst Du?*³

(26-го мая 1933 г.)

Лирическая растрата

Лирика

Выродка Лирическая растрата

De la *lyrique* avant toute chose, ибо больше чем *musique*, *musique* + *всё*⁴

— Мама! Знаете! Теперь есть конкурс мужей. Мужья когда вых<од>ят из церкви должны брать своих невест на рук<и> и с ним<и> — понимаете? — и с ним<и> бежать — и кто скорей.

— Ну, Мура, вывод: какую надо выбрать себе жену?

— Не знаю

— Ну, подум<ай>, с какой удобней бежать?

— Без рук, без ног.

¹ Это детство без праздников дня рождения, этот [неуют], и этот брак без детей и такой быстрый развод — это не излечивается любовью, тем более моей, это излечивается <не дописано.>

Возьмите, держите мое в ожидании Вашего.

² Очень может быть, что я Вам высказывала суровые истины (не для того, чтобы сильно Вас огорчить)

(25 мая, в ожидании Вашего письма) (*фр.*).

³ Искусство — *мочь*.

Что ты можешь? (*нем.*)

⁴ С *лирики* начинается всё, [ибо больше, чем] музыка, музыка + [*всё*] (*фр.*).

Et voici que je ^{compte} ~~en~~ ^{enfin} ~~enfin~~ ^{JUIN}
 j'ai fait faire cette ^{est à dire} saint Claude
 que j'étais en train de V. enlever
 d'un autre côté...

X et V fallait pas me
 il V. faut une famille, une
 chose moderne et peut plus
 étendue, une circonférence
 cercle au lieu d'un centre.

une famille au lieu d'une chose
 71 / j'ai bien quelque chose

- je ne vis pas si aveugle pour
 voir quelque chose là où il y
 a rien, mais je me suis
 trompé de droit, plutôt vers
 le vert et le bas de votre montagne.

Est-ce raison ? Dis-je, puis-je
 just, est-ce ça ? Il y a je
 moi, mais je ne me suis pas,

et pourtant plus moi + quelque
 chose, JUIN plus mon ans. Je ne
 saint Lié — Mercredi 7

Cette est sans aucun doute, le
 ne j'ai pas ca ne se peut pas par
 d'amour, même le mien, ça se
 peut pas.

Pensez, même la même en attendant
 la V. m.

X et ce mariage sans enfant et
 si vite défait —

Un peut que je t'aurais ces
 choses dans et mais (qui nous
 pas pour beaux V. chaprines)
 (25 mai, en attendant de l'été)

1) Не правда ли старики и старухи всегда рвут траву? Перелезают забор и в чужих огородах рвут траву..

2) Две матери и один сын. Как это случилось?

(Journée des mères – 28-го мая 1933 г. – страстная мечта о подарке мне)

<Нижняя треть страницы не заполнена.>

Мур (гроза, панихида по Б.В.Свистунову в Sentier des Bigots бежим бегом из самого Кламара – останов<ка> Foire aux Lutins – на Av<енue> de la Gare и оказыв<ается> что панихида в церкви – две белых дамы – одна из них (не зная кто я) – Как он на Вас похож!)

Обратно, на Rue Fleury:

– Все говор<ят> что я на В<ас> похож. По моему – не очень.

– Внешне – *очень*, внутр<енне> – не во всем, но...

– Мы похожи по *защите*.

– И вообще во многом. Но ты общительн<ый> челов<ек>, любишь общество, компании.

...Что ж, что компании! Вы тоже любите компании.

– По одному.

– По очереди – как доктор.

Вечером, за ужином в кухне<:>

– А Нельсона каталог я буду смотр<еть> после-после-завтра.

– Почему не завтра?

– П<отому> ч<то> завтра похороны. А после-завтра надо о нем думать.

– Интер<есно>, что думает душа после смерти

– Я скромно тебе скажу – думает что ей очень неудобно. Ведь при-
выкла к телу, *всю жизнь* прожила...

– Да... А по моему всякая душа – *святая*. Ведь не человек челове-
ка подкашивает, а диавол. Раз мы все потомки Авраама. Адама то есть.
29-го мая 1933 г.

(Не забыть вписать рассказ про «Лелю» и Св.Цецилию) (Л.А.) вче-
ра вспоминали с Алей.

Борису

Всё стихотворе<ние> забираю, (вбираю) обратно кроме перв<о-
го> слова, к<отор>ое уступаю (оставляю) – всем.

Ihr Urteil wurde mir
 einem ^{JUIN} Schicksal
 14 Mercredi — s. Rufin
 wirklich, auch physisch
 stützen. Warum
 haben Sie ein Leben
 als einer toten Mutter,
 besagter denn das ist
 Ihre Sofia Andreevna,
 -denn ist sie ja so
 jung, mit ihren alten
 Zähnen - tot vom An-
 fang ab, sie von Niemand
 ging denken sie es
 Anna Karenina.
 Entweder war sie
 keine Mutter (also
 ein Kind) oder

haben Sie zum Waren
 Di. ^{JUIN} keine direkte
 Fête-Dieu — Jeudi 15
 Beziehung. Ein Mutter
 die immer fehlt
 (Kasp. Haus)

Warum heißt das:
 Buch "Trägheit des Koss
 wessen dann: alle
 dem gelender? Warum
 nicht "Freiheit"
 Taubheit. Jeder Titel
 soll klar sein von
 K.P. ist vom Lese
 entstehen

Zuerst das Epigraphe (Heine – Wassermann)

Wenns nicht Heine geschrieben (geschrien) hätte, wäre es *hier*/klang es *hier* anders. Denn Goethe <hätte?> über D<eutschland> unmöglich dieselben Ged<ichte> wie H<eine>.

Drückend. Man erliegt schon dem Epigraphe <.>

Nicht Einer der in der Nacht liegt u<nd> horcht Deutsch<land> das in der N<acht> liegt und nicht (nichts) hört<.>

So geht das wunderbare Buch *an*, ich hätte beinahe *auf* geschrieben: wie eine schwarze Sonne – die es ist.

Lauter Bruch gestanden

I Teil – Menschenleistu<ng>, zweite eine Sozialism<us> Grosstat.

Doch – wie klein Ihr grosser Etzel, wie <два слова нрзб.> um seine lebend Eich<e>¹

Ihr Etzel musste mir einem Schuss enden, wirklich, auch *physische* stürzen. Warum haben Sie ihn lebendig bei einer *toten* Mutter begraben. Denn *tot* ist Ihre Sofia Anderg<ast>, – darum ist sie ja so jung, mit ihren *allen* Zähner – tot vom Anfang als sie vom <Kinder?> ging. Denken Sie an Anna Karenina.

Entweder war sie keine Mutter (also ein Unweib) oder haben Sie zum wapren Mutter seine *direkte* Beziehung. Eine Mutter die immer fehlt (Kasp<ar> Hauser)

Warum heisst das Buch «Trägheit des Herzens» <,> wessen denn? Alles umgehenden? Warum nicht «Feigheit», Taubheit. Jeder Titel soll klar sein vor selbst verm<eintlich> Leser entstehn.²

¹ Сначала эпитафия (Гейне – Вассерман)

Если бы Гейне это не написал (прокричал), это было бы *здесь*, *здесь* был бы другой звук/тон. Ибо Гёте не мог бы написать о Германии то же стихотворение, что и Гейне.

Насилие уже от эпитафия. Нет одного, который в ночи вслушивается в Германию, которая в ночи ничего не слушает.

Так начинается эта удивительная книга, я чуть было не написала – восходит: как некое черное солнце – что так и есть.

Потом – перелом.

I часть – человеческая мощь, вторая – великое дело социализма.

И как же мал Ваш могучий Этцель, как он <?> возле своего живого дуба (*нем.*).

² Ваш Этцель должен кончить выстрелом, да, рухнуть даже физически. Почему Вы похоронили его живым вместе с *мертвой* матерью. Ибо *мертва* Ваша Софья Андергаст, – за то что она так молода и со всеми зубами – мертва с самого начала, как только она ушла от детей. Вспомните Анну Каренину. Либо она не была матерью (и даже женщиной), либо Вы имеете к истинной матери определенное отношение. Мать, которая всегда отсутствует (Каспар Хаузер).

Почему книга называется «Леность сердца», чья же? Все избегают? Почему не «Трусость», Глухота. Каждое заглавие должно само собой рождаться у предполагаемого читателя (*нем.*).

<На верху следующей страницы, синим карандашом запись адреса:>

Reclam Str. 42
Verlag S. Ficher
Leipzig

Gedank über J. Wassermann.

Ihre Mensch<en> sind übergross. Übergross ist urgross: *naturgross*. Was wir normalgross nennen ist ja nur der ausgeartete/das ausgeartete Auge, die ausgeartete Natur.

Ein Übermensch (wie alle Ihrigen) ist ja nur der rechte Mensch sein.

Jetzt, nach den zwei Riesen Werken, rückwärts – zu «Faber». Nein<,> im Faber sind sie noch in die das Normalgross getrieben, noch beengt. Es klingt als hätte man Ihnen gesagt: da ist das Mensch <maas>, kein – heraus. Und – Sie fügen sich, doch es fügt sich nicht.

«Eugen Faber» klingt schon wie Etzel Andergast. (NB! und ganz unberechtigt, d.h. das gekränkte Ihnen – Grössen – Recht des Helder rächt sich an Ihren normal-Maas:

- So sind doch keine Menschen!
- Doch.
- So sind doch Engel oder...
- Also.
- Mit welchen Worten schildert er dann die Engel, falls...
- Die Worte kommen mit und aus den Engeln
- So sind doch keine Deut<sch>¹

¹ Мысль о Я. Вассермане.

Ваши люди сверхмошны. Сверхмошь есть пра-мошь: природная мошь. То, что мы называем нормальным размером есть только наша выродившаяся природа. Сверхчеловек (как все Ваши) есть только истинный человек. Теперь, после сработанных двух великанов, обратно – к «Фабери». Нет, в Фабере они всё еще не доведены до нормальных размеров, всё еще обужены. Это как если бы Вам говорили: вот человеческая мерка, ничего кроме. И Вы прилаживаете, хотя это не прилаживается. «Эуген Фабери» звучит уже как Этцель Андергаст. (NB! и совершенно неоправданно, т.е. это болезненно Вам – великаны – герои мстят своим нормальным размерам:

- Так это совсем не люди!
- Однако.
- Так это то ли ангел, то ли...
- Стало быть.
- Какими же словами он описывает тогда ангела, если...
- Слова приходят вместе и от ангела
- Так это не немец (*нем.*)

– Glauben Sie wiche dass er einen deutsche *Mensch* russisch Mensch etc. gibt? Russen, Juden, Deutschen – ja, aber der Begriff Mensch versche den Russen etc. Ebenso wenig wie deutsche russische jüdische Engel.

<два слова нрзб.>

Deutsche russische etc. Hunde <?> – ja. Rassen – ja. Charakter – ja. Menschen – nicht.

Mensch sein ist göttliche sein.¹

Я д<олжно> б<ыть> еще пот<ому> была так счастл<ива> в Чехии, что не поним<ала> яз<ыка>, не пон<имала> что мне говор<или> и сама не могла сказ<ать>. Еще зачарованнее...

(5-го июня 1933 г.)

<Далее нижняя треть страницы не заполнена.>

1) Всевозм<ожные> чертежи

2) Конструкт<ор> мех<анических> вещей
Специальн<ость> виолончель и саксофон

Образование:

Кончил пражс<кий> Политехникум

Соверш<енно> свободно разрабатывает любую конструктивную

идею

Музыка без + с<?> de trav<ail> закрыта

инж<енер> в част<ном> порядке

Мур – 11ое июня 1933 г.

Я ищу книгу А<нны> И<льиничны> Самсон Назарей

Мур: Назарей – п<отому> ч<то> на заре. Так и книга начинается:

На заре...

(Вполне убежденно. NB! – как все поэты).

Икона

Паров лирич<еский> котел

Я буду чудно одет – как в день второго пришествия

Я хот<ел> сказ<ать> – Первого причастия

Мур – 15ое июня 1933

¹ – А вы действительно полагаете, что есть немецкий человек, русский человек и т.д.? Русские, евреи, немцы – да, но понятие человек различно от русского и т.д. А тем более – немецкий, русский, еврейский ангел.

Немецкие, русские и т.п. собаки – да. Породы – да. Характеры – да.

Люди – нет.

Быть человеком значит быть богоподобным (нем.).

В скряб<инском> Музее (Николо-Песк<овский> пер<еулок> Моск<вы>) неизвес<тно> под как<им> № лежит книжка, не имею-щая никакого отн<ошения> к Скрябину, а именно: месячный дневн<ик> моей любви к такому-то, отд<анный> мною на прочт<ение> Т<а-тьяне> Ф<едоровне> Скрябиной и после ее смерти, почему-то, из какой-то делик<атности> мною назад не взят<ый>.

Так я заживо взята в Музей!

Зап<ись> 15^м июня 1933 г.

Стих<и> могу дав<ать> т<олько> циклами, т.е. для единовре-м<енного> напечатания и без выпуска

Прошу о сохране<нии> *даты* написания

Под оком окна

На ярком солнце я чувс<твую> себя так же оконч<ательно> скры-той как черной ночью. Больше всего ненав<ижу> быть загнанной с челов<еком> в tête à tête¹ вагон<ного> или трамв<айного> противу-сидения, когда необх<одимость> глядеть другому в глаза усугубляется еще необход<имостью> делать это на стольких глазах!

15^м июня 1933 г.

on ne pense jamais être aussi laid que l'on l'est

Roto-Motor

(16 juin 1933)²

Как чудесно по чешски музыка: ГУДЬБА.

шумовки

Аля, 21^м июня 1933 г.

в ответ на мою просьбу не сидеть на моей постели, а принести стул или *кресло* уходит к С<ереже> где садится – лютый ветер – почти голая у темн<ого> окна с вязанием.

¹ с глазу на глаз (*фр.*).

² даже вообразить невозможно, что может быть такое безобразие (уродство), как это. Рото-Мотор, 16 июня 1933 (*фр.*).

В отв<ет> на мою просьбу закрыть окно, холодно, высокомерно и раздельно:

— Как — это — глупо.

Стоило мне убивать на нее жизнь? Порожд<ать> ее 18^м л<ет>, отдавать ей свою молод<ость> и в Рев<олюцию> — св<он> послед<ние> силы???

23^ю июня 1933 г.

У старост<и> до такой степ<ени> всё отнято, что она даже не может *заклясться* — того-то никогда не делать.

Пустое *никогда*.

Старость на лицах отпечатывается десятилетиями. Лицо 50 л<ет-нее>, 60 л<етнее>, 70 л<етнее> — не ошибешься, вплоть до 100 летнего *нелица* (Клара Цеткин в гробу).

Старость: никогда — ничего.

Сонечка

— Oh qu'il embrasse drôlement (russe: tchoudno, lequel appuyé sur la première syllabe donne «merveilleusement» et sur la dernière tchoudno bizarrement), elle prononçait entre les deux, plutôt appuyant sur les deux: — oh qu'il embrasse bizarrement... disait-elle les yeux brillants et brûlants de larmes, tout de suite étanchée par le feu de ses joues — si fort si — dur! Les joues m'en brûlent encore, m'en brûleraient si je n'étais pas née les joues brûlants

si elle pouvait encore plus brûler que toujours...¹

¹ — О, как он чудно целует (русское «чудно», которое при ударении на первом слоге означает «дивно», а на последнем — «чудно» — «странно»), она произносила двойственно, вернее с двумя ударениями: — о, как он странно целует... — говорила она, сверкая и ожигая слезами, тотчас высыхающими от пылания ее щек, — так сильно, так — крепко! У меня до сих пор щеки горят, они сожгли бы меня, если бы не пылали так от рождения

если бы она могла еще больше гореть, чем всегда... (*фр.*)

Quelquefois les larmes venaient en trilles. — Perlaient. Trillaient. On peut dire qu'elle pleurait du Mozart.¹

Моцартовс<кая> трель во мне соответствует какой-то трели в теле, такая же мельчайшая и чистейшая трель какого-то мускула.

Я, слушая Моцарта

— Какое-то метание бисера...

(Осознавая) Моцарт всю жизнь метал бисер — перед свиньями — от них же первый есмь аз (не понимаю, не достаточно понимаю)

26^ю июня 1933 г.

...Поним<аешь>, что *вся* наша земля, везде, всюду, каждый клочек земли и самые высокие горы были когда-то морем.

— А как же, в Законе Божиим — ведь Бог создал сначала...

— А, подожди! Это не наши земные дни, — с утра до вечера — не дни недели: понед<ельник>, вторн<ик>, среда и т.д. Каждый день творения длился (неуверенно) много тысяч лет (мысленно: а вдруг миллионы? хотя Муру, с его непониманием арифметики, непредставлени-ем цифр и числ — всё равно!)

Мур, одобрительно: — Неужели?

Я, окрыляясь (NB! только что приобретенным, таким редк<им> в моей жизни *точным* знанием)

— Да, сначала было создано всё морское (мысленно: — ? — ну, да, раз всюду было море...) — разные моржи...

Мур, подсказывая: ... «Тюленики всякие...»

— И только потом, понимаешь, мно-ого позже всякие слоны, львы, вообще четвероногие...

— А кошки сразу появились?

— Мама, почему Вы не любите глупых?

— П<отому> ч<то> с ними скучно.

— А зато — смешно!

¹ Иногда слезы проливались трелями. Жемчужная трель. Можно сказать, что она плакала по нотам Моцарта (*фр.*).

(Поздно вечером, вернее — в начинающуюся темноту (26^м июня, темнеет около 9 ч.) я, после 2 часового умиротворяющего гуляния с Муром — география (учу, по-моему, в первый раз, во всяком случае — всё удивительно, вплоть до того, что только *одно* Касп<ийское> море замкнуто, а я думала — все, и даже на этом — строила, хотя (утешаюсь) вся вода на земн<ом> шаре — замкнута!) итак Мурина география (Балт<ийское> море с Ботнич<еским>, Финским и Рижским заливами) — мое «Napoléon, cartif à St. Hélène»¹ (старинная, — вымышленные мемуары Hudson Lowe «Bibliothèque pour jeunes filles»²) — игра в маленький Мурин красный мячик — итак, поздно вечером, после эпизодичес<кого> ужина (вроде как в Сов<етской> Москве — из того, что есть, не считаясь с соединимостью того или иного) — напеваю пушкинское

«Я Вас любил, любовь еще быть может...

(Обожаю до жара в Herzensgrube³ — с детства!)

...Как дай Вам Бог любимой быть другим»...

И Мур: А другой этот — был Дантэс?

—

28^м июня 1933 г. (пишу дальше Поэты с историей)

Всю правду, во всей ее силе мож<но> дать только частично, разово, невозврат<но>, неповт<оримо>. Освет<ить> вещь толь<ко> с эт<ого> боку, ибо освещения со всех боков — нет, ибо осве<тить> со всех стор<он> вещь — ложь<.>

Много раз — и каждый раз с разных и кажд<ый> раз невозврат<но>. Многократно и невозврат<но>. Сумма всех этих разов<ых> обликов и дает *всю* правду, во все<м> объеме. Сила ее скажется <под строкой: будет дана> в каждом.

Я — за силу, всегда, во всем. Исчерпа<ю> я к<огда>-н<и>б<удь> П<астерна>ка (ил<и> Р<ильке> или себя) об эт<ом> я не забочусь. Кроме того — исчерп<ать> предмет есть прежде всего исчерпать себя, свои черпатель<ные> способности: свой черпатель<ный> мускул. Пока мускул буд<ет> сокращ<аться> — буду *брать*, буде<т> что брать. (NB! А ведро в пуст<ой> колодец??) Сочетания (м<ожет> б<ыть> считания) элементов неисчерпаемы. Гений поэта — гений ассоциаций.

(Мыслителя — диссоциаций

«Это не то-то, но...»

¹ «Наполеон, пленник Святой Елены» (фр.).

² Гудсон Лоу («Библиотека для девочек») (фр.).

³ недрах сердца (нем.).

Но чтобы никогда не дош<ло> до dissection¹.

NB! Не дойдет, здесь меня <мне> на выручку — гений поэта!

NB! Одежда (К-ва)

Zur recht Zeit²

Сегодня 1ая июля 1933 г. я собств<енно>ручно вытащила из по-
мойн<ого> ручья слив<очной> чистоты — лилию.

Мур Аппенинский полуостров упорно называет «Апельсинский».

С 3^{ей} на 4^{ую} июля 1933 г. — сон под утро, о М^{ме} de Noailles. Она, очевидно, все свои книги завещает в какую-то библиотеку, но есть г<ос-
поди>н — совладелец. — «Ну, что я! Возьму, от врем<ени> до врем<е-
ни> полтора стакана книг — и хватит с меня!»

Вижу ее неск<олько> раз, по книжн<ому> делу, всегда в дверях
(ее особняка)

С ней непрерывно какая-то старая некрасивая дама, к к<отор>ой,
шутя, ревную.

Она: крохотная, с лохматой прической и огромными глазами.
Настоящая.

Стою в 5 ч. утра у окна выход<ящего> на узкую, яркую, шумную
улицу. Дома без промежутка и как бы в кокошниках — высокие вывес-
ки ремесл<енников>, золото, пестрота. Стук молотков, скрип колес,
тележки, колодки, подметки. Явно и ярко — средневековая улица.

И собств<енный> мой голос:

Vous qui avez eu pl<us> de voix qu'aucune autre<,> aussi loin que Vous
soyez — je l'entendrai. Etes—Vous encore — là ou Vous êtes, Comtesse de
Noailles, je Vous conjure de par trois fois — répondez—moi!³

¹ вероятно: dissection — вскрытие, препарирование (фр.).

² Вб-время (нем.).

³ Вы, владевшая голосом, как никто другой, как бы далеко Вы ни были — я Вас услышу. Там ли Вы, где Вы теперь, графиня де Ноай, заклинаю до трех раз — ответьте мне! (фр.)

И явственно, певуче,...

– Dans votre souvenir je resterai géante.¹

Мур – Учит^{ельница} сказала, что тебе возможно больше нужно считать руками, перебир^{ать} разные палочки, шарики, я тебе подарю...

М^{<ур>} Я бы хотел русский бильярд за тысячу фр^{<анков>}

Пусть с _____ и с липами
Насыпь на меня насыпали.

Одной на насыпи
ненастные

Порода не переведется
Бросающихся под пар <не дописано.>

Я не знала чело^века более робкого, чем я отродясь.

Но моя *смелость* оказалась еще больше моей робости.

Смелость: негодование, восторг, иногда просто *разум*, всегда – сердце.

Так, я не умеющая самых «простых» и «легких» вещей – самые сложные и тяжелые – могла.

Наличность во мне каких-то вещей (сил) и их необходим^{ость} и даже неизбежность – сказаться, свершиться.

Моя робость была *моя*, моя смелость была только смелостью <под строкой: (слепостью, зрячестью)> *СИЛ*.

Как в других и из других – инстинкты, так из меня – душевное. Инстинкты души.

Бог мне дал такое самосознание, самопризнание только потому, что знал, что меня (*КАК* меня) не узнают и не признают.

¹ – В вашей памяти я останусь огромной (*фр.*).

9ое июля 1933 г.

Как я кончала любить? Всегда — *окончатель<но> убед<ившись> в ничтожестве (и наличности в нем конца и неизбеж<ности> конца с ним)*

Правда, что я иногда долго, насильств<енно> долго убеждалась.

Что такое любовь? Пишу после сна: об Африке, слово «ракета», потом Таня, к<отор>ой я д<олжна> была рассказать о Завадской и с к<отор>ой собир<аюсь> на пароходике за-город. (Красивый раскрашен<ный> англич<анин> в крылат<ке> похожий на портр<ет> Лоренса (Lawrence))

Что такое любовь? Магическ<ий> круг, из к<оторо>го не зная слова не выйдешь (не зная слова — не войдешь). Когда круг оказывается — простым, нарисов<анным>, начерч<енным> на песке тобою же — ты просто вышагиваешь. Это «простым» и есть слово.

Заколдован — расколдован.

Cl<amart> Seine 10, rue Lazare Carnot

10ое июля 1933 г.

Милая Вера Степановна,

Я очень рад поступить в гимназию. Мне кажется, что мне там будет интересно, п<отому> ч<то> я никогда не был в наст<оящей> школе. Я утром всегда что-н<и>б<удь> переписываю, и занимаюсь арифм<етикой> с папой, и учу стихи. Мои любимые стихи «Возд<ушный> Корабль» Лермонтова. А моя любимая русская книга — это Дневник Мурзил<ки>.

До свидания. Кланяюсь Вам.

Георгий Сергеевич Эфрон.

6ое июля 1933 год<а>

Милый Доктор Прокопенко,

Спасибо большое за письмо. Я понимаю, что вы удивились, что я так долго вам не отвечал, но я вам не отвечал потому, что у меня не было бумаги, и кро<ме> того ко мне пришло ряд писем на которых я должен был подряд отвечать. Живу всё также а осенью поступаю в гимназию. Мама уже была у учительницы и уч<ительница> сказала маме что мне надо выучить и знать чтобы пост<упить> в гимн<азию>. Я выучил пять стихов Влас, Утопленник, Бесы, Цыганы (Влас Некрасо-

Под стопки панские
По радуге — идешь!

Холодная
Роковая Безумная, пока не обойдусь
Грустная

Отлично знаю:

Дома катятся, люди катятся, головы катятся...

(Мур о Революции)

— Объясни Але (ему) кто такое Тугарин...

— Тугарин был еврей. Т.е. — татар.

— Татарский басурман. Басурманский змей.

Мур, слушая Шопена Рахманинова

— Плохая музыка. Пи — пи — пи... И даже без пения. И я так могу сочинить.

— Ну, попробуй...

— А Вас учили, учили музыке и всё равно нич<его> не вышло, кроме писателя, к<оторо>го даже не печатают.

7^м авг<уста> 1933 г.

Леопард не брезг <не дописано.>

Д <3 слова нрзб.>

8 еврей

Спор с Мур<ом>. О подражании (марш<ирующая> улица)

Все страсти социальны, т.е. подразум<евают> как<ой>-то объект. У Ад<ама> до Евы не могло быть ни одной страсти, если только Бога он не чувств<овал> вторым Адам<ом>.

Восторг. (Не социаль<ная>).

А<нны> И<льиничны> дом горит? И дым такой белый — известковый.

— Я не знаю 1^м ли Вы сорта писатель, 2^м ли, 3^м

Декабр<ист?> – personne à tête¹

Тоска. И до<ма> – хор<ошо> и всё, а то<ска>

Нет, это *глуб<же>* то<ски>

На меня?

А боль, к<ак> звез<до>пад

19го августа 1933 г.

По-моему – не серьезно. Челов<ек> *умирает* и всё такое и вдруг – деньги оставляет. По-моему нужно зарывать с человеком.

Или в доме где-н<и>б<удь> тогда получится полицейское дело и авантюрный роман.

Мур:

Идет царевич и встречает двух вшей, – швей то есть.

Clamart 14 août 1933

Милая Ируся,

спасибо большое за твою красивую открытку с этим чудным пейзажем. Я всё учусь писать чернилами «et j'ai souvent des progrès»². Вчера у нас была ярмарка и я на нее пошел с мамой, Ниной и Митькой и Алей. Там была карусель с качающимися лодками и козлами, и мы с Митькой раз прокатились на одной из эт<их> лодок. Потом пошли на качели и ста<ли> качаться, но Митька струсил и эго пришлось высадить, а меня после трех минут качанья *сташило* через лодку. А неделю до ярмарки я сорвал себе голос от крика и до сих пор говорю грубо. Это пока все события. П.С. (P.S.) Я читал недавно авантюрный роман «Le fils du planteur» par Maurice Champagne³. Сейчас читаю «Le docteur Ox» par Jules Verne⁴.

Целую вас всех.

Мур.

Уг<ол> Вик<тора> Гюго и Шэф-де-Вили

¹ человек с сильной волей (фр.).

² «и нередко с успехом» (фр.).

³ «Сын плантатора» Мориса Шампаня (фр.).

⁴ «Доктор Окс» Жюль Верна (фр.).

Осн<ова> (Мур)

Кай – наоборот

д<ом> Бернацких

Чугунные львы

что-то грызут

на балконе из гостиной

Беседк<a>

Из буд<уара> со стекл<янной> дверью выход н<a> терраску и
оттуда ступени на плоскую крышу на колон<нах>

2^я беседка с куполом

Камыши, русалки

Кабинет дев<очек>

полукру<глый>

Сафьянные зел<еные> диваны

стол посре<дине>, в кабинет ступеньки.

Мезон<инная> дверь со стекл<янной> зел<еной> занавеск<ой>

– Кто там?

– Внучка

– Зачем?

– За бисквитом.

Дарил кажд<ый> вечер игрушки – у Дойникова – «Мал<енькая>
барышня не мог<ла> спать»

Халат, чубук

– Иван! Чубук! – стуча им.

Зала

гост<инная>

будуар

буфетная

детские

перед<няя>

столовая

Обе польки Соня и Леля прячут оружие

Дед постав<ил> на колени и они покля<лись> что они не будут.
Но дед испугавшись просил перевод в Москву.

Польский яз<ык>.

Мур: Я не Корсика (рисуясь с Ни<ной> Ник<олаевной>)

Год рожд<ения> А.Д. Мейна

1836 г. † 1899 г.

Год рожд<ения> М.А. Мейн

1869 г. † 1906 г.

Год рожд<ения> И.В. Цветаева

1845 г. † 1912 г.

Год рожд<ения> М.Л. Бернацкой

+1869 г. 26 ? л<ет>

— 26

1843 г.

1843 г. † 1869 г.

Во время Польск<ого> восст<ания> 1855 г. ей было 12 лет.

Когда вышла замуж?

— ? —

Мих<аил> Берн<ацкий>

В 1861 г. ей было 18 л<ет>

Мих<аилу> 21 год

1861

— 11

1851 дес<ять> лет † Гр<афиня> Леду<ховская> 30 л<ет>.

Гр<афиня> Леду<ховская> род<илась> в 1821 г.

Когда я род<илась> моей мат<ери> было

1892

—1869

23 года

Марии Лук<иничне> было бы

1892

—1843

49 л<ет>

Прабабке Гр<афине> Ледухов<ской>

1899

—1821

78 лет

Несогласованные струны наследственности

Иногда прадед с правнуком гов<орят> по прямому проводу, вне промежу<точной> инстанции (станц<ии> стоянки) родителей.

От деда А.Д.Мейна у меня педантизм и деспотизм (просвещенный)

От М.Л.Бернацкой польский нос и мятеж

От матери М.А. Цветаевой всё это, усугубленное<,> + «мужицкие вкусы» от кормилицы

От отца И.В.Цветаева — воловьей жила (труда и тьфу! тьфу! здоровья) и крайний демократизм *тела*.

От самой себя — ? —

Мур — 4/17 сент<ября> у Р<одзеви>чей (стар<ый> дом в больш<ом> саду, беседка, О окна, калитка)

— А есть еще зеленая раса: люди, к<отор>ых тошнит.

(Скандал с Р<одзевичем> разбившим ему руку. И—ди—от.<.)>

Я для Мура — защищая его — способна на преступление. Прав он или нет — чтобы никто его не тронул. Не могу вынести его обиды и видеть его слез. Дойдет ли до него когда-н<и>б<удь>??

Ненавижу когда дразнят детей и говор<ят> им глупости. Р<одзеви>ч учивш<ий> его проколоть стеклом глаз Ларику и обреза<ть> веревку на к<оторо>й тот качался — идиот. И вполне заслужива<ет> Муриных грубостей. Р<одзеви>ч, обзывающий М<ура> «девчонкой» за то, что М<ур> показал мне свою кров<авую> руку («не хочу чтобы у меня было заражение крови») вполне заслуж<ивает> мое<го> нынешнего бешенства. А еще хотят «строить новый мир», когда не умеют ни говор<ить> ни ладить ни управлять таким замеч<ательным> реб<енком> как Мур.

Завтра Але 20 л<ет> (собст<венно> – 21 год). Итоги?

Не знаю. Большое тирэ. «Очень умная». Не знаю. Мудрено со мной не вырасти «очень умной». Самая отлич<ительная> ее черта *гармония*, т.е. отсут<ствие> одной исключ<ающей> др<угие> черты. Так<ими> м<ожет> б<ыть> были Музы – или Грации.

Челов<ек> пристал на Монпарн<асском> бульваре, идет с Алиной стороны. Я его отшиваю, не отстаю, обращаюсь к другому, тот, *естеств<енно>*, станов<ится> на сторону «обидчика». – Que s'est-il passé? – Ce mons<eigneur> nous suivait... – D'abord je ne vous suivais pas, vous, parceque Vous êtes *affreuse!* Je suivais l'autre...¹

Вот всё признание меня Париж<ем> за 1925–1933 г. моего пребывания.

Affreuse?² Не думаю, ибо знаю, что не урод и что при желании... Но так как *желания* нет, т.е. не крашусь, не мажусь, берет не скашиваю и т.д., а своих красок уже давно нет: бела как мел – да я и не заподозрила, что он *за мной* идет, но т<ак> к<ак> мы шли вместе, а он присоед<инился>, я и сказ<ала> «pous»³.

Честно: сказал ли он эт<о> искр<енно> или чтобы меня уязвить? Думаю, был раздражен, сказал преувеличенно, но – правду. Для него я, во всяком случае, если не *affreuse* – то не интересна, с чем соверш<енно> соглас<на>.

Но больно, так en plein⁴, перед всеми.

И, вывод – пора: что? Что-то пора. Пора с чем-то в *своем сознании* (ибо нигде кроме не существ<вую? вует?>) покончить.

26^м сент<ября> 1933 г.

Мур должен написать животных – La chimère⁵

Непочт<ителен?> (résumé⁶)

ce je sais qui

qui plaît aux hom<mes?>⁷

¹ – А в чем дело? – Этот господин нас преследует... – Во-первых, Вас я не преследую, ибо Вы *отвратительны!* Я преследую другую... (фр.)

² Отвратительна? (фр.)

³ «мы» (фр.).

⁴ в «солнечное сплетение» (фр.).

⁵ химера (фр.).

⁶ вкратце (фр.).

⁷ это я знаю кто

кто нравится мужчинам (фр.).

11^ю окт<ября> (вторая наб<ережная?>)

des arbres de fonte espèces
des plantes aussi et il y avait un gros *boa*.
Alors le *boa*...¹

Нельзя сказать, что стихи интересны, это другое, они сами за-
ставляют, врезаются в душу так, что их уже никогда не забудешь, даже
если их не учил наизусть. Они сами действуют. Прони<кают> сквозь
душу в мозг, сквозь мозг в глаза, уши, рот, а потом в воздух, не в воздух:
в жизнь.

С мамой неинтерес<но>
Вот е<сли> бы велосипед
17 Окт<ября> 1933

Явн<ой> эман<ацией> ст<аро> п<именовских> сун<дуков>
была игра в Ларь,
мною ка<к> медиумом открытая

Когда я гляжу на свои словари и тетради мне хочется располо-
житься на этом свете еще на сто с лишним лет.

Аминь.

(Clamart, конец Окт<ября> 1933 г. Муринового первого школьного
месяца)

МЦ

Орден <не дописано.>

Мур (перв<ый> день пропус<тил> ночью б<олел> живот<)> –
Але за уроками:

– Скажи, что *Georges a été атаqué par un champignon*
(Grip – гриб)²
Учит *analyse*³
*un bon garçon*⁴

¹ деревья, словно расплавленные,
растения тоже – и получается большое *boa*
Тогда уж удав... (le *boa* – и *boa*, накидка из меха, и удав) (*фр.*).

² Скажи, что Георгий заболел от шампиньона (Грипп – [гриб]) (*фр.*).

³ разбор <предложения> (*фр.*).

⁴ хороший мальчик (*фр.*).

Мур, наставит<ельно>:

Un *lion* garçon. Analyse: lion se rapporte à garçon¹

Поэт — осмыслитель.

Герой поэмы — бессмысленен.

В зависти (Приз Нобеля 1933 Буни<ну>) есть нача<ло> сочувствия: ставлю себя на его место и 2) замечаю, что остаюсь на своем.

«Les microbes».

— Il ne faut pas penser que le diable à une quoi des corn<e>s etc. On vous le dit pour vous faire peur. Le diable c'est un enf<er>

— Oui, comme les microbes. On ne les voit pas, mais ils existent — dans l'eau.

Et les anges <aussi?>²

14го ноября

У меня глаза заплеснев<ели>, как у собак

27-го ноября — после честв<ования> Бунина

Не понимаю, что мож<но> любить маленькое, когда есть большое (Вера — Галина К<узнецова> — и вообще, *всё*)

Milland St. Louis

Goujerot

Delbiase

Нéпатроле

курс лечения

3 коробки

Коменданты едут на ослах и <пропуск слова> их звездами

¹ *Львиный* мальчик. Разбор: львиный относится к мальчику (*фр.*).

² «Микробы».

— Не надо думать, что дьявол это нечто с рогами и т.д. Вам это говорят, чтобы вас испугать. Дьявол — это ад

— Да, как микробы. Их не видно, но они существуют. — в воде.

И ангелы <тоже?> (*фр.*).

Папа ce n'est pas un métier.¹

Мур 24-го марта 1934 г. (1-го нач<алась> корь)

Христ<овая?> печка у нас, толь<ко> от этого... (не лучше). П<о-
тому> ч<то> идет прямо дым, наверх, а не вниз.

Мур — 30-го—31-го марта 1934 г.

А ведь Робесп<ьер> на арго говор<ил>

— Да что ты? Как раз он и т.д.

— Да, в словаре написано: L'argot c'est un langage conventionnel dont usent surtout les malfaiteurs².

Какие сволочные фильмы

Ведь только: убить — любить — убитые — влюбленные

март—апрель 1934 г.

Chateau

Pomme aigle berger³.

Вы — существо одаренное высшим разумом, а он — высшим безу-
мием, и одно равно другому.

— Ненарушенность Вашей *основной* личности сквозь жизнь.

Мур

Ведь это очень уродл<ивое> существо: длинный нос, корот<кие>
уши, длинные ноги, длинный хвост, — mammifère⁴ какой-то!

Ближнего?

Значит — нижнего?

(Хуже будь рыжего)

Ближнего — значит, смежного!

¹ Папа — это не профессия (*фр.*).

² Арго — условный язык, которым пользуются преимущественно злоумышлен-
ники (*фр.*).

³ Верблюд

⁴ Голова орла (пастуха?) или: набалдашник трости в виде головы орла (*фр.*).

⁴ млекопитающий (*фр.*).

Стихов не любящая!

Чьи помои я мою

Ближнего, значит
Лишнего

важного
внешнего
низкого

Силой навязанная в родство

Не нравлюсь
Я людям — —
Не нравление

<Следующие шесть страниц не заполнены. Далее до конца книжки разно-
временные записи следуют, как правило, по одной на каждой странице; мы отде-
ляем их друг от друга длинной чертой.>

Breni P.
Leç<ons> ill<ustrées> de fr<ançais>.
Co<urs> pré<paratoire>¹

<Поперек страницы:>
Я получила 1000 фр<анков> от Фундаминского (Бунина) но пока
молчу надеясь сохранить на лето.

Христ<ова?> печка у нас, только от этого...

8 All
Ant<oine> Grossin
2 gr p 1 gr
cuisine

¹ П. Брени. Уроки французского языка. С иллюстрациями. Подготовительный курс (фр.).

<Чужим почерком.>

Perganganate
de potasse¹
20

<Следующие двадцать страниц не заполнены.>

Край<ний> срок 24-ое
75 Michel-Ange
Мих<аил> Л<ьвович> Кантор

16-me
Métro Alésia
26, Rue de la Sallière
Адамович 14-е (Maine)

<Следующие шесть страниц не заполнены.>

Точное электр<ичество>
диатермия <одно слово в скобках нрзб.>

письмо
Веретенникову
120, Bd de Grenelle

9 Daniel Sterne
15-me
Калашникова

Бакунина
4, Rue Cambodge
Séguir 94-31
Лечебница

<Следующие четырнадцать страниц не заполнены.>

13 перевоз
Кохановский Айканов
с решеткой

¹ Марганцовка (фр.).

275

290

5.65

600 фр<анков> на 2 мес<яца>

300 фр<анков>

снач<ала> 175 фр<анков> франц<узских>

к 1-му ав<густа>

225 фр<анков> кв<артира>

140 фр<анков> дорога

100

465

<Следующие четыре страницы не заполнены.>

Ни<на> Ни<колаевна> Гр<онская>

Pasteur <чертеж маршрута>

Четв<ерг> 6 ч.

Jasmin Моретини

13-02

<Следующие четыре страницы не заполнены.>

Ширинские

29, rue Barbès

Issy-les-Moulineaux

<Чужим почерком:>

Roman Goul

16, rue Olier

Paris, 15-e

Sel de Karlsbad¹

Sprudelsaltz²

Кажд<ые> 15 мин. по глотку

Ничего сырого. 16.50

<Следующие две страницы не заполнены.>

после компр<есса> на марл<евом> бинте

sérophyle

tube³

эфир

Levure comprimée⁴

<Следующие три страницы не заполнены.>

Дей<ствующие> лица:

Влад<ик> (нев<инный>) Вера Сувч<инская> м<ожет> б<ыть>
С<ережа>, Аля, Алекс<сев?> я.

Поездок – выбр<ать> пейзаж<горчичные> поля Вандеи или
П<онтайк>

От нак<ата?> вес<ны?> каз<алось> что он несся.

Я тихо и сильн<о> страд<ала?> от того что я – *тоже* банд<а?>
Но не могло мое молч<ание> покр<ыть> их смеха и утвержд<ения>

Она – резкая розов<ая> тел<есность> удачно симулирующ<ая>
трепет жизни. Лед глаз. Вырез рта.

В эт<их> глаз<ах> было презр<ение> Презр<ение> к моей *явной*
седине, из ее глаз било

Дура! (На каком яз<ыке>) На языке – зависти.

¹ Карлсбадская соль (фр.).

² Соль источника (нем.).

³ в тубике (фр.).

⁴ прессованные дрожжи (фр.).

Шарада. Узн<ала> ли она в нас русск<их>? Не знаю. Возм<ожно> что в эт<ом> диком уголк<е> еще Она нас и так понимала. Это был интер<национальный> яз<ык> молод<ости>, смеха, глаз

Спутн<ик>. Серизна дорог<ого> кос<тюма> дорог<ого> богат<ства>, седи<на> богат<ства>, лордства, туризм<а>

<Следующая страница не заполнена.>

Народная школа

Кн<ига> для чтения

Зак<он> Божий Агафодора

Kurfleck

Ecosse

№ 4703 bleu¹

<Следующие девять страниц не заполнены.>

Шевелькова

25, Guttenberg

кв. 41

15 arr<ondissement>

Лейко-Пласт<ырь>

стер<ильный?> газ

Известия

26-го апреля

четв<ерг>

Чуков<ский>

Пора бы поумнеть

<Поперек страницы:>

Святые древн<ей> Руси. Фед<отов>

77, <не дописано.>

46, Av<enue> V<ictor> Hugo

Boulogne

¹ Кирфлекс. Шотландия. №4703 голубой (фр.).

К 6743
Irgendwo auf der Welt
Gramophone¹

Polydor
23271
P.Godwin

Чарыков
1, Rue Sorrières
возл<е> Gare Montparnasse

Alibekoff Ins<?> Argonauts
Ruc de Seine

<Чужим почерком:>
Dr Altschuller
Podskalská, 30
Praha-II

Grasse Al.M.
Villa Belvédère

Дарёла
Врач
М-вой
Адамов<ич>
С<ергей> М<ихайлович>

Не то, что мните вы, природа: —
Не слепок, не бездушный лик:
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

¹ Где-нибудь на свете
Граммфон (нем.).

Ш 32 фр<анка>
 Носк<и> 10 фр<анков>
 Книги 15 фр<анков>
 Груши 2 фр<анка>
 Упи-Рг<ix> 1 фр<анк>

60 фр<анков>
 Моих ост<алось> – 100 фр<анков>

Это – второй «Амари»
 18-го июня в 5 ч. 30 мин.
 в Амер<иканском> очаге
 93, бульв<ар> С<ен> Мишель
 Вечер русск<ой> сказки,
 белор<усской>, малорусск<ой>

Понед<ельник>
 11 ч. Брандштейн (Métro Cadet) – 1 ч. Таня, 7 rue des Saux – 4 S <?>
 Хин (51 Molitor) от Хина – 48 Gobelins (метро а м<ожет> б<ыть> пеш-
 ком) Из библи<отеки> – М<аргарита> Н<иколаевна>
 93
 57

1836
 1838
 <Поперек страницы:>
 5, Villa Chanez
 16-me

280
 4
 1.25

8.05
 9.80
 <Поперек страницы:>
 1.30 – корм <одно слово нрзб.>
 2 m<etres> – подкладка

Mozart 10 fr<ancs>
 Pagani<ni> 2 vol<umes>
 Гимназия 29, Bd d'Auteil
 Хин – 51, rue Molitor
 Лулу – 1 bis rue Troyon

Зайцев
 110, Rue Thiers
 Boulogne S/Seine
 Влад<имир> Феофилович
 Зеелер
 2, rue Claude Lorrain
 Союз Пис<ателей> и Журналистов

Д<окто>р
 Гольденштейн ряд<ом> с антикв<аром>
 нале<во> от входа
 R<ue> des St.Pères
 от 2 ч.
 1 эт<аж> франц<узский>
 Littré 46-23

123 Bd Sebastopol
 «Saisons»

Вера Зайц<ева>
 110, Av<enue> Th<iers>
 От R<orte> St.Cloud по Av<enue> des Molineaux
 и свор<ачиваю> на R<oute> du V<ieux-Colombier> Pont-de-Sèvres
 и Thiers первая.

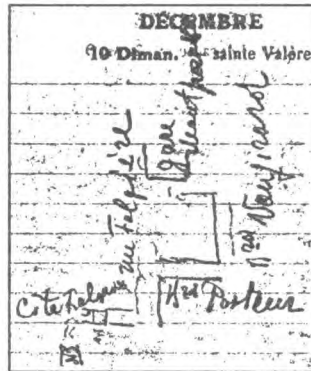
chez M. le Comte
 Moussine-Pouchkin<e>
 5, villa Chanez
 XVI

26 Av<ение> Tokio
 Консерв<атория>
 Субб<ота> от 2 ч. до 5 ч.
 <Чужим почерком:>
 Струве просит позвонить от 10-12
 Turbigio 81-52

10ter
 Héroult
 верх<ний> эт<аж> право

Arts et Métiers
 Алекс<андр> Абрамов<ич>
 Поляков-Литовцев
 <Поперек страницы:>
 Moretini
 72 bis Rue Mikel-Ange
 Métro Excelmans
 позади метро
 правая сто<рона> 1 эт<аж> левый

<Чертеж маршрута от метро «Bd. Pasteur»>

Пятница 2-ое июня
 к 7 ч.

24.50
 должна д<о> с<их> п<ор> 14 фр<анков>

<Чужим почерком:>
 Countess Benckendorff¹
 Lime Kiln
 Claydon
 Suffolk
 Angleterre
 Вторник
 5 S <?>

Самп링, волчек, половник, белой тесемки, иголок.
 М<ожет> б<ыть> посм<отреть> кольцо.

часы (квитанцию) после библиотеки

М<ожет> б<ыть> позвать М<аргариту> Н<иколаевну> и Ирсю
 на субботу с Дарёлой.

Зайти к Дарёле – сгов<ориться> на субб<оту>.

Кам<пинг> 10
 Мясо 13
 Крев<етки> 2
 Волч<ек> 10
 Полов<ник> 3
 Шнурки 1.50
 Мыло 1.50
 Адр<ес> Оббовых
 Благодарн<ость> Блох
 Благ<одарность> Гартман
 Просьба о гонораре Архива
 Письмо André <?>
 <Поперек страницы:>
 45, rue Buffon
 след<ующий> четверг
 около 2 ч.
 <Внизу перевернутой страницы:>
 250 x 6=1.500
 1.500 слов – Р<арис> Soir Aujourd'hui

¹ Графиня Бенкендорф (англ.).

Суббота – 29 апр<еля>

3 1/2 ч. грамм<офон> и 3 1/2 ч. в Мёдоне ф-ф Подсэма

В среду – 4-го мая после обед<а> Мёд<он> браслет.

<Поперек страницы:>

10, Rue St.P<hilippe> du Rou<le>

Bradford

Поезда из Мёдона

8.23	12.51	3.51
8.36	12.54	4.23
8.48	1.11	4.48
8.54	1.23	5.11
9.5	1.29	5.15
9.11	1.34	5.23
9.26	1.48	5.39
9.53	1.53	5.48
10.25	2.15	6.2
10.50	2.34	6.17
11.24	2.26	
11.31	2.46	
11.56	3.25	
12.3		
12.17		
12.23		
12.40		

В Версаль

8.35	12.2	2.13
8.49	12.20	2.33
9.10	12.35	2.58
9.51	12.50	3.39
10.17	1.7	3.53
10.48	1.30	4.16
11.25	2.4	4.39

Прививка собачья
можно ли купить через Толстого

Place Clichy
Gaumont-Palace coin droite de l'entrée 10 h <eurs>
Дон-Ких<от> Гильетти

Таня Понед<ельник>
1 ч.
Métro Passy
в низ
<Поперек страницы:>
От Arts et Métiers до République, с R<épublique> direct
Italie—Etoile—Austerlitz
Feuille d'abonnem<ent>
hebdomadaire
pour travailleurs

122, Bd Murat
Лестн<ица> № 99
7 эт<аж> направо
Вишняк
Утр<ом> 9 ч. 9 ? ч.
Обед 12 ? ч. 1 ч. ?

<Почерком Г.С. Эфрона:>
Les revues techniques relatives aux mines et à la métallurgie.
Edites en Russie

<Поперек страницы:>
Littre
72-44
Гавронс<кий>

Шульгин
26, P. Vert
3 эт<аж> правая дверь

263, Rue Lecourbe

Paris

К<онстантин> Вас<ильевич> Мочульский

Дала ли русск<ая> Рев<олюция> своего поэта?

Вадим

Сос<инский>: Лирик там и здесь.

Ф<едото>ву. Выходит 38 стр. по 1.150 знаков каждая,
либо 20 печатн<ых> стр. по 2.000 зн<аков> каждая.

1) нельзя ли всё петитом?

2) можно ли разб<ить> на 2 №

3) можно ли проч<есть> в виде доклада до выхода —
около 20-го янв<аря>?

<Чужим почерком:>

Av<енue> Gobelins 48

Biblion

Prop, Schmid

Biblion

Mané-Katz

12, Rue du Moulin-de-Beurre

Paris, 14-me

Возрожд<ение> – 2 Rue de Sèze

Paris, 9-me

Посл<едние> Нов<ости> – 51, Rue de Turbigo

Paris, 3-me

<Поперек страницы, чужим почерком:>

Antoinette Saxe

H-1 Lutetia

Bd Raspail 43

Salle Gr<and> Orient

Métro Cadet – вылезая,
перехожу широкую улицу и попадаю на Rue Cadet
Большое здание, движ<ение> с лев<ой> стороны
Не раньше 9 ч. Confé<nce?> de A.E.A.R. Cordet

<Чужим почерком:>

Fédotoff G.

77 rue Monge Métro Place Monge
(ligne Invalides – Jussieu).

Лебед<евым> – 10

Обовым – 10

Рудневу – 1

М.С.Р<одзеви>ч – 10

Берд<яеву> – 5

Клепи<ниным> – 5

Саломее – 10

Соне – 10

Хину – 10

Фед<отову> – 3 (+1)

Ковал<евским> – 5 (+1)

Оббовы Воскр<есенье> 4 ч.

41 Rue Poussin

Porte d'Auteuil

<Поперек страницы:>

Auteuil

51–13

К Е<лене> Н<иколаевне> пересадка

с Raspail – Trocadéro

Богенгарды

5 bis Villa Trocadéro

Le Perreux

(Seine)

<Поперек страницы:>

17, rue Leriche

Paris 15-me

<Чужим почерком:>
 P. Maroniez
 102 rue d'Amsterdam. Paris 9.

19, route de Bièvre
 Fontenay-aux-Roses

P<orte> d'O<rléans>, Marg<erite> R<?> напр<аво>
 Jean<ne> d'Arc – Rue de Clam<art>
 по рельсам: пере<йти> – Rue Boussicot

Louis Guespin
 на углу
 gérante

<Чужим почерком:>
 60 rue Didot
 Central Hôtel
 5-ème étage
 № 57
 M. Boicenco
 Tel. – Vaujirard 19–92
 Métro: Alésia

Таня
 5 эт<аж> право
 Четверг
 прямо по rue Molitor до Bd d'Auteuil и налево –
 rue <?>
 <Поперек страницы:>
 51, Rue Molitor

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

15

1939

MERCREDI 13 JUILLET 1938

В пароксизм Марис Удзиска - 16го июня 1939 г.
10.15 г. Велера (только-что переделанный
чаем на чай вчераш. и сегодня-то оно тоже -
уже не так вкусно)
- Ваконс кы на следни я вешо съжалай: боселай
и вь французский язык.

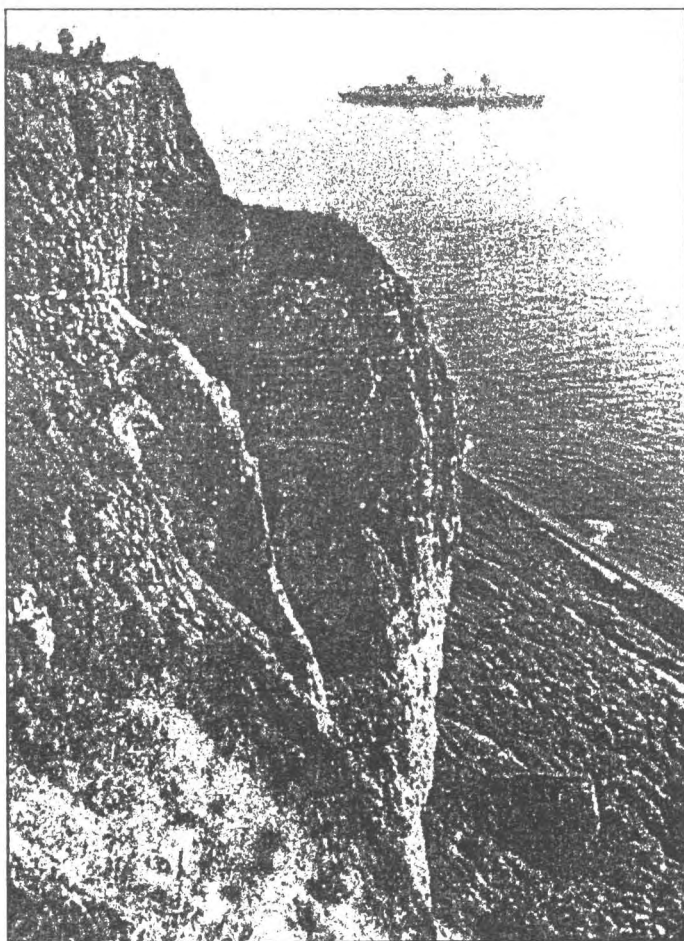
Меданс (не еррр), де мена дурррр аже до оу-х
пароксизм вачувае. Оваго я жактало бр муррр.
саван, ир врес. небаво каво каво, ја ррррррр
(Израдванска!) вешо жжжжж - Terre des hommes
- мала. Коммо ир рррррр. И ја ир ррррр. - 4го
отпоррррр! Вешо аже мена вешо! - и аже
мена вешо!

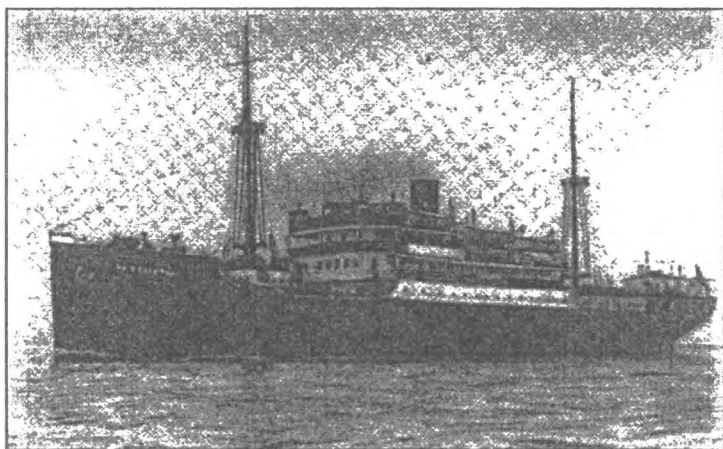
Пароксизм отворен в 10.15 г. Велера, в пароксизм
аже, уждет вешо, вешо, вешо, вешо, вешо
вешо: - вешо ир мена аже не вешо
вешо вешо вешо вешо.

Вешо вешо 12го июня 1939 г. в 10.15 г.
Послав, вешо вешо. - Вешо Terre des hommes
(вешо! вешо вешо, вешо. вешо вешо, вешо
вешо, вешо-вешо) и вешо. и вешо.

Каранс (не оуе) 13го и 14го, я еррррр
и не вешо вешо вешо вешо вешо вешо и
вешо, вешо вешо вешо, вешо вешо
вешо, вешо. вешо вешо вешо вешо - 14го 15го,
и и до вешо не вешо, вешо-вешо не вешо
вешо, вешо вешо вешо.
natation, pratiquée en amateur, chasse les
cis. Etudiant! sacrifie une demi-heure sur tes
études. Le rendement en sera supérieur.

J. CARTONNET.

Пароход Мария Ульянова – 16ая июня 1939 г. 10 ч. 15 мин. вечера (только что переставили часы на час вперед и только что село солнце – еще всё небо малиновое)

– Занося ногу на сходни я ясно сознавала: последняя пядь французской земли.

—

Испанцы (весь груз, да мы с Муром) еще до отхода парохода танцовали. Одного я застала в музык<альном> салоне, где врем<енно> лежали наши вещи, за разрезанием (карандашом!) моего Ехурёгу – Terre des Hommes¹ – глава Hommes² изуродована. Взяла из рук. – Вы осторожнее! Испанцы легко обижаются! – Я тоже легко обижаюсь.

¹ Экзюпери – Планета людей (фр.).

² Люди (фр.).

Пароход отошел в 7 ч. 15 мин. Единств<енный>, кроме нас, русский пассаж<ир>, пожилой, седой, здоровый, воскликнул: — Теперь уж никакая сила не остановит. — Все подняли кулаки.

Это было 12-го июня 1939 г., в понед<ельник>, в 7 ч. 15 мин. Последнее, что я сдел<ала> — купила Terre des Hommes (чудом! сама увидела, вопр<еки> продавщице, которая сказала, что — нет) и напис<ала> 4 открытки.

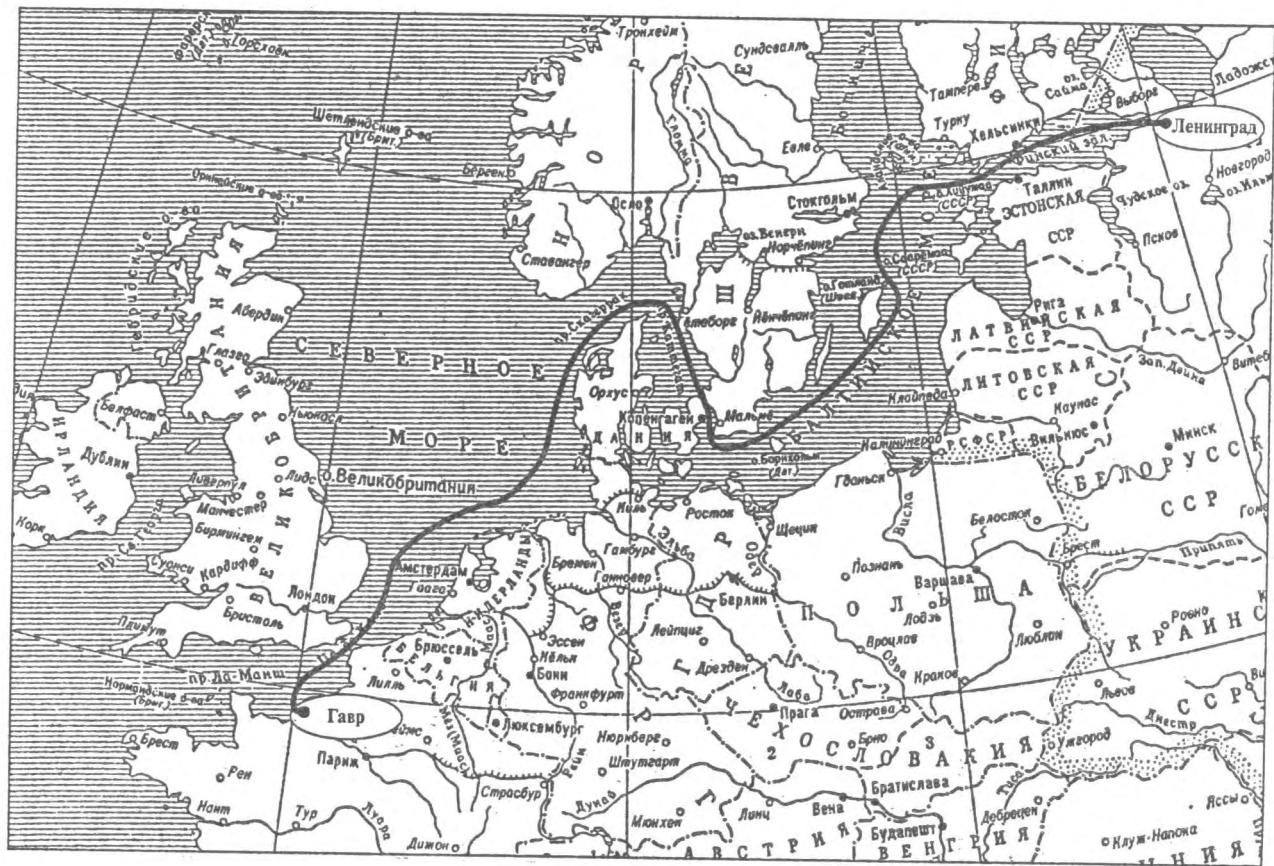
Качало (не очень) 13-го и 14-го, я сразу легла и не вставая пролежала полных два дня и ночи, есть мне приносили, читала и много спала, лек<арство> приняла только раз — 14-го, 0,5 г.; но и до этого не тошнило, так что не знаю — лек<арство> ли, лежание ли, Мура, к<оторый> весь 1-ый день бегал и качался на носу, на 2-ой укачалю, не мог есть, дала лек<арство>. Испанок укач<ало> — всех, и половину испанцев. — Они всё равно будут есть (сказала бывалая *serveuse*¹): есть и рвать — и потом танцевать — и опять рвать.

— Вот Сев<ерное> море проедем — легче будет.

15-го, вчера, с утра — полный покой, мотор бьет как соб<ствен-ное> сердце. События дня: около 3 ч. — слева — Швеция, справа — Дания. Швеция — красные крыши, всё новое, приветл<ивое>, игрушечное. Началась она с гор, резкого профиля горы уходящего в море, потом — ровно, много мал<еньких> городков или сел.

Дания — первое впечатл<ение>: дремучая. Сероватый сказ<очный> лес, из к<оторо>го — крыши, старые. Огромная ветр<яная> мельница. Церкви. Дания — знак рав<енства> — сказка Андерсена, всё — изнутри, всё скрыто («скрыто — не забыто»)... Рос лес — и завелись дома... Потом Д<ания> явилась вт<орой> раз —

¹ подавальщица (*фр.*).

Копенгаген (а м<ожет> б<ыть> путаю) изумительн<ым>, у самой воды, замком-крепостью-храмом, с зел<еной> крышей как в Чехии, с той особой зеленью – лет. Объехали его со всех боков – везде хорош, со всяк<ого> боку – лучше. Башни. Арх<итектура> – неизвестная (мне) и незабвенная. (NB! Каж<ется>, до Копенгагена.) Стояла и глядела и *от всей души* посылала привет Андерсену – плававшему по тем же водам. – Со стор<оны> Швеции – множ<ество> парусов: красные, зеленые, старые – не нарочные. Был один очень изящный пароходик-игрушка. Непр<естанно> переходила, приветств<уя> – то Сельму Лагерлёф, то – Андерсена. Но Дания меня схватила за сердце. Глядела пока не ушла: не ушла – пока не ушла.

– Вечером (кажд<ый> вечер) на пароходе танцы и песни, Мур блаженств<ует>, я не хожу, не хочу ему мешать и – не знаю, мне лучше одной. Женщ<ины> (исп<анки>) низколобые и с очень громк<ими> голосами. Дети (да и оне, и муж<чины>) похожи на цыган.

Нынче в 3 ч. был сплошной черный лес и – мы плыли очень далёко – мне показ<алось> стадо, пьющее из моря (!) – конечно это были дома – или какие-то постройки, я понадеялась: Норвегия! (Геогр<афии> не знаю.) Оказыв<ается> – «остров Готланд» (Ютландия) – Gott-Land, das Land Gott¹ (Рильке) Ютландия – с виду – страшно-бедная. Города не было. Был, впрочем – один, с прав<ого> краю – горстка домов.

Я бы хот<ела> родиться в Ютландии и написать одну книгу: Ютландию.

Нынче, между 5 ч. и 6 ч. – как и вчера в тот же час, явственно и долго – подробно – во всем разнообразии – слышала колокола. На все лады. *Очень* долго. Heine – Nordsee² – не слышал ли и он колоколов?

¹ Земля Бога (нем.).

² Гейне – Северное море (нем.).

Странно, что в тот же час, два дня сряду. Я заметила их, когда уже долго слышала. Тогда стала – слушать.

Вчера, 15-го, див<ный> закат, с огромной тучей – горой. Пена волн была малиновая, а на небе, в зеленов<атом> озере, стояли золотые письма, я долго стар<алась> разобрать – что написано? Потому что – было написано – *мне*. Я стр<ашно> тосков<ала>, что Мур этого не вид<ит>. Мур прибеж<ал>, сказал: – Да, оч<ень> хор<ошо> (очень красиво) – и опять убежал.

Нынче, 16-го, опять провожала солнце, село в *чистом* небе, море его проглотило, и такого пылания уже не было, очевидно – *туча* окрашивала.

Балтийское море (если это Балт<ийское>) дивного синего цвета: сине-серого, а не сине-зел<еного> – как Средиземное, цвета Оки осенью, мне оно безумно нравится, я совсем не понимаю шведа доктора Аксёль (не помню) уехавшего *навсегда* на Капри. Любить Юг – слишком дешево, всё что позв<олено>северянину – мечтать о нем. А так – низость измены.

(Ах, поняла! Дания – *ветла*, убежд<ена>, что ветлы: что-то лохм<атое> и мягкое и серое, вроде *дыма*, и из дыма – острия крыш и крылья мельниц.)

Еще одно наблюд<ение>: горизонт не скрывает ни одной высоты: всё – каждое высшее дерево, кажд<ая> колокольня – числится. Высокому – раз есть горизонт – не укрыться. Так и нас (затертых и затолканных) когда-нибудь откроют: восстановят.

Даже так: горизонт изобличает кажд<ую> высоту. Это – *точное* наблюдение.

Ходила по мосту, потом стояла и – пусть смешно! *не смешно* – *физически* ощутила Н<аполеона>, едущего на Св<ятую> Елену. Ведь – тот же мост: доски. Но тогда были – паруса, и страшнее было ехать.

Наполеон.

Святая Елена.

...Было много снов, тема – невозвратность. Куда-то – за посл<едним> чем-то – тороплюсь, добираю. Один сон – помню: за пластинкой М<ориса> Шевалье (моей любимой) «Donnez-moi la main, Mamzelle... Donnez-moi la main»¹ – с несказанной нежностью *canaille*² – самой (когда-то!) надо мной властной – а пароход уже далёко: за версты. И я Муру: – В шлюпке будет качать, уж лучше – пешком (*по морю*) сознавая неудобство пешего хода, но предпочитая его качке (больше веря ногам, чем лодке).

—

Нынче, 17-го, *холод*. Нынче 17-го новая (еще не видала) *serveuse* – мне: – Какой у В<ас> сын большой! Громадный! Прямо – рост первобытного человека – вполне серьезно, не как комплимент, а как отчет. – А Мура – и след простыл! Забегает – на секунду, еле стоит (в каюте) нога на отлете. Хорошо, что уже сейчас, что *sразу* показал... мое будущее.

Пароход – думал?

Переход – душ.

Всё время думаю о М<аргарите> Н<иколаевне>, только о ней, как хотелось бы ее – сюда, ее покой и доброжелательство и всепонимание. Еду совершенно одна. Со своей душою. Это всегда два: голова и я, мысль и я, вопрос и ответ, внутренний собеседник. И – сердце и я (физическое). И – тетрадь (эта бедная, драная) – и я. Прочла в Nouv<elles> Littéraires³ – замеч<ательно> о Рае Данте. А я думала – скука. Счастлива, что у меня есть Данте – проз<аический> перевод *avec texte en regard*⁴, старый. Прочту – Парадиз.

Нынче утр<ом> перевели часы – ещё на час, а вечером – ещё на час.

¹ «Дайте мне ручку, мамзель, дайте мне ручку» (*фр.*).

² проходимца (*фр.*).

³ Новостях литературы (*фр.*).

⁴ с параллельным текстом оригинала (*фр.*).

В трюме:

1. Б<ольшая> корзина
2. М<аленькая> корзинка
3. Сундук
4. Мешок
5. Мешок
6. Т.С.Ф.

—
В трюме 6

Здесь

- Б<ольшой> чемодан
1 черн<ый>
1 черн<ый>
1 желтый
1 корзиночка
Грамм<офон>
Пласт<инки>

—
В каюте 7

—
Улож<ить> берет, умывальное, взять платочек, дать М<уру> за-
жигалку

—
18-го утром, воскресенье

Вчера на палубе слушала испанские и капитанские речи — карта
нарисов<ана> мел<ом> на доске: Leningrad — Mosca — и мне поче-
му-то всё слышался: Kattogat, Kattogat... Потом испанцы танцова-
ли, один, переодетый, кривлялся... Лучше всех была мал<енькая>
девочка, танцовавшая для себя и — с размаху — садившаяся.

Была песня Нар<одного> фронта, где я поняла: Allemanta —
Italia. Тоски (у них) не было, была — радость и даже веселье. Едут в
зел<еных> костюмах, один — в лакированных башмаках. Очень ве-
селились. Я думала о чехах.

—
Подъезжаем. За завтраком проехали Кронштадт. Огромное дре-
мучее здание с куполом, сплошной купол — в купах (древесных).
Море оживленное: военные суда, пароходы, пароходики с пасса-
жирами, моторн<ые> лодки.

Кажется — подъезжаем к столице<.> Говорят — 30 килом<ет-
ров.> Невы не будет, будет — канал. А будет ли Л<е>в?! Скоро та-
можня. Всё готово

19-го утр<ом>, понед<ельник>
 — 9 ч. утра — Кажется, скоро Москва.

Орешник.

Таможня была бесконечная. Вытряс<ли> до дна *весь* багаж, претрагив<ая> каждую мелочь, уложенную как пробка штопором. 13 мест, из к<отор>ых 1 оч<ень> б<ольшая> корз<ина>, 2 огр<ом-ных> мешка, 1 корз<ина> с книг<ами> — уплотненная. Мурины рисунки имели большой успех. Отбирали не спросясь, без церемоний и пояснений. (Хорошо, что так не нравятся — рукописи!) Про рук<описи> не спросили — ничего. Спросили (?) про Mme Lafarge, про Mme Curie и про Elixée P. Vasc. Главный таможенник был противный: холодный, без шутки, другие — с добродушием. Я — шутила и безумно торопилась: вещи обратно *не* вмещались, поезд ждал. Помог низший служащий и еще — выручил другой, сказав, что последн<ий> чемодан (больш<ой>, черн<ый>) — смотрен: смотрен не был — и *все* это знали. Но поезд больше ждать не мог, хотя, отъехав 4 кил<ометра> ждал до 11½ веч<ера> — против *tas d'or, dures*¹, огорчая испанцев. Мур с испанц<ами> уехал в автокаре осматр<ивать> Ленинград, я цел<ый> день просидела в вагоне, сторожа «мелочи» и читая, до одурения, *Castoret — Dix ans sous terre*² (подземные гроты, устье Гаронны и т.д.)

Испанцы — Мур<ины> товарищи — прелестные: ласковые, воспитанные и без всякого ф<анати>зма! Отъезжая от Ленинграда, глядя на бурые от дыма здания: — У нас в Андалузии — заводы — белые, белят 2 раза в год. А другой хочет работать «la terre». ³ Говор<ят> по франц<узски> — отлично, почти без акц<ента>, и отлично, с необыч<айным> слухом произносят по русски. Хотели не спать всю ночь, смотр<еть> в окно. Один из них жалел, что не поцеловал на прощание русскую *serveuse* — но она стояла с матросом. Другой стал смеяться, и первый: — *Embrasser — ce n'est pas un crime!*⁴

Жаль потерять их из виду. Артистизм: глядя на болотце: — *Qu'elle est belle, cette eau! Elle est presque bleue!*⁵

¹ окаменевших отбросов (*фр.*).

² Касторе — Десять лет под землей (*фр.*).

³ на земле (*фр.*).

⁴ Поцеловать — это не преступление (*фр.*).

⁵ Как она красива, эта вода! Она почти голубая! (*фр.*)

Веч<ером> читала Wang'a – безд<арную> кн<игу> о Китае.

Утр<ом> проснулась, подумала, что годы – считанные (пот<ом> будут – месяцы...)

– Прощай, поля!

Прощай, заря!

Прощай, *моя*!

Прощай, земля!

Жалко будет. Не только за себя. П<отому> ч<то> никто этого – как я – не любил.

ПРИМЕЧАНИЯ

При подготовке второго тома «Записных книжек» М. Цветаевой камнем преткновения для нас стала записная книжка 14 (нумерация документов введена нами для удобства отсылок). Большинство записей в ней – это скоропись с большим количеством сокращений: некоторые слова сокращены до одной-двух букв. Карандашные записи полустерты и с трудом поддаются прочтению. Сокращения записей на французском языке в виде отсутствия артиклей, диакритических знаков, окончаний прилагательных и наречий существенно затрудняли понимание смысла. Слишком отрывочные контексты некоторых записей не позволяли принять единственно правильное решение, отчего амплитуда расшифровок некоторых сокращений колебалась от 5 до 14 (!) возможных вариантов.

Мы видели три выхода из положения. Первый и самый простой – изъять записную книжку 14 из состава второго тома в надежде на будущую (и, конечно, проблематическую) научную публикацию ее как отдельного памятного – со всеми вариантами текстологических расшифровок и их обоснованиями, с обширными и подробными комментариями, с безупречными переводами. Второй – включить в том *факсимильное воспроизведение* записной книжки 14 без всякого текстологического вмешательства со стороны (так, кстати сказать, изданы тридцать томов «Cahiers» Поля Валери). И оба эти решения в наших условиях были неприемлемы. Первый – потому, что мы заранее анонсировали публикацию *всех* сохранившихся записных книжек, и если мы включили в книгу даже фрагменты, изъять целую записную книжку было бы непростительным обманом ожиданий. От второго выхода мы отказались, убедившись, что большинство людей не имеют опыта чтения черновых рукописей, и такая публикация ничего, кроме разочарования, у них не вызвала бы: «видит око, да зуб неймет».

Поэтому нам не оставалось ничего иного, как, исполняя свои же обещания, осуществить первый опыт прочтения, расшифровки и переводов этих записей. В своем труде мы были ограничены как собственным несовершенством, так и крайне сжатыми сроками подготовки тек-

ста книги. Следует отметить и то, что Цветаева спустя несколько лет сама иногда не разбирала своих сокращений, помечая при переписке в сводные тетради: «связь утеряна» или «смысл вычисления утрачен» (см. СТ, 233, 248).

В список сокращений, помещенный в первом томе, не вошло издание:

Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. В 4 т. Т. 1–4. М.: ЭКСМО; Paris: YMCA-Press, 1995–1997, при ссылках обозначаемая: *Хроника* с указанием номера тома римскими, номера страницы арабскими цифрами.

Благодарим за помощь и консультации С.И. Баранову, А.Ю. Бобе, В.И. Босенко, С.Б. Джимбинова, С.И. Ельницкую, Н.А. Кожевникову, Е.И. Лубянникову, О. Ронена, В.Н. Чувакова, И.Д. Шевеленко.

За техническую, справочную и, что самое главное, дружескую поддержку благодарим Дом-музей Марины Цветаевой, его директора Э.С. Красовскую и сотрудников М.Ю. Мелкову, И.М. Романову и Г.Н. Датнову.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 7

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 45.

Настольная записная книжка в кожаном коричневом переплете с золотым бордюром по краям, в клетку (17х11). С дарственной надписью А.И.Цветаевой:

«Когда над лесом и над полем
Все небеса замрут в звездах —
Две неразлучных к разным долям
Помчатся в разных поездах...»¹

М.Ц-ва.

В день отъезда — книжку для «дневнищца» 3 дек. 1911 г. «не первая, не вторая — одна из 2-х» — Айза».

Заполнена до конца, в середине книжки — двенадцать пустых листов, архивная нумерация с л. 1 по л. 68. Период записей: ноябрь 1919 — март 1920 гг. Записи красными, черными и коричневыми чернилами.

Записи этой записной книжки в переработанном виде вошли в «Чердачное. (Из московских записей 1919—1920 гг.)» (Дни. 1924. 25 декабря) и «Слово о Бальмонте» (1936; Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 157—176).

Стр. 7

«...волшебный месяц в Трехрудном...» — Цветаева вспоминает о времени с конца августа по конец сентября 1911 г. И.В.Цветаев с июня по сентябрь 1911 г. был по делам музея в Германии и Брюсселе, он вернулся в Москву 29 сентября.

Hildesheimer Silberfund — древнеримская посуда. И.В.Цветаев заказал для музея гальваноконии этой посуды и сделал доклад об этом памятнике.

¹ Из стиха «Неразлучной в дорогу» (ВФ).

«...ананасы от Белова и финики...» — Гастрономический магазин «Белов А.Д., наследники» находился на Тверской, 35.

Стр. 8

Гранская Ефросинья Михайловна (1884—1942) — жена сапожника Григория Петровича Гранского, мать многодетной семьи, соседка Цветаевой по дому. (Подробнее об этой семье см. очерк Н.И. Катаевой-Лыткиной: *Л и т е р а т у р н о е о б о з р е н и е*. 1987. № 5. С. 98—100).

«...властным мужем...» — Мужем Е.М. Гольдман был адвокат Михаил Юрьевич Гольдман (1880—1939).

Звягинцева Вера Клавдиевна (1894—1972) — в молодости актриса; поэтесса, переводчица.

«...после Асиного «Дыма»...» — Имеется в виду вторая книга А.И. Цветаевой «Дым, дым и дым» (М., 1916).

Ерофеев Александр Сергеевич (1887—1949) — муж В.К. Звягинцевой, экономист.

Цетлина Мария Самойловна (урожд. Тумаркина, в первом браке Авксентьева, 1882—1976) — хозяйка московского литературного салона, жена поэта и критика Михаила Осиповича Цетлина (1882—1945).

Стр. 9

Окорёнок — лоханочка (Даль).

«*Пражская столовая*» помещалась на углу Николопесковского пер. и Арбата.

«...к бывшему Генералову...» — Гастрономический магазин «Торговый дом Б., А. и Б. Генераловы» помещался на Тверской ул., 38.

Стр. 13

«...*fort comme la mort...*...» — «Сильна как смерть», роман Г. де Мопасана (1889).

Бекфорд Уильям (1760—1844) — английский писатель. Сын лорд-мэра Лондона, один из богатейших людей в Англии. Прославился одним произведением — написанной по-французски фантастической повестью «Ватек» (1782). Позднее издал книги: «Италия, с очерками об Испании и Португалии» (1834), «Грёзы, мысли, происшествия» (1834) и «Воспоминания о посещении монастырей в Алькобасе и Батальхе» (1835). Все они составлены из писем молодости во время его путешествия по дореволюционной Европе.

Цветаву, конечно, привлекла личность Бекфорда. Он был не писателем, а визионером. Бекфорд с юности бредил Востоком, вплоть до галлюцинаций. Он получил блестящее образование, его готовили к

наследственной политической карьере, но все надежды родных рухнули ввиду странного характера молодого человека. Когда ему было 13 лет, его воспитатель писал о нем: «Он по-прежнему состоит только из одного огня и воздуха. Надеюсь, что должная мера земной плотности придет к нему своевременно и довершит его характер».

Несмотря на давление родных, призывавших его в Лондон, Бекфорд сумел устоять и уединился в своем поместье. Визионерство стало образом его жизни, постоянным состоянием души. «Я уединюсь от света и буду наслаждаться собственными вымыслами, фантазиями и странностями, как бы это ни раздражало моих окружающих, — писал он в 17 лет. — На зло им я буду счастлив и буду заниматься тем, что они считают пустяками. Вместо того, чтобы изучать нынешнее политическое состояние Америки и строить мудрые планы управления ею, я буду читать и мечтать о благородной империи инков, о торжественном их почитании солнца, о таинственном очаровании Квито и величии Анд».

С двадцати до тридцати четырех лет Бекфорд путешествует по Европе, он был в Париже во время взятия Бастилии, во время казни Людовика XVI. В 1794 г. он возвращается в Англию, строит себе причудливый замок-дворец и уединяется в нем среди своих библиотек, коллекций древностей и садов. (См. М у р а т о в П. Бекфорд, автор Ватек // Б е к ф о р д У. Ватек. Арабская сказка / Пер. Бор. Зайцева. М.: Кн-во К.Ф. Некрасова, 1912).

А.С. — Александра Самсоновна Алфёрова (урожд. Коссович, ? — 1919), начальница московской гимназии, в которой Цветаева училась в 1907—1908 учебном году. После октября 1917 г. организовала детскую колонию в Болшеве, которая в апреле 1919 г. была преобразована Московским отделом народного образования в показательную школу 1 и 2 ступени. В сентябре 1919 г. А.С. Алфёрова вместе с мужем — А.Д. Алфёровым, преподавателем русской словесности в той же гимназии, была расстреляна как участница заговора так называемого «Национального центра»; список лиц, расстрелянных по постановлению ВЧК см.: И з в е с т и я В Ц И К. 1919. 23 сентября. № 211. (Подробнее см.: М а с л о в с к и й В.И. Бывают странные скрещения судеб... (Эхо Алфёровской гимназии в 1918 г.) — будет опубл. в материалах VIII Цветаевской международной научно-тематической конференции).

Совсем с другими чувствами, нежели Цветаева, вспоминает А.С. Алфёрову одна из ее воспитанниц, поступившая в гимназию в 1905 г. и закончившая ее в 1913 г., актриса Малого театра, народная артистка РСФСР Наталья Алексеевна Белёвцева: «В Седьмом Ростовском

переулке, на Плющихе, на левом берегу Москвы-реки, и теперь стоит высокое стройное здание. В те далекие годы оно казалось особенно высоким и стройным, выделяясь среди покрившихся деревянных домишек с пошатнувшимися заборами и дырами вместо ворот. <...>

С основательницей и начальницей гимназии, самой Александрой Самсоновной Алфёровой, мы познакомились на первом же уроке — она преподавала у нас математику. Ее высокая, стройная фигура в темном платье с белым крахмальным воротничком, ее седая голова с легкими кольцами на лбу запомнились мне на всю жизнь. Некрасивое, чуть негритянского склада лицо было волевым и строгим, но глаза — ласковыми и добрыми. Обычно перед тем как начать урок, она в четкой, словно кованой позе, стояла у окна в глубоком раздумье, глядя куда-то вдаль. В свое время это лицо привлекло внимание Сурикова, и он запечатлел его в картине «Меньшиков в ссылке». И там ее глаза, грустные и выразительные, смотрят куда-то вдаль.

Это была женщина с целеустремленной волей, любящая детей. Она воспитала не одно поколение девушек. Считалось за счастье отдать своих детей именно в эту гимназию. Отсюда — не случайный состав, не разнородные вкусы и намерения, а что-то очень всех объединяющее, одни, я бы сказала, корни. Воспитание, имевшее принципиальное направление, всех как бы цементировало, создавая определенный облик ученицы. Этот облик отличался внутренней целеустремленностью. Из этих девочек получились потом профессора, ученые, украшающие и в настоящее время наши кафедры и институты. Здесь учились внучка декабриста Якушкина, дочери Поленова, Серова, известных профессоров либерального толка — Кожевникова, Прянишникова, Мануилова, знаменитых в то время докторов — Черниковского, Усова, дочь ректора Университета, впоследствии известный профессор-окулист Плетнева.

Ученицы алфёровской гимназии отличались не только своими глубокими интересами: они и своим поведением, всем тоном были совершенно отличны от других гимназисток. Их сразу можно было узнать. В Москве так и говорили: «Это идет алфёровская гимназистка», или «Для алфёровской гимназистки это неудобно». В чем же было это отличие? Прежде всего скромность во всем: в поведении, в чистоте облика, в какой-то, я бы сказала, нерассеянной детскости, в простом, строгом, без всяких претензий «нефасонистом» платьице с тугим крахмальным воротничком.

Я думаю, что многие из нас обязаны этим облагораживающим влиянием Александре Самсоновне и Александру Даниловичу Алфёровым.

Александр Данилович преподавал русскую литературу и был полной противоположностью своей жены. Мягкий, застенчивый, он умел удивительно читать вслух, и страницы, прочитанные им, глубоко и прочно врезались в нашу детскую память» (Б е л ё в ц е в а Н.А. Глазами актрисы. М.: ВТО, 1979. С. 30–31).

Стр. 16

«...я говорю о себе, как о труженике». — Бальмонт начал переводческую работу в 1887 г. переводами европейских поэтов — Г. Гейне, Н. Ленау, А. де Мюссе и др., затем, увлекшись современной скандинавской литературой, он переводит Г. Ибсена, Б. Бьёрнсона, Г. Брандеса в 1892–1894 гг.; в течение семи лет (1893–1899) он издает свои переводы сочинений Шелли в семи книгах с вступительной статьей; в 1895 г. переводит и издает две книги сочинений Э.По; в 1900–1912 гг. переводит и издает сочинения Кальдерона в трех томах, в эти же годы, увлеченный Испанией и испанским национальным характером, переводит Лопе де Вега, Тирсо де Молина и др.

Стр. 16–17

«Алин отъезд в приют». — Дата устанавливается по БТ-2, где под с-нием «Высоко мое оконце...» записано: «14-го ноября 1919 г. Увоз детей в приют — Алина болезнь (с 27-го ноября 1919 г. по конец февраля 1920 г.) — 2-го февраля 1920 г. la mort d'Irina — j'écris en français pougque l'enfant ne puisse pas comprendre*». Цветаева собирает Але следующие книги: «Биографические рассказы М.Б.Чистякова», СПб., 1873, более чем пятисотстраничный том, содержащий рассказы из жизни Байрона, Ротшильда, Марино Фальеро, Тамерлана, Гайдна, Карла Великого, Гутенберга, Бетховена, Мишле, Наполеона, Нострадамуса, Моцарта и др.; «Чудесное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции» С. Лагерлёф; «Лихтенштейн» В. Гауфа.

Стр. 19

Володя — Владимир Аввакумович Павлушков (1883–1920), племянник Л.А. Тамбурер, ее второй муж; врач, в 1919–1920 гг. главный врач Кунцевского госпиталя.

Стр. 20

«И вспомнился мне другой перрон...» и т.д. — Летом 1911 г. Цветаева сопровождала С.Я.Эфрона в Башкирию для лечения кумысом; они были там с середины июля до середины августа (см. *Семья, 102–111*).

* смерть Ирины — пишу по-французски, чтобы ребенок не смог понять (фр.).

Стр. 21

Консуэло. — Кроме одноименного романа Ж. Санд (1842–1843), отметим ст-ние Цветаевой «Консуэла! — Утешенье!», написанное в октябре 1919 г. (Психея, в цикле «Стихи к дочери»). *Consolare* (итал.) — утешать.

Стр. 22

Аспазия (ок. 470 – 410 до н.э.) — гетера в Древних Афинах, в доме которой собирались поэты и философы, с 445 г. — жена Перикла. Здесь имеется в виду гипсовый слепок ее головы (см. «Шарлоттенбург» из цикла очерков «Отец и его Музей», 1936).

Зайцева Вера Алексеевна (урожд. Орешникова, в первом браке Смирнова, 1878–1965) — жена писателя Б.К. Зайцева.

Стр. 23

«*Настал последний час...*» — Неточная цитата (надо: «Приходит смертный час») из ст-ния Беранже «Как яблочко румян...» (1811–1812) в пер. В.С. Курочкина (Полное собрание песен Беранже в переводах русских поэтов / Под ред. С.С. Трубачева. Т.1. СПб., 1904); в двухтомном сборнике «Мастера русского стихотворного перевода» (Л.: Сов. писатель, 1968. Б-ка поэта. Большая серия) под № 428 напечатан *другой* перевод В.С. Курочкина этого ст-ния Беранже.

Стр. 25

Графиня Ростопчина Евдокия Петровна (урожд. Сушкова, 1811/12–1858) — русская поэтесса.

Каролина Карловна Павлова (урожд. Яниш, 1807–1893) — русская поэтесса, переводчица.

«*Sonnez les matines*» — старинная французская песенка.

Стр. 26

«...*похож на дом Цетлинов*». — Кречетниковский пер., д. 8 (сейчас: Трубниковский пер., д. 11). Семья Цетлиных жила в этом доме до осени 1918 г., когда уехала в Одессу, а оттуда, весной 1919 г., в Париж.

Евгения Тур (наст. имя Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир, 1815–1892) — русская писательница. «*Семейство Шалонских*» (1879) — популярная в свое время книга для юношества.

Сувестр Эмиль (1806–1854) — французский писатель. «*Философ на чердаке*» (1850) — его рассказ в форме дневника.

Стр. 27

«*Вспоминаю стихи пьяницы*». — Вероятно, «Как яблочко румян...» Беранже.

Стр. 29

«Ура! Ура! Ура! Идем на Врага!..» и т.д. — См. т. I, стр. 551.
«Как много забвением темным...» — ВФ, под заглавием «Маме».

Стр. 32

«(Последний вопль сына В. Зайцевой, 22х лет)». — Речь идет о сыне В.А. Зайцевой от первого брака — офицере Алексее Смирнове; по свидетельству его отчима, он был арестован в ночь на 1 октября 1919 г. и 20 октября расстрелян (З а й ц е в Б. Золотой узор. М.: Интерпринт, 1992. С. 312).

На *Калитниковском кладбище* в общих могилах хоронили расстрелянных в первые годы советской власти.

Стр. 33

«Ванька-Ключник и Паж Жан» — пьеса Ф.Сологуба (1909).
«А раньше там в окошко смотрел Пушкин...» — В доме на Собачьей площадке (на углу Борисоглебского пер.) жил С.А. Соболевский, у которого бывал Пушкин, а в сентябре 1826 г. он читал там только что оконченного «Бориса Годунова».

Стр. 34

«Гёте видал Марию-Антуанетту...» и т.д. — «Я и доныне помню прекрасное, благородное, веселое и в то же время гордое лицо молодой женщины. Сидя в стеклянной карете, открытая всем взорам, она, казалось, оживленно беседовала со своими придворными дамами о толпе, со всех сторон обступавшей ее поезд» (Гёте И. В. Из моей жизни. Поэзия и правда // Гёте И. В. Собр. соч. В 10 т. Т. 3. М.: Худож. лит, 1976. С. 307).

Стр. 35

Sesenheim — Зезенгейм, большое село, где жила семья пастора Иоганна Якоба Бриона, отца *Фредерики* Брион (1752—1813), с которой связана лирика Гёте страсбургского периода.

Стр. 36

«Этот с армянской фамилией...» — Вероятно, Костанжогло (хотя фамилия явно тюркского происхождения).

Стр. 40

«мою золотую... Беттину!» — Принадлежавшие Цветаевой книги Беттины фон Арним были с золотым обрезаем в парчовых переплетах с золотым шитьем (РГАЛИ, библиотека).

Стр. 41

Морозов Савва Тимофеевич (1862–1905) – происходил из рода русских текстильных фабрикантов-миллионеров; по образованию химик; был меценатом МХТ, помогал революционерам.

Стр. 43–44

Людовик Баварский – Людвиг II (Отто Фридрих Вильгельм, 1845–1886), король баварский (с 1864). С юности страдал расстройством нервной системы, отличался странностями характера, предпочитал уединение. Любил искусство, был поклонником Р. Вагнера, построил для постановки его опер театр в Байрейте. В 1886 г. правительство вынуждено было пойти на крайнюю меру: назначить опеку над удалившимся от управления страной королем, одиноко жившим в своих горных замках. Людовик не подчинился этому решению, тогда его арестовали, приставили к нему врача, но король сам распорядился своей жизнью – он бросился в Штаренбергское озеро и утонул.

Стр. 44

«*Против течения*» – ст-ние А.К. Толстого (1867).

Серпянка – портяная или хлопковая рединка, грубая марля для полога от мух и комаров (Даль).

Сергей Александрович (1857–1905) – великий князь, сын императора Александра II, московский генерал-губернатор (1891–1905), был убит эсером И.П. Каляевым; дед Цветаевой, А.Д. Мейн, был в его время управляющим канцелярией московского генерал-губернатора.

Стр. 45

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941) – лидер партии левых эсеров. В 1906 г. за убийство Г.Н. Луженовского, усмирителя крестьянского восстания в Тамбовской губ., приговорена к пожизненной каторге в Акатуе. В июле 1918 г. была идейным руководителем левоэсеровского мятежа. Оставшиеся годы жизни провела в тюрьмах и ссылках, расстреляна в Орловской тюрьме.

Шмидт Петр Петрович (1867–1906) – лейтенант Черноморского флота, руководитель Севастопольского восстания 1905 г. Расстрелян на острове Березань.

Шишко Леонид Эммануилович (1852–1910) – революционер-народник, член кружка «чайковцев», публицист, историк. В 1878 г. был приговорен к девяти годам каторги и последующей ссылке. В 1890 г. бежал за границу. В 1902 г. стал эсером и сотрудником редакции газеты «Револ-

люционная Россия». Автор трехтомного труда «*Рассказы из русской истории*» (П., 1917–1918).

Эдисон Томас Алва (1847–1931) – американский изобретатель и предприниматель.

Стр. 46

«...жена зем<кого> врача, папина родственница». – Имеется в виду двоюродная сестра И.В. Цветаева Елена Александровна Добротворская (1857–1939?). Ее муж, Иван Зиновьевич Добротворский (1857–1919?) был земским врачом в Тарусе.

Стр. 47

Усень-Ивановский завод. – Цветаева и Эфрон жили там в июле-августе 1911 г. (см. *Семья*, 103–111).

Стр. 49–50

«*О души бессмертный дар!*...» – В БТ-2 с той же датой, с разночтениями в пунктуации. При жизни Цветаевой опубл. не было.

Стр. 50

«*Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить...*» – В БТ-2 с датой «Декабрь 1919 г.», с разночтениями в пунктуации. При жизни Цветаевой опубл. не было.

«*Слишком уж много снегу...*» – В БТ-2 строки вошли в неоконченное ст-ние «В темных вагонах...», датированное «Кунцево, ноябрь 1919 г.».

«*Dieu! Pourquoi dans ton œuvre céleste...*» – В русском издании «Дневника Марии Башкирцевой» (1902) эти строки приводит в своей статье У.Э. Гладстон (с. 8).

Стр. 51

«*М<арина>! Я знаю, что значат стихи Блока...*» и т.д. – Речь идет о ст-нии А. Блока «В голубой далекой спальне» (1905). Пародию на него найти не удалось.

«*Сердце нынче не в цене...*» – Из ст-ния «О души бессмертный дар» (1919).

Стр. 52

«*Журавль и Лиса*» – басня Эзопа; вольный и сжатый пересказ ее помещен в «Азбуке» Л. Толстого (Т о л с т о й Л. Н. Полн. собр. соч. В 90 т. (юбилейное изд.). Т. 1. М.-Л., 1928. С. 49).

«*Гляжу: Типография Мамонтова*». – В августе-сентябре 1919 г. на слуху было имя командующего конного корпуса в Вооруженных силах

Юга России Константина Константиновича Мамонтова (1869–1920). Увидев на книге марку издательства «Товарищество типографии А.И. Мамонтова, Москва, Леонтьевский пер., д. 5», Аля удивляется сопадению, не понимая, что это однофамильцы.

Стр. 52–53

«*Между воскресеньем и субботой...*» – В БТ-2 окончательный текст с разночтениями в пунктуации, с вар. ст. 9: «Коли грусть пошла по жи-лушкам», с датой «16-го декабря 1919 г.», с четвертой строфой:

А коль кровь опять проснулася,
Подступила к щеченькам, –
Значит к миру обернулася
Я бочком золотеньким.

При жизни Цветаевой опубликовано не было. 12 мая 1934 г. Цветаева писала Ю. Иваску: «...родилась я *ровно в полночь с субботы на воскресенье* (26-го на 27-ое)...Но я приобщила себя *субботе, кануну, концу*, – невольно, конечно, только сейчас, когда пишу, осознала...».

Стр. 53

«*В синем поле – розан пламенный...*» – В БТ-2 с разночтениями в пунктуации, с вар. ст. 1: «В синем небе – розан пламенный», ст. 10: «Ты зачем врагу выносишь», с датой «16-го декабря 1919 г., Кунцево – Госпиталь». При жизни Цветаевой опубликовано не было.

Стр. 53–54

«*Алины стихи*». – Первое («Ветви сплелись...») включено Цветаевой в свою книгу «Психея» (1923, отдел «Психея. Стихи моей дочери»).

Стр. 54

«*Простите Любви, – она нищая!*...» – В БТ-2 с теми же пометами, с датой «17-го декабря 1919 г. – Кунцево – Госпиталь». При жизни Цветаевой опубликовано не было.

Стр. 55–56

«*Рассказ Бальмонта*». – Этот рассказ вошел в его книгу очерков «Где мой дом» (Прага: Пламя, 1924).

Стр. 56

«*Бальмонт рассказывает мне о Египте...*» – К.Д. Бальмонт и Е.К. Цветковская ездили в *Египет* летом 1910 г. Из очерков об этом путешествии Бальмонт впоследствии составил книгу «Край Озириса» (М., 1914).

Масперо Гастон Камиль Шарль (1846–1916) – французский египтолог, руководитель археологических раскопок.

«*Звезда над люлькой – и звезда над гробом...*» – В БТ-2 с разночтениями в пунктуации, с датой «22-го декабря 1919 г.». При жизни Цветаевой опубл. не было.

Стр. 68

«*Я Вам верна как Георг и Ганс были верны Герцогу!*» – Аля имеет в виду героев «Лихтенштейна» В. Гауфа.

Стр. 75

Милиоти Василий Дмитриевич (1875–1943) – живописец; вместе с братом, Н.Д. Милиоти, входил в объединение «Голубая роза».

Стр. 76

«...*рассказывает о какой-то Д-ловой... о жене брата – “маленькой актриске”...*» и т.д. – Имеется в виду жена второго брата В.Д. Милиоти, Юрия Дмитриевича, Марина Ивановна Миллиоти (1900–1971), которая в 1950-е гг. написала воспоминания, там есть, в частности, и глава о Дворце Искусств. Приводим некоторые фрагменты из них, касающиеся упоминаемых Цветаевой лиц.

«А вот и закут Василия Дмитриевича – нужно войти под арку во дворе <...>. Низенький вход, крохотный коридор и налево дверь в комнату В.Д. Он уже успел устроиться преутожно, у него нарядно и как-то по-своему. Комната крошечная. От потолка почти до пола картины, картины и еще раз картины и свои и других художников, последнее всё, несомненно подаренное друзьями-художниками. У окна – бюро, старинное бюро без подделки. На нем череп встречает гостя оскалом мертвых зубов. Черепа всюду, даже пепельница – череп! Это уже кошунство. Целый мешок черепов человеческих притащил В.Д. какой-то приятель! Откуда же тот извлек их? Из-под разрытого дома, под которым оказалось старинное кладбище, тут же близко где-то от Поварской. Приятель В.Д., изгнанный с черепами из своего дома, направился с ними к В.Д. и не ошибся. Черепа нашли приют. <...> В закуте мольберт, куча красок, маленькая кушетка, заменяющая кровать, масса книг и веселый хозяин. Семья еще не приехала.<...>

Стук в дверь: входят В.О. Массалитинова и поэтесса Марина Цветаева – обе, конечно, приятельницы В.Д. Сидеть уже негде, но мы потеснились – место нашлось. У поэтессы хорошие стихи, очень дамские и огрубевшие руки с толстыми пальцами, на одном из них, по ее выражению, «символическое кольцо». Оно медное и толстое. Обе дамы явно

неравнодушны к В.Д., хотя Массалитиноза ведет какие-то разговоры о прекрасных мальчиках. Кто же эти «прекрасные мальчишки», я так и не поняла.

Снова стук. Протереть глаза? Галлюцинация? Не стоит тереть глаз. Это тоже череп, но еще непогребенный и, кстати, знакомый. «Череп» прехорошенький, необычайно густо намазанный, но сквозь краску оскал настоящего черепа — что-то мертвое, изжитое — все пути-дороги исхожены, всё изведано, остался эфир, кокаин, привычка остроумно болтать. Это танцовщица, кинематографическая актриса Л.И. Джалалова или, по замечанию моего мужа, увидевшего ее, «комариная моща с профессиональной дрожью». Она приятельница В.Д. «Комариная моща» пришла к В.Д. с горем: ее очередной муж выменял ее квартиру на муку, перевез ее к себе, а когда она попробовала лечь на один из старинных диванов, то этот милый «джентльмен» заявил: «Ну, матушка, этот диван дороже тебя, встань, пожалуйста, и не порти его». «Комариная моща» оскорбилась, повернулась и ушла. Она бескорытна — это искупает многое. И, право, она необыкновенно остроумна, со свойственным ей говорком. Все гости горячо обсуждают горе танцовщицы. Но где же ей жить? Черепа со всех сторон приветливо улыбаются, особенно один, стоящий на верху старинного бюро. И танцовщица просто говорит В.Д.: «Придется мне поселиться у вас». Хозяин не возражает.

Стук в дверь. На пороге высокая заикающаяся фигура. Это художник, тоже сосед В.Д. — Н.Н. Вышеславцев. В его лице что-то скопечское. Он долго и мучительно пытается спросить, не было ли ему писем. Его приглашают войти. <...>

Беседа в полном разгаре. Кто о чем?! А все вместе, конечно, об искусстве. Заговорили о Бодлере. В.Д. читает «Цветы зла». Его французский язык безукоризнен. Бодлер изыскан, вычурен. <...> Я бы хотела, чтобы стихи Бодлера послушала и посмотрела бы всю эту компанию моя нянька. Я уже вижу, как она повернулась, плюнула и сказала: «Вот шаромыги, прости Господи, нет на вас пропасти, пра дело, нет пропасти». <...> И все «шаромыги», наговорившись всласть, до упоения, когда разговор ради разговора, и тысячи мыслей, и ни одной настоящей, всей компанией отправились обедать. Это тут же, только в другом флигеле» (Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Рус. книга, 1996. С. 125–127).

Комнены — Комнины, династия византийских императоров XI–XII вв.

Герцоги Беррийские — ветвь французского королевского дома Бурбонов.

Стр. 77

Борисов-Мусатов Виктор Эльпидифорович (1870–1905) – русский художник.

Стр. 80

«Son sourire était jeune, il s'en est si peu servi...» – первый из трех эпиграфов к ст-нию «Клеймо тоски» (1839); это фрагмент из романа «Под липами» французского романиста Альфонса Жана Карра (1808–1890).

Стр. 81

«Ж. Санд и Шопен на Майорке...». – Ж. Санд с детьми и Шопен провели на Майорке зиму (с ноября по февраль) 1838–1839 гг. Сын Ж. Санд – Жан Франсуа *Морис Санд*, барон Дюдеван (1823–1889), впоследствии художник и автор нескольких книг; дочь – *Соланж Дюдеван* (в замуж. Клезанжо, 1828–1899). Поскольку у Шопена был туберкулез, хозяин, первоначально сдавший им дом, потом отказал, боясь заразы, и они вынуждены были поселиться в полуразрушенном монастыре – *Вальдемосской обители*.

Стр. 82

«... Л. А. – 48 л. – любит свое одиночество и франц. книги...» – В этой связи приведем рассказ В.И. Цветаевой: «Как-то в кабинет директора Румянцевского музея входит высокая, красивая дама лет 30-ти, называет себя и сообщает: по профессии она зубной врач, она согласна, чтобы ее зубоучебный кабинет бесплатно обслуживал всех служащих Румянцевского музея, лишь бы ей, наравне со служащими, получить право брать книги на дом, так как обычные городские библиотеки ее не удовлетворяют, чтение же для нее лучшее, что есть в жизни. Отец, поняв, что это человек, которому можно верить, на просьбу ее согласился. Так состоялось знакомство с Л.А. Тамбурер, скоро перешедшее в постоянное общение с нашей семьей. Л.А. была существом необычным и прелестным. Искренняя, умная, отзывчивая, далекая всякой мелочности – общение с нею было радостью. Марина и Ася, несмотря на разницу лет, крепко с нею сдружились. Живая и горячая привязанность стала для девочек настоящей душевной опорой» (*В. Цветаева*. Ч. 1. С. 50–51).

Эдварда – героиня романа К. Гамсуна «Пан» (1894).

Нина В. – вероятно, Нина Корнелиевна Виноградова, тарусская знакомая сестер Цветаевых, сестра будущего писателя А.К. Виноградова (о нем см. «Жених», 1933).

Варечка И-к – вероятно, В. Изачик, тарусская приятельница отчочества Цветаевой.

«Читаю *«La croix de Berny»* — роман в письмах, плод сотрудничества Méry, Sandeau и еще двоих». — Méry — Жозеф Мери (1798—1866) — французский поэт и писатель, близкий друг Т. Готье; Sandeau — Жюль Сандо (1811—1883) — французский романист; неупомянутыми Цветаевой соавторами Мери и Сандо были Т. Готье и Дельфина де Жирарден (1804—1855), французская поэтесса и романистка, печатавшаяся главным образом под именем Дельфины Гей (Gay), жена известного публициста и газетного магната Эмиля де Жирардена, постоянным и многолетним сотрудником которого в его газете «Ля Пресс» был Т. Готье. В первом издании романа авторы были перечислены в такой последовательности: La Croix de Berny. Par le V^{ic} Charles de Launay [Mme Emile de Girardin], Théophile Gautier, Jules Sandeau, Méry. — Paris: Peton, 1846. Книга состоит из писем четырех персонажей (друг к другу и к третьим лицам), за каждого из которых пишет один из четырех авторов.

Стр. 83

С. — кто был автором этого письма, нам не известно.

«... Асю, Валу и Андрюшу». — Валя — Валентина Иосифовна Зелинская (ок. 1894—1928), близкая подруга А.И. Цветаевой, вместе с которой она прожила годы Гражданской войны в Крыму.

Стр. 86

Mlle Lespinasse — Жюли де Леспинасс (1732—1776), французская светская женщина, знаменитая своим салоном и своими письмами. Она была незаконнорожденной дочерью графини д'Альбон и кардинала Тансена, получила в доме матери прекрасное образование. Оставшись после ее смерти без средств, сделалась компаньонкой маркизы дю Деффан и в ее салоне приобрела многих друзей. В 1764 г. открыла собственный литературный салон. «...М-ль де Леспинасс была не настолько богата, чтобы давать ужины и обеды, но двери ее салона были каждый день отперты, и единственный лакей ее, с 5-ти до 10-ти часов, впускал в них многочисленную и разнородную толпу посетителей — духовных, придворных, военных, знатных иностранцев, писателей, всю армию энциклопедистов, дефилировавшую с д'Аламбером во главе, — весь этот мир, который м-ль де Леспинасс приучила почти ежедневно взбираться на ее лестницу и для которого отказалась от театра и деревни, куда почти никогда не ездила. <...> Остроумная, живая, блестящая, поражающая громадной начитанностью, этой универсальностью знаний, позволяющей на всё возражать и поддерживать всякий разговор — м-ль де Леспинасс была создана для своей роли. Вместе с тем, это была натура любящая и деликатная; в ее вежливости слышалась нотка участия ко всем; она умела, при случае, стереться, предоставив первенствующее место уму других. На-

конец, м-ль де Леспинасс обладала гением хозяйки дома. Нельзя было вообразить себе большей любезности и внимательности, и никто не умел так соединить отдельные группы и сделать разговор общим» (цит. по реферату книги Э. и Ж. Гонкуров «Женщина в XVIII веке»: О т е ч е - с т в е н н ы е з а п и с к и. 1880. Кн. 3 (март). С. 241–242). *Маркиз Мора и граф Гибер* – возлюбленные Ж. де Леспинасс. Ее письма к графу Гиберу были изданы его вдовой в 1809 г. (*Lettres de Melle de Lespinasse écrites depuis l'année 1773 jusqu'à l'année 1776*; в дополненном виде – *Correspondance entre Melle de Lespinasse et le Comte de Guibert*, 1906).

«В воспоминаниях *Каролины Павловой читаю...*» и т.д. – Цитируемое восклицание принадлежит графине Строгановой, с которой К. Павлова ребенком встретила в Ярославле, среди других москвичей, покинувших Москву перед вступлением в нее Наполеона. Графиня Строганова «боялась всего, что могло более или менее быть опасным или вредным для нее, всего даже, что могло хотя мало-мальски нарушить комфорт ее жизни. Избегать всякой неприятной мысли и всякого тревожного чувства казалось ей так же естественно, как питаться и дышать. Во всех ее действиях, мнениях и словах проявлялся этот наивный эгоизм. Когда ее уведомили, что умер молодой граф Строганов, единственный сын ее сына, восклицание ее было характерическое: «Ah, le pauvre enfant! Comme je suis contente de ne pas l'avoir connu!»* (П а в л о в а К. Собр. соч. В 2 т. Т. 2. М.: Кн-во К.Ф. Некрасова, 1915. С. 279).

Стр. 88

«*Читаю стихи К.Павловой к гр. Ростопчиной*». – Имеется в виду следующее ст-ние:

Мы современницы, графиня,
Мы обе дочери Москвы;
Тех юных дней, сует рабыня,
Ведь не забыли же и вы!

Нас Байрона живила слава
И Пушкина изустный стих;
Да, лет одних почти мы, право,
Зато призваний не одних.

Вы в Петербурге, в шумной доле
Себе живете без преград,
Вы переноситесь по воле
Из края в край, из града в град;

* «Ах, бедное дитя! Как я рада, что не знала его!» (фр.)

Красавица и жорж-зандистка,
Вам петь не для Москвы-реки,
И вам, свободная артистка,
Никто не вычеркнул строки.

Мой быт иной: живу я дома,
В пределе тесном и родном,
Мне и чужбина незнакома,
И Петербург мне незнаком.

По всем столицам разных наций
Досель не прогулялась я,
Не требую эмансипаций
И самовольного житья;

Люблю Москвы я мир и стужу,
В тиши свершаю скромный труд,
И отдаю я просто мужу
Свои стихи на строгий суд.

Январь 1847, Москва.

(П а в л о в а К. Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1964. С. 134
(Б-ка поэта. Больш.сер.).)

За шесть лет до того К. Павлова почтила Е. Ростопчину стихотворным посланием с упреками в гордыне и спеси по отношению к родному городу, посланием в четыре октавы, каждая из которых кончалась рефреном:

Хоть петербургская графиня, —
Вы москвитянкой рождены.

В 1854 г. графиня Ростопчина, воспользовавшись предложением журнальной полемики К. Павловой с И. Панаевым, ответила ей на всё злой пародией.

*Песня по поводу переписки ученого мужа
с не менее ученой женой*

Густолиственных липок аллея,
Ты для мира значенья полна!
Вдохновенья огнем пламеня,
Перед ним там стояла она

И, закинувши голову гордо,
Величаво махая рукой,
Угощала при-Невского Лорда
«Маскарадом» и «Жизнью двойной»*

И читала с поэмой чухонской
Свой санскритский с нее ж перевод...
(По-китайски, не то по-японски
Эта дама стихи издает!)

На нее, одурелый, смотрел он, —
И не верил своим он ушам;
И проклятя сквозь зубы шипел он
Всем Кориннам, всем синим чулкам...
(Там же. С. 566–567).

Стр. 90

«...золотой обод подарил жене». — Первым браком П.Г. Антокольский был женат на актрисе Вахтанговской студии Наталии Николаевне Щегловой.

Стр. 91

«... Закс и Лиля с подарками...» — Закс *Бернард Генрихович* (1886–1937) — знакомый сестер Эфрон, в то время ответственный советский работник (подробнее о нем см.: Б е л я е в Д. А. «Квартирант Икс» // *Борисоглебье Марины Цветаевой. Шестая международная научно-тематическая конференция. Сб. докладов*. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. С. 71–77).

Стр. 94

«Навстречу комиссары в ослепительно-желтых сапогах (добыча из *Архангельска!*)...» — Имеются в виду события вокруг северного десанта Антанты на мурманском побережье и в Архангельске. Осенью 1919 г. Англия отозвала свои войска, в феврале — марте 1920 г. 6-я Красная армия ликвидировала этот фронт.

* «Кадриль» и «Двойная жизнь» — поэмы К. Павловой.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 8

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 46.

Настольная записная книжка — самодельная, из плотной бумаги, не сшитая, перевязанная по сгибу тонким шнурком (18x11). Архивная нумерация с л. 1 по л. 113, последние 6 лл. оставлены незаполненными. Записи красными и коричневыми чернилами. Период записей: апрель 1920-го — март 1921 г.

Запись «Юбилей Бальмонта» с некоторыми добавлениями и незначительной стилистической правкой опубл. Цветаевой в приветствии «Бальмонту. (К тридцатипятилетию поэтического труда)» (Своими путями, Прага, 1925, № 5). Письма к Е.Л. Ланну, переписанные в эту записную книжку, опубл. (по оригиналам): Marina Cvetaeva. Studien und Materialien. Wien, 1981 (Wiener slawistischer Almanach. Sb. 3).

Стр. 97

Эпиграф «Воскрешая, воскресаю» (лат.). — Позднейшая запись на чистом обороте титульного листа.

«Там есть одна фраза о юности и старости...» — Цитата не найдена.

«Продолжение». — Карманных записных книжек этого времени не сохранилось.

Последующий диалог Цветаева ведет с Н.Н. Вышеславцевым, с которым она познакомилась, по-видимому, в течение апреля 1920 г. во Дворце искусств. Поскольку Н.Н. Вышеславцев — герой доброй половины этой записной книжки, мы здесь приводим подробную биографическую справку о нем, в дальнейшем не комментируя упоминаемые Цветаевой обстоятельства его жизни. Его инициалы в тексте записной книжки не раскрываются, поскольку в данном случае это еокращение принципиально (ср. на стр. 142 — «сначала НН — потом NN»).

Художник Николай Николаевич Вышеславцев (1890—1952) родился в Полтавской губернии и был внебрачным сыном управляющего имением Кочубеев Николая Александровича Вышеславцева (? — 1926), матери своей он не знал. Детство его прошло у одинокой сестры отца и в многодетной семье дяди. Учился в Тамбовской гимназии, с 1906 г. в Москве — в студии художника И. Машкова. В 1908 г. уехал в Париж, где прожил шесть лет на средства отца, продолжая свое образование художника. После вступления России в Первую мировую войну вернулся на родину, окончил школу прапорщиков и с 1916 по 1918 г. воевал, был ранен, награжден Георгиевским офицерским крестом.

После демобилизации Н.Н. Вышеславцев обосновался в Москве, во Дворце искусств на Поварской получил место библиотекаря и небольшую квартиру. Жил он в те годы тем, что писал заказные портреты, продавал свои картины и рисунки, впоследствии стал преподавать живопись. Его отличала необычайная широта интересов — не только в области искусства, но и философии, истории религии, русской и мировой литературы. Он был страстным библиофилом и собрал одну из лучших библиотек в десятки тысяч томов — собрание книг по искусству, философии, истории. Он собрал почти всю выходящую в свет литературу о Леонардо да Винчи, составил картотеку с выписками (несколько тысяч карточек) — подготовительный материал для монографии. Н.Н. Вышеславцев создал серию «Воображаемые портреты» великих художников, музыкантов, писателей всех времен и народов, а также целую портретную галерею своих современников: А. Белого, Н.К. Метнера, Б.Л. Пастернака, А. Соболя, Ф. Сологуба, С.М. Соловьева, П.А. Флоренского и мн. др. В 1920 г. он написал портрет Цветаевой (черная акварель). О нем см. в книге А. Саакянц, открывшей этот портрет широкой публике (Саакянц А. Спасибо Вам! М.: Эллис Лак, 1998. С. 460–461).

В ранней молодости Н.Н. Вышеславцев женился, чтобы узаконить будущего ребенка, и в дальнейшем отношения с женой и дочерью не поддерживал. В 1923 г. он заключил союз с Ольгой Николаевной Баратовой (1898–1995), воспитал ее сына Вадима (1924–1943), погибшего на фронте. Ученики Н.Н. Вышеславцева имели счастье получать от него не только профессиональные уроки, но и посещать дом Н.Н. и О.Н. Вышеславцевых в Кривоарбатском переулке, где был неповторимый микромир «творческой семьи» вокруг учителя-наставника, созданный по образцу ренессансной модели «боттеги». Такое неформальное общение было в те годы подозрительным, и только тяжелая болезнь — случившийся в январе 1948 г. инсульт — спасла Н.Н. Вышеславцева от репрессий. Последние четыре года жизни он был парализован. О.Н. Вышеславцева после его смерти приняла монашеский постриг и осталась в миру служить людям. (Три встречи. М.: Православный паломник, 1997. С. 185–476). Приведем также запись из дневника А.Б. Гольденвейзера от 21 января 1926 г., где мы нашли дополнительные черты к характеристике Н.Н. Вышеславцева: «Дружеские отношения с Вышеславцевым, который довольно часто у нас бывает, очень много нам дают. Это один из наиболее значительных людей, с которыми я в жизни встречался. Его всесторонняя начитанность совершенно исключительна. Он полон интереса к самым «большим»

вопросам человека и принадлежит к редкому числу людей, имеющих свои взгляды. Я часто с ним спорю, так как слишком большое *внутреннее* значение, которое он придает области оккультных знаний, вызывает мои постоянные сомнения. Кроме некоторого скептицизма, я вовсе не отрицаю того, что «есть многое на свете» и т.д., но я думаю, что это многое совсем не так обогащает мой «духовный» опыт, как это любят думать и проповедывать все серьезные, а тем более несерьезные (и их подавляющее большинство) адепты тесософии, антропософии и пр. и пр.» (Гольденызер А. Б. Дневник. Тетр. 2–6 (1905–1929). М.: Тортуга, 1997. С. 44).

«Вы знаете, открыта одна новая строчка Пушкина». — Из черного варианта ст-ния «Иностранке» (1822):

Я буду помнить, друг любимый,
В уединенной тьме ночной
Твой поцелуй неутолимый
И жар томительных очей.

Стр. 99

«На Ваши поцелуи — о живые!..» — из ст-ния «Настанет день — печальный, говорят!..» (1916), впервые опубл.: *Сев. зап.* 1917. № 1.

Стр. 101

Л.П. — Лидия Петровна Милиоти (урожд. Знаменская, 1884?–1960?), жена В.Д. Милиоти.

«*Le lys rouge*» — «Красная лилия» (1894), роман А. Франса о непрочности и обреченности чувственной любви.

Рождественка — улица в Москве между Лубянской площадью и Рождественским бульваром.

Стр. 102

Нескучный сад — старинный парк на берегу Москвы-реки.

Стр. 104

Челпанов Георгий Иванович (1862–1936) — русский психолог и философ, автор концепции «эмпирического параллелизма» души и тела, автор учебников по психологии и логике.

Стр. 105

«*mille e tre*» — из арии Дон Жуана Моцарта (так называемой «арии со списком»).

Стр. 106

«*Когда для смертного умолкнет шумный день <И на немые стогны града>...*» — из ст-ния Пушкина «Воспоминание» (1828).

«Камень» — первая книга ст-ний О.Мандельштама. От этой книги из библиотеки Цветаевой (1916, 2-е изд.) остался только титульный лист с дарственной надписью автора: «Марине Цветаевой — камень-памятка. Осип Мандельштам. Петербург 10 янв.1916» (РГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 216).

Стр. 109

«...из гостей — с Пятницкой». — Предположительно здесь и далее речь идет о доме Игоря Эммануиловича Грабаря (Пятницкая, 2, кв. 10), в то время (с 1918 по 1925 гг.) бывшего директором Московской городской Художественной галереи П. и С. Третьяковых.

Стр. 112

«Возле самой чудесной московской церкви (розовой, у Храма)...» — Возможно, церковь Похвалы Богородицы (несохранившаяся) близ Храма Христа Спасителя.

Стр. 113

«...как на куполе одной церковки на Ильинке...» — Имеется в виду церковь Илии Пророка.

Стр. 113—115

Блок. — Записи Цветаевой относятся к выступлению Ал. Блока в Политехническом музее 26 апреля (9 мая н.ст.) — его первому выступлению в Москве в этот его приезд. Второй раз Цветаева его видела на вечере во Дворце искусств 1(14) мая. На последнем его выступлении 3(16) мая, опять в Политехническом музее, Цветаева, по-видимому, не была.

Цветаева упоминает следующие ст-ния Блока: «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908), «Перед судом» (1915), «Седое утро» (1913), «В ресторане» (1910), «Голос из хора» (1914), «Как тяжело мертвецу среди людей...» (1912), «Россия» (1908).

Письмо Цветаевой к Блоку не сохранилось. (Б л о к А. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 2. Письма к Александру Блоку. М., 1979).

Стр. 115

«Как слабый луч сквозь черный морок адов...» — первые строки ст-ния «Блоку» (БТ-2), вошло в книгу «Стихи к Блоку» (Берлин: Огоньки, 1922).

Стр. 116

«Еще страстнее, чем над первой зыбкой...» — эти строки в цикл «Стихи к Блоку» не вошли.

Стр. 118

«Пишу стихи про черных овец...» — Имеются в виду ст-ния «Сказавший всем страстям: прости...», «Да, вздохов обо мне — край непочатый!..», «Суда поспешно не чини...» — в БТ-2 все три датированы: «4-го мая 1920 г. ст. ст.», «Тень достигла половины дома...» — в БТ-2 дата «8-го русск. мая 1920 г.».

Стр. 119

«Так глядят кошек или птиц...» — из ст-ния А.Ахматовой «Вечером» (1913).

Стр. 120

«Офицерам вставать за Петра...» — ст-ния с такими строками у П.Антокольского не обнаружено.

«... — Вестовым! Часовым!...» и т.д. — Ср.:

Быть голубкой его орлиной!

Больше матери быть, — Мариной!

Вестовым — часовым — гонцом... (1921).

Стр. 122

«Сейчас проворовался и в чесотке.» — Известно, что в начале 1920 г. В.О. Нилендер заболел сыпным тифом, в июне — июле был на лечении в санатории, рецидивы болезни проявлялись до января 1921 г. В то время он служил научным сотрудником Библиотеки Московского Публичного и Румянцевского музеев, со второй половины 1919 г. был членом местного комитета и председателем кооператива сотрудников Библиотеки, никаких сведений о его возможной недобросовестности в исполнении своих обязанностей не имеется. (Сообщено Д.А. Белявым.)

Стр. 125

«И стихи на ремингтоне...» — В мае 1920 г. Цветаева готовила для Госиздата рукописи своих книг «Юношеские стихи» (1913—1915) и «Вёрсты» (1916).

Кусиков Сандро (Александр Борисович, 1896—1977) — поэт-имажинист.

Адриенна Лекуврёр (1692—1730) — французская трагическая актриса. Ее жизни посвящена пьеса Э. Скриба и Э. Легуве, которую в свое время играла Э. Дузе, а в 1919 г. поставил Московский Камерный театр с А. Коонен в главной роли. Спектакль имел беспрецедентный успех, Коонен играла его (без замен!) тридцать лет, ему же было суждено стать последним спектаклем Камерного театра, закрытого в 1949 г.

Стр. 126

«Сегодня с утра — стихи...» — В БТ-2 после ст-ния «Все братья в жалости моей!..», датированного «8-го русск. мая 1920 г.», вписаны без дат ст-ния: «Так из дому, гонимая тоской...», «Восхищенной и восхищенной...», «Пригвождена к позорному столбу...».

«...и разговоры с тремя детьми.» — У Гольдманов было трое детей: Надежда, Евгения и Александр.

Стр. 127

«*Es ist von Gott besorgt...*» и т.д. — Это изречение Лютера (в измененном виде) Гёте поставил эпиграфом к третьей части «Истории моей жизни...».

Поликратов перстень. — В «Истории» Геродота (книга 3) рассказывается о зависти богов к счастливой судьбе царя острова Самос Поликрата. Чтобы задобрить богов, Поликрат принес им в жертву свой любимый перстень, бросив его в море. Но боги не смягчились и не приняли эту добровольную жертву: перстень нашел рыбак в брюхе пойманной им рыбы. Это был знак обреченности, и Поликрат действительно вскоре погиб мучительной смертью. На этот сюжет Шиллер написал балладу; ее русский вариант В.А. Жуковского — «Поликратов перстень» (1831).

Стр. 129

«Я не знаю, что такое — презренье...» — не вполне точная передача ст-ния Бальмонта из его книги «Будем как Солнце» (1903).

Стр. 130

«...цитируя изразец...». — Можно предположить, что речь идет об одном из старинных (XVIII в.) расписных изразцов с надписями, сохранившихся в доме Соллогуба. А.С. Эфрон вспоминает: «Самым удивительным в их комнатах <левого флигеля усадьбы, где жили знакомые Цветаевой> были печи, облицованные изразцами с аллегорическими рисунками и таинственными под ними подписями, вроде: «От старости зелье могила», «И не такие подъезжали», «Люби нас, ходи мимо» или «Не тогда жить, когда ноги мыть» (Э ф р о н А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М.: Сов. писатель, 1989. С. 79).

Алин портрет работы Н.Н. Вышеславцева, по-видимому, не сохранился.

Стр. 131

Бранд — герой одноименной драматической поэмы Г.Ибсена (1866). В 1906 г. спектакль был поставлен во МХТ, в главной роли выступал В.И. Качалов.

Герой Ибсена – священник, фанатик, апостол идеи «всё или ничего», одиночка в обществе людей компромисса и лицемерия; его непримиримая суровость распространяется и на самых близких: умирающей матери он отказывает в причастии, не изменяет условий жизни, несмотря на болезнь своего ребенка, а когда тот умирает, требует, чтобы жена отдала нищенке вещи умершего сына, в том числе и заветный чепчик.

Ахромович – возможно, Ахрамович (псевд. Ашмарин) Витольд Францевич (1882–1930), в 1910-е годы корректор и секретарь издательства «Мусaget», впоследствии работал в кино.

Стр. 132

Худолеев Иван Николаевич (1869–1932) – драматический актер, с 1893 по 1918 г. артист Малого театра; во время знакомства с Цветаевой работал в Государственном Показательном театре.

Н.А. Белёвцева, учившаяся у него в Драматической школе (в 1914–1916 гг.) и работавшая с ним в Показательном театре (в 1919–1920 гг.), так вспоминает о нем: «Он был из тех, про кого говорили: “эстет”. Безупречно одетый, с великолепными манерами, с пробором, закрепленным фиксауаром, и с моноклем в правом глазу, он производил даже в те времена впечатление персонажа из иностранной пьесы» (Б е л ё в ц е в а Н. А. Глазами актрисы. С. 64).

Ф. Степун вспоминает его на «учредительном собрании» Показательного театра:

«Среди собравшихся я хорошо помню только двоих: товарища <М.Ф.> Ленина по Малому театру, Худолеева, большого мастера на маленькие роли, которого за изящный, холеный вид и исключительное умение носить фрак, в труппе звали “Ванькой-листократом” и несравненную Варвару Массалитинову. <...>

Начались репетиции “Меры за меру” Шекспира. Чем дальше они шли, тем всё более изящно одетым и всё менее бритым появлялся на них Худолеев. Все удобоносимые костюмы уходили понемногу в обмен на масло и крупу, а бриться было трудно из-за холода в квартире и из-за невозможности согреть воду. Вспоминая милого “Ваньку-листократа” к концу сезона, я вижу перед собой одетого в шикарную визитку поверх рваного свитера человека в лаковых штиблетах под грязными бежевыми гетрами, покрасневшие глаза слезятся, посиневшие губы и заросшие рыжею щетиной щеки трясутся мелкой дрожью. Несмотря на полную неустроенность своей холостяцкой жизни, на вечный холод и голод, Худолеев с восторгом работал над постановкою Шекспира» (С т е п у н Ф.А. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 477, 483).

«Послание к Юсупову». — Вероятно, ст-ние Пушкина «К вельможе» (1830).

«одни стихи Байрона» — «Euthanasia», подробнее см. примеч. к стр. 142.

Ж<еня> В<иге>лев. — Об этом актере, принесшем в 1919 г. весть о смерти Стаховича, удалось узнать только, что в 1919—1920 гг. он работал в московском Камерном театре.

Стр. 133

«Весь вечер писала стихи, — хорошие!» и т.д. — В БТ-2 из не упомянутых еще ст-ний первой половины мая 1920 г. записаны следующие: «Пригвождена к позорному столбу» (2) — дата « <число не вписано> р. мая 1920 г., среда, канун Вознесения», «Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйа» — дата «Канун Вознесения», «Сей рукой, о коей мореходы...» — дата «Вознесение 1920 г., четверг», «И не спасут ни стансы, ни созвездья...» — дата «Вознесение 1920 г., четверг — 7-го мая», «Не так уж подло и не так уж просто...» — без даты, «Кто создан из камня, кто создан из глины...» — дата «Воскресение, 10-го русск. мая 1920 г.», неоконченное ст-ние «Возьмите всё, мне ничего не надо...» — дата «10-го русск. мая 1920 г.», «Смерть Танцовщицы (Вижу комнату парадную...)» — дата «11-го русск. мая 1920 г.», «Я не танцую, — без моей вины...» — дата «11-го русск. мая 1920 г., понед.», «Глазами ведьмы зачарованной...» — дата «12-го русского мая 1920 г., вторник», «Одна половинка окна растворилась...» — дата «12-го русск. мая 1920 г.». Далее без даты записаны «Песенки из Ученика» (1—7). Рукопись пьесы «Ученик» не сохранилась. Замысел, возможно, не был завершен.

«О, Блок, бредущий в утренних росах за плугом!» — Цветаева подразумевает заключительные строки ст-ния Блока «Май жестокий с белыми ночами!..» (1908):

Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти!

Стр. 134

«Живущий рядом с М<илио>ти граф Ш<ереме>тьев...» — Его портрет также находим в уже цитированных воспоминаниях М.И. Миллиоти:

«Не успела я присесть, как раздался стук в дверь. На пороге открывшейся двери оказалось что-то высокое, тонкое, бледноглазое, изысканно-породистое — всё блеклых тонов, как долго лежалый лист,

в красной кофте с моноклем в глазу. <...> Это сосед Василия Дмитриевича, жилец следующей комнаты флигеля, художник, истый парижанин, влюбленный в Париж, парижские шантаны, бывший-товарищ по играм великих князей, т.к. его отец был их воспитателем — Сергей Сергеевич Шереметев, упраздненный граф Шереметев. Всем обликом напоминает старую даму. Всё время кудахчет, но кудахчет мило и забавно. Приглашает посмотреть свои картины. Идем. У него две комнаты, заполненные до отказа вещами из дворцов Шереметевых. Вещи прекрасные, ценные, особенно табакерки. На стенах какие-то предки. Они чувствуют себя здесь под защитой искусства. Среди предков картины Сергея Сергеевича. Пастель — виды Парижа. Всё такое же бледноглазое, блеклое, давно ушедшее, как автор картин» (Встречи с про-шлы м. Вып. 8. С. 126).

Стр. 135

«Коринна, или Италия» — роман (1807) Ж. де Сталь. Дальнейшие ссылки приводятся по изданию: Сталь. Коринна или Италия. 2-е изд. СПб.: Изд-во А.С.Суворина, [б.г].

«Забвения! Только забвения!» — неточная цитата из ст-ния М.Лохвицкой «Что ищем мы в бальном сиянии...» (1893), у автора: «Забвения, только забвения, // Мы ищем в мечтаньях своих!» (Лохвица-к а я (Жибер) М.А. Стихотворения. М., 1896. С. 72).

Стр. 137

«...*car nos qualités sont encore...*» и т.д. — Герой романа Освальд, лорд Нельвилль, задумавшись о характере своего случайного спутника, размышляет: «Его легкомысленное существование, может быть, находится в большей гармонии с быстро несущейся вперед жизнью, чем мое? И не нужно ли избегать размышлений, как врага, вместо того чтобы отдавать им всю свою душу? Впрочем, Освальд ничего не выиграл бы, если бы даже ему удалось разъяснить себе эти сомнения: никто не может изменить течения своей духовной жизни и нравственных интересов, предопределенных ему, и, притом, бороться со своими достоинствами труднее, чем со своими недостатками» (Коринна, 14).

«...*сплошной фейерверк, вроде Брамбиллы*». — «Принцесса Брамбилла. Каприччио Камерного театра по Гофману» — так назвал А. Таиров свой спектакль, поставленный в 1919 г.

«На фоне римского карнавала разыгрывалась драма двух любовников, влюбленных в мечту, — актера Джилио Фава и швеи Гиацинты. В стремительном ритме тарантеллы и сальтареллы, ритме, который Таиров положил в основу спектакля, шла бешеная погоня за призрака-

ми. Герои меняли лики и личины, чтобы, пройдя через все перипетии, отречься от бесплодных фантазий и заново полюбить милую, прекрасную реальность. Стремительно проносились бесчисленные персонажи карнавала. В ироническом контрасте вымысел смешивался с действительностью. Танцы, интермедии, забавные пантомимы, дуэли, трагикомические похороны, шуточные процессии пронизывали основное действие» (К о н е н А. Страницы жизни. М.: Искусство, 1975. С. 257).

Стр. 139

Сведенборг Эмануэль (1688–1772) – шведский математик, астроном и теософ.

Стр. 140

«Сегодня получила заказ...» и т.д. – Этот перевод не был выполнен.
Софийка – улица в Москве в районе Лубянки и Неглинной (временное название – Пушечная ул.).

Стр. 141

«*Je suis faite pour être heureuse, mais...*» – В романе это фраза Коринны из ее объяснения с Освальдом. – «Замолчите, перебила его Коринна, – вы совершенно не знаете меня. Из всех душевных способностей, данных мне природой, у меня наиболее сильно развита способность страдать. Я рождена для счастья; по натуре я очень доверчива и обладаю пылким воображением, но вместе с тем знайте, что если мне придется страдать, то страдания мои будут настолько глубоки и сильны, что я рада буду, если смерть или потеря рассудка освободят меня от них» (К о р и н н а, 121).

Стр. 142

«*Чувствую, что стихи Байрона...*» – Имеется в виду стихотворение «*Euthanasia*» (1812) в переводе И.И. Гольц-Миллера и, в частности, его шестая строфа:

Но тщетно! красота уходит поневоле,
По мере как бежит дыхание от нас,
И слезы женщины, текущие по воле,
Лгут в жизни и дарят бессильем в смертный час.

В БТ-2, между «Песенками из Ученика», чужим почерком, карандашом записан текст этого стихотворения (с неточностями, без 8-й, предпоследней, строфы); возможно, это автограф И.Н. Худолеева, поскольку стихотворение явно записано по памяти.

Стр. 143

Marceline Debordes-Valmore – Марселине Деборд-Вальмор (1786–1859) в ВФ посвящено ст-ние «В зеркале книги М. Д.-В.».

«*Domination*» – роман А. де Ноай (1904).

Д' Аннуцио Габриеле (1863–1938) – итальянский писатель-декадент.

Стр. 146

«*Ничего не можем даром...*» – из ст-ния «Бальмонту» (ноябрь 1919).

Стр. 147–150

Юбилей Бальмонта. – В журнальной публикации (Своими путями. Прага. 1925. № 5) эта дневниковая запись датирована 14 мая (ст.ст.) 1920 г.

Стр. 147

Инамэ. – Имеется в виду японская поэтесса Инамэ Ямагата. Сохранился ее портрет работы Н.Н. Вышеславцева (см. С а к я н ц А. Спасибо вам! С. 463). В книге «Дар земле» (Париж: Русская земля, 1921), в цикле «Имена» Бальмонт напечатал ст-ние «Инамэ», возможно, что именно его он читал в ответ на ее приветствие.

Пять легких звуков, Инамэ,
Во мне поют светло и звонко.
Махровой вишни, в полутьме,
Мне лепесток дала Японка,
И расцвела весна в зиме.

Один единый лепесток
Она мне молча подарила.
Но в нем любовь на долгий срок,
Завладевающая сила,
Неисчерпаемый намек.

На жемчуг – жемчуг по тесьме,
И расцвела нам хризантема
В снежисто-месячной чалме.
Люблю тебя. Твой лик поэма.
Цветок вулкана, Инамэ.

Magister Tinte – учитель Тинте (нем.), персонаж сказки Гофмана «Неизвестное дитя» (2^о том «Серрапионовых братьев»), приводим его дословный портрет: «Дети, онемев от изумления, смотрели на учителя, не двигаясь с места. Да и точно, было чему удивиться! Ростом чело-

век был чуть выше Феликса <Феликс и Христлиба – дети, герои сказки>. Огромный круглый живот покоился на двух тоненьких, как у паука, ножках; безобразная, четырехугольная голова и уродливое лицо казались еще ужаснее от темно-красного цвета щек и длинного, тонкого носа. Маленькие серые глаза смотрели неприветливо и зло. На учителе были надеты огромный черный парик и нелепое черное платье. Звали учителя господин Тинте» (Го ф м а н Э. Т. А. Полн. собр. соч. / Пер. под ред. З.А. Вершининой. Т. 2. М.: Недра, 1929. С. 152).

Стр. 148

«Я никогда не был поэтом рабочих, – не пришлось...» и т. д. – Сходные высказывания в кн.: Б а л ь м о н т К. Революционер я или нет. М.: Верфь, 1918.

Стр. 149

Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951) – русский дирижер, контрабасист-виртуоз.

Мейчик Марк Наумович (1880–1950) – пианист.

Эйгес Константин Романович (1875–1950) – композитор, пианист, педагог.

Доберт Полина Жильбертовна (1879–1968) – певица, в 1919–1922 гг. профессор Московской консерватории.

Бутягина Варвара Александровна (1891–?) – член Всероссийского союза поэтов, в 1919 г. одна из основательниц кружка «Литературный особняк».

Рубинчик Агнесса Давыдовна (1895–?) – артистка, чтица.

Стр. 150

Бальмонт Нина Константиновна (в замуж. Бруни) (1901–1989).

«...только крупный пёс». – Из ст-ния Бальмонта «Мои звери» (из книги «Только любовь», 1903):

Мой зверь – не лев, излюбленный толпою, –
Мне кажется, что он лишь крупный пёс».

«брат Володечки». – У В.А. Алексеева было три брата: Сергей (1889 г.р.), Георгий (1890 г.р.) и Николай (1894 г.р.). По всей вероятности, речь идет о первом из них, демобилизованном по контузии; второй был человек семейный, а третий служил в это время в Красной армии.

Стр. 152

M-me Roland – Манон Ролан де ла Платьер (1754–1793), по определению Ламартина, «душа Жиронды», погибла на эшафоте.

Стр. 154

«*Все церкви нежные поют на голос свой...*» — Из ст-ния О. Мандельштама «В разноголосице девического хора...» (1916), обращенно-го к Цветаевой.

Стр. 157

Лаокоон. — Имеется в виду скульптурная группа родосских мастеров, изображающая троянского жреца Аполлона Лаокоона с сыновьями, которых душат змеи.

«...на ласковой земле...» — из ст-ния «Уж сколько их упало в эту бездну...» (1913).

«...на землю нежную...» — из ст-ния 3-го цикла «Вичеславу Иванову» (1920).

Стр. 161

«... *еще и danse à merveille...*» и т.д. — Вольный пересказ первых страниц романа, когда Освальд в ожидании колесницы Коринны, которая должна провезти ее по улицам Рима до Капитолия, где ее увенчают лаврами, прогуливается по улицам. — «На каждом шагу слышалось ее имя, каждый старался рассказать об ней что-нибудь новое в доказательство того, что в ней соединены все таланты, пленяющие воображение. Один говорил, что ее голос самый нежный в Италии; другой — что никто не играет так трагедий, как она; третий — что она танцует, как сильфида, и рисует прекрасные по замыслу и исполнению картины; и все единодушно сходились на том, что никто до нее никогда не писал таких чудных стихов, и что в обычном разговоре она поражает одновременно и изяществом речи, и чарующим красноречием», — и уже на Капитолии: «Коринна велела принести себе лиру, излюбленный ею инструмент, очень напоминающий арфу, но более древний по форме и менее сложный для игры» (К о р и н н а, 30–31, 42).

Стр. 162

Грёз Жан Батист (1725–1805) — французский живописец.

Морис, граф Саксонский (1696–1750) — маршал Франции, внебрачный сын Саксонского курфюрста Фридриха Августа и Авроры де Кёнигсмарк; был возлюбленным известных женщин эпохи, в их числе и Адриенны Лекуврёр; прадед Ж. Санд.

Стр. 163

«*Aus meinen grossen Leiden...*» — начальные строки ст-ния Г.Гейне из раздела «Лирическое интермеццо» сборника «Книга песен» (1827); у Гейне:

Aus meinen grossen Schmerzen
Mach'ich die kleinen Lieder.

(Из моей великой боли // Я создаю маленькие песенки).

Стр. 166

Штраусы – династия австрийских композиторов. Иоганн Штраус-отец (1804–1849) – скрипач, дирижер, создатель венского вальса; его сыновья – Иоганн, Йозеф и Эдуард тоже были музыкантами и сочиняли танцевальную музыку. Из них наиболее прославился Иоганн Штраус-сын (1825–1899) – скрипач, дирижер, композитор, автор классических венских вальсов «На прекрасном голубом Дунае», «Сказки Венского леса», «Весенние голоса» и мн. др., а также оперетт «Летучая мышь», «Цыганский барон» и др.

Стр. 169

Степан Трофимович Верховенский – герой романа Достоевского «Бесы» (1871–1872).

«Она же хотела быть вторым Ницше, кончить *Заратустру*». – В книге «Королевские размышления» (М., 1914) А.Цветаева писала: «Сейчас у меня возник дерзкий замысел: написать пятую часть *Заратустры*. Его заход. <...>

Я хотела бы пятую часть *Заратустры* наполнить «вечным возвратом». Это была бы поэзия бездны, в которой вечный блеск звезд, и вечный шум весенней листвы, и вечная человеческая мысль. Последняя любовь. Последний блеск. Последний пафос. А шестая часть должна была бы быть более чем краткой: два слова о бездне, без звезд, без весны, той бездне, куда «уйдя, я не смогу даже слушать, как там тихо и не смогу сознавать, что нет ничего» (АИЦ, 18–19. Запись датирована: «Июль 1914. Отузы».).

Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1865–1907) – писательница, вторая жена В.И. Иванова. «*Трагический зверинец*» (1907) – книга рассказов о детстве и отрочестве.

Стр. 170

«*Die Lust zum Fabulieren*». – Из «Кротких Ксениев» Гёте:

Vom Fater hab ich die Statur,
des Lebens ernstes Führen,
von Mütterchen die Frohnatur
und Lust zu fabulieren.

(В отца пошел суровый мой
 Уклад, телосложение;
 В мамашу нрав всегда живой
 И к рассказням влечение.

Пер. Д.Недовича. Г ё т е И. В. Собр. соч. В 13 т. Т.1. М.—Л., 1932. С. 518).

Стр. 171

«Целый город упал на человека, — вот Петербург...» — Цветаева говорит о романе А.Белого «Петербург» (1913—1914).

Стр. 179

«Чудесное дитя из сказки Гофмана. (*Das fremde Kind*)». — Персонаж сказки «Неизвестное дитя» (см. примеч. к стр. 147) — волшебное существо, преобразившее мир.

Стр. 180

«Ваш сын?» — Имеется в виду Дмитрий Вячеславович Иванов (р.1912), сын В.И. Иванова и В.К. Шварсалон.

Стр. 181

Луcreций — Тит Луcreций Кар (1 в. до н.э.), римский поэт и философ, автор дидактической поэмы «О природе вещей».

Стр. 183

«Словно теплая слеза...» — В БТ-2 записано без даты. Следующим записано ст-ние «Заря пылала, догорая...» с датой «Июнь 1920 г.».

Стр. 190

«Сказка Андерсена «Мать». — В современных изданиях «История одной матери».

Стр. 192

«Так, выбившись из страстной колеи...» — В БТ-2 записано с датой «3-го ст.ст. июня 1920 г.», с вар. последней строки: «Ты, день, когда скажу: — «не до стихов!»

Стр. 193

«Я, выношенная во чреве...» — ст-ние «И что тому — костер остывший...» в БТ-2 вписано ранее предыдущего, датировано «31-го мая ст.ст. 1920 г.».

«...— Так... скомбинировать...». — Несмотря на издательский контекст просьбы она, вероятно, была реальна и основана на художествен-

ной практике Н.Н. Вышеславцева. Так, А.Б. Гольденвейзер, вспоминая в дневнике о маленькой девочке своих соседей, умершей летом 1925 г., о ее похоронах, записывает: «Как я жалел, что не взял с собой Вышеславцева. Он с его талантом и удивительной чуткостью сохранил бы нам этот чудесный образ невыразимой красоты — исчезнувший теперь навеки...» (Гольденвейзер А.Б. Дневник. С. 77).

«Говорила ему что-то о Будде, что читала вчера его жизнь...» — Возможно, Цветаева читала поэму Асвагоши (I в.н.э.) «Жизнь Будды», которую перевел (с английского, подлинник на санскрите) К.Д. Бальмонт (М., 1913).

Марк Аврелий (121—180) — римский император из династии Антонинов, автор книги философских афоризмов и размышлений «Наедине с собой».

Стр. 196

«(отец был пажом Александра II, мать — княжна Бернацкая)». — Родители матери Цветаевой — Александр Данилович Мейн (1836—1899) и Мария Лукинична Бернацкая (1840—1868). Об их «пажестве» и «княжестве» достоверных сведений у нас нет.

Стр. 197

Татьяна Федоровна Скрябина (урожд. Шлёцер, 1883—1922) — пианистка, вторая жена А.Н. Скрябина.

Стр. 200

«Девчонке самой легконогой...» — из ст-ния «Заря пылала, догоя...», в БТ-2 датированного «Июнь 1920 г.».

Стр. 201

«Так, видоизменяя несколько фразу Вольтера о Боге...» — Вероятно, имеются в виду слова «Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer» («Если бы Бога не было, его следовало бы выдумать»), хотя в уподоблении Цветаевой смысл этих слов, на наш взгляд, не «несколько», а сильно «видоизменен».

Эсмеральда — героиня романа В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831).

Стр. 205

«Отдала в Госуд<арственное> И<здательст>во две книги...» — ЮС и VI, см. примеч. к стр. 125.

«Познакомилась с...женой Марьянова». — Вероятно, речь идет о Мальвине Мироновне Марьяновой (1896—1972), в то время жены Да-

вида Иоанновича Марьянова, заведующего литературно-художественным отделом кинокомитета; она жила по соседству с Цветаевой — на М. Молчановке и устраивала у себя «литературные четверги»; возможно, она упоминается в «Герое труда» (гл. «Вечер поэтесс»).

Стр. 206

«Розанов умирал под платом св. Сергия...» и т.д. — В.В. Розанов умер в Сергиевом Посаде под Москвой, куда он с семьей переехал в сентябре 1917 г., в присутствии жены и дочерей — Татьяны и Надежды. Т.В. Розанова вспоминает о его кончине:

«В ночь с 22-го на 23 января 1919 г. старого стиля — 5-го февраля нового стиля — отцу стало совсем плохо. Надя осталась с ним ночевать и прилегла рядом. Я вошла в его комнату и увидела, что у него уже закатились глаза. Тогда я сказала Наде, — «беги за священником». Надя побежала к Флоренским, но не могла к нему достучаться; тогда она побежала в Рождественский переулок к отцу Александру. Он тотчас же пришел, но отец уже говорить не мог и ему дали глухую исповедь и причастили. Это была среда.

Рано утром в четверг пришли П.А. Флоренский, Софья Владимировна Олсуфьева и С.Н. Дурылин. Мама, Надя и я, а также все остальные стояли у папиной постели. Софья Владимировна принесла от раки преподобного Сергия плат и положила ему на голову. Он тихо стал отходить, не метался, не стонал. Софья Владимировна стала на колени и начала читать отходную молитву, в это время отец как-то зажмурился и горько улыбнулся — точно видел смерть и испытал что-то горькое, а затем трижды спокойно вздохнул, по лицу разлилась удивительная улыбка, какое-то прямо сияние, и он испустил дух. Было около двенадцати часов дня, четверг, 23 января старого стиля. Павел Александрович Флоренский вторично прочитал отходную молитву, в третий раз — я» (Р о з а н о в а Т. «Будьте светлы духом»: (Воспоминания о В.В. Розанове) М.: Blue Apple, 1999. С. 100).

Стр. 208

Мара — Марина Александровна Скрябина (1911–1998), младшая дочь Т.Ф. и А.Н. Скрябиных.

Стр. 210

M-me de Sévigné — Мария де Рабютен-Шанталь, маркиза Севинье (1626–1696) — французская писательница, автор известного литературного памятника эпохи — писем к своей дочери, графине де Гриньян.

Стр. 212–215

«Пишу чудесные стихи...» и т.д. — Следующие далее строчки, кроме двух последних, вписаны в БТ-2.

Стр. 216

«Рассказ Б<альмон> та о Vache...» и т.д. — Vache — корова (фр.), обидная кличка полицейских. Подразумевается известный в мемуарной литературе эпизод. Бальмонт шел в Париже с Е.К. Цветковской и увидел, что у нее раскрылась сумочка. «Ваш сак!» — сказал он ей, проходя мимо полицейского, а тот услышал: «Vache sale» (грязная корова) — и Бальмонта привлекли к суду за оскорбление полиции.

Стр. 217

«Из моих стихов — формула...» — Из строчки «Уравнены: как да и нет...», в БТ-2 вписанного без даты, после 15 июня ст.ст. 1920 г.

«Царь-Девница» — поэма-сказка (1920), впервые издана: М.: ГИЗ, 1922.

Бебутов Валерий Михайлович (1885–1961) — режиссер; окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, в 1912–1917 г. работал в МХТ, в 1918 г. был сорежиссером спектакля «Буря» Шекспира в Театре художественно-просветительского союза рабочих организаций, — видимо, по его просьбе для этого спектакля Цветаева сделала перевод песни «Капитан, пушкарь и боцман...»; в 1919 г. совместно с В.Э. Мейерхольдом организовал 1 Театр РСФСР и привлек к его работе Цветаеву, в частности поручив ей перевод пьесы П. Клоделя «Златоглав». Из этого сотрудничества, кроме взаимного недовольствия, ничего не получилось. (См. письма М. Цветаевой, В. Мейерхольда и В. Бебутова: В е с т н и к т е а т р а, 1921. № 83/84. 22 февраля).

Стр. 218

«Так, распирая ребра узкие...» — В БТ-2 не вписано.

Стр. 219

Волькенштейн Владимир Михайлович (1883–1974) — поэт, драматург, теоретик театра.

Зина Милиоти — Зинаида Васильевна Милиоти (р.1911).

Стр. 221

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — генерал-лейтенант русской армии; с апреля 1920 г. главнокомандующий «Вооруженных сил Юга России».

«Теперь им чешутся Наяды!» — из басни И.А. Крылова «Гребень» (1818-1819).

Стр. 222

Брестский мир — мирный договор между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией был заключен 3 марта 1918 г. и обеспечил Советской России выход из Первой мировой войны.

Стр. 223

Шер-Хан — персонаж книги Р. Киплинга «Книга Джунглей» (1894). «*Димитрий*» — имеется в виду Лжедимитрий I. Пьесу о нем Цветаева не написала.

Ланн (наст. фам. Лозман) Евгений Львович (1896–1958) — переводчик, писатель. В ноябре 1920 г. приехал в Москву из Харькова.

«*Белая стая*» — третья книга стихов А. Ахматовой (1917).

Стр. 224

«*Конец "Роланда"*». — Цветаева цитирует заключительные строки стиха Е. Ланна. Его текст записан автором в БТ-2 с датой: «Коктебель. Октябрь 1919 г. — Москва. Декабрь 1920 г.». В БТ-2 на обороте титульного листа и на последней странице записаны рукой Е. Ланна отдельные строки его стиха «*Роланд*», «*Последняя ночь в монастыре*», «*Слово*», «*Итоги*», «*О живых*», «*Савонарола*», «*Quo?*», «*Paganini motiv*».

Стр. 226

ТЕО — Театральный Отдел Наркомпроса. Цветаева, вероятно, с лета 1920 г. была членом ТЕО, которым тогда заведовал В.Э. Мейерхольд. В декабре 1920 г. в помещении ТЕО на Неглинной, 9, ее встречал П. Марков: «Существовала секция детского театра, в которой состояли поэты Ада Чумаченко, Марина Цветаева и Илья Эренбург, еще совсем молодые. Марина Цветаева, и тогда колючая, какая-то неустроенная, по-моему не очень была полна пафосом театра» (Марков П. Книга воспоминаний. М.: Искусство, 1983. С. 104).

Гольды. — О ком идет речь, в точности установить не удалось. Известно, что в те годы в Москве жил художник Хаим Борисович Гольд, а также некий Гольд был членом кружка «Литературный особняк».

Стр. 228

«*Жена — по моему впечатлению — смертная*». — Женой Е.Л. Ланна была Александра Владимировна Кривцова (1896–1958), переводчица.

Д.А. — Дмитрий Александрович Магеровский (1894–1939), левый эсер, профессор государственного права.

Месхиева — Варвара Владимировна Алексеева-Месхиева (1898—1973), актриса Московского драматического театра Суходольских в саду Эрмитаж (1916—1918).

Малиновская. — С 1918 г. московскими государственными театрами управляла известная русская общественная деятельница (до революции она организовала Народный дом в Нижнем Новгороде) Елена Константиновна Малиновская (1875—1942). В детском подотделе ТЕО Наркомпроса служила в те годы Софья Александровна Малиновская.

«...как наполеоновского маршала». — Цветаева имеет в виду Жана Ланна (1769—1809), маршала Франции.

Стр. 230

«*Коненковский Паганини...*» — Существует три скульптурных портрета Паганини работы С.Т. Коненкова: 1906 г., 1908 г. и 1916 г. Все они воспроизведены в монографии: К а м е н с к и й А. Коненков. М.: Искусство, 1975.

Стр. 234

«*Те стихи Вам...*» — «Я знаю эту бархатную брэнность...» (19 ноября 1920 г.), «Не называй меня никому..» (25 ноября 1920 г.), « — Прощай! — Как плещет через край...» (25 ноября 1920 г.) — ст-ния, написанные во время пребывания Е.Ланна в Москве. В БТ-2 вписано только первое из них с датой «Ноябрь 1920 г.».

Спасоболвановский переулоч, 1-й и 2-й (ныне Новокузнецкие, 1-й и 2-й) в Замоскворечье. Название по имени церкви Спаса Преображения, что на Болвановке.

Стр. 235

«*Кончила те стихи, над мертвым*». — «— Он тебе не муж? — Нет», последнее ст-ние БТ-2, дата «Конец ноября 1920 г.».

Потебня Александр Афанасьевич (1835—1891) — украинский и русский филолог-славист.

Стр. 237

Вальсингам — герой «Пира во время Чумы» Пушкина.

«*Кризис слова*». — Аннонсированная издательством, но не вышедшая книга. Названием «На перевале» А. Белый объединил три книги своего «дневника мыслей»: «Кризис жизни» (1918), «Кризис мысли» (1918) и «Кризис культуры» (1920), вышедшие в петербургском издательстве «Алконост».

Стр. 239

Шиллингер Иосиф Моисеевич (1895–1943) – композитор, педагог, преподавал в Харьковской консерватории, в 1929 г. эмигрировал в США.

Стр. 240

«*Красный Конь*» – поэма «На Красном коне» (1921).

«*Большевик*». – Речь идет о Борисе Александровиче Бессарабове (1897–1970), которому посвящены дальнейшие записи. Он стал прототипом незавершенной поэмы Цветаевой «Егорушка» (1921–1928). Б.А.Бессарабов был родом из Воронежа, где окончил гимназию и художественное училище.

Стр. 241

«*Нет, своего к тебе пристрастья...*». – У Тютчева: «Нет, моего к тебе пристрастья // Я скрыть не в силах, мать-Земля!» (1830-е гг).

Стр. 242

«*Весенний Салон Поэтов*» (М.: Зерна, 1918). В нем были напечатаны ст-ния Цветаевой: «Настанет день – печальный, говорят!..» (1916), «Идешь на меня похожий...» (1913) и цикл из трех ст-ний «Москве» (1917).

Стр. 246

«*Вечер был – сверкали звезды...*» – первая строка хрестоматийного ст-ния Карла Александровича Петерсона (1811–1890) «Сирота» (1843).

«*Halb zog sie ihn, halb sank er hin...*» – последние строки баллады Гёте «Рыбак» (1778): «Она влечет, – он к ней идет, – // И не вернулся он» (пер. К.С.Аксакова, 1838).

Стр. 249

«*Прабабушка Скрябиных*». – Вероятно, Аля имеет в виду тетюшку А.Н.Скрябина, вырастившую его, – Любовь Александровну Скрябину.

Стр. 251

«*Москва! Какой огромный...*» – из цикла «Стихи о Москве» (1916).

Стр. 252

Игумнов Константин Николаевич (1873–1948) – русский пианист, профессор Московской консерватории.

Стр. 253

«*Восторг перерос вселенную!*» – Цитата не найдена.

Стр. 255

«Седое утро» — сборник лирики А. Блока (Пб.: Алконост, 1926).

«Сборник автографов» — Автографы. М, 1921. В нем помещено стихотворение «Ох, грибок ты мой грибочек белый груздь...».

Стр. 257–260

Письмо С.Я. Эфрону. См.: *Семья, 282–284*. По-видимому, это письмо он увез за границу И.Г. Эренбург, уехавший в Ригу 21 (22?) марта 1921 г. Поиски С.Я. Эфрона он смог предпринять лишь в июне 1921 г., и 14 июля 1921 г. Цветаева получила письмо от мужа из Праги.

Стр. 260

Перевязь — широкий ремень или полоса ткани, носимая через плечо; имела также практическое назначение — для ношения сабли, планшета, патронной сумки.

Стр. 261–262

Адалис (наст. фам. *Ефрон*) *Аделина Ефимовна* (1900–1969) — поэтесса, переводчица.

Стр. 262

РОСТА — Российское Телеграфное Агентство, центральный государственный орган информации в 1918–1925 гг. «Окна сатиры РОСТА» — агитационные плакаты, рисованные по трафарету, вывешивались на улицах в 1919–1921 гг.

ФРАГМЕНТ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 9

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 47.

Листок из записной книжки 1922 г. (16x10). Запись простым карандашом. Часть текста обрезана при извлечении листка из книжки.

Стр. 266

Берлин. — Цветаева с дочерью приехала в Берлин 15 мая 1922 г. и остановилась в пансионе на Прагерплац, где жил И.Г. Эренбург с женой. В тот же день Эренбург писал: «Прилетел Есенин с Дункан (в России прозвана «Дунька-коммунистка»). Изумительный. <...> Приехала Марина Цветаева с дочкой. Живут у нас. Толкотня. Гам. Рассказы. Стихи. <...>» (П о п о в В., Ф р е з и н с к и й Б. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества. Т. 1. СПб., 1993. С.255).

19 мая. — В пятницу 19 мая 1922 г. состоялось очередное заседание берлинского «Дома Искусств». В газетной хронике отмечено: «На пят-

ничном заседании выступали А.Б. Кусиков и недавно приехавшая из России М.И. Цветаева. <...> Публика тщетно ожидала появления С.А. Есенина и разошлась с чувством легкого разочарования» (Накануне. 1922. 23 мая; цит. по: Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург. С. 256).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 10

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 48.

Часть черновой записной книжки 1923 г. в черном коленкоровом переплете (16x10), в клетку. Около половины книжки оторвана вместе с крышкой переплета. Архивная нумерация с л. 1 по л. 36. Исписана с двух сторон, середина не заполнена. Записи фиолетовыми чернилами и простым карандашом. С начала и с конца несколько страниц заполнены А.С. Эфрон записями по древней истории.

Содержит первоначальные наброски прозы: «Мои службы», «О благодарности», «О Германии», «Отрывки из книги «Земные приметы», «Повесть о Сонечке». Часть записей под заглавием «Запоздалые записи весны 1923 г. (пастернаковской)» переписаны Цветаевой в первую сводную тетрадь (см. СТ, 231–240).

Стр. 269

Ганек Франтишек – чешский литератор, переводчик.

Стр. 270–272

«...это национальности возвращаются, отобедав...» и т.д. – Первоначальный набросок фрагмента «Моих служб».

Стр. 270

Иванов Иван Александрович – заведующий «русского стола».

Z – так обозначен заведующий Информационным отделом Наркомнаца в 1918–1920 гг. Вацлав Александрович Миллер (1887–1939). Подробнее о службе Цветаевой см.: Б е л я е в Д. А. Документы о службе М.И. Цветаевой в советских учреждениях в 1918–1919 гг. // Советские архивы. 1989. № 1. С. 86–90. Оба сослуживца Цветаевой атрибутированы по этой публикации.

Стр. 271

«*Espère, enfant, demain!*...» – Цветаева точно цитирует первую строфу стихотворения Виктора Гюго «*Espoir en Dieu*» («Надежда на Бога», 1834) из его книги «*Les chants du crépuscule*» («Песни сумерек», 1835).

«*A une jeune fille qui avait raconté son rêve*». — Далее Цветаева неточно цитирует первую и последнюю (шестую) строфы этого стихотворения Ламартина (1847).

У Ламартина:

Un baiser sur mon front! un baiser, même en rêve!
 Mais de mon front pensif le frais baiser s'enfuit;
 Mais de mes jours taris l'été n'a plus de sève;
 Mais l'Aurore jamais n'embrassera la Nuit.

. . .

Fatale vision! Tout mon être frissonne.
 On dirait que mon sang veut remonter son cours.
 Enfant, ne dites plus vos rêves à personne,
 Et ne rêvez jamais, ou bien rêvez toujours! *

(L a m a r t i n e A. de. *Nouvelles Méditations poétiques avec commentaires*. Paris, Hachette et Cie éditeurs, 1910. P. 189-190).

Стр. 272—273

«*Спас на Бору, Нечаянная Радость...*» и т.д. — Фрагмент, посвященный пребыванию О. Мандельштама в Москве в марте 1916 г.

Стр. 276

«*Для тех...*» и т.д. — Первоначальные наброски стихотворений «Эвридика — Орфею» (23 марта 1923 г.) и «Голубиная купель...» (21 марта 1923 г.).

Стр. 277

«*Весна наводит сон. — Уснем!...*» и т.д. — Первоначальные наброски стихотворения 9 цикла «Провода» (5 апреля 1923 г.).

Стр. 283

«*Поразительная легкость в мысли*!» — Ср. самохарактеристику Хлестакова: «...И тут же в один вечер, кажется, всё написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях».

* Поцелуй только в лоб! поцелуй лишь во сне!

Но от моего задумчивого лба отлетает прохладный поцелуй;
 Но в моих засушливых летних днях нет больше весенних соков;
 Но Аврора никогда не обнимет Ночь.

. . .

Роковая мечта! Я весь дрожу.
 Словно кровь моя возобновила свой ток.
 Дитя, не рассказывайте больше своих снов никому,
 И не видите их никогда, или видите наяву! (фр.)

Стр. 284

Доклад, а точнее публичная лекция немецкого философа, основателя и главы международного антропософского общества *Рудольфа Штейнера* (1861–1925) называлась «Die Menschenentwicklung und Menschenerziehung im Lichte der Antroposophie» («Развитие и воспитание человека в свете антропософии») и состоялась 30 апреля 1923 г. в помещении Пражской товарной биржи.

Стр. 286

Остров Патмос был местом изгнания апостола Иоанна Богослова. Там ему было видение о конце света, о котором он поведал в «Апокалипсисе».

Platon u Platen. — Цветаева сближает эти два имени не только по созвучию, а, как следует из ее ремарки в сводной тетради (СТ, 236), потому, что как в диалогах первого, так и в поэзии второго присутствует тема гомоэротической любви.

Стр. 289

«*M-me Rol<and> у под<ножья > эшафа<та>.*» — В «Повести о двух городах» Ч. Диккенса о госпоже Ролан рассказывается: «Одна из самых известных жертв гильотины этого времени, женщина, у подножья того же эшафота попросила разрешения записать осеневшие ее мысли». Ламартин в своей «Истории жирондистов» об этой просьбе госпожи Ролан не упоминает, но рассказывает о другой. Ее везли на эшафот в одной тележке с Ламаршем — большим стариком, бывшим директором фабрики ассигнаций. Он плакал. Она утешала его, ей удалось даже развлечь его и заставить улыбнуться. Госпожа Ролан попросила, чтобы ее казнили после Ламарша, ибо ее казнь у него на глазах лишит его остатков твердости. Палач уступил ее просьбе. (Ламартин. Т. 4. С. 9).

Стр. 293

Екатерина Исааковна Еленева (урожд. Альтшуллер, 1897–1982) — знакомая Цветаевой, сестра Григория Исааковича Альтшуллера (1895–1983), пражского студента-медика, принимавшего сына Цветаевой, и жена Николая Артемьевича Еленева (1894–1967), историка, искусствоведа, автора очерка «Кем была Марина Цветаева?» (*Воспоминания о Цветаевой*, 257–274). Впоследствии собрала большой архив прижизненных публикаций Цветаевой и материалов о ней. (См.: А л ь т ш у л л е р М. Материалы о Марине Цветаевой в архиве Е.И. Альтшуллер-Еленевой // Новый журнал. 1999. Кн. 215. С. 253–282).

Frau Igumnova – Анна Михайловна Игумнова (урожд. Герценштейн, в первом браке Левицкая, ок.1888–ок. 1986) – знакомая Цветаевой (подробнее о ней см. СТ, 337).

Стр. 295

«Стройный, вытянутый в струнку...» и т.д. – Насколько нам известно, это самый первый набросок к будущей «Повести о Сонечке» (1937).

Стр. 296

«Да снимите вы свою холку!» – Цветаева, видимо, считала «холку» и «чолку» синонимами.

Стр. 297

W<eisser> H<irsch> – см. т. I, с. 358, 359, 519.

Стр. 299

Krupp Фридрих (1787–1826) – основатель металлургического и машиностроительного концерна в Германии (1810), благодаря которому усилилась ее военная мощь.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 11

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 49.

Черновая записная книжка в черном коленкором переплете (16x10), в клетку. Архивная нумерация с л. 1 по л. 37. Заполнена приблизительно половиной книжки. Исписана с двух сторон, середина большей частью не заполнена. Записи черными и фиолетовыми чернилами, простым и коричневым карандашом.

Большая часть записей под заглавиями «(Из черной записной книжки. Прага, Октябрь–ноябрь)», «Маленькая записная черная. Прага. Октябрь–ноябрь 1923 г.», «(Опять черная клеенчатая записная)» переписана Цветаевой во вторую сводную тетрадь (СТ, 247–252, 255–265, 267–268).

Стр. 303–307

Записи относятся к началу работы Цветаевой над задуманной трилогией «Гнев Афродиты» («Ариадна», «Федра», «Елена»), посвященной судьбе древнегреческого героя *Тезея*.

Написаны были только две части: «Ариадна» (1923) и «Федра» (1927).

Стр. 307

Согласно помете Цветаевой в сводной тетради (СТ, 247), адресатом этого и последующих писем был герой ее пражских поэм Константин Болеславович Родзевич (1895–1988).

Стр. 308

«*Ни Г., ни Минос, ни Ап<остол> Пав<ел> не помогли*». — Первое имя расшифровано по тексту оригинала письма, это Гёте.

Стр. 310–311

«*Я благодарна поэт<ам>*». — Цветаева цитирует первую и последнюю (четвертую) строфы ст-ния Поля Верлена из его книги «Sagesse» («Мудрость», 1881).

Стр. 315

«*Слушать Сл<онима> об Анне Ахм<атов>ой...*» — Сведений об этом докладе обнаружить не удалось.

Стр. 317

«*Два письма Юлии*». — В ноябре 1923 г. Цветаева жила у сестер Рейтлингер — Юлии Николаевны (1898–1988), художницы-иконописицы, и Екатерины Николаевны (в замуж. Кист, 1901–1989), в то время пражских студенток.

«*О Ненависть, молю, пребудь на страже...*» — Цветаева неточно цитирует последнюю строфу ст-ния И.Эренбурга «Не сумерек боюсь — такого света...» из книги «Опустошающая любовь» (1922).

Стр. 318

«*(Видероль, после минутного раздумия...)*» и т.д. — Видероль — персонаж пьесы Цветаевой «Феникс», поэт. Записи — варианты ремарки, вводящей чтение Видеролем своего ст-ния в форме рондо; вероятно, в ноябре–декабре 1923 г. Цветаева готовила рукопись пьесы для публикации (опубл.: В о л я Р о с с и и. 1924. № 8–9.)

«*Перст — в рану Фомы*». — Строка стала финальной в ст-нии «Двух — жарче меха! рук — жарче пуха!» (1940).

Стр. 321

«*Были и не застали...*» и т.д. — Согласно помете Цветаевой в сводной тетради (СТ, 267), это текст записки, оставленной Владиславу Фелициановичу Ходасевичу (1886–1939). *Кубка Франтишек* (1894–1969) — чешский писатель и переводчик, автор воспоминаний «Грустный романс о Марине Цветаевой» (*Воспоминания о Цветаевой, 353–361*), в котором упоминается о свидании с Цветаевой и Ходасевичем.

Стр. 322

Александр Александрович Туринцев (1896–1984) — в то время пражский студент и начинающий поэт, впоследствии священник.

Стр. 323

«*Мне уже говорили, что Белый едет сюда...*» и т.д. — В очерке «Пленный дух» (1934) Цветаева пишет, что узнала о намерении Андрея Белого приехать из Берлина в Прагу не по слухам и не из газет, а из его письма к ней в ноябре 1923 г., фрагмент которого она цитирует в очерке.

«*1) состав семьи...*» и т.д. — Пункты анкеты, которую заполняли русские эмигранты в Чехословакии для получения правительственного денежного пособия.

Стр. 324

«*Русский Дом*» — так назывался дом в Праге (Panská, 16), где находился пражский Земгор и устраивались вечера русской культуры; в этом же здании помещался и ресторан «Русский Дом».

«*стр. 8 Сокол...*» и т.д. — По-видимому, это постраничный перечень корректурных поправок к машинописи или гранкам поэмы «Молодец» (Ц в е т а е в а М. Молодец. Сказка. Прага: Пламя, 1924).

Стр. 325

Людвиг Преллер (1809–1861) во втором томе своей неоднократно переиздававшейся «Греческой мифологии» подробно излагает сказания о древнегреческих героях.

Стр. 326

Шингарев Владимир Андреевич (ок. 1895–после 1935), пражский знакомый Цветаевой.

ФРАГМЕНТ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 12

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 50.

Листок из записной книжки 1925 г. (10,5х6,5). Записи черными чернилами и простым карандашом.

Стр. 329

«*12 февр. 1925 г. — кровать*». — 1 февраля 1925 г. в чешском селе Вшеноры родился сын Цветаевой Георгий Сергеевич Эфрон (1925–1944).

ФРАГМЕНТ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ 13

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 51.

Два листа из рабочей тетради (30х18), в клетку, с пометой красным карандашом «Для записн<ой> книжки!». Запись черными чернилами. Часть текста обрезана при извлечении листов из тетради. На обоях листов – варианты ст-ния «Никуда не уехали: ты да я...» (1932).

Стр. 333

«*Рильке? Согласно*». – В 1929 г. Цветаева напечатала свои переводы нескольких яисем Р.-М.Рильке (В о л я Р о с с и и. 1929. № 2).

«*Я живу с читателями газет...*» – В свете этой записи ст-ние «Читатели газет» (1935) приобретает печально-личный подтекст.

Стр. 334

«...*свое младенчество...*» и т.д. – В 1935 г. Цветаева опубликовала фрагмент, озаглавленный «Мать и музыка» (*Современные записки. 1935. № 57*). В своем обзоре этой книжки журнала Вл. Ходасевич отметил новый этап прозы Цветаевой. «В сущности к беллетристике надо отнести также и отрывок Марины Цветаевой «Мать и музыка». По теме это – кусок автобиографии, но по выполнению и по заданиям, которые, несомненно, ставил себе автор, – это отнюдь не произведение мемуарной литературы. В тех статьях мемуарного характера, которые Марина Цветаева напечатала в последних книжках «Современных записок», чисто формальная сторона была уже очень сильна и явно подчеркнута. Тем не менее, центральный интерес еще сосредоточивался на событиях, о которых шла речь и, в особенности – на изображаемых лицах: поэте Максимилиане Волошине, Андрее Белом, историке Иловайском. На этот раз, как ни силен в нас интерес к личности самой Марины Цветаевой, – в отрывке из ее детских воспоминаний на первый план выступает тот психологический узор, который любопытен сам по себе, безотносительно к историко-литературной личности мемуаристики. Уже в силу одного этого, на сей раз автобиография Цветаевой перестает быть всего только автобиографией, и самое название мемуаристики в данном случае перестает к ней подходить. Более обширная автобиография, написанная в тех приемах, как «Мать и музыка», стала бы не автобиографией, а повестью или романом, как «Детство» Толстого, или «Котик Летаев» Андрея Белого. Соответственно этому, Цветаевой задумана и разработана и словесная ткань отрывка – совершенно в беллетристическом, а не в мемуарном роде. Пожалуй, именно

стилистические задания и увлекли Цветаеву с мемуарного на беллетристический путь. Нам об этом жалеть не приходится – в отрывке Цветаевой столько словесного блеска и мастерства, что приходится теперь в ее лице приветствовать не только поэта, но и беллетриста. К особенностям ее беллетристического творчества, тесно связанным с ее творчеством стихотворным, когда-нибудь мы еще вернемся. В них весьма стоит разобраться более пристально» (В о з р о ж д е н и е. 1935. 4 апреля. № 3592. С. 3). К сожалению, последнего своего намерения В.Ходасевич так никогда и не осуществил.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 14

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 52.

Карманная записная книжка-ежедневник на 1933 г., в красном кожаном переплете (10х6). Архивная нумерация с л. 1 по л. 180. Заполнена до конца. Записи синими и черными чернилами, простым и синим карандашом, ряд первоначальных карандашных записей впоследствии обведен синими чернилами. Многие записи с трудом поддаются расшифровке. Ряд сокращений раскрыт нами лишь предположительно, ибо коп-тексты записей слишком коротки для обоснованных догадок, поэтому не все наши расшифровки могут претендовать на стопроцентную правильность, некоторые дают лишь *одно из возможных* значений. Это обусловило и неполноту нашего комментария. Имена лиц, чьи адреса записаны в книжке и о которых нам узнать ничего не удалось, в примечания не выносятся, а помещаются только в именной указатель.

Записная книжка содержит первоначальные наброски статей «Эпос и лирика современной России» (1933), «Поэты с историей и поэты без истории» (1934), а также наброски к будущей «Повести о Со-нечке» (1937) на французском языке.

Стр. 337

«*Clamart (Seine)*...» и т.д. – Кламар, пригород Парижа, примыкающий к большому лесопарку, железнодорожная станция в 15–20 мин. от вокзала Монпарнас. В указанной квартире семья Цветаевой жила с 21 марта 1932 г. по 13 января 1933 г.

С <ен>-Лоран – место в Верхней Савойе, где Цветаева с сыном жили летом 1930 г.

«*(меню Чичикова)*». – Ср.: «Покамест ему подавались разные обычные в трактирах блюда, как-то: щи с слоеным пирожком, нарочно

сберегаемым для проезжающих в течение нескольких недель, мозги с горошком, сосиски с капустой, пулярка жареная, огурец соленый и вечный слоеный сладкий пирожок, всегда готовый к услугам...» (Мертвые души. Гл.1).

Стр. 338

Анна Ильинична Андреева (урожд. Денисевич, в перв. браке Карницкая, 1883–1948) – вторая жена Л. Андреева, многолетняя приятельница Цветаевой в эмигрантские годы.

Стр. 339

Савва Леонидович Андреев (1909–1970) – сын А.И. и Л.Н. Андреевых. Учился в художественной школе В. Шухаева в одно время с А.С. Эфрон; впоследствии известный танцовщик, создатель русского балета в Буэнос-Айресе.

«*Сейчас все думают о странах...*» и т.д. – В день этой записи Цветаева упомянута среди присутствующих (вместе с Г.П. Федотовым, М.А. Алдановым, Г.В. Адамовичем и др.) на официальном открытии «Пореволюционного клуба», где со вступительным докладом выступил Ю.А. Ширинский-Шихматов (*Хроника*, II, 347).

Лебедевы – друзья Цветаевой в эмигрантские годы. Владимир Иванович Лебедев (1884–1956) до Октябрьской революции был активным участником революционного движения, во Временном правительстве занимал пост морского министра, в эмиграции (с 1919 г.) был одним из редакторов пражского журнала «Воля России», после закрытия которого редактировал выходящий в Белграде журнал «Руски архив» (на сербскохорватском языке). Маргарита Николаевна Лебедева (урожд. баронесса Спенглер, 1880–1958) была участницей восстаний в Свеаборге, Кронштадте и Севастополе в 1905–1907 гг., после подавления революции в 1908 г. эмигрировала и больше в Россию не возвращалась. Окончила в Женеве медицинский факультет, работала врачом. Их дочь Ирина Владимировна Лебедева (р. 1916) дружила с дочерью Цветаевой.

Подробнее об этой семье и ее отношениях с Цветаевой см.: Лебедевы в В. Пераст / Пер. на фр. М. Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1997.

«*Путевка в жизнь*». – Первый советский звуковой фильм (1931), получил мировое признание на Первом международном кинофестивале в Венеции (1932). Сценарий А.Б. Столпера, Н.В. Экка и Р.В. Янушкевич. Режиссер Н.В. Экк. Начальника трудовой коммуны *Сергеева* играл Н.П. Баталов.

Заяц Оссо — вероятно, так во французском прокате именовался персонаж серии рисованных фильмов Уолта Диснея «Освальд — счастливый кролик» (*Oswald the Rabbit*), начатой им в 1923 г. и затем продолженной Вальтером Ланцем.

Mickey Vohneur. — Имеется в виду самый знаменитый персонаж У. Диснея мышонок Микки Маус; первый фильм о нем был сделан в 1928 г., в 1932 г. Дисней получил за эту серию Оскара.

Стр. 340

14, *Rue Visconti* и т.д. — Возможно, это записанный с ошибкой (надо: 13) адрес парижской мастерской Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова. По деталям запись совпадает с описанием первого посещения Цветаевой Натальи Сергеевны Гончаровой (1881–1962) в очерке «Наталья Гончарова» (1929).

« — *Мама! Я родился с козлом одним...* » и т.д. — Возможно, что речь идет о каком-нибудь изображении Макария Великого (301–391), отца церкви, египетского пустынноика, одетого в звериные шкуры, чья память отмечается православной церковью 1 февраля по новому стилю, т.е. в день рождения Георгия Эфрона.

Стр. 341

«*Le livre du gendre...*» и т.д. — Имеется в виду книга:

Si e b e r С. René Rilke. *Die Jugend Rainer Maria Rilkes*. Leipzig. 1932. (З и б е р К. Рене Рильке. Юность Райнера Мария Рильке. Лейпциг, 1932). *Карл Зибер* (1897–1945) — по профессии юрист, с 1922 г. был мужем дочери Рильке *Рут* (1901–1972). В письме Цветаевой к Н. Вундерли-Фолькарт от 22 ноября 1932 г. содержится отрицательный отзыв об этой книге, в большей своей части публикатором из деликатности опущенный (см.: Н е б е с н а я а р к а: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / Изд. подгот. К. Азадовский. СПб.: Акрополь, 1992. С. 220–221).

Стр. 344

«... на новую квартиру». — 13 января 1933 г. семья Цветаевой переехала на новую квартиру, в том же пригороде Парижа, Кламаре, по адресу: улица Лазар Карно, дом 10.

Стр. 345

«*Chère Madame...*» — адресат письма не установлен.

Стр. 347

«*Я прочел целую книгу П<астерна>ка...*» и т.д. — Вероятно, речь идет о книге: П а с т е р н а к Б. Поверх барьеров. Стихи разных лет. М.;

Л.: ГИЗ, 1929 (или о втором ее издании: ГИХЛ, 1931). В ноябре—декабре 1932 г. Цветаева писала статью «Эпос и лирика современной России (Владимир Маяковский и Борис Пастернак)» (Н о в ы й г р а д. 1933. № 6, 7) и приводила стихотворные примеры из этой книги.

Стр. 348

«Proust, мой люб<имый> писатель, к<отор>ый недавно умер». — Марсель Пруст умер ровно за десять лет до этой записи — 18 ноября 1922 г. Ср. начало «Эпоса и лирики...»: «Когда я на каком-нибудь французском литературном собрании слышу все имена, кроме Пруста, и на свое невинное удивление: “Et Proust? — Mais Proust est mort, nous parlons des vivants”*, — я каждый раз точно с неба падаю; по какому же признаку устанавливают живость и умершесть писателя?»

Zig et Puce — персонажи французских детских комиксов.

«Encore un peu idéalist<es>...» и т.д. — по-видимому, наброски одного из неустановленных французских переводов, о которых Цветаева упоминает в письмах этого времени.

Стр. 349

П<оль> Бонкур — бывший премьер-министр и министр иностранных дел Французской республики, личный адвокат Ф.И. Шаляпина.

Ст<епанов?> — Возможно, имеется в виду Иван Владимирович Степанов (1896?—1933), знакомый Цветаевой, бывший капитан лейб-гвардии Семеновского полка, автор рукописи «Лазарет Ея Величества», которую Цветаева тщетно старалась устроить в печать. Не исключено также, что Мур спрашивает о Ф.А. Степуне.

Стр. 350

Чумаки. — «Протяжной извозчик на волах; в былое время отвозили в Крым и на Дон хлеб, а брали рыбу и соль» (Даль).

«Лирика требует куда больший костяк...» и т.д. — Наброски к статье «Эпос и лирика современной России» (1933).

Стр. 351

«...формула Пушки<ина>». — Точная и полная цитата: «Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии» (Отрывки из писем, мысли и замечания).

«...как того Маяков<ского> напр<имер> в Кафэ Вольтер...» — «7 ноября 1928 г. поздним вечером, выходя из “Café Voltaire”, я на воп-

* «А Пруст? — Но Пруст же умер, а мы говорим о живущих» (фр.).

рос: «Что же скажете о России после чтения Маяковского?» — не задумываясь ответила: — Что сила — там» (Е в р а з и я, Париж. 1928. 24 ноября). А.С. Эфрон в «Страницах былого» рассказывает еще об одной встрече Цветаевой и Маяковского в Париже — весной 1929 г., когда он выступал «перед французской рабочей аудиторией» и попросил Цветаеву переводить его выступление (Э ф р о н А. О Марине Цветаевой: Воспоминания дочери. М.: Сов. писатель, 1989. С. 138—139).

«*Une touche plus profondé...*» и т.д. — Наброски французского варианта «Девяти писем...» (см. двуязычное издание: Ц в е т а е в а М. Девять писем с десятым, невернувшимся, и одиннадцатым, полученным, — и Послесловием. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. С. 44—45).

Стр. 352

«*Отв<ет> Б<орису> П<астернаку>*». — Эта и последующие записи отражают внутреннюю полемику с Пастернаком в 1930-е годы, в которой Цветаева защищала позицию врожденного и принципиального одиночества поэта.

«*В состоянии знака переноса...*» и т.д. — Новая квартира находилась на ул. Лазар Карно, являющейся продолжением ул. Кондорсе, где жили прежде.

Стр. 355

«*Мой дар*» — ст-ние не найдено.

Стр. 356

«*С<онечка> Г<олидей>*». — Эта и следующие записи представляют собой первоначальные наброски французского варианта «Повести о Сонечке» (1937), частично включенные в окончательный русский текст. См. также стр. 368—369, 408.

Стр. 364

В письме Г.С. Эфрона французскому писателю Шарлю Вильдраку (наст. имя Шарль Мессаже, 1882—1971) речь идет о его популярных романах для юношества «Розовый остров» (1929) и «Колония» (1930), а также книге сказок «Львиные очки» (1932). Одна из упомянутых книг, «Розовый остров», с дарственной надписью автора Цветаевой для ее сына, обернутая и надписанная рукой Г.С. Эфрона, сохранилась в архиве (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 171). О знакомстве Цветаевой с Вильдраком см. СТ, 521—524.

Стр. 365

«*Le secret de la vieille demoiselle*» — книга не найдена.

Стр. 382

«Только что письмо от Аси. Перепишу его сюда». — Письмо о смерти А.И. Цветаева полностью переписано в письме Цветаевой к В.Н. Буниной от 6 августа 1933 г.

«... *mort de Mme de Noailles...*» — о ней см. т. I, с. 472–473.

Стр. 384

«*Après avoir aimé – il faut aimer encore...*» — неточная цитата финальных строк ст-ния А. де Мюссе «*La nuit d'adut*» (1836), у Мюссе:

Après avoir souffert, il faut souffrir encore;
Il faut aimer sans cesse, après avoir aimé...*

Во время своей поездки в Петербург на Рождество 1916 г. Цветаева надписала эти строки (в своей редакции) на книге (возможно, это был ее сборник «Из двух книг» — сохранился только шмуцтитул с дарственной надписью), подаренной ею Е.И. Каннегисер (Лулу) 17 января 1916 г. (Р О Р Н Б, ф. 150, № 456).

Стр. 386

«*In der Beschränkung etc.*» — из заключительной строфы ст-ния Гёте «*Natur und Kunst*» (1800):

Wer Grosses will, muss sich zusammenraffen,
in der Beschränkung zeigt sich erst der Meister,
und das Gesetz nur kann uns Freiheit geben**.

Стр. 387

«*Ainsi P. G<orgoulo>ff sera...*» и т.д. — Речь здесь идет о казненном в сентябре 1932 г. русском эмигранте Павле Тимофеевиче Горгулове (1895–1932), который в мае того же года застрелил президента Французской республики Поля Думера. Из контекста записи следует, что Цветаева видела в преступлении Горгулова отвергаемый большинством современников жертвенный смысл, — см., например, статью Ходасевича «О горгуловщине» (1932). См. также СТ, 613.

Стр. 391

«...*le petit Marcel...*» — Марсель Пруст.

* Страдавшему в страдании жить привольно!
Всегда люби, однажды полюбя! (Пер. В.Е. Чешихина)

** Лишь в чувстве меры мастерство приметно,
И лишь закон свободе даст главенство (Пер. М.И. Розанова).

«*Ja, das ist das rechte Gleis...*» — точная и полная цитата отдельного фрагмента из «Кротких Ксений» Гёте, ч. II (1821).

Стр. 392

«*La petite amie du grand homme*». — В 1931 г. подруга юности Цветаевой Майя Кювилье (М.П. Кудашева), познакомившаяся по переписке с Роменом Ролланом (1866–1944), переехала к нему в Вильнёв; в 1934 г. их отношения были узаконены браком.

Стр. 397

Neipperg — Альберт Адам, граф де Нейперг (1774–1829), управляющий двора Марии Луизы, ставшей после 1815 г. принцессой Пармской, ее морганатический супруг.

Стр. 398

«*Должно быть так же холодны...*» — неточная цитата из стихотворения М. Кузмина «Среди ночных и долгих бдений...» (1915), у Кузмина: «Наверно, так же холодны...».

Стр. 402

«*...панихида по Б.В.Свистунову*» — Мёдонский сосед Цветаевой бывший полковник Генерального штаба Борис Владимирович Свистунов (1884–1933) умер 23 мая (В о з р о ж д е н и е. 1933. 30 мая. № 2919). По адресу: 2, *Sentier des Bigots* находилась мёдонская приходская церковь (Воскресения Христова).

«*Не забыть вписать рассказ про «Лелю» и Св. Цецилию...*» — Такого рассказа в известных нам рукописях Цветаевой не обнаружено.

«*Борису. Всё стихотворение забираю...*» и т.д. — В мае 1933 г. после двухлетнего молчания Цветаева получила от Пастернака его книгу «Избранное» (М., 1933). В черновой тетради Цветаевой сохранились наброски ее ответа на эту посылку, из которых следует, что ее оскорбило стихотворение 1931 г. «Любимая, — молвы слащавой...», обращенное к З.Н. Нейгауз, а именно строфа:

И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем,
Тесней, чем сердце и предсердь,
Зарифмовали нас вдвоем.

Цветаева увидела в этих строках, во-первых, «плагиат» своего стихотворения 1924 г. «Двое (Есть рифмы в мире сем...)» и, во-вторых, «предательство» своего союза с Пастернаком — союза (как и предательство) не в реальной жизни, а — (как сказал бы И. Бродский) *в языке*.

Стр. 404–406

«*Zuerst das Epigraphe*» и т.д. — Наброски письма к немецкому писателю Якобу Вассерману (1873–1934) с отзывом о его романе «Этцель Андергаст» (1931). О своей любви к Вассерману как автору романа «Каспар Хаузер, или Леность сердца» (1908), который также упоминается в этих набросках, Цветаева рассказывала французскому писателю и историку Октаву Обри в 1935 г. и А. Штейгеру в 1936 г., в последнем письме назвав его своим «любимым немецким современником» и «очень большим писателем».

Эпиграфом к 1 части романа Вассермана «Этцель Андергаст» взята (без указания автора) первая строка стихов Гейне «*Nachtgedanken*» («Ночные мысли») из его книги «*Neue Gedichte*» («Новые стихотворения», 1844): «*Denk ich an Deutschland in der Nacht...*» («В ночи я думаю о Германии...»). Далее Цветаева упоминает роман Вассермана «*Faber oder Die verlorenen Jahre*» («Фабер, или Потерянные годы», 1924), завершающий цикл «*Wendekreis*» («Поворотный круг», 1920–1924). Контекст набросков позволяет предположить, что Цветаева читала также автобиографию Вассермана «*Mein Weg als Deutscher und Jude*» (1922).

Стр. 405

Verlag S. Fischer — издательство, где печатались романы Я. Вассермана, находилось в Берлине.

Стр. 406

«*Самсон Назарей*». — Исторический роман В.Е. Жаботинского «Самсон Назарей» (Берлин, 1927). *Назорей* — в библейские времена особый класс посвященных. Обет назорейства принимался временно и пожизненно. Давшие обет воздерживались от вина, не стригли волос, избегали всяческого осквернения. Во времена судей назореями были Самсон и Самуил, в новозаветные времена — Иоанн Креститель и сам Христос. Апостол Павел принимал обет временно. *Самсон* — знаменитый библейский герой, прославившийся подвигами в борьбе с филистимлянами. Нарушил обет назорейства, уступил страсти к Далиле и был взят в плен (Книга Судей, 13–16).

Стр. 407

«*В скрябинском Музее...*» и т.д. — По свидетельству научного сотрудника Государственного мемориального музея А.Н. Скрябина О.М. Томпаковой, упомянутой записной книжки Цветаевой в фондах музея нет и о ее местонахождении ничего не известно.

Стр. 408

Цеткин Клара (1857–1933) – деятельница германского и международного коммунистического движения; похоронена на Красной площади у Кремлевской стены.

Стр. 410

«...вымышленные мемуары *Hudson Lowe...*» – Гудсон Лоу (1769–1844), английский генерал, губернатор острова Святая Елена во время заключения там Наполеона; в 1830 г. опубликовал свои мемуары, отрицательно встреченные как приверженцами Наполеона, так и его врагами.

«...(пишу дальше *Поэты с историей*)». – Статья Цветаевой «Поэты с историей и поэты без истории» была впервые опубликована в переводе на сербскохорватский язык: Р у с к и а р х и в. Белград. 1934. № XXV–XXVII.

Стр. 413

Вера Степановна Гриневич (урожд. Романовская) – знакомая Цветаевой с коктебельских лет; дочь коменданта Судакской крепости, племянница Е.П. Блаватской.

«*Дневник Мурзилки*». – Мы нашли дореволюционное анонимное издание: «Дневник Мурзилки, повесть-сказка о путешествиях, странствованиях, шалостях и проказах маленьких лесных человечков» (СПб., М.: М.О. Вольф, [1913]).

Прокопенко А.П. – врач-окулист, литератор, в 1930-е годы часто выступал с докладами на литературно-медицинские темы: «Телесная оболочка Пушкина», «Первая смерть Гёте» и т.п.

Стр. 416

«*Милая Ируся...*» и т.д. – В письме, адресованном И.В. Лебедевой, упоминаются *Нина (Антонина) Николаевна Клепинина* (урожд. Насонова, 1894–1941) и её младший сын от первого брака *Дмитрий Васильевич Сеземан* (р. 1922).

Стр. 417–419

«...д<ом> *Бернацких...*» и т.д. – Эта и последующие записи связаны с посещением Цветаевой в Русском доме в *Sainte-Geneviève-des-Bois* своих родственниц по материнской линии, о чем она подробно пишет в письме к В.Н. Буниной 24 августа 1933 г. Цветаева неправильно записывает здесь год рождения своей матери (нужно: 1868) и годы жизни отца (нужно: 1847–1913).

Стр. 421

«*Явн<ой> зман<ацией> ст<аро>-ни<меновских> сунд<уков> была игра в Ларь...*» и т.д. – Об этих сундуках с вещами покойной В.Д. Ило-

вайской Цветаева пишет на первых страницах «Дома у Старого Пимена» (1933): «Весной на сцену нашего зеленого тополиного трехпрудного двора выкатывались кованые иловайские сундуки, приданое умершей Андриюшиной матери, красавицы Варвары Дмитриевны, первой любви, вечной любви, вечной тоски моего отца». Незабывшуюся за всю жизнь сцену укладки этих сундуков сохранила в своих «Записках» и В.И. Цветаева:

«Как-то утром приехала к нам А.А. Адлер — крестная моего брата, близкая подруга моей матери. <...>

Вижу, в зале стоит несколько сундуков. В одном мамины шубы, меха, в другом белье пачками (чуть не полсундука) и разные ткани — темнокрасный бархат, черный шелк, белая тафта и др. на валики накатаны; отдельно отрезы белых и черных кружев, на целые платья, сложены.

Я слышу, что эти сундуки будут моими, когда я вырасту, а А.А. Адлер пригласили посмотреть, хорошо ли уложено. Еще сундук пойдет в Талицы моим двоюродным сестрам; в него отобрали из маминих театральных костюмов те, в которых много хорошей материи, голубого и белого атласа, того, что годится и так, а другое на перекраску.

Мы все — Мария Александровна, отец, я, А.А. Адлер — все в зале среди этих сундуков.

Топятся печи в столовой, в передней, в спальне, наверху. Все остальные вещи моей мамы, какие не положены в сундук: менее дорогое белье, шали, одежда, веера, обувь, пояса, косынки, все мелочи — всё должно быть сожжено. Это желание Марии Александровны.

Печи набиваются. Мы с Соней (горничной) в дальней комнате начинаем вытаскивать потихоньку то, что с краю и что еще не горит. Я вытащила какое-то полотнище красивого шитья белой гладью, маленькую бархатную шляпу и прошу Сою спрятать. В огне уже пачка длинных лайковых перчаток, знакомые итальянские шелковые чулки. Соня пробует спасти набор заколок и гребешков в искусственных гранатах, но как, куда прятать.

А.А. Адлер не утерпела и сунула в «мой сундук» пару светлых замшевых туфель (через десять лет я их носила: замша крепкая, размер тот же, а фасон «лодочкой» вечен).

Длилось всё это долго. По детской глупости не понимала я, что всё это значит. Но какая-то отчужденность накапливалась в душе. Думаю, что и отцу было нелегко.

В скором времени большой, красками писанный портрет моей матери был упакован и увезен отцом в Румянцевский музей к себе в кабинет директора» (В. Цветаева, ч. 1, 33—34).

Что же касается *«игры в Ларь»*, то, возможно, это о ней пишет Цветаева в начале своего *«Lettre à l'Amazone»* (1932–1934): «Vous souvenez-vous de ce jeu d'enfant, où tout l'honneur allait à celui qui restait le plus longtemps dans un bahut à étouffer? Jeu cruel et très peu bourgeois»* (*«М о н ф р è р е ф é м и н и н»*. Paris: Mercure de France, 1979. P. 10).

Стр. 422

«27^ю ноября — после честв<ования> Бунина...» и т.д. — Чествование И.А. Бунина после присуждения ему Нобелевской премии состоялось 26 ноября 1933 г. в Театре Елисейских Полей (*Хроника*, II, 491). *Галина Николаевна Кузнецова* (1900–1976) — поэтесса и писательница, много лет жила в семье Буниных.

Стр. 424

«Я получила 1000 фр<анков> от Фондаминского (Бунина)...» — Речь идет о денежной помощи нуждающимся русским писателям, для которой Буниным была выделена часть денежного эквивалента Нобелевской премии. *Илья Исидорович Фондаминский* (Бунаков, 1880–1942) — известный общественный деятель, литератор, соредактор *«Современных записок»*.

Стр. 425

Михаил Львович Кантор (1884–1970) — редактор парижского журнала *«Звено»*.

Георгий Викторович Адамович (1894–1972) — поэт и литературный критик.

Бакунина Элеонора Николаевна (урожд. Лопатина, 1875–1960) — врач.

«13 перевоз...» и т.д. — Запись относится, по всей вероятности, к переезду 13 января 1933 г. (см. примеч. к стр. 344 и 352). Среди помощников в переезде упомянут *Митрофан Михайлович Айканов* (1905–1995) — будущий сосед Цветаевой по дому в Ванве и герой ее неоконченной поэмы *«Певница»* (*«...Внук был, конечно, — грузчик...»*, 1935).

Стр. 426

Нина Николаевна Гронская (1884–1958) — скульптор, мать поэта Николая Павловича Гронского (1909–1934), с которым Цветаеву связывали дружеские отношения в 1928–1930 гг.

Ширинские — адрес семьи князя Юрия Алексеевича Ширинского-Шихматова, организовавшего в Париже так называемый *«Поревов-*

* *«Помните ту детскую игру, где вся честь достается тому, кто дольше всех просидит в сундуке, задыхаясь? Игра жестокая и вряд ли мешанская» (фр.).*

люционный клуб», который посещала и Цветаева. Он был женат вторым браком на вдове Б. Савинкова Евгении Ивановне (?–1940). С ее сыном Львом Савинковым дружила дочь Цветаевой.

Roman Goul – Роман Борисович Гуль (1896–1986), писатель.

Стр. 427–428

«*Действующие*» лица» и т.д. – Похоже, что это возвращение к замыслу рассказа(?) «Красная шляпа» (СТ, 389–392) или к реальному эпизоду 1926–1928 гг. В записи упомянуты знакомые Цветаевой: Владислав Дмитриевич Иванов (ок. 1901–?) – евразиец, племянник С.В. Завадского; Вера Александровна Сувчинская (урожд. Гучкова, во втором браке Трейл, 1906–1987). В Вандее (Сен-Жиль) Цветаева провела лето 1926 г., в Понтайяке (Жиронда) – лето 1928 г.

Стр. 428

Статья К.И. Чуковского «*Пора бы поумнеть!*» (Известия. 1934. 26 апреля. С. 3) являлась ответом на письмо в редакцию детского журнала «Еж» директора школы А. Раппопорта о печатании в журнале суеверий – так педагог воспринял пересказ Чуковским мифа о Персее; в своем ответе Чуковский указывал на невозможность изоляции от мировой культуры.

«*Святые Древней Руси*» – книга историка и философа культуры Георгия Петровича Федотова (1886–1951), посвященная древнерусским житиям святых, вышедшая в Париже в 1931 г. Переиздание см.: Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Моск.рабочий, 1990.

Стр. 429

Чарыков<ы?> – В те годы в Париже жил музыкант Х.И. Чарыков и педагог и общественная деятельница (руководительница «Дома русского ребенка») Е.Л. Чарыкова (*Хроника*, IV, 363).

Dr. Altschuller – Григорий Исаакович Альтшуллер (1895–1983), врач; будучи студентом-медиком Пражского университета, принимал в 1925 г. сына Цветаевой.

«*Не то, что мните вы, природа...*» – первая строфа стихотворения Ф.И. Тютчева (1836).

Стр. 430

«*Это – второй «Амари»*» – фраза остается загадкой.

«*18 го июня в 5 ч. 30 мин. ...*» и т.д. – Имеется в виду вечер сказительницы Ю.А. Кутыриной. В программе: сказки (русские, белорусские, малороссийские), заговоры, причитания, частушки и пр. (*Хроника*, II, 446). *Американский очаг* – по адресу, записанному Цветаевой находился Foyer International (des Etudiants).

Хин — в то время в Париже жила общественная деятельница П.О. Хин (*Хроника*, III, 438).

Стр. 431

Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954) — генеральный секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов. В 1933 г. Цветаева дважды писала ему просьбы о денежной помощи с литературных благотворительных вечеров.

Гольденштейн — известный в русском Париже специалист по внутренним болезням врач Н.А. Гольденштейн.

Стр. 104

«...chez M. le Comte Moussine-Pouchkin<e>» — Возможно, имеется в виду граф Мстислав Мусин-Пушкин (*Хроника*, I, 188, II, 324).

Стр. 432

Консерватория — по записанному Цветаевой адресу находилась Русская консерватория Российского музыкального общества за границей.

«*Струве просит позвонить...*» — С Цветаевой поддерживали добросердечные отношения Михаил Александрович Струве (1890–1949), поэт и литературный критик, и Глеб Петрович Струве (1898–1985), литературный критик, поэт, историк литературы.

«...*Александр Абрамович Поляков-Литовцев...*» — Цветаева неоднократно упоминала в письмах дружески к ней относившегося многолетнего и бессменного секретаря редакции газеты «Последние новости» Александра Абрамовича Полякова (1879–1971), но ошибочно приписывает ему здесь псевдоним писателя Соломона Львовича Полякова (Литовцева, 1875–1945).

Стр. 433

«*Countess Benckendorff...*» и т.д. — Это адрес дома вдовы бывшего русского посла в Лондоне графини Софии Петровны Бенкендорф (урожд. графини Шуваловой, 1857–1928).

«*Благодарность Блох*». — Вероятнее всего, речь идет о поэтессе Раисе Ноевне Блох (1899–1943?).

«*Благодарность Гартман*». — Композитор Фома Александрович Гартман (1885–1956), написавший в 1930-е годы романсы на стихи Цветаевой, и его жена певица Ольга Аркадьевна Гартман, поддерживали с Цветаевой дружеские отношения.

«*Просьба о гонораре Архива*». — Речь, вероятно, идет о белградском журнале «Руски архив», где в переводе на сербскохорватский язык была напечатана статья Цветаевой «Поэты с историей и поэты без истории» (1934, № XXV–XXVII).

Стр. 434

Подсэм — собака знакомых Цветаевой.

Стр. 435

«*Прививка собачья...*» и т.д. — Вероятно, для Подсэма. *Толстой* — скорее всего имеется в виду знакомый С.Я. Эфрона *Павел Николаевич Толстой* (1909—1941), дальний родственник А.Н. Толстого.

Gaumont-Palace — парижский кинотеатр. *Дон-Кихот* — возможно, кинофильм режиссера Г. Пабста, в котором снимался Ф.И. Шаляпин.

Марк Вениаминович Вишняк (1883—1975) — соредактор и секретарь редакции журнала «Современные записки».

Гавронский. — В Париже в то время жили многие представители большой семьи Гавронских, один из них был стоматологом, в приемной которого короткое время работала А.С. Эфрон.

Шульгин — возможно, имеется в виду литератор Александр Яковлевич Шульгин.

Стр. 436

Константин Васильевич Мочульский (1892—1948) — литературный критик, историк литературы.

«*Дала ли русская Революция своего поэта?..*» — По-видимому, это записи во время прений по докладу Цветаевой «Эпос и лирика современной России», состоявшегося 20 апреля 1933 г. В записи упомянуты: *Вадим Леонидович Андреев* (1902/1903—1976), поэт и литературный критик, и литератор и журналист *Владимир Сосинский* (псевдоним Бронислава Брониславовича Сосинского-Семихата, 1900—1987).

«*Ф<едотову>. Выходит 38 стр. ...*» и т.д. — Видимо, речь идет о публикации статьи Цветаевой «Эпос и лирика современной России» в парижском журнале «Новый град» (1933, № 6, 7), который редактировал Г.П. Федотов.

Mané-Katz — адрес художника Мане Лазаревича Мане-Каца (1894—1962).

«*Возрождение... Последние Новости*» — адреса ведущих русских парижских газет.

Стр. 437

Salle Gr<and> Orient — дом масонской ложи «Великий Восток» (ныне — музей европейского масонства).

Руднев Вадим Викторович (1879—1940) — соредактор журнала «Современные записки».

М.С. Родзевич — Мария Сергеевна Сцепуржинская (урожд. Булгакова, в первом браке Родзевич, 1898—1979), многолетняя приятельница Цветаевой.

Саломея — Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн (1888—1982), многолетняя корреспондентка Цветаевой.

Соня — Софья Либер (урожд. Паенсон), соученица Цветаевой по лозаннскому пансиону, отыскала ее в Париже в 1920-е годы и время от времени помогала ей материально. (Сообщено А.С. Эфрон.)

Ковалевские — семья Евграфа Петровича Ковалевского, соседей Цветаевой по Мёдону.

«*К Елене Николаевне пересадка...*» — Скорее всего в записи идет речь о Елене Николаевне Арнольд, знакомой Цветаевой с московских лет.

Богенгарды — Всеволод Александрович Богенгардт (1892—1961), однополчанин С.Я. Эфрона в годы Гражданской войны, и его жена Ольга Николаевна (урожд. графиня Стенбок-Фермор, 1893—1967). Подробнее см.: Б е л я е в Д. А. Письма С.Я. Эфрона Богенгардтам // А.С. Пушкин — М.И. Цветаева: Седьмая Цветаевская международная научно-тематическая конференция. Сб. докладов. М., 2000. С. 362—365.

Стр. 438

P. Maroniez — о нем Цветаева вспомнила в 1940 г., принимаясь за переводы французских народных песен: «Теперь — французские народные песенки, настоящие, записанные на местах, в Haute-Bretagne, в блаженные времена 1879 г. (о, как завидую!!). Из красной книжечки, подаренной мне когда-то — во времена моего французского Мёлодца (Муру было 5 лет — 10 лет назад!) милым эрудитом Magoniez (*ньез'ом*) — вскоре после этого умершим» (*РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 33, л. 21*).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 15

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 53

Записная книжка «*Agenda scolaire*» («Школьный ежедневник») на 1937—1938 гг. в желтой картонной обложке (15x10), вставленная в твердый коленкорковый переплет с зажимом в корешке (14,5x10). Заполнено 6 листов. Записи синими чернилами. Восемь первых листов книжки вырезаны с отступом от корешка. Между незаполненными страницами вложена записка С.Я. Эфрона — черными чернилами на листке из записной книжки:

«Мариночка, Мурзил – Обнимаю вас тысячу раз.

Мариночка – эти дни с вами самое значительное, что было у нас с вами. Вы мне столько дали<, > что и выразить невозможно.

Подарок на рождение!!!

<Вместо подписи – рисунок головы льва.>

Мурзил<, > помогай маме».

Вероятно, это последняя записка перед отъездом С.Я. Эфрона в СССР 10 октября 1937 г.

Стр. 442

«*Пароход Мария Ульянова...*». – Это был советский рефрижераторный грузопассажирский теплоход, построенный на Северной (бывшей Путиловской) верфи в 1925-1926 гг. и совершавший регулярные рейсы из Ленинграда в Дувр (Англия). См. илл. на с. 442.

«...моего *Ехурёгу – Terre des Hommes*». – Почти через два года, в очереди у окошка приема денег для заключенных, Цветаева вспомнила эту книгу: «...о чем так замечательно сказал (*впервые*) французский авиатор – вспомнила: St. Ехурёгу – о нежелании, во время катастрофы (гибели авиона или корабля) спастись: стараться, о *смертной охоте*, спящей в нас и неизвестной нами, – о том, что *спасаются только те, кого кто-нибудь ждет*» (запись 11 февраля 1941 г. в черновой тетради переводов – РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 34).

Стр. 443

«...и напис<ала> 4 открытки». – Из них пока известны две. Первую описал Ж.Нива в своем обзоре «Миф об Орленке (По материалам Женевских архивов, связанных с Мариной Цветаевой)» – Звезда. 1992. № 10. С.140. Эта открытка адресована г-ну Маринову, мужу приятельницы Цветаевой Тамары Тукалевской. На открытке изображение пакетбота «Нормандия» и следующий текст: «Последний привет! Будьте здоровы и благополучны. Спасибо! Ждем книги. Провожайте мысленно. – М.» Вторая открытка хранится в Базельском архиве, и знакомству с ней мы обязаны Лилии Цибарт, подарившей копию ее в архив Дома-музея Марины Цветаевой в Москве. Эта открытка адресована г-же Сцепуржинской, то есть Марии Сергеевне Булгаковой. На обороте – вид Гавра и отплытие той же «Нормандии» (см. илл. на с. 441). Текст открытки: «До свидания, дорогие! *Ничего* не забуду и еще раз – спасибо за всё. М. 12-го июня 1939 г.» (см. Ц и б а р т Л. Новые адресаты Марины Цветаевой // А.С. Пушкин – М.И. Цветаева: Седьмая Цветаевская международная научно-тематическая конференция. Сб. докладов. М., 2000).

«(«скрыто — не забыто»)» — это заглавие одной из историй Х.К.Андерсена.

Стр. 445

«Остров Готланд (Ютландия) — Gott-Land, das Land Gott (Рильке)»... — Готланд (Gotland) — остров в Балтийском море (Швеция), его название связано с этнонимом древнего народа готов. Ютландия — полуостров в Дании и Германии, между Северным и Балтийским морями (см. карту на с. 444). В статье «Поэт и Время» Цветаева приводит слова Рильке: «Есть такая страна — Бог, Россия граничит с ней». Вероятно, таким в ее памяти остался смысл диалога из «Историй о Господе Боге»: — Ist denn Gott ein Land? — Ich glaube nicht, — erwiderte ich, — aber in den primitiven Sprachen haben viele Dinge denselben Namen. Es ist da wohl ein Reich, das heisst Gott, und der es beherrscht, heisst auch Gott. ...»* (R i l k e R. M. Gesammelte Werke. Bd. IV. Schriften in prosa. Leipzig: Insel-Verlag, MCMXXVII. S. 76).

Heine — Nordsee — «Северное море» (нем.) — названия одного из разделов «Книги песен» Г. Гейне и главы из его книги «Путевые картины».

Стр. 446

«...я совсем не понимаю шведа доктора Аксель (не помню), уехавшего навсегда на Капри». — Имеется в виду шведский врач Аксель Мунте (1857—1949), которого Цветаева знала, вероятно, по его знаменитой книге «The story of San Michele» (London, 1929), написанной по-английски и переведенной более чем на тридцать языков (русский пер. см.: М у н т е А. Легенда о Сан-Микеле. М.: Худож. литература, 1969). На Капри он попал перенесшим легочное кровотечение и обреченным 19-летним юношей. С тех пор остров стал его романтической мечтой. Окончив Парижский университет и став практикующим врачом, он каждое лето приезжал на Капри строить дом — беломраморный замок на вершине скалы, который, вернувшись в 1943 г. в Стокгольм, он завещал шведскому государству.

Стр. 447

Морис Шевалье (1888—1972) — французский шансонье, создатель классического образа «певца парижских бульваров».

«Прочла в Nouvelles Littéraires — замечательно о Рае Данте». — С 28 января 1939 г. в парижском еженедельнике «Les Nouvelles littéraires

* «Разве Бог — страна? — Не думаю, — ответил я, — но в языках первобытных народов многие вещи называются одинаково. Есть страна, которая называется Бог, и тот, кто над ней властвует, тоже зовется Бог. ...» (Пер. Е. Борисова).

artistiques et scientifiques» печаталась работа известного французского историка искусства Louis Gillet (1876–1943) «Dante et l'Italie». Глава «Ravenne, “Le Paradis”», о которой упоминает Цветаева, печаталась в №№ 867 (27 мая), 868 (3 июня), 869 (10 июня) и 870 (17 июня). Впоследствии работа была издана отдельной книгой, см.: Gillet L. Dante. Paris: Flammarion, [1941].

Стр. 448

T.S.F. — радиоприемник, от фр. *Télégraphie sans Fil* (беспроволочный телеграф).

Kattegat — пролив между Данией и Швецией.

Стр. 449

«*Спросили про Mme Lafarge, про Mme Curie и про Exilée P. Bак*». — Имеются в виду три биографические книги. Marie-Fortunée Lafarge (урожд. Capelle, 1816–1852) вошла в историю благодаря громкому судебному процессу 1840 г. по обвинению в отравлении мужа. В ожидании суда написала мемуары, которые были изданы в 1841 г. Еще одна ее книга — «*Heures de prison*» («Тюремные часы») была издана посмертно в 1853 г. Биографию Марии Склодовской-Кюри «*Madame Curie*» написала ее дочь Ева Кюри, книга вышла в Париже в 1938 г., ее Цветаева назвала «лучшим памятником дочерней любви и человеческого восхищения» (письмо к А.А.Тесковой 3 октября 1938 г.). Книга Перл Бак (правильно: Buck Pearl, урожд. Sydenstricker, 1892–1973) — «Чужестранка» — это биография ее матери, напечатанная в 1936 г. П.Бак — дочь американских миссионеров-пресвитерианцев в Китае. Отрывки упоминаемой книги в русском переводе см. в книге: Бак П. Чужие края. М.: Панорама, 1997.

Castoret — правильно: Casteret Norbert (1897–1987) — знаменитый французский спелеолог, обследовавший более 20 тысяч подземных гротов и пещер (главным образом в Пиринеях). Полное название книги, упоминаемой Цветаевой: *Dix ans sous terre. Campagnes d'un explorateur solitaire*. Paris: Perrin, 1933. Русский пер. см.: Кастере Н. Десять лет под землей. М.: Географгиз, 1956.

Стр. 450

«*Вечером > читала Wang'a — безд<арную> кн<игу> о Китае*». — Возможно, что речь идет об изданной в 1927 г. в Брюсселе книге «Голос Китая» (*La Voix de la Chine: Adresses, discours, déclarations, lettres, interviews de S.E. Wang King-ki*). В 1930-е годы Цветаева увлекалась Китаем и собирала книги о Китае.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ПРОИЗВЕДЕНИЙ*

- Августин, св. I 411
 «Confessions» I 366
 Агафодор II 428
 Агриппина I 78
 Адалис А.Е. II 261, 262, 493
 Адамович Г.В. II 425, 429, 511
 Аделаида Казимировна –
 см. Герцык А.К.
 Айвазовские, семья I 64
 Айза – см. Цветаева А.И.
 Айканов М.М. II 425, 511
 Аксэль – см. Мунте А.
 Александр I I 65, 151–152
 Александр II I 240; II 196, 273, 487
 Александр III I 199; II 272, 273
 Александр Македонский I 262, 500
 Александра Владимировна –
 см. Кривцова А.В.
 Александра Михайловна –
 см. Петрова А.М.
 Алексеев В.В. I 310, 321, 335, 336,
 337, 338, 345, 353, 354, 362, 404, 509;
 II 79, 80, 83, 90–92, 94, 105, 117, 132,
 196, 295, 296
 Алексеев С.В. II 150, 155, 156, 483
 Алексеев II 427
 Алексей Николаевич, наследник I 276
 Алеша – см. Минц А.М.
 Алиса Федоровна – см. Редлих А.Ф.
 Алфёрова А.С. II 13, 457
 Альтман II 381
 Альтшуллер Г.И. II 429, 512
 Аля – см. Эфрон А.С.
 Аля, мальчик, знакомый Мура II 415
 Анастасия Сергеевна –
 см. Настасья Сергеевна
 Ангальт–Кетен, принц I 389, 532
 Андерсен Г.Х. I 186, 269; II 31, 43, 443,
 445, 517
 «История одной матери» II 190, 486
 «Русалочка» I 343, 377
 «Снежная королева» II 28, 83, 141, 417
 Андреевы, семья II 349
 Андреев В.Л. II 436, 514
 Андреев Л.Н. II 349
 Андреев С.Л. II 339, 502
 Андреева А.И. II 338, 339, 406, 415, 502
 Андрей – см. Цветаев А.И.

* Включены лишь имена реальных лиц, встречающиеся в тексте Записных книжек Цветаевой. Упомянутые литературные персонажи указываются названиями произведений, которые печатаются под фамилией автора. Это относится и к произведениям самой Цветаевой. Причем в указатель включены только произведения, тексты которых воспроизведены в записных книжках или которые прямо названы (включая и неосуществленные замыслы), произведения, созданные позднее на основе записей в записных книжках, в указатель не включены, а упомянуты в преамбуле к каждой записной книжке. Мифологические и библейские имена в указатель не включены. Общеизвестные имена не аннотируются. Включены и косвенные упоминания типа отец, мать, сын и пр. Упоминание нескольких лиц под одной фамилией во множественном числе сопровождается пометой «семья», «братья» и т.п. Знаком вопроса отмечены лица, идентификация которых вызывает сомнения. Цифра, выделенная курсивом, отмечает страницу раздела «Примечания», где помещена справка об упоминаемом лице.

- Андрей Андреевич, врач в Воспитательном доме *I* 155
- Андроникова—Гальперн С.Н. *II* 437, 515
- Андрюша — см. Трухачев А.Б.
- Анна Николаевна — см. Иванова А.Н.
- Аннета *I* 18, 22, 24, 25, 27, 32, 49, 51, 462
- Антокольская Н. — см. Щеглова Н.Н.
- Антокольский П.Г. *I* 179, 188—192, 247, 248, 257, 258, 269, 296, 310, 316, 492; *II* 90, 91, 103, 107, 111, 120, 124, 126, 232, 476
«Всадник» *I* 296, 506
- Антонелли П. *I* 156, 486
- Анютка, девочка в Кунцеве *I* 418
- Апухтин А.Н.
«Пара гнедых» *I* 318
- Аретино П. *I* 425, 553
- Ариадна — см. Эфрон А.С.
- Арним Беттина фон, *I* 35, 80, 150, 176, 428, 467; *II* 35, 40, 101, 138, 139, 141, 157, 159, 169, 197, 201, 461
- Арно Антуан Венсан
«La feuille» *I* 34
- Арнольд Е.Н. *II* 437, 515
- Артём (Александр Родионович Артемьев) *I* 71
- Аспазия *II* 22, 25, 460
- Ася — см. Цветаева А.И.
- Ахматова А.А. *I* 150, 154, 155, 158, 160, 161, 270; *II* 138, 261, 289, 315, 498
«Белая стая» *II* 223, 235
«Вечером» *II* 119, 476
«Под крышей промерзшей пустого жилья...» *I* 173
«Со дня купальницы—Аграфены...» *I* 165
«Четки» *I* 150
- Ахромович (?), возможно Ахромович В.Ф. *II* 131, 478
- Бабаджан, владелец магазина (?) в Феодосии *I* 132
- Байрон Д.Г. *I* 20, 170; *II* 17, 40, 64, 132, 162, 250
«Euthanasia» *II* 132, 142, 479, 481
- Бакунина Э.Н. *II* 425, 511
- Балин, собака *I* 32
- Бальмонты, семья *I* 310, 378; *II* 58, 146, 147, 149, 167, 187, 189, 198, 199, 205, 207, 208, 210—211, 414
- Бальмонт К.Д. *I* 162, 174, 177, 234, 235, 269, 294—295, 320, 325, 342, 355—356, 357, 432, 443, 489; *II* 9, 15—16, 33, 55—56, 125, 129, 133, 134, 147—150, 165, 168, 178, 179, 194, 196, 198, 199, 205, 209, 210—211, 215, 216, 286, 385, 391—392, 464, 482, 489
«Мои звери» (из книги «Только любовь») *II* 150, 483
«Сказка» *II* 149
«Этим летом — унижение нашей воли...» *I* 174
«Я не знаю — что такое презрение...» *II* 129, 477
«Me dice mi pecho...» *I* 324
- Бальмонт Е.А. *I* 269, 501
- Бальмонт М.К. *I* 294—295, 432, 504;
- Бальмонт (Бруни) Н.К. *II* 150, 483
- Баратынский Е.А.
«Разуверение» *I* 141—142
- Батц де, барон *I* 408
- Башкирцева М.К. *I* 35, 156, 157, 158, 159, 358, 428, 467; *II* 50, 138, 141, 157, 395
- Бебутов В.М. *II* 217, 219, 221, 222, 489
- Бекфорд Уильям *II* 13
- Белов А.Д. *I* 447, 556; *II* 7
- Бельцман С.И. *I* 66, 78, 79, 474
- Белый А. *II* 116, 171, 253, 290, 323, 499
«Кризис слова» *II* 237, 491
«Петербург» *II* 171, 486
- Беранже Пьер Жан
«Как яблочко румян...» *II* 23, 27, 460
«Фрак» *I* 113, 481
- Берг, «опричник» на станции Усманы *I* 276
- Бердяев Н.А. *I* 210, 495; *II* 437
- Бернар Сара *I* 63, 147, 148, 154, 155, 161, 473
- Бернацкие, семья *II* 417, 509
- Бернацкая М.Л. *II* 196, 418, 419, 487
- Бернацкий Л. *II* 418
- Бернацкий М. *II* 418
- Бёрнет Френсис Элиза
«Маленький лорд Фаунтлерой» *I* 331, 513; *II* 259
- Беррийские, герцоги. *II* 76, 466

- Бессарабов Б.А. *II* 240–257, 259, 492
 Беттина — см. Арним Беттина фон
 Бетховен Людвиг ван *I* 52, 149, 252, 298–299, 389; *II* 14, 17, 40, 105, 122, 204
 «Busslied» *I* 361
 Блок А.А. *II* 51, 113–116, 118, 120, 121–122, 128, 129, 131, 132, 133, 137, 193–194, 202, 290, 299, 385, 475, 479
 «В голубой далёкой спальне...» 51, 463
 «В ресторане» *II* 115, 475
 «Голос из хора» *II* 115, 475
 «Двенадцать» *II* 121
 «Как тяжко мертвецу среди людсей...» *II* 115, 475
 «Незнакомка» *II* 121
 «О доблестях, о подвигах, о славе...» *II* 113, 475
 «Перед судом» *II* 113, 475
 «Россия» *II* 115, 475
 «Седое утро» (книга) *II* 255
 «Седое утро» *II* 114, 121, 475, 492
 Блох Р.Н.(?) *II* 433, 513
 Бобка, собака *I* 107
 Бобылев Б.С. *I* 37, 468
 Бовилье, герцог *I* 380, 381, 527
 Богаевский К.Ф. *I* 47, 51, 59, 469
 Богенгарды, семья *II* 437, 515
 Бодлер Шарль *I* 157, 487
 Бонапарт — см. Наполеон Бонапарт
 Бонкур Поль *II* 349, 504
 Борис — см. Бессарабов Б.А.
 Борис — см. Трухачев Б.С.
 Борис Ильич — см. Вершилов Б.И.
 Борисов–Мусатов В.Э. *II* 77, 467
 Брандштейн *II* 430
 Бреслау *I* 156, 486
 Брешко–Брешковская Е.К. *I* 182, 492
 Брион Фредерика *II* 35, 461
 Бродауф *II* 206
 Бромлей Н.Н.
 «Сердце Аппе» *I* 252, 497
 Броун, правильно Ле Брен Жанна *I* 370
 Брут Марк Юний *I* 191, 493
 Брюсов В.Я. *I* 150, 162, 485; *II* 134, 261–262
 «Огненный ангел» *I* 302, 508
 Бунины И.А. *II* 106, 128, 133, 422, 424, 511
 Бунина В.Н. *II* 422
 Бурбоны, королевская династия во Франции *I* 387, 391
 Бутягина В.А. *II* 149, 483
 Буше Франсуа *I* 443, 556
 Вадим — см. Андреев В.Л.
 Валерия — см. Цветаева В.И.
 Валя — см. Зелинская В.И.
 Вальфон, маркиз де *I* 362
 Ваня, сын прислуги Сони *I* 17, 24, 30, 43, 49, 50, 53, 76, 94
 Варечка И–к — см. Изачик В.
 Василий Дмитриевич — см. Милоти В.Д.
 Василий Петрович, председатель домового комитета *II* 109
 Васильева Е.И. *I* 80, 478
 Ватто Антуан *I* 442, 443, 556
 Вахтанг Леванович — см. Мchedлов В.Л.
 Вахтангов Е.Б. *I* 288, 336–337, 503
 Ведерникова Тася *I* 27
 Венера, коктебельская знакомая Али *I* 92
 Вера — см. Эфрон В.Я.
 Вера Степановна — см. Гриневич В.С.
 Веретенников *II* 425
 Верочка, девочка в Святых Горах *I* 111
 Вершилов Б.И. *I* 287, 503
 Вигелев Евгений *I* 296, 506; *II* 132, 479
 Виктория, королева Великобритании *I* 192, 493
 Вильгельм II, германский император *I* 192, 493
 Виноградова Н.К. *II* 81, 467
 Виринович *I* 261
 Вишняк М.В. *II* 435, 514
 Владик — см. Иванов В.Д.
 Волконская, княжна (Елизавета?), племянница С.М. Волконского *I* 320
 Волконский С.М. *I* 305, 306, 318–319, 320, 508; *II* 320, 429
 Володя — см. Алексеев В.В.
 Володя — см. Павлушков В.А.
 Володя, «лицеистик» *I* 359
 Волошин М.А. *I* 26, 40, 41, 46, 47, 59, 73, 76, 80, 81, 138, 230, 417, 464; *II* 83, 239, 248, 260

- Волчок, собака *I* 18, 30, 462
 Волькенштейн В.М. *II* 219, 223, 230, 231, 489
 Волькенштейн Ф.Ф. *I* 95, 480
 Вольтер *I* 387; *II* 201, 487
 Врангель П.Н. *II* 221
 Врубель М.А. *I* 59; *II* 77
 «Демон поверженный» *I* 120, 482
 Вульпиус Х. *I* 397, 535
 Вышеславцев Н.Н. *II* 97–102, 105–112, 115–146, 150, 152, 153, 155, 156, 158, 160, 162, 165, 166, 173, 175, 176, 181, 182, 190–193, 195, 196, 199, 202, 206, 222, 472–474
 Вьяльцева А.Д. *I* 126
 Гавва Ксения, няня Али *I* 49
 Гавронский *II* 435, 514
 Гамсун Кнут *II* 49
 «Пан» *II* 82, 140, 467
 Ганек Франтишек *II* 269, 494
 Гарелина Л.М. *I* 269, 501
 Гартман Ф.А. *II* 433, 513
 Гауф Вильгельм
 «Лихтенштейн» *I* 406, 543–544; *II* 17, 64, 68, 465
 Гейне Генрих *I* 147, 148, 283, 374; *II* 115, 142
 Генералов, торговый дом *II* 9
 Генерозова Валя (Перегудова В.К.) *I* 27, 465
 Гермоген, патриарх *I* 325, 511
 Герострат *I* 191, 493
 Герцон А.И. *I* 367
 Герцык А.К. *I* 80–81, 139, 477
 «Как светлос в мире виденье...» *I* 80
 Гёте Иоган Вольфганг *I* 150, 155, 204, 397, 434 *II* 34–35, 101, 141, 300, 308, 461, 498
 «Разговоры с Гёте» *I* 428, 554–555
 «Фауст» *II* 35, 221
 «Dichtung und Wahrheit» *II* 34–35
 «Farbenlehre» *I* 435
 «Jeder Tag hat seine Plage...» *I* 315
 «Und jene himmlischen Gestalten...» *I* 404
 «Wenn Andre vieles um den Einen tun...» *I* 13
 Гёте Катарина Элизабет *I* 397, 535
 Гибср, граф *II* 143
 Гильетти *II* 435
 Гинденбург П. фон *II* 377
 Гиппиус З.Н.
 «Зеленое кольцо» *I* 297
 Гитлер А. *II* 377
 Гоголь Н.В. *I* 369
 «Вий» *I* 124
 «Женитьба» *I* 35; *II* 342
 «Мертвые души» *I* 40, 374; *II* 36, 337, 461, 501
 «Ревизор» *II* 283, 495
 «Шинель» *I* 37
 Голлидей С.Е. *I* 320, 332, 333, 334–338, 343, 373, 377, 390, 404, 424, 510; *II* 79, 82, 83, 90–92, 94, 122, 138, 197, 206, 296, 356–361, 368–369, 387, 408, 505
 Гольденвейзер Л.В. (?) *I* 337, 514
 Гольденштейн Н.А., врач *II* 431, 513
 Гольдманы, семья *I* 339; *II* 9, 29, 112, 126, 477
 Гольдман Е.М. *I* 448; *II* 8, 9, 82, 89, 206
 Гольдман М.Ю. *II* 8, 9
 Гольдман Евг.М. *II* 17
 Гольдштейн, фотограф в Феодосии *I* 30, 43, 63, 64
 Гольды, семья *II* 226, 250, 490
 Гольцев С.И. *I* 180, 269, 296, 492; *II* 259
 Гомер *II* 392
 Гонкуры, братья *II* 151, 159
 Гончарова Н.Н. *I* 238
 Горгулов П.Т. *II* 387
 Гофман Теодор Амадей
 «Неизвестное дитя» *II* 147, 179, 482, 483, 486
 «Принцесса Брамбилла» *II* 137, 480, 481
 Гранские, семья *II* 9, 203
 Гранская Е.М. *II* 8
 Гранский Г.П. *II* 8
 Грёз Жан Батист *II* 162, 165, 484
 Грибоедов А.С.
 «Горе от ума» *I* 57
 Гриневич В.С. *II* 413, 509
 Гришин *II* 269
 Грищенко *I* 66, 474
 Гронская Н.Н. *II* 426, 511
 Гуль Р.Б. *II* 426, 512
 Гюго Виктор *I* 311, 509; *II* 353
 «Собор Парижской Богоматери» *II* 201, 487
 Д., знакомый семьи Цветаевой в Париже *II* 399

- Д. А. — см. Магеровский Д.А.
Давыдов Д.В.
«Песня старого гусара» I 426
Данте Алигьери
«Божественная комедия» I 149, 307,
375; II 447, 517–518
Дантес Жорж II 410
Дарёла, знакомая Цветасвой в Париже
II 429, 433
Даша, горничная в семье Цветасвых в
Тарусе II 45, 46
Деникин А.И. I 341, 436, 437, 443, 515;
II 270, 272
Дефо Даниэль
«Робинзон Крузо» II 116
Джалалова Л.И. II 76, 82, 192, 199, 466
Джунковская Е.Ф. I 290
Джунковский В.Ф. I 290; II 11
Джэк, собака I 98, 481
Диккенс Чарльз
«Домби и сын» I 331; II 259
«Жизнь Дэвида Копперфилда, рас-
сказанная им самим» I 191, 307, 443,
493, 556; II 218
«Повесть о двух городах» II 288
Димитрий — см. Отрепьев Г.
Дина I 156, 486
Динго, собака I 199
Дисней Уолтер
«Заяц Оссо» II 339, 503
Доберт П.Ж. II 149, 483
Добротворская Е.А. II 46, 462
Добротворский И.З. II 46, 462
Дойников (продавец игрушек?) II 417
Дора, девочка от портнихи в Феодосии
I 41
Достоевский Ф.М. I 155; II 49, 170
«Бесы» I 321; II 169, 485
«Братья Карамазовы» I 152, 159
«Идиот» I 273, 376
«Подросток» I 307
Дьяконова Е.А. I 158, 488
Дюма Александр
«Дама с камелиями» I 148, 484, II 164
Е. П. — см. Паскина Е.П.
Евгений, сын няньки в Воспитательном
доме I 153
Еврипид
«Ипполит» II 303–305
«Медея» II 303
Екатерина II I 160, 383, 384, 398, 401,
407; II 104
Елена — см. Цветковская Е.К.
Елена Николаевна —
см. Арнольд Е.Н.
Еленева Е.И. II 293, 496
Елизавета Моисеевна
— см. Гольдман Е.М.
Ерофеев А.С. II 8
Есенин С.А. II 218
Ж., знакомый Цветасвой в Париже II
378, 381, 386
Жаботинский В.Е.
«Самсон Назорей» II 406, 508
Жанна д'Арк I 68, 141, 158, 190, 192,
368, 377, 385, 407, 421, 428, 440, 523;
II 24, 48, 104, 126, 173, 210, 248, 270
Женя — см. Гольдман Евг. М.
Жозеф II 226
Жуковский В.А.
«Ундина» I 343; II 48
Жуковский Д.Е. I 80, 478
Завадская В.А. II 413
Завадский Ю.А. I 248, 284, 291, 294,
301, 302, 310, 316, 317, 322, 336, 362,
363, 373, 384, 496; II 86, 89, 90, 119, 125,
136, 359, 413
Зайцевы, семья II 241, 255
Зайцев Б.К. II 210, 431
Зайцева В.А. II 22, 32, 210, 431, 460
Закс Б.Г. II 91, 471
Залесская, заведующая (?) детским са-
дом I 424
Захаревич, адрес в Петрограде I 122
Звягинцева В.К. II 8, 22
Зеелер В.Ф. II 431, 513
Зелинская В.И. II 83, 468
Зимовнова — Лаврова К.Н. I 237, 495–
496
Зиновьева — Аннибал Л.Д.
«Трагический зверинец» II 169, 485
З — н, адвокат I 378
Ибсен Генрик
«Бранд» II 131, 477
Иван, слуга Л.Бернацкого II 417
Иванов В.Д. II 427, 512
Иванов В.И. I 294; II 96, 97, 118, 119,
147–150, 154, 165, 166–173, 176, 178,
180, 186, 188, 189, 202, 209, 217, 228
Иванов Д.В. II 180, 486

- Иванов И.А. *II* 270–272, 494
 Иванов, служащий И.В. Цветаева *I* 153
 Иванова А.Н. *I* 294–295, 504; *II* 150, 210, 370
 Игнатъевский (?) Сергей *I* 204
 Игумнов К.Н. *II* 252
 Игумнова А.М. *II* 293, 497
 Изачик Варвара, тарусская знакомая Цветасвой *II* 82, 467
 Инамэ — см. Ямагата И.
 Иоанн Богослов, апостол *I* 437
 Иоанн Грозный *I* 234
 Иоанна, Иоанна д'Арк — см. Жанна д'Арк
 Иосиф *II* *I* 383, 384, 390, 398, 529
 Ирвинг Лоуренс *I* 71, 475
 Ирина — см. Эфрон И.С.
 Ируся — см. Лебедева И.В.
 К.А.К. *I* 291
 К—ш *II* 82
 Казанова Д. *I* 149, 150, 151, 163, 169, 170, 343, 345, 348, 360, 362, 364, 365, 370, 372, 373, 382, 385, 388, 389, 391, 403, 406, 409, 414, 415, 416, 421, 424, 428, 440, 445, 448, 449, 484; *II* 12, 39, 79, 84, 98, 105, 160, 183
 Калашникова *II* 425
 Калиостро *I* 151, 485
 Кальдерон де Ла Барка Педро *II* 16
 Кандауров К.В. *I* 59, 314, 472
 Каннегисер Е.А. *II* 431
 Каннегисер Л.И. *I* 272, 501
 Кант И. *II* 183
 Кантор М.Л. *II* 425, 511
 Канцель О.Л. *II* 337
 Каплан, «опричник» на станции Усмань *I* 276
 Капнист, графиня *I* 261, 499
 Карамзин Н.М. *II* 31
 Карл Великий *I* 354, 380
 Карл VII *I* 192, 368, 523; *II* 126
 Катковы, братья *I* 349
 Катя, девочка—цыганка из Дворца искусств *II* 147, 160
 Качалов В.И. *I* 388, 531
 Квятковский Л.Л. *I* 46, 47, 52, 229, 469
 Керенский А.Ф. *I* 155, 239, 486
 Керженцев П.М. *I* 285, 330, 503; *II* 272
 Киплинг Джозеф Редьярд «Книга джунглей» *II* 223, 261, 490
 «Маугли» *II* 345
 Кира, девочка в Коктебеле *I* 92–93
 Кириенко—Волошина Е.О. *I* 16, 22, 23, 38, 40, 46, 47, 51, 59, 75, 76, 80, 99, 107, 116, 128, 130, 137, 140, 228, 229, 230, 269, 461; *II* 180
 Клавдий, римский император *I* 78, 477
 Клавдия, няня Али, потом Андриуши *I* 32, 77
 Клари, княгиня де, дочь князя де Линя *I* 389
 Клеопатра, жительница Феодосии *I* 35
 Клепинины, семья *II* 437
 Клепинина Н.Н. *II* 416, 418
 Коаслен, маркиза — правильно: Куален Мари Анна Луиза, маркиза де *I* 363, 522
 Кобентцель, возможно: Кобенцль Людвиг, граф фон *I* 383, 528
 Ковалевские, семья *II* 437, 515
 Колчак А.В. *I* 320–321, 324, 416, 417, 510; *II* 270, 358
 Коля — см. Миронов Н.Н.
 Комнены (Комнины); династия византийских императоров *II* 76, 466
 Коненков С.Т. *I* 325, 331
 «Паганини» *II* 230, 250, 491
 «Степан Разин и его ватага» *I* 325, 511, 513
 Константин Дмитриевич — см. Бальмонт К.Д.
 Конт Л. де — см. Твен М.
 Коонен А.Г. *I* 204; *II* 134, 141
 Корде Шарлотта *I* 57, 376, 470; *II* 17
 Корнилов Г.Л. *I* 292
 Корнилов Л.Г. *I* 256, 269, 498
 Коровин К.А. *I* 59
 Королёв, московский лавочник *II* 18
 Костюшко Тадеуш *I* 259, 499
 Котик, знакомая Цветасвой в Париже *II* 381
 Кохановский *II* 425
 Крандиевская Нат.В. *I* 95, 481
 Кривошапкина Е.П. *I* 24, 463
 Кривцова А.В. *II* 228, 237, 249, 252, 490
 Кропоткин П.А. *I* 175, 185, 491
 Крупп Фридрих *II* 299, 497

- Крылов И.А. *182*
 «Гребень» *II 221, 490*
 «Змея» *II 322*
- Кубка Франтишек *II 321, 498*
- Кузмин М.А. *1489*
 «Надпись на книге» *I 163–164*
 «Среди ночных и долгих бдений...» *II 398*
- Кузнецова Г.Н. *II 422, 511*
- Кусака, кот Цветаевой *I 18, 23, 29, 35, 36, 43, 46, 49, 52, 55, 61, 69, 70, 72, 75, 76, 82, 88, 89, 91, 115, 140, 462*
- Кусевичкий С.А. *II 149, 483*
- Куסיков А.Б. *II 125, 198, 205, 210, 476*
- Кьянти *II 365*
- Кювилье М.П. *I 46–47, 69, 140, 469; II 197, 206, 392, 507*
- Л.А. — см. Тамбурер Л.А.
- Лагерлёф Сельма *II 445*
 «Путешествие Нильсы Хольгерсона по Швеции» *I 447, 556; II 17, 67*
 «Сага о Йосте Берлинге» *I 414, 428, 550*
- Лаврова, врач *I 442*
- Ламартин Альфонс Мария Луи де
 «A une jeune fille qui avait raconté son rêve» *II 271*
- Лампси П.Н. *I 17, 23, 51, 65, 66, 67, 70, 133, 141, 462*
- Лампси Ириночка *I 37, 468*
- Лампси Таня *I 37, 468*
- Ланкло Нинон де *I 345, 516*
- Ланн Е.Л. *II 223–240, 242, 243, 246–255, 260, 261, 490*
 «Ангелы Откровения» *II 237*
 «Роланд» *II 224, 490*
- Лапко, собака *I 46, 47, 469*
- Ла Саль Антуан де
 «Le petit Jehan de Saintre» *I 440, 556*
- Ласказ Эммануэль, граф де
 «Le mémorial de Sainte-Hélène» *I 434, 554*
- Латри, семья *I 37*
- Латри А.Н. *I 56, 468*
- Латри М.П. *I 37, 468*
- Лафайет Мари Мадлен де
 «Princesse de Clèves» *I 440, 556*
- Лебедевы, семья *II 339, 381, 437, 502*
- Лебедева И.В. *II 416, 433, 509*
- Лебедева М.Н. *II 378, 380, 430, 433, 447*
- Левит, «опричник» на станции Усмань *I 276*
- Лёвы (Эфрон С.Я. и Соколов В.А.) *I 9, 460*
- Ледуховская, графиня *II 418, 419*
- Леконт дю Нуи Елена
 «Amitié amoureuse» *I 175, 491*
- Леля, польская родственница Цветаевой *II 418*
- Ленин В.И. *I 261, 334, 342; II 94, 218, 299, 300*
- Леонардо да Винчи *I 299, 440*
- Лермонтов М.Ю. *I 322; II 25*
 «Воздушный корабль» *II 413*
 «Герой нашего времени» *I 146*
 «Демон» *I 147, 484*
 «Свиданис» *I 102, 481*
- Лесаж Ален Рене
 «Gil Blas» *I 440, 448, 556*
 «Le Diable boiteux» *I 440, 556*
- Лесков Н.С. *I 35, 467*
- Лёша — см. Смирнов А.
- Лжедимитрий — см. Отрепьев Г.
- Либер С. *II 437, 515*
- Ливий Тит *I 68*
- Лидия Александровна — см. Тамбурер Л.А.
- Лидия Константиновна, надзирательница в кунцевском детском приюте *II 59–61, 64, 65, 69, 71–74*
- Лидия Петровна — см. Миллюти Л.П.
- Лиза — см. Кривошапкина Е.П.
- Ликиардопуло М.Ф. *I 33, 466*
- Лиля — см. Эфрон Е.Я.
- Линь Шарль Жозеф, князь де *I 363, 364, 383, 384, 389, 395, 398, 521*
- Линь Шарль, князь де *I 364, 389, 522*
- Линь, княгиня де — см. Потоцкая Е.
- Ллойд Джордж Д. *I 410, 548*
- Лозен Арман Луи Гонто, герцог де *I 306–307, 343, 348, 352, 360, 362, 363, 370, 372, 379, 380, 384, 385, 388, 390, 391, 403, 408, 415, 508; II 105*
- Локк Уильям Джон *I 151, 485*
 «Случайность» *I 375, 524–525*
- Ломоносов М.В. *II 25*
- Лоренс Т. *II 413*
- Лососина — см. Эфрон Е.Я.
- Лохвицкая М.
 «Что ищем мы в бальном сиянии...» *II 135, 480*

- Лукреций II 181, 486
 Лукреция I 376
 Лукутины, купцы I 82
 Лулу — см. Каннигисер Е.А.
 Луначарский А.В. II 198
 Люба I 184, 245, 492
 Людвиг — см. Квятковский Л.Л.
 Людовик Баварский II 43—44, 462
 Людовик XIII I 380, 527
 Людовик XIV I 380, 382, 528
 Людовик XV I 363, 390
 Людовик XVI I 264, 361, 382, 394, 407, 408, 500, 547—548
 Людовик XVII I 420
 Люксембург Роза I 322, 511
 Люся, знакомая Е.О.Киренко—Волошиной I 230
 М.М. I 133
 М.Н. — см. Лебедева М.Н.
 Маврикий — см. Минц М.А.
 Магеровский Д.А. II 228, 238, 240, 247, 250, 490
 Майя — см. Кювильс М.П.
 Макс — см. Волошин М.А.
 Малиновская II 228, 491
 Малиновский А.Н. I 273, 502
 Мамонтов А.И. II 52
 Мамонтов К.К. II 270
 Мандельштам О.Э. I 125, 126, 127, 128, 482; II 90, 91
 «В разногосице девического хора...» II 154, 484
 «Камень» II 106, 475
 Мане—Катц М.Л. II 436, 514
 Марат Жан Поль I 160, 489
 Маргарита Николаевна — см. Лебедева М.Н.
 Мария, прислуга Л.А.Тамбурер II 61
 Мария—Антуанетта I 307, 361, 363, 365, 388, 390, 407, 408, 415, 419, 421, 509; II 34, 461
 Мария—Луиза I 361, 520
 Мария—Терезия I 365
 Марк, мальчик в Кунцеве II 52
 Марк Аврелий II 193, 487
 Маркс Карл I 406
 «Капитал» I 274
 Марти, феодалский помещик I 66—68
 Маруся, детское имя Цветаевой I 36
 Марфуша, няня Али в Ялте I 24
 Марьюшка, прислуга С.Е.Голлидей I 333
 Марьянов Д.И. II 205, 206, 487—488
 Марьянова М.М. II 205, 206, 487—488
 Масальская — см. Погоцкая Е.
 Масперо Г.К.Ш. II 56, 465
 Масюся, племянница М.П.Латри I 37
 Матвеев А.С. I 435, 555
 Махно Н.И. II 239
 Маяковский В.В. II 351, 504, 505
 Мейн А.Д. I 23, 463; II 196, 418, 419
 Мейн М.А. — см. Цветаева М.А.
 Мейчик М.Н. II 149, 483
 Мережковский Д.С. I 486
 «Александр I» I 152
 Мериме Проспер «Кармен» I 149, 160
 Мессалина I 78
 Месхиева В.В. II 228, 491
 Метерлинк Морис I 294, 504
 Милиоти В.Д. II 75—77, 79, 82, 86, 90, 98, 100, 102, 108, 109, 111, 116—118, 125—127, 131—134, 136, 140, 141, 146, 148, 153, 166, 186, 202, 203, 214, 230, 232, 233, 465, 479
 Милиоти З.В. II 219, 489
 Милиоти Л.П. II 101, 109, 123, 124, 149, 474
 Миллиоти М.И. II 76, 465
 Милиоти Н.Д. II 77
 Милиоти Ю.Д. II 76
 Миллер В.А. II 271—273, 494
 Мильтон Д. II 392
 Миндлин Э.Л. II 239
 Минц А.М. I 239, 496
 Минц М.А. I 214, 221, 239, 495
 Минцлова А.Р. I 80, 478
 Мирбах Вильгельм I 259, 499
 Миронов Н.Н. I 121, 123, 127, 186, 199, 200, 201, 202, 210, 212, 222, 227, 231, 232, 233, 245, 246, 482; II 90, 102, 131
 Мирра — см. Бальмонт М.К.
 Митя, Митка — см. Сеземан Д.В.
 Михеев I 177
 Мнишек М.Ю. I 57, 470; II 216, 273
 Могилевский I 37, 63, 66, 67, 68, 468
 Моисси Александр I 388, 531
 Мопассан Ги де I 158, 488
 Моретини Ж. II 426
 Морис, граф Саксонский II 162, 484

- Морозов С.Т. *II* 41, 462
 Моцарт Вольфганг Амадей *I* 162, 365; *II* 409, 474
 Мочульский К.В. *II* 436, 514
 Мунте А. *II* 446, 517
 Мчедлов В.Л. *I* 297–298, 318, 320, 338
 Мюрат Иоахим *I* 160, 489
 Мюссе А. де *II* 165, 168, 177
 М–тов *I* 425
 Надсон С.Я. *I* 378, 525
 Надя *I* 265, 266, 269, 294, 310, 500; *II* 85
 Наполеон Бонапарт *I* 141, 149, 155, 262, 299, 313, 361, 362, 370, 387, 391, 434, 435, 444, 446; *II* 17, 28, 43, 105, 161, 162, 208, 209, 298, 414, 446, 447
 Нарышкины, русский дворянский род *I* 436, 555
 Настасья (Анастасия) Сергеевна, заведующая кунцевским детским приютом *II* 57, 69, 73
 Наташа, жена Б.И.Вершилова *I* 287
 Наташа, няня Али *I* 116
 Наташа А<нтоколь>ская – см. Щеглова Н.Н.
 Нахман М.М. *I* 59, 472
 Некрасов Н.А. *I* 146; *II* 25
 «Влас» *II* 413
 «Русские женщины» *II* 18
 Нельсон (каталог) *II* 402
 Нерон, римский император *I* 191, 493
 Нестеров М.В.
 «Видение отрока Варфоломея» *I* 346
 Ника, мальчик, товарищ Али *I* 225
 Никодим – см. Плущер–Сарна Н.А.
 Николай II *I* 264, 269, 500; *II* 278–279
 Никон, патриарх *I* 436, 446, 555
 Нилендер В.О. *I* 342, 515; *II* 122, 311, 476
 Нина – см. Клепинина Н.Н.
 Нина В. – см. Виноградова Н.К.
 Нина Н. *II* 82
 Нина Николаевна – см. Клепинина Н.Н.
 Нинон – см. Ланкло де Нинон
 Ницше Ф. *I* 146, 154, 438
 «Так говорил Заратустра» *II* 169, 485
 Н. Н. – см. Вышеславец Н.Н.
 Нобель Г.Л. *II* 422, 511
 Новалис *II* 139
 Оббовы, семья *II* 433, 437
 Оболенская Ю.Л. *I* 472
 «Сергей Эфрон» *I* 59
 Овидий Публий Назон *I* 366
 Одноглаз, собака *I* 46, 47, 469
 Олег, князь *I* 261
 Осип Эмильевич – см. Мандельштам О.Э.
 Осман, мальчик в Гурзуфе *I* 161, 252, 489
 Островский А.Н. *I* 66
 «Дикарка» (совм. с Н.Я.Соловьевым) *I* 204, 494
 Отрепьев Г. *I* 159, 486; *II* 217, 223
 О–мов *I* 409
 П. Н. – см. Лампси П.Н.
 Павлова К.К. *II* 25, 138, 460, 469–471
 «Воспоминания» *II* 86–87
 «Мы современницы, графиня...» *II* 88
 Павлушков В.А. *II* 19, 22, 58, 60, 61, 459
 Паганини Никколо *II* 230, 250
 Панащатекко, преподаватель математики в Феодосии *I* 27
 Парнок С.Я. *I* 95, 108, 129, 131, 137, 139, 237, 480; *II* 82, 124
 Паскина Е.П. *I* 140, 482
 Пастернак Б.Л. *II* 348, 351, 352, 402, 410, 505, 507
 «Поверх барьеров» *II* 347, 363, 503–504
 Паша, знакомый С.Е.Голлидей *I* 332
 Перро Шарль
 «Золушка» *I* 208; *II* 121, 360
 «Ослиная кожа» *I* 270; *II* 233
 «Belle au bois dormant» *I* 21
 Песталоцци Иоганн Генрих *I* 366
 Петерсон К.А.
 «Сирота» *II* 246, 492
 Петипа М.М. *II* 132, 140, 148
 Петр Великий *I* 439, 449; *II* 120, 235, 476
 Петр Николаевич – см. Лампси П.Н.
 Петрова А.М. *I* 37, 40, 65, 67, 134, 135, 468
 Петя, мальчик в кунцевском детском приюте *II* 60
 Пинчио I, II, III, собаки *I* 158, 488
 Плетнев Д.Д. *I* 325, 511
 Плеханов Г.В. *I* 175, 491
 Плущер–Сарна Н.А. *I* 171, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 185, 191, 233, 237, 239, 243, 245, 257, 258, 260, 264, 269, 293, 369, 371–372, 445, 490

- Плуцер—Сарна Т.И. I 209, 233, 245, 269, 357, 371—372, 494; II 82, 153, 156
 По Э. II 237
 Подашевский II 269
 Подсэм, собака II 434, 435, 514
 Полиевктова Т.А. I 294, 504
 Полуэктов В.Г., детский врач I 443
 Поляков А.А. II 432, 513
 Попов I 28, 64, 65, 151—152, 474
 Потенба А.А. II 235, 491
 Потоцкая Е. I 364, 389, 522
 Потье Э.
 «Интернационал» II 246
 Пра — см. Кириенко—Волошина Е.О.
 Прево Антуан Франсуа, аббат
 «Manon Lescaut» I 163, 360; II 76, 105
 Прокопенко А.П. II 413—414, 509
 Прокопович Ф. I 449, 557
 Пуришкевич В.М. I 390, 532—533
 Пушкин А.С. I 125, 150, 161, 162, 238, 269, 367, 409, 410—411, 423; II 22, 25, 30, 33, 90, 97, 106, 107, 132, 133, 171, 351, 396, 461, 474, 504
 «Бесы» II 356, 413
 «Воспоминание» II 106, 474
 «Евгений Онегин» I 57
 «К Вельможе» II 132, 478
 «Пир во время чумы» II 237, 491
 «Сказка о царе Салтане» I 184
 «Утопленник» II 413
 «Цыганы» II 413
 «Я Вас любил...» II 410
 Пушкина Н.О. II 396
 Пюйсей, граф I 370, 524
 Разин С.Т. I 325, 331, 343, 511; II 211
 Расин Жан II 353
 «Федра» I 161, 489
 Распутин Г.Е. I 159
 Рафаэль I 149
 Рахманинов С.В. II 415
 Редлихи, семья I 18, 32, 35, 54, 133, 462
 Редлих А.Ф. I 24, 33, 73, 89
 Редлих Э.М. I 18, 24
 Рейтлингер Ю.Н. II 317, 498
 Рейхштадтский, герцог I 64, 343, 388, 408, 424, 474; II 44
 Рембрандт II 131
 Рёсслер I 67, 474
 Рики, московский домовладелец (?) I 280
 Рильке Р. М. II 333, 343, 410, 445, 500, 517
 Робби — см. Росс Р.
 Робеспьер Максимильтен II 423
 Рогозинский В.А. I 46—47, 69, 70, 469
 Родзевичи, семья II 419
 Родзевич К.Б. I 194—196; II 308—309, 312, 316, 320, 419, 498
 Родзевич М.С. II 437, 515
 Роза — см. Люксембург Р.
 Розанов В.В. I 34—35, 297, 466; II 38, 146, 206, 488
 «Люди лунного света» I 190, 438
 «Уединенное» I 35
 Рока Токутоми
 «Лучше не жить» I 42
 Романенко I 261
 Романовы, династия русских царей I 159, 488
 Росс Роберт I 146, 408, 484
 Росси, правильно: Россов Н.П. I 298, 300, 507
 Ростопчина Е.П. I 438; II 25, 80, 81, 88, 138, 460, 469—471
 Рубинчик А.Д. II 149, 483
 Руднев В.В. II 437
 Рузман, «опричник» на станции Усмань I 276
 Рукавишников И.С. I 357, 427, 428, 518—519; II 131, 230
 Рукавишникова Н.С. I 357, 425, 518—519
 Румянцев Н.П., граф I 359
 Руссо Жан Жак I 438
 Рыжик, знакомая Цветасвой в Париже II 343
 С., знакомый С.Я. Эфрона II 83, 468
 Сабашникова М.В. I 80, 478
 Савва — см. Андреев С.Л.
 Савонарола I 146, 484; II 278
 Саломея — см. Андроникова—Гальперн С.Н.
 Сальери Антонио I 162
 Самозванец — см. Отрепьев Г.
 Санд Жорж II 75, 77, 79, 81, 135, 138, 162, 200, 460, 467
 Санд Морис II 81, 467
 Сандро — см. Кусиков А.Б.
 Санта—Крус, маркиз де I 382, 528
 Саня, возможно Рогозинский А.В. (?) I 230

- Сапунов К.Н. *I* 298
Сапунов Н.Н. *I* 59, 472
Сафо *II* 88
Сведенборг Э. *II* 139, 481
Свистунов Б.В. *II* 402, 507
Северянин И. *I* 76, 121, 164, 476–477
Севинье Мария де Рабютэн Шанталь, маркиза де *II* 210
Сегюр Луи Филипп, граф де *I* 383, 407, 528
Сеземан Д.В. *II* 337, 416
Сен–Симон Клод де Рувруа, герцог *I* 380
Сен–Симон Луи де Рувруа, герцог *I* 380, 381, 527
Сен–Симон Клод Анри де Рувруа, граф *I* 380, 527
Сеневич, жительница Феодосии *I* 35
Сервантес де Сааведра Мигель «Дон Кихот» *I* 318, 384; *II* 11
Сергей Александрович, великий князь *II* 44, 462
Сергий Радонежский *I* 346; *II* 206, 488
Сережа – см. Эфрон С.Я.
Серов Г.В. *I* 331, 345, 410, 513
Сиу, кондитерская фирма *I* 293
Скобелев М.Д. *I* 420, 553
Скриб Огюстен Эжен (совм. с Легуве Э.) «Адриенна Лекуврёр» *II* 125, 162, 476
Скрябины, семья *II* 205, 229, 232, 233, 241, 242
Скрябин А.Н. *II* 149, 407
Скрябина Л.А. *II* 249, 492
Скрябина М.А. *II* 208, 488
Скрябина Т.Ф. *II* 197, 205, 206, 229, 234, 238, 241, 407, 487
Слоним М.Л. *II* 315, 498
С. М. – см. Волконский С.М.
Смирнов А. *II* 32, 461
Сокол – см. Соколов В.А.
Соколов В.А. *I* 9, 110–111, 269, 460
Соколова Лиля *I* 27
Соллогуб, граф *I* 284
Сологуб Ф.К. *II* 147, 149
«Ванька–ключник и паж Жан» *II* 33, 461
Саломея – см. Андроникова–Гальперн С.Н.
Сонечка – см. Голлидей С.Е.
Соня, прислуга в доме Редлихов *I* 24, 30, 35, 41, 46
Соня – польская родственница Цветаевой *II* 418
Соня – см. Либер С.
Соня, Сонечка – см. Парнок С.Я.
Сосинский В.Б. *II* 436, 514
София Яковлевна – см. Парнок С.Я.
Софокл *I* 156
Спиридонова М.А. *II* 45, 462
Сталь Анна Луиза Жермена де *I* 364, 522; *II* 156, 157
«Коринна или Италия» *II* 140, 141, 145, 155, 156, 161, 162, 167, 480, 481, 484
Стамболи, фотограф в Феодосии *I* 43, 44, 45
Станиславский К.С. *I* 297–300; *II* 230
Стахович А.А. *I* 296–300, 304, 305, 306, 310, 326, 389, 390, 394, 395, 403, 404, 505; *II* 81, 90, 132, 359
Стахович Софья Александровна *I* 394
Стеклов Ю.М. *I* 285, 330, 503; *II* 270
Стендаль *I* 161, 489
«Стенька Разин», солдат *I* 276
Степанов И.В.(?) *II* 349, 504
Степун Ф.А. *I* 261, 500; *II* 186, 228, 237
Стравинская Л.Л. *I* 416, 551
Струве Г.П.(?), М.А.(?) *II* 432, 513
Стюарт *II* 17, 59
Сувестр Э.
«Философ на чердаке» *II* 26, 460
Сувчинская В.А. *II* 427, 512
Судаков И.Я. *I* 298, 300, 507
Т.Алексеевна – см. Полиевктова Т.А.
Тамбурер Л.А. *I* 413, 416, 480; *II* 16–19, 58, 61, 64, 65, 67, 70, 73, 82, 89, 402, 467
Таиров А.Я.
«Принцесса Брамбилла. Каприччио Камерного театра по Гофману» *II* 137, 480–481
Таня – см. Плуцер–Сарна Т.И.
Таня, знакомая Цветаевой в Париже *II* 380, 413, 430, 435, 438
Тассо Торквато *I* 151, 391, 485
Татьяна Федоровна – см. Скрябина Т.Ф.

- Гвен Марк
 «Личные воспоминания о Жанне д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря» I 428, 554
- Тихон, патриарх II 90
- Толстая — Дымшиц С.И. I 46
- Толстой А.К.
 «Против течения» II 44, 462
- Толстой А.Н. I 56, 95, 273
- Толстой Л.Н. I 32; II 101, 119, 170, 201
 «Анна Каренина» I 63; II 171, 404
 «Война и мир» I 152, 376; II 272
 «Детство и отрочество» II 170
 «Лев и собачка» I 251
- Толстой П.Н. II 435, 514
- Толстые, семья I 46—47, 469
- Тоня, подруга М.А. Цветаевой II 44
- Троцкий Л.Д. I 334, 342; II 94
- Трухачев А.Б. I 26, 30, 31, 42, 43, 45, 50, 53, 54, 63, 68, 69, 75, 77, 82, 83, 84, 90, 92, 108, 109, 111, 119, 178, 184, 222, 226, 229, 236, 237, 239, 244, 245, 269, 347, 464; II 83
- Трухачев Б.С. I 121, 125, 128, 387, 482; II 7, 77, 91, 259
- Трухачева М.С. I 33, 466
- Тумаркин Р.С. I 355, 517; II 8
- Тур Евгения
 «Семейство Шалонских» II 26, 460
- Тургенев И.С. I 152; II 25
 «Первая любовь» I 307
- Туринцев А.А. II 322, 499
- Туся — см. Крандиевская Нат.В.
- Тучков — IV А.А. I 24, 464
- Тюнька, собака I 55
- Тютчев Ф.И. II 149, 279
 «Не то, что мните вы, природа...» II 429, 512
 «Нет, мого к тебе пристрастья...» II 241, 492
- Уайльд Оскар I 146, 165, 189, 408, 483
- Усов Д.С. I 86, 479
- Устинья, дворничиха во Дворце искусств II 116, 120
- Федотов Г.П. II 436, 437, 514
 «Святые Древней Руси» II 428, 512
- Федотов Н.П. II 111, 143
- Фейнберги, семья I 26, 464
- Феликс, кот II 339
- Фельдштейны, семья I 418, 551
- Фельдштейн Э.А. I 17, 38, 462; II 205
- Фет А.А.
 «Облаком волнистым...» I 102, 481
 «Серенада» I 102
- Фефа — см. Волькенштейн Ф.Ф.
- Фиделев, врач I 39
- Филимович, служащий в Наркомнаце II 272
- Фондаминский И.И. II 424, 511
- Фореггер Н.М. I 76, 477
- Фореггер С. I 76, 477
- Фофанов К.М. I 164
- Франс А. II 101
- Фредерика — см. Брион Фредерика
- Фридомин, житель Феодосии I 88
- Фридрих II Великий I 383, 384, 387, 529
- Фурман П.Р.
 «Ближний боярин Артемон Сергеевич Матвеев, друг царя и народа» I 435, 555
- Хальман Моисей, юнкер I 181
- Хин II 430, 431, 437, 513
- Христиана — см. Вульпиус Х.
- Хрустачев Н.И. I 62—63, 75, 473
- Худолеев И.Н. II 132, 140, 142, 162, 164, 165, 166, 173, 176, 177, 478
- Цветаев А.И. I 269, 501; II 45, 46, 89, 94, 110, 127, 339, 382
- Цветаев В.В. I 313, 510
- Цветаев Д.В. I 66, 474
- Цветаев И.В. I 23, 66, 333, 348, 358, 359, 360, 444, 463; II 7, 43, 45, 46, 173, 209, 418, 419
- Цветаев Ф.В. I 275, 502
- Цветаева А.И. I 18, 19, 23, 24, 26, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 40, 42, 43, 45, 47, 50, 55, 57, 58, 63, 64, 65, 66, 68, 69, 71, 73, 75, 77, 81, 86, 103, 125, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 184, 210, 212, 222, 226, 232, 239, 242, 243, 245, 269, 274, 275, 333, 340, 348, 358, 359, 377, 387, 417, 428, 461; II 7—9, 43—47, 83, 103, 108, 116, 120, 122, 138, 154, 169, 170, 197, 238, 239, 248, 249, 253, 259, 260, 382, 506
 «Дым, дым и дым» II 8, 9, 116
 «Королевские размышления» II 116, 169, 485
- Цветаева В.И. I 34; II 45, 46

Цветаева М. И.

«Аля! Маленькая тень...» I 19, 20–22, 24

«Бабушка» I 435, 555; II 12, 27, 33

«Бальмонту» II 146, 482

«Белый ангел» I 87

«Был Вечный Жид за то наказан...» II 213

«Были мы — помни об этом...» I 87, 479–480

«В огромном липовом саду...» I 25

«В синем поле — розан пламенный...» II 51, 53, 463

«Век юный» I 24, 463

«Весна наводит сон. — Уснем!...» II 277, 495

Вечерний Альбом II 52

«Возьмите все, мне ничего не надо...» II 133, 479

Волшебный фонарь I 261, 353; II 17, 29, 59, 64, 67, 116

«Восхищенной и восхищённой...» II 126, 477

«Все братья в жалости моей...» II 126, 477

«Генералам 12-го года» I 24

«Голубиная купель...» II 276–277, 495

«Да, вздохов обо мне — край непоча тый!...» II 118, 476

«Две руки — и пять на каждой...» II 213

«Двулетие! — И снова их знамена...» I 450, 557

«Декабрьская сказка» I 58

«Димитрий» (пьеса) II 223, 248, 490

«Для тех, отживших последние кло- чья...» II 276

«Ева» II 177–178

«Егорушка» II 248, 249, 251, 253, 255, 256

«Ех—сi—devant» II 222

«Завтра будет: послезавтра!...» II 213

«Затем и от Бога...» II 215

«Звезда над люлькой — и звезда над громом...» II 56, 465

«Земные приметы» II 283

«И что тому — костер остылый...» II 193, 486

«Как много забвением темным...» II 29

«Как слабый луч...» II 115, 121, 475

«Каменный Ангел» I 348, 388

«Конец Казановы» I 345, 360, 365, 388, 389, 406, 414, 416, 421; II 27, 33, 272

«Ландыш, ландыш белоснежный...» I 337

«Между воскресеньем и субботой...» II 52–53, 464

«Метель» I 348, 388; II 27, 33

«Мои службы» II 270–272, 494

«Молодец» II 324–325, 499

«Москва! Какой огромный...» II 251

«На Красном коне» II 240, 251, 492

«Настанет день — печальный, гово- рят...» II 99

«Небо — тридевять земель...» II 276

«Не называй меня никому...» II 234, 491

«Никто, взглянувший, не встречал от- каза...» II 214

«Никто ничего не отнял...» I 338

«О души бессмертный дар!...» II 49–50, 51

«— Он тебе не муж? — Нет...» II 235, 491

«Памяти А.А. Стаховича» I 304

«Плутая по своим же песням...» II 213

«Повесть о Сонечке» II 295, 356, 368, 369, 408, 497, 505

«Поступью сановнически—гордой...» I 277

«Поэты с историей и поэты без исто- рии» II 410, 509

«Приключенис» I 343, 348, 365, 373, 388

«Простите Любви, — она нищая!...» II 54, 464

«Прощай! — Как плещет через край...» II 234, 491

«Птичка всё же рвется в рощу...» II 214

«Решено: играсм оба...» II 214

«Рождественская дама» I 261

«Сказавший всем страстям: прости...» II 118, 476

«Сказочник! Нс в меру развил...» II 320, 323

«Слишком уж много снегу...» II 50, 463

«Словно теплая слеза...» II 183, 486

«Смерть Танцовщицы» II 133, 479

«Сон Разина» I 343

«Стихи о Москве» II 241, 492

«Суда поспешно не чини...» II 118, 119, 476

- «Так, выбившись из страстной ко-
леи...» II 192, 486
«Так, покончив с этою школой...»
II 308
«Тебе — через сто лет» I 376, 378
«Тень достигла половины дома...»
II 118, 476
«Ты будешь невинной, тонкой...» I 80,
477
«Ты зовешь меня блудницей...» II 214
«Ты принес мне горсть рубинов...»
II 214
«У камина» I 26, 28, 29
«Уравнены: как да и нет...» II 217, 489
«Ученик» (пьеса) II 133, 174, 183, 192,
200, 479, 481
«Феникс» I 406; II 318, 498
«Фортуна» I 343—344, 348, 357, 363,
388, 407, 546; II 132
«Царь—Девуца» II 217, 219, 221, 241,
242, 248, 249, 251, 257, 489
«Цыганская страсть разлуки!..»
«Чародей» I 51, 56, 57, 64, 73
«Червоный Валет» I 388; II 27
«Эпос и лирика современной России»
II 350, 504, 514
«Я знаю эту бархатную брэнность...»
II 234, 491
«Я не хочу ни есть, ни пить, ни
жить...» II 50, 463
- Цветаева М.А. I 36, 307, 333, 358, 371,
377, 417; II 13, 21, 25, 42—46, 110, 196,
198, 418, 419
- Цветковская Е.К. I 295, 501; II 56,
148, 149, 187, 198, 199, 205, 206, 210—
211
- Цветковский К.К. II 210—211
- Цвибак М.Е. I 63
- Цезарь Гай Юлий I 191, 493
- Цеткин К. II 408
- Цетлины, семья II 26, 91, 460
- Цетлина М.С. II 8
- Цирес А.Г. II 2, 460
- Чарыков Х.И. (?) II 429, 512
- Челлини Бенвенуто I 427, 553
- Челпанов Г.И. II 104, 474
- Чертова, кавалерственная дама I 272
- Чсрубина — см. Васильева Е.И.
- Чехов А.П. I 273; II 170
«Вишневый сад» I 299
- Чистяков М.Б.
«Весна» I 267, 500
«Биографические рассказы» II 17, 64
- Чичкин А.В. I 271, 376, 501
- Чуковский К.И.
«Пора бы поуменьть!» II 428, 512
- Чурилин Т.В. II 75, 77, 90
- Шарль I 365, 366, 367, 368, 369, 434,
522; II 8
- Шатобриан Арман де I 370—371
- Шатобриан Франсуа Рене I 371
- Шварсалон В.К. I 294
- Шевалье Морис II 447, 517
- Шевелькова II 428
- Шекспир Уильям
«Король Лир» I 156
«Макбет» I 316
«Ромео и Джульетта» II 81
- Шелли Перси Биш II 16, 168
- Шенья Андре I 394
- Шереметев С.С. II 101, 134, 479
- Шиллингер И.М. II 239, 250, 492
- Шингарев В. II 326, 499
- Ширинские, семья II 426, 511
- Шишко Л.Э.
«Рассказы из русской истории» II 45,
462
- Шмидт П.П. II 45, 462
- Шоколад, собака I 46, 47, 48, 50, 55, 469
- Шопен Фридерик I 20, 151, 252—
253, 336, 389; II 75, 81, 108, 111, 132,
252, 415, 467
- Штейнер Рудольф I 152, 486; II 284,
496
- Штраусы, династия австрийских ком-
позиторов II 166, 485
- Шульгин II 435, 514
- Шуман Роберт I 20, 151
- Щастный А.М. I 251, 497
- Щеглова Н.Н. II 175, 471
- Э., знакомая Цветасовой II 82
- Эва Адольфовна —
см. Фельдштейн Э.А.
- Эдисон Т.А. II 45, 462
- Эзоп
«Журавль и Лиса» II 52, 462
- Эйгес К.Р. II 149, 483
- Экк Н.В.
«Путевка в жизнь» II 339, 502
- Эккерман Иоганн Петер
«Разговоры с Гёте в последние годы
его жизни» I 428, 434; II 34

- Эллис *I* 51, 56, 57, 64, 73, 469
 Эренбург И.Г.
 «Не сумерек боюсь – такого света...»
II 317, 498
 Эрнст Морицович
 – см. Редлих Э.М.
 Эфрон А.С. *I* 11, 12, 16–46, 48–57, 59–64, 66, 68–78, 80–84, 88–90, 93–131, 133–137, 139–141, 180, 182, 184–186, 188, 199, 200–202, 204, 209, 210, 212–214, 216, 219, 222, 225, 226, 231, 232, 233, 237, 239, 242, 244, 245, 248, 250, 251, 253–256, 259, 260–270, 272, 276, 277, 279, 280–285, 287–291, 294–296, 301–303, 306, 307, 309, 310, 312, 316–318, 320–326, 330–333, 335, 337, 339–342, 344–347, 349, 352–353, 358, 361, 368, 369, 371, 372, 377, 385, 388, 390–392, 394, 395, 401–404, 406, 409, 411, 412, 417, 418, 420–426, 428, 429, 435, 436, 438, 439, 441, 442, 444–449; *II* 8–13, 16–20, 23, 25–28, 30, 31, 33, 34, 37, 39, 40–42, 47, 48, 51–62, 66, 68, 69–74, 78, 82–87, 89–91, 93, 94, 101–103, 108, 110–112, 116, 118, 121, 122, 124–126, 130–133, 135, 138, 140, 142, 144, 146, 147, 149, 151–154, 156, 159, 160, 163, 165, 167, 168, 172, 180, 181, 183, 188, 189, 192, 195, 197, 198, 202, 205–210, 217–219, 222, 223, 227–232, 235–240, 242, 248–251, 253, 255–262, 269, 272, 277, 293, 295, 333, 337, 343, 370, 399, 402, 407–408, 416, 420, 421, 427, 459, 464, 477
 Эфрон В.Я. *I* 17, 26, 46, 419, 462
 Эфрон Г.С. *II* 333, 337–344, 347–356, 361, 362, 364–368, 370, 375, 377, 380, 381, 384, 392, 400, 402, 406, 409–423, 435, 442, 443, 445–448, 499, 505
 Эфрон Г.Я. *I* 69, 474; *II* 259, 471
 Эфрон Е.Я. *I* 9, 11, 17, 24, 25, 38, 104, 255, 460; *II* 85, 91, 258
 Эфрон И.С. *I* 147, 148, 154, 164, 180, 184, 185, 207, 239, 245, 268, 269, 271, 272, 285, 309, 335, 337, 339, 352, 366, 372, 427, 441, 442, 447; *II* 8, 10, 11, 16–19, 22, 25, 27–29, 31, 39–41, 57, 58, 60–66, 72, 73, 78, 84–87, 89, 94, 107, 109, 110, 138, 152, 195, 258–259, 272
 Эфрон П.Я. *I* 76, 94, 404, 476
 Эфрон С.Я. *I* 9, 10, 12, 16–18, 22–27, 29, 30, 34, 37, 40–50, 53–56, 58, 59, 61–74, 78–80, 84, 95–104, 106, 107, 109, 112, 114–118, 124, 125, 127, 128, 131, 132, 135, 136, 139–141, 162, 173, 177, 179, 180, 184, 193, 199, 200, 202–204, 212, 219, 231, 237, 239, 245, 258, 260, 268, 269, 289, 303, 314, 318, 324, 330, 333, 346, 352–353, 365–367, 372, 376, 377, 385, 388, 390, 395, 404, 409, 417, 419, 425, 426, 428, 429, 432, 434, 444; *II* 7, 8, 11, 19, 20, 22, 24, 26, 33, 34, 36, 39, 42, 47, 52, 62, 66, 79, 80, 83, 84, 86, 89, 91, 92, 94, 98, 103–105, 108, 130, 135, 138, 152, 163, 168, 169, 181, 196, 197, 206, 231, 235, 242, 248, 252, 255, 257–261, 275, 284, 293, 295, 333, 337, 338, 351, 352, 354, 365, 366, 384, 392, 407, 423, 427, 448, 493
 Эфрон Я.К. *I* 423
 Южин А.И. *I* 298, 300, 507
 Юлия – см. Рейтлингер Ю.Н.
 Юркевичи, братья *I* 63, 473
 Яков, дворник во Дворце искусств
II 116
 Ямагата И. *II* 147–149, 482
 Ямбо, слон *I* 71, 79, 475–476
 Яхнис, врач в Феодосии *I* 68
 Я – ч, коммунист *I* 357
 Alibekoff *II* 429
 Altschuller – см. Альтшуллер Г.И.
 Andre *II* 433
 Annie (Brink) *I* 12, 460
 d'Annunzio *II* 143, 482
 d'Artois *I* 361, 520
 Aumale, princesse de *I* 379, 527
 Bachkirtzeff М.
 – см. Башкирцева М.К.
 Beauvilliers, m^{lle} de *I* 381
 Beethoven L. van
 «Busslied» *I* 361
 Benckendorff, countess *II* 433, 513
 Béranger P. J. *I* 392
 Biennard'ы *I* 23, 463
 Блок – см. Блок А.А.
 Boicenco М. *II* 438
 Borgia *II* 388
 Bradford *II* 434
 Breguet *II* 8

- Breni P.
 «Leçons illustrées de français» II 424
 Bronte Emilie II 345
 Buck Perl
 «Exilée» II 449, 518
 Bürger G. A. I 14, 461
 Casanova II 395, 396, 398
 Casteret N.
 «Dix ans sous terre» II 449, 518
 Céry
 «La Famille Royale au Temple» I 407
 Champagne M.
 «Le fils du planteur» II 416
 Châteaubriand A. de I 370–371, 524
 Châteaubriand F. R. de I 370–371, 524;
 II 216
 Chatterton T. I 392, 534
 Chénier A. I 389
 Christian I 358–359, 519
 Coigny, marquise de I 379, 396, 399, 525–
 526
 Condé, prince de I 381, 528
 Curie M. II 449, 518
 Debordes–Valmore M. II 143, 481
 Deffant M., marquise du (1697–1780) I
 396, 534
 Droste–Hülshoff A. von I 15, 461
 Dumas A.
 «Dame aux Camélias» I 273; II 164
 Efron Georges – см. Эфрон Г.С.
 Exupéry–Saint A. de
 «Terre des Hommes» II 442, 443, 516
 Fabergé I 435, 555
 Fédotoff G. – см. Федотов Г.П.
 Fec
 «Flore de Virgile» II 303
 Ficher S. II 405, 508
 Florian J. P. C. I 361, 520
 «Si tu connais dans ton village» I 361
 France A. I 440, 556
 «Lys rouge» II 101, 474
 Galitzina, princesse I 401
 Gautier T. I 370
 «La croix de Berny» II 82, 468
 Geoffrin M. T. I 396, 534
 Gilbert N. J. L. I 392, 534
 Girardin D. de
 «La croix de Berny» II 82, 468
 Goethe J. W. I 13, 14, 125, 444, 446;
 II 14, 123, 163, 170, 202, 221, 386, 391,
 404, 485–486
 «Der Fischer» II 246, 492
 «Dichtung und Wahrheit» II 34, 35, 127
 «Ja, das ist das rechte Gleis» II 391, 507
 «Natur und Kunst» II 386, 506
 Goetling
 «Gesammelte Abhandlungen aus den
 klassischen Altertum» II 303
 Goncourt E. I 370
 Goncourt'y I 413
 Gorgouloff P. – см. Горгулов П.Т.
 Goul Roman – см. Гуль Р.Б.
 Grasse A.M. II 429
 Guibert II 86
 Hagedorn F. von I 14, 461
 Hanek F. II 293
 Hanser II 377
 Hauff W.
 «Lichtenstein» I 428, 543
 Heine H. I 345, 516–517; II 126, 176,
 276, 404, 517
 «Aus meinen grossen Lciden...» II 163,
 484
 «Nordsee» II 445, 517
 Hellmuth I 359, 519
 Hitler II 377
 Hoffmann E.T.A.
 «Das fremde Kind» II 147, 179
 Hofmansthal H. von I 343, 428, 515;
 II 208, 276
 Hugo V.
 «Espère, enfant, demain!..» II 271, 494
 «Quatrevingt treize» II 201
 Jacobi J. G., F. W. (?) I 14, 15, 461
 Jean Paul II 208
 «Flegeljahre» I 428, 554
 «Hesperus» I 428, 554
 Igumnova – см. Игумнова А.М.
 Jourij – см. Завадский Ю.А.
 Kleist II 208
 Koltchak – см. Колчак А.В.
 L. D. M. II 345
 La Bruyère J. de I 379, 526–527
 Lafarge M. F. II 449, 518
 La grande Mademoiselle I 380, 526
 Lahmann H. I 359, 519
 Lamartine A. de
 «A une jeune fille qui avait raconté son
 rêve...» II 271, 495
 «Jeanne d'Arc» I 440, 556
 Lamott–Fouqué F. de
 «Undine» I 343, 500

- Lausun, duc de *I* 379, 526–527
 Lausun Armand Louis Gonto, duc de *I* 363, 404, 415, 508
 Lawrence T. *I* 474; *II* 413
 «Roi de Rome» *I* 64
 Lespinasse m–elle de *II* 86, 97, 143, 468
 Ligne, prince de *I* 363, 364, 365, 366, 373, 379, 383, 389, 391, 396, 397, 398, 399, 401, 403, 404, 408, 409, 428, 521; *II* 81, 98, 105, 142, 158
 Lowe Hudson
 «Napoléon, captif a St. Hélène» *II* 410, 509
 Maïa – см. Кювиле М.
 Mané–Katz – см. Мане–Кац М.Л.
 Mann H.
 «Zwischen den Rassen» *I* 358
 Marie Antoinette *I* 407
 «Si tu connais dans ton village» *I* 361
 Marie–Louise *II* 397
 Maroniez P. *II* 438, 515
 Mathilde (die blinde Mathilde) *I* 348
 Maupassant G. de
 «Fort comme la mort» *II* 13
 Méry J.
 «La croix de Berny» *II* 82, 468
 Michelet J.
 «Jeanne d'Arc» *I* 440
 «L'Amour» *I* 440
 Mirepoix m–me de *I* 396, 534
 Morà *II* 86, 143
 Moretini J. *II* 432
 Mour – см. Эфрон Г.С.
 Moussine–Pouchkine *II* 431
 Mozart *II* 409, 431
 Murger A. *I* 392, 534
 Musset A. de *I* 389
 «Après avoir aimé...» *II* 384, 506
 «On ne badine pas avec l'Amour» *II* 140, 144
 Napoléon *I* 444, 446; *II* 397
 Neipperg *II* 397, 507
 Noailles A., comtesse de *I* 59, 472–473; *II* 104, 138, 141, 157, 159, 173, 382, 392, 411, 506
 «Domination» *II* 143, 482
 «J'ai vu Constantinople étant petite fille...» *I* 260, 499; *II* 382
 «La nouvelle espérance» *I* 428
 Novalis *I* 15
 Paganini N. *II* 431
 Pascal B. *II* 383
 Pasternak – см. Пастернак Б.Л.
 Piccini N. *I* 361, 519
 Pfarrius G. *I* 13, 460
 Platen A. von *I* 154, 486; *II* 276, 286, 299, 496
 Platon *II* 286, 496
 Platon, archevêque *I* 401, 543
 Poljakov *II* 326
 Pompadour, marquise de *I* 416, 551
 Pouchkine – см. Пушкин А.С.
 Pouchkine mère – см. Пушкина Н.О.
 Preller L.
 «Griechische Mythologie» *II* 325, 499
 Prévost A. F. *I* 19, 462
 Prop *II* 436
 Proust M. *II* 348, 391, 504, 506
 Rilke R. M. *I* 428, 554; *II* 299, 341, 363, 500
 Roi de Rome – см. Рейхштадтский, герцог
 Roland, m–me de *II* 152, 289, 483, 496
 Rostand E.
 «L'Aiglon» *I* 63, 154, 343, 428, 473
 S. – см. Эфрон С.Я.
 Sand G. *II* 78
 Sandeau J.
 «La croix de Berny» *II* 82, 468
 Savoie–Nemours *I* 379, 527
 Saxe A. *II* 436
 Schiller F. *I* 14
 Schmid *II* 436
 Schwab G. *I* 14, 461
 Ségur m–me de *II* 357
 Seidel J. G. *I* 15, 461
 Sévigné, marquise de *II* 210, 488
 Sieber C.
 «René Rilke. Die Jugend Rainer Maria Rilkes» *II* 341, 503
 Solange <Dudevant> *II* 81, 467
 Sonetchka – см. Голлидей С.Е.
 Staël m–me de *II* 123, 137, 138, 157
 «Corinne» *II* 141, 145, 162, 167
 Stendhal
 «Rouge et noir» *I* 352
 Tersteegen G. *I* 15, 461
 Tieck L. J. *I* 15
 Tolstoj L. – см. Л.Н.

- Tschabuschnigg A. J. von *I* 13, 460
 Valfons, marquis de
 «Mémoires» *I* 362, 520
 Verlaine P.
 «Le ciel est par-dessus le toit...» *II* 310–311, 498
 Verne J.
 «Le docteur Ox» *II* 416
 Vildrac Ch. *II* 364
 «L'île rose» *II* 364
 «La Colonie» *II* 364
 «Le lunettes du lion» *II* 364
 Virgile *II* 303
 Vulliez, m—me *II* 340
 Wang *II* 450, 518
 Wasserman J. *II* 404–406, 508
 «Etzel Andergast» *II* 404–405
 «Faber oder Die verlorenen Jahre» *II* 405
 «Gaspar Hauser oder die Trdghet des Herzens» *II* 404
 Z — см. Миллер В.А.
 Ziegenderf (Ziengendorf) N. L. von
I 15, 461

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

- Азия *II* 299
 Александров *I* 226, 347; *II* 9
 Алжир *I* 19
 Альпы *II* 160, 414
 Аминьево *II* 58
 Ангара *I* 185
 Англия *I* 129, 319, 368, 370; *II* 166, 187
 Андалузия *II* 449
 Аппенинский полуостров *II* 411
 Армавир *II* 140
 Архангельск *II* 94, 471
 Ассирия *I* 366
 Африка *II* 260, 285, 341, 413
 Балтийское море *II* 410, 446
 Бельгия *I* 192
 Берлин *I* 193; *II* 266, 493–494
 Богемия *I* 389
 Ботнический залив *II* 410
 Бретань *I* 370
 Будапешт *I* 314
 Быково *I* 264
 Валенсия *I* 386
 Вальдсмоса *II* 81, 467
 Вандея *II* 427, 512
 Веймар *I* 434; *II* 276
 Вена *I* 364, 365 388; *II* 166
 Венгрия *I* 314
 Венеция *I* 449; *II* 150
 Висла *I* 193
 Владивосток *I* 179
 Владимирская губ. *I* 313
 Воронеж *II* 240, 254
 Воронежская губ. *I* 274, 275
 Гаронна *II* 449
 Геркуланум *II* 274
 Германия *I* 177, 343, 358; *II* 34, 297–299
 Готланд *II* 445, 517
 Гренобль *II* 226
 Греция *I* 366; *II* 297
 Гурзуф *I* 161, 252
 Дания *II* 443, 445, 446
 Дон *I* 264
 Дофинэ *II* 226
 Дрезден *I* 358; *II* 297
 Дукс *I* 364, 449
 Европа *I* 159; *II* 135, 274
 Египет *I* 366; *II* 56
 Елец *I* 436
 Жерсей *I* 370
 Зменный грот *I* 77
 Израиль *I* 286
 Иркутск *I* 245
 Испания *I* 81, 358, 382
 Италия *I* 40, 264, 405; *II* 35, 36
 Кавказ *II* 172, 205, 216, 218
 Калужская губ. *II* 33
 Капри *II* 446, 517
 Каспийское море *II* 256, 410
 Керчь *I* 183
 Киев *I* 298, 353, 409

* Все названия приводятся в алфавитном порядке; названия улиц, площадей, переулков и пр. даются под названиями городов.

- Кипр *II* 306
Кисловодск *I* 174, 237
Китай *II* 450
Климачи *I* 276
Кнос (Кнос) *II* 306
Коктебель *I* 10, 17, 26, 46, 47, 51, 69, 74, 75, 78, 80, 222, 227, 230; *II* 83, 84, 392
Копенгаген *II* 443, 445
Корсика *II* 418
Крит *II* 305
Кронштадт *II* 448
Крылатское *I* 339
Крым *I* 102, 234, 268, 314, 338, 417; *II* 132, 172, 239, 240, 242
Кунцево *I* 340, 342; *II* 20, 47, 51, 56, 58, 61, 70, 74
Лейпциг *II* 35
Лемнос *II* 306
Ленинград *II* 449
Лозанна *I* 256, 333
Лондон *I* 33
Леопольдсбер *I* 395
Мадера *I* 319
Майорка *II* 81, 467
Милан *II* 110
Минск *II* 102
МОСКВА *I* 12, 16, 23, 24, 32, 33, 34, 46, 106, 113, 179, 180, 181, 182, 184, 202, 227, 229, 235, 236, 242, 273, 276, 281, 282, 295, 304, 308, 310, 316, 328, 336, 338, 351, 362, 367, 370, 374, 378, 380, 389, 405, 410, 413, 414, 418, 422, 432, 437, 438, 439, 443, 446, 447, 448, 449; *II* 6, 11, 15, 16, 20, 26, 32, 34, 36, 38, 46, 47, 50, 55, 56, 62, 91, 132, 148, 175, 180, 187, 188, 196, 205, 226, 229, 234–236, 238, 239, 242, 243, 248, 250–253, 255, 257, 273, 275, 334, 337, 407, 410, 418, 449
– Александровский сад *I* 281, 330, 339, 438; *II* 211
– Арбат *I* 180, 296, 302, 365, 386, 422, 447; *II* 47, 84, 226
– Арбатская пл. *I* 281; *II* 232
– Афанасьевский пер. (Б. и М.) *I* 369
– Б.Спасский пер. *I* 129
– Борисоглебский пер. *II* 8, 34, 48, 58, 85, 91, 186, 233, 252
– Брестский вокзал *I* 199, 313
– Брянский вокзал *I* 270
– Ваганьковский пер. *I* 359
– Ваганьковское кладбище *I* 114, 165
– Воздвиженка *I* 173; *II* 298
– Вознесенская пл. *I* 180
– Воробьевы горы *I* 333, 437, 439
– Вшивый ряд (рынок, горка) *I* 367
– Девичье Поле *I* 297
– Екатерининский пер. (М.) *I* 23
– Замоскворечье *I* 367; *II* 273
– Зубовская пл. *I* 297
– Ильинка *II* 113
– Казанский вокзал *I* 251, 252, 271
– Калитниковское кладбище *II* 32, 461
– Камергерский пер. *I* 297
– Каретный ряд *I* 129
– Красная пл. *II* 113
– Кремль *I* 179, 180, 235, 261, 351, 366, 367; *II* 91, 113, 273
– Кудринская пл. *II* 112
– Кузнецкий мост *I* 435
– Лобное место *I* 325, 331
– Лубянская пл. *I* 167; *II* 58
– Маросейка *II* 94
– Милютинский пер. *I* 429
– Молчановка (Б. и М.) *II* 9, 252
– Москва–река *I* 218, 226, 228, 270, 366; *II* 234, 272
– Нескучный сад *II* 102, 252, 474
– Никитская ул. (Б. и М.) *II* 110
– Николопесковский пер. *I* 310; *II* 407
– Новинский бульвар *II* 220
– Охотный ряд *I* 316
– Патриаршие пруды *I* 321
– Петровка *II* 188
– Петровское–Разумовское *I* 27
– Плющиха *I* 422
– Поварская *I* 185, 211, 277, 284, 290, 308, 334, 348, 358, 368, 410, 446; *II* 91, 123, 129, 130, 134, 149, 154, 155, 164, 186
– Поклонная гора *II* 18
– Покровская застава (ворота) *I* 378
– Полянка (Б. и М.) *II* 275
– Пречистенка *I* 272; *II* 9, 33, 58
– Пятницкая ул. *II* 109, 111, 233, 475
– Рождественка *II* 101, 102, 474
– Садовая *I* 221, 277
– Семеновская ул. *I* 378
– Смоленский рынок *I* 271, 339, 342,

- 352, 450; *II* 15, 220, 229, 235, 272
- Собачья площадка *I* 281; *II* 33, 39, 56, 57, 172, 229, 252
 - Софийка *II* 140, 481
 - Спасоболвановский пер. *II* 234, 491
 - Староконюшенный пер. *II* 9
 - Тверская *I* 180, 341
 - Театральная пл. *I* 226
 - Трехпрудный пер. *I* 27, 28, 34, 57; *II* 7, 101, 108, 455
 - Триумфальная пл.
 - Трубная пл. *I* 405
 - Фили *I* 264
 - Ходынка *II* 113
 - Чернышевский пер. *I* 436
- Мюнхен *I* 365, 388
- Нева *II* 448
- Нижний Новгород *I* 209, 227, 357
- Ницца *II* 226
- Норвегия *II* 199, 445
- Нюрнберг *I* 237
- Одесса *I* 276, 292
- Ока *I* 71, 333; *II* 446
- Орел *I* 179, 180, 183
- Очаково *II* 58, 74, 75
- Отузы *I* 180
- ПАРИЖ** (с окрестностями) *I* 33, 365, 367, 370, 374, 415, 434; *II* 26, 151, 165, 179, 205, 226, 389, 420
- Версаль *I* 361, 381; *II* 33, 164, 434
 - Виктора Гюго ул. *II* 416
 - Грэвская пл. *I* 391
 - Клармар *II* 334, 402, 503
 - Люксембург *I* 380
 - Мёдон *II* 434
 - Монпарнасский бульвар *II* 420
 - Монпарнас (вокзал) *II* 342
 - Сен-Дени *I* 380
 - Сен-Мишель, бульвар *II* 430
 - Трианон
 - Шеф де Вилл, ул. *II* 416
 - Alésia (métro) *II* 425, 438
 - Amsterdam, rue de *II* 438
 - Art et Métiers (métro) *II* 432, 435
 - Austerlitz (métro) *II* 435
 - Auteuil, boulevard de *II* 431, 438
 - Auteuil, Porte de *II* 437
 - Barbès, rue *II* 426
 - Bièvre, route de *II* 438
 - Bonaparte, rue *I* 370
 - Boulogne *II* 428, 431
 - Boussicot, rue *II* 438
 - Buffon, rue *II* 433
 - Cadet (métro) *II* 430, 437
 - Cadet, rue *II* 437
 - Cambronne, rue *II* 425
 - Clamart (Seine) *II* 337, 364, 413, 416, 421, 501
 - Clamart, rue de *II* 438
 - Claude Lorrain, rue *II* 431
 - Clichy, place *II* 435
 - Condorcet, rue *II* 337
 - Daniel Sterne, rue *II* 425
 - Didot, rue *II* 438
 - Etoile (métro) *II* 435
 - Excelmans (métro) *II* 432
 - Fleury, rue *II* 347, 402
 - Foire aux Lutins *II* 402
 - Fontenay-aux-Roses *II* 438
 - Gare, avenue de la *II* 402
 - Gobelins, avenue *II* 436
 - Gobelins, rue *II* 430
 - Grenelle, boulevard de *II* 425
 - Guttenberg, rue *II* 428
 - Invalides (métro) *II* 437
 - Issy-les-Moulineaux *II* 364, 426
 - Italie (métro) *II* 435
 - Jeanne d'Arc, avenue *II* 438
 - Jules Chaplin, rue *II* 342
 - Jussien (métro) *II* 437
 - Lazar Carnot, rue *II* 344, 352, 355, 413, 503, 505
 - Lecourbe, rue *II* 436
 - Le Perreux (Seine) *II* 437
 - Leriche, rue *II* 437
 - Louis Guespin (rue?) *II* 438
 - Michel-Ange, rue *II* 425, 432
 - Molineaux, avenue des *II* 431
 - Molitor, rue *II* 430, 431, 438
 - Monge, rue *II* 437
 - Montparnasse, gare *II* 429
 - Moulin-de-Beurre, rue du *II* 436
 - Murat, boulevard *II* 435
 - Olier, rue *II* 426
 - Orléans, Porte de *II* 438
 - Paris, rue de *II* 364
 - Passy (métro) *II* 435
 - Pasteur (métro) *II* 426, 432
 - P. Bert, rue *II* 435
 - Perneti, rue *II* 370

- Place Monge (métro) II 437
 - Plaine de Grenelle I 370
 - Pont-de-Sèvres II 431
 - Poussin, rue II 437
 - Raspail, boulevard II 436
 - Raspail (métro) II 437
 - République (métro) II 435
 - Sallière, rue de la II 425
 - Seaux, rue des II 430
 - Sebastopol, boulevard II 431
 - Seinc, rue de II 429
 - Sentier des Bigots II 402
 - Sèze, rue de II 436
 - Sorrières, rue II 429
 - St. Cloud, Porte II 431
 - St. Cloud, rue de II 338
 - St. Pères, rue des II 431
 - St. Philippe du Roule, rue II 434
 - Thiers, rue II 431
 - Tokio, avenue II 432
 - Trianon I 361
 - Trocadéro (métro) II 437
 - Troyon, rue II 431
 - Turbigon, rue de II 432, 436
 - Union, rue II 338
 - Vavin, rue II 342
 - Victor Hugo, avenue II 428
 - Vieux-Colombier Pont-de-Sèvres, route du II 431
 - Villa Chanez II 430, 431
 - Villa Trocadéro II 437
 - Visconti, rue II 340, 503
- Парма I 388
- Петербург I 123, 124, 227, 272; II 7
– 6-я Рождественская ул. I 122
- Петергоф I 227
- Петроград I 274
- Польша I 259
- Понтайяк II 427, 512
- Португалия I 379
- ПРАГА** II 285, 302
- Вацлавское предместье II 324
 - Ечная ул. II 324, 325
 - Карлово предместье II 324
 - Сокольская ул. II 324
 - Podskalská II 429
 - Salmovska II 325
 - Vinohrady II 293
- Псков I 286
- Ревель II 187, 188
- Реймс I 368; II 105
- Рейн II 298
- Ривьера II 337
- Рижский залив II 410
- Рим I 168, 366
- Россия I 57, 71, 169, 174, 177, 185, 261, 262, 276, 296, 313, 388, 398, 400, 414; II 15, 29, 36, 38, 54, 56, 91, 94, 202, 223, 252, 266, 284, 285, 298, 299, 334, 337, 339
- Ростов-на-Дону II 82, 83, 206
- Рузаевка I 338
- Сахара I 280
- Святая Елена, остров II 43, 446, 447
- Святые Горы I 109, 113
- Севастополь II 71
- Северное море II 443
- Сен-Лоран II 337, 501
- Серпухов I 113; II 46
- Сибирь I 220
- Симферополь I 432
- Сиракузы I 154
- Сицилия I 63; II 159
- Средиземное море II 446
- Стокгольм I 76
- Страсбург II 34
- Таганрог II 188
- Тамбов II 102, 123
- Тамбовская губ. I 272; II 254
- Таруса I 71, 256; II 45, 140
- Тионвиль I 371
- Тобольск II 278
- Урал I 333
- Усень-Ивановский завод II 47, 459, 463
- Усмань I 272, 273, 274, 276
- Уфимская губ. II 20
- ФЕОДОСИЯ** I 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 57, 59, 61, 63, 64, 67, 68, 69, 73, 74, 76, 77, 79, 87, 178, 180, 185, 340, 353, 432; II 17, 47, 83
- Итальянская ул. I 34, 50, 58, 64; II 47
 - Караимская слободка I 40
 - Карантин I 40
 - Суворовская ул. I 64
- Фивы II 306
- Финский залив II 410
- Флоренция II 150, 172, 180

- Франкфурт *II* 35
 Франция *I* 177, 182, 358, 365, 382–383, 397; *II* 34, 298, 353
 Фрейбург *I* 12, 254, 348; *II* 273, 274
 Харьков *I* 109, 179, 227; *II* 238
 Царское Село *II* 36
 Чехия *II* 269, 285, 406, 443
 Шварцвальд *I* 413; *II* 159
 Швеция *I* 414, 447; *II* 17, 67, 443, 445
 Шишкеев *I* 337
 Штеттин *II* 187
 Эльзас—Лотарингия *I* 68
 Ютландия *II* 445, 517
 Ялта *I* 9, 11, 19, 24; *II* 44
 Япония *I* 234; *II* 148
 Allemand *II* 383
 Allemanta *II* 448
 Angleterre *II* 433
 Autriche *I* 401
 Azoff *I* 401
 Bel Oeil *I* 364
 Berlin *II* 293
 Bruxelles *I* 383
 Cotentin *I* 370
 Constantinople *I* 260; *II* 382
 Deutschland *II* 404
 Ecosse *II* 428
 France *I* 262, 401; *II* 383
 Hildesheim *II* 7, 455
 Horni Èernošice *II* 322
 Italia *II* 448
 Kamtchatka *I* 398
 Karlsbad *II* 427
 Kattegat *II* 448, 518
 Kyrfleck *II* 428
 Lacanau—Océan *I* 375
 Leningrad *II* 448
 Mosca *II* 448
 Moscou *I* 364
 Moskowa *I* 401
 Nervi *II* 43, 44
 Paris *II* 370, 426, 436–438
 Pathmos *II* 286, 496
 Praha *II* 429
 Riga *I* 398
 Russie *I* 399, 401; *II* 383, 435
 Sesenheim *II* 35, 461
 St. Hélène *I* 444, 446
 Suffolk *II* 433
 Théodosie *II* 383
 Toulon (Var) *II* 340
 Vienne *I* 364, 383
 Villa Belvédère *II* 429
 Weisser Hirsch *I* 12, 358, 359; *II* 297, 497
 Zasmuky *II* 326

УКАЗАТЕЛЬ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

- Александровское училище *I* 281
 Американский очаг (Париж) *II* 430, 512
 Архив министерства юстиции *I* 66, 474
 «Астория», ресторан (Феодосия) *I* 180
 Белая Гвардия *I* 262
 Большой зал Консерватории *I* 447
 Большой театр *I* 59, 471
 Бориса и Глеба, церковь *I* 321; *II* 91, 295
 «Бубны», кафе (Коктебель) *I* 112, 117, 481
 «Великого Совста Ангел», часовня Спасителя *I* 273, 502
 Венский конгресс *I* 383, 528–529
 «Вестник бедноты», газета *I* 286
 Вижель *I* 183, 190, 492
 Вознесения, церковь *II* 227
 Воинское управленис (Феодосия) *I* 37
 «Возрождение», газета *II* 436, 514
 Вольтер, кафе *II* 351, 504–505
 «Воля России», журнал *II* 326
 Воскресения Христова, церковь (Мёдон) *II* 402
 Воскресения, церковь *I* 436
 Воспитательный дом *I* 145, 153, 155, 157, 160, 163, 483
 «Всегда вперед», газета *I* 296
 Вторая (2^м) Студия МХТ *I* 297, 506; *II* 140
 Гимназия (Париж) *II* 431
 Госпиталь (Кунцево) *II* 51–53, 55, 58

- Государственное издательство (Госиздат) *II* 205
- Дворец искусств (дом гр. Соллогуба) *I* 285, 348, 357, 424, 427, 428; *II* 100, 112, 113, 121, 131, 142–144, 148, 156, 160, 163, 167, 168, 172, 186, 197, 230–232, 238
- Детский сад Залесской *I* 424
- Дворянский институт *I* 160
- Дом Соллогуба – см. Дворец искусств
- Женский Батальон Смерти *I* 171, 490
- «Женское дело», журнал *I* 39, 468
- «Звезда», газета *I* 416
- Земский союз *I* 99
- Зоологический сад *I* 103, 165, 202, 232, 340, 391; *II* 160, 218, 219
- Иверской иконы Божией Матери, часовня *I* 181, 243, 357
- «Известия ЦИК», газета *I* 292; *II* 428
- Ильи Пророка, церковь *II* 113, 475
- «Императрица Ирландии», пароход *I* 71, 475
- Институт Кавалерственной Дамы Чертовой *I* 272, 501–502
- Информационный отдел комиссариата по делам национальностей *I* 284–286, 295; *II* 167
- Исторический музей *I* 410
- Камерный театр *II* 94, 140
- Консерватория (Париж) *II* 432, 513
- Кооперативные товарищества *II* 148
- Королевская библиотека (Париж) *I* 367–368
- Кунцевский приют *II* 16–18, 39, 57, 59–61, 70–74, 459
- «Курская жизнь», газета *I* 180
- Лига Спасения Детей *I* 424, 448, 553; *II* 39, 57, 229
- Малый театр *I* 59, 471
- «Мария Ульянова», теплоход *II* 442, 516
- Монпленбеж (Центропленбеж) *I* 311, 510
- Морской корпус *I* 410, 548–549
- «Москва», ресторан *II* 324
- Московское Совещание *I* 175, 185, 491
- Метрополь, гостиница *I* 180
- Митридат, музей (Феодосия) *I* 40, 468
- Музей А.Н.Скрябина *II* 407, 508
- Музей Императора Александра III *I* 66, 333
- «Наполеон», мастерская *II* 298
- Наркомнац *II* 167, 275
- Народный фронт *II* 448
- «Наша Речь» (журнал?) *II* 326
- Нечаянной радости, церковь *I* 240, 496; *II* 91, 272, 273, 495
- Николо–Песковская церковь *I* 356, 429
- Ново–Девичий монастырь *I* 229, 298
- Общество спасения на водах (Феодосия) *I* 24
- Отдел изобразительных искусств (Наркомпроса) *I* 272
- Охотничий клуб (Одесса) *I* 79
- Охотничий клуб (Москва) *I* 299
- Политехникум (Прага) *II* 406
- Политехнический музей *II* 115
- «Последние Новости», газета *II* 436, 514
- Похвалы Богородицы, церковь *II* 112, 475
- «Прага», ресторан и гостиница *II* 15
- Пражская столовая *II* 9
- Пролеткульт *I* 342, 515
- Реймский собор *I* 368
- Рено, автомобильная фирма *II* 338
- Ржевской иконы Богоматери церковь *I* 259
- РОСТА *II* 262, 493
- РСФСР *II* 143
- Румянцевский музей *I* 359–360, 369, 410, 519
- «Руски архив», журнал *II* 433, 513
- «Русские Ведомости», газета *I* 184, 245, 492
- Русский Дом *II* 324, 499
- «Русское слово», газета *I* 393, 534
- «Сатирикон», журнал *II* 51
- «Свободная церковь», газета *I* 167, 490
- Совет Солдатских и Рабочих Депутатов *I* 165
- Союз писателей (Москва) *II* 37
- Союз писателей и журналистов (Париж) *II* 431
- Спаса на Бору, церковь *II* 272, 273, 495
- С.Р.Д. Республика *I* 190
- ТЕО Наркомпроса *II* 226, 490
- Типография А.И.Мамонтова *II* 52, 463
- Тиргартен (Берлин) *I* 192, 493
- «Титаник», пароход *I* 71
- Третий Интернационал *I* 358

- Третья (III) Студия МХТ I 287, 307, 310, 316; II 125
Третьяковская галерея II 111, 114
Успенский Собор II 216
Учительский институт (Феодосия) I 63
Мужская гимназия (Феодосия) I 64–65, 78, 474
Фон-Дервиз, гимназия I 27, 465
Форд, автомобильная фирма II 338
Хочкис, автомобильная фирма II 338
Храм Христа Спасителя I 279, 296, 331, 332, 366, 367, 402; II 94, 112, 272, 273, 295
Художественный театр I 298, 299; II 37
Центрожир II 58
Центросахар I 190
Центроспирт II 58
ЦИК (Центральный Исполнительный Комитет) I 291
Четвертая (IV) гимназия II 15
Чека (Чрезвычайная Комиссия) II 56, 278
Эйнем, фабрика II 272, 273
Эрмитаж, сад I 357
«Южный Край», газета I 78, 179, 477
А.Е.А.Р. (Ассоциация революционных писателей и артистов) II 437
Biblion II 436
Gaumont-Palace II 435
«Lutétia», hôtel II 436
Notre-Dame I 81
«Nouvelles Littéraires» II 447, 517–518
«Paris Soir» II 433
«Roto-Motor» II 407
«Saisons» II 431
Salle Grand Orient (Salle du Grand Orient de France) II 437, 514
Temple I 407
Uni-Prix II 351, 384, 430

Содержание

Записная книжка 7	5
Записная книжка 8	95
Фрагмент записной книжки 9	263
Записная книжка 10	267
Записная книжка 11	301
Фрагмент записной книжки 12	327
Фрагмент записной книжки 13	331
Записная книжка 14	335
Записная книжка 15	439
Примечания	451
Указатель имен и названий произведений	519
Указатель географических названий	536
Указатель учреждений и организаций	540

Цветаева Марина Ивановна

Неизданное
Записные книжки
В двух томах
Том второй

Редактор *Н.П. Волкова*
Художник *В.Н. Сергутин*
Корректор *Е.И. Коротаева*
Компьютерная верстка — *А.Б. Метелкин*

Ц25 ЦВЕТАЕВА М.

Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т. II: 1919–1939. / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. — М., Эллис Лак 2000, 2001. — с. 544.

ISBN 5-88889-012-X

Во второй том вошли шесть записных книжек М. Цветаевой за 1919–1939 гг. и три фрагмента 1922, 1925 и 1932 гг. Все эти документы входили в закрытую до 2000 г. часть архива М. Цветаевой в РГАЛИ и здесь публикуются впервые.

ББК 84Р

Сдано в набор 12.01.2001. Подписано в печать 28.04.2001.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Newton».
Печ. л. 34. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2352.

ЛР № 071446 от 02.06.97

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. 254-74-72. Факс: 254-26-11

ISBN 5-88880-012-X

9 785888 890127

Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена
Трудового Красного Знамени ГУПП «Детская книга»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
127018, Москва, Сушевский вал, 49.

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

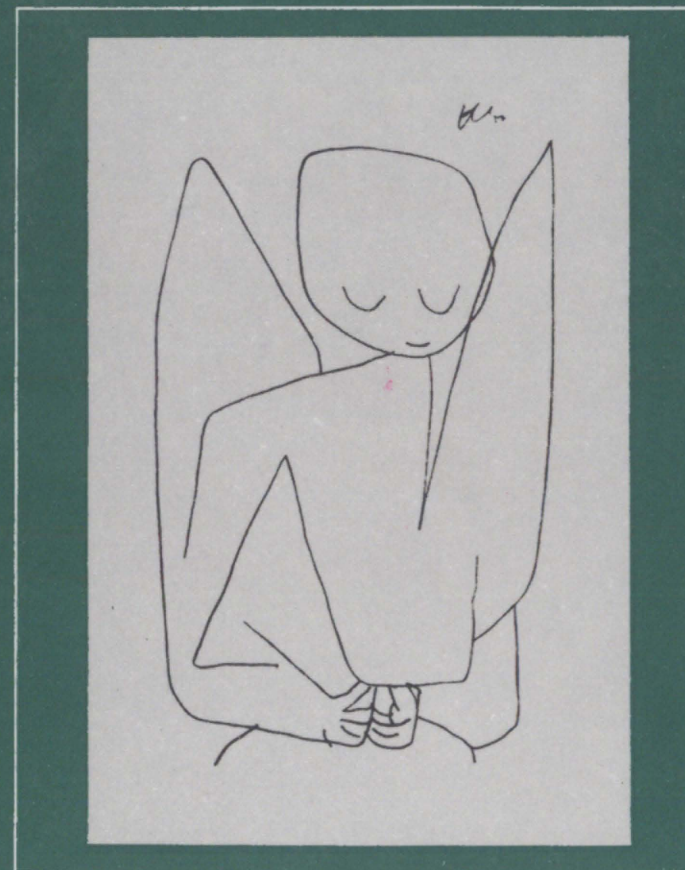
НЕИЗДАННОЕ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Том
второй

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

НЕИЗДАННОЕ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Эллис Лак

ISBN 5-88880-012-X

9 785888 890127